ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО — ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

7-8

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
1 · 9 · МОСКВА · 3 · 3

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС О ТЕНДЕНЦИОЗНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА ЭНГЕЛЬСА С МИННОЙ КАУТСКОЙ

Предисловие Института Маркса-Энгельса-Ленина
Комментарии Ф. Шиллера

Печатаемое ниже письмо Энгельса от 26 ноября 1885 г. адресовано матери Карла Каутского, немецкой писательнице Минне Каутской, известной в 80-х — 90-х годах своими романами на социальные темы. Письмо Энгельса написано в связи с получением им от Каутской экземпляра ее романа «Старые и новые».

Письмо печатается по фотокопии, хранящейся в Институте Маркса-Энгельса-Ленина, и входит в состав первого тома «Архива Маркса и Энгельса».

Институт Маркса-Энгельса-Ленина

Лондон, 26 ноября 1885 г.

Дорогая г-жа Каутская!

(Разрешите мне, пожалуйста, Вас так попросту и называть: к чему таким людям, как мы с Вами, излишние церемонии?) Прежде всего сердечно Вам благодарен за дружескую память обо мне. Я очень сожалею, что наша здешняя встреча продолжалась так недолго. Уверяю Вас, что мне было бесконечно приятно познакомиться с немецкой писательницей, которая не перестала быть обыкновенной женщиной: я ведь имел несчастье знать лишь аффектированных «образованных» берлинок, которых только потому не хотелось отправить обратно на кухню, что они в конце концов наделали бы суповой ложкой еще больше бед, чем пером.

Итак, я надеюсь, что в недалеком будущем Вы снова пересечете Ламанш и мы с Вами опять побродим по Лондону и его окрестностям, рассказывая друг другу всякую всячину, чтобы наша беседа не стала уж чересчур серьезной. Я охотно верю, что Лондон Вам не понравился,— со мною когда-то было то же самое. К его сумрачному небу и сумрачным по большей части людям, к замкнутости и классовой разобщенности в общественном быту, к жизни в закрытых помещениях, как того требуют климатические условия, привыкаешь с трудом. Надо сначала несколько обуздать принесенную с собой с континента жизненную энергию, понизить барометр жизнерадостности примерно с 760 до 750 миллиметров, чтобы постепенно втянуться во все это. А когда понемногу свыкнешься с окружающим, начинаешь находить в нем и положительные стороны и видишь, что люди здесь в общем прямее и надежнее, чем где-либо, что ни один город не приспособлен для научных занятий более, чем Лондон, и что отсутствие полицейских придирок окупает многое. Я знаю и люблю Париж, но если бы мне пришлось выбирать, то для постоянной жизни я предпочел бы Лондон. Чтобы всецело наслаждаться парижской жизнью, нужно самому стать парижанином со всеми его предрассудками, с его интересом в первую очередь к чисто па-

рижским делам, с его привычкой верить, что Париж — пуп земли, начало и конец вселенной. Лондон не так красив, как Париж, но зато он величественнее, это — настоящий центр мировой торговли, и к тому же он гораздо разнообразнее. Лондон допускает далее полную независимость от всего окружающего, столь необходимую для научной и даже художественной беспристрастности. О Париже и Вене мечтают, Берлин ненавидят, к Лондону испытывают нейтральное чувство равнодушия и объективности. Это тоже чего-нибудь да стоит.

Кстати о Берлине. Я рад, что этой злосчастной дыре удается наконец стать мировым городом. Но Рахиль Варнгаген сказала еще 70 лет назад: в Берлине все убого, и Берлин хочет повидимому показать миру, до какой степени убогим может быть мировой город. Отравите всех образованных берлинцев и создайте там чудом хотя бы сносную обстановку, перестройте весь город снизу доверху, — тогда быть может и выйдет что-нибудь приличное. Но покуда там говорят на этом диалекте, вряд ли это удастся.

«Старые и новые»,— за которые Вам сердечно благодарен,— я прочел. Жизнь рабочих соляных копей описана так же мастерски, как и жизнь крестьян в «Стефане». Картины венского общества большей частью тоже очень хороши. Вена ведь единственный немецкий город, где есть общество. В Берлине имеются только «известные круги», а еще больше неизвестные, и поэтому там есть почва только для романа из жизни литераторов, чиновников и актеров. Не развивается ли мотивировка действия в этой части Вашего произведения местами несколько поспешно,— Вам судить легче, чем мне. Многое, что производит на нашего брата такое впечатление, в Вене с ее своеобразно интернациональным характером, насыщенным южными и восточноевропейскими элементами, является вполне естественным. Характеры той и другой среды обрисованы с обычной для Вас четкостью индивидуализации. Каждое лицо — тип, но вместе с тем и вполне определенная личность, — «этот», как сказал бы старик Гегель. Так оно и должно быть. Однако беспристрастия ради я должен найти что-нибудь отрицательное, и тут мне приходит на память Арнольд. В самом деле, он чересчур безупречен, и если он в конце концов погибает, упав с горы, то примирить это с поэтической справедливостью можно разве лишь тем, что он был слишком хорош для этого мира. Но всегда скверно, если автор влюблен в своего героя, и мне кажется, что в данном случае Вы отчасти поддались этой слабости. Эльза еще носит на себе черты личности, хотя тоже несколько идеализирована, но в Арнольде личность вовсе растворяется в принципе.

Корни этого недостатка чувствуются впрочем в самом романе. Очевидно Вы испытывали потребность публично заявить о своих убеждениях, засвидетельствовать их перед всем миром. Это Вы уже сделали, это уже осталось позади, и в такой форме Вам нечего повторять об этом. Я ни в коем случае не противник тенденциозной поэзии, как таковой. Отец трагедии Эсхил и отец комедии Аристофан были оба ярко выраженными тенденциозными поэтами и точно так же Данте и Сервантес, а главное достоинство «Коварства и любви» Шиллера в том и состоит, что это первая немецкая политически-тенденциозная драма. Современные русские и норвержские писатели, которые пишут превосходные романы, сплошь тенденциозны. Но я думаю, что тенденция должна вытекать из положения и действия сама по себе, без особых на то указаний и что писатель не обязан навязывать читателю будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов. К тому же в наших условиях роман обращается преимущественно к читателям из буржуазных, т. е. не относящихся прямо к нам, кругов, а поэтому и социалистический тенденциозный роман целиком выполняет, на мой взгляд, свое назначение, добросовестно описывая реальные взаимоотношения, разрушая условные иллюзии на их счет, расшатывая оп-

London 26 Novbr. 1885.

Liebe Frau Kautsky

(Bitte gestatten Sie mir diese einfache
Anrede, wozu sollen zwei Leute wie wir
noch Schnörkel machen.) Vorab meinen
verspäteten Dank für die freundlichen Zeilen in
der Sie meiner gedachten. Es hat mir sehr
leid gethan nicht länger mit Ihnen hier zusammen
sein zu können, ich versichere Sie es hat
mir ordentlich wohl gethan einmal eine deutsche
Schriftstellerin kennen zu lernen die nicht auf-
geschraubt ist eine einfache Frau zu sein – ich hatte
ja das Unglück in dieser Beziehung mit affektirten
gebildeten Berlinerinnen bekannt zu sein,
von der Sorte, der man nur deshalb nicht den
Kochlöffel wieder in die Hand geben möchte
weil sie am Ende damit noch mehr Unheil
anrichten würden wie mit der Feder. Und
so hoffe ich daß Sie über nicht gar zu lang wieder
einmal über die schmale Wasser kommen
und ich dann mit Ihnen ein bißchen durch
London herumgehen und streifen könnte wie
noch allerhand Schnurren ergötzen, damit

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА ЭНГЕЛЬСА К МИННЕ КАУТСКОЙ ОТ 26 НОЯБРЯ 1885 г.
Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

тимизм буржуазного мира, вселяя сомнение в вечном господстве существующего порядка, — хотя бы автор и не предлагал при этом никакого определенного решения и даже иной раз не становился явно на чью-либо сторону. Ваше прекрасное знание как австрийского крестьянства, так и венского «общества» и удивительная свежесть изображения того и другого найдет здесь для себя неисчерпаемый материал. А в «Стефане» Вы доказали, что умеете относиться к своим героям и с той тонкой иронией, которая свидетельствует о власти писателя над своим творением.

Но спешу кончить, чтобы не слишком Вам наскучить. У нас все по-старому. Карл [Каутский] с женой изучают физиологию на вечерних курсах Эвелинга и вообще прилежно работают; я тоже весь ушел в работу; Ленхен, Пумс и ее муж идут сегодня вечером в театр смотреть сенсационную пьесу, а тем временем старая Европа снова собирается притти в движение, — да и пора. Хочу только надеяться, что она даст мне закончить третий том «Капитала», а там — в добрый час.

С сердечным дружеским приветом и искренним уважением

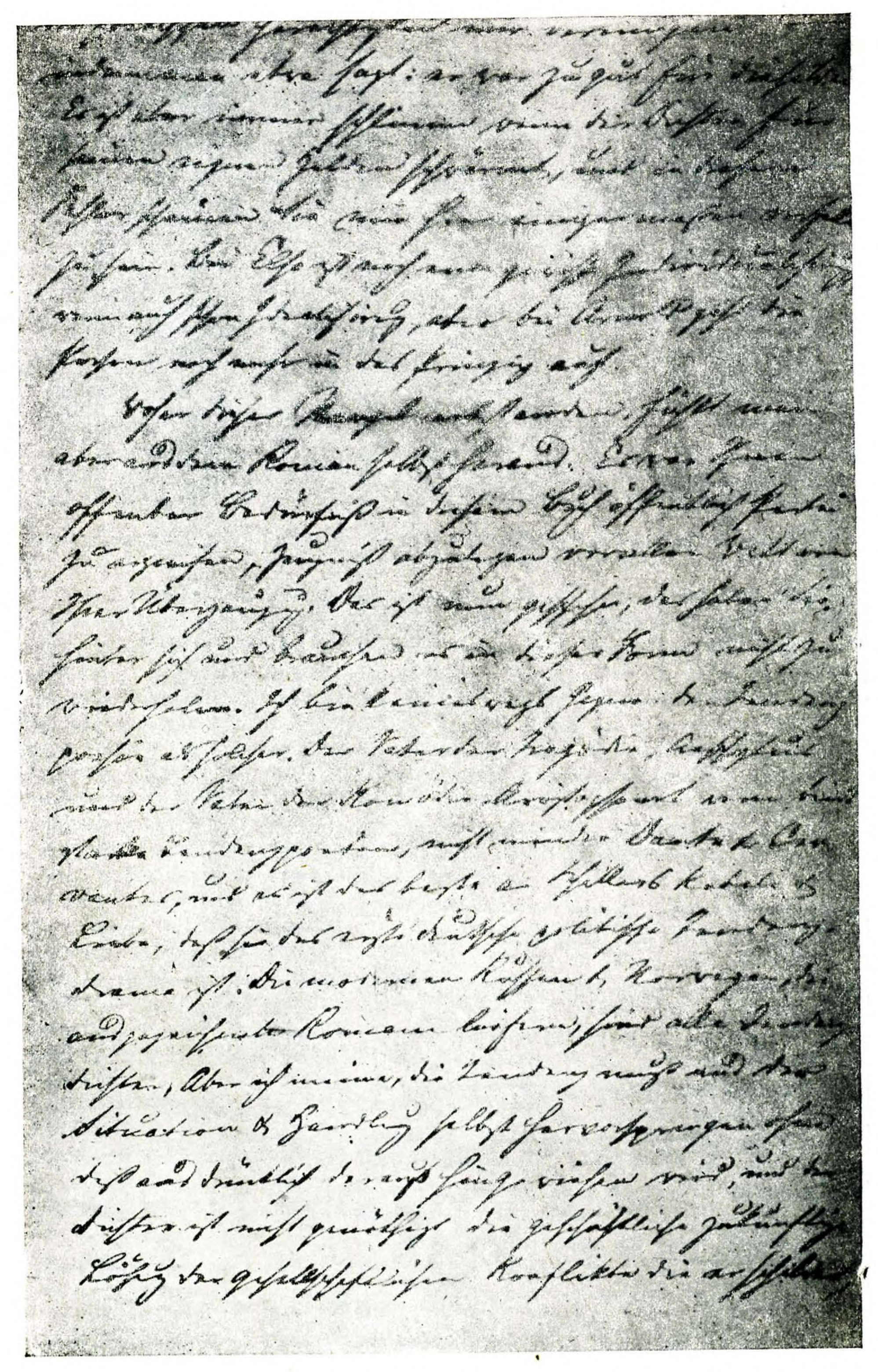
Ваш Ф. Энгельс.

ЭНГЕЛЬС О ТЕНДЕНЦИОЗНОСТИ И ДРУГИХ ВОПРОСАХ МАРКСИСТСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Публикуемое здесь впервые письмо Энгельса от 26 ноября 1885 г. к Минне Каутской, матери Карла Каутского, ставит и разрешает на конкретном анализе художественных произведений ряд важнейших вопросов марксистского литературоведения: проблему тенденциозности и партийности в литературе, изображения личности и коллектива, правдивой и идеализирующей трактовки действительности и т. д. Эти темы затрагиваются и в других литературоведческих высказываниях Энгельса, но в настоящем письме они получают исключительно четкую формулировку и развивают взгляды Маркса и Энгельса на литературу и искусство, изложенные в других их работах. Настоящее письмо, хотя в нем разбирается художественное произведение непролетарского писателя и хотя оно относится к 80-м годам и исходит из задач, стоявших в то время перед литературой пролетарской партии, — имеет чрезвычайно актуальное значение и для нашего времени. Энгельс, стесненный рамками частного письма, вынужден давать краткие формулировки, но каждое его указание и даже намек в этом письме приобретают большую важность, если увидеть все скрывающиеся за ними проблемы. Чтобы понять их до конца, прежде всего необходимо хотя бы вкратце ознакомиться с творчеством Минны Каутской в разбираемом Энгельсом романе и уж затем перейти к общим принципиальным проблемам, затронутым в письме, и связать их с теоретическими и политическими вопросами марксистско-ленинского литературоведения.

I

Минна Каутская (1835—1912) была одной из самых плодовитых и популярных писательниц старой германской и австрийской социал-демократии. Она, как выражается Меринг, принадлежала к «старой гвардии» сотрудников «Neue Zeit». Действительно, в 80-х годах она писала в теоретическом органе партии на самые разнообразные темы (иногда под псевдонимом Вильгельм Винер): о спиритизме, защите птиц, немецком театре нового времени, выставке картин Василия Верещагина; помещала критические статьи и рецензии (о Ф. Геббеле, Алекс. Килланде), а в литературном отделе журнала опубликовала ряд новелл. Особенно деятельное участие принимала она в беллетристических отделах партийных газет и в популярных журналах германской и австрийской социал-демократии. Большие ее новеллы и романы выходили и отдельными книгами [1].



[illegible]

Es ist aber immer schlimm, wenn die Dichter für ihren eigenen Helden schwärmen, und in diesen Fehler scheinen Sie mir hier einigermaßen verfallen zu sein. Die Elsa [illegible] auf.

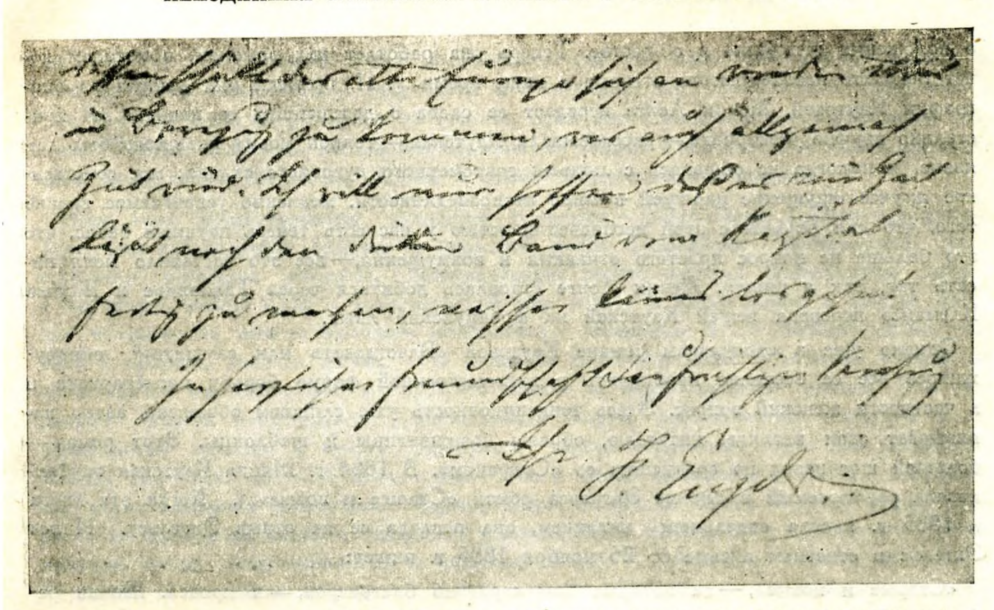
Woher diese Schwäche kommt, sieht man aber aus dem Roman selbst heraus. Sie haben offenbar Bedürfniß in diesem Buch öffentlich Partei zu ergreifen, Zeugniß abzulegen vor aller Welt Ihrer Überzeugung. Das ist nun geschehen, das haben Sie hinter sich und brauchen es in dieser Form nicht zu wiederholen. Ich bin keineswegs Gegner der Tendenzpoesie als solcher. Der Vater der Tragödie, Aeschylus, und der Vater der Komödie, Aristophanes, waren beide starke Tendenzpoeten, nicht minder Dante und Cervantes, und es ist das beste an Schillers Kabale und Liebe, daß sie das erste deutsche politische Tendenzdrama ist. Die modernen Russen und Norweger, die ausgezeichnete Romane liefern, sind alle Tendenzdichter. Aber ich meine, die Tendenz muß aus der Situation und Handlung selbst hervorspringen, ohne daß ausdrücklich darauf hingewiesen wird, und der Dichter ist nicht genöthigt, die geschichtliche zukünftige Lösung der gesellschaftlichen Konflikte, die er schildert,

СТРАНИЦА ПИСЬМА ЭНГЕЛЬСА К МИННЕ КАУТСКОЙ ОТ 26 НОЯБРЯ 1885 г., ПОСВЯЩЕННАЯ ВОПРОСАМ ТЕНДЕНЦИОЗНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ

Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

СТРАНИЦА ПИСЬМА ЭНГЕЛЬСА К МИННЕ КАУТСКОЙ ОТ 26 НОЯБРЯ 1885 г. ПОСВЯЩЕННАЯ ВОПРОСАМ ТЕНДЕНЦИОЗНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ

Институт Маркса-Энгельса-Ленина. Москва



ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА ЭНГЕЛЬСА К МИННЕ КАУТСКОЙ ОТ 26 НОЯБРЯ 1885 г.
Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

Минна Каутская вращалась долгое время в аристократически-буржуазной среде. Она была дочерью декоратора Антона Яйша в Граце, переселившегося в 1845 г. в Прагу. Призванием ее была сцена, но отец был против этого, и она вынуждена была ограничиваться участием в любительских спектаклях. Выйдя в 1854 г. замуж за художника Иоганна Каутского, она поступила в театр в Ольмюце и выступала в Праге, Зондергаузене и Берлине. В 1862 г. она из-за болезни легких оставила сцену: в 1863 г. ее муж получил приглашение в Вену, и Минна Каутская переехала в Вену, где и прожила до 1900 г. Около этого времени она начинает интересоваться литературой, занимается общественными вопросами и примыкает к социалистическому движению. Первый ее роман, затрагивающий социальные проблемы,— «Стефан фон Гриллентоф»[2]. «Стефан» наиболее революционный ее роман, содержащий реалистическую характеристику крестьянства, его быта, жизни и борьбы.

Этот роман Минна Каутская повидимому послала Марксу и Энгельсу через молодого Карла Каутского, бывавшего в 1881 г. в Лондоне. О том, как они отнеслись к роману, свидетельствует настоящее письмо Энгельса, а также записочка Маркса к Минне Каутской от 3 октября 1881 г., с которой он послал ей рекомендательное письмо к своей дочери Женни Лонге в Париже. Маркс пишет: «Ваш сын верно передал Вам, что вся моя семья восхищается Вашими произведениями». Некоторую роль в этой оценке сыграла конечно обычная вежливость, но тем не менее нельзя не признать, что в ту эпоху «Стефан» действительно имел большое значение для пропаганды социалистических идей. После того как Минна Каутская побывала у дочери Маркса в Аржантейле под Парижем, Женни Маркс-Лонге в письме от 4 октября 1881 г. к своему мужу, Шарлю Лонге, сообщает ряд интересных сведений о жизни и деятельности Каутской. Вот несколько выдержек из этого письма: «У меня была г-жа Каутская, автор одного из замечательнейших, по мнению папы, современных романов — «Стефан фон Гриллентоф», романа, действительно проникнутого новым мировоззрением с его великими социальными чаяниями. Эта дама писала папе, чтобы узнать о нашем адресе, и была очень разочарована, не застав тебя. Она приехала в Париж из своего спокойного немецкого домика, нарушив привычный уклад своей жизни. В ней нет ничего от femme de lettres. Она надеется встретиться здесь с людьми, которые пожелали бы ознакомить французскую публику с ее сочинениями (она только что опубликовала вторую книгу)... Ее вторая книга посвящена вопросу

о положении женщины в обществе. Теперь она работает над романом, в котором хочет показать необходимость атеизма в наше время...». И, приведя ряд данных из биографии Каутской, Женни Лонге передает ее слова о дальнейших ее планах: «Я пристально изучаю Фейербаха,— рассказывала Каутская,— толчок моему развитию был дан извне, я никогда не общалась с людьми современного духовного склада; мое собственное жгучее ощущение царящей в мире несправедливости, медленно усваиваемое знание того, что для борьбы с этой несправедливостью у нас есть теперь научный базис, что это больше не вопрос простого отчаяния и возмущения,— все это заставило меня писать так, как я пишу». Женни Лонге старалась добиться через Талландье и Жоржа Клемансо перевода вещей Каутской на французский язык.

Однако уже в следующем романе Каутской «Властвовать или служить»[3] обнаружилось все ее бессилие изобразить в художественной форме борьбу пролетариата и в частности женский вопрос. Здесь тенденциозность уже слишком обнажена, автор навязывает свои взгляды читателю, образы безжизненны и шаблонны. Этот роман — большой шаг назад по сравнению со «Стефаном». В 1884 г. Минна Каутская опубликовала разбираемый в письме Энгельса роман «Старые и новые»[4]. Когда эта книга в 1885 г. вышла отдельным изданием, она послала ее на отзыв Энгельсу. И вот Энгельс в ответном письме от 26 ноября 1885 г. пишет:

«Старые и новые», — за которые Вам сердечно благодарен, — я прочел. Жизнь рабочих соляных копей описана так же мастерски, как и жизнь крестьян в «Стефане». Картины венского общества большей частью тоже очень хороши... Не развивается ли мотивировка действия в этой части Вашего произведения местами несколько поспешно,— Вам судить легче, чем мне. Многое, что производит на нашего брата такое впечатление, в Вене с ее своеобразно интернациональным характером, насыщенным южными и восточноевропейскими элементами, является вполне естественным. Характеры той и другой среды обрисованы с обычной для Вас четкостью индивидуализации. Каждое лицо — тип, но вместе с тем и вполне определенная личность, — «э т о т», как сказал бы старик Гегель. Так оно и должно быть».

Действительно лучшими частями романа являются главы о жизни австрийских рабочих соляных копей, живущих под гнетом эксплоатации предпринимателей и моральным давлением церкви, под вечной угрозой увольнения за каждое слово протеста или за «дерзость», проявившуюся в чтении газет или книг. В реалистических тонах выдержаны картины обыденной жизни рабочего поселка. Каждый из изображенных рабочих — индивидуум и вместе с тем тип, как пишет Энгельс; это — не образы-схемы, а люди, различные по темпераменту, воспитанию и условиям жизни. Вот старый рабочий Михель, всегда слепо уповающий на бога, никогда ничему не сопротивляющийся, безнадежно-беспомощный и принимающий все так, как оно есть. Вот дровосек Францель, верующий в возмездие на том свете и ищущий успокоения в этой «справедливости». Вот чахоточный Фридер со впалой грудью и ненавистью к эксплоататорам, Фридер, осмеливающийся мыслить, жаждущий справедливости и отомщения здесь на земле, читающий газеты и книги, сознающий классовые корни социального вопроса и этим отпугивающий от себя боязливых неразвитых рабочих. Вот классово сознательный передовой рабочий Георг, знакомый со всей «запрещенной» литературой. Словом, перед нами картина коллектива рабочих с отчетливо очерченными индивидуальностями на различных ступенях классового сознания в ранний период рабочего движения. Так же индивидуализированно очерчены и типы дворянско-помещичьей среды (граф Фалькенау и его родственники), и представитель буржуазного либерализма (барон Рейнталь). Но тем не менее и этот роман — не произведение пролетарского писателя. Для Минны Каутской борьба «старых» и «новых»— не проявление борьбы классов, а лишь борьба «двух принципов» — веры и атеизма. К старым относятся все те, кто разделяет мрачный аскетический взгляд на жизнь и верит в лучший, потусторонний мир, — это фаталисты, безропотно ожидающие смерти. Это — огромная масса трудящегося люда, стонущего под двойным гнетом материальной эксплоатации помещиков и фабрикантов и боязни вечных мук, которую старается вселить в них

церковь. Все эти «старые» живут безрадостно, они не знают наслаждений жизни. К ним же автор причисляет и всех своих действующих лиц, эгоистически уверенных в том, что они одни имеют право на счастье, одни могут пользоваться житейскими благами. Таковы например либерально-буржуазный барон Рейнталь или «свободомыслящая» дочь графа Фалькенау Елена, а также консерваторы-помещики.

Всем этим представителям принципа «старого» — феодальным графам-помещикам, буржуазно-либеральным дельцам и огромной массе трудящихся — противостоят представители принципа «нового», проповедующие вместо эгоизма действенную любовь к ближнему, вместо веры в потусторонний мир — веру в мощь науки, в лучшее будущее человечества, вместо мрачного пессимизма — убеждение в собственных силах, любовь к природе, радость жизни. «Но «старых» перевоспитывает в «новых» отнюдь не пролетарское мировоззрение, а «прогресс науки» и фейербаховский атеизм. Эта тенденция — замена пролетарского мировоззрения общим, расплывчатым понятием о необходимости атеизма и вечном «прогрессе науки» — проходит через все творчество Минны Каутской. «В XIX веке,— пишет она в одной критической статье,— современная наука сделалась движущей, формирующей силой... и таким образом наука, хотя это и не было в ее видах и интересах, вызвала эпоху величайшего капиталистического подъема, эпоху индустриализма и индивидуализма» [5]. А в дальнейшем, по мнению Каутской, та же наука приведет к победе «нового принципа» — жизнерадостного, жизнеутверждающего мировоззрения. Не связывая борьбу за это новое мировоззрение с активной борьбой рабочих за свое освобождение, она выводит «новый принцип» из имманентного «прогресса науки». Борьба между «старыми» и «новыми» в ее романе превращается в борьбу двух абстрактных, схематических принципов». При этом Каутская прекрасно знает «старый» мир и реалистически рисует картины из жизни и быта отсталых рабочих, либеральной буржуазии и высших кругов австрийской аристократии. «Новый» же мир ей незнаком, и поэтому ее характеристика «нового принципа» страдает расплывчатостью и неясностью. Его носители — напыщенные, безжизненные, схематические фигуры. Вместо конкретного показа внешних обстоятельств и классовой обусловленности, приведших действующих лиц «нового принципа» к «новому мировоззрению», она дает нам в качестве «рычагов» их развития природу и науку и превращает их борьбу за это новое в тенденциозную декламацию. Главные представители «нового» — дочь свободомыслящего философа Барра Эльза и незаконнорожденный сын барона Рейнталя Арнольд — даны как «воплощения принципа», как готовые схемы идеальных новых людей, стоящих вне общества. Эльзу мы встречаем уже подготовленной к восприятию «нового» воспитанием, данным ей отцом-философом вдали от общества, на одиноком островке. Автор представляет ее нам как «светлую девичью фигурку, в коротком, падающем складками одеянии, которое окутывает ее, как греческий хитон, и перехвачено только поясом... О потустороннем мире она ничего не знала... Созерцание природы, на которую ей открыл глаза отец, окрашивало для нее мир в самые радостные краски». Арнольда автор тоже изображает как юношу с уже сложившимся вне общественной борьбы мировоззрением, который выработал свои «новые принципы» в тиши ученых кабинетов и библиотек Лондона. Характерен его разговор при прощании со старым отцом Эльзы. Барр говорит Арнольду: «Я хорошо вас знаю, Арнольд; в вас живет как главная страсть вашего существа нечто от того духа общественности, которым некогда обладали ваши языческие предки и который опять стал обнаруживаться вместе с новым мировоззрением». На это Арнольд отвечает: «Ибо это новое мировоззрение коренится в духе общественности, оно есть сознание того, что человек распоряжается своей жизнью самостоятельно, хотя необходимые улучшения и условия общественной жизни могут быть созданы только сотрудничеством всех сил, и только объединенное таким образом человечество может предпринять борьбу против единственного, но могущественного врага — против природы».

Классово сознательными — конечно в интеллигентско-мелкобуржуазном и реформистском понимании Минны Каутской — рабочие становятся тоже не в классовой борьбе пролетариата, а через просвещение и науку. Георг, ученик философа Барра, получив-

ший в наследство его библиотеку, приходит к «новому» мировоззрению путем чтения и самообразования. Он совершенно не показан в процессе социальной борьбы, и когда рабочие соляных копей, услышав о конфискации их книг полицией, поднимают бунт, Георг больше всего озабочен тем, как бы они не расправились со шпиками и не вышли в своем возмущении из рамок законности. «Пропаганда» идеи — вот другой лозунг, который автор противопоставляет насилию. Арнольд — типичный для мелкобуржуазной идеологии образ. Когда граф Фалькенау пытается перетянуть его на службу помещичьей «рабочелюбивой» политики и предлагает ему отказаться от пропаганды самостоятельной рабочей организации, Арнольд отвечает: «Ваше превосходительство, вы требуете невозможного и даже несправедливого, ибо то, что должно свершиться, свершится без насильственной революции, без боя и кровопролития, единственно лишь благодаря пропаганде идей».

II

Сила романа Минны Каутской, повторяем, — в реалистическом изображении жизни и быта рабочих соляных копей и высших аристократических кругов немецкой Австрии. Нереалистичны, схематизированы и идеализированы носители «нового принципа». Арнольд и Эльза нежизненны: оба награждены всеми мыслимыми добродетелями и очарованиями красоты физической и душевной; это какие-то сказочно хорошие люди, и читатель относится к ним с некоторым скептическим восхищением, с трудом веря в реальную возможность их существования. Энгельс пишет в своем письме об Арнольде: «В самом деле он чересчур безупречен, и если он в конце концов погибает, упав с горы, то примирить это с поэтической справедливостью можно разве лишь тем, что он был слишком хорош для этого мира. Но всегда скверно, если автор влюблен в своего героя, и мне кажется, что в данном случае Вы отчасти поддались этой слабости. Эльза еще носит на себе черты личности, но в Арнольде личность вовсе растворяется в принципе».

Эти черты творчества Каутской вытекают из неясности, расплывчатости ее мелкобуржуазно-просветительского мировоззрения. Не стоя на последовательно марксистской точке зрения классовой борьбы, она больше ратовала за «прогресс науки» вообще, за «просвещение народа», за филантропию и жалость к низшим классам населения. Весьма характерно для ее тогдашнего образа мыслей ответное ее письмо Энгельсу. Мы его приводим здесь в отрывках, представляющих интерес для нашей темы. Она пишет из Вены 10 мая 1886 г.:

«Дорогой г-н Энгельс!

Только сегодня собралась я выразить Вам свою благодарность за Ваше чудесное письмо. Немного поздно, неправда ли? Но знаете ли Вы, почему? Потому что, во-первых, я боялась слишком живого выражения моего собственного восхищения (видите, какими осторожными делаются женщины, когда они старятся) и, во-вторых, потому, что я хотела доставить Вам успокоительную уверенность в том, что не буду, как того всегда следует опасаться со стороны писательниц, бомбардировать Вас письмами.

Ваше письмо, проникнутое такой теплой сердечностью, в котором Вы так любовно разбираете мои работы, считая их достойными обстоятельной критики, было для меня самым приятным, самым содержательным и, поскольку оно написано таким человеком, как Вы, самым лестным из всех когда-либо полученных мною. Но именно потому, что оно было мне так дорого, я не хотела злоупотреблять своим счастьем. Я всюду тайно носила это ангельское письмо («Engelbrief»[6]) с собой, как вдруг однажды обнаружила, что не могу его сыскать. Я обшарила свою папку, карманы, ящики моего письменного стола — напрасно. Вы наверное посмеялись бы, если бы видели, как я себя честила и злилась на свою неряшливость. Я уже хотела пожаловаться Вам на свое горе, но в то же время говорила сама себе: другого такого письма он тебе больше ни-

КАРЛ МАРКС С ДОЧЕРЬЮ ЖЕННИ

Фотография 1870 г.

Музей Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

когда не напишет. Я была совершенно безутешна, пока в один прекрасный день не нашла его в моем собрании писем известных людей. Сейчас оно перевязано особой ленточкой, чтобы совсем по-аристократически отличаться от остальных. Только что я его перечла...

Во время моей болезни я много занималась Геббелем — поэтом редкой силы и самобытности и подлинного потрясающего трагизма. Только сентиментальность и бессилие могут упрекать его в том, что грубая сторона природы — единственная область, где он царит полновластно, и что его проблемы безнравственны. Впрочем правильное чутье нравственного и безнравственного кажется давно уже утрачено руководящими кругами. Но истинным отдыхом и умственным освежением я обязана Вашей работе о Людвиге Фейербахе. Я прочла ее несколько раз, чтобы вполне усвоить все огромное множество изложенных и обоснованных в ней мыслей. Сколько зла причинил этот ложный идеализм, созданный столь выдающимися мыслителями! И я принадлежала к числу тех, которые одно время носились с ним, теперь же «вещь в себе» сделалась благодаря э к с п е р и м е н т у «вещью для нас» — это выражение пришлось мне очень по душе,— а Вы и Маркс дали толчок к приложению этого научного метода также и к общественному организму для изучения тех сил и законов, согласно которым он последовательно развивается, согласно которым должен развиваться.

Это — великое учение, и оно тем величественнее, что его основатели сами использовали его для ряда исследований и анализов и уже добились определенных результатов. Я конечно слишком мало понимаю, чтобы судить во всем объеме о том, что здесь подготовляется и свершается, но я во всяком случае отдаю себе отчет во всем значении этой научной теории общества...»

В этом письме Минна Каутская сама вскрывает свое непонимание основ марксизма: Маркс и Энгельс, оказывается, дали только «толчок» к применению «научного» мировоззрения и в общественных науках! Не разбираясь в действительных движущих силах общественного развития, Каутская страстно борется за «новые» принципы посредством деклараций, схематической тенденциозности, чрезмерной и надоедливой, не вытекающей из развертывания самой ситуации и борьбы общественных сил; тенденция идеализирует носителей «нового принципа», она служит лишь абстрактной пропаганде, она

превращена в орудие борьбы идей против идей, оторванных от конкретной, осознанной автором классовой борьбы, и вращается вокруг противопоставления двух абстракций резко отрицательного и ярко положительного «принципов». Не случайно указание самой Минны Каутской на свою «учебу» у Геббеля и ее чрезвычайно высокая оценка творчества этого писателя. Ее изображение борьбы неисторических, абстрактных «двух принципов» в той или иной степени связано с Геббелем. Это был один из крупнейших представителей эпигонской гегелевской эстетики, которая противопоставляла свободу вообще необходимости вообще, рассматривая положение человека в истории и личности в обществе чисто абстрактно. «Старый» и «новый» принципы Каутской напоминают надисторические категории Геббеля, одинаково охватывающие все периоды истории. И если Геббель сводит задачи трагедии к изображению «родовых мук борющегося за новую форму человечества», то у Каутской эту роль борьбы за «новую форму человечества» выполняет абстрактный «новый принцип».

Вот против такого-то понимания тенденции и партийности в литературе и выступает Энгельс — вежливо по форме, но убедительно по смыслу — в своем письме, когда он пишет: «Корни этого недостатка чувствуются впрочем в самом романе. Очевидно Вы испытывали потребность публично заявить о своих убеждениях, засвидетельствовать их перед всем миром. Это Вы уже сделали, это уже осталось позади, и в такой форме Вам нечего повторять об этом. Я ни в коем случае не противник тенденциозной поэзии, как таковой. Отец трагедии Эсхил и отец комедии Аристофан были оба ярко выраженными тенденциозными поэтами и точно так же Данте и Сервантес, а главное достоинство «Коварства и любви» Шиллера в том и состоит, что это первая немецкая политически-тенденциозная драма. Современные русские [7] и норвежские писатели, которые пишут превосходные романы, сплошь тенденциозны. Но я думаю, что тенденция должна вытекать из положения и действия сама по себе, без особых на то указаний и что писатель не обязан навязывать читателю будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов».

Это понимание тенденциозности и реализма Энгельсом — понимание, на котором мы подробнее остановимся ниже,— имеет непосредственно актуальное значение и для нашего времени. Не менее важно — особенно для современной революционной литературы в капиталистических странах — следующее место: «К тому же в наших условиях,— продолжает он в письме,— роман обращается преимущественно к читателю из буржуазных кругов, а поэтому и социалистический тенденциозный роман целиком выполняет, на мой взгляд, свое назначение, добросовестно описывая реальные взаимоотношения, разрушая условные иллюзии на их счет, расшатывая оптимизм буржуазного мира, вселяя сомнение в вечном господстве существующего порядка, хотя бы автор и не предлагал при этом никакого определенного решения и даже иной раз не становился явно на чью-нибудь сторону».

Письмо Энгельса к Минне Каутской выдержано в таком же духе, как и другие его письма на конкретные литературно-критические темы (письма к Лассалю, П. Эрнсту и М. Гаркнес), т. е. он отмечает сперва положительные стороны работ автора, в той или иной степени участвующего в социал-демократическом рабочем движении, затем переходит к критике произведения и на ошибках его старается научить писателя, показать слабые его стороны, связывая их с неясностью его мировоззренческих и эстетических предпосылок.

Как же развивалось творчество Каутской после письма Энгельса? [8] В это время она не много смыслила в марксизме, о чем и говорит сама в своем ответном письме. В некоторых ее критических работах в «Neue Zeit» 80-х годов как будто проскальзывают кое-какие мысли Энгельса. Так она пишет в статье о норвежском писателе Алекс. Килланде: «Наши эстетики совершенно забывают, что гениальнейшие писатели всех времен были тенденциозными писателями, которые вовсе не интересовались неопределенными и фантастическими явлениями, но скорее взирали на общество открытыми, ясными глазами, признавали его несовершенства и задавали вопрос «почему» и «зачем». Они наносили смертельные удары старому и отжившему и, вооруженные сильной волей, сознательно борясь, выступали на защиту новых преобразующих идей.

Если они теперь уже не считаются тенденциозными писателями, то объясняется это тем постоянно вновь повторяющимся обстоятельством, что преобразование уже произошло и истины и идеи, за которые они боролись, уже вошли в наше развитие, потеряв тем самым свою остроту» [9]. Но вопрос о тенденции в письме Энгельса поставлен в ином разрезе: речь идет не об историческом месте выдвигаемых каким-нибудь писателем идей и их осуществлении в общественном развитии, а об увязке данной идеи с мировоззрением автора и о методе ее художественного оформления в произведении. Именно здесь Минна Каутская не двинулась вперед: романы «Стефан» и «Старые и новые» так и остались лучшими ее вещами как с точки зрения революционности общего мировоззрения, так и в художественном смысле. Написанные после этого новеллы стоят ниже этих романов [10]. Популярный в свое время в социал-демократических кругах роман «Виктория» [11] не возвышается даже до уровня «Стефана» или «Старых и новых». Здесь выступает тот же рабочелюбивый мотив в истории жизни молодого художника, достигшего огромной славы, но отказывающегося от руки красивой и богатой женщины, чтобы жениться на простой фабричной девушке. Вскрывая гниль и фальшь высших буржуазных кругов, Каутская, так и не вырвавшаяся из плена своих мелкобуржуазных филантропических иллюзий, не смогла изжить свою декларативную тенденциозность. Более того: ее развитие в смысле приближения к пролетарской литературе шло не вперед, а назад, и продукция ее скоро нашла себе место в литературе полубульварного, рекламного характера, широко распространенной в реформистско-мещанском крыле германской социал-демократической прессы, особенно в популярно-беллетристических журналах. Таков ее большой роман из жизни партийных кругов «Елена» [12]. Помещение этой вещи в литературном отделе «Форвертса» немало удивило Энгельса. В письме от 21 марта 1894 г. он пишет своему старому партийному другу в Америке Ф. А. Зорге: «Читал ли ты в «Форвертсе» роман «Елена» бабуси Каутский? Она выводит на сцену массу еще живых партийных товарищей, в том числе Моттелера и его жену; это — плохой оттиск рекламных романов Грегора Самарова [13] (шпиона Мединга). Я жажду знать, пройдет ли это спокойно; меня до некоторой степени удивляет, что «Форвертс» поместил эту вещь, ведь литературный отдел цензирует мамаша Наталия Либкнехт».

Итак, от мелкобуржуазно-филантропических просветительных романов, как «Стефан» и «Старые и новые», имевших в свое время известное пропагандистское значение для социал-демократии, романов, изобразивших крестьянство и отсталых рабочих соляных копей, реалистически и с известной художественной силой, признанной Марксом и Энгельсом, до полубульварного жанра Самарова — таков творческий путь Минны Каутской. Мещанская путанность ее мировоззрения, прикрывающаяся крикливой тенденциозностью, непризнание или непонимание элементарных основ марксизма привели ее от противопоставления абстрактной борьбы двух идей к мещанско-рекламной литературе.

III

Проведя большую часть своей жизни в Австрии, Минна Каутская в 1900 г. переселилась в Берлин, где близко сошлась с Наталией Либкнехт, Юлией Бебель, Францем Мерингом и другими крупными социал-демократическими работниками. После 1894 г., т. е. после романа «Елена», она написала еще ряд романов и пьес [14], но ни одно из этих произведений не стоит на уровне «Стефана» или «Старых и новых». Ее метод неприкрытой тенденции, мещанской сентиментальности, схематизма, подмены действительной классовой борьбы столкновением «старого» и «нового» мировоззрений приобрел весьма широкое распространение во II Интернационале. Так писали многие выходцы из среды мелкобуржуазной интеллигенции, примкнувшие к социал-демократическому рабочему движению. Теоретики литературы и искусства во II Интернационале на Западе не занимались, как следовало бы, перевоспитанием этих «попутчиков». Не говорим уже о правых и центристских теоретиках на Западе (у нас к ним принадлежал например Троцкий), но даже наиболее левый критик II Интернационала Ф. Ме-

ринг говорил, что от писателя нельзя требовать, чтобы он стоял на «узко»-партийных позициях и чтобы он был марксистом.

При жизни Каутской большим уважением кроме теории Меринга в области литературы и искусства пользовались теории В. Морриса, Э. Вандервельде, К. Каутского и статьи в международном теоретическом органе марксизма «Neue Zeit». Для лучшего понимания творчества Минны Каутской и уяснения связи его с теорией искусства II Интернационала необходимо вкратце остановиться на главнейших представителях этой теории.

Прежде всего Моррис, Вандервельде и Карл Каутский все сходятся на том, что до построения социалистического общества литературе и искусству не суждено играть какой-нибудь значительной роли в борьбе пролетариата за свое освобождение, ибо «во время борьбы музы молчат». Классовая борьба неизбежно убивает искусство, для его создания нужны покой и свободное развитие индивидуальности. Эти теоретики приписывают искусству лишь потребительскую роль, понимая его как наслаждение, но не как одно из средств борьбы. О пролетарском партийном искусстве нет речи, можно говорить только о «народном» искусстве. В. Моррис, мелкобуржуазный эстетствующий индивидуалист, говорил в своем докладе «Эстетика жизни» (1896 г.): «Вполне справедливо мнение, что люди, занятые духовным творчеством, не могли бы предаваться ему, если бы у них не было сильного стремления уединиться со своим гением в сфере высокой культурности и жить счастливой жизнью в стороне от человечества, которое они презирают. Они живут как бы в неприятельской стране: на каждом шагу они наталкиваются на предметы, оскорбляющие их изощренные чувства и утонченные взгляды. Они должны разделять общее чувство недовольства,— и я очень рад этому». Такова роль художника-протестанта в классовом обществе; тут, по Моррису, важна именно индивидуалистическая сущность художественного творчества, которая должна спасти искусство в эпоху господства техники и вытеснения художественных произведений нехудожественной продукцией.

Такие же приблизительно мысли развивает и Э. Вандервельде в ряде статей и в своей книжке «Социализм и искусство». «Между тем как экономическое производство,— пишет он,— является преимущественно областью дисциплины, концентрированной деятельности, коллективной организации труда — художественное произведение требует наоборот наиболее полной и безусловной свободы индивидуального работника. Этим объясняется главным образом, почему многие художники, придерживающиеся революционных убеждений, высказывают такую склонность к анархизму»[15]. Другими словами: методы марксизма не суть методы искусства. Вандервельде объясняет нам также, почему не может быть создано новое искусство до построения социалистического общества: «В эпохи революционных переворотов реальная деятельность развивается в ущерб идеологической; эстетические формы переживают общественные условия, породившие их; новое искусство не может возникнуть прежде, чем возникнет новое общество»[16]. А В. Моррис пишет, что «когда не будет больше борьбы и кровопролития, когда возникнет искусство, созданное народом и для народа, дающее радость и творцу художественного произведения, и тому, кто им наслаждается,— тогда лишь можно будет говорить об истинном искусстве».

Вандервельде, видите ли, не совсем отвергает социалистическое искусство до построения социалистического общества. Цель искусства — наслаждение, а не борьба, но все же «воинствующий социализм» не должен «отказываться от вопросов искусства и отсылать к «социальной революции» художников, желающих улучшить свое положение, и рабочих, жаждущих духовной жизни». И Вандервельде предлагает связать эти проблемы с реформистским решением вопроса о заработной плате и о рабочем дне, т. е. заниматься просветительством в рамках буржуазной культуры, приобщив рабочий класс к наслаждению буржуазным искусством в народных домах, на «народных спектаклях», вечерних лекциях и т. д. В необходимости подобной проповеди буржуазного культурничества убеждают Вандервельде и существующие «образцы этого народного искусства», например песни коммунаров Клемана и Потье, или «сентиментальные

картинки, встречающиеся на первой странице первомайских листков и других социалистических иллюстрированных изданий». И он думает, что «воинствующий социализм» переходного периода может вложить свое содержание в старые формы буржуазного искусства, ограничиться «надеванием красного фригийского колпака на головы богинь», ибо, констатирует он, «при выражении революционных идей авторы ревностно придерживаются форм прошлого. Трудно придумать что-нибудь более рутинное, более подражательное, чем большинство пластических или литературных изображений социалистического идеала».

Довольно много писал по вопросам литературы и искусства и Карл Каутский. В главе «Искусство и природа» в книге «Размножение и развитие в природе и обществе» он рассматривает искусство прежде всего как противодействие растущему однообразию материального труда, как стремление дать человеческому духу то разнообразие в деятельности, которого требуют прирожденные склонности человека. Он еще больше, чем Вандервельде, смотрит на искусство только как на предмет потребления и наслаждения. «Чем больше растет производительность труда,— пишет он,— чем больше она оставляет человеку времени для производства излишков или для увеличения досуга, тем больше он употребляет свою производительную силу не только на изготовление необходимых средств потребления, но и на производство средств наслаждения, которые приносят ему более сильные и разнообразные возбуждения» [17].

Но Каутский вносит сюда еще два «новых» момента: это 1) биологическое начало искусства и 2) его стремление к установлению равновесия сил. Эстетическое чувство, по мнению Каутского, не есть продукт культуры, а прирождено человеку. Но человеку прирождено не только чувство наслаждения разнообразием, но и стремление к единству картины, в которой синтезируется это разнообразие. «В самой природе, от которой человек получает свои сильнейшие эстетические впечатления, он всюду находит равновесие сил или, скорее, тенденцию к постоянному восстановлению то и дело нарушаемого равновесия. Как в отдельном организме, так и в системе организмов каждая часть необходима для восстановления равновесия целого, каждая часть играет определенную роль в общем процессе. Поэтому на нас производит эстетическое впечатление только такое разнообразие, в котором все детали представляют единое целое и каждая вносит свою долю в общий результат, который представляет состояние равновесия или движение в сторону восстановления нарушеннного равновесия» [18].

В своем разнообразии и необходимой связи частей, действующих друг на друга для сохранения или установления равновесия, художественное произведение, по мнению Каутского, подражает природе. Оно отличается от нее тем, что служит определенной цели, в то время как природа не знает никаких целей. Однако «всюду мы наталкиваемся на природу как на первичный источник искусства. Напротив, область последнего кончается там, где техника и экономия начинают развивать свое стремление к упрощению и нивелировке. Где господствует экономия и доводит технику до наивысшей степени, там прекращается искусство».

Правда, этот антагонизм между искусством и экономией не уничтожает эстетической потребности; но экономика ведет к однообразию, а эстетика вызывает стремление к разнообразию. У пролетариата все больше развивается потребность в науке и искусстве.

«Но это еще не равносильно развитию особенного пролетарского искусства, которое должно превзойти буржуазное. Те определенные условия, которые убивают или, скорее, все больше заглушают в буржуазии эстетическое чувство, мешают его развитию также и в пролетариате. Вот почему вряд ли можно ожидать, что разовьется новое пролетарское искусство, которое будет выше буржуазного. Не пролетариат создает новую эпоху в искусстве. Наоборот, она будет создана только с исчезновением пролетариата» [19]. А пока Каутский советует пролетариату принять большее участие в наслаждении буржуазным искусством. Эта ликвидаторская, буржуазная по существу «теория»

искусства Каутского и Вандервельде, вытекающая из их философской концепции и тесно связанная с их политическими взглядами, имела большое влияние в правых и центристских кругах II Интернационала; с ней же соприкасается и «теория» Троцкого.

На страницах «Neue Zeit» 80—90-х годов и позже появляется множество статей по вопросам литературы и искусства. В этих статьях встречаются очень часто (Каутский был главным редактором) взгляды, соприкасающиеся с точкой зрения Морриса, Вандервельде и Каутского. Имеется также большое количество статей дискуссионного характера (особенно в связи с Золя и немецкими натуралистами). С 90-х годов, со вступления Меринга в партию, начинается огромное его влияние, сказывающееся прежде всего в большем подчеркивании классового характера литературы и искусства и их общественно-политической роли в классовой борьбе; но в 80-х годах преобладала точка зрения Каутского в «Neue Zeit» Характерно, что ряд авторов ожесточенно отрицает действенность и партийность искусства. Так Росус, против писаний которого резко высказался Энгельс, требует, чтобы социалистическая литература была надпартийной[20]. Другой автор в 1883 г. пишет в «Neue Zeit»: «В общем же не надо предъявлять поэтам слишком строгих требований в отношении политической ясности»[21]. Сам Каутский в своей статье об утопическом романе выступает против утопии, но она «вполне безвредна, и ее отнюдь не следует отвергать, пока она не притязает на определяющее воздействие на действительность, на политические и экономические бои рабочего класса, пока она хочет быть только отраслью социалистической поэзии» [22], т. е. пока она аполитична.

В то же время мы встречаем в «Neue Zeit» и статьи, ставящие вопрос о боевой тематике, активно-политическом воздействии, подчеркивающие огромное значение литературы для борьбы рабочего класса (Юлии Цадек, Р. Швейхеля, Э. Венграфа и др.). Эти требования особенно усилились в связи с выступлениями Меринга и образованием «левой» в германской социал-демократии. Но действительно марксистской постановки вопроса о партийности литературы, как его поставили Ленин и большевики, нет и в этих статьях: от кантианского и полуменьшевистского балласта не свободны даже статьи самого Меринга. И он недооценивал значения литературы в переходный период. Именно таким взглядом на литературу объясняется его сочувствие творчеству Минны Каутской, хотя он и сознавал ошибочность ряда ее положений. В некрологе о ней он пишет о ее романах: «С художественной точки зрения в них многое безусловно заслуживает порицания: иногда шаблонный остов действия, слишком безупречное великолепие любовной пары или другие условные вспомогательные средства... Эту писательницу создало не только сердце, но и гнев. И если у нее тенденция иногда разбивает художественные рамки, то это вследствие интересных мыслей, которые она — разумная женщина, вкусившая сладость и горечь жизни,— щедро черпала из кладезя своего богатого опыта... Ее сочинения останутся, правда, не в хранилище драгоценностей классической литературы, но зато в великой сокровищнице, таящей человеческие документы освободительной борьбы, участие в которой было ее радостью и гордостью» [23].

Предсказания Меринга о значении художественного творчества Минны Каутской нисколько не оправдались. Предпринятое собрание ее сочинений [24] было повидимому прервано мировой войной; ее романы уже давно потеряли всякую актуальность как в тематическом, так и в художественном отношении; народнически-просветительская их тенденция, сыгравшая определенную роль в 80—90-х годах в среде буржуазной и мещанской интеллигенции, больше никого не интересовала; оторванные от конкретного хода развития классовой борьбы пролетариата, художественно слабо оформленные, втиснутые в узкие схемы, эти романы преданы забвению и не воскреснут.

Судьба творчества Минны Каутской характерна для многих примкнувших к рабочему движению мелкобуржуазных социалистических писателей эпохи II Интернационала, а также для реформистских писателей, вышедших из пролетариата. Как мы говорили выше, с примкнувшими к социал-демократии писателями никакой политико-воспитательной работы не велось. А раз методы искусства не суть методы марксизма, раз переходный период от капитализма к социализму не может быть периодом творческим, раз пролетарская литература до захвата власти пролетариатом вообще невозможна, раз

задача социалистического писателя состоит в «надевании красного фригийского колпака на головы богинь»,— то вполне понятно, что эти мелкобуржуазные «попутчики» писали или в духе левобуржуазного творчества, или же обслуживали ежедневные нужды и очередные празднества социал-демократии лозунговой, поверхностно-тенденциозной литературой, которая становилась все более реформистско-мещанской по мере превра-

3 October 1881.
41 Maitland Park Road.
London. N. W.

Hochverehrte Frau,

Ich sende Ihnen einliegend einige Zeilen für meine Tochter. Argenteuil ist ganz nahe bei Paris, ungefähr 20 minutes Reise von der Gare St. Lazare.

Ich würde mir erlaubt haben, Sie zu einem Aufenthalt in meinem Haus in London einzuladen, — und Ihr Sohn wird [illegible] haben [illegible] die ganze Familie Ihre Werke bewundert — wenn nicht eine schreckliche, ich fürchte fatale Krankheit meiner Frau sozusagen unseren Verkehr mit der Aussenwelt unterbrochen.

Mit den aufrichtigsten Wünschen für Ihr Wohlergehen

Ihr ergebenster

Karl Marx

ЗАПИСКА МАРКСА К МИННЕ КАУТСКОЙ ОТ 3 ОКТЯБРЯ 1881 г.
ОБ ЕЕ РОМАНЕ «СТЕФАН»

Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

щения германской социал-демократической партии в партию оппортунистическую. Были конечно и мелкобуржуазные, и рабочие поэты, связанные с левым крылом партии, выступавшие с революционными, классово заостренными лозунгами. Но Минна Каутская принадлежала не ко второй, а к первой категории социалистических писателей.

IV

В письме Энгельса к Минне Каутской поставлен и разрешен ряд важнейших проблем маркисистского литературоведения. И здесь, как и во всех других своих литературно-критических высказываниях, Энгельс заостряет вопрос о роли мировоззрения и партийности в литературе и искусстве. С первого же своего выступления как критика-марксиста в работах о поэзии «истинного социализма» 1845—1847 гг. и до самой смерти, в 1895 г., Энгельс все время подчеркивал огромную роль мировоззрения. Все величайшие создания мировой литературы насквозь проникнуты мировоззрением определенных общественных классов. И чем ярче и четче художественное оформление

этого мировоззрения в произведении, тем это произведение ценнее. Наоборот, эмпиризм, любование деталями, замена историзма своевольными философскими конструкциями, замена реалистического изображения действительности и борьбы классов идеализирующими действительность фантазиями, замена партийности крикливой субъективистической тенденциозностью, — все эти черты, например в творчестве поэтов «истинного социализма», Энгельс связывает с неясностью и мещанской сущностью их мировоззрения и с недоразвитостью общественных классовых противоречий в тогдашней Германии.

Тут, в письме к Каутской, можно на первый взгляд подумать, что Энгельс не придает значения партийности в литературе и даже как будто считает, что она влияет отрицательно на художественную ценность литературного произведения. Но на самом деле это не так. «Очевидно Вы испытывали потребность,— пишет он Каутской, — публично заявить о своих убеждениях, засвидетельствовать их перед всем миром. Это Вы уже сделали, это уже осталось позади и в такой форме Вам нечего повторять об этом» (разрядка моя. — *Ф. Ш.)*. Если припомнить, с каким путанным, мелкобуржуазным, народнически-просветительским мировоззрением (вера в «прогресс науки» вообще и фейербаховский атеизм) писала Минна Каутская свой роман «Старые и новые», то станет ясно, почему Энгельс просил ее «в такой форме» не повторять изложения своих партийных взглядов. Ибо по Каутской выходило, что социальные противоречия и борьбу общественных групп «старого» мира следует изображать с некоторым объективным реализмом и к нему уже пристегивать схематически-тенденциозных декламаторов, носителей «нового принципа», которые и должны выражать партийные идеи автора.

С вопросом о мировоззрении и партийности в литературе теснейшим образом связана проблема тенденциозности. И настоящее письмо Энгельса из всех его высказываний на эту тему дает пожалуй наиболее четкую формулировку его взгляда. Устанавливая, что все великие писатели от античной Греции до конца XIX в. были насквозь тенденциозны, Энгельс однако прибавляет: «Но я думаю, что тенденция должна вытекать из положения и действия сама по себе, без особых на то указаний и что писатель не обязан навязывать читателю будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов». Это опять-таки значит, что мысль, которую писатель хочет доказать, не должна носить характера субъективного проповеднического навязывания читателю или зрителю определенной тенденции, не вытекающей из самого действия. В этом отношении наверно представляла бы значительный интерес пьеса, написанная Энгельсом в 1847 г. и поставленная на сцене Брюссельского немецкого рабочего союза. По словам одного рабочего, члена «Союза коммунистов», присутствовавшего на постановке этой пьесы, она с удивительной ясностью показывала неизбежность событий, наступивших несколько месяцев спустя — в феврале 1848 г. К сожалению эта вещь не дошла до нас. Но из всех сохранившихся высказываний Энгельса по вопросам драмы и из всего его понимания природы художественного творчества вообще можно заключить, что пьеса была написана именно в духе изображения классовых противоречий того времени, что «будущее историческое разрешение общественных конфликтов» не «подавалось читателю в готовом виде», не навязывалось зрителю в каком-либо заключительном монологе, а вытекало из «ситуации и действия».

Особенно типичными представителями субъективно-идеалистической тенденциозности Энгельс считал писателей так называемой «молодой Германии». Из многочисленных его высказываний об этой «школе» приведем здесь лишь отзыв из «Революции и контрреволюции в Германии», поскольку он имеет непосредственное отношение к нашей теме. Характерно при этом, что и их тенденциозность Энгельс связывает с неясностью, путанностью, нерешительностью их мировоззрения. «На германской литературе, — пишет он, — тоже отразилось политическое возбуждение, в которое события 1830 г. ввергли всю Европу. Грубый конституционализм или еще более грубый республиканизм проповедывались почти всеми писателями того времени. Все более и более входило в привычку, особенно у литераторов низшего разбора, пополнять недоста-

ток литературного искусства в их произведениях политическими намеками, которыми обеспечивался успех у публики. Стихотворения, повести, рецензии, драмы, всякие литературные произведения были переполнены так называемой «тенденцией», т. е. более или менее робкими выражениями противоправительственного духа. В довершение путаницы понятий, воцарившейся после 1830 г. в Германии, к этим элементам политической оппозиции примешивались плохо переваренные университетские реминисценции немецкой философии и непонятые крохи французского социализма, особенно сен-симонизма. И клика писателей, преподносивших публике эту мешанину, кичливо называла себя «молодой Германией» или «новой школой». Позднее они раскаялись в своих юношеских грехах, но манера их писания не улучшилась от этого»[25].

С вопросами мировоззрения, партийности и тенденции очень тесно связан, далее, вопрос об изображении в художественном произведении личности и коллектива, характера индивидуума и массы, единичного и общего, идей эпохи и их конкретных носителей. И по поводу этих проблем Энгельс в письме к Каутской дает яркую формулировку того, как пролетарский художник должен изображать единичное и общее, личность и классовый тип. «Характеры той и другой среды обрисованы с обычной для Вас четкостью индивидуализации. Каждое лицо — тип, но вместе тем и вполне определенная личность, — «этот», как сказал бы старик Гегель. Так оно и должно быть». Этого взгляда Энгельс, как впрочем и Маркс, придерживался всю жизнь. Наиболее развернуто он дал свое понимание этих вопросов в письме к Лассалю от 18 мая 1859 г., опять-таки на примере конкретного разбора драмы последнего «Франц фон Зикинген»[26].

Энгельс и Маркс всегда стояли за большое реалистическое искусство с широким охватом действительности, с объективно-реалистическим изображением различных типов и характеров. И, исходя из этого, они соответственно ориентировались на литературное наследство прошлого. Но значит ли это, что они отрицательно относились к актуально-политической поэзии или недостаточно оценивали ее и вообще «малые формы» литературы на «злобу дня»? Ставить так вопрос — означало бы противоречить всей литературной политике и практике Маркса и Энгельса за все время их деятельности. Наравне с требованием большого реалистического искусства Маркс и Энгельс, начиная уже с первой редакторской практики молодого Маркса в старой «Рейнской газете» (1842—1843 гг.), постоянно требовали от поэтов рабочей партии и революционных писателей-попутчиков резко выраженной борьбы с противниками, требовали от них острых стрел сатиры, разоблачительного анализа, срывания масок с врагов; они требовали от поэтов партии четкой партийности и актуально-политической тематики. Обо всей этой их литературной практике как нельзя яснее свидетельствует их отношение к таким насквозь «тенденциозным» поэтам, как Гейне, Гервег, Фрейлиграт и Веерт. И недаром центральный орган партии в 1848—1849 гг., редактируемая Марксом, Энгельсом и другими «Новая Рейнская Газета» — имел самый заостренный, самый разоблачительно-сатирический, самый злободневный, «фельетонный» литературный отдел изо всех тогдашних газет. Для Маркса и Энгельса партийная газета была немыслима без политических стихов на злобу дня и литературных «малых форм». Так например, когда Маркс в 1859 г. начал принимать участие в редактировании лондонской немецкой эмигрантской газеты «Volk» и Фрейлиграт, сблизившийся в это время с противником Маркса — Г. Кинкелем — не работал в этой газете, то Маркс в письме от 13 августа 1859 г. пишет Энгельсу: «Не мог ли бы твой родственник Зибель[27] — хотя я и не очень высоко ценю его поэзию — написать небольшое стихотворение для «Volk», только не патетическое? Чтобы раззадорить Фрейлиграта, мы должны во что бы то ни стало пустить в ход какого-нибудь поэта, хотя бы нам самим пришлось подбирать ему рифмы». И Маркс и Энгельс действительно, как мы это знаем из истории их взаимоотношений с Гейне, Фрейлигратом, Гервегом, Веертом, Э. Джонсом и др., воспитывали их идеологически и нисколько не во вред художественной ценности их творчества: наоборот, как раз те их произведения, которые были написаны под непосредственным влиянием Маркса и Энгельса,

являются величайшими достижениями этих поэтов и в художественном отношении. Но Маркс и Энгельс не отказывались от своего понимания тенденции и в применении к литературе «малых форм» и злободневной политической поэзии. И здесь например Энгельс проводит четкую грань между резолюционной разоблачительной сатирой и сатирой ограниченной, субъективистически навязываемой поэтом, не разбирающимся в действительных социальных причинах высмеиваемого им «зла». Так, разбирая в 1847 г. стихотворение мещанско-«социалистического» поэта К. Бека «Песня барабанщика», Энгельс пишет: «Та же тема у Гейне была бы горькой сатирой на немецкий народ; у Бека же получилась лишь сатира на самого поэта, отождествляющего себя с немощно мечтающим юношей. У Гейне мечты буржуа намеренно были бы взвинчены, чтобы затем упасть до уровня действительности. У Бека сам поэт солидаризируется с этими фантазиями и конечно терпит ущерб, когда низвергается в мир действительности. Первый вызывает в буржуа возмущение своей дерзостью, второй успокаивает его родством душ»[28].

Маркс и Энгельс не ставили вопроса в такой плоскости: или большое эпическое реалистическое искусство — или актуально политическая поэзия и злободневные «малые формы»; и та и другая литература, согласно их взглядам, играла определенную роль в классовой борьбе. Они не ставили также вопроса о литературном наследстве прошлого в разрезе высокой оценки творчества только таких писателей, как Шекспир, Гете, Бальзак, и отрицательного отношения к Вольтеру, Дидро, Гейне. Нет, они ценили и тех и других, одних в большей степени, других в меньшей. Одни из этих писателей подходили ближе к их взглядам на правильную трактовку индивидуума и типа, личности и класса, на тенденциозность и т. д., другие — дальше; одни склонялись к одним жанрам литературы, выдвигаемой Марксом и Энгельсом, другие — к иным. Четкие высказывания Энгельса в письме к Каутской об индивидууме и типе, о тенденции и ее выражении в литературе показывают еще раз ошибочность творческих лозунгов пролеткультовских, лефовских и литфронтовских теоретиков о противопоставлении абстрактной личности коллективу, растворении «отдельных персонажей» в «комплексах событий»; они доказывают ошибочность литфронтовского отождествления личности с капелькой, тонущей в потоке (коллективе), схематичного изображения положительного и отрицательного; они показывают также ошибочность лозунга «живого человека» и замыкания в психологии индивидуума; равным образом высказывания Энгельса в этом и других его письмах несовместимы с лефовским «сбрасыванием классиков с корабля современности» или односторонней ориентировкой на великих реалистов (Толстой), или на публицистически-заостренных писателей (Вольтер, Гейне и др.). В частности из указания Энгельса на революционные драмы юного Шиллера явствует, что голое противопоставление «романтизма» и «реализма» как творческих методов «субъективного идеализма» и «объективного реализма» неправильно, не говоря уже о том, что представителем первого Шиллер может считаться в полной мере только в «Дон Карлосе», но отнюдь нельзя огульно отождествлять его творческий метод периода «бури и натиска» с классицизмом.

Еще одно место следует подчеркнуть в письме Энгельса к Каутской. Это то, где он говорит: «В «Стефане» Вы доказали, что Вы умеете относиться к своим героям с той тонкой иронией, которая свидетельствует о власти писателя над своим творением».

Из этого замечания вытекает, что, согласно Энгельсу, идеи в произведении — это мировоззрение, которое дает всей вещи ее направленность. Замечание это целиком противоречит утверждениям переверзевской школы, что кроме идей в образах в художественном произведении нет никаких других идей.

По богатству мысли и четкости формулировок ряда положений марксистского литературоведения письмо Энгельса к Минне Каутской является одним из важнейших литературоведческих документов, оставленных нам основоположниками научного социализма.

Ф. Шиллер

ЭНГЕЛЬС В КРУГУ ДЕЯТЕЛЕЙ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Сидят слева направо: д-р Вернер Симон, Фрида Бебель-Симон, Клара Цеткин, Фридрих Энгельс, Юлия Бебель, Август Бебель, Эрнст Шатнер (пасынок Бернштейна), Регина Бернштейн, Эдуард Бернштейн

Фотография 1883 г.

Музей Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Первая книга М. Каутской — историческая драма «Madame Roland», Wien, Rosner, 1878 (2 Auflage, Leipzig, 1883).

2 «Stefan von Grillenhof». Roman von M. Kautsky, 2 Teile (Neue Welt-Novellen).

3 «Herrschen oder Dienen?» Roman in 2 Bänden. Leipzig, Reissner, 1882.

4 Первоначально этот роман был напечатан в беллетристическом журнале германской с.-д. партии «Die Neue Welt» (1884), а затем вышел отдельной книгой: «Die Alten und die Neuen». Roman, 2 Bde. Leipzig, Reissner, 1885.

5 M. Kautsky, Das deutsche Theater der Neuzeit.—«Neue Zeit», II Jg. 1884, S. 107.

6 Игра слов: означает «письмо Энгельса» и «ангельское письмо».

7 Интересно отметить хорошее знакомство Энгельса с русской литературой второй половины XIX в.; кого он здесь именно имел в виду — трудно сказать, но известно, что он читал в оригинале роман «Что делать?» Чернышевского и произведения Щедрина. Кроме того он основательно проработал Державина, Пушкина и Грибоедова. Вообще же «Энгельс и русская литература» — особая тема.

8 На ряд ошибок в романах Каутской указывает и Юлия Цадек-Ромм в рецензиях в «Neue Zeit», Jg. II, 1884, S. 249—250, 538—544.

9 «Neue Zeit», Jg. VII, 1889, S. 205.

10 См. новеллы, напечатанные в «Neue Zeit»: 1) Später. Sociale Studie. (Jg. IX, 1891, Bd. I); 2) Der Pariser Garten. Novelle (Jg. IX, 1891. Bd. II); 3) Die Brillanten des Kardinals (Jg. XV, 1897, Bd. II).

11 Minna Kautsky, Visctoria. Roman. Zürich, Verlags. Magazin, 1889 (2 Aufl. Stuttgart, Dietz, 1900).

12 Minna Kautsky, Helene. Roman. Stuttgart, Dietz. 1897 (2 Aufl. ibid. 1900).

13 Грегор Самаров — псевдоним Оскара Мединга (1829—1903); в 40-х годах принимал участие в студенческом движении в Гейдельберге (кор. М. «Саксоборуссия»), во время реакции работал в отделе печати прусского министерства Ментейфеля, затем на службе у ганноверского короля: «следил» впоследствии за «настроениями» ганноверских эмигрантов в Париже. После 1871 г. написал свыше шестидесяти романов рекламно-сенсационного характера.

14 См. Minna Kautsky, «In der Wildnis», Preislustspiel (1882); «Sie schützt sich seblst», Lustspiel (1892); «Die Eder-Mitzi», Volksstück (1895); «Im Vaterhause», Roman (1904); «Die Leute von St. Bonifaz», Roman (1909).

15 Э. Вандервельде, Социализм и искусство. Перевод Е. и И. Леонтьевых. П., 1917. Кн-во «Жизнь и знание», стр. 55.

16 Там же.

17 К. Каутский, Размножение и развитие в природе и обществе. Москва, 1923. Сочинения, т. XII, стр. 107.

18 Там же, стр. 108.

19 К. Каутский, Размножение и развитие в природе и обществе.

20 Rosus, Hat unsere Literatur einer neue Blüte zu hoffen? («Neue Zeit» 1883, S. 364).

21 W. B. «Wiener Poeten wärend des Jähres 1848» (ibid, S. 472).

22 Der jüngste Zukunftsroman (ibid, 1889, S. 268).

23 F. Mehring Minna Kautsky («Neue Zeit», Jg. XXXI, Bd. I, S. 457—458).

24 Minna Kautskys gesammelte Schrifter. Volksausgabe. Nürnberg, Fränkische Verlagsanstalt, 1914, Bd. 1—2.

25 К. Маркс и Ф. Энгельс, Революция и контрреволюция в Германии. М.—Л., 1929, стр. 14.

26 Опубликовано в 3-й книге «Литературного Наследства».

27 Редикальный рейнский поэт Карл Зибель, находившийся в это время в Манчестере у Энгельса

28 Маркс и Энгельс, Сочинения, т. V, стр. 126.

ПОЛЬ ЛАФАРГ
ДВЕ ЗАБЫТЫЕ СТАТЬИ ОБ АЛЬФОНСЕ ДОДЭ

Предисловие В. Гоффеншефера

АЛЬФОНС ДОДЭ В СВЕТЕ КРИТИКИ ЛАФАРГА

I

«Революционерам-социалистам, — писал Лафарг в своем известном памфлете «Право на лень», — приходится начать такую же борьбу, какую вели философы и памфлетисты буржуазии: они должны взять штурмом социальные теории и мораль капитализма, они должны уничтожить в голове класса, призванного к борьбе, предрассудки, воспитываемые в нем господствующим классом» [1].

Для того чтобы «взять штурмом теории и мораль капитализма», необходимо было вскрыть их сущность и их происхождение, показать историческое развитие идеологии буржуазии в связи с экономическим развитием последней. И для выявления процесса становления и эволюции частнособственнической идеологии Лафарг вторгается в самые разнообразные области. Охват исторического материала, привлекаемого им для этого, характеризуется его исследованиями о мифах и первобытной культуре, о происхождении собственности и связанных с ней понятий и этических норм, с одной стороны, и злободневными памфлетами, обширными исследованиями и публицистическими статьями — с другой.

В процессе вскрытия буржуазной идеологии Лафарг не мог пройти мимо такой важной, выразительной и действенной идеологической надстройки, как художественная литература. В одном из своих писем к Николаю-ону от 1885 г. он пишет: «Я уже давно изучаю проблему влияния экономических явлений общества не только на его политические движения, но и на развитие его литературной и философской мысли» [2].

Изучая влияние экономической эволюции буржуазии на ее идеологию, он уделяет особое внимание буржуазной литературе XIX в. — одному из ингредиентов «интеллектуального багажа господствующего класса». По его свидетельству, он начал работать над этой литературой в конце 60-х годов и, как мы уже об этом говорили [3], пытался показать отображение в литературе тех этапов, которые прошло буржуазное общество, — от борьбы буржуазии с дворянством и завоевания ею политической гегемонии до расцвета промышленного капитализма и борьбы с сорганизовавшимся пролетариатом в последней четверти века.

Выступив на литературную арену в ту эпоху, когда в сознании современников еще живы были декларации романтиков и парнассцев о «бесстрастности» и «надсоциальности» искусства, Лафарг уделяет огромное внимание художнику как идеологу своего класса, конденсировавшему в себе самом и в своем творчестве специфические черты той социальной группы, идеологом которой он является. В отношении художников буржуазии он всюду доказывает, что как бы ни разнились формы проявления их идеологии, сущность этой идеологии остается все той же: она всегда отображает идеологию данной

группы буржуазии на данном этапе ее развития. Понятно, что особую остроту этот тезис имел в применении его Лафаргом к романтикам, отрекающимся от родства с буржуазией. Он доказывает это и по отношению к раннему романтизму, и по отношению к такому писателю, как Виктор Гюго.

Летом 1885 г., сидя в тюрьме Сент-Пелажи, Лафарг закончил свой памфлет «Легенда о Викторе Гюго». Опубликовать этот памфлет в том же году ему не удалось.

Написанный сейчас же после смерти Гюго, в обстановке, когда вся буржуазная критика — от консервативной до либеральной, простив ему «правые» и «левые» грехи, воспевала кумир либеральной буржуазии, памфлет Лафарга, разоблачающий буржуазную сущность «князя поэтов» и реакционность его «шарлатанских» либеральных декламаций, звучал исключительно остро и одиноко.

«У меня теперь нет вполне законченных статей, кроме статьи об общественной жизни Виктора Гюго, — пишет Лафарг Николаю-ону. — Но, — добавляет он при этом, — в ней слишком много политических и социальных нападок, и она поэтому не подойдет для вашего журнала» [4].

Статья была опубликована лишь через три года в «Neue Zeit». Во французском журнале она появилась лишь через шесть лет после ее написания и через три года после того, как она уже появилась на немецком языке. Отдельным изданием на французском языке она вышла только через семнадцать (!) лет после ее написания.

Насколько остро звучал памфлет Лафарга, видно хотя бы из примечания к нему редакции «La Revue Socialiste», в котором в 1891 г. эта статья была напечатана.

«Оценка, данная в настоящей статье Виктору Гюго, принадлежит лично автору. «Revue Socialiste», где великий поэт имеет столько почитателей, не может взять на себя за нее ответственность. Это свободная критика, допускающая и свободное возражение на нее» [5].

«Вежливая» редакция социалистического органа не заметила, что она отмежевалась не только от Лафарга, но и от Маркса, который давал Гюго такую же оценку, как и его ученик. Но как бы то ни было «свободная критика», данная Лафаргом Гюго, не могла появиться из-за весьма «несвободных» условий ее опубликования. И первой опубликованной литературно-критической статьей Лафарга явилась не эта статья, а гораздо менее острый этюд его об Альфонсе Додэ.

II

Этюд о «Сафо» был впервые напечатан (без подписи) в 1886 г. в органе французской рабочей партии «Le Socialiste», соредактором которого Лафарг являлся. Одновременно он появился (на сей раз уже за подписью автора) в «Neue Zeit».

В 1885—1886 гг. Лафарг особенно углубленно работает над проблемами возникновения и эволюции буржуазной идеологии. В 1885 г. в «Revue Philosophique» печатается его исследование «Происхождение идей добра и справедливости», в 1886 г. в «Le Socialiste» — этюд «Эволюция морали»; там же появляется его большой памфлет «Религия капитала», в котором он с максимальным «цинизмом», приведшим впоследствии «деликатного» ренегата Вандервельде и других товарищей» в великое возмущение [6], показывает сущность буржуа и его идеологии. Этюд о «Сафо» является как бы литературно-критическим дополнением к «Религии капитала», ибо роман Додэ является живой иллюстрацией к имеющемуся в этом памфлете «Поучению куртизанки», этой, как говорит Лафарг, «красы капиталистической цивилизации».

В своем романе Додэ задел весьма щекотливую для буржуазной нравственности область — жизнь богемы, «жриц любви» и их содержателей, всего того, что казалось «безнравственным» лицемерному «добропорядочному» буржуа. Но это не был обычный бульварный роман, столь распространенный в то время. Сам Лафарг ставит грань между «Сафо» и подобного рода произведениями. Брошенные им вскользь слова о социальной функции дешевого авантюрно-детективного романа для времени их написания исключительны в смысле четкости и верности характеристики этих функций.

2e année. № 57 PARAISSANT LE SAMEDI 24 Octobre 1891

LE SOCIALISTE

ORGANE CENTRAL DU PARTI OUVRIER

ABONNEMENTS
3 mois 1 fr. 50, 6 mois 3 fr., un an 6 fr.
10 CENT. le NUMÉRO

TOUT CE QUI CONCERNE LA RÉDACTION DOIT ÊTRE ADRESSÉ
AU SECRÉTAIRE du CONSEIL NATIONAL
PARIS — 26, AVENUE D'ORLÉANS, 26. — PARIS

ADMINISTRATION
98, RUE MONTORGUEIL, 98
PARIS

PARTI OUVRIER

1re Circonscription de Lille.

Election législative du 25 Octobre

Candidat de protestation

contre le massacre de Fourmies

Paul LAFARGUE

Condamné de Douai, détenu à Ste-Pélagie.

CONGRÈS ANNUEL DU PARTI

Conformément au règlement général du Parti (Titre V, art. 1) et d'accord avec les groupes lyonnais chargés par le Congrès national de Lille d'organiser le Congrès du Parti pour 1891, le Conseil national a décidé et porte à la connaissance des Fédérations, groupes et syndicats, que notre Congrès annuel s'ouvrira à Lyon, le 26 novembre prochain.

Il durera trois jours et sera clos le dimanche 29 par une grande réunion publique.

L'ordre du jour est provisoirement fixé comme suit :

Compte-rendu du Conseil national ;
Situation du Parti (Rapports des délégués) ;
Des modifications (s'il y a lieu) à apporter à son fonctionnement ;
Les résolutions du Congrès international de Bruxelles et leur application ;
Le 1er Mai 1892 et les prochaines élections municipales ;
Election du Conseil national et fixation du Congrès national pour 1892.

Les Fédérations et groupes qui auraient d'autres questions à proposer sont priés d'en donner avis au Conseil national avant le 31 octobre.

Pourront prendre part au Congrès les groupes et syndicats qui, sans être affiliés au Parti, acceptent son programme et sa tactique. Il leur suffira d'en aviser, avant le 10 novembre, soit le Conseil national, soit la commission lyonnaise.

Pour le Conseil national et par ordre,
Le secrétaire pour l'intérieur,
JULES GUESDE.

PAUL LAFARGUE

Le docteur *Paul Lafargue*, dont le Parti ouvrier a posé la candidature de protestation contre le massacre de Fourmies, se présente avec un passé de républicain et de socialiste qui répond de l'avenir.

Etudiant en médecine, Lafargue est en 1866 un des organisateurs du Congrès de Liège, qui fut la première manifestation éclatante contre l'Empire. On y arbora le drapeau noir, pour indiquer que la France était en deuil de sa liberté. Quatre années plus tard elle devait être, du fait des mêmes Bonaparte, en deuil de l'Alsace-Lorraine.

Rentré à Paris, Lafargue est poursuivi avec Jaclard, Tridon, etc., et se voit exclu de toutes les Facultés. L'Empire se vengeait lâchement en brisant sa carrière.

C'est alors que, pour terminer ses études médicales, l'étudiant, volé de ses inscriptions, va à Londres où il reçoit en 1868 le titre de docteur. Il y fait la connaissance de Karl Marx qui l'initie au socialisme scientifique et l'enrôle dans l'Association internationale des travailleurs.

Elu membre du Conseil général, Lafargue est secrétaire pour l'Espagne.

Après la Commune il se réfugie en Espagne où il est arrêté sur la demande de l'ambassade de France. Mais au bout de dix jours, le gouvernement espagnol ayant refusé de le livrer aux Versaillais, il est remis en liberté et gagne Madrid où il organise les ouvriers, collaborateur de l'organe central de l'Internationale espagnole et délégué au Congrès de Saragosse de 1871.

D'Espagne il passe en Portugal, prenant également une part active au mouvement internationaliste.

C'est comme délégué du Conseil national du Portugal et de la Fédération de Madrid qu'il figure au Congrès de la Haye en 1872 où il est chargé de défendre un projet de Fédération internationale des métiers, — grande idée qui, reprise au Congrès de Bruxelles en août dernier, a déjà été réalisée pour les mineurs, les métallurgistes, les tisseurs et similaires et les ouvriers du bois, charpentiers, menuisiers, sculpteurs, etc.

De retour à Londres, Lafargue, dont la petite fortune a été dépensée dans la propagande et l'action socialiste, doit travailler manuellement. Il se fait, pour gagner sa vie photo-lithographe et graveur.

Bien que docteur en médecine, il n'a jamais, en effet, voulu exercer, parce qu'il ne croit qu'à l'hygiène et que, n'ayant aucune foi dans les drogues pharmaceutiques, il ne veut pas exploiter les maladies de ses semblables. Plutôt que de trahir sa conscience scientifique, il a renoncé à tirer profit de son instruction médicale et de son diplôme.

L'amnistie de 1880 le ramène en France où il se donne tout entier à la propagande et à l'organisation du Parti du travail. Rien ne l'arrête. Pour avoir converti au socialisme les mineurs de l'Allier, qui sont depuis devenus assez forts pour envoyer dès 1889, Thivrier à la Chambre, il est condamné, avec Guesde, en 1883, à six mois de prison. Mais loin que l'emprisonnement, s'ajoutant à l'exil, l'ait abattu, c'est de Sainte-Pélagie qu'il publie soit seul, soit en collaboration, le *Programme du Parti* et le *Droit à la Paresse* que des adversaires comme Drumont sont obligés de ranger à côté des chefs-d'œuvres de Diderot.

La presse socialiste de France, d'Angleterre, d'Espagne, d'Italie, de Belgique, d'Allemagne, l'a pour collaborateur aussi infatigable que gratuit. Les grandes revues de tous les pays tiennent à honneur de publier ses travaux ; la *Grande Encyclopédie*, le journal *des Economistes*, la *Nouvelle Revue*, la *Revue Philosophique* dont le directeur est un professeur au collège de France, Ribot.

C'est que le militant se double d'un savant, auquel les ennemis même sont contraints de rendre hommage.

Depuis 1866 il est sur la brèche, sans un moment de défaillance. *25 ans de services* — et pas la moindre place....

Ce ne sont pas cependant les occasions qui lui ont manqué.

Après la chute de l'Empire, Ranc, avec qui il est lié, lui offre une préfecture, mais Lafargue refuse. Pourquoi ? parce que le gouvernement de la défense nationale ne lui aurait pas permis d'appliquer les réformes socialistes qu'il jugeait indispensables à l'organisation de la victoire. Lafargue réclamait, entre autre mesures de salut, la saisie des biens de tous les députés bonapartistes responsables de la guerre et de l'invasion, la suppression de tous les impôts indirects, la mise à la charge de la nation des familles de tout ceux qui, soldats, mobiles, francs-tireurs, se battaient pour la République, la paie de tous les ouvriers enrégimentés dans la garde nationale, etc. C'est, en agissant de la sorte, que l'on eut retrouvé le sublime enthousiasme des volontaires de 92 !

Ajoutons que, comme Gambetta et Ranc, Lafargue était partisan de la continuation de la guerre, même après la reddition de Paris et qu'il lutta jusqu'au bout à cet effet, dans la *Défense nationale* qu'il avait fondée à Bordeaux avec Delboy, aujourd'hui conseiller général de la Gironde.

Tel est l'homme, aussi désintéressé qu'énergique, aussi dévoué que compétent, qu'un gouvernement qui n'a de républicain que le nom, a, pour se décharger de la responsabilité des femmes et des enfants fusillés le 1er Mai, jeté en prison pour une année, et qui de sa cellule, que sa candidature aurait dû ouvrir à deux battants, fait appel aux suffrages des travailleurs de Lille pour lui permettre de se dévouer à nouveau pour les prolétaires, pour les petits, pour tous ceux qu'écrase de plus en plus l'exploitation capitaliste et financière.

Son triomphe sera un acte de justice, une leçon à des gouvernants qui continuent les abominables pratiques de l'Empire, et la meilleure préparation à des élections municipales socialistes en mai prochain.

LE SOCIALISME

(Dédié aux adversaires du Socialisme).

On a fait du socialisme un épouvantail et on a représenté les socialistes comme des croquemitaines prêchant le désordre et excitant au meurtre et au pillage. Mais ce beau temps de mensonges ridicules est passé, depuis qu'on a vu des socialistes dans la Chambre et dans les conseils municipaux de Paris et d'autres villes prenant la défense des intérêts de l'ouvrier, de l'employé, du petit commerçant et du petit industriel contre les monopoles capitalistes. On les a jugés à l'œuvre.

Etre calomnié et vilipendé est le sort de tous les partis à leur période de début. Le lendemain du coup d'Etat bonapartiste les républicains vaincus étaient des vagabonds et des criminels ; mais aujourd'hui les conservateurs briguent l'honneur de servir la république opportuniste et de s'en servir.

Le socialisme n'a pas eu besoin d'être triomphant pour devenir à la mode.

Les radicaux furent les premiers à se parer du mot socialiste, comme on met un faux nez en carnaval ; mais leur socialisme, tout flambant neuf, dure ce que durent les périodes électorales.

Le socialisme n'est pas seulement devenu une amorce électorale pour piper les votes ouvriers, il est la préoccupation de toutes les têtes pensantes.

Le pape lui-même, se souvenant que dans le moyen âge le clergé s'interposait souvent entre les seigneurs féodaux et le peuple des villes et des campagnes, dans son Encyclique revendique pour l'Eglise l'honneur d'être la protectrice des prolétaires que les patrons obligent à vivre et à travailler dans des conditions indignes de l'homme. Il déclare résolument que la question ouvrière est la question sociale du siècle et qu'elle sera résolue *par la raison ou autrement*, c'est-à-dire par la force révolutionnaire.

Le socialisme n'est pas le rêve d'esprits chimériques, il est le besoin impérieux, que ressentent les classes qui travaillent et qui produisent, d'améliorer leur sort qui va s'empirant tous les jours.

* *

Quand on introduisit les machines, on annonçait qu'elles bénéficieraient aux travailleurs et aux capitalistes. Mais la machine aux mains des patrons n'a servi qu'à centraliser l'industrie, qu'à créer de gigantesques fortunes individuelles, qu'à dépouiller l'ouvrier de la propriété de son instrument de travail, qu'à le réduire à des salaires de [illegible]

ПОРТРЕТ И ХАРАКТЕРИСТИКА ЛАФАРГА, НАПЕЧАТАННЫЕ В № 57 ГАЗЕТЫ «LE SOCIALISTE» ЗА 1891 г.

Портрет и характеристика помещены в связи с выборами в парламент сидевшего в тюрьме Лафарга как «кандидата протеста» против кровавой бойни в Фурми 1 мая 1891 г.

«Буржуазия, — говорит Лафарг, — поощряет развитие этой тупоумной и разлагающей литературы потому, что она овладевает народным сознанием, усыпляет его и, подробно политическим фокусам буржуазного радикализма, отвлекает народ от осознания своих подлинных классовых интересов».

Роман «Сафо» не был рассчитан на подобного рода воздействие. Этот роман более изыскан, и функции его характеризуются главным образом воздействием на сознание самого буржуа и на осознание им своих интересов, интересов частного собственника, в одной из наиболее интимных областей. Вот почему Лафарг обратил внимание на это казалось бы незначительное по своему социальному охвату и по своим художественным достоинствам произведение Додэ.

Роман «Сафо» пользовался большим успехом у буржуазного читателя и зрителя. Уже это одно должно было привлечь внимание Лафарга к произведению Додэ. «Литературное произведение, — говорит Лафарг в «Происхождении романтизма», — если даже оно лишено художественной ценности, приобретает высокую историческую ценность (т. е. ценность как характерный материал для исследования. — *В. Г.)*, раз оно имело успех у читателей. Критик-материалист может изучать его с уверенностью, что уловит на его страницах действительные впечатления и переживания современников»[7]. Что касается автора подобного произведения, то Лафарг говорит, что «всякий писатель, которого окружает ореолом славы всеобщее поклонение, — совершенно независимо от его литературных достоинств и недостатков, — уже тем самым приобретает большое историческое значение, становится тем, что Эмерсон называл representative (представительным человеком) класса или эпохи»[8].

Роман Додэ явился именно такого рода произведением, а сам Додэ — «репрезентативным типом», представляющим типические черты своего класса и своей эпохи. Рассказывая в связи с сюжетом «Сафо» о любовных нравах буржуазии, базирующихся на основах купли, продажи и выгоды, Лафарг указывает на то, что Додэ, претендуя на психологическую смелость, все же «не решался вскрыть череп буржуа и грубо выставить напоказ его идеал любовницы, прежде всего уже потому, что он сам слишком глубоко буржуазен, для того, чтобы выводить этот идеал,— который в сущности является и его собственным идеалом, — не смягчая краски».

Но несмотря на то, что Додэ смягчал краски и не ставил точки над и, он объективно отразил свой (и своего класса) идеал «наиболее выгодной» любовницы. Если Додэ не дерзал «вскрыть череп» буржуа, то это сделал Лафарг, «вкрыв череп» самого Додэ как «репрезентативного типа», представляющего тяготеющую к спокойной жизни, к «выгодной» любви и к более или менее постоянному и покойному любовному счастью группу средней буржуазии. И по тенденциям, проявленным в характеристике автором действий героев, Лафарг устанавливает в идеологии Додэ идеологию самого обычного буржуа, который, в отличие от умевшего жертвовать собой во имя любви средневекового дворянина, является «эгоистическим животным», даже не представляющим себе, чтобы его частнособственнические интересы могли быть нарушены.

Но всем этим не исчерпывается однако интерес этюда Лафарга о «Сафо». Исследуя художественное произведение. Лафарг брал его как единое целое, пытаясь уяснить его социальную сущность во всех его компонентах. В своих работах о романтизме он уделял большое внимание вопросам социологии языка и образов. В этюде о «Сафо» мы наблюдаем интересный подход Лафарга к тому, что можно было бы назвать социологией сюжета.

Проблема социологии сюжета — одна из важных проблем, которой Лафарг уделял большое внимание в своих работах по мифологии, фольклористике и литературе. Он вел борьбу с теми исследователями, которые пытались, абстрагируя сюжетную схему от конкретного материала, установить единообразие и неизменность сюжетов.

Анализируя в своей статье «Свадебные песни и обычаи» подобранный им из фольклора самых разнообразных народностей и относящийся к свадебным обрядам материал, Лафарг опровергает мнения ученых, выводящих эти песни и обряды из единого географического или расового центра.

«Народная песня, — говорит он, — носит в общем местный характер. Сюжет порой может быть занесен извне, но он принимается только в том случае, когда соответствует духу и обычаям тех, кто его усыновляет. Песня не может быть навязана, как новая мода на платье. У самых различных и далеких народов находили схожие песни, сказания и обычаи. Ученые предполагают, что они или передавались от народа к народу, или составляли часть их духовного состояния, которым они обладали сообща до своего разделения. — Дикари каменного века в Европе придавали своим ножам, топорам и другим кремневым орудиям совершенно ту же форму, что и туземцы Австралии. Невозможно допустить, чтобы это совпадение основывалось на традиции или заимствовании» [9]. Лафарг доказывает, что совпадение сюжетов целиком обусловлено идентичностью стадий экономического развития народов, тем, что в процессе своего развития они должны были прибегнуть к одинаковому способу производства («Экономический детерминизм Карла Маркса»).

Как известно, выдвинутая индо-европеистами теория единого языкового и фольклорного очага и «бродячих» сюжетов была с радостью извлечена из академических архивов нашими формалистами, которые в момент своего «опоязовского» расцвета подновили эту теорию и пустили ее в литературно-критический оборот. В частности, теория «бездомности», «бродячести» сюжетов и количественного ограничения сюжетных схем и построений находила в свое время горячего защитника в лице В. Шкловского («Ход коня»), пытавшегося этой теорией опровергнуть возможность подхода к фольклору и литературе с историко-материалистической точки зрения.

В свете споров с формалистами вокруг вопросов о сюжете высказывания Лафарга по этому поводу имеют для нас большое значение (они имели бы еще большее значение в разгар борьбы с формалистами, если бы наши литературоведы, вместо того чтобы апеллировать к «авторитету» Троцкого, занялись тогда изучением Лафарга).

Лафарг устанавливает социологическую обусловленность сюжета, но кроме этого Лафарг говорит о том, что нельзя изучать художественное произведение как сюжетную схему вне конкретного социально-бытового и социально-психологического художественного материала, который по этой схеме сконструирован. Решающее и специфическое — именно в этом материале и в его художественно-идеологической обработке, а не в сюжетной схеме, которая в сущности является голой исследовательской абстракцией.

В этюде о «Сафо» Лафарг практически реализует это положение применительно к одному из явлений художественной литературы буржуазии XIX в. С формалистской точки зрения в романе Додэ дело обстоит весьма просто и трафаретно: *А* любит *Б*. *Б* относится к *А* прохладно; хотя он и увлечен ее любовными чарами, он старается от нее освободиться, нарастает драматическая коллизия, в результате которой *А* может убить *Б*, *Б* может прикончить *А* или оба могут покончить с собой. Но Додэ сумел «преодолеть стандартное сюжетное разрешение, присущее романам о любовных взаимоотношения между молодым холостяком и дамой полусвета» [10], Как замечает Н. Рыкова в недавно вышедшем сборнике «Французский реалистический роман» [10], Додэ лишь указал на возможность такого стандартного разрешения в имеющейся в «Сафо» боковой сюжетной линии, закончившейся двойным самоубийством Дешеллета и Алисты, заставив основных своих героев — Госсэна и Сафо — просто разойтись. Круг сюжетных схем и разрешений с этой точки зрения замкнут и стандартен, как замкнуто и стандартно формалистическое изучение произведения, не идущее дальше констатации сюжетной схемы и методов ее «преодоления» и не способное подвергнуть анализу конкретный жизненный материал самого произведения и социальные предпосылки, обусловившие этот материал и его сюжетное разрешение.

Как увидит читатель, в свете лафарговского анализа «обычная» сюжетная схема становится в своем конкретном художественном воплощении «необычной» и своеобразной, отражающей быт, нравы и идеологию буржуазии на данном этапе ее развития. Знаменательно в этом отношении то сопоставление, которое Лафарг делает между романом Додэ и романами Поль де Кока и Эженя Сю, указывая при этом на связанную с общественно-экономической эволюцией историческую эволюцию, которую претерпели

«веселые подруги» молодых буржуа от свободно и бескорыстно любящих гризеток до профессиональных проституток и более изысканных «жриц любви». Схема взаимоотношения молодого буржуазного холостяка и гризетки идентична в своей абстракции схеме взаимоотношений Жана и Сафо. Но по своему существу эти взаимоотношения качественно отличны, как отлично и отношение к своим героям самих писателей.

Большое значение имеет здесь приведенная Лафаргом характеристика взаимных положений любовника, в итоге которой он восклицает: «Все здесь наоборот!»

Действительно внутри стандартной сюжетной схемы все расположилось «наоборот». В обстановке развития промышленного капитализма, выбросившего веселых гризеток на улицу, создавшего армию профессиональных проституток и секту дорогостоящих квалифицированных кокоток, бескорыстная и любящая «дама полусвета» Сафо оказалась верхом идеала любовницы. Но тем не менее осчастливленный любовью Госсэн показан автором как жертва, как человек, стремящийся избавиться от этой идеальной любовницы. И именно в этом своеобразии сюжетной ситуации Лафарг видит закономерность, вытекающую из идеологии того класса, выразителем которого являлся Додэ. Со свойственным ему «цинизмом» Лафарг говорит о том, что разыгрывающий жертву герой Додэ в конечном счете как бы воплощает характерную тенденцию буржуазии «как можно меньше платить за каждую услугу». Изменение социально-экономической действительности вызвало изменение в отношении к вещам, а вследствие этого и перестановку конкретных движущих страстей в абстрактной стандартной сюжетной схеме.

III

В этюде о «Сафо» Лафарг подвергает одно из произведений Додэ анализу с ограниченной целью: показать лицо буржуазии в ее художественном преломлении и доказать тесную связь самого художника с теми, о ком он пишет и для кого он пишет. Если не считать того, что Лафарг разоблачает Додэ как типичного буржуа и того, что он косвенно называет писателя «эгоистичным животным», этюд не отличается особой политической заостренностью.

Но зато когда «безобидный» Додэ выпустил когти, когда от романов, поучающих буржуа, «как надо жить», он перешел к произведениям, призывающим к борьбе против классового врага — пролетариата, Лафарг написал о нем статью, в которой жестоко осмеял воинствующего обывателя.

Как мы уже писали в предисловии к статье Лафарга о Золя [11], в 80-е и 90-е годы Лафарг ведет большую борьбу не только с анархистами, ренегатами и реформистами, но и с теми буржуазными теоретиками, которые выступали против марксизма как идеологии сорганизовавшегося пролетариата. Особое место занимала здесь борьба с противниками и извратителями теории Дарвина. Наступление на дарвинизм со стороны реакционных представителей буржуазии шло по всему идеологическому фронту. Идя «нога в ногу» со своими историками и теоретиками, пытались выступить с «разоблачением» Дарвина и буржуазные художники. Мы видели, как объективно участвовал в этом наступлении Золя, не понявший Дарвина и заполучивший его из рук Ломброзо. Откликнулся на это наступление Додэ, несмотря на то, что к описанному нами моменту он уже почти отошел от углубленной творческой работы.

В отличие от Золя он как истинный и благородный сын своего класса выступил с открытым забралом и громкозвенящим щитом, на котором значился далеко не двусмысленный девиз «Долой дарвинство!»

В 1889 г. Додэ написал и поставил на сцене пьесу «La lutte pour la vie» («Борьба за существование»), в которой автор задался целью не более и не менее как доказать несостоятельность дарвиновской теории.

Лафарг, ведущий в это время борьбу с извратителями марксизма и с такими «дарвинистами», как Спенсер, Ломброзо и им подобные, повернулся лицом к своему «старому знакомому», бряцающему своим театральным оружием, и увидел, что воевать в сущности не с кем. Перед ним стоял обыватель, опирающийся на бога и полицию и вопящий о том, что дарвинисты не признают ни того, ни другого и посему их нужно

ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ РОМАНА АЛЬФОНСА ДОДЭ «САФО»

ALPHONSE DAUDET

SAPHO

MŒURS PARISIENNES

QUATRIÈME MILLE

PARIS
G. CHARPENTIER ET Cie, EDITEURS
13, RUE DE GRENELLE, 13

1884
Tous droits réservés

изничтожить. По словам Лафарга, уровень знакомства Додэ с дарвинизмом не стоял при этом выше того, что сообщалось о теории борьбы за существование в иллюстрированных буржуазных журналах.

Но тем не менее Лафарг счел нужным отразить эту вылазку, ибо она была характерной и типичной. В 1890 г. в «Neue Zeit» появляется его статья «Дарвинизм на французской сцене» [12]

Поневоле Лафаргу пришлось иронизировать по поводу беспомощности «ниспровергателя дарвинизма». Но одновременно с этим пришлось указать на то, что те явления и теории, которые выдаются автором пьесы за дарвинизм, не имеют к последнему никакого отношения. Здесь Лафаргу пришлось столкнуться с тем невежеством буржуазных натуралистов и реалистов, о котором он год спустя писал в статье о Золя. Разоблачение непонимания буржуазными романистами процессов, происходящих в обществе, и новейших научных теорий — одна из задач статьи о Додэ. Но здесь невежество и идеологическая ограниченность сочетались с воинствующей вылазкой, с обывательским злопыхательством по отношению к этим научным теориям, развязывающим якобы руки преступным элементам и «оправдывающим всякую подлость». Дарвинизм породил аморализм и преступность — таково утверждение Додэ. И в связи с этим крайне интересно сделанное Лафаргом сопоставление Додэ с Достоевским.

Достоевский более или менее широко стал известен во Франции в 80-е годы. В 1886 г. появилась книга де Вогюэ «Le roman russe», в которой давалась и характеристика «Преступления и наказания»; в конце 80-х годов этот роман Достоевского был переведен на французский язык и произвел большое впечатление в читательских и писательских кругах. По свидетельству Додэ он произвел большое впечатление и на него, тем более что французский писатель разрабатывал аналогичный сюжет.

Но необходимо отметить, что соприкосновение между Достоевским и Додэ идет не только по линии сходства сюжетов «Преступления и наказания» и незаконченного Додэ произведения о Лебье. Их сближает и одинаковое толкование происходящего, и сходные

во многом идеологические тенденции. Лафарг повидимому не был достаточно знаком с творчеством Достоевского и с теми социально-политическими позициями, которые этот писатель занимал, ибо задетый им вопрос о взаимоотношениях Додэ и Достоевского может быть развит и углублен.

Мы знаем, что одной из задач, которые ставил себе Достоевский как художник, был показ того, как распространенные идеи влияют на людей и их нравы. В частности, он внимательно следил за развитием враждебных ему передовых идей шестидесятников и, всячески искажая их, пытался их опорочить. Утилитаризм, проповедываемый шестидесятниками, в его изложении устраняет красоту и нравственность, историзм и дарвинизм превращаются в лозунг «все дозволено». Если сопоставить это с тем, как изображал ненавистный ему дарвинизм и дарвинистов Додэ, то станет понятна та глубокая идеологическая связь, которая, несмотря на различие классовых корней их идеологии, существовала между двумя писателями, и близость тех реакционных позиций, которые оба они занимали [13].

Статья Лафарга, в которой освещается одна из малоизвестных сторон творчества Додэ и в которой этот идеолог буржуазной обывательщины и художник «маленьких людей» показан в воинствующей реакционной роли, на-страже классовых интересов буржуазии, должна не только помочь нашим литературоведам изучить его связь с Достоевским, но и переоценить все творчество автора «Борьбы за существование» в целом.

Статья о «Сафо» переведена с французского Т. К. Фалькович, «Дарвинизм на французской сцене» — с немецкого А. З. Лежневым.

В. Гоффеншефер

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Сочинения, т. III, стр. 325.

2 «Летописи марксизма», кн. II, стр. 109.

3 См. «Литературное Наследство» № 2, стр. 17.

4 «Из писем Лафарга «к Николаю-ону». Письмо от 15 авг. 1885 г. «Летописи марксизма», кн. II, стр. 110.

5 «La Revue Socialiste» 1891, № 78, p. 698.

6 См. отповедь, которую дал этим «товарищам» Лафарг в «Экономическом детерминизме Карла Маркса (Сочинения, т. III, стр. 14).

7 Сочинения, т. III, стр. 285; то же положение Лафарг высказывает и в «Легенде о Викторе Гюго».

8 «Легенда о Викторе Гюго», Сочинения, т. III, стр. 318. Необходимо указать здесь на то, что в цитируемом здесь переводе слово representative неправильно пояснено специфически звучащим на русском языке выражением «представительный человек».

9 «Les chansons et les cérémonies populaires du mariage», La «Nouvelle Revue», t. 43 (Novembre-Decembre 1886), p. 317. Статья подписана псевдонимом: Fergus. Объясняя, почему он подписывает в «Nouvelle Revue» свои статьи псевдонимом Fergus, Лафарг пишет в 1890 г. Николаю-ону: «Мадам Адан, редактор журнала, боялась, что мое имя повредит мне в глазах читателей. Это очень странно, но это факт» («Летописи марксизма», кн. II, стр. 116). Нельзя не отметить, что издательница «Nouvelle Revue», мадам Адан, была по свидетельству Георга Брандеса большой приятельницей Альфонса Додэ (см. статью «Альфонс Додэ» в собр. соч. Георга Брандеса, изд. Фукс, Киев, 1902, т. XII, стр. 139).

Возможно, что буржуазная издательница «сочла неудобным» печатать имя Лафарга не только из-за того, что последнее принадлежало видному представителю непримиримого революционного марксизма, но и потому, что Лафарг «скомпрометировал» себя в ее глазах резкими выступлениями против ряда писателей, сотрудничавших в журнале и близких редактору. Характерно, что статья под псевдонимом Fergus появилась после напечатания в «Le Socialiste» этюда Лафарга о «Сафо».

10 «Французский реалистический роман XIX века». Сб. ст. под ред. В. А. Десницкого, ГИХЛ, Ленинград, 1932, стр. 196.

11 «Литературное Наследство» № 2.

12 «Der Darwinismus auf der französischen Bühne», «Neue Zeit» 1890. Статья подписана псевдонимом Pablo. Принадлежность статьи Лафаргу подтверждает Adolf Braun в статье «Lafargue» (см. «Der Kampf», Wien, 1911, S. 132).

13 Необходимо кстати отметить здесь как характерный факт, что единственной русской газетой, в которой сотрудничал Додэ, было суворинское «Новое Время».

«С А Ф О»

Роман Додэ имел огромный успех: тысячи экземпляров книжки были расхватаны; когда сюжет ее был переделан для сцены, театры переполнились. Ее хвалили, обсуждали и благосклонно критиковали в прессе. Писатели, когда у них об этом заходит речь, с завистью и удивлением называют сумму, полученную автором за роман. Денежный успех — для буржуазии высшая форма славы, современные художники и писатели предпочитают его всему другому. Золя в одной из своих критических статей избрал мерилом литературной ценности романа число его изданий, т. е. количество положенных в карман пятифранковых монет. Этот взгляд разделяет вся промышленная и торговая буржуазия; она объявила Виктора Гюго величайшим поэтом прошлого и современного; и действительно он умер обладателем пяти миллионов.

В прежнее время, когда не было еще категории покупателей книг, писатели, даже гениальные, были бедняками, жившими милостями вельмож и королей, что им однако не мешало умирать нищими. Многие из них стали прислужниками знатных господ; они ели за их столом, писали для них письма и любовные стихи, сочиняли для них мадригалы. Дворяне имели своих поэтов и мыслителей, которые со вкусом наряжали их мысль, подобно тому как их камердинеры заботились об их туалете.

В наше время существуют покупатели книг. Как только французская буржуазия освободилась от террора якобинцев, она набросилась на романы; казалось невозможным насытить ее голод; ежедневно в Пале-Рояле, носившем тогда название Пале-Эгалите, появлялось несколько новых романов в два-четыре тома. В те времена бесчисленное количество романов производилось на свет женщинами; у мужчин не было времени для писательства, они были целиком заняты политикой, войной, колебаниями биржи, грабежом национальных имуществ. Роман — характерная литературная форма буржуазии, он вместе с ней возник, вместе с ней развивался. Таков исторический факт; исследованием его причины я в этой статье заниматься не буду.

Буржуазия и ее слуги, швейцары и кухарки, составляют большую часть покупателей романов. Необходимо кстати отметить, — не распространяясь однако по этому поводу, — что в больших городах образовался круг читателей особого рода романов, наполненных преступлениями, полицейскими приключениями, драматическими и фантастическими перипетиями. Буржуазия поощряет развитие этой тупоумной и разлагающей литературы потому, что она овладевает народным сознанием, усыпляет его и, подобно политическим фокусам буржуазного радикализма, отвлекает народ от осознания своих подлинных классовых интересов. «Сафо» Додэ нашла своих читателей и покупателей не среди этого рода публики, а в кругах тех буржуа, которые кое-что смыслят в литературе и важничают своим пристрастием к психологическим этюдам.

Додэ изготовил для них подходящее литературное кушанье; он подал им психологический этюд, отвечающий их вкусам и умственным способностям. «Сафо» составлена из нескольких отдельных кусков, плохо приложенных и плохо склеенных, и напоминает те манекены с подвижными частями, которых художники и скульпторы одевают, придавая им героические позы. Книга приобретает притягательную силу благодаря эпизодическим персонажам, благодаря историйкам из жизни любовниц этих господ; детали, выхваченные из жизни, воспроизведены с шаловливым, но манерным и утонченным искусством. Роман понравился буржуазии; она требует, чтобы ее развлекали пикантными, умело рассказанными сплетнями, чтобы не затрагивали ее предрассудков и потворствовали бы ее инстинктам, чувствам и склонностям. Додэ блестяще разрешил последнюю

часть этой задачи, поставленной перед каждым писателем буржуазии: немного найдется книг, более буржуазных, чем «Сафо».

Французский буржуа — существо благоразумное, он редко дает увлечь себя своим страстям; он женится после тридцати лет, чтобы «остепениться», как он выражается, если ему не подвернется раньше заманчивое приданое, хорошая денежная афера: в этом случае он приносит свою молодость в жертву своей жене. Иначе же, так как он не давал обета целомудрия и не предается тайным порокам или пьянству, как английский буржуазный юнец, он развлекается с девушками легкого поведения. В давно прошедшие времена Поль де Кока и Евгения Сю существовал класс работниц, трудолюбивых, достаточно зарабатывающих на жизнь иглой, но это были задорные создания, подруги удовольствия, с открытым сердцем, смело принимавшие день таким, как он есть и также своих возлюбленных — на прогулке в лодке в Сент-Уэне, за обедом в Пале-Рояле, на вечеринке в Амбигу. Эта веселая и довольствующаяся малым гризетка умерла и схоронена, погубленная скряжнической эксплоатацией больших модных магазинов и мастерских и легальной и нелегальной проституцией.

Современный молодой буржуа, к великому неудовольствию своего отца и других более или менее близких родственников, должен расходовать много денег, чтобы убить время между началом зрелости и браком. Он не находит больше гризеток, которые отдаются ради удовольствия, поэтому он принужден довольствоваться теми печальными созданиями, которых нужда и погоня за наживой их отцов и дядей заставляет продаваться, чтобы существовать. Если он обладает утонченным рыцарским вкусом, он не выберет женщину, пропустившую улицу через свою постель. Но теперешняя любовница не довольствуется пирожным и печеньем; если уж она залучила буржуазного сынка, она требует шелков, мехов и палисандрового дерева. Она стоит дорого, и это пугает буржуа. Поэтому образуются анонимные общества, чтобы содержать женщину согласно требованиям современности. Кокотка отдается одному во вторник, другому — в субботу; этому — после обеда, тому — ночью. Случается, что молодой буржуа — участник такого хозяйства на паях — приобретает больше, чем ожидает; как сказал старый Матюрен Ренье: «Он дает рыбу, а получает приправу».

Идеал буржуа в том, чтобы найти женщину, которая гарантировала бы его от ударов Венеры, мало бы стоила и которую затем можно было бы выбросить, как выжатый лимон.

Герою романа Додэ посчастливилось встретить женщину, отвечающую всем этим условиям идеала буржуазии. Он моментально привязывается к ней. Сафо любит вьющиеся волосы, и она влюбляется в Госсэна — незначительного пустого парня. Далекая от того, чтобы вводить его в издержки, она устраивает ему тихое гнездышко; она дает ему лучшие радости алькова, так что ему не нужно тратить время и деньги в беготне за юбками; она выручает его дядю из затруднительного положения, ссудив ему десять тысяч франков, заработанных чорт знает каким образом; она исчезает сама, не угрожая отравой или револьвером, как раз в тот момент, когда молодой буржуа начинает официальную карьеру и становится претендентом на порядочное приданое.

Дюма — не отец, а сын — говорит в одном из своих предисловий, пошлость которых превзойдена только их длиной, что трудно, если не невозможно, вывести на сцену отношения между мужчиной и женщиной, в действительности существующие в «свете», не оскорбив стыдливости тех дам, у которых уши — единственный их целомудренный орган. Если на сцене надо смягчать краски и идеализировать действительность, чтобы не оскорбить явных и тайных кокоток из общества г-на Дюма, то и в романах надо бережно обращаться с чувствами буржуазии. Додэ не решался,

объявившись смелым психологом, вскрыть череп буржуа и грубо выставить напоказ его идеал любовницы; прежде всего уже потому, что он сам слишком глубоко буржуазен для того, чтобы выводить этот идеал, который в сущности является и его собственным идеалом, не смягчая краски.

Сафо, дочь радости, совращенная сбродом из «хорошего общества», дарит своему любовнику свою любовь и многое другое только ради удовольствия, которое она получает; она ничего не требует за это, даже признательности. Госсэн, любовник, который спокойно откармливается, как бык в стойле, в этой своей незаконной семье, позволяет себя баловать и отвечает лишь вялой любовью; он плачется перед Сафо о радостях, которые быть может он нашел бы в другом месте, впадает в отчаяние, что упустил женитьбу, слишком романтичную для того, чтобы быть просто бессовестным обмано́м, и наконец попрекает ее гневом своего отца, нелепого до того, что из него стоило бы сделать чучело, настолько он устарел и отстал от модных буржуазных воззрений. Все здесь наоборот!

Но как раз этот обмен ролями понравился буржуазии. Одна из благородных страстей буржуазной души заключается в том, чтобы как можно меньше платить за каждую услугу. Буржуа любит в молодости развлекаться с женщинами, но он ужасно боится, что женщины, с которыми он жил и которых он оставляет при первой возможности, могут когда-нибудь притти к нему и умолять о помощи. Поэтому он еще до расставания разыгрывает из себя мученика; он рассказывает тем, кто имел несчастье с ним связаться, что, пользуясь их благосклонностью, он приносит себя в жертву, что он заслуживает награды как Альфонс; он предупредительно платит им издевательством.

Додэ мог бы с согласия всех честных буржуа посвятить этот роман своим детям. Знакомый художник, буржуа с головы до пят, сказал мне: «Я мечтаю о Сафо для себя, чтобы дожидаться своего третьего десятка».

В прошлом столетии кавалер Дегрие воспылал любовью к Манон Леско; чтобы следовать за ней, разделить ее судьбу, он, не колеблясь, выбросил за борт общественные приличия, семью, будущность и от прелестной девушки просил только любви. Дворянин способен был забыть свою личную выгоду, буржуа же настолько эгоистичное животное, что он и представить себе не может, что от него можно ожидать поступка, противоречащего его интересы.

ДАРВИНИЗМ НА ФРАНЦУЗСКОЙ СЦЕНЕ

«В какое ничтожество мы превращаемся, Горацио!»
Гамлет

Бедный Дарвин! Если бы он был еще жив, он бы не пришел в особый восторг от последствий своей известности. Французы клеймят его как родоначальника «нового вида хищников, пользующихся пресловутым открытием борьбы за существование для оправдания наукой любой подлости»... «В своем применении, — говорит Додэ, — теории Дарвина вредны, так как они пробуждают в человеке зверя, и четвероногое животное, выучившееся стоять прямо, снова начинает ходить на четвереньках».

Люди, высказывающие такие смелые утверждения со сцены и вне ее, — вовсе не дураки или ничтожества, но лица с весом и талантом. И делают они это не из любви к парадоксам и не для того, чтобы подразнить обывателя. Эти поразительные истины были возвещены ими недавно с полной серьезностью и громовым пафосом. Горе научной теории, проникающей в ограниченное сознание современного беллетриста и журналиста!

Наши литераторы узнали о дарвиновском законе борьбы за существование не из произведений великого естествоиспытателя. Они не привыкли

к такому умственному труду. Нет, они просто вычитали кое-что об этом в каком-нибудь иллюстрированном журнале.

Лет десять назад в Париже была убита одна старая молочница. Убийство сопровождалось такими своеобразными обстоятельствами, что произвело глубокое впечатление и о нем вспоминают еще и теперь. Открытие убийцы произошло чрезвычайно странным образом. К следователю явился некий Баррэ, молодой человек, состоявший в деловых отношениях со старухой, предложил ему свои услуги при расследовании, сообщил добровольно ряд подробностей о привычках и обстоятельствах жизни убитой и о бумагах, в которых она держала свое с трудом сколоченное состояние (10 000 франков). Он несколько раз встречался со следователем, который благодарил его за готовность помочь розыскам преступника. Случилось однажды, что следователь, провожая уходившего от него Баррэ, обратился к нему с вопросом: «Вы прежде носили бороду, господин Баррэ?» При этом простом замечании Баррэ стал дрожать и сделался смертельно бледным. Следователь положил тотчас же руку на его плечо и воскликнул: «Вот убийца!»

Баррэ, потерявший самообладание, признался, что преступление совершил он и его друг Лебье, студент-медик. Оба убийцы были интеллигентные и образованные молодые люди в возрасте 24—25 лет. Лебье считался одним из лучших студентов медицинского факультета в Париже. Когда его профессор, д-р Вульпиан, и его товарищи услышали о его аресте, они были уверены, что произошла грубая ошибка. Несколько дней спустя после убийства Лебье сделал доклад о дарвинизме и старался разъяснить теорию борьбы за существование и выживания наиболее приспособленных.

Когда Лебье узнал, что он выдан сообщником, он не стал отрицать свое преступление, но дал следующее объяснение: молочница передала 10 000 франков своему другу Баррэ, который деньги растратил, вместо того, чтобы купить на них ценные бумаги. Деньги могли каждую минуту затребовать, и Баррэ, который не был в состоянии их вернуть, находился под угрозой обвинения по делу о нарушении доверия. Лебье видел, что поставлена дилемма: или гибель его друга, многообещающего молодого человека, или смерть незначительной и бесполезной старухи. Он ни минуты не сомневался, какое решение выбрать, убил старуху и разрезал ее тело по всем правилам анатомии, чтобы его легче было уничтожить.

Это убийство произвело сенсацию. Лебье не был озверелым убийцей, уничтожающим все, что ему становилось поперек дороги; он был холодным, рассудительным человеком, продумавшим свой план, последовательно его проведшим и подкрепившим его научной теорией. Он умер мужественно. Баррэ пришлось нести к эшафоту, а Лебье твердым шагом поднялся на его ступени. Когда он просунул голову в отверстие гильотины и топор должен был уже упасть, кто-то из толпы крикнул: «Браво, Лебье!» Он поднял голову и, направив взгляд в ту сторону, откуда прозвучал голос, сказал отчетливо: «Прощайте!»

Это убийство послужило поводом к оживленным спорам. Для противников дарвинизма оно явилось просто находкой. Они были многочисленны, занимали видное положение и поспешили использовать такой удобный случай для нападок на теорию, защитником которой выступал Лебье. Некоторые круги свободомыслящих готовы отнести за счет религии все преступления, которые совершаются религиозно настроенными людьми. Люди благочестивые ответили теперь тем же и обвинили новую теорию в том, что она является школой преступления. Они были ревностно поддержаны учеными, ненавидевшими Дарвина как революционера в области науки, заслуживающего не лучшей участи, чем революционеры Парижской коммуны. Один архиепископ, если не ошибаюсь, монсиньор Дю-

SAPHO

Le roman de M. Daudet a été un succès ; des milliers d'exemplaires ont été enlevés ; le sujet, arrangé pour la scène, fait salle comble. Il a été loué, discuté, critiqué doucement par la presse. Les gens de lettres, quand ils en reparlent, citent avec convoitise la somme qu'il a rapportée à son auteur. Le succès monétaire est la forme bourgeoise la plus élevée de la gloire, celle que prisent et que préfèrent les artistes et les écrivains modernes. M. Zola, dans un de ses articles de critique, prenait pour mesure littéraire le nombre d'éditions écoulées, c'est-à-dire des pièces de vingt sous empochées. Les bourgeois de toute industrie et de tout commerce partagent cette opinion ; ils ont proclamé Victor Hugo le plus grand poète des temps présents et passés : n'est-il pas mort cinq fois millionnaire.

Autrefois, quand le public acheteur de livres n'était pas encore constitué, les écrivains, même ceux de génie, étaient de pauvres hères, vivant des faveurs seigneuriales et royales, ce qui ne les empêchait pas de mourir misérables. Beaucoup d'entre eux entraient dans la domesticité des nobles ; vivant à leur table, rédigeant leurs lettres et leurs billets doux, composant leurs madrigaux. La noblesse avait les gens de lettres pour habiller galamment son esprit, et des valets pour soigner sa toilette de corps.

De nos jours la clientèle littéraire existe. A peine échappée de la terreur jacobine, la bourgeoisie se jeta sur le roman ; on ne pouvait suffire à sa boulimie, tous les jours de nombreux romans nouveaux en deux et quatre volumes étaient mis en vente au Palais-Royal qui portait alors le nom de Palais Egalité. Les femmes étaient les infatigables pondeuses des romans de l'époque ; les hommes, absorbés par la politique, la guerre, les tripotages financiers et le vol des biens nationaux, n'avaient pas de loisirs pour écrire. Le roman est la forme littéraire par excellence de la bourgeoisie, celle qui, peut-on dire, est née et s'est développée avec elle. Le fait historique est là, je n'ai pas à en rechercher les causes dans cet article.

La bourgeoisie et ses domestiques, les portières et les cuisinières, ont fourni la grande masse de la clientèle. Je dois ajouter, et sans insister, qu'il s'est créé dans les grandes villes une clientèle populaire pour un certain genre de romans bourrés de crimes, d'aventures policières et de péripéties dramatiques et fantaisistes. La bourgeoisie a encouragé le développement de cette littérature niaise et démoralisante ; elle occupe l'esprit populaire, l'endort et le détourne, ainsi que les chinoiseries politiques du radicalisme, de l'étude de ses véritables intérêts de classe. La *Sapho* de M. Daudet n'a pas été lue et achetée par cette clientèle, mais par la bourgeoisie frottée de littérature et qui s'énorgueillit d'aimer les études psychologiques.

M. Daudet a accommodé le plat littéraire qui lui convenait ; il lui a servi une étude psychologique selon ses goûts et ses capacités intellectuelles. *Sapho*, bâtie de pièces rapportées, mal rapprochées et mal collées, ressemble à ces mannequins vertébrés et articulés que les peintres et les sculpteurs habillent et placent dans des poses héroïques. Le livre se rachète par les personnages épisodiques, par les racontars sur la vie des femmes illégitimes de ces messieurs ; les détails, pris sur le vif, sont dits [illegible] art mièvre, mais exquis dans sa mignardise [illegible] roman satisfit la bourgeoisie, qui demande qu'on l'amuse par des reportages piquants, bien tournés ; qu'on ne blesse pas ses préjugés et qu'on flatte ses instincts, ses sentiments et ses passions. M. Daudet a parfaitement rempli cette dernière partie de la tâche imposée à tout écrivain bourgeois : il est peu de livres plus bourgeois que *Sapho*.

Le bourgeois français est un être raisonnable, qui ne se laisse entraîner par la passion que rarement : il se marie, la trentaine passée, pour faire une fin, selon son expression, à moins que, par hasard, il ne rencontre plus tôt une dot appétissante, une bonne affaire d'argent : alors il sacrifie sa jeunesse à sa femme. N'ayant pas fait vœu de chasteté et ne se livrant pas à des plaisirs solitaires ou à la boisson, comme les jeunes bourgeois d'Angleterre, il batifole avec les vierges folles de leur corps. Dans les temps préhistoriques de Paul de Kock et d'Eugène Sue, il existait une classe d'ouvrières, laborieuses, gagnant assez bien leur vie avec leur aiguille, mais folichonnes, amies du plaisir, ayant le cœur sur la main, courageuses, prenant les jours comme ils venaient, les amants quand il y avait une partie de bateau à Saint-Ouen, un dîner au Palais-Royal, une soirée à l'Ambigu. La grisette joyeuse et se contentant de peu est morte et enterrée, tuée par l'exploitation grippe-sou des grands magasins et des grands ateliers et par la prostitution légale et illégale.

Le jeune bourgeois, au grand déplaisir de ses père et autres parents plus ou moins naturels, doit aujourd'hui dépenser de l'argent pour tuer le temps qui s'écoule entre la puberté et le mariage. Comme il ne trouve plus de grisettes se donnant pour le plaisir, il doit se contenter des tristes femmes que la misère et l'exploitation de ses père et oncles oblige à se vendre pour vivre. S'il a des goûts relevés et chevaleresques, il prend une femme qui ne fait pas passer la rue par son lit. Mais la maîtresse de nos jours ne se contente plus du flan et de la galette ; quand elle accroche un fils de bourgeois, elle exige de la soie, des fourrures et du palissandre. Elle coûte beaucoup d'argent, et ça épouvante le bourgeois. Il se forme alors des sociétés anonymes pour entretenir une femme selon les exigences du jour. La cocotte accorde à l'un des associés le mardi, à l'autre le samedi, à celui-ci l'après-midi, à celui-là la nuit. Il arrive que dans ces ménages sociétaires, le jeune bourgeois trouve plus qu'il n'avait espéré : ainsi que dit le vieux Mathurin Regnier, s'il apporte le poisson, on lui fournit la sauce.

L'idéal bourgeois serait de trouver une femme qui le garantît des coups de pied de Vénus, qui lui coûtât peu d'argent et qu'il pourrait rejeter comme l'écorce d'une orange dont on a exprimé le jus.

Le héros de M. Daudet avait eu le bonheur de tomber sur une femme qui remplissait toutes les conditions de l'idéal bourgeois : il s'empresse de s'acoquiner avec elle. Sapho qui aime les cheveux frisés, s'amourache de Gaussin, garçon insipide et nul : loin de l'entraîner dans des dépenses, elle lui arrange un intérieur calme ; elle lui procure les plaisirs les plus raffinés de l'alcôve sans qu'il ait besoin de perdre son temps et son argent à courir après les cotillons ; elle tire son oncle d'un mauvais pas, en lui avançant une dizaine de mille francs gagnés le diable sait comment ; elle disparaît d'elle-même, sans menaces de vitriol, de coups de revolver, juste au moment où le jeune bourgeois entre dans une carrière officielle et va se porter candidat à quelque dot sérieuse.

M. Dumas, pas le père, le fils, dans une de ses préfaces qui rachètent leur banalité par leur longueur, dit qu'il est difficile, sinon impossible, de transporter sur la scène les rapports réels entre femmes et hommes de la vie mondaine, de peur d'effaroucher la pudeur de ces dames qui ne sont chastes que par les oreilles. S'il faut adoucir les tons et idéaliser la réalité pour ne pas blesser les cocottes légitimes et illégitimes du monde de M. Dumas, il faut aussi, dans les romans, ménager les sentiments de la bourgeoisie. M. Daudet ne pouvait, en psychologue hardi, fendre le crâne bourgeois et étaler brutalement aux yeux de tous son idéal de la maîtresse ; d'ailleurs, il est lui-même trop foncièrement bourgeois pour exposer crûment cet idéal qui est le sien : il farde.

Sapho, la fille de joie corrompue par la canaille du beau monde, rend à son amant des services d'amour et d'autre nature, pour le plaisir qu'elle y éprouve, ne demande rien, pas même de la reconnaissance. Gaussin, l'amant qui, comme un bœuf à l'étable, s'engraisse tranquillement dans ce ménage à la colle, qui se laisse dorloter, qui n'apporte qu'un amour las, regrette auprès de Sapho les plaisirs qu'il aurait pu prendre ailleurs, se désespère d'avoir manqué un mariage bâti trop romanesquement pour n'être pas une affreuse blague, lui reproche la colère d'un père ridicule à être empaillé, tellement il est rococo et en dehors du mouvement bourgeois. C'est renversant.

Mais c'est ce renversement de rôles qui a plu au bourgeois. Une des nobles passions de l'âme bourgeoise est de vouloir payer le moins cher possible tout service reçu. Le bourgeois aime à égayer sa jeunesse avec des femmes, mais il a une peur bleue que les femmes avec lesquelles il a vécu et qu'il délaisse à la première occasion, ne viennent un jour lui réclamer des secours. Bien avant la séparation, il se pose en martyr ; il raconte à celles qui ont le malheur de s'attacher à lui, qu'il se sacrifie en jouissant d'elles, qu'il mériterait récompense, comme un Alphonse ; il les paye d'avance en monnaie de singe.

M. Daudet a pu, avec l'approbation de tout honnête bourgeois, dédier son roman à ses enfants. Un jeune artiste de ma connaissance, bourgeois jusqu'au fond de ses culottes, me disait : « Je me souhaite une Sapho, pour attendre mes trente ans. »

Au siècle dernier, le chevalier Desgrieux aimait follement Manon Lescaut ; pour la suivre, vivre de sa vie, il jetait par dessus bord, sans hésitation, convenances sociales, famille, avenir, et ne demandait à la charmante fille que son amour. Les hommes de la noblesse étaient capables d'oublier leur intérêt personnel ; le bourgeois est un animal si égoïste, qu'il ne peut même supposer qu'on puisse attendre de lui une action qui serait contraire à ses intérêts.

DEPENSES DE GUERRE

A propos de la guerre dans les Balkans, entre Serbes et Bulgares, la *Nouvelle Presse libre* (*Neue freie Presse*) de Vienne (Autriche) fait un exposé des dépenses de guerre depuis la campagne de la Crimée en 1853 jusqu'à 1885.

D'après ce journal, la campagne de Crimée a coûté aux Russes 1.875.000.000 fr., aux Anglais 1.750.000.000 fr., aux Français 1.600.000.000 fr.

La guerre d'Italie a occasionné une dépense :

à la France de 500.000.000 francs,
à l'Autriche de 750.000.000 francs.

Les dépenses pour la guerre franco-allemande ont été pour la France de 16.000.000.000 fr., ce qui a rendu nécessaire une augmentation des impôts annuels de 700.000.000 francs.

Pour la guerre turco-russe, la Russie a fait un nouvel emprunt de 2.500.000.000 fr.

Enfin la guerre entre la Serbie et la Bulgarie coûtera 40.000.000 fr. environ aux belligérants.

Le journal viennois, en nous donnant ce petit compte de 20 milliards environ, ne nous dit pas quelles ont été les dépenses de l'Allemagne en 1870, ni les dépenses de l'Italie en 1859, ni les dépenses de la Turquie en 1877 ; il ne cite non plus ni les contributions de guerre, ni les dommages matériels, ni les pertes d'hommes causés par ces guerres.

Combien de réformes sociales n'aurait-on pas pu accomplir au lieu de ces dépenses folles ?

LETTRE DE POLOGNE

Varsovie, 27 décembre 1885.

Dans le cadre étroit d'une correspondance, il me sera difficile de vous donner un tableau exact du développement du socialisme en Pologne. Je me bornerai donc à dire le nécessaire pour que vos lecteurs aient un commentaire satisfaisant des horribles condamnations qui viennent de frapper nos fidèles camarades, les socialistes polonais.

Il y a à peine sept années que le mouvement socialiste existe en Pologne. Les premières tentatives sérieuses pour former une organisation socialiste datent de 1878, et les premières persécutions ont eu lieu dans le mois d'août de la même année. Depuis sept ans, nous n'avons pas eu *une* année, sans que les persécutions aient ravagé notre organisation à peine naissante. « *E pur si muove...* » Et pourtant nous sommes en état de constater un progrès immense.

A Varsovie, à Lemberg, à Posen, dans toutes les trois parties de la Pologne, la propagande socialiste a réussi à pénétrer dans la classe ouvrière et à y acquérir de vaillants lutteurs.

C'est dans la Pologne russe que nos forces sont les plus nombreuses. En 1882, nous sommes parvenus à les concentrer dans une organisation centralisée « le Prolétariat ». Un journal clandestin, des proclamations nombreuses constituaient les premiers efforts littéraires ; ensuite, depuis 1884, avec le concours d'un groupe d'émigrés qui s'affilia à l'organisation de Varsovie, on a réussi à fonder deux revues mensuelles, la *Lutte des classes* et l'*Aurore*.

Pourtant, les persécutions n'ont pas été moins violentes, au contraire ; plus qu'autrefois, la police a sévi contre nos efforts pour créer un parti socialiste.

Je n'entrerai pas dans les détails de cette lutte. Pour vous donner une idée de nos efforts, je veux vous énumérer les chefs d'accusation formulés contre ceux de nos amis qui, arrêtés en 1883, ont été condamnés par une cour martiale à Varsovie le 7 décembre 1885, c'est-à-dire après plus de deux ans de détention préventive.

Voici les chefs d'accusation :

1° Organisation clandestine de cercles, etc. ;
2° Propagande des idées socialistes-révolutionnaires ;
3° Exécution de deux espions (attentats réussis) ;
4° Trois tentatives d'attentats non suivies de succès ;
5° Préparatifs en vue d'exécuter l'avocat général et le chef de la gendarmerie à Varsovie ;
6° Lettres de menaces envoyées aux fabricants (1) ;

Parmi une centaine de nos camarades arrêtés déjà en 1883, les autorités ont fait un choix en envoyant vingt-neuf de nos amis devant la cour martiale, et en laissant condamner le reste par les autorités administratives sans aucune forme judiciaire.

Le 7 décembre, la cour martiale a rendu son verdict. Six de nos amis : Bardowski (juge de paix), Lurie (capitaine), Kunicki (élève de l'école polytechnique), Ossowski, Schmaus, Pietrusinski (tous les trois ouvriers), sont condamnés à la peine de mort. Dix-huit de nos amis ont à subir seize années de travaux forcés en Sibérie ; pour deux condamnés la peine est de dix années de travaux forcés. Le vingt-septième accusé a à subir huit années de la même peine ; enfin les deux « plus heureux » seront déportés en Sibérie à perpétuité sans travaux forcés.

Mais ce n'est pas tout. MM. les avocats qui avaient la tâche de défendre les accusés, ont profité de l'occasion pour présenter au gouvernement une adresse servile en déclarant que leurs clients sont reniés par la « société » polonaise. Elle renie donc tous ceux qui ont le courage de prendre en main la cause de l'ouvrier polonais.

Ainsi, chez nous, comme partout ailleurs, il n'y a qu'une voie à suivre, qu'une forme de délivrance possible, c'est la lutte des classes.

Pendant que la « société » polonaise renie les socia-

(1) Je dois vous expliquer la signification de ces lettres de menaces. La classe ouvrière en Russie est réellement hors la loi ; les associations ouvrières sont rendues impossibles. Comment donc se défendre contre les abus et les mauvais traitements de la part des fabricants, car cela existe chez nous dans des proportions incompréhensibles pour vous en Occident. Les cercles ouvriers ont décidé, dans le cas d'abus commis envers leurs camarades, d'envoyer au fabricant un avis le sommant de modifier sa manière de procéder.

АНОНИМНАЯ СТАТЬЯ ПОЛЯ ЛАФАРГА О РОМАНЕ «САФО» АЛЬФОНСА ДОДЭ В ГАЗЕТЕ «LE SOCIALISTE» 1886 г., № 19

Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

панлу, зашел так далеко, что потребовал помилования Лебье на том основании, что последний является жертвой дарвиновской теории, и общество обязано дать ему время раскаяться и искупить свои грехи.

Хотя теория эволюции возникла во Франции, — Геккель и немецкие дарвинисты признали, независимо от французов, крупные заслуги Бюффона, Ламарка и Жофруа де Сент-Илера, которые англичанами сознательно игнорировались, — тем не менее именно во Франции признание этой теории наталкивалось на величайшие трудности. Французская наука как будто стыдилась своего отпрыска, усыновленного и воспитанного Англией. Старые мумифицированные академики во главе с восьмидесятилетним Флурансом объявили происхождению видов войну; животные и растения были, по их мнению, сотворены именно в том виде, в каком они существуют и теперь и в каком будут существовать до скончания веков. Понадобилось Геккелю приехать из Германии в Париж, собрать молодежь, примкнувшую к учению об эволюции, и зажечь ее огнем энтузиазма. С тех пор Флуранс и много других старых академиков успели умереть и на смену им пришло поколение более молодых и смелых естествоиспытателей; но победа над официальной наукой достигнута еще не вполне. Так например, д-р Жиар, прославившийся своими многочисленными научными открытиями, должен был долго дожидаться избрания профессором при парижском музее, так как он являлся сторонником эволюции.

Французские писатели любят, правда, насмехаться над Академией и ее устарелыми взглядами; но никто не проявляет такой готовности приспособиться к предрассудкам прошлого и преклониться пред Академией и теми предписаниями, которые она дает современному мышлению, как они. Я должен прибавить, что «хорошее общество» разделяет с писателями, на обязанности которых лежит приготовление для него духовной пищи, этот недостаток самостоятельности и преклонение пред официальным мнением.

Убийство старой молочницы сделало дарвиновскую теорию популярной в среде журналистов и беллетристов, отличающихся во Франции — как и повсюду — невежеством и недостатком основательного образования. В числе тех, которые именно тогда ознакомились с теорией борьбы за существование, находился также Додэ; конечно он, подобно своим коллегам, представлял себе дело значительно проще и яснее, чем Дарвин. «На свет рождается больше индивидуумов, чем их может существовать. Поэтому — или вы уберете меня с дороги, или я вас». Тут пред нами вся дарвиновская теория в наперстке, дарвинизм по Додэ: эту милую фразу произносит в его пьесе некий ученый муж. В предисловии к своей «Борьбе за существование» Додэ рассказывает, как он начал писать книгу, представлявшую собой наполовину вымысел, наполовину изображение действительно случившегося, под названием «Лебье и Баррэ, два молодых француза нашего времени». Он уже два месяца работал над ней, когда появился французский перевод великолепного романа Достоевского «Преступление и наказание». Лебье русского романиста носит имя Раскольникова; он обдумывает свое преступление; он убивает одинокую женщину, черствую ростовщицу, деньги которой сеют нищету и горе в то время, как они могли бы принести счастье и здоровье его любимым матери и сестре. Вместо того чтобы читать доклад о борьбе за существование, как Лебье, Раскольников пишет статью о праве убивать, где философски доказывает, что позволительно освобождать мир от людей, приносящих лишь вред.

Додэ понял, что соревнование с болезненным гением Достоевского, обладающего недосягаемым даром психологического анализа, для него невозможно, и бросил свой исторический роман. Но идея борьбы за существование показалась ему слишком интересной, чтобы он мог решиться оставить ее; он использовал первую же возможность ее драматизировать,

и третьего октября прошлого года была поставлена в парижском театре «Gymnase dramatique», драма в пяти актах и шести картинах, написанная Альфонсом Додэ под названием «Борьба за существование».

Додэ — не драматург по профессии. Только в последнее время обратился он к сцене, обнаружив при этом известную ловкость; надо сознаться, что его пьеса имеет ряд достоинств; она заключает в себе драматические ситуации, и образ Мари-Анто обрисован тонко.

Сын академика Поль Астье — архитектор, начинающий становиться известным. Он реставрирует старый дворец и попутно завоевывает руку и сердце его обладательницы, герцогини Падуанской (Мари-Анто), которая очень богата, но зато перешагнула за пятый десяток; Астье, напротив того, молод, алчен, одержим жаждой стяжания. «Дарвин — его любимый автор», но, подобно Додэ, он нашел в «Происхождении видов» лишь неверный закон о народонаселении попа Мальтуса. «Индивидуумов рождается больше, чем сколько может найти средства к существованию». Отсюда следует, что часть людей должна голодать для того, чтобы другие были в состоянии жить с комфортом. Астье — вполне логично — предпочитает жизнь с комфортом; его жизненное правило гласит: «Сильные пожирают слабых». Лукавый Тичборн, хотя и был не очень умен, выразился удачнее. «Мир, — писал он на плохом английском языке в своей записной книжке, — состоит из двух родов людей — дураков и обманщиков; последние живут за счет первых».

Астье питает честолюбивую мечту сделаться премьер-министром. Он уже член парламента и важная персона, к мнению которой прислушиваются. Но в течение двух лет он проматывает состояние герцогини и близок к полному разорению. Он хочет развестись со своей женой для того, чтобы жениться на совсем молодой девушке еврейке. Брак он рассматривает лишь как путь к устройству карьеры, а женщин — как ступени, по которым он поднимается к цели. Он устраивает дело так ловко, что ревнивая Мари-Анто застает его в своем собственном доме на месте преступления: за нарушением супружеской верности. Но герцогиня — добрая католичка и рассматривает развод как грех и позор; она довольствуется тем, что увольняет девушку, с которой сошелся Астье, одну из своих служанок, и уезжает в деревню. Астье следует за ней туда, разыгрывает комедию раскаяния и любви, добивается прощения и увозит ее назад в Париж, где надеется добиться ее согласия на развод. Но время уходит, молодая еврейка становится нетерпеливой и грозит покинуть его, а вместе с ней уплывет и богатство. Астье старается ускорить развязку. Во время бала он дает своей жене стакан отравленной воды, но — охваченный ужасом — удерживает ее руку, когда она собирается поднести стакан к губам. Герцогиня угадывает его намерение и, так как считает его способным на преступление, соглашается на развод, чтобы избавить его от искушения. Сцены между Астье и Мари-Анто очень хороши. В последней сцене отец девушки стреляет в Астье как раз в тот момент, когда тот находится на вершине счастья и собирается жениться на еврейке, которая должна его снова сделать миллионером.

Додэ убивает Астье, потому что он, Додэ, — так он пишет в предисловии, — хороший человек и не терпит дурных людей с тех пор, как перестал быть личным секретарем герцога де Морни, одного из величайших мерзавцев бонапартистской клики. И свою пьесу он написал для того, чтобы показать свое отвращение к сторонникам борьбы за существование, srugglifers, как он их называет на своеобразном английском языке, к «дарвинистам с головы до пят, свободным от предрассудков и сомнений, от веры в бога и страха перед полицией».

Пренебрежительное отношение дарвинистов к полиции, этой последней опоре нравственности, представляет собой второе великое открытие Додэ.

Он возводит дарвинистов к Беркли, шотландскому философу, сомневавшемуся, дают ли нам наши чувства правильное представление о внешнем мире, и рассматривавшему дух как нечто нематериальное, не способное получать какое-либо представление о материальных вещах, вследствие чего он заявлял, будто внешний мир в действительности вовсе не существует. Отсюда Додэ последовательно заключает, что для дарвиниста полицейский является не действительностью, а простым представлением.

Нам кажется невероятным, как это писатели калибра Додэ могут с серьезным видом делать Дарвина и его теорию ответственными за Лебье, Баррэ и других хищников, орудующих в нашем обществе. До появления «Происхождения видов» мы, видите ли, жили в обществе, не знакомом с воровством и разбоем; и если б эта книга никогда не вышла в свет, то мы бы так и продолжали жить в обществе, в которм люди находят выгоду не в эксплоатации ближнего, а в покровительстве ему. Доктора и аптекари не желали бы в интересах своего заработка, чтобы чахотка и горячка процветали, а проломленные черепа и сломанные конечности встречались возможно чаще; наследники не ожидали бы нетерпеливо смерти своих дорогих родных; финансисты совестились бы наполнять свои несгораемые шкафы добычей, отнятой у своих коллег по бирже; купцы и фабриканты не разоряли бы друг друга бешеной конкуренцией, капиталисты не извлекали бы жирных барышей посредством голодной заработной платы, если бы Дарвин не написал этой опасной книги!

Додэ не видит, что не теории, а наши общественные условия неизбежно создают конкуренцию и ее последствия. Конечно беспощадная экономическая борьба всех против всех не является следствием дарвиновских теорий, скорее сами дарвиновские теории являются следствием приложения законов современной конкуренции к жизни животных и растений: Дарвин сам заявил, что первым толчком к выработке его учения послужила теория Мальтуса о народонаселении.

Мы ужасаемся, когда читаем о преступлениях вроде тех, что совершил Лебье или другие убийцы, и остаемся равнодушны при виде жестокостей, ежедневно порождаемых конкуренцией. Как незначительны убийства, предстающие перед судом, в сравнении с массовыми отравлениями, которые влечет за собой фальсификация продуктов! Приблизительно в то же время, как Лебье и Баррэ убили молочницу, пред судом в Лондоне предстал фабрикант, который примешивал к присыпке для детей мышьяк и другие ядовитые вещества. Были продемонстрированы пакеты с порошком, содержавшим мышьяк; было доказано, что им были отравлены грудные дети, и все-таки присяжные заседатели нашли, что обвиняемый невинен: он только следовал законам конкуренции.

В этой атмосфере конкуренции мы живем с колыбели до гроба: именно эта жестокая действительность, а не научные теории и религиозные воззрения формирует человеческую глину, заостряет жало эгоизма и превращает его во всемогущую страсть. Удивляться следует не тому, что при подобных условиях число преступлений увеличивается, а тому, что, оно увеличивается так медленно. Но современное развитие, которое заставляет расти конкуренцию все сильнее и беспощаднее, которое все больше содействует огрубению характера и усиливает жажду стяжания, — это развитие притупляет, с другой стороны, животные страсти, делает человека малокровным и бессильным; из необузданных зверей создает оно расчетливых, осторожных людей, которые стараются достичь великой цели современной цивилизации — богатства — не насилием, не убийством, но законными, хотя порой не менее жестокими путями. Поступки вроде тех, что совершены Лебье и Астье, не только не являются следствием какой-нибудь теории современной науки, но они даже не характеризуют современность.

РОМЕН РОЛЛАН
КРОВАВЫЙ ЯНВАРЬ В БЕРЛИНЕ

Непереизданная статья 1919 г.

Предисловие Бруно Ясенского

РОМЕН РОЛЛАН ОБ УБИЙСТВЕ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ И КАРЛА ЛИБКНЕХТА

Настоящая статья Ромен Роллана, напечатанная в «Humanité» в номерах от 16, 17 и 18 февраля 1919 г. и в те годы не переведенная на русский язык, — новый четкий штрих в облике великого писателя-революционера, вырисовавшемся впервые перед советскими читательскими массами в его «Прощании с прошлым», в его письмах и декларациях, в его последнем обращении к Амстердамскому антивоенному конгрессу. При всех срывах, свойственных Ромен Роллану 1919 г., автору письма к президенту Вильсону, уже в этом письме предвозвещавшего «крушение великого буржуазного идеализма», статья «Кровавый январь в Берлине» прозвучала и продолжает звучать сегодня звонкой пощечиной германским вождям II Интернационала, убийцам Карла и Розы.

Статья эта закрыла перед Ромен Ролланом-публицистом на долгие годы двери германских буржуазных и «социалистических» издательств и редакций. В своем «Прощании с прошлым», написанном двенадцать лет спустя, в 1931 г., в качестве предисловия к первому немецкому изданию «Над схваткой» и «Предтечей», Роллан упоминает, что немецкие издатели обратились к нему с просьбой снять посвящение «Предтечей» пяти убитым: Жоресу, Либкнехту, Розе Люксембург, Курту Эйснеру и Карлу Ландауэру, ссылаясь на то, что от этих имен немецкое общественное мнение, «как бык от красного», приходит в ярость. «Я отказался, сказав, что если там не выносят красного, пусть взглянут на собственные руки. Пощечина убийцам».

Трудящиеся массы СССР знают и любят Ромен Роллана, указывающего сегодня, как и в 1919 г., трудящимся всего мира на кровавые руки зачинщиков новой бойни и «во имя СССР, которому угрожает опасность... во имя великой человеческой надежды, которую вызывает и поддерживает... героическое строительство пролетарской России», еще раз бросившего клич «Держите убийц!», но не все знают, что уже германская пролетарская революция 1919 г. нашла в Ромен Роллане горячего защитника, а убийцы Либкнехта и Люксембург — беспощадного обличителя. Это пламенное «я обвиняю», брошенное в лицо вождям германской социал-демократии, звучит сегодня не менее актуально, чем в момент его опубликования.

Бруно Ясенский

КРОВАВЫЙ ЯНВАРЬ В БЕРЛИНЕ

Несмотря на потрясающее впечатление, произведенное убийством Либкнехта и Розы Люксембург, а быть может еще более гнусными подробностями этого позорного преступления, этой звериной яростью, с которой тело потерявшей сознание женщины утащено было шайкой бандитов неизвестно куда и для каких мерзких целей, — все же французская пресса в общем не отдала себе повидимому достаточно ясного отчета в трагиче-

ском значении этих январских дней не только для германской революции, но и для всеобщего мира.

Правительства Антанты и их буржуазная пресса проявляют поразительную близорукость, настолько поразительную, что возникает вопрос, не является ли она умышленной? В обуревающем их страхе перед ростом и грядущим наступлением социализма в Европе они с радостью приветствовали разгром спартаковцев, не учитывая той политической опасности для Антанты, которую влечет за собой их исчезновение. Всецело поглощенные интересами капиталистической собственности, эти националисты не уделяют того внимания интересам своего народа, которое они должны были бы проявлять.

Что касается меня, то после того как я в течение двух месяцев внимательно следил за ходом событий, я пришел к убеждению, что в Германии реакция — консервативная, военная и монархическая — движется вперед гигантскими шагами и вместе с ней лихорадочно растут чувство национального озлобления и мечты о реванше. И я кричу вам: «Берегитесь!» Вы все, правительства Антанты, все повинны в этом своей неумелой и противоречивой политике, одновременно суровой и слабой, грубо провоцирующей, с одной стороны, национальную гордость, а с другой, неслыханно потакающей некоторым немецким правителям. Как могли вы, вы, так громко требовавшие наказания виновных кайзера и кронпринца, как могли вы, как можете вы еще иметь дело с таким человеком, как Эрцбергер, писавшим: «Если бы можно было уничтожить весь Лондон целиком, это было бы более человечно, чем допустить истекать кровью на поле битвы хотя бы одного немца... За каждый потопленный корабль следовало бы смести с лица земли по крайней мере хоть один английский город... Сантиментальность в войне — преступная глупость!»

...Как можете вы поддерживать своими голосами триумф Шейдеманов, приверженцев политики императора, Эбертов и Носке, обращающихся с призывом к монархистам-офицерам и невидимо вдохновляемых генеральным штабом Людендорфа на уничтожение спартаковцев, в то время как они стремятся только к признанию уроков войны, справедливому миру и примирению народов?

Буржуазные правительства Европы, интересы вашего класса вам дороже интересов вашей родины (я не говорю об интересах человечества — эти вам совершенно чужды).

Я излагаю факты, пользуясь главным образом прекрасной газетой Вильгельма Герцога «Die Republik» («Республика»), сумевшей сохранить в этом кровавом хаосе возвышенную ясность мысли. Ее точка зрения является также и моей; это точка зрения независимого мыслителя, которому прежде всего дорога истина.

Драме 6—17 января предшествовали кровавые события 6 и 23—24 декабря, окончательно оттолкнувшие социалистов большинства от революции и одновременно независимых социал-демократов от социалистов большинства и спартаковцев, которым они в равной мере ставили в упрек их насилия. Но выйдя 28 декабря в знак протеста из состава Центрального совета (Zentralrat der socialistischen Republik), Гаазе, Дитман, Барт оставили свободное поле действий для раекционеров социализма, сейчас же призвавших себе на помощь правителя г. Киля — Носке, человека мертвой хватки. Этот Носке, которого Либкнехт звал Кавеньяком, Галифе Берлина, должен был сыграть главную роль в январские дни.

2 января военным министром Пруссии был назначен полковник Рейнгардт, ни в коей мере не разделявший революционных идей. Независимые,

входившие еще в прусское правительство, — Штребель, граф Арко, Адольф Гофман, Курт Розенфельд, Брейтшейд, Пауль Гофман, Гофер, Симон[1], — все заявили о своем уходе. Они исчерпали, согласно своему заявлению от 3 января, все возможности к соглашению; от них требуют безоговорочного подписания назначения полковника Рейнгардта, при чем им отказывают даже в сообщении письменной декларации его программы: Центральный

РОМЕН РОЛЛАН
Рисунок Франса Мазереля

совет на самые существенные вопросы отвечает абсолютным молчанием. Их сотрудничество стало невозможным.

Между тем в различных местах происходят кровавые стычки между контрреволюционно настроенной армией и народом: 30 декабря в Алленштейне между возвращающимися с фронта артиллеристами и народными представителями, вышедшими им навстречу с красными знаменами; 3 января в Кенигсхютте, где войска стреляли по рабочим. Защита восточной границы — это только маска, под которой притаилась контрреволюция; эти

районы кишат агитаторами реакции. 4 января в самом Берлине происходит открытое контрреволюционное собрание, на котором присутствуют граф Вестарп, капитан Нергер и множество офицеров; собрание отправляет верноподданническую телеграмму императору.

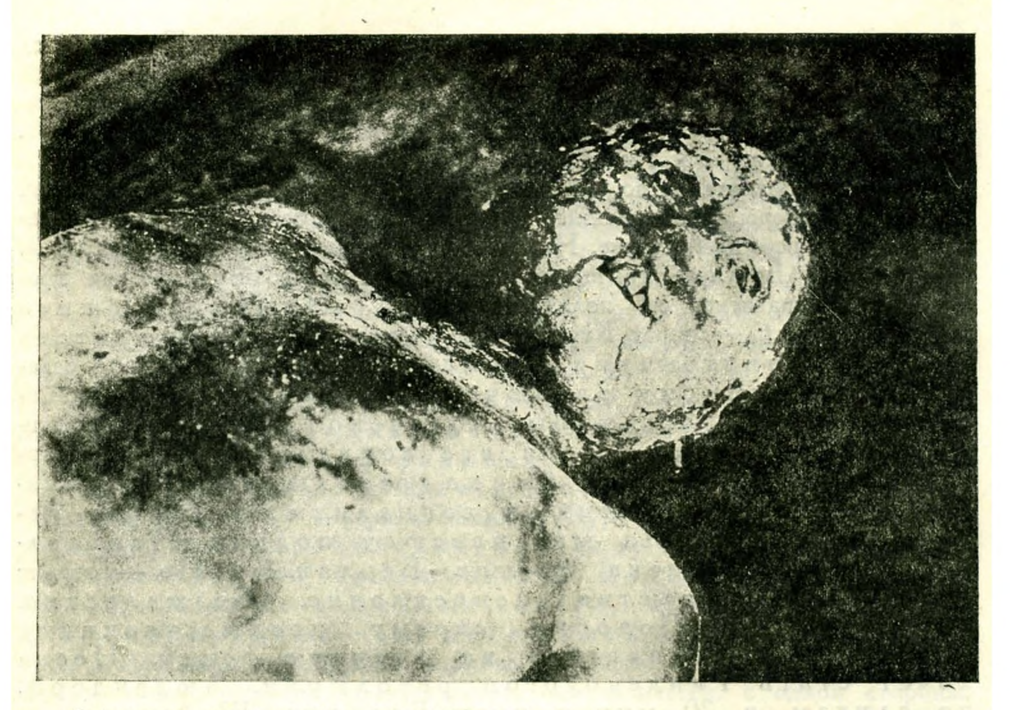
Наконец 5 января министерство внутренних дел решает заменить полицей-президента Эйхгорна, известного своими революционными взглядами, бывшим министром прусской полиции Эрнстом. Это — последний удар. Совершенно очевидно, что правительство хочет отделаться от своих противников и обеспечить себе безраздельную власть, опираясь на консервативные партии. На этот вызов независимые, спартаковцы и рабочие организации крупных берлинских фабрик отвечают призывом к массовой демонстрации. Вожди спартаковцев, Карл Либкнехт и Роза Люксембург, превращают эту демонстрацию в наступление. Вечером 5 января редакция «Vorwärts» и агентства Вольф, а также центральный телеграф и государственный банк заняты их сторонниками. Как могли они так внезапно прибегнуть к силе, после того как сами в своем декабрьском манифесте обязались прибегать к ней лишь в том случае, если на то будет ясно выраженная воля пролетарских масс? Несомненно их толкнула на это страстная импульсивность Либкнехта и Розы, сжигавшее их негодование, а также возмущение революционеров против лжи буржуазной прессы (особенно предательского «Vorwärts», той чудовищной лжи — наследия четырех с половиной лет войны, — которая никогда не была так разнуздана, как со времени революции. Как бы то ни было, роковой поступок совершон — гражданская война вспыхнула.

Страсти мгновенно разгораются. 6 января в Siegesallee (Аллее побед) Либкнехт говорит народу: «Настал момент действовать. Социалистическая революция должна стать не мечтой, а реальностью. Отныне начинается социалистическая революция, которая озарит своим светом весь мир. Да будет правительство Эберта-Шейдемана позором для народов!» А в это время Шейдеман кричит своим сторонникам из окна канцлерского дома: «Царящему в Берлине свинству (Schweinerei) должен быть положен предел. Правительство примет крайние меры. Яснее я не могу сказать. Я заверяю вас, что правительство со всей суровостью выступит против [социалистов] меньшинства. Они должны быть подавлены. Правительство призовет себе на помощь армию... Мы вооружим массы. И уж конечно не дубинками!»

Уже в этот день, 6 января, была попытка линчевать проезжавшего по Вильгельмштрассе Либкнехта.

Носке получает назначение главнокомандующего правительственных войск. Он стягивает отовсюду силы, призывает артиллерию с фронта. Из Киля он призывает свою преторианскую гвардию, свою «железную дивизию»: 1 400 преданных ему людей. Он организует белую гвардию из буржуазных студентов: ректор и совет университета Фридриха-Вильгельма постановляют прервать занятия на неделю, чтобы дать студентам возможность предоставить себя в распоряжение правительства.

Невероятное возбуждение царит в Берлине. Ночью и днем, между 7 и 10 января, раздаются выстрелы и возникают тревожные слухи, распространяемые прессой. Правительственные войска сосредоточены в центре; восточный квартал является штаб-квартирой революционеров, которые продолжают свое успешное наступление, захватывают издательства Шерль, Моссе, Ульштейн вместе с издаваемыми там газетами. Множество мелких стычек. Атмосфера до того напряжена, что сторожевой пост на Виль-



ТРУП РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ, ИЗВЛЕЧЕННЫЙ ИЗ ГОРОДСКОГО КАНАЛА БЕРЛИНА ЧЕРЕЗ ПОЛГОДА ПОСЛЕ УБИЙСТВА
Музей Революции СССР, Москва

гельмштрассе бросает ручные гранаты в группу безобидных прогуливающихся граждан.

Напрасно сначала Ледобур, затем Каутский, Оскар Кон, Дитман, Брейтшейд прилагают все усилия, чтобы примирить враждующие стороны. Напрасно 9 января с аэроплана сбрасываются на город тысячи прокламаций, подписанных Советом моряков: «Довольно крови! Мы хотим наконец мира! Не грубая сила, а разум приводит к цели». Напрасно в тот же день Центральный совет моряков обращается ко всем социалистам и к правительству с трогательным воззванием, заклиная как Эйхгорна, так и Шейдемана, Эберта, Носке и других вождей отказаться от своего самолюбия и своих раздоров: «Товарищи Шейдеман, Эберт, Носке, Ландсберг, Эйхгорн, любите ли вы еще народ? Любили ли вы его когда-нибудь? Уступите другим! Не позволяйте самолюбию и грубому эгоизму руководить вашими действиями. Кровь народа дороже, чем ваши депутатские места. Пусть единство народа будет для вас высшим законом!»

Напрасно 10 января 40 тысяч берлинских рабочих, чтобы прекратить потоки крови, решают объединить трудящихся всех социалистических партий — с вождями, если они этого хотят, если же нет, то помимо их. Напрасно устраивают они шествия, манифестации, призывая к единению; напрасно создают они комиссию, куда входят социалисты большинства, независимые, революционеры и спартаковцы и которая стремится найти почву для соглашения. Спартаковцы еще пошли бы на примирение при условии некоторых гарантий, но правительство лавирует, виляет, тянет, чтобы поспеть стянуть свои войска. В сущности, им руководит чудовищная гордость, стремление сломать всякое сопротивление; и так сильно опьянение властью у этих социалистов большинства, что одно только предложение обсудить

их распоряжения кажется им уже «оскорблением величества». Тех, кто распространяет изданный Центральным советом моряков столь великодушный призыв к примирению, задерживают, арестовывают; их ругают «большевиками, бандитами, убийцами, агентами Антанты», им грозят, их бьют. Раздаются крики: «Расстреляйте их!.. Нет, бросьте их в воду!..»

10 января правительство собрало все свои силы. Переговоры прерваны. И революционеры, вынужденные к решительному бою, призывают к наступлению и всеобщей стачке. Напрасно правительства Баварии, Дрездена, Ольденбурга, Брауншвейга шлют настойчивые телеграммы, умоляя правительство отказаться от политики насилия. «*Нужно положить этому конец*, — пишет Курт Эйснер, — *если только не хотеть полного уничтожения Германии. Единственное спасение повидимому заключается в таком правительстве, которое было бы облечено доверием народа, включало бы в себя все социалистические партии и твердо решило бы на революционных началах вести демократию и социализм вплоть до победного конца. На юге повсюду поднимается волна народного гнева против Берлина!*» «*Но*, — говорит Герцог, — *правительство непреклонно. Безжалостно. Бесчеловечно. Подобно своему предшественнику кайзеру, оно опирается на военную силу. Носке хочет стать Гинденбургом революции. Людендорф, по слухам, в 20 минутах от Берлина. Шейдеманы и Эберты стремятся объединиться с Диоскурами мировой войны*».

В момент появления этих строк [2] свершилось уже самое худшее. Новые версальцы вступили в Берлин. 11 января — это ужасный день, день триумфа буржуазной прессы, военные отчеты которой кажутся ликующими бюллетенями национальных побед. Штурмовые колонны, вооруженные минометами, тяжелыми митральезами и ручными гранатами, входят с Бельальянсштрассе и Блюхерштрассе. Начинается бомбардировка «Vorwärts», пятьдесят пять выстрелов в час. Затем, как с удовольствием отмечают газеты, «пускаются в ход ручные гранаты; каждый солдат вооружен пятнадцатью гранатами». Под развалинами «Vorwärts» погребено около сотни убитых и раненых. Один тяжело раненый, весь изуродованный, выброшен на крышу дома. Сдающиеся спартаковцы рыдают от волнения. И, как полагается, добропорядочная толпа, вечная чернь Шекспира, бросается с побоями на несчастных пленных. Весь квартал охвачен радостью. Особенно свирепствуют женщины и девушки: им кажется, что негодяи мало еще наказаны. В одном пансионе благородных девиц царит страшное возбуждение. «Freudenfest» («праздник радости»). Пресса торжествует победу. «*Они ликуют*, — говорит Герцог, — *как после победы при Танненберге и потопления Лузитании...*» «*Одно только отравляет радость толпы*, — пишет «Deutsche Tageszeitung», — *это мысль, что Либкнехт и Роза ускользнули из рук. Повсюду слышно:* «*Надо надеяться, что эти кровопийцы уже болтаются на фонаре!..*» Главный совет (Volkszugsrat) независимых рабочих посылает проведать пленных и затем опубликовывает потрясающий рассказ о том, в каком состоянии он нашел триста человек, испытавших на себе всю животную ярость буржуазной толпы и загнанных в темные казарменные конюшни; семеро из пленных были расстреляны у входа в казармы разъяренными солдатами. Охраняет их Потсдамский полк, в котором служит в чине лейтенанта принц Гогенцоллерн. «*Гогенцолерн сражается за Эберта!..*»

На одном собрании 13 января пастор Трауб говорит: «Это не правительство избавило нас от спартаковцев, а потсдамские стрелки (Potsdamjäger)[5]... Многие из нас в эти дни желают возвращения старого режима (шумные одобрения). Мы непреминем послать приветствие нашему германскому императору Вильгельму. Мы приветствуем также Людендорфа (бурные овации, крики: «И Тирпица!»)... Тайный советник Гетше говорит: «Никто не может вытравить из наших сердец любви к монархии. Дело Бисмарка не погибло навеки; из развалин возродится новая и сильная германская империя... Мы не забудем про Эльзас-Лотарингию... Мы крикнем всему миру: «Я не отказываюсь от надежды вновь призвать наш императорский дом». (Неописуемый восторг, возгласы и крики в течение нескольких минут. Собрание салютует черно-красно-золотому знамени; раздается пение «Heil dir im Siegerkranz» и «Deutschland über alles»).

В своей речи от 14 января в Мюнхене Курт Эйснер клеймит позором диктатуру Носке: «Правительство Носке так же опасно, как и правительство большевиков. Волю народа должны выражать лишь народные советы. Общая работа на благо социализма — вот дело нашей чести». 15 января советы независимых трудящихся Берлина на общем собрании выносят энергичный протест против правительства, опирающегося, с одной стороны, на худшие элементы всякого сброда, а с другой — на все реакционные силы. «Наши генералы проникаются настроениями, с которыми мы должны бороться еще больше, чем со Спартаком!» восклицает Молькенбур среди продолжительных оваций.

Нет никакого удержу разгулу военной реакции, преследующей своих врагов. В ночь с 14 на 15 января офицеры арестуют (и во многих случаях своей собственной властью, а не по приказу правительства) Ледебура, Мейера, Каутского, Франца Пфемферта, редактора журнала «Aktion» тяжело раненого писателя Карла Эйнштейна, пацифиста капитана фон Беерфельде... Помещение союза «Neues Vaterland» («Новая родина») подверглось обыску и закрыто как очаг спартаковского движения (Spartakische Zentrale). Пробил час нанести смертельный удар. 15 января вечером Карл Либкнехт и Роза Люксембург убиты.

Номер газеты «Die Republik», в котором сообщается об этом (только от 17 января), носит трагический характер. Первая страница заполнена знаменитым письмом Гельдерлина («Hyperion an Bellarmin», 1798), в котором несчастный гениальный поэт жалуется на свое горькое одиночество среди варваров своей родины. На следующей странице читаем: «Отвращение и стыд замыкают нам уста перед лицом этого преступления, совершонного некультурными и обманутыми массами. Человечества больше нет, люди превратились в зверей, обезумели; слова слишком бледны, чтобы передать эту чудовищную бессмыслицу».

За этим следует краткий рассказ члена Центрального совета рабочих и солдат Gross-Berlin: 15 января в 11 ч. 20 м. вечера тело Либкнехта доставлено каким-то лейтенантом в морг как «труп неизвестного», 16 января в продолжение одного часа оно было выставлено для опознания.

Всем известен официальный отчет агентства Вольф. Либкнехт, арестованный 15 января в 9 ч. 30 м. вечера городской охраной Вильмерсдорфа, был препровожден в главный штаб кавалерии, помещавшийся в гостинице

«Эдем», откуда было приказано доставить его в тюрьму Моабит; при выходе из гостиницы он был якобы тяжело ранен в голову собравшейся толпой; увозивший его автомобиль якобы потерпел аварию посреди Тиргартена; направляясь пешком под охраной к Шарлотенбург-шоссе, чтобы пересесть на другой автомобиль, Либкнехт якобы сделал попытку к бегству и был убит несколькими выстрелами в спину. Но следует отметить, что показание первых свидетелей, имевших возможность исследовать тело в морге, говорит о трех ранах; одна очень тяжелая, смертельная, в левый висок, другая около правой ключицы, а третья в верхней части руки; все эти раны нанесены из револьвера военного образца на близком расстоянии и спереди. Со своей стороны брат Либкнехта Теодор заявил энергичный протест от имени семьи против официального дознания, произведенного причастным к делу военным командованием [6].

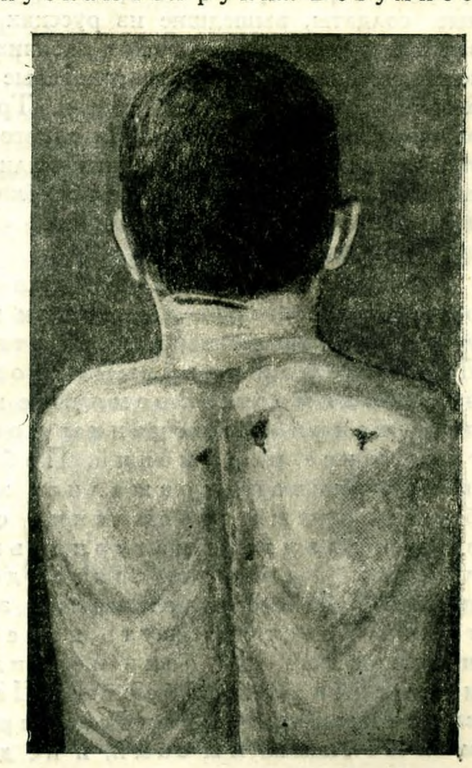
Наконец рассказ свидетеля, частично присутствовавшего при втором преступлении, совершонном почти непосредственно вслед за убийством Либкнехта, позволяет восстановить истину. Роза Люксембург была арестована полчаса спустя и также препровождена в гостиницу «Эдем». Согласно официальному сообщению, были приняты меры к очищению подступов к гостинице, для чего разъяренную толпу направили по ложному следу; но обмануть ее якобы не удалось; при выходе из гостиницы Роза подверглась якобы нападению и ударам и в бессознательном состоянии была увезена в военном автомобиле, остановленном патрулем при выезде из Берлина. Этой остановкой якобы воспользовались неизвестные, ворвались в автомобиль, схватили тело Розы и исчезли с ним в ночной тьме.

Но вот свидетельское показание одного солдата, отправленное им в Центральный совет рабочих и солдат Берлина [7]. 15 января вечером он находился в гостинице «Эдем». Он видел, как Роза вышла [8]. Перед гостиницей не было ни одного штатского. Только 15—20 чел. военных, в большинстве офицеров, окруживших автомобиль. В тот момент, как Роза переступала порог, часовой при входе поднял винтовку и прикладом ударил Розу, отчего она упала навзничь. Часовой нанес второй удар и собирался нанести третий, но бесчувственное тело уже подняли и уложили в отъезжавший автомобиль. В этот момент какой-то солдат вскочил сзади на автомобиль и, нагнувшись над потерявшей сознание Розой, ударил ее несколько раз, как думает свидетель, рукояткой револьвера. Когда автомобиль отъехал метров на сто, раздался выстрел...

Когда 16 января Шейдеман, очень удачно оказавшийся в Касселе, узнал о смерти своих политических врагов, то выразил очень сдержанное сожаление, единственно ради формы; в страстной речи он обрушивается на своих противников. Герои-победители Шекспира великодушны к своим умершим соперникам. Ауфидий, убив Кориолана, преклоняется перед ним и воздает ему посмертные почести. Но Шейдеман — не герой Шекспира. «Эту борьбу, — говорит он, — называют братоубийственной войной. Нет. Преступники и бандиты не могут быть моими братьями». Допуская личную неподкупность Либкнехта и Розы, в которых он видит только опасных фанатиков, он однако старательно подчеркивает тяготеющее над спартаковцами обычное обвинение в подкупе большевиками. И подобно новому Цицерону, он объявляет, что спас родину. «Разгром спартаковцев есть акт общественной самозащиты, который мы должны были совершить ради нашего народа и перед лицом истории». Что касается буржуазной прессы, то она вне себя от радости. «Deutsche Zeitung» находит, что нет наказания, равного преступлению Либкнехта и Розы Люксембург. По мнению «Deutsche Tageszeitung» Либкнехту еще повезло: счастливая судьба избавила его от законного возмездия;

это — суд божий; его смерть описывают как смерть старающегося спастись бегством труса. «Kreuzzeitung» испытывает чувство облегчения. «Tägliche Rundschau» говорит о подкупе большевиков. По словам «Lokal-Anzeiger» Либкнехт сам виноват в постигшей его судьбе: немецкий народ по существу своему мягкосердечен, но Либкнехт сам его спровоцировал. С некоторым достоинством держатся только газеты: «Vossische Zeitung», осуждающая обоих вождей спартаковцев, но не оправдывающая предания их суду Линча; «Vorwärts», порицающая обоих убитых, но в то же время клеймящая позором их убийц, и особенно «8-Uhr-Abendblatt». Эта буржуазная газета поместила благородную и трогательную статью — дань уважения памяти Либкнехта-адвоката от его старинного коллеги д-ра прав Иоганна Вертгауер. Он говорит о его неисчерпаемой доброте, о нем как защитнике бедных и несчастных, подтверждает это примером, свидетелем которого был сам, и чтит в лице Либкнехта «бескорыстного, неутомимого борца за истину, человека с чистым сердцем, открытым для самых несчастных». Такое редкое явление представляет собою справедливость в это жестокое и лицемерное время с вечным призывом к справедливости на устах, что необходимо оградить от забвения имя этого великодушного противника, единственного, имевшего мужество на следующий же день после убийства преклониться перед нравственной чистотой Либкнехта.

Но его выступление было единственным. Победители-братоубийцы беззастенчиво предаются радости. «Народ Гердера, Гельдерлина, Канта, Гумбольдта и Клейста, — говорит Герцог, — за пятьдесят лет преклонения перед успехами, под гнетом средневекового владычества дошел до такого падения, так утерял всякое чувство справедливости и человечности, что считает это убийство столь же справедливым, как и потопление Лузитании... К чему слова? Перед этим морем лжи опускаются руки... Безумное



ТРУП КАРЛА ЛИБКНЕХТА В БЕРЛИНСКОМ МОРГЕ

На теле следы пуль в спину и колотые раны на шее и голове

Музей Революции СССР, Москва

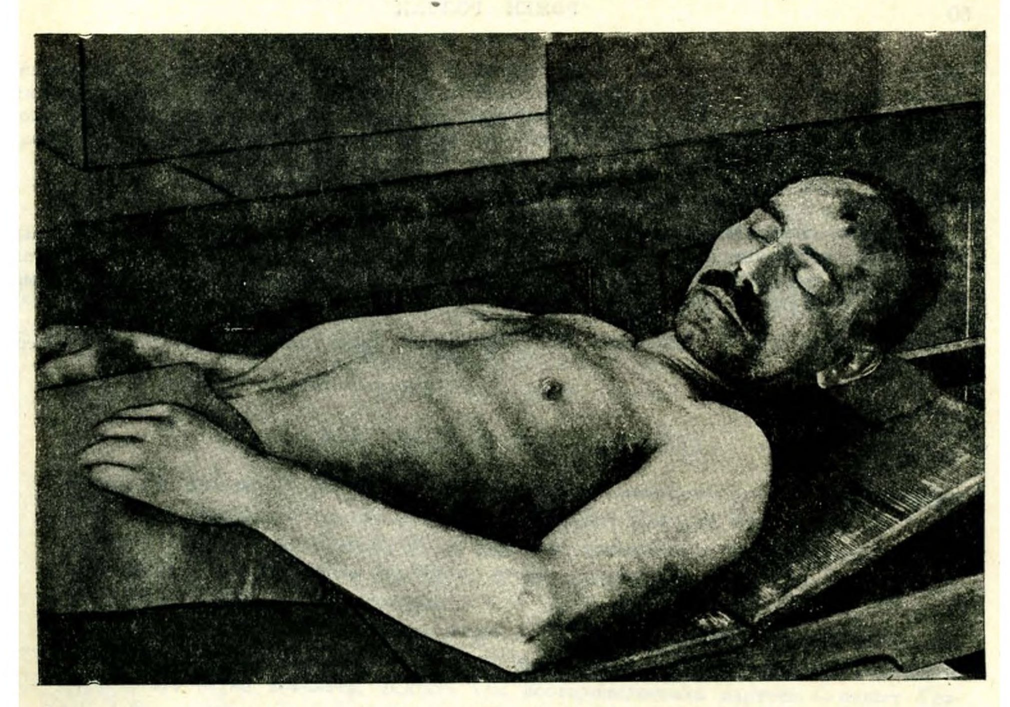
зрелище! Те самые люди, которые стремились возвысить народ, выданы черни как враги народа... Бессмысленно говорить сейчас о гуманности, когда угрозы, насилие, убийство представляют обычное явление, когда жизнь граждан в меньшей безопасности, чем при Вильгельме II!..»

Так же сурово звучит отповедь Курта Эйснера: «Когда подумаешь, — пишет он 16 января вечером, — что такие люди, как Вильгельм II, кронпринц, Тирпиц, Людендорф (находящийся сейчас под самым Берлином, живут безнаказанно, то приходишь в ужас перед сумасшествием Берлина, где обезумевший пролетариат натравливается против тех, кто первый в Германии открыто восставал против войны, против тех, кто конечно не был свободен от недостатков, но кто из чистого идеализма пожертвовал собой во имя своих убеждений. И в то же время живы еще все виновники мировой войны. Это говорит о глубокой внутренней болезни Германии. Это пятнает ее честь».

В Гамбурге объявлена забастовка протеста; все закрыто, все в трауре. Трауром объят также и Дюссельдорф, где происходят скорбные манифестации. В самом Берлине рабочие крупных фабрик объявили забастовку.

В субботу 25 января было совершено погребение Либкнехта и его товарищей. Несмотря на суровые меры, принятые правительством, войска которого, подкрепленные артиллерией, заняли все площади и главные улицы, внушительное шествие двинулось к кладбищу Фридрихсфельда. Беднота стеклась из всех кварталов Берлина и образовала почетный караул вокруг тридцати трех гробов: оборванные молодые люди; истощенные и ужасные солдаты, вышедшие из русских тюрем; женщины и девушки в слезах и в трауре; депутации от рабочих, солдат, матросов всего государства; социалистическая молодежь; красные знамена; плакаты с одним только словом «Убийцы!» («Mörder!»). Тридцать три спартаковца и их вождь опущены в общую могилу. Ни одного возгласа. Но буря в глубине сердец. И в скольких сердцах должны были в этот момент звучать последние слова вождя, последняя статья Либкнехта для «Rote Fahne», написанная им накануне смерти, этот клич «Несмотря ни на что!» умирающего Спартака!

«Спартак разбит! Да, они были разбиты, эти рабочие революционеры. Да, сотни их лучших товарищей были убиты, сотни наиболее стойких брошены в тюрьму... Да, они были разбиты. Этого требовала историческая необходимость. Время еще не приспело... Но некоторые поражения равноценны победам, и некоторые победы гибельнее поражений. Побежденные борцы кровавой недели января сражались за великие идеалы, за самые благородные стремления страдающего человечества, за моральное и материальное искупление; они пролили свою кровь за святое дело, и кровь их стала священной. Из каждой капли этой крови возникнут мстители... Крестный путь немецкого рабочего класса еще не пройден. Но день искупления близок. День всемирного суда для Эберта, Шейдемана, Носке и могущественных капиталистов, прячущихся еще за их спинами... Если мы, мы сами, и не доживем до дня осуществле-



ТРУП КАРЛА ЛИБКНЕХТА В БЕРЛИНСКОМ МОРГЕ
На теле следы ранения в правое предплечье и в грудь
Музей Революции СССР, Москва

ния наших стремлений, то наша программа доживет. Она будет властвовать над всем искупленным человечеством. Несмотря ни на что!»

Еще не раз это «Несмотря ни на что!» раздастся как призыв к единению в социальных битвах будущего. Никаким кровавым репрессиям не подавить его никогда. Но впервые в этой борьбе социалисты оказались на стороне власти против пролетариата. Это создает очень серьезное положение, которое, подчеркивая одиночество пролетариата, рискует придать его борьбе характер безнадежной ожесточенности, от которой пострадает весь мир. Неужели эти враждующие братья не поймут этого? Неужели личные страсти не смолкнут перед лицом общих интересов? Из моего рассказа о «Красном январе» Берлина ясно, что рабочие во всяком случае видят яснее своих вождей и стремятся к единению всех трудящихся. Уже давно известно, что здравого смысла больше у трудящегося народа, чем у вышедшей из его недр и стремящейся отречься от него буржуазии. Эти пять лет войны полностью выявили превосходство здравомыслящего и гуманного народа над его отравленными гордостью и вопросами идеологии вождями.

Ромен Роллан

1—3 февр. 1919 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Большинство этих имен принадлежит известным членам союза «Neues Vaterland» («Новая родина»).

2 «Die Rebublik» от 11 января.

3 Занятого революционерами.

4 «Die Rebublik» от 12 января.

5 Действительно, некоторые призванные в Берлин против спартаковцев части действовали повидимому в качестве временных союзников правительства, сохраняя одно-

временно свою независимость. В интервью от 19 января, данном Носке представителям иностранной социалистической прессы, голландец Анкерсмит, корреспондент амстердамской газеты «Het Volk», возмущается расклеенной на улицах Берлина прокламацией, написанной непосредственно от имени кавалерийской гвардейской дивизии, точно эта дивизия не была подчинена правительству.

6 «Die Rebublik» от 19 января. Протест помечен 18 января.

7 «Die Rebublik» от 18 января.

8 Следует отметить, что в этот момент, едва ли четверть часа спустя после отъезда Либкнехта, в гостинице «Эдем» уже было известно, что он убит. Это обстоятельство делает еще омерзительней ложь военного командования, выставившего подобранный на шоссе труп как «труп неизвестного».

Перевод статьи — Т. Липкиной. Все примечания принадлежат Ромен Роллану — *Ред.*

ГРАНОВСКИЙ О РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

Предисловие В. Невского
Примечания М. Барановской

НОВОЕ ПИСЬМО ГРАНОВСКОГО

Публикуемое письмо Т. Н. Грановского не может изменить твердо установленных взглядов на политическую фигуру этого замечательного деятеля 40-х годов.

Умеренный либерал, не выходящий за пределы постепенного преобразования современного общества в отдаленном будущем, путем длительной, хотя быть может в некоторые эпохи и мучительной эволюции.

Что это действительно так и что на радикальные с первого взгляда фразы публикуемого письма нельзя смотреть как на радикальное изменение убеждений Грановского это легко показать. «Опять там восторжествовала картечь, — пишет Грановский о поражении восставшего пролетариата в Париже в 1848 г. — Угнетатели ликуют. Они думают вернуть рабочих и пролетариат в прежнее рабство. Буржуазия опять собирает силы, но угнетенные не спят. Они покрыли Париж баррикадами, и это было в полном смысле классовое восстание пролетариев» (разрядка моя. — *В. Н.).*

Кажется, судя по этим словам, что Грановский как будто бы понимает истинный ход истории, раз он так точно характеризует июльское восстание, называет его «классовым восстанием пролетариев».

Однако это далеко не так. Прежде всего из текста письма видно, что Грановский различает два понятия: «рабочие» и «пролетариат». Если бы под словом пролетариат Грановский понимал рабочий класс, тогда незачем ему было бы рядом с этим словом ставить другое — рабочие. Мы знаем, что не только Грановский, но и его друзья вкладывали в слово пролетариат другой смысл, чем мы. Для него пролетариат — это тот большой слой городской бедноты, среди которой большую часть составляет мелкая городская буржуазия и прежде всего люди, живущие умственным трудом.

О том, что Грановский не отождествлял понятия пролетариат и рабочий класс видно и из других его высказываний. Еще в 1847 г. в своих работах он, говоря о Риме, утверждал, что пролетариат — явление не старое, и отождествлял так называемых пролетариев Рима с пролетариатом нашего времени, образованием, классом, созданным совершенно иными экономическими условиями и принципиально отличным от римских граждан, носивших имя пролетариев.

По мнению Грановского, те вопросы, какие волнуют лучшие умы Европы теперь, в результате образования нынешнего пролетариата, волновали и лучшие умы Рима, пред которым уже стояла грозная проблема пролетариата.

Да и не мог Грановский понимать классовой сущности движения 1848 года, если даже такие мощные умы, как его друг А. И. Герцен, не сумели возвыситься до истинного понимания вещей, уже ярко сформулированного К. Марксом.

По мнению Грановского, процесс истории заключается в воздействии критической научной мысли на массы, коснеющие в невежестве. Задача истории — создание «нравственной, просвещенной, независимой от роковых определений личности». Требования и действия такой критически мыслящей личности и перестраивают общество сообразно своим идеалам.

Таким образом исторический процесс Грановский мыслил идеалистически; пускай в других терминах, но по существу здесь все по той же идеалистической формуле Ге-

геля история представлялась Грановскому процессом становления личности, диалектическим движением саморазвивающегося духа. Это было конечно очень далеко от того понимания классовой борьбы, которое уже тогда было выработано Марксом.

За год до смерти Грановский в письме той же Екатерине Борисовне Чичериной, кому адресовано и публикуемое нами письмо, между прочим писал о том, что путешествие в Европу теперь (в 1853 г.) не представляет ничего приятного, так как «элементы революционные или, как их называют теперь, разрушительные не потеряли нисколько своей силы и не нынче-завтра могут разразиться с жестокостью, к несчастью вызванною крайностями реакции. Провидение кажется осудило современные поколения на постоянное переходное положение, на состояние в борьбе, которая будет бросать их из одной крайности в другую. Это мнение мыслящих людей в Европе, и то же убеждение, более или менее существующее во всех классах общества, делает жизнь там так мало обеспеченною, так мало приятною». (См. А. Станкевич, Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897, т. II, стр. 318 и т. I, стр. 220).

В умеренном либерале Грановском грядущие революционные бури возбуждают не радость, а страх. Это не значит конечно, что Грановский был поклонником николаевской реакции; он ненавидел ее достаточно сильно, и она-то и свела его преждевременно в могилу. Но ненавидя реакцию, Грановский не видел и тех новых сил, какие уже были налицо и какие готовы были покончить со всякой реакцией, — сил пролетариата.

Для характеристики либеральной сущности Грановского Л. Б. Каменев правильно приводит характеристику, данную ему либералом В. Н. Чичериным: «... Между тем как Герцен, разочарованный во всех своих ожиданиях, увидев несостоятельность той демократии, которой он отдал всю свою душу, кидался в еще большую крайность, громил умеренно республиканское правление, водворившееся после июньских дней, и проповедывал самые анархические начала, Грановский как истинный историк воспользовался развертывающейся перед его глазами картиною, чтобы окончательно выработать в себе трезвый и правильный взгляд на политическое развитие народов, взгляд равно далекий и от радикальной нетерпимости, и от реакционных стремлений, проникнутый сочувствием к свободе, но понимающий необходимые условия для осуществления ее в человеческих обществах». (Цит. по т. III «Былого и дум», стр. 643.)

Правый либерал реакционного толка совершенно верно определил здесь умеренную либеральную природу своего учителя.

Трудно гадать, какова была бы эволюция Грановского, если бы он жил дольше, однако одно можно сказать, что, не пойдя дальше умеренного либерализма, он не перестал бы ненавидеть реакцию той ненавистью, какой он ненавидел режим Николая I и реакцию, наступившую во Франции после революции 1848 г.

Этим объясняются те места публикуемого нами письма, где Грановский с сочувствием говорит о героической борьбе парижских женщин на баррикадах и где он считает победы революции своими победами и торжество реакции печалью своей и своих друзей.

В этом отношении умеренный либерал 40-х годов совсем не похож на современных нам либералов эпохи 1905 года (даже перешедших как будто бы на сторону революции и забывших те чернила, какими они подписывали свои имена под кадетскими декларациями, восхвалявшими кадетскую политику ультра-кадетских органов хотя бы и в день их юбилея), людей, которые, приспособляясь к подъему 1905 года, продавали революцию завтра же, при чем тому из генералов, кто давал дороже.

В 40-е годы «разрушительные элементы» разрушали еще не так радикально, как теперь, и можно было, как Грановский, думать, что счастливое будущее, т. е. социализм, очень далеко и даже посочувствовать революции.

Во всяком случае публикуемое письмо еще раз говорит нам о том, что в героический период зарождения русского либерализма даже либералы могли иногда возвышаться до пафоса народных трибунов и до истинной ненависти к реакции.

Такой Грановский нам ближе, чем Грановский «объективный» историк, равнодушно внимающий добру и злу. Таким и рисует Грановского публикуемое ныне письмо.

В. Невский

[ПИСЬМО Т. Н. ГРАНОВСКОГО К Е. Б. ЧИЧЕРИНОЙ]

Екатерина Борисовна!

Я в деревню не еду и смогу сделать в эти дни для Вашей Вареньки все, о чем Вы меня просите. Александр Иванович впал в уныние, да и есть отчего. Всякие события на Западе отзываются на нас разно. Если они хороши — мы радуемся, если у наших — поражение, мы и весь наш круг впадает в уныние. Последние события как раз не хороши, и я впал в уныние. Опять там восторжествовала картечь, угнетатели ликуют. Они думают вернуть рабочих и пролетариат в прежнее рабство. Буржуазия опять собирает силы, но угнетенные не спят. Они покрыли Париж баррикадами, и это было в полном смысле классовое восстание пролетариев..............

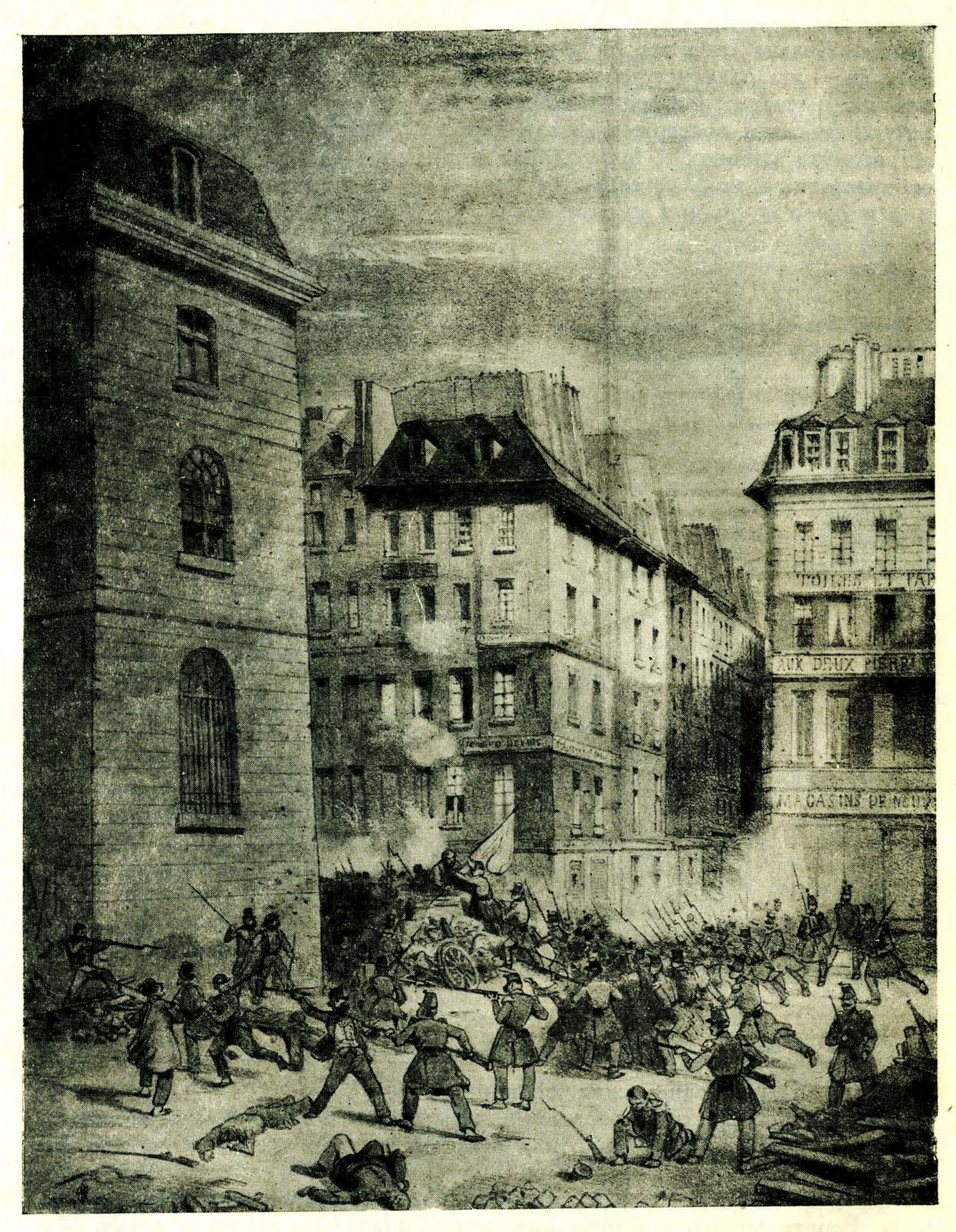
Т. Н. ГРАНОВСКИЙ
Зарисовка В. Э. Дмитриева-Мамонова, сделанная на одном из вечеров у А. С. Хомякова
Государственная Третьяковская Галерея, Москва

Знаете ли Вы французских женщин?

Они приняли с отцами, братьями, мужьями и детьми участие в бою за свое освобождение. Они заплатили жизнью за дело народа, а те, кто еще вчера были с ними, пошли на них.

Вторая республика была похоронена, и над ней склонились красные знамена. Верите ли, руки у меня опустились. Надежды на все рухнули. Мне тяжело, я не нахожу себе места. Этим письмом я причинил Вам грусть. Вы моя единомышленница и высказаться перед Вами я рад. От этого мне сделалось легче.

Я вчера искал успокоения на улице. День был хорош, и я бродил без мысли, без цели, не зная, где брожу. Вывели меня из оцепенения наши будочники с своими испуганными, деревянными лицами.



БАРРИКАДЫ НА УЛИЦЕ МАЛЕНЬКОГО МОСТА В ПАРИЖЕ В ИЮНЬСКИЕ ДНИ 1848 г.
Музей Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

Власть свинцовой руки чувствуется и на них, и не знаю долго ли у нас это продлится. Впрочем все присмирело, все придушено, и взрыва ждать не откуда. Завтра вечером повидаюсь с Александром Ивановичем.

Ваш Т. Грановский

11 июля 1848 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Автограф этого письма стал мне известен в декабре 1926 г. Копия с него была снята мною в 1928 г. у Е. В. Габричевской. Средняя часть письма, касающаяся семейной жизни Грановских, не была снята мною по просьбе Е. В. Габричевской. Нынешнее местонахождение автографа мне неизвестно. Текст письма французский; русский перевод мой.

Письмо это — не единственный отклик Грановского на события 1848 г. См. например его информацию в недатированном письме к жене: «в Париже порядок восстановился. Кавеньяк сложил с себя диктатуру, но избран временно президентом республики до провозглашения новой конституции. Новые (выбранные собранием) министры: Ламорисьер — военный, Вастид — иностранных дел, Бетмон — юстиции, остальные еще неизвестны» (А. В. Станкевич, Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897, ч. II, стр. 294). Уже одна эта информация свидетельствует о той внимательности, с какой Грановский следил за ходом событий.

Упоминаемые в письме лица:

Екатерина Борисовна — Чичерина, мать известного профессора по государственному праву в Московском университете Б. Н. Чичерина, ученика Грановского. Грановский был с ней в приятельских отношениях. Несколько писем Грановского к Чичериной см. в упомянутой работе А. В. Станкевича, т. II, стр. 312—319. См. также «Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов». М., 1929, стр. .13 сл.

Варенька — племянница Чичериной, приехавшая в Москву в 1848 г. из имения Чичериных (села Караул Тамбовской губ.) для устройства своего брата в университет.

Александр Иванович — Морозов, сын крепостного Чичерина (впоследствии вольного). Е. Б. Чичерина поддерживала его. Был учеником Грановского, подавал большие надежды; умер вскоре после окончания университета в 1849 г. от чахотки.

М. Барановская

А. И. ГЕРЦЕН
НОВОНАЙДЕННЫЕ СТАТЬИ И ПИСЬМА

Несмотря на обилие материала, содержащегося в собрании сочинений А. И. Герцена, редактированном М. К. Лемке, и значительную дополнительную публикацию, произведенную Н. М. Мендельсоном в 1927 г. в сборнике «А. И. Герцен. Новые материалы», литературное наследие автора «Былого и дум» все еще конечно не может считаться исчерпывающе известным.

Можно составить довольно обширный список таких западноевропейских периодических изданий 50—60-х годов, в которых то или иное сотрудничество Герцена (хотя бы в форме писем в редакцию) является вероятным, а порою и прямо установленным; из этих изданий обследованы только очень немногие. Огромное эпистолярное наследство Герцена (уже и сейчас опубликованные письма превышают своим размером 150 авторских листов) еще далеко полностью не собрано, в частности можно указать целый ряд западноевропейских демократов, с которыми Герцен состоял в переписке, но письма к которым до нас в большинстве своем не дошли.

Настоящая публикация и идет по указанным двум линиям: мы даем 1) статьи Герцена из газеты немецкой демократической эмиграции в Лондоне «Der Kosmos» (1851 г.) и журнала Мадзини «Pensiore ed Azione» (1858 г.) и 2) отрывки из писем к Гервегу 1848—1850 гг., т. е. в период до семейной трагедии в семье Герцена и возникновения непримиримой вражды Герцена и Гервега, чрезвычайно содержательную полемическую переписку М. Гесса и А. Герцена 1849—1850 гг. и наконец одно письмо Герцена к Гарибальди 1861 г.

Несмотря на то, что эти материалы не представляют собою чего-либо цельного и, по своему внутреннему содержанию, являются по большей части вариациями других высказываний Герцена, мы считаем целесообразным их публиковать в «Литературном Наследстве». Для понимания такого большого, глубокого и сложного мыслителя, каким был Герцен, облекавший свою мысль в блестящую и оригинальную, а часто и прихотливую и импрессионистическую форму, существенное значение имеют и варианты, изгибы и оттенки его мыслей и образов.

Редакция

I

СТАТЬЯ ИЗ ГАЗЕТЫ «DER KOSMOS»: «ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ПРОШЛОМ ГОДЕ ОДНОГО РУССКОГО»

Факт сотрудничества Герцена в газете «Der Kosmos» был известен: Герцен упоминает об этом в письме «к друзьям» от 19 июня 1851 г. Эту газету уже искал Н. М. Мендельсон («А. И. Герцен. Новые материалы», стр. 74—75), но не мог найти ее в библиотеках Москвы, Ленинграда и Лондона. Точное название этой газеты: «Der Kosmos. Deutsche Zeitung aus London. Herausgegeben von Ernst Hang»; № 1 от 17 мая 1851 г.; № 2 от 14 июня 1851 г. В этих номерах напечатаны статьи Руге, Шнауфера, отчет о лекциях Кинкеля, письмо Виллиха и др. А. Руге в одной из своих корреспонденций из Лондона в «Bremen Tagas-Chronik» (номер от 22 апреля 1851 г.) сотрудниками газеты называет Кинкеля, Ронге, Оппенгейма и Таузенау, т. е. почти весь состав руководителей немецкой секции так называемого Центрального комитета европейской демократии (Мадзини, Руге, Ледрю-Роллен и др.); из подписей,

стоящих под воззваниеми этой немецкой секции в «Космосе», нет только имени Г. Струве. Два первых номера ее (выходила ли она и дальше — установить не удалось) нашлись в делах архива берлинского полицей-президиума, и в них действительно оказалась напечатанной одна статья Герцена. Эта статья является ни чем иным, как первоначальной редакцией начала шестого письма из серии «Опять в Париже», «Писем из Франции и Италии» (см. изд. Соцэкгиза под ред. Л. Б. Каменева, М.—Л., 1931, стр. 209). Так как это письмо впервые было опубликовано лишь в издании 1854 г., а рукопись его не сохранилась, то статья из «Космоса», относящаяся к 1851 г., дает представление вообще о тех изменениях, которые Герцен вносил в текст неопубликованных в период их написания «Писем из Франции и Италии». Наиболее существенны два варианта. В издании 1854 г. в третьем абзаце после слов «я отошел в сторону от непогоды и долгого ненастья» дальнейшие слова до окончания абзаца выпущены и заменены словами «не видя средств остановить его». Это примечание ясно показывает, насколько более пессимистично оценивал свою роль Герцен в момент написания статьи, чем тремя годами позже (в 1851 г. он сознавался, что не только не мог «остановить» непогоды, но и не мог «выдержать» ее), насколько глубже был тогда его индивидуализм и сильнее надежда на «внутреннюю деятельность».

В первой строке последнего абзаца редакции 1854 г. говорится уже не о французах вообще, а о «французских консерваторах», и здесь также сказалось таким образом постепенное смягчение пессимизма Герцена.

Статья из «Космоса» дается в обратном переводе из «Космоса», напечатанный в котором немецкий текст был несомненно авторизован Герценом. Переводчик в своей работе конечно опирался на известный русский текст этого письма, но не следовал ему слепо, а стремился сохранить все оттенки мысли, имевшиеся в немецком тексте.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ПРОШЛОМ ГОДЕ ОДНОГО РУССКОГО

Наконец я опять в Ницце,— в Ницце теплой, благоуханной, тихой и теперь совершенно пустой. Два года с половиною тому назад я едва обращал внимание на этот городок; тогда я еще искал людей, большие центры движения, деятельности; многое было мне ново, многое занимало. Полный негодования, я еще примирялся; полный сомнений, я находил еще надежды в моей груди и торопился оставить эти места, едва бросив рассеянный взгляд на красивые окрестности. Торжественный гул итальянского пробуждения пробегал тогда по всему полуострову — я рвался в Рим.

Это было в конце 1847 г., и теперь я прихожу в Ниццу, подобно голубю-путешественнику, с потупленной головой и прошу лишь покоя в ее безмятежной пустоте; я удаляюсь от трескучей деятельности больших городов, так же ни к чему не ведущей на Западе, как и беспечная праздность на Востоке. Долго думая, куда укрыться, где найти отдых, я избрал Ниццу не только за ее кроткий воздух, за ее море, но за то, что она не имеет никакого значения, ни политического, ни ученого. В Ниццу мне менее не хотелось ехать, чем в какое-либо другое место, и я доволен ею. Это — мирная обитель, в которую я отхожу от мира сего, пока мы не нужны друг другу. Счастливый ему путь! Он довольно меня мучил, я не сержусь на него, он не виноват, но я не имею больше ни сил, ни охоты делить его свирепые игры, его пошлый отдых.

Не извращайте, прошу вас, смысла моих слов; это не значит, что я совсем посхимился, дал обет, заклятие: я вышел из того возраста, да и род человеческий вышел из него, когда такие шутки были в ходу,— я не считаю себя в праве кабалить мое будущее, я смотрю на это гораздо проще, я отошел в сторону от непогоды и долгого ненастья, так как у меня нехватило сил выдержать их,— существует еще внутренняя деятельность, которую буря не затрагивает.

И воистину, не было недостатка в причинах для удаления в пустыню даже без распоряжения господ Бароша и Карлье[1]. Когда я только подумаю, что за жизнь влачил я в последнее время в Париже, мною овладевает тоскливое беспокойство и страх. Я вспоминаю об этом, как о недавней хирургической операции, и мне кажется, что я снова чувствую приближение кривых ножниц и зонда. С утра до ночи все стороны души были оскорбляемы грубо, нагло, дерзко. Один взгляд на журналы и прения в собрании отравлял целый день.

Нет, это не роялизм и не консерватизм довел этих людей до такого растления всякого нравственного чувства, всякого человеческого достоинства; совсем напротив, эти люди довели роялизм и консерватизм до такого бесстыдного цинизма. Роялизм — своего рода общественная религия, он не исключает ни доблести, ни благородства; его вина — в его ограниченности и несвоевременности; консерватизм — теория, ложный образ мыслей, но далеко не лишенный чувства стыда и чести. Ни Страффорд, ни Малерб[2] нисколько не были похожи на эти постыдные орудия насилия, позиция которых до того постыдна, что их нельзя оскорбить не только словами, но и рукой, и которые так перемешались с депутатами, писателями и журналистами партии порядка, что никогда не знаешь, имеешь ли дело действительно с человеком или со шпионом.

Большинство камеры и орлеанские журналы — верные органы не роялизма, а того поколения французов, которое, родившись при империи, вполне расцвело под зонтиком короля-гражданина. Франция находится во власти того поколения, которое не верит ни в христианство, ни в королевскую власть, но которое знает опасность свободы, но которое хочет наслаждаться, — хоть несколько лет еще, — для которого все средства хороши, так как в нем не осталось никакого морального чувства. И вот отчего журналисты возносят шпионство, представляя тайных полицейских агентов ангелами, охраняющими порядок и общество. И вот отчего у одного шпиона хватило духу сказать в свою защиту, что он ходил на «революционеров», как на охоту, в то время как другой предложил взяться за вилы и серпы и избивать социалистов по домам и полям, — и один из них получил похвалу «Journal des Débats», другой — «Constitutionnel». И отсюда получается, что в «Assemblée Nationale»[3] находишь циничные статьи, восхваляющие царя Николая, которого эта статья называет «Агамемноном» и страстно зовет его итти на Европу; насмехается над казнями, высоко ставит неаполитанского Бурбона и защищает инквизицию. С болезненной горячностью эти люди напрашиваются на самый грубый деспотизм, лишь бы власть задушила в народе все человеческие голоса и обеспечила неприкосновенность стяжания. Они из-за этого протянули руку полиции всех стран и отдали детей своих на воспитание иезуитам; они сделали еще больше: они дошли до того героизма подлости, которая хвастает полосами на спине так, как их сестры хвастаются своим развратом.

Бывает бремя, хвалить которое хуже, безнравственнее, чем краснея делить его. «Patrie», «Assemblée Nationale» и их сотоварищи подобны политической Юстине[4]; они все обладают цинизмом, хищностью, алчностью и лицеприятием каторги и галер.

Присмотритесь к депутатам. Образованность не обязывает французов ни к чему; с этой стороны они совершенно свободны. При всех своих риторических, учтиво-стереотипных формах, они свирепы, безжалостны и деспотичны. Вы знаете, что они совершили в Италии, в Испании, но все это ничто перед тем, каковы они у себя дома, в междоусобии. Тут они делаются кровожадными зверями, мясниками Варфоломеевской ночи и сентябрьских дней; здесь они проявляют себя в массе, как Фоше[5] и Кавеньяк[6], отец и сын, убивают в домах и на улицах.

Искандер.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Барош, Пьер-Жюль (1802—1870) — в 1849—1850 гг. сначала прокурор апелляционного суда в Париже, с марта 1850 г. — министр внутренних дел. Карлье, Пьер-Жозеф (1799—1858) — с декабря 1848 по ноябрь 1850 г. префект полиции Парижа. В 1849 — 1850 гг. эти два лица были главными руководителями полицейского похода против демократов, высылки иностранцев и т. д.

2 В немецком тексте стоит «Stafford und Malherbes». Это конечо опечатки, в русском тексте (Сочинения, т. VI, стр. 109) частично исправленные. Речь идет о Томасе-Чарльзе Страфforде, английском государственном деятеле эпохи, предшествовавшей английской революции XVII в. (казнен 12 мая 1641 г.), и Кретьене-Гильоме Мальзербе — министре Людовика XVI и затем его защитнике перед лицом Конвента (1721—1794). Оба они вели себя с большим мужеством в эпоху революционного террора.

3 Парижские газеты правого лагеря: «Journal des Débats» — орган консерваторов; «Constitutionnel» — орган умеренных либералов, в 1848—1850 гг. конкурировавший с реакционерами в требованиях суровых мер против левых; «Assemblée Nationale» — орган орлеанистов, воинствующая реакционность которых была особенно сильно окрашена в тона угодничества перед Николаем I.

4 В первые века нашей эры, когда в Риме начинала прививаться пришедшая с Востока так называемая религиозная проституция при храмах, видную роль в деле распространения этого обычая среди представительниц высших слоев тогдашнего общества сыграла некая Юстина, дочь одного высокопоставленного патриция; ее имя упоминается в современных источниках. Повидимому именно ее имеет в данном месте в виду Герцен: имя ее, правда, не вошло в качестве нарицательного в позднейшую литературу, хотя сообщения о ней повидимому оказали известное влияние на тот факт, что авторы эпохи Возрождения с особенным предпочтением давали выводимым ими женщинам легкого поведения имя Юстины (см. например роман And. Perez, La Picara Justina, 1610). Но Герцен настолько интересовался историей упадка античной цивилизации и так охотно извлекал из нее материал для параллелей с современным ему миром, что предположение о том, что и в данном случае он имел в виду именно эту Юстину первого века нашей эры, больше чем правдоподобно.

5 Фоше, Леон (1803—1854) — политический деятель и публицист, умеренный либерал до 1848 г., в период революции выдвинувшийся ожесточенностью своей борьбы против Национальных мастерских и всех мер охраны труда рабочих вообще; в первые месяцы президентства Наполеона III — министр внутренних дел.

6 Кавеньяк, Жан-Батист (1762—1829) — член Конвента, принадлежал к партии Горы; комиссар Конвента, после 9 термидора был обвинен, как и все комиссары Конвента, в разных зверствах. О его сыне, Луи-Эжене, см. выше, примечание 8 к письмам Герцена к Гервегу.

II

СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА ИЗ ЖУРНАЛА «PENSIERO ED AZIONE»: «ЦАРЬ АЛЕКСАНДР II»

Эта статья была написана Герценом для журнала Мадзини «Pensiero ed Azione»[1] и была напечатана в номере этого журнала от 15 сентября 1858 г. (стр. 21—22). О факте ее существования имелись упоминания в герценовской литературе. Нет никакого сомнения, что именно о ней идет речь в письме Герцена к М. Мейзенбуг от 19 сентября 1858 г., где он сообщал, что «на случай, если вы не читали моей статьи в газете Мадзини, я вам ее посылаю». О работе Герцена в этой газете вообще говорит в своих воспоминаниях Саффи. Эти упоминания были известны М. К. Лемке, но ему найти газету не удалось. Ее нашел (в Британском музее) С. И. Р., который в своей статье о письмах Мадзини к Ашертам («Воля России», Прага, 1923 г., № 6) и дал перечень напечатанных в этой газете статей Герцена. Из этих статей одна — ответ графу Гуровскому — напечатана также в качестве приложения к «Колоколу» и вошла в собрание сочинений Герцена[2]. Вторая статья до сих пор нигде и никогда из «Pensiero ed Azione» перепечатана не была.

Она представляет значительный интерес для знакомства с политической позицией Герцена в период первых лет существования «Колокола». Известно, что восторженные выступления Герцена, приветствовавшего первые шаги Александра II на пути отмены крепостного права, натолкнулись на настороженное и недоверчивое отношение некоторых кругов интернациональной эмиграции. Особенно ясно это отношение было высказано эмиграцией польской, — М. К. Лемке приводит примеры этого рода откликов. По-русски на эти обвинения Герцен ответил только мельком, — в статье «Нас

обвиняют». Ответа по существу он в ней не давал. Смешав в одну кучу критику, шедшую из правых кругов, с критическими замечаниями, бросаемыми левыми, Герцен ограничивается в ней одними общими фразами. Он признает, что «шаткость в правительстве отразилась в наших статьях», но кончает тем, что почти ставит эти свои колебания себе в заслугу. «Доктринеры счастливы, — пишет он, — они не увлекаются... и не увлекают других». Однако перед аудиторией западноевропейской демократии, как мы узнаем из предлагаемой вниманию читателя статьи, он счел себя вынужденным объясниться более обстоятельно. С мнением этой аудитории он весьма и весьма считался, он им дорожил, и трибуной для своего объяснения выбрал орган Мадзини, одного из наиболее ему импонировавших вождей этой демократии Запада. Это объяснение Герцена в высшей степени интересно. Говорить ему приходилось перед аудиторией, хорошо помнившей максимализм его произведений начала 50-х годов, жестокость его критики всякой половинчатости, всяких компромиссов. Теперь эта аудитория узнала, что, когда явились проблески надежды на возможность менее чем половинчатых реформ в России, недавний максималист в отношении Запада выявил себя склонным к весьма далеко идущим компромиссам с властью в России. Говоря перед этой аудиторией, Герцен должен был практическую политику «Колокола» в медовые месяцы надежд на Александра II объяснить с точки зрения той идеологии, которую знал европейский читатель.

Насколько убедительным вышло это объяснение, вопрос иной, но то, что оно обладает для нас интересом, — совершенно ясно. Интересно также, что дать подобное объяснение русскому читателю Герцен не счел нужным: в «Колоколе» об этой статье не было даже упомянуто, хотя в этот период Герцен обычно перепечатывал в нем свои выступления в западноевропейской прессе.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР II

(ИЗ ЖУРНАЛА «КОЛОКОЛ»)

Со времени последней войны к России, правда, относятся с большим интересом, но, тем не менее, Россия остается еще изолированной в своей отдаленности, как огромное и темное здание, контуры которого неясно выступают во мраке зимней ночи.

Что же представляет собою это здание? Тюрьму, крепость, фаланстер? Трудно русскому ответить на этот вопрос, ибо здание это еще не закончено и может быть использовано для самых различных предназначений. Это «царство фасадов» [3] представляет пока одни только контуры, в рамках которого обозначились голые стены, остов, углы, определение мест для каторжных работ. Процесс этой своеобразной организации обрывается внезапно в период царствования Николая. Его смерть и война нанесли страшный удар московскому Левиафану, отразившийся на крестьянстве и на царе, на литературе и на армии.

Александр II предстал с целым рядом реформаторских попыток и с проектом освобождения крестьян. Но до сих пор еще ничего не сделано, и мы с беспокойством и горечью присматриваемся, спрашивая себя, сдвинется ли с места северный Левиафан, повернет ли он направо или налево.

Александр II, хотя и царь, но вполне является человеком нашего века, человеком программы, предисловия, и совершенно напоминает тех революционеров весьма недавнего прошлого, которые довольствовались громкими словами, речами и банкетами и блаженно представляли себе, что из этого немедленно воспоследует братство народов.

Сын самого прозаического человека своего века, Александр — мечтатель, сам хорошо не знающий, чего он хочет. Воспитанный поэтом-романтиком, он обнаруживает стремления, смутные желания что-либо сделать, но он совершенно лишен характера и часто плачет, что уж абсолютно не годится на занимаемом им посту. Его программы великолепны, но осуществление

Н. П. ОГАРЕВ И А. И. ГЕРЦЕН
Фотография конца 1850-х гг., Лондон
Институт Русской Литературы, Ленинград

их ничтожно и искалечено. Отсюда вечные промахи, виляние, отсутствие откровенности и целостности.

Александр II, несмотря на самые лучшие намерения с его стороны, не свершит ничего, т. е. ничего положительного. Но одно останется, а именно то, что он встряхнул всю государственную машину и выдвинул вопросы, которые волнуют все слои общества, от высшей аристократии до мужицких хат.

Возьмем для примера два наиболее значительных факта: освобождение крестьян и внешнюю политику. Мы не найдем ничего достойного быть отмеченным, если не считать вечную нерешительность и постоянные ошибки.

Вот уже десять месяцев, как Александр II высказался за освобождение крестьян, десять месяцев он говорил об этом в своих указах и заставлял министра внутренних дел высказываться в своих циркулярах в пользу передачи крестьянам пользования землей и возможности выкупа ими домов и усадеб *, правда, все это в неясных выражениях, но все же позволяющих угадывать мысль правительства. Результатом этого явилось то, что одна губерния за другой, несмотря на то, что сначала они сильно противились всякому делу освобождения, запросили разрешение основать комитеты освобождения. В знак благодарности за это, со стороны правительства, слово усадьба начинает встречаться все реже и превращается постепенно в избу, в курятник и бог знает во что еще. Министр же внутренних дел начинает подменять в своих распоряжениях выражение «освобождение крестьян» выражением «улучшение их положения».

Главный комитет под председательством вице-президента кн. Орлова (бывшего шефа тайной полиции при Николае), которому поручено разработать проект освобождения или улучшения положения крестьян, представляет такой абсурдный и чудовищный проект, что положение крестьян могло бы только ухудшиться, если бы этот нелепо-жестокий проект получил одобрение.

Дворянство, со своей стороны, не хочет уступать крестьянам обрабатываемую ими землю и обнаруживает пассивное сопротивление. Правительство уступает: оно либерально, в то время как оно должно было бы действовать решительно; в результате оно быстро доходит до полного крушения. Вопрос об освобождении крестьян превращается для него в «крымский мир». Если правительство не сумеет справиться с оппозицией дворянства, то оно потеряет свой гражданский престиж точно так, как потеряло свой престиж военный в результате последней войны.

В довершение полного смешения понятий имеется еще и партия либералов старой школы, которая вопит о социализме и коммунизме, лишь только заходит речь о земле. Они видят в этом нарушение священного права собственности.

И как хотите вы, чтобы император Александр II не пугался слова «социализм», если даже значительное количество революционеров из-за ложного страха не понимает значения этого слова?

Русское крестьянство, наоборот, слишком нище для того, чтобы бояться социализма, и вопрос об освобождении его интересует лишь постольку, поскольку оно ему принесет землю... Крестьянство получит землю, вы можете в этом не сомневаться. Мы советуем ему оставаться спокойным. До сих пор оно было прикреплено к земле. Теперь наступило время для пере-

* Обрабатываемая крестьянами земля состоит из усадьбы и пахотного поля. Усадьба состоит из двора, клочка земли и огорода. Правительство, оставляя ему собственность, признает за крестьянином некоторое право на землю. Что касается до усадьбы, то предполагалось предоставить крестьянам возможность выкупа их, и это было условием освобождения. Но в последующих проектах эти частности обходятся молчанием и решение по этому вопросу предоставляется усмотрению помещика. *(Примечание А. И. Герцена.)*

мены ролей: земля должна быть прикреплена к нему и не давать повода к атаке со стороны его врагов. Александр, Орлов, Главный комитет, местные комитеты — все это пройдет. Но земля — однажды упущенная — долго еще будет ускользать из рук тех, кто ее обрабатывает.

А теперь перейдем к внешней политике.

Европа готовится к войне. Ложь франко-английского союза разоблачена. Соперничество и антагонизм этих двух стран делают конфликт неизбежным. Результатом этой решительной схватки может быть или возрождение, или агония Европы. В обоих этих случаях у России нет никаких интересов, которые побудили бы ее принять участие в этой внутренней борьбе: ни прошлого, которое было бы связано с этой борьбой, ни надежды на будущее, ни возможности наследства. Единственное наследство, на которое она имеет право, наследство научное, она уже усвоила, и это приобретение не может погибнуть.

Россия в гораздо большей степени обращена к Востоку, нежели к Западу. Активное вмешательство в европейские дела, желание участвовать в различных политических осложнениях является результатом преувеличенного самолюбия, своеобразной и ложно направленной дипломатией.

У России, если хотите, есть один естественный союзник, это — Соединенные Штаты Северной Америки.

Александр II, незадачливый в своей внешней политике, как и в своей политике внутренней, ищет союза с Францией. Но к чему это? Союз с Францией в высшей степени бесплоден. С нею вступают в союз только для ведения войны, т. е. для разрушения. Не говоря уже о том, что Россия совершенно не подготовлена к войне, тенденция в этом направлении совершенно вредна для нас как выявление наших симпатий к тем принципам, которые выдвигает Франция в своей борьбе с Англией. Бонапартистская Франция, это — императорский Рим, вооруженное рабство, всеобщее избирательное право, голосующее за деспотизм, демократия, превращающаяся в нивелирующий абсолютизм.

Все сомнения о значении будущей борьбы кажутся нам невозможны, так как сами события, обыкновенно сложные и запутанные, группируются в аллегорию с того момента, как сфинкс произносит слово загадки, с того момента, как в ответ на демонстрирование крепостей, пушек и бастионов отвечает электрический провод, соединяющий Америку с Англией.

Выбор между Англией и Францией является пробным камнем для морального сознания русского правительства.

Положение Александра II было блестящим, но он потерял его. Необходимо восстать против правительственных традиций Санкт-Петербурга, которые, как рок, тяготеют над каждым носителем императорской короны,— короны, прикрывшей столько преступлений и так мало раскаяния. У него были благие порывы, но у него нехватило мужества, и он отступил перед грандиозностью задачи, и теперь царедворцы, управляющие государственной колесницей, все более и более увлекают его по ложному пути.

Тогда мы ему громко закричали: подумай о нашем деле! — но шум колес так его оглушает, что он не слышит отдаленного звона нашего колокола.

Не будучи ни дилетантами восстаний, ни любителями революции для революции, мы верили,— и эта мысль утешала нас,— что Россия могла бы направить свои первые шаги к свободе и праву без насилия и без ружейных выстрелов. Правительство было довольно сильно, чтобы начать эту революцию сверху. Теперь оно этой силой не обладает. Александр, в своей слабости, допустил, чтобы все враги прогресса и свободы, враги в силу их положения, их невежественности, их жадности, как Орловы, Панины, Ростовцевы, могли поднять голову и пустить новые корни в развращенную почву старой России.

Где же найдет он силу, чтобы прорвать этот заколдованный круг? Куда мы идем? Вероятнее всего — по пути к страшной *жакерии*, к *массовому восстанию* крестьянства. Мы очень далеки от того, чтобы желать этого, и мы громко заявляем об этом. Но, с другой стороны, гораздо хуже, чем жакерия и рабство, то ужасное состояние неуверенности, в котором находится страна.

А. Герцен, издатель «Колокола».

Putney, 10 сентября

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Pensiero ed Azione» по-итальянски — «Мысль и дело».
[2] На самом деле статья в «Колоколе» напечатана не была.
[3] «Империя фасадов» — выражение маркиза де Кюстина (1790—1857) в его известной книге «Россия в 1830 г.» («La Russie en 1830»).

III

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ ГЕРЦЕНА К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Говорить подробно о том, насколько важна переписка Герцена с Гервегом для биографии Герцена, конечно нет необходимости. С личностью Гервега связана не только тяжелая личная драма Герцена, наложившая глубокий след на всю его дальнейшую жизнь. Переписка эта важна также и для истории формирования мировоззрения Герцена, ибо Гервег был человеком, политически наиболее близким Герцену в момент, который едва ли не наиболее важен для истории этого формирования, — в эпоху разгрома революции 1848—1849 гг. Нотки презрения, звучащие у Герцена в «Былом и думах» в отзыве о Гервеге, не должны нас обманывать: они — результат позднейших переоценок. В 1848—1849 гг., до начала личного конфликта, у Герцена мы не найдем и следа их. В своих тогдашних письмах Герцен говорит о Гервеге совсем иным тоном, часто подчеркивая свое полное единомыслие с ним в общеполитических оценках и характеризуя его как единственного человека среди западноевропейских революционеров, в котором «нет этой западной тупости, которую не пробьешь ни логикой, ни чувством, этой ограниченности падающих натур, кретинизма агонии» («А. И. Герцен» под ред. Н. М. Мендельсона, стр. 66).

В этих условиях знакомство с перепиской между Герценом и Гервегом — вернее перепиской Герценов с Гервегами — в ее полном объеме было бы крайне важно не только для знакомства с их личной драмой, но и для выяснения целого ряда вопросов истории идейного развития Герцена. Из этой переписки нам до настоящего времени известна только одна ее часть — сохранившиеся в архиве семьи Герценов письма Гервегов; они опубликованы М. К. Лемке в комментариях к «Былому и думам». Письма Герценов к Гервегам в литературе совершенно неизвестны, хотя оригиналы их не погибли: они сохраняются в семейном архиве Гервегов, нынешний владелец которого, Марсель Гервег, и поныне отказывается дать согласие на их публикацию, ссылаясь на волю своего отца, считавшего, что эта переписка не должна никогда увидеть света. Единственное, на что М. Гервег согласился, это на публикацию тех отрывков из писем А. И. Герцена, которые ни в какой мере не затрагивают их личных отношений. Выбор этих отрывков сделан В. Флери, известным биографом Г. Гервега.

Эти отрывки очень немногочисленны, и едва ли можно сомневаться в том, что они не исчерпывают всего содержания писем А. И. Герцена даже в отношении одних его общественно-политических взглядов. О том, что писем Н. А. Герцен эта публикация совершенно не затрагивает, мы уже не говорим, а между тем ее писем в архиве Гервегов сохранилось, как нам известно, значительное количество. Идейная близость в отношениях Герцена и Гервега в те годы настолько неразрывно сливались с их личными отношениями, что устранение всего, связанного с последними, не могло не оставить своего следа и на характере печатаемых здесь отрывков, которые в их теперешнем виде дают только отдельные черточки для понимания политических взглядов Герцена тех лет. Но и из этих черточек некоторые представляют значительный интерес.

Укажем хотя бы на отзыв Герцена о Прудоне в письме от начала апреля 1849 г. Чтобы понять этот отзыв, нужно вспомнить, что в этот период Прудон с головой ушел в дело организации Народного банка, — дело, кстати сказать, быстро потерпевшее полный крах. Свою газету «Le Peuple» он в это время заполнял длиннейшей серией скучных статей «Демонстрация теоретического и практического социализма, или революции при помощи кредита для руководства подписчикам и акционерам Народного банка» (номера от 9-го, 25—26 февраля и 1-го, 5-го, 12-го и 19 марта 1849 г.). Увлеченный этой работой Прудон с небывалой до сих пор ясностью выявлял антиреволюционные стороны своего миросозерцания; он в это время с особенной силой и настойчивостью поддерживает мысль о том, что «социализм никогда не хотел итти путем свержения и насилия» (номер от 7 апреля, статья «Le socialisme est-il un parti?»). В нем трудно узнать Прудона середины 1848 г., эпохи его наиболее блестящих выступлений в Национальном собрании в первые месяцы после разгрома июньского восстания в Париже. Нет никакого сомнения, что именно за эти антиреволюционные «уклоны» Герцен называет Прудона «если не князем Прудоновым, то, по крайней мере, бароном фон Пруденгофом», т. е. если не представителем определенной реакции (Россия была тогда ее наиболее ярким носителем, и русская переделка фамилии Прудона свидетельствует о том, что Герцену приходили на ум мысли о прямой реакционности этой проповеди Прудона), то «по крайней мере» умеренным либералом, своим доктринерством убивающим революционные порывы масс (именно так следует понимать переделку фамилии Прудона на немецкий лад: тогдашняя Германия давала наиболее характерные типы либералов-доктринеров. Почти несомненно, что и реплика Герцена «manie de sholastisme» («мания схоластики») Прудона направлена против указанных выше статей последнего.

В заключение настоящей заметки приводим очень любопытное письмо Георга Гервега к Мальвиде фон Мейзенбуг в ответ на просьбу последней от имени детей Герцена о передаче им писем их родителей к Гервегам. Это письмо, насколько нам известно, ни по-немецки, ни по-русски опубликовано еще не было; так как оно представляет известный интерес не только для понимания мотивов поведения Гервега в вопросе о публикации писем, но — некоторыми своими указаниями — и для истории всего столкновения Герцена с Гервегом по существу, то мы даем здесь его полный перевод.

Уважаемая госпожа Мейзенбуг!

Ни теперь, ни после, ни когда бы то ни было. К тому же я не имею чести знать вас лично, и знаю только, что в этом «деле», в которое, за исключением четырех лиц, — не совершая преступления, как моя жена в свое время выразилась, — никто не может быть посвящен и с нашей стороны посвящен не был, вы проявили рвение, достойное лучшего предмета. Что как раз вы, сударыня, которая годами занимаетесь тем, что в качестве добровольной русской распространяете поэзию без правды (как и откуда можете вы знать правду!) и теперь, для увенчания здания, желаете от героя романа выдачи писем героини романа взамен «соответствующего числа его писем», что уже вследствие неравенства их числа было бы невозможно, — это превосходит границы моего понимания.

У меня есть жена и дети, и мой долг по отношению к ним — не лишать их хорошего оружия против возможной будущей подлости, и эти письма и другие писания должны поэтому сохраняться из поколения в поколение.

Что детям Герцена, желание которых я не могу удовлетворить, нечего опасаться какого бы то ни было злоупотребления с моей стороны в будущем, тому порукой мое поведение, которого я держался в противовес самой вызывающей, гнуснейшей, бренчащей деньгами грубости, не позволив себе увлечься, а также не позволяя себе увлечься могущими быть позднее сплетнями с вашей строны во флорентийских салонах, чтобы сделать употребление из единой строчки умершей женщины и чтобы таким образом раз навсегда заткнуть глотку навербованной банде.

Я этого не сделал, так как в этом случае я был бы повинен в том самом преступлении, в котором повинны те, для которых все средства хороши как оружие против

меня и к которым принадлежат также те иллюстрации, которые вы, сударыня, сделали к совершенно незнакомому вам тексту.

К тому же детям нет никакого дела до любовных писем их матери.

Мой друг Рихард Вагнер также принадлежит к числу тех, которым в этом «деле» так часто надоедают совершенно не имеющие к нему никакого отношения люди, что он вам в конце концов даст тот совет, который вы желаете, чтобы избавиться от дальнейшей навязчивости.

Сожалея о том, что я не могу сделать никакого употребления из только вами данного честного слова и разрешая вам рассказанные вами небылицы и далее распространять в «хорошем» обществе, остаюсь преданный вам

Георг Гервег.

В подлиннике это письмо написано по-немецки; даты на копии, сообщенной М. Гервегом, не стоит, но из содержания письма ясно, что оно относится к первым годам после смерти А. И. Герцена: из переписки Мейзенбуг видно, что во Франции она проводила зимы в 1870—1872 гг. Ни в записках самой Мейзенбуг, ни в той части ее обширной переписки, которая до сих пор опубликована, ни в ее биографии никаких упоминаний об этом ее обращении к Гервегу найти не удалось.

1

[Париж], 23 ноября 1848 г.

Гражданин, хотите ли видеть сегодня в 8 ч. предвыборное собрание в Salle de la Fraternité?[1] Сазонов[2] предлагает итти. Мы Вас ждем до $7^3/_4$ ч. Мы сможем потом проголосовать благодарность Бургонскому департаменту, прокричав:

Vive la montagne de Chambertin
Vive la Romanée sociale!
Vive le clos démocratique de Vougeot![3]

Ответ ожидается категорический.

2

[Париж], 30 ноября 1848 г.

Единственный бог, который остается, это — рок. Я того мнения, что с ним следует бороться, и я вам предлагаю, дорогой Г., средство.

С некоторых пор рок мешает мне видеть вас: вчера, например, я уже совсем был готов пойти вас навестить, а вместо того пошел слушать речь Мерославского[4]. Чтобы расстроить это волшебство, я вам решительно предлагаю прийти сегодня с госпожей Г[ервег] пообедать с нами.

Лорд Сазонов, сраженный вчера в братоубийственной встрече с Делеклюзом[5], расскажет нам подробности своей смерти.

3

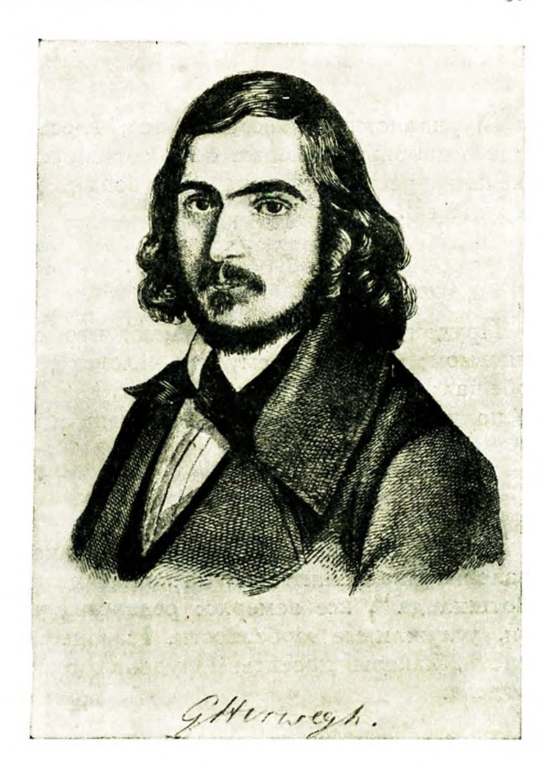
[Париж], начало апреля 1849 г.

Дорогой Г., скажите, ради бога, Сазонову, что я не приду на свидание — мне нужно кое-чем позаняться, а они выбрали чорт знает какое время.

Прудон[6] решительно становится если не князем Прудоновым, то, по крайней мере, бароном фон Пруденгоф. Что за мания схоластическая!

Я не писал статьи относительно «Северной Пчелы»[7], но мне кажется, что достаточно будет сказать, что полуофициальный орган правительства, тот самый, который осыпал комплиментами «храброго и честного» генерала Кавеньяка[8], который писал, что на его долю выпала честь остановить европейскую революцию, этот самый листок выражает сегодня свои дружеские чувства президенту[9], которые не теплее тех дружеских чувств, какие питает президент по отношению к генералу Шангарнье[10]. Говорят о

ГЕОРГ ГЕРВЕГ
Фотография 1850-х гг.
Музей Маркса-Энгельса-Ленина, Москва



писаниях президента, перевели его историю, говорят о его вечерах в национальном Елисее, дают заметить, что только аристократы имеют честь там присутствовать. Очень тронуты поступком, полным деликатности, со стороны министерства, которое не послало дипломатическому корпусу приглашения на о д и о з н о е празднество 24 февраля [11]. Рассказывают, что генерал Шангарнье плакал в этот день, говоря, что это — годовщина фатального дня, когда французская армия покрылась позором, [12] и т. д.

4

[Женева, июль 1849 г.]

Сазонов писал вам, дорогой Г., в 4 часа, приглашая вас прийти в Английское кафе пообедать с г. Фази [13]. Так вот, приходите по крайней мере после обеда. Мы вас ждем.

5

[Женева], 23 июля 1849 г.

Я хотел поговорить с вами о прекрасном плане либерального правительства, которое хочет применить совсем новый метод, чтобы сделать из Женевского озера П о л е С в о б о д ы, и это без большой затраты федеральных денег. Со всех сторон сгоняют сюда эмигрантов, и когда они собираются здесь, ка берегу, то из Цюриха кричат «назад!» и не позволяют здесь оставаться; другие державы имеют слабость тоже кричать «назад!», так что не остается никакого выбора: эмигранты должны либо уехать в варварскую Францию, либо же утопиться в озере... [14]

Струве [15] не ест больше овощей; он находит, что нравственному человеку не подобает питаться явнобрачными растениями — он позволяет себе сейчас одни лишь п а п о р о т н и к и; просто жаль, что Симеон Столпник [16] жил несколько рано, он бы закусывал вместе с Струве.

6

[Женева], 20 августа 1849 г.

Журналистика наводняет все; здесь имеется четыре проекта, все говорят о пробных номерах, об обозрениях, о формате, и все они имеют доброе желание заставить меня участвовать в потерях. Я тронут этими знаками дружбы [17].

7

[Женева, начало сентября 1849 г.]

Прудон не пишет. Я думаю, что он остался не совсем доволен моим письмом; я написал ему как человеку, а он великий эконом. Я сделал, что обещал; я буду настаивать, чтобы добиться — не дружбы Прудона, а исполнения конкордата [18]. Кто папа и кто Наполеон...

8

[Женева], 15 октября 1849 г.

Почему же мне не присылают никакого документа, удостоверяющего, что залог принадлежит мне. Странная вещь: как только деньги вышли из рук Ротшильда [19], все замерло: редакция, усердие писать нам, любезные услуги, услужливые любезности. Наконец, в самом деле, я хотел бы просто знать, каковы проекты Прудона относительно редакции иностранного отдела.

9

[Женева, середина ноября 1849 г.]

В случае, если письмо к Гервегу [20] еще не напечатано, пошлите, ради бога, сказать Хоецкому [21], что я прошу его выпустить все то место, где говорится о Тургеневе [22] и Головине [23] и т. д. Не забудьте, прошу вас. Это и неинтересно для журнала, и неделикатно.

10

[Париж], 1 июня 1850 г. [24]

Я получил письмо от Каппа [25], он в восторге от Нью-Йорка. Фребель посвятил урок моей брошюре, что дало место к полемике в немецких газетах Нью-Йорка [26]. Я хвастаюсь этим и кладу к стопам вашим мою заатлантическую и зауральскую славу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Предвыборное собрание, на которое Герцен приглашает Герверга, — несомненно одно из собраний, посвященных обсуждению кандидатур на пост президента французской республики, ожесточенная борьба вокруг которых тогда шла (выборы, давшие, как известно, победу Наполеона III, состоялись 10 декабря). О каком точно собрании Герцен говорит, установить не удалось: в газетах того времени не удалось найти ни одного указания на собрание 23 ноября.

Название «Salle de la Fraternité», как можно установить по газетной хронике 1848—1849 гг., в то время носило помещение на rue Martel, 9. В этом здании тогда помещался «Club des travailleurs du Nord», в котором одну из руководящих ролей играл Альфред Дармон, ближайший помощник Прудона по редакции газеты последнего; он был знаком и с Герценом и сыграл некоторую роль в привлечении последнего к делу помощи этой газете. Направление этого клуба А. Люка характеризует как «excessivement rouge» («Les clubs et les clubistes», Paris, 1851, p. 246). Больше чем вероятно, что в письме речь идет о собрании, организованном именно этим клубом.

² Сазонов, Н. И. (1815—1862) — известный русский эмигрант 40-х годов: в 1848—1849 гг. жил в Париже и работал в газетах левого лагеря (в «Трибуне народов» Мицкевича, в газетах Прудона и т. д.).

³ Здесь Герцен играет словами, названиями различных вин (Chambertin, Romanée, Clos de Vougeot), перемешивая их с ходячими в то время эпитетами из революцион-

ной терминологии: «montagne»—«гора», т. е. крайняя левая в Национальном собрании, и т. д. Точно передать в русском переводе эту игру слов невозможно. Например в выражение «Le clos democratique de Vougeot» Герцен вкладывает два оттенка: с одной стороны, его можно понимать как «демократический Clos de Vougeot» (сорт вина), а с другой — как «демократическое огороженное поле —de Vougeot».

[4] Мерославский, Людвиг (1814—1878) — известный польский революционер, военный руководитель ряда революционно-национальных восстаний за период 1846—1864 гг., один из главных деятелей демократической части польской эмиграции 40-х годов. Его речь 29 ноября 1848 г., о которой упоминает Герцен, была произнесена по поводу годовщины варшавского восстания 1830 г.; в ней Мерославский обосновывал ту мысль, что революционная Франция в своих собственных интересах должна оказать активную помощь революционной Польше в ее борьбе за независимость. Полный текст этой речи дан в «Le Peuple» Прудона (номер от 3 декабря 1848 г.). Вскоре Герцен переменил свое мнение о нем и стал называть его «величайшим фанфароном в мире» и «генералом, знаменитым только поражениями» (Сочинения, т. V, стр. 286—287).

[5] Делеклюз, Луи-Шарль (1809—1879) — известный французский революционер и социалист, участник целого ряда заговоров и восстаний, гражданский комиссар по военным делам Парижской коммуны 1871 г., убитый версальцами в дни взятия ими Парижа. В 1848 г. издавал газету «La Republique démocratique et sociale». Причиной «братоубийственной встречи» его, т. е. несомненно полемической схватки на каком-либо собрании, с Сазоновым могло быть только расхождение по вопросу о выборах президента. Делеклюз тогда поддерживал кандидатуру Ледрю-Роллена — вождя радикально-демократической «горы». Позиция Сазонова неизвестна. Но так как для него, равно как и для всего кружка парижских русских радикалов, группировавшихся вокруг Герцена в этот момент, очень высоко стоял авторитет Прудона, который в этой борьбе выставлял кандидатуру Распайля, то почти несомненно, что и Сазонов выступал в защиту этой кандидатуры.

[6] Прудон, Пьер-Жозеф (1809—1865) — известный французский экономист и политический деятель, в 1848—1849 гг. член Законодательного собрания и редактор газеты, выходившей под названиями «Le Peuple», «La Voix du Peuple» и т. д.

[7] «Северная Пчела» — ежедневная газета, выходившая в Петербурге в 1826—1864 гг. В эпоху 1848—1849 гг. — единственная русская газета, дававшая хронику политических событий, конечно в освещении, соответствовавшем желаниям начальства (редакторами ее в эту эпоху были Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч). В 1848 г. газета весьма сочувственно отзывалась о генерале Кавеньяке, одобряя его за решительность в подавлении июньского восстания; позднее ее симпатии перешли к Наполеону III. Последняя из статей «Северной Пчелы», на которые ссылается Герцен, напечатана в номере от 16 марта ст. ст. 1849 г. В Париже эта газета могла быть не раньше 5—7 апреля н. ст. Отсюда приблизительная датировка письма.

[8] Кавеньяк, Луи-Эжен (1802—1857) — умеренный республиканец по взглядам, руководитель подавления восстания рабочих в Париже в июне 1848 г. «Храбрым, благородным» его назвал парижский корреспондент «Северной Пчелы» в № 154 газеты от 15 июля ст. ст. 1848 г. (письмо от 13 июля н. ст.). Подобные же лестные отзывы о Кавеньяке встречаются и в ряде других статей газеты: например в номере от 27 января 1849 г. напечатана особая статья «Генерал Кавеньяк», в которой автор, подводя итоги борьбы Кавеньяка с «пороком безначалия», с нескрываемым восхищением отзывался об его «твердости и решительности»: «Июньский мятеж остановлен и побежден его распоряжениями... Кавеньяк вел дело честно, прямодушно, спокойно и с достоинством... Его действиям обязана Прага, Франкфурт, Вена и Берлин водворением спокойствия... Пример французского генерала показал полководцам других стран, каким образом восстанавливают порядок и защищают законы».

[9] Т. е. к Луи-Бонапарту — Наполеону III. «Северная Пчела» ему сочувствовала с первых моментов его появления на политической арене в 1848 г., а немедленно же после его выборов президентом сочувственно регистрировала возникновение плана превращения его президентства в пожизненное (см. номер от 16 февраля 1849 г.). Его история, о которой говорится ниже,—«История пушки»; о выходе русского перевода этой книги напечатано в «Северной Пчеле» от 8 марта ст. ст. 1849 г. «Его вечера в национальном Елисее», это — балы в Елисейском дворце, описание которых дано в «Северной Пчеле» от 5 марта 1849 г.

[10] Шангарнье, Никола (1793—1877) — в 1848—1851 гг. командующий войсками Парижа. Отношения его с Наполеоном III, при всей общности их контрреволюционных стремлений, были более чем холодными, так как Шангарнье сам стремился занять место Бонапарта. На почве этой борьбы в 1851 г. он был лишен командования, а после переворота 2 декабря арестован и выслан из Франции (вернуться обратно он смог только в 1859 г.).

[11] «Одиозное празднество 24 февраля» — празднование в 1849 г. годовщины революции. Отчет о нем «Северной Пчелой» дан в номере от 16 марта ст. ст. 1849 г., где эта годовщина названа «постыдною и плачевною». Автор этого отчета стремится оправдать в глазах русских реакционеров поведение французского правительства, которое не могло не организовать этих торжеств, так как их требовали «крикуны Националь-

ного собрания»; он подчеркивает, что оно согласилось на это лишь «с отвращением и принужденностью». «Оно поступило,—добавляет он,—очень благоразумно не пригласив особ дипломатического корпуса».

[12] В номере «Северной Пчелы» от 16 марта 1849 г. говорится, что на вопрос одного офицера, почему он так скоро ушел с торжеств, генерал Шангарнье ответил: «Я воротился, чтобы плакать о стыде, которым покрывалась армия в этот день прошлого года, но теперь я принял свои меры. Тронься только, беда им». Это сообщение «Северной Пчелы» заимствовано из отчетов парижских газет; оно почти дословно совпадает с тем, что о поведении Шангарнье писал например «Peuple» (в номере от 25—26 февраля 1849 г.).

[13] Фази, Ж. (1796—1878) — известный швейцарский политический деятель радикального лагеря, в 40-х годах руководитель нескольких восстаний в Женеве, с 1846 г. — президент Женевского кантона. Когда Герцен после неудачи республиканской демонстрации 13 июня 1849 г. вынужден был бежать из Парижа, то Фази дружески его принял в Женеве, и в письмах Герцена к жене от конца июня и начала июля (в Женеву от прибыл 22 июня) имеется несколько упоминаний о встречах с Фази. Но, по указанию самого Герцена, «через месяц» его отношения с Фази на почве политических расхождений (Фази не был социалистом) охладели (Сочинения, т. V, стр. 288). Так как данная записка Герцена написана очевидно еще до охлаждения и так как, с другой стороны, Гервег приехал в Женеву после 5 июля, то вернее всего, что записка эта относится к первой половине июля 1849 г. В архиве семьи Герценов сохранилась и М. К. Лемке опубликована записка Фази к Герцену от 12 июля 1849 г., в которой Фази предлагает встретиться в этот день (см. Сочинения, т. XIV, стр. 8); весьма возможно, что именно об этой встрече и идет речь в печатаемой теперь записке.

[14] После разгрома восстаний в Бадене и на Рейне в начале июля 1849 г. в Швейцарию нахлынуло весьма большое количество немецких эмигрантов — политические деятели, солдаты и офицеры революционных отрядов и т. д. Германские правительства немедленно же начали делать коллективные представления о недопустимости пребывания этих эмигрантов на швейцарской территории и требовали от швейцарского правительства их высылки. Под этим давлением союзное правительство Швейцарии 16 июля 1849 г. приняло постановление о высылке политических и военных руководителей южногерманских восстаний; в первый список, опубликованный в швейцарских газетах 20 июля, были включены Брентано, Г. Струве, Мерославский, Виллих и др. Проведение в жизнь этого постановления представляло большие трудности, так как ни одна из смежных с Швейцарией стран высылаемых принять не желала и приходилось вести дипломатическую переписку о пропуске их через французскую территорию в Англию. Женевский кантон, правительство которого в то время было одним из наиболее либеральных, давал приют всем эмигрантам, изгоняемым из других кантонов, за что и подвергался нападкам со стороны союзного правительства.

Настоящее письмо Герцена является отражением настроений, господствовавших тогда в женевской эмиграции.

[15] Струве, Густав (1805—1870) — баденский революционер, видный деятель восстания 1848—1849 гг., который республиканские убеждения сочетал с горячей проповедью вегетерианства и пламенной верой в френологию. Герцен в письме к московским друзьям от 27 сентября 1849 г. сообщает, что одно время он встречался со Струве «почти всякий день»: «Представьте тебе безумного фанатика средних веков, аскета, игноранта и ограниченнейшего человека; представьте, что он проповедует уничтожение мясной пищи... и... и он-то был главою баденского восстания вместе с плутом Брентано и с генералом, знаменитым только поражениями» (Сочинения, т. V, стр. 287. Лемке считает последнее замечание относящимся к Ф. Геккеру; это — явная ошибка: Геккер не участвовал в баденском восстании: замечание это относится к Мерославскому).

[16] Симеон Столпник — христианский аскет, живший в V веке.

[17] В этот период немецко-французской эмиграцией в Женеве и Цюрихе был создан целый ряд журналов — «Völkerbund», «Alliance des Peuples», «Evolution», «Die demokratische Emigration» и др.; существование их было недолговечным; кроме того существовал конечно целый ряд планов, не получивших осуществления. О каких именно из них говорит Герцен, установить не удается; сам он, насколько известно, в этот период участвовал только в «Italia del Popolo» (Лозанна) Мадзини и «Deutsche Monatsschrift» Колачека (имя Герцена стояло также в списке сотрудников «Alliance des Peuples»).

[18] После демонстрации 13 июня 1849 г. газета Прудона была закрыта французским правительством; сам Прудон был заключен в тюрьму на три года. Возобновить издание газеты по новому закону о печати можно было, только внеся залог в 24 тысячи франков, каковые и дал Герцен. Полный текст формального договора, заключенного при этому между Герценом и Прудоном, опубликован М. К. Лемке в комментариях к Сочинениям Герцена (т. V, стр. 293 — 296), но в этом договоре речь идет почти исключительно о материальной стороне дела, и только в одном пункте предусмотрено право Герцена «доставлять статьи по общей политике», которые «должны быть помещаемы в газете, за исключением тех случаев, когда их неуместность будет очевидною или ког-

да их напечатание может повлечь за собой судебную кару». Этот характер договора совершенно не соответствует тому, что о нем рассказал Герцен в «Былом и думах», где подчеркивается, что Герцен выговорил себе право заведывать всею иностранною частью газеты и вообще влиять на ее направление (Сочинения, т. XIII, стр. 454). Согласно этому последнему рассказу, требования Герцена «покоробили» Прудона, что сказалось в письме последнего от 29 августа, которое Герцен называл «строгою депешою». Получив последнюю, Герцен перевел нужную для займа сумму, сопроводил ее письмом «совершенно дружеским, но твердым», в котором пояснял, почему для него важны права влияния на направление газеты. Этим письмом Прудон был «очень доволен», что и высказал в письме к Герцену от 15 сентября 1849 г.

Все эти письма, крайне важные для биографий и Герцена, и Прудона, в литературе к сожалению известны только по выдержкам, приводимым Герценом в «Былом и думах», — и притом приводимых едва ли не на память, — так что было вполне возможно сомнение в точности рассказа Герцена в тех частях, где он расходится в текстом формального договора. Печатаемые теперь под номером 7 и 8 отрывки из писем Герцена к Гервегу важны прежде всего тем, что документально устанавливают интерес Герцена к редакционной стороне ведения газеты и тем самым косвенно подтверждают рассказ «Былого и дум» (в формальном договоре право Герцена влиять на направление иностранного отдела газеты могло быть не оговорено потому, что такая оговорка в этом договоре подчеркивала бы связанность этого права с материальным участием Герцена в издании).

Даты на данном отрывке не имеется: приблизительная датировка его основана на следующих соображениях: оно написано после высылки Герценом денег на внесение залога (только это и может означать его заявление: «я сделал, что обещал»), т. е. после получения письма Прудона от 29 августа и до получения второго письма Прудона от 15 сентября, которое удовлетворило Герцена с точки зрения принципиальной стороны их отношений.

Новая газета Прудона начала выходить с 1 октября 1849 г. под названием «La Voix du Peuple» и просуществовала до 14 мая 1850 г. Герцен опубликовал в ней ряд статей («Письмо к Гервегу», «Письма русского к Мадзини» и т. д.), напечатанных главным образом в иностранном отделе газеты, который в ней носил название «Всеобщая политика — Солидарность народов».

[19] Ротшильд — банкир Герцена, через которого были выданы деньги для займа.

[20] Статья Герцена «La Russie (à G. H.)» напечатана в «La Voix du Peuple» от 18-го и 26 ноября и 10 декабря 1849 г. Замечание о Тургеневе и Головине, об устранении которого Герцен в данном письме просит, в «La Voix du Peuple» напечатано не было, — в этом тексте их имена вообще не упомянуты. О них есть упоминание в немецком тексте этой статьи; соответствующие строки приведены Лемке в его библиографическом комментарии (Сочинения, т. V, стр. 528), — повидимому о пропуске именно их и просил Герцен.

[21] Хоецкий, Эдмонд (1822—1898) — польский писатель и политический деятель, эмигрант с 1844 г., писавший во французских изданиях под всевдонимом Шарль Эдмонд. Редактировал иностранный отдел газеты «La Voix du Peuple».

[22] Тургенев, Н. И. (1789—1871) — известный декабрист, эмигрант, автор книги «La Russie et les Russes» (1847), о которой и говорил Герцен в опущенном замечании своего письма к Гервегу.

[23] Головин, И. Г. (род. в 1816 г., умер после 1882 г.)—эмигрант, автор книг «La Russie sous Nicolas I», «Memoires d'un prètre russe» и др., довольно высоко ценимых Герценом за их разоблачительные тенденции, за содержащиеся в них резкие выступления против николаевского правительства и т. д. Позднее, в середине пятидесятых годов Головин раскаялся, отошел от революционно-эмигрантских кругов, и к старости опустился до того, что обратился к русскому посольству в Париже с предложением шпионских услуг.

[24] В конце декабря 1849 г. Герцен вернулся в Париж для приведения в порядок своих денежных дел, так как правительство Николая I наложило конфискацию на его имущество. В Париже он оставался до 22 июня 1850 г.

[25] Капп, Фридрих (1824—1884) — писатель, историк и политический деятель, участник революции 1848—1849 гг.; одно время (1849 г.) — учитель старшего сына Герцена. Вместе с Гервегом редактировал немецкий перевод «С того берега». В конце 1849 г. уехал в Америку.

[26] Фребель, Юлиус (1805—1893) — публицист и политический деятель, один из крупнейших руководителей немецкой демократической партии в 1848—1849 гг. В Женеве летом 1849 г. познакомился с Герценом и тогда же прочел в рукописях некоторые из статей Герцена. В конце 1849 г. уехал в Америку (судно, на котором он ехал, отплыло из Англии 1 октября). В Нью-Йорке в начале 1850 г. выступил с серией докладов об «уроках революции» в Германии и Европе вообще, при чем в одном из них подробно излагал взгляды Герцена.

Судя по некоторым указаниям, часть статей Герцена он увез с собой в Америку в рукописных копиях и опубликовал их там в немецких демократических газетах («New-Yorker Abend Zeitung» и др.).

IV

ПЕРЕПИСКА ГЕРЦЕНА С МОИСЕЕМ ГЕССОМ

Публикуемые письма Герцена и Гесса представляют чрезвычайно значительный интерес для сравнительно-исторического изучения мировоззрения автора «С того берега». Верное понимание исторической роли Герцена-мыслителя, в частности его, по выражению Ленина, «духовного краха» в период после революции 1848 г., может быть достигнуто лишь на основе сопоставления воззрений Герцена и воззрений других идеологов эпохи. Конечно прежде всего напрашивается сопоставление Герцена с Марксом и Энгельсом. Но надо сказать, что в известном смысле сопоставление Герцена и Гесса оказывается еще более показательным для уяснения себе и сильных, и слабых сторон первого. Дело в том, что Маркс во всех областях, во всех разрезах идейно выше, проницательнее, сильнее Герцена. Сравнивая высказывания Маркса и Герцена по одному и тому же вопросу, каждый раз убеждаешься в том, что сила Герцена в лучшем для него случае — в известном приближении к точке зрения Маркса, слабость — в недостаточности этого приближения.

Сопоставление же взглядов Герцена и Гесса показывает иное. Моисей Гесс (1812—1875) известен как один из представителей того «истинного социализма», который по словам «Коммунистического манифеста» был «высокопарным защитником» германского мещанства. Но позже Гесс эволюционировал. Он сознательно стремился стать на точку зрения Маркса, на точку зрения исторического материализма, однако слишком часто соскальзывал с нее в сторону то ли морализирующего идеализма и расовых теорий, то ли в сторону реформизма и вульгарного понимания зависимостей между экономическим базисом и политической борьбой.

Отношение Маркса и Энгельса к Гессу ярко сказывается в следующих строках письма Энгельса Марксу от 16 сентября 1868 г.: «Не представляется ли настоятельно необходимым популярное краткое изложение содержания твоей книги (речь идет о «Капитале». — *Ж. Э.)* д л я   р а б о ч и х. Если это не сделать, то придет какой-нибудь Моисей и сделает это и все перепутает».

Отношение Энгельса к Гессу — это добродушно-насмешливое отношение великого мыслителя к такому его усердному, но неудачному «ученику», который способен лишь вульгаризировать и перепутать мысли учителя. И надо сказать, что это еще один из снисходительных отзывов. Гораздо сложнее и своеобразнее вырисовываются взаимоотношения Гесса и Герцена. Сопоставление взглядов Гесса, неудачно и неумело пытавшегося стать марксистом, и Герцена, почти всю свою жизнь пытавшегося игнорировать марксизм и только к концу своих дней горько убедившегося в своей исторической неправоте, — такое сопоставление крайне поучительно.

Оно рельефно подчеркивает идейную с л а б о с т ь Герцена, ибо по своим теоретическим предпосылкам и исходным положениям этот человек глубокой и блестящей мысли оказывается стоящим ниже Моисея Гесса и его слабой и путанной мысли. Исходные позиции Гесса в его полемической дуэли с Герценом имеют на своей стороне все выгоды, ибо это позиции не его, Гесса, а плохо им усвоенного учения Маркса. Но не умея остаться на этих позициях, Гесс в своих конкретных возражениях, полемических выводах, оценках и предположениях оказывается несостоятельным. И здесь-то данное сопоставление подчеркивает идейную силу Герцена. Его духовный крах и пессимизм, благодаря смелой последовательности и неустанной пытливости его мысли, оказываются, по-своему, плодотворными, его скептицизм становится в дальнейшем «формой перехода от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой борьбе пролетариата» (Л е н и н, Памяти Герцена).

В первом письме Гесс правильно упрекает Герцена в том, что тот стоит «слишком высоко» над событиями и партиями, что он в силу своего пессимизма и разочарования в перспективах революции, отказывается от практического участия в жизни. Но какое мировоззрение и какого деятеля противопоставляет Гесс Герцену?

Вместо того чтобы сказать Герцену, что его созерцательный, бездейственный объективизм мешает подлинно верному пониманию действительности, что «совпадение измене-

ния обстоятельств и человеческой деятельности или самоизменения может быть достигнуто и рационально понято только как революционная практика» (Маркс, Тезисы о Фейербахе), вместо этого Гесс противопоставляет «всестороннее познание», «объективное познание» активному участию в общественной борьбе, высказываясь за такую активность против такого познания. Неудивительно, что героями Гесса становятся люди, «которые так погружены в самый центр общественной жизни и так охвачены историческим движением, что целиком растворяются в нем», т. е., по терминологии Гесса, «апостолы», противопоставляемые «философам» и не умеющие объективно и всесторонне познавать мир. Естественно, что Гесс в качестве своего героя называет Виллиха, этого смелого и энергичного революционера-боевика, но человека, лишенного критицизма и сколько-нибудь правильного понимания исторической обстановки, этого «коммуниста чувства», по выражению Энгельса. Для Гесса это не случайно. В его брошюре «Страшный суд над старым обществом» («Jugement dernier du Vieux Monde Social»), написанной в 1850 г., Гесс так характеризовал Маркса и Энгельса: «...они превосходнейшим образом владеют искусством рассекать тело нашего общества, анализировать его экономику и описывать его болезни. Но они слишком материалисты, чтобы обладать тем энтузиазмом, который электризует, увлекает народ», (Цит. по статье Г. Лукача, Новая биография М. Гесса, «Архив Маркса и Энгельса», т. III, стр. 408.)

Словом, правильно замечая слабые стороны позиции Герцена, Гесс умеет противопоставить пессимизму последнего лишь «иллюзии вульгарной демократии», по выражению Энгельса в его введении к марксовой «Классовой борьбе во Франции 1848—1850».

И если сам Герцен в период 1850—1852 гг. сошелся именно с Виллихом, этим озлобленным противником Маркса («философ» в тогдашнем герценовском смысле и «апостол» Виллих были совсем не такими противоположностями, как то казалось близорукому Гессу), то позже, в 60-х годах, например в статье-очерке «Роберт Оуэн», Герцен, пусть с оговорками и колебаниями, но уже приходит к пониманию значения революционной практики.

В данной связи интересно отметить, что следующая цитата из этой статьи, зовущая к активному воздействию на действительность, была использована в качестве эпиграфа в известной прокламации «Молодая Россия», отражавшей наиболее крайние настроения молодого революционного поколения 60-х годов и полемизировавшей по ряду вопросов с «Колоколом»: «Крайности ни в ком нет, но всякий может быть незаменимой действительностью; перед каждым открытые двери. Есть что сказать человеку — пусть говорит, слушать его будут; мучит его душу убеждение — пусть проповедует. Люди не так покорны, как стихии, но мы всегда имеем дело с современной массой, ни она не самобытна, ни мы не независимы от общего фона картины, от одинаких предшествовавших влияний; связь общего есть. Теперь вы понимаете, от кого и чего зависит будущность людей и народов.

— От кого?

— Как от кого?.. да от нас с вами, например.

Как же после этого сложить нам руки!»

В 60-х годах Герцен научился многому, но конечно не благодаря Гессу.

В дальнейших своих письмах Гесс многократно противопоставляет «идеологической» точке зрения Герцена свою точку зрения «социальной экономики». Опять-таки по своим исходным положениям Гесс совершенно прав, ибо блестящему уму Герцена, его многостороннему и богатому запасу знаний не хватало именно понимания экономики, знания ее материала и законов. Совершенно верно, что для Герцена национальная психология, культурно-историческое лицо данной страны очень часто и долго заслоняли ее экономическое положение.

Только поздно, к концу своей жизни, Герцен (например в «Письмах к старому товарищу», на которые, характеризуя эволюцию автора, ссылался Ленин) приходит к пониманию значения экономики и «математических законов», управляющих ею.

Но в 1850 г. Гесс плохо учил Герцена, он вульгаризировал марксистский анализ экономических условий классовой борьбы. Так например, исходя из экономики Англии, отвлеченной от исторически сложившихся особенностей классовой борьбы в этой стра-

не, Гесс в 1850 г. именно здесь ждал пролетарской революции. Проблема «революционного воспитания англичанина», о которой Маркс писал Энгельсу 27 июля 1866 г., была для Гесса несущественной.

В то время как Гесс ожидал пролетарской революции именно в Англии, отправляясь только от оценки ее экономики, Маркс в статье «Новой Рейнской Газеты» так определял сложное взаимоотношение экономики Англии и экономики континентальных стран, континентальных революций и революционных перспектив Англии: «Как период кризиса, так и период процветания наступает на континенте позже, чем в Англии. Почин всегда принадлежит Англии... хотя кризисы разряжаются в революции прежде всего на континенте, начало им кладется все-таки в Англии. На конечностях буржуазного тела, естественно, скорее наступает насильственная развязка, чем в сердце его, где равновесие может наступить легче» («Классовая борьба во Франции 1848—1850»).

Наконец Гесс выступал, и тоже совершенно правильно, против славянского революционного мессианизма Герцена. Но и здесь Гесс противопоставлял Герцену не конкретно-исторические и политические аргументы Маркса, а, оперируя отголосками расовых теорий, говорил о «созерцательном, неисторическом, стабильном характере» славянских народов.

Итак — преимущества, которыми Гесс обладает над Герценом в своих исходных позициях, были мерилом слабости Герцена. Но мерилом его силы является то, что действительно победить его пессимистическое мировоззрение, преодолеть его идейную установку мог только подлинный, не вульгаризованный и искаженный Гессом марксизм. И Герцен, и Гесс не дошли до учения Маркса, хотя и шли к нему. Материал же публикуемой полемики ясно показывает, насколько эволюция Герцена была, хотя и более трудной и мучительной, но гораздо более глубокой, последовательной и серьезной.

Ж. Эльсберг

1. ГЕРЦЕН — ГЕССУ

Женева, 26 ноября 1849 г.

Дорогой господин Гесс!

Я был чрезвычайно рад получить от Вас весточку. Я тотчас же написал своей матери, которая живет в Цюрихе, чтобы она как можно скорее выслала Вам 60 франков.

Какой год, какой год! Знаете ли Вы стихотворение Байрона «Тьма»? [1] Вот и я во мраке. А бедный Готшальк! [2] Сердце болит. Лично я был вынужден покинуть Париж после глупого дела от 13 июня [3]; республиканская полиция донесла на меня, а всемилостивейший самодержец всероссийский наложил арест на мое имущество.— С Вами я увижусь, я буду в Цюрихе 7 или 8 декабря. Будьте здоровы и спасибо за доверие.

Преданный Вам
А. Герцен.

Адрес: Господину Гессу в Цюрих под Гирштрабеном № 697, за погребком Соломона.

2. ГЕСС — ГЕРЦЕНУ

[1850, февраль?]

С великой радостью я нашел у Гервега Ваше сочинение; я не только прочел этот труд, я изучил его. Чего бы я ни отдал теперь за то, чтобы побыть с Вами! Если бы это позволяли мои обстоятельства, я поехал бы к Вам,чтобы с точки зрения, не признающей и в исторической жизни различия между посюсторонним и потусторонним, продолжить беседу [4], которую Вы так блестяще набросали «с того берега».

Вы встали на очень высокую точку зрения в Вашей оценке актеров, находящихся в самой гуще исторической жизни, движения, революции. Вы

сравниваете себя с римскими философами, жившими в первые века христианской эры. Дорогой друг, Вы стоите слишком высоко. Историческую жизнь, как всякую жизнь, нельзя рассматривать ни с высокой, ни с низкой точки зрения — ее можно рассматривать только из центра. Все, что выше или ниже жизни, является внешним для нее. Центральный же пункт всякой жизни — это ее собственная экономика, ее своеобразный способ добывания средств к жизни. Для оценки социальной жизни я не знаю поэтому другого критерия, кроме социальной экономики. В обществе, как повсюду, способ производства есть тот центральный пункт, вокруг которого сосредоточивается весь способ существования, а значит в исторической жизни сознательных существ и все их миросозерцание. Кто находится в этом центре, как трудящийся народ, или умственно углубляется в него, как апостолы этого народа, тот не только философски постигает свою эпоху, но и жизненно погружается в нее. Это религия, если Вам угодно; и это уж во всяком случае полнота жизни, а ведь Вы знаете: прав тот, кто живет. Поэтому правда и была на стороне христианина против римского философа и на стороне Робеспьера против немецкого, против Вашего любимца Клоотса [5].

Как апостолы нового евангелия мы должны чувствовать большее родство с апостолами, чем с философами всех времен. Хоть мы и не верим больше ни в христианского, ни в робеспьеровского бога, однако вся наша жизнь и все наши помыслы запечатлены гораздо больше апостольским, чем философским характером. Вы вообще слишком переоцениваете идеологическое выражение исторической жизни и исторических устремлений. Страстная борьба людей, в жилах которых пульсирует история, не исчерпывается теистическим или атеистическим символом веры. Если в прежние времена апостолы народа не столько правильней понимали потребности своей жизни, сколько правильней чувствовали их — правильней, чем философы, которые стояли над, т. е. вне движения своего времени, и довольствовались «маленьким лучом света» и красивым «видом», — то эта сравнительная неясность их сознания объясняется не тем, что они находились в центре живого движения, а тем, что сама жизнь была еще неясна, недостаточно развита. «Человек заблуждается, пока он стремится», т. е. пока он находится в процессе развития. В неразвитом организме преобладают антагонизмы, неясности и противоречия; только развившись, он становится в основном гармоничным, ясным и внутренне единым. Но вся прошлая история человечества была лишь историей развития общества. Как в жизни природы антагонистическое животное предшествовало гармоническому человеку, так в общественной жизни социальное животное царство предшествует гармоническому обществу. Ныне общество стоит у той черты, у которой стояла природа, когда она собиралась создать человеческий организм. Не удивительно, что для нас теперь положение яснее, чем для апостолов прежних времен. Нынешние апостолы могут даже яснее разуметь жизнь, чем нынешние философы, отличаясь вместе с тем от философов так же резко, как отличались от них апостолы всех времен.

Ваше пристрастие к Гете [6] приводит на память противоположность между «эллинами» и «назареянами» — противоположность, которую отметил, но не понял Гейне, потому что он сам представляет одну сторону этой антитезы и поэтому не может возвыситься над ней. Вы знаете, какую бурю негодования вызвал против себя Гейне своей книгой о Людвиге Берне. Ограниченные фанатики почувствовали себя смертельно ранеными и ринулись, как подстреленные кабаны, на охотника, а охотник, спокойно дав им истечь кровью, стал с обычным мастерством преследовать своими выстрелами более опасных зверей, львов и гиен, королей и попов социального животного царства.

С тех пор как я знаю, чего я хочу, я тоже больше люблю Гете и Гейне, чем Шиллера и Берне; но так как я не только знаю, чего хочу, но и хочу то, что знаю, то я больше апостол, чем философ. Вы уже понимаете, почему я противополагаю друг другу не «назареян» и «эллинов», а апостолов и философов. Вторая противоположность шире первой. И в ней нет ничего ехидного—одна сторона не бросает ложного, дурного света на другую. Гейне был бы менее несправедлив к Берне и показал бы самого себя в лучшем свете, если бы он в качестве философа или «эллина», каким он хочет быть, обрисовал свое отношение к истинным и ложным апостолам нашего времени с той объективностью, как это было бы естественно для такого поклонника Гете. Но в том-то и дело, что Гейне не является ни таким цельным «эллином», ни таким совершенным анти-«назареянином», как он сам воображает.

Объективное познание—вот что характеризует философа, будет ли он при этом поэтом или политиком или чистым мыслителем. Как настоящий философ, он не даст никаким субъективным порывам воли омрачить свое объективное познавание, свою ясность и безмятежность; его олимпийское величие никогда не будет нарушено и фанатизировано антагонистической страстью. Но пока общество еще остается антагонистичным, отдельный человек может завоевать себе эту гармоничность только посредством абстрактного возвышения над «вульгарной» общественностью, с которой однако на деле он связан душой и телом. Всестороннее познание, объективная успокоенность, ясность и безмятежность во всех отношениях — такая гармония невозможна в нашем антагонистическом обществе. Гармоническое существо—это в действительности лишь абстрактное, одностороннее существо. Созерцательная натура немцев, как и северо-восточных народов вообще, весьма подходит к этому абстрактному, одностороннему направлению, для которого требуется больше ума, чем темперамента. Люди этого направления срывают с дерева жизни только духовные цветы и воображают, что, сосчитав тычинки цветка, они тем самым уже изучили и процесс образования плода. Они занимаются созревшим охотнее, чем созревающим, гармоническим растительным царством охотнее, чем антагонистическим царством животных, замкнутым в себе естественным животным царством охотнее, чем продолжающим развиваться социальным, вообще—природой охотнее, чем историей. А в области истории они опять-таки предпочитают восточную западной, видя в последней только «ужас» и «безумие». В восточном мире они охотнее останавливаются на китайцах и индусах, чем на евреях и магометанах, и наконец в западном мире античные «эллины» им более по душе, чем современные «назареяне». На историю они переносят свое представление о природе, как о чем-то готовом, рассматривают историю, подобно природе, как циклический процесс и упорно не хотят признать, что история лишь тогда становится замкнутым циклическим процессом, когда перестает быть историей в обычном смысле слова; в каждый возраст они непременно вкладывают полноту самообладания, свойственную только зрелому возрасту, и воображают себя зрелыми людьми, тогда как они на самом деле только незаурядные и избалованные дети.

Философ может предвидеть смерть старого общества, но не может желать ее и способствовать ее наступлению, потому что смерть этого общества есть и его собственная смерть, потому что он живет только в настоящем, а не также и в прошлом и будущем, потому что для него прошлое — это только то, что умерло, а будущее — это только утопия, потому что он больше любит «духовное достижение», чем реальное революционное движение, потому что он считает лично себя завоевателем «истины», некоего абстрактного «духовного» блага, и стало быть обладает духовной частной собственностью. Только те радостно идут навстречу

МОИСЕЙ ГЕСС

Фотография 1860-х гг.

Музей Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

смерти нашего общества, которым уже нечего терять в нем, у которых нет ни духовной, ни материальной частной собственности, которые так погружены в самый центр общественной жизни и так охвачены историческим движением, что целиком растворяются в нем. Это — душевное состояние не философов, а апостолов нашего времени, как и всех времен, например Августа Виллиха или Барбеса [7], которые, подобно первым христианам, почти ищут мученичества как огненного испытания своей веры. Да, это если хотите, мечтательность, но мечтательность исторически оправданная, мотивированная жизнью. И Ваш Клоотс был тоже мечтатель, но его мечтательность была абстрактной, какою и посейчас остается мечтательность наших нынешних немецких «анархистов»,— и я откровенно признаюсь Вам: будь я Робеспьером и попадись мне в руки такой философский «анархист», я тоже обезвредил бы его и навлек бы на себя проклятие философов.

У Вас кроме философского элемента имеется еще один, благодаря которому Ваше понимание истории необходимо должно отклоняться от моего. Вы принадлежите к тем северо-восточным народам, которые, как я сказал, в силу своей созерцательной натуры больше предрасположены к философскому направлению; и, далее, Вы принадлежите к той семье народов, которая осталась чуждой историческому движению Европы, Вы — русский. Вы думаете, правда, что «чужой» способен лучше разобраться в «семейных делах», чем тот, кто сам является членом семьи. Чужой — «беспартийный наблюдатель», это правда. Спрашивается только, правомерна ли «беспартийность» в истории, возможна ли здесь «более высокая» точка зрения, чем точка зрения партии? Мой взгляд на это я уже сообщил Вам в начале настоящего письма. Поскольку Вы считаете себя чужим в наших «семейных делах», Вы только подтверждаете, что Ваша высшая точка зрения является внешней; ибо то, что чуждо, то и внешне.— Но чуждое не только внешне, оно может быть и неприятельским, враждебным, — и когда я несколько ближе присматриваюсь к Вашей точке зрения, я не могу даже признать ее вполне беспартийной. Как философ Вы стоите не в центре исторического движения, а несколько над ним; как русский Вы даже противостоите с некоторой враждебностью европейской истории. Как философ Вы не хотите забегать в будущее, не любите пророчествовать; как русский Вы пророчествуете, что славянская семья народов явится наследницей европейской, ибо последняя слишком одряхлела, чтобы возродиться собственными силами. Как для философа, будущее таит для Вас бесконечное множество возможностей; как для русского, оно таит для Вас в своем лоне только одну единственную возможность славянского нашествия. — И я не люблю пророчеств: они ведут к фаталистическому мировоззрению, которое парализует волю, действенную силу. Возможно, что нынешняя цивилизация погибнет, подобно древней, под ударами не своих собственных, а внешних «варваров»; но возможно и то, что наши пролетарии и есть те «варвары», которые принесут ей с собой смерть, гибель и—воскресение. Я, во всяком случае, сражаюсь за наших собственных варваров и вместе с ними, потому что мне отнюдь не все равно, принадлежит ли наше будущее прогрессивному или реакционному социализму. Но почему же, можете Вы меня спросить, я считаю, что славянское нашествие принесло бы нам только реакционный социализм? По этому поводу я высказался еще десять лет назад («Europäische Triarchie», Лейпциг, Отто Виганд).

Как раз то самое, благодаря чему северо-восточные народности оказались столь способными доставить мировое владычество христианству, делает их сейчас неспособными создать новый мир. То, что Вы пишете о русской общине, только подтверждает мое мнение о созерцательном,

неисторическом, стабильном характере этих народов. Я допускаю, что славяне могут создать современную Византию, западный Китай, но они не смогут превратить нашу Европу в социал-демократическую республику, если Европа не освободит себя сама.—Я по крайней мере сделаю все, что от меня зависит, чтобы отвратить от нашей части света такое великое несчастье. Я пишу не для развлечения, а равно и не из честолюбивых побуждений. Так как вы повидимому любитель физиологии и в особенности френологии, то не скрою от Вас, что, по мнению одного ученого френолога, в моем черепе оппозиционная и боевая черта развита больше, чем черта честолюбия и славолюбия. Как видите, мой мозг развился немножко «криво». Что поделаешь? Виноват ли я, что европейский конвент улыбается мне больше, чем русская община? Так уж устроена моя «конвентовская голова». Я согласен, что не может быть свободной Европы без свободной России, но я думаю, что и свободная Россия, свободное славянство не может существовать без свободной Европы. Почему вы хотите поставить европейскую свободу в зависимость от славянского владычества? Либо та свобода, которую Вы имеете в виду, не есть солидарная социал-демократическая свобода, либо интересы европейцев и славян так же тесно связаны сейчас между собой, как интересы всех народов. Если славяне стремятся теперь к объединению на основе своей расовой однородности и к освобождению от внешнего и внутреннего гнета, то они лишь разделяют в этом пункте стремления немцев, итальянцев и венгров, а равно и всех народностей вообще, еще не добившихся национальной независимости французов и англичан. Однако новейшие события показали, думается мне, достаточно убедительно, как бесплодны и эти национальные стремления, пока реакция не разбита и не побеждена по всей линии и во всех отношениях. Полная победа социальной революции не будет делом одного дня, не будет она и делом одной какой-нибудь нации или одного племени. Я думаю, что Россия и славяне точно так же не останутся в стороне от революции, как Англия и Северная Америка, когда революция развернется полностью. Но если она будет задержана в своем всеразрушающем и всесозидающем порыве, тогда конечно, но и только тогда, снова обнаружится, и более пагубно, чем когда-либо, старый антагонизм интересов, старое разделение рас и классов, старое «divide et impera» («разделяй и властвуй»). Победа реакции и враждебное разделение народов так же совпадают для меня, как победа революции и международное братство.

Ни один апостол народа не может сочувствовать мысли о борьбе рас. Я по крайней мере не могу сдружиться с идеей славянского нашествия. Такая смерть европейской цивилизации не таит в себе зародышей жизни, не принесет с собой воскресенья. Но я надеюсь, что история, которая «не повторяется», избавит нас от этого второго неисправленного издания переселения народов.

3. ГЕРЦЕН — ГЕССУ

Париж, 3 марта 1850 г.

Благодарю Вас тысячу раз за Ваше прекрасное письмо, дорогой господин Гесс; не ждите теперь ответа, я хочу только поделиться с Вами пока некоторыми субъективными соображениями.

Вы совершенно правы, когда говорите, что римские философы стояли вне действительной жизни; апостол Павел или Юлиан Консервативный [8] были гораздо больше укоренены в действительности, чем Секст Эмпирик [9], Лукиан [10] и т. д., — но разве они могли свободно выбирать, разве не исто-

рическая необходимость выгнала их из истории, разве это их вина, что они смотрели на вещи трезвее, чем христиане?

Связь, соединяющая нас с прошлым и с нашей средой, не всегда так слаба. Это симптом упадка, приближения катаклизма. Англичане например, если исключить некоторые эксцентричные индивидуальности вроде Байрона или Шелли, держатся на уровне своей действительности. Они что-то продолжают, у них есть традиции, какое-то дело, правило поведения. Мы находимся в другом положении; этот чувствуемый нами разрыв преемственности, этот «Bruch», не есть нечто преднамеренное, сама среда толкает нас к сомнению, к отвращению; и после долгих усилий, страданий и разочарований вы падаете, или же ваша не титаническая натура восстает, становится скептической и проникается неистовым желанием развенчать все на свете. Обстоятельства—24 февраля, например,—могут перевернуть Вас, могут вдохнуть новый порыв, но они могут и сразу остановить Вас в самом разгаре вашего порыва.

Брошюра, о которой Вы говорите [11], — даже не пропагандистская работа: элемент лирический, так сказать, и совершенно субъективный преобладает в ней. Если она Вас заинтресовала, то потому, что она правдива; в ней чувствуются бешенство и слезы за сомнением; я освободился от своих горестных ощущений, когда написал ее. Капп опубликовал перевод моих писем от 1847 г. об итальянской революции (издание Гофмана и Кампе); в первых из этих писем Вы найдете меня в совершенном упоении (хотя они были написаны после первой статьи «Перед грозой»).

Но это не все. Вы может быть забываете, что моя позиция наблюдателя определяется моей национальностью; я физиологически принадлежу к другому миру, я могу с большим равнодушием констатировать страшную язву, которая снедает Западную Европу. В России мы страдаем только от детской неразвитости и материальной нужды, но нам принадлежит будущее. Славянский мир еще не существовал во всей полноте своих сил; теперь он инстинктивно приготовил себе огромную арену действия—Россию. В этом отношении мы, русские, находимся в совсем ином положении, чем римские философы,—те не имели ничего, кроме своей мысли, мрачной и гордой (хотя, признаюсь, я питаю слабость к этим людям, эта независимость, эта индивидуальная освобожденность, которая ничего уже не ждет от людей, наполняет трепетом мое сердце), и они предвидели то время, когда Юстиниан закроет их школы или какой-нибудь другой император сожжет византийскую библиотеку, чтобы покончить с их наукой. Мы же наоборот только ждем, когда выступить.

Я закончу на этом сегодня. Я буду весьма польщен, если Вы соблаговолите написать Ваше письмо [12] in extenso и напечатать его в Вашей брошюре. Я обязуюсь ответить Вам. Вместо моего имени пишите мой псевдоним—Искандер. Так я подписывал все напечатанное мною в России, и так как Капп тоже употребляет его, то пусть будет Искандер. Распорядитесь, чтобы Кампе выслал мне экземпляр «писем» и возьмите у Гервега один экземпляр брошюры. Я пришлю Вам также «письма»; сообщите Ваш адрес. Куда Вы едете? В Англию? Я может быть буду в Лондоне через три недели. Не забудьте сообщить мне свой адрес, Вы можете писать мне на имя «братьев Ротшильд» в Париж.

Прочли Вы в Швейцарии речь Донозо Кортеса? Я написал ему ответ [13] и собираюсь сейчас написать небольшую статью против сумбура, проповедуемого Эм. Жирарденом по вопросу о большинстве и меньшинстве.

А впрочем все кругом очень печально—я все глубже и глубже погружаюсь в пессимизм.

Еще раз спасибо и большое спасибо за Ваше письмо, оно доставило мне большую радость. Примите мой братский привет.

Что касается денег, то не думайте об этом; мне они не нужны, а Вы собираетесь в путешествие. Если Вам нужна еще приблизительно такая же сумма, просто напишите мне об этом.

Преданный Вам А. Герцен

4 марта

P. S. Заглавие моей брошюры ввело в заблуждение очень многих и в том числе Вас, дорогой господин Гесс. Я написал ее в Швейцарии, и «с того берега» означает только — за рубежом революции, больше ровно ничего.

4. ГЕСС — ГЕРЦЕНУ

[1850 г., март?]

Вы обращаете мое внимание на речь, которую Донозо Кортес произнес в испанской палате депутатов и которая в Париже удостоилась чести быть опубликованной отдельным изданием иезуитами из «Univers». В этом издании речь Кортеса попала в руки и мне, и, прочтя ее, я не удивляюсь ни той чести, которую ей оказал парижский «Univers», ни той, которую сказали ей Вы, ответив, как Вы мне пишете, оратору. Я весьма хотел бы прочесть Ваше возражение. Зловещие пророчества Кортеса действительно так явно совпадают с Вашими, что Вы непременно должны были подчеркнуть различие между Вашим и его мировоззрением. Вас может быть вывело из себя, что человек, выставляющий требования, диаметрально противоположные Вашим, человек, с которым Вы не желаете иметь ничего общего, рассматривает нашу революцию почти с той же точки зрения, что и Вы. Вас без сомнения удивило, что католический мыслитель, иезуит, трубит о страшном суде в тот же рог, что и Ваш философ «с того берега».

Уже одно то обстоятельство, что Вы сочли нужным опровергать эту речь, доказывает мне, что идеологическая точка зрения Вашего философа «с того берега» усвоена Вами всерьез. «Вы придаете слишком большое значение,— писал я Вам в своем предыдущем письме,— идеологическому выражению исторической жизни и деятельности». Вот эту-то черту Вы и разделяете, дорогой друг, с Донозо Кортесом, она-то и вынуждает Вас считать иезуита достойным противником и ставит Вас теперь в неприятную необходимость выступить против человека, вся сила которого только в том и состоит, что он бежит от реальной исторической жизни. С социально-экономической точки зрения «вой» господина Донозо Кортеса вообще не заслуживает никакого внимания. Только идеология прогрессиста может видеть в реакционной идеологии опасного врага, достойного противника. Слепые выпады господина Кортеса направлены вовсе не против действительного социализма, а лишь против мнимой философии социализма, против философского атеизма, против философской анархии. Разве Вы не видите, что наш испанский гидальго трусливо удирает от действительной, от социально-экономической революции? Только укрывшись на территорию идеологии, отваживается он вступить в борьбу с революцией; только в обществе Дон Кихотов анархии он снова чувствует себя на родной почве.

С социализмом, с этим «сыном политической экономии, пожирающим свою мать», «невозможно бороться» — «le socialisme ne se combat pas», — вздыхает Донозо Кортес. Если же вы все-таки хотите бороться с ним, прибавляет он елейным тоном, то вы должны обратиться к той религии, которая призывает богатых к милосердию, а бедных к покорности, к терпению. Драгоценное признание!—Он выбалтывает основную мысль реакции, объявляя занятие экономическими вопросами величайшим злом нашего безбожного времени. «Занимайтесь экономическими вопросами,—

восклицает он,— поставьте их на первое место, и не сегодня-завтра вы будете иметь социализм в парламенте и на улице!»—Господин Донозо Кортес охотнее занимается тремя «положительными» и тремя «отрицательными» сторонами религиозного и политического миросозерцания, «тремя ступенями» веры и неверия. Этот господин прошел хорошую школу — он был посланником в Берлине, может сейчас еще остается им. Там он имел возможность изучить «отрицательную идеологию» у ее «первосвященников». Туда отсылает он всех, кто хочет узнать идеологию из первоисточника. «Знайте, — взывает мудрый дипломат к своим изумленным соотечественникам,— знайте: социализм» и т. д.; «знайте — социализм!» Французы только ученики в вопросах социализма, в вопросах социальной революции, и ученики—немцев! Англия, так поучает нас этот господин, единственная страна в Европе, избежавшая опасностей социализма и способная спасти Европу, если только к ее прочим преимуществам прибавится еще одно, если она станет — католической!

Подобный вздор не приходится опровергать — le cretinisme ne se combat pas, — но зато, как спартанцы изучали на своих илотах последствия пьянства, так мы можем изучать на этом реакционном идеологе последствия того направления мысли, которое сбивает с толку не только наших врагов, но, к сожалению, слишком часто и наших друзей. Это направление — я разумею идеологию — является дочерью нашего антагонистического общества; но в противоположность своей материалистической сестре, социальной экономии — этой дочери политической экономии, пожирающей свою мать, — она более благодарная дочь и постоянная верная спутница своей старой матери как в своих «отрицательных», так и в своих «положительных», как в своих революционных, так и в своих реакционных выступлениях.

Наш реакционный испанец видит в реальном историческом движении только идеологическую сторону движения. В этом вся причина той бездонной и бессмысленной чепухи, которую он несет и которая иначе была бы совершенно непонятна в устах человека, который как дипломат должен же хоть сколько-нибудь знать свет. Идеология ведь и есть то напряжение мысли, которое ставит все вверх ногами. Не буду здесь останавливаться на том, в какой мере это направление мысли нашего испанца объясняется его реакционной тенденцией, утверждается ли он невольно или сознательно на идеологической точке зрения, смутно ли он чувствует или ясно понимает, что идеология есть слабая сторона революции и сильная сторона реакции, действительно ли он опьянен или только притворяется опьяненным, чтобы вогнать в подобное же состояние своих слушателей и затем уже безнаказанно перевертывает все вверх ногами, не рискуя сам оказаться в смешном положении. Во всяком случае умственные аберрации, произведенные в голове реакционера чистым спиртом идеологии, могут послужить для нас устрашающим примером того, до какой степени идеология извращает мозги.

Если в реальном историческом движении видеть только его идеологическую сторону, тогда тот народ, который ни разу не попытался совершить практически социальную революцию, но зато тем усерднее критиковал теории социализма с «анархической» точки зрения,— тогда именно немецкий народ окажется народом «учителей и первосвященников» социальной революции; тогда те, кому в наше время всегда принадлежит почин в революционном движении, т. е. французы, окажутся лишь учениками в деле социальной революции, учениками тех «анархистов», которые ученее всех умеют болтать и меньше всех умеют действовать; тогда та страна, передовая промышленность которой содержит в себе все условия, необходимые для проведения и завершения нашей революции— той революции, которую народ революционного почина только испробо-

вал, только начал, но не довел до конца и не может завершить один,— тогда Англия окажется единственной страной, способной «задержать» развертывание социальной революции!

Если в общественных отношениях и связях, порождаемых среди людей определенным способом общественного производства, мы будем видеть только рефлекс этих самых отношений в сознании, т. е. только духовную связь, — тогда и в разложении общественных отношений мы увидим только разложение духовных связей, лишь отражающих, как в зеркале, движения самой действительности; тогда тончайший цвет общественной жизни, мораль и религия, превратится у нас в ее корень, вершина пирамиды — в ее основу, и мы вообразим, что старые, разложившиеся общественные отношения могут быть восстановлены посредством восстановления старых духовных связей; тогда мы будем гибель данного мира выводить из гибели его морали, тогда борьба за господство в мире превратится в борьбу за моральные преимущества той или другой расы; тогда различные фазы общественных отношений, возникающих и исчезающих вместе с определенным способом производства, превратятся в соответствующие фазы веры и неверия; тогда в разложении феодальной системы собственности мы увидим только разложение феодальной веры, преданности и покорности, а в зарождении, развитии и итоге буржуазного революционизирования феодальной собственности — только зарождение, развитие и итог буржуазного непокорства и неверия в политической и религиозной сфере; тогда мы не сможем распознать зародыши нового мира, которые еще не нашли своего отражения в сознании, потому что они таятся пока в мире бессознательного; тогда мы хоть и сумеем разглядеть конец буржуазной революции, последнюю ступень отрицания, атеизм, анархию, но за нею не увидим ничего кроме мрака, сплошного мрака.

Мрак, сплошной мрак видит перед собою Донозо Кортес с той минуты, когда Европа, которая, как он говорит, уже перешла от первой ступени отрицания, от деизма в религиозной и конституционализма в политической области, ко второй ступени, к пантеизму в религиозной области и к республике в политической,—когда Европа перейдет от этой второй к третьей и последней ступени отрицания — к атеизму в религии и к анархии в политике.

Ничего кроме мрака, сплошного мрака не может усмотреть и Ваш философ «с того берега» с той минуты, когда буржуазная революция, вступив в свою третью и последнюю фазу и перейдя тем самым в пролетарскую революцию, развернется до конца.— Как русский вы видите, правда, в славянском нашествии «белую волну ковчега» за сумрачными «волнами карающего потопа», наступление которого Вы видите как философ,— между тем как Донозо Кортес видит в этом нашествии только вторжение варваров, которые пройдут по Европе с оружием в руках и сами впитают в себя яд разрушительных идей, который они найдут у нас. Но, дорогой друг, в этом пункте Ваше преимущество перед Донозо Кортесом заключается только в Вашей непоследовательности. Если допустить, что варвары завоюют цивилизованный мир, то, согласно законам логики и истории, придется также допустить, что завоеватели воспримут духовные и материальные богатства завоеванных, а так как по Вашему взгляду, как и по взгляду Донозо Кортеса, нашим последним словом является идея анархии, то завоеватели и смогут воспринять только эту отрицательную идею и должны будут вместе с нами умереть и сгнить от яда нашей заразы. Как Вам известно, я не отрицаю возможность такой смерти без воскресения, такой окончательной победы варварства и бестиализма; я утверждаю только, что нашествие, варварство и реакция неотделимы друг от друга, что одно неизбежно влечет за собой другое. Для спасения Вашего славянского нашествия Вам остается только провозгласить положительной

идеей тот самый социализм, который Вы до сих пор вместе с Прудоном и с немецкими философами понимали как отрицательную идею, как анархию в политической и атеизм в религиозной сфере.

Но если эта положительная идея есть нечто большее, чем утопия, если она есть идеологическое выражение реальных отношений, то ее содержание совпадает с содержанием нашей нынешней революции, то эта революция, наносящая смертельный удар старому миру, уже должна в самой себе носить зародыш нового мира. А если в нашей революции содержится зародыш нового мира, если наши антагонистические отношения производства и собственности таят в своих недрах предпосылки тех гармонических отношений, которыми будут уничтожены все классовые и расовые различия,—тогда, дорогой друг, эти предпосылки будут получены нами не от славян, как Вы думаете, с их общинным землеустройством. Если не анархия, а организация существующих средств производства на общую пользу и объединение всех народов цивилизованного мира есть последнее слово революции, тогда, правда, все еще остается возможным поражение революции и окончательная победа реакции, но тогда анархия и нашествие будут сопутствовать не успехам революции, а успехам контрреволюции и реакции.

Наш католический испанец утешается католической иллюзией. Ему ответил еще Санчо-Панса: «Послушайте, сударь, то, что Вы видите перед собой, это не великаны, а ветряные мельницы». Философический русский «с того берега» утешается славянской иллюзией. Не обманитесь, дорогой друг! Светлая точка. которую Вы видите за «волнами карающего потопа», это не «заря» нового дня, это — северное сияние, которое освещает вечную ночь!

5. ГЕСС — ГЕРЦЕНУ

[1850 г., март]

Наконец-то, наконец я получил «Voix du Peuple», журнал Прудона, в котором напечатан Ваш ответ на речь господина Донозо Кортеса, маркиза Вальдегамаса. Одновременно с этим журналом я получил еще две интересные вещи: Ваши изданные Гофманом и Кампе письма об Италии и Франции и первый выпуск выходящего в Лондоне политико-экономического обозрения Маркса [14]. Вы с правильным чутьем выделили из многочисленных драгоценных признаний испанского оратора самое драгоценное — его слова о милом родстве священника и солдата, в которых он видит двух близнецов, два основных столпа нашего «порядка», представителей двух дисциплинированных армий слепой веры; и еще более тонкое чутье обнаружили Вы тем, что обошли молчанием маленькую разницу между Вашим и его взглядом на славянское нашествие. — В качестве «доктора богословия», как Вы шутливо подписались, Вы имели также право прочесть небольшую нотацию французам по поводу их невежества и беспринципности в религизоно-философских вопросах—невежества, вынуждающего других и посейчас повторять им истины, которые уже не были новостью во времена Бэкона и Спинозы. Я однако, не будучи ни доктором богословия, ни доктором философии, радуюсь вместе с Гейне этому «провидекциальному невежеству» французов и прошу Вас не читать им больше религиозно-философских лекций во внимание к тем легкомысленным проделкам, которых французам предстоит еще выполнить не мало! Я со своей стороны обязуюсь за это не читать Вам больше скучных нотаций по поводу Вашей немецко-философской идеологии. Если Вы хотите узнать разницу между Вашим идеологическим и нашим реалистическим или, коли угодно, материалистическим пониманием истории, то сравните только Вашу оценку французской истории с июльской революции 1830 г. до июньского боя 1848 г. и после, изображенную в Ваших по-

следних письмах, с марксовой оценкой того же исторического периода в первом выпуске его вышеупомянутого обозрения [15]. [Вы так же мало почувствуете себя обиженным, как и я, если я скажу, что манеру изложения Маркса я воспринимаю по сравнению с Вашей и моей, как неизгладимые письмена, выгравированные на бронзе железным резцом, тогда как нашу я сравнил бы самое большое с опрятным рисунком на веленевой бумаге. Жаль, невыразимо жаль, что этот бесспорно гениальнейший деятель нашей партии в своем самомнении не довольствуется тем заслуженным признанием, которое воздают ему все, кто способен понять и оценить его достижения, но как будто требует еще и личного подчинения, до которого я, по крайней мере, не унижусь ни перед каким отдельным человеком!] * Если Вы хотите ближе познакомиться с отношением нашей партии к Прудону, то прочтите только французское сочинение Маркса против Прудона (Misère de la Philosophie, Réponde à la Philosophie de la Misère de M. Proudhon par Karl Marx, Paris, Frank, 69, rue de Richelieu). Я прошу Вас прочесть вещи Маркса, прежде чем составлять себе окончательное мнение о нашей партии. Прочтя эти вещи, которые, надо надеяться, еще можно будет достать в Париже у книгопродавца Франка, 69, rue de Richelieu, или где-нибудь в Брюсселе, Вы убедитесь, что учителя социализма находятся не в Германии, а там.

Я знаю, что только отчаявшись в европейской революции стали Вы утешаться Вашей славянской иллюзией. Как только события в Европе, во Франции, в Париже начнут складываться более благоприятно для революции, так славянская иллюзия отойдет у Вас на задний план, — но в самой-то европейской революции Вы так легко отчаиваетесь потому, что берете ее только, или во всяком случае главным образом, с ее идеологической стороны. По той же причине Вы восстаете вместе с Прудоном и с немецкими философами против «свободоубийственного» коммунизма. Если бы Вы поняли коммунизм не как утопию, а с его политической стороны, как историческое движение, как пролетарскую революцию, как борьбу пролетариата за свое освобождение от господства буржуазии, как стремление рабочих избавиться от своих опекунов, от своих нынешних управителей, и взять управление своим трудом в собственные руки, — словом, если бы Вы поняли коммунизм как классовую борьбу, тогда бы Вы сумели оценить по достоинству известные фразы об уничтожении «личной свободы» и все прочие банальные упреки, все еще бросаемые с реальной или с идеологической точки зрения буржуазии по адресу и тех представителей пролетариата, которые уже давным-давно отказались от утопического коммунизма. Но, правда, для этого требуется совсем иная позиция, чем идеологически-критическая точка зрения немецкой философии. С той точки зрения Вам еще не раз придется во время развертывания европейской революции недоуменно взирать на ту уверенность, с какой Прудон преследует свою цель. Прудон, несмотря на его философское идолопоклонство, несмотря на все его усилия пересадить немецкую философию на французскую почву, все-таки слишком француз, он все-таки смотрит слишком практически на вещи, слишком хорошо чувствует реальные экономические отношения, чтобы потонуть в ч и с т о м ф и л о с о ф с к о м т у м а н е. Прудон еще слишком мало понимает немецкую философию и, к счастью, никогда не доберется до ее полного понимания. Прудон — представитель буржуазной анархии в ее последней фазе, представитель средней промышленной буржуазии, которая еще эксплоатируется в городах и в деревне крупными финансистами, банкирами и рантье. Если Прудон считает себя представителем подлинного народа, наемных рабочих и пролетариев, то это с его стороны простительная и весьма естественная иллюзия, ибо огромное

* Взятые в скобки слова, проливающие свет на личное отношение Гесса к Марксу, зачеркнуты в рукописи. (Примечание редактора немецкой публикации).

большинство французского народа принадлежит к представляемым им средним классам, и эти последние, чтобы избавиться от своих кровопийц, вынуждены итти вместе с пролетариатом, который в свою очередь сам по себе во Франции еще слишком слаб, слишком мало развит для самостоятельного революционного выступления. Но Прудон знает, что его устремления имеют под собой реальную базу, что за ним стоит свыше 20 миллионов французов и что достаточно ему уяснить им их положение, как его успех будет обеспечен. В этом тайна его силы и самоуверенности. Он ошибается лишь в том, что принимает последнюю фазу буржуазной революции за конечную цель всей нашей революции. В тот момент, когда представляемые Прудоном средние классы, соединившись с пролетариатом, которого он не представляет, одержать победу, в этот самый момент тем же ударом, который порвет последние оковы среднего буржуазного класса, последняя буржуазная революция будет превращена в пролетарскую, в революцию, по отношению к которой Февральская была только прелюдией, предвестием. За этой последней буржуазной революцией последует июньский бой не в пользу буржуазии, а в пользу пролетариата, и тогда роль Прудона будет сыграна, тогда он тоже начнет сомневаться и испуганно отступать. Но до тех пор его мощь и самоуверенность могут только усиливаться.— Если бы Вы были действительным сторонником прудоновской партии, если бы Вы подошли к ее устремлениям не только с их идеологической стороны, то Вы сейчас еще не могли бы так легко отчаяться в революции,—если бы Вы были действительным сторонником партии пролетариата, Вы не могли бы так легко отчаяться в ней и после.

6. ГЕСС — ГЕРЦЕНУ

[1850 г., март]

Из беглых замечаний об англичанах в Вашем письме от 3 марта я вижу, что и Ваши взгляды на отношение Англии к европейской революции так же мало совпадают с моими, как взгляды Кортеса.—Связь, пишете Вы, соединяющая нас с нашим прошлым и настоящим, не всегда так слаба; этот «разрыв», симптом упадка и приближения «катализма», имеется не повсюду. «Англичане, например,—продолжаете Вы,—если исключить некоторые эксцентрические индивидуальности, держатся на уровне своей действительности. Они что-то продолжают, у них есть какое-то дело, правило поведения. Мы находимся в другом положении» и т. д.

Вы считаете положение в Англии более устойчивым, чем на континенте, вероятно потому, что Англия во время революционизирования континента от 1789 до 1850 г. продолжала свои «традиции» без всякого «разрыва». Экономическую революцию, т. е. ту форму, в которой Англия принимала до сих пор участие в движении нашего времени, Вы как идеолог не замечаете. Вы удивитесь, если я скажу, что не-иллюзорная, осуществимая часть того экономического идеала, к которому стремится Прудон и его могущественная сейчас партия во Франции, в Англии уже осуществлена, и что поэтому Англия ближе к пролетарской революции, чем континент, чем даже Франция. Но достаточно взглянуть на экономическую жизнь Англии и Франции, чтобы не найти в этом ничего странного и удивительного.

К чему стремится Прудон? К чему стремится Франция в экономическом отношении? К чему стремилась в этом отношении уже Февральская революция? Свергнуть класс рантье, уничтожить эксплоатацию средней промышленной буржуазии финансистами, так называемое «ростовщичество». Как же должна быть уничтожена, по господину Прудону, эта эксплоатация «человека человеком», т. е. промышленника крупным банкиром? Посредством сведения цены всех продуктов к стоимости их про-

изводства. Производители—«рабочие», как полагает Прудон,— должны получить возможность обменивать продукты на продукты без необходимости прибегать к монополизированному средству обмена, находящемуся в руках банкократов, этих монополистов, которые требуют за свой кредит уплаты процентов и притом «ростовщических». С этой целью, а равно и по некоторым другим соображениям Прудон изобрел «народный банк».

Что так называемый «народный банк» может быть полезен после победы пролетариата, т. е. после того, как крупная промышленность будет централизована пролетарской государственной властью и будет вестись на ее счет,—этого я не оспариваю ни одной минуты. Но не с этой целью был он «изобретен» Прудоном. Прудон, буржуазный «анархист» и заклятый враг пролетарской государственной власти, воображает, наоборот, что он сможет осуществить свою «идею» на основе существующего буржуазного строя, только устранив с помощью все той же «идеи» «злоупотребления» этого строя.

Итак, если отбросить иллюзорную сторону прудоновской «идеи», то мы найдем, что в Англии она уже осуществлена — осуществлена без политической революции, осуществлена на основе существующего порядка, осуществлена последним экономическим развитием буржуазного способа производства, осуществлена одними лишь успехами современной буржуазной промышленности.

Поскольку прогресс промышленности сосредоточил в руках промышленной буржуазии довольно значительные капиталы, он уже понизил в Англии процентную ставку до минимума. Поскольку прогресс промышленности переместил центр тяжести общества, общественные средства к жизни и их производство из землевладения в промышленный капитал, постольку он прорвал монополии, связывающие промышленность и торговлю, реформировал в буржуазных интересах феодальное законодательство старой Англии, уничтожил хлебные законы, эту последнюю твердыню феодальных рантье,—словом, превратил политическую и экономическую зависимость буржуазной промышленности от феодального «ростовщичества», зависимость «хлопчатобумажного барона» от феодального барона в зависимость последнего от первого.—То, что Прудон выдвигает в качестве требований «социализма», социальной революции,—сведение товарных цен к стоимости производства, пропорциональность заработной платы рабочему времени, обмен продуктов на продукты, уничтожение государственной власти, армии и ростовщического процента на капитал, свобода и свободная торговля,—все эти революционные требования французских «социалистов» давно уже были консервативными требованиями английских экономистов, например Рикардо, и поскольку они были осуществлены, они привели не к воображаемому «равенству» французских «социалистов», а к образованию английского пролетариата. В этом отношении я должен еще раз рекомендовать Вам работу Маркса против Прудона, в которой все это изложено in extonso и с четкостью, не оставляющей места ни для каких сомнений. Правда, буржуазия всех стран издавна обольщалась гуманистическими иллюзиями насчет своих стремлений, но ни в одной стране настолько, как во Франции,—и Прудон является прежде всего классическим представителем иллюзий французской буржуазии. Прудон отождествляет производителя (руководителя труда) с непосредственным работником, что в условиях и при высоком уровне современного способа производства так же смешно, как отождествлять фабриканта с машиной. Прудон смешивает существующую еще во Франции классовую противоположность банкократии и промышленной буржуазии с классовой противоположностью буржуазии и пролетариата, до которой противоположности нашего антагонистического общества упростились только в Англии.

Я уже говорил Вам, что французские иллюзии—«провиденциальный» вздор. Политическая идеология французов более чревата последствиями, чем бесплодная немецкая идеология. Если эта последняя никого не в состоянии соблазнить, то первая выманивает «любезных слобожан», пролетариев, этот аванпост всякой революции, из их нор и превращает таким образом хроническую болезнь нашего буржуазного общества в острую. Если бы не это, с одной стороны, и если бы буржуазная промышленность не достигла уже в Англии последнего этапа своего развития — с другой, то я не сомневался бы ни одной секунды, что в результате последней буржуазной революции во Франции на континенте будут только «завоеваны» английские порядки. Но при фактически существующем положении в Европе французская революция может теперь привести уже не к английским порядкам на континенте, а только пролетарской революции в Англии — может осуществить не буржуазную мечту о всеобщем мире, а лишь пролетарскую надежду на всеобщую войну и всеобщее банкротство. Ближайшая французская революция должна будет превратиться в мировую революцию, потому что она вызовет мировую войну, — в революцию пролетарскую, потому что она поднимет английский пролетариат. — Может быть Вы сомневаетесь в этом результате? — До сих пор Ваша простодушная ошибка заключалась в том, что за лесом, за революцией, Вы не видели деревьев, из которых состоит лес. Неужели, учтя экономические отношения, составлявшие содержание нашей революции, Вы впадете в противоположную ошибку и за деревьями упустите из виду лес?

Бюджет Англии достиг в настоящий момент огромных размеров, приблизительно в 53 млн. ф. ст. Больше половины этой суммы требуется для покрытия одних лишь процентов по «национальному долгу». Чтобы избежать государственного банкротства, Англия должна поддерживать свое «национальное богатство» на его теперешней головокружительной высоте. А для этого она должна все больше и больше «мирно» эксплоатировать не только свой собственный пролетариат, но и все народы мира, — мировая война неизбежно должна вызвать национальное банкротство Англии, банкротство ее буржуазии, революцию ее пролетариата, мировое банкротство!

Так где же «учителя социализма», которых Донозо Кортес находит в Германии, а Вы видите во Франции или в России? Они не здесь и не там: «учителя социализма» — английские пролетарии.

7. ГЕСС — ГЕРЦЕНУ

[1850 г., март]

События в наше время несутся быстрее мысли, и может быть национальное банкротство Англии уже стучится в дверь, пока я рассуждаю о том, что оно наступит в результате новой французской революции и общеевропейской войны. Но я хочу сейчас вернуться к содержанию не последнего, а предпоследнего моего письма. Высказанные там мною соображения об отношении Прудона к революции уже сделались тривиальными благодаря одному событию последних дней. Я думал, что Прудон должен будет потерять свою революционную самоуверенность, как только новая революция во Франции увенчает победой его стремления. Я ошибся: он потерял ее уже после избирательной победы 10 марта [16]. Напиши Прудон свою «философию 10 марта» [17] на несколько недель раньше, мне не пришлось бы делать выводы из его точки зрения, потому что эти выводы были бы уже фактом. Я, наоборот, привел бы в доказательство правильности моей оценки его позиции тот факт, что он начинает отступать еще до победы своих тенденций, между тем как его враги продолжают держать его под строгим арестом.

Вы наверное не впадете в ошибку тех демократов, которые объясняют страх этого «борца свободы» перед свободой его ренегатством. Ваша собственная точка зрения имеет слишком много общего с прудоновской, чтобы от Вас могла ускользнуть причина, заставляющая Прудона дрожать перед свободой в своей тюремной камере. Часто, когда Прудон говорит о коммунальном хозяйстве как об истинной базе истинной республики, о национальном представительстве, о свободе школы, печати и науки, наконец о «смерти», которую принесла бы нам с собой новая революция, мне кажется, что я слышу отзвуки Ваших собственных мыслей.

Вы скорее отказались бы от Вашей философии, чем от революции, тем более, что экономическая подоплека Вашей философии еще не осознана Вами. Другое дело Прудон, этот мелкий буржуа до мозга костей, революционные иллюзии которого тотчас же исчезают перед лицом действительной революции. Как все вольнолюбивые герои этого героического класса, он трепещет перед одною тенью революции, которую сам же вызывает. К счастью, все его попятные шаги ни к чему не приведут во Франции. Французы не поступятся своими революционными резолюциями ради каких-то философских аргументов; что они в этом отношении раз вбили себе в голову, того они добьются на деле.

«Смерть», которую Прудон предвидит в результате демократически-социалистической революции, есть смерть представляемого им класса и прежде всего смерть его самого как социалистического демократа.

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуемые письма М. Гесса и А. Герцена хранятся в архиве германской социал-демократии и впервые напечатаны в книге Ирмы Готэйн, Проблемы общества и государства у Моисея Гесса (Irma Gotein, Probleme der Gesellschaft u. des Staates bei Moses Hess) Лейпциг, 1931 г. — Письма Гесса, представляющие собой черновики его писем Герцену, написаны по-немецки. Письма Герцена, за исключением десятка немецких строк — по-французски. Перевод — И. Б. Румера.

Одно письмо Герцена к М. Гессу от 29 мая 1854 г., посвященное истории его разрыва с Н. И. Сазоновым, опубликовано в работе Д. Рязанова «Карл Маркс и русские люди сороковых годов» («Очерки по истории марксизма», 1928 г., т. II, стр. 56—57).

[1] Герцен имеет в виду стихотворение Байрона «Darkness» («Тьма»), в котором Байрон дает картину гибели мира.

[2] Готшальк (1815—1849) — член Союза коммунистов, председатель Кельнского рабочего союза в 1848 г. Умер 8 сентября 1849 г.

[3] Герцен имеет в виду демонстрацию 13 июня 1849 г. в Париже, в которой наглядно проявилась слабость мелкобуржуазной демократии и ее вождей. См. оценку этого выступления в «18 Брюмера Луи-Бонапарта» К. Маркса и в «Былом и думах» Герцена.

[4] Гесс здесь и в дальнейшем имеет в виду ту беседу-полемику, в форме которой изложены некоторые главы «С того берега».

[5] Клоотс, Жан-Батист (1755—1794) — деятель Великой французской революции, известный под кличкой «Оратора рода человеческого». Был гильотинирован в 1794 г. В «С того берега» Герцен писал, что «голова атеиста Клоотса, пожертвованная предрассудку, лежала в ногах Робеспьера как улика».

[6] В «С того берега» Герцен говорит о «светлом познании и покойной мысли» Гете.

[7] Барбес (1809—1870) — французский революционный демократ.

[8] Христианский мученик эпохи Диоклетиана.

[9] Древнегреческий философ-скептик.

[10] Греческий сатирик II века нашей эры.

[11] «С того берега».

[12] Речь идет о предыдущем письме Гесса.

[13] Герцен имеет в виду свою статью «Доносо Кортес, маркиз Вальдемагас и Юлиан, император римский», которая, начиная со второго (первого русского) издания «С того берега», вошла в это произведение в качестве его VII главы. Доносо Кортес (1809—1853) — испанский политический деятель, реакционер.

[14] Гесс имеет в виду «Новую Рейнскую Газету».

[15] Гесс сравнивает начало первой главы «Классовой борьбы во Франции 1848—1850» Маркса и одно из «Писем из Франции и Италии» (по изд. Лемке, т. VI, стр. 63—65).

[16] По выражению Карла Маркса, на французских выборах 10 марта 1850 г. «наперекор всем усилиям противников победили социалистические кандидаты».

[17] Так называлась статья Прудона.

1 Mai 1861 Orsett house
Westbourne terr.
London

Cher Général,

Un de nos amis, un de
nos gloires littéraires les
plus distinguées Jean Tourgue-
neff — désire avoir l'honneur
de vous être présenté. Il va
directement en Russie — où la
jeunesse vous adore et le plus
la jeunesse militaire. Quelle
immense malheur que l'Em-
pereur Alex. s'est convaincu
de song — Les affaires allaient jus[qu'ici]
chez nous parfaitement bien
— dans deux ans (dans deux, le 3
Mars de 1863) l'affaire de l'éman-
cipation — devrait être finie —
et nous entrions dans une sé[ri]-
e [illegible] de réformes sociales
nécessaires.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА К ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ ОТ 1 МАЯ 1861 г.
Собрание А. С. Голицыной, Дмитров

C'est un bien grand malheur
de l'autre côté que les Polonais
n'ont pas attendu les deux années.
Maintenant toute tergiver-
sation serait criminelle et
Vous avez vu — dans ma réponse,
et dans mes articles que nous
nous sommes déclarés — catégo-
riquement — contre l'absolutisme
massacreur et pour la Pologne.
Je ne sais pas pourquoi l'Unità
fait des reproches — aux Polonais
d'être restés passifs. Mais
la Pologne toute isolée, entou-
rée — de Prussiens et d'Autri-
chiens — que pouvait-elle faire?
Elle a immensément — gagné
par son attitude.
Pardon, cher Général, que
je Vous prends tant de temps.
Encore une fois je vous recommande
mon ami et vous serre la main.
Tout à Vous Alx. Herzen.

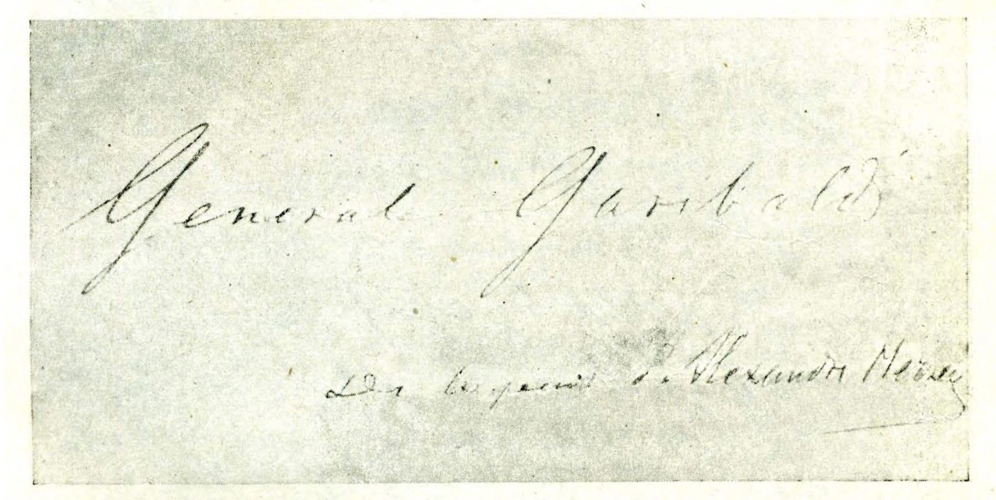
ВТОРАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА К ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ
ОТ 1 МАЯ 1861 г.
Собрание А. С. Голицыной, Дмитров

V.

ПИСЬМО ГЕРЦЕНА К ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ

Публикуемое письмо сохранилось в альбоме Александры Ивановны Васильчиковой, рожд. Архаровой (1795—1855). А. И. Васильчикова собирала в этот альбом автографы как знаменитых современников, так и исторических деятелей прошлого. После ее смерти дочь ее, Е. А. Черкасская, жена известного деятеля по «освобождению» крестьян и реакционера В. А. Черкасского, продолжала это собирание; затем альбом долго хранился под спудом у наследниц Черкасской и лишь недавно обнаружен среди семейной переписки и старых деловых бумаг.

Супруги Черкасские были близки с И. С. Тургеневым (несколько писем его сохранилось в альбоме). Очевидно от него получила владелица альбома публикуемое письмо А. И. Герцена к Гарибальди. Это письмо было переслано Тургеневу Герценом для вручения Гарибальди; но Тургенев с последним не повидался, письмо осталось у него на руках и попало в коллекцию Черкасской.



НАДПИСЬ НА КОНВЕРТЕ ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА К ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ ОТ 1 МАЯ 1861 г.
Собрание А. С. Голицыной, Дмитров

В марте 1861 г. произошли в Варшаве беспорядки, вызвавшие вооруженные столкновения русских войск и полиции с демонстрантами, в результате чего оказалось несколько убитых. Гарибальди отозвался на это событие открытым письмом к Герцену, датированным 13 апреля 1861 г. и напечатанным в № 104 итальянского журнала «Il Diritto» («Право»). Гарибальди писал здесь: «Пусть ваш журнал, справедливо оцененный в России, передаст слово сочувствия от народа итальянского несчастной и героической Польше и слово благодарности храбрым воинам русским, которые, как Попов, сломали свою саблю, чтоб не обагрить ее в крови народа; передайте с тем вместе крик негодования народов европейских против виновника гнусной бойни».

На это письмо Герцен отозвался сначала открытым письмом к издателю «The Daily News» (от 16 апреля), в котором упомянул о выступлении Гарибальди, а в № 97 «Колокола», вышедшем 1 мая, перепечатал письмо Гарибальди полностью и тут же поместил свой ответ на него (Герцен. Полное собр. соч. под ред. Лемке, т. XI, стр. 79, 84 сл. Здесь же полностью текст письма Гарибальди).

Публикуемое письмо любопытно и для характеристики либеральных надежд Герцена на Александра II, и для понимания тех условий и обстоятельств, при которых постепенно складывалась позиция Герцена по отношению к национально-революционной борьбе в Польше.

ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ
Фотография 1860-х гг.
Музей Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

1 Mai 1861 Orsetthouse
Westbournterasse, London

Cher Général,

Un de mes amis, une de nos gloires litteraires les plus distinguées Jean Tourgeneff — désire avoir l'honneur de Vous être presenté. Il va directement en Russie—ou la jeunesse Vous adore et des plus la jeunesse militaire. Quelle immense malheur que l'Empereur Alex. s'est couvert de sang. Les affaires allaient chez nous parfaitement bien—dans deux ans (s'est à dire le 3 mars de 1863) l'affaire l'emancipation—devrait être finie—et nous entrions dans une série nésésaire — de reformes sociales.

C'est un bien grand malheur de l'autre coté que les Polonais n'ont pas attendu les deux années.

Maintenant toute tergiversation serait criminelle et Vous avez vu — dans ma réponse et dans mes articles, que nous nous sommes declarés — cathegoriquement — contre l'absolutisme massacreux et pour la Pologne. Je ne sais pas pourquoi l'Unité fait des reproches – aux Polonais d'être restés passifs. Mais la Pologne toute isolée, entourée—des Prussiens et des Autrichiens—que pouvait elle faire? Elle a immensement gagné par son attitude.

Pardon, cher Général, que je Vous prend tant de temps. Encore une fois je Vous recommand mon ami et Vous serre la main.

Tout à Vous

Alex. Herzen.

На обороте: Général Garibaldi
De la part d'Alexandre Herzen

Перевод:

1 мая 1861 г. Орсеттгоус.
Уестборнтерасс. Лондон.

Дорогой генерал,

Один из моих друзей и одна из наших наиболее выдающихся литературных знаменитостей, Иван Тургенев, желал бы иметь честь быть вам представленным. Он едет прямо в Россию, где молодежь вас боготворит, и более всего — молодежь военная[1]. Какое ужасное несчастие, что император Александр обагрил себя кровью. Дела шли у нас превосходно, через два года (т. е. 3 марта 1863 г.) дело освобождения крестьян должно было закончиться, и мы вступали бы в неизбежный ряд социальных реформ. А с другой стороны, большое несчастие, что поляки не выждали этих двух лет.

Теперь всякое колебание было бы преступно, и вы видели в моем ответе и в моих статьях, что мы решительно объявили себя против истребительного абсолютизма и за Польшу. Не знаю, почему «Unita» делает упреки полякам в том, что они остались пассивными. Но что могла сделать Польша, совершенно изолированная, окруженная пруссаками и австрийцами? Своим поведением она выиграла бесконечно много.

Простите, дорогой генерал, что отнимаю у вас столько времени. Еще раз рекомендую вам моего друга и жму вам руку.

Весь ваш Алекс. Герцен.

На обороте:

Генералу Гарибальди. От Александра Герцена.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Одновременно с письмом к Гарибальди Герцен написал в Париж Тургеневу: «Вот тебе письмо к Гарибальди. Досадно, что ты едешь, не заехав сюда [т. е. в Лондон]. Видно нам России еще долго не видать. Кровь в Варшаве страшно изгадила все. Я запечатал письмо к Гарибальди для того, что стыдно признаться, как я тебя окомплиментовал» (Сочинения Герцена, под ред. М. К. Лемке, т. XI, стр. 80—81. Письмо от 30 апреля 1861 г.).

ЛАВРОВ О ЧЕРНЫШЕВСКОМ

НЕИЗДАННОЕ ПИСЬМО П. Л. ЛАВРОВА К Г. В. ПЛЕХАНОВУ О Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМ

Предисловие и примечания Ив. Книжника-Ветрова

П. Л. ЛАВРОВ И Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В 1860—1862 гг.

Всем известно, что Маркс и Ленин высоко ценили Чернышевского, несмотря на то, что последний был социалистом-утопистом, сохранившим и в своих теоретических взглядах много идеалистических элементов. Но мало кому известно, что Маркс и Ленин ценили и Лаврова, отличавшегося теми же недостатками, какие были и у Чернышевского.

Как видно из письма Маркса к Лаврову от 11 февраля 1875 г., статьи из отдела газеты «Вперед» — «Что делается на родине» — настолько заинтересовали Маркса, что он хотел сделать из них извлечения для органа германской социал-демократии — «Volksstaat». В письме к Лаврову от 7 октября 1876 г. Маркс «поздравляет» Лаврова с его передовой статьей во «Вперед» — «Русские перед южно-славянским вопросом», характеризуя ее как «шедевр» и «великий акт морального мужества» (см. письма К. Маркса и Ф. Энгельса к П. Л. Лаврову в «Летописях марксизма» 1928, № 5). Марксу во время его борьбы с Бакуниным в I Интернационале не нравилась «мягкая обходительность» Лаврова по отношению к Бакунину (см. письмо к Энгельсу от 30 ноября 1873 г.), но до конца жизни Лавров был для Маркса собеседником, который способен был заставить Маркса «болтать целыми часами», хотя врачи и предписывали ему избегать всякого продолжительного разговора» (см. письмо Маркса к Энгельсу от 22 июня 1882 г. в т. XXIV Соч. Маркса и Энгельса, 1931 г.).

Ленин в статье конца 1897 г. «Задачи русской социал-демократии» называет Лаврова «ветераном революционной теории», хотя тут же подвергает критике его статью «О программных вопросах» (см. Сочинения Ленина, 3-е изд., т. II, стр. 184).

Если работа над углубленным изучением общественной и революционной деятельности Чернышевского не считается еще законченной, то можно сказать, что углубленное изучение общественной и революционной деятельности и социально-революционных взглядов Лаврова еще только начинается. В журнале «Каторга и ссылка» за 1931 г. (№ 10) напечатаны открытые мною две корреспонденции Лаврова о Парижской коммуне, из которых видно, что ранняя революционная оценка Коммуны как пролетарской революции дана в европейской социалистической печати Лавровым за два месяца до «Гражданской войны» Маркса. Но это — лишь один из образчиков литературного наследства Лаврова, напечатанного в свое время на языках русском, французском, немецком, английском и итальянском и оставшегося вне поля зрения историков, писавших о Лаврове.

Кроме неизвестных печатных работ Лаврова (среди них и вышедшая в 1876 г. нелегально отдельным изданием брошюра «Славянский вопрос», развивающая мысли передовой статьи, оцененной Марксом как «шедевр») имеется еще огромное количество его стихов, статей и писем, нигде не напечатанных, еще ждущих исследования. В одном архиве Института Маркса-Энгельса-Ленина имеется свыше шести тысяч документов Лаврова и о нем. Но не мало еще документов имеется в отдельных частях архива Лаврова, хранящихся в архиве германской социал-демократии в Берлине и в «Русском историческом архиве» в Праге.

Если принадлежность Лаврова к лагерю революционных деятелей с 1873 г., когда он стал издавать «Вперед», ни в ком не вызывает сомнений, то революционность его настроения в 1870—1872 гг. казалась сомнительной (см. П. Витязев, П. Л. Лавров в 1870—1873 гг. — в «Материалах для биографии П. Л. Лаврова», вып. I. Пгр., 1921 и Б. П. Козьмин, Ткачев и Лавров — в сборнике «Воинствующий материалист», книга I, М., 1924). Думается, что после опубликования корреспонденций Лаврова из Парижа 1871 г. и писем Лаврова к Герману Юнгу 1871—1872 гг. всякие сомнения насчет революционности Лаврова 1870—1872 гг. должны быть отброшены.

Но Лавров 60-х годов изображался до сих пор всеми историками всегда как писатель, далекий от революционной общественности (см. М. Антонов, Политическая деятельность П. Л. Лаврова — в парижском «Былом» 1910, № 13; В. Богучарский, П. Л. Лавров и «лавризм» — в его книге «Активное народничество 70-х годов», 1912; П. Витязев, На гранях жизни — в сборнике «Вперед», Пгр., 1920 и в упомянутой выше статье того же автора; М. Н. Покровский, Русская история в самом сжатом очерке, 3-е изд., 1923, стр. 145; Б. П. Козьмин — названная выше статья; М. Острогорский, Перлы современного «лавризма» — в «Каторге и ссылке» за 1932 г., № 1).

Объясняется это тем, что самому Лаврову, как и Чернышевскому, были свойственны очень скромные заявления о своей революционной работе 60-х годов.

Что касается Чернышевского, то во время своего пребывания в Сибири он изображал себя (в лице Волгина) как кабинетного человека, который не мог иметь «глупое желание» быть «борцом за народ» (см. В. Чешихин-Ветринский, Н. Г. Чернышевский, изд. «Колос», 1923, стр. 156). Однако из интимных дневников Чернышевского и из множества фактов о его общественной деятельности, раскрытых лишь за последние годы, мы знаем, что в действительности он не только имел «глупое желание» быть «борцом за народ», но и действительно был революционным борцом.

Лавров, как и Чернышевский, характеризует свою деятельность 60-х годов как исключительно кабинетную: будто все его связи с «людьми радикального образа мыслей ограничивались литературой», будто ему «радикальная молодежь Петербурга была вовсе не близка... в последние годы... петербургской деятельности» и т. п. (см. П. Л. Лавров, Народники-пропагандисты, Лгр., 1925, стр. 50. То же в письме Лаврова к сыну — в указанных «Материалах для биографии Лаврова», стр. 34—39 и в автобиографии Лаврова). Так как эти самохарактеристики Лаврова вполне совпадали с нападками на Лаврова в 1874 г. П. Н. Ткачева и с характеристикой Лаврова, данной его противником М. П. Сажиным в «Воспоминаниях» последнего (М., 1925), и с беглыми характеристиками Лаврова некоторых других авторов, ничего не знавших о радикально-революционной деятельности Лаврова 60-х годов, то все это до сих пор принималось за истину всеми историками, занимавшимися характеристикой Лаврова 60-х годов.

О неверной квалификации Лаврова 60-х годов как писателя, далекого от революционной общественности, впервые стал отказываться П. Витязев, когда нашел статью Лаврова «Постепенно» конца 1862 или начала 1863 г., фигурировавшую в «Судебном деле» Лаврова (см. статью Витязева в «Книге и революции» 1922, № 6, стр. 9—15). Но Витязев не обратил внимания на целый ряд других документов и фактов в том же «Судебном деле», дающих отдельные яркие штрихи для обрисовки политической физиономии Лаврова 60-х годов (статья В. Н. Нечаева об этом «Судебном деле», напечатанная в «Сборнике материалов и статей», изданном редакцией журнала «Исторический архив» — ГИЗ, 1921, дает о процессе Лаврова совершенно не соответствующее действительности представление). Не использовавши всех документов из «Судебного дела» Лаврова, Витязев кроме того не принял в расчет «Послания к М. И. Михайлову» Лаврова от 22 мая 1862 г., напечатанного впервые в «Былом» в 1906 г. (№ 5), его статьи против Писарева в «Современнике» 1865 г. (№ 99) «О публицистах-популяризаторах и о естествознании», его стихотворения «Путник», написанного 25 мая 1866 г. в тюрьме и ярко рисующего настроения Лаврова (впервые напечатано в «Голосе минувшего» 1915 г., № 9), его сношений с эмигрантами во время ссылки и т. п.

Все эти новые материалы и факты о Лаврове 60-х годов еще никем из писавших о Лаврове не использованы. К ряду этих материалов относится и печатаемый ниже неизданный черновик письма Лаврова к Плеханову о Чернышевском.

Это письмо Лаврова о Чернышевском является ответом на следующее письмо к Лаврову (по копии, не имеющей подписи и без даты, отрывок из него помещен от имени редакции «Социал-Демократа» на стр. 41—42 во II томе «Из архива П. Б. Аксельрода», изданном в Берлине в 1924 г.; подлинник этого письма сохранился в части архива Лаврова, находящейся в Институте Маркса-Энгельса-Ленина).

Уважаемый Петр Лаврович,

Посылая Вам объявление об издании «Социал-Демократа» на 1889 г., я, от имени всей редакции, позволю себе выразить Вам надежду на то, что Вы не откажете нам в литературной поддержке. На первый раз просьба наша будет очень скромна.

Вы знавали Чернышевского; Вы встречались с ним, если не ошибаемся, около времени известных студенческих беспорядков 60-х годов. Мы просили бы Вас написать Ваши воспоминания о встречах с ним. У нас, правда, уже есть разбор его сочинений, но Вы знаете, что ничто не обрисовывает так личность общественного деятеля, как воспоминания о нем лиц, сталкивавшихся с ним. Не нужно и прибавлять, что Ваши воспоминания будут иметь особенный интерес в глазах публики и особенную цену в глазах редакции.

Ожидая от Вас ответа, остаемся готовыми к Вашим услугам.

Zürich Г. Плеханов.

10 ноября 1889.

P. S. Ответ прошу Вас адресовать на мой женевский адрес: 18, Chemin de la Cluse. Прибавлю еще, что мы не хотели бы распространять в публике объявления до выхода журнала.

Г. Плеханов.

Дело в том, что в 1888 г. Г. В. Плеханов и П. Б. Аксельрод выпустили в свет «литературно-политический сборник» «Социал-Демократ», где кроме их собственных были еще статьи В. И. Засулич и Поля Лафарга. Предполагая издать подобный же сборник и в 1889 г. (на самом же деле в этом году издание не состоялось), они решили дать в нем ряд статей о Чернышевском по случаю его смерти 17 октября 1889 г. Разбором сочинений Чернышевского занялся сам Плеханов, за личными же воспоминаниями о Чернышевском редакция обратилась к Лаврову.

Как видно из письма Плеханова, он ожидал, что воспоминания Лаврова о Чернышевском «будут иметь особенный интерес». Но оказалось, что Плеханов ошибся. Лавров мог вспомнить о своих сношениях с Чернышевским лишь очень немного фактов. Объясняется это тем, что Лаврову, как сказано выше, были свойственны очень скромные заявления о своей общественной деятельности; кроме того надо принять в расчет, что Лаврову было в это время 67 лет и память на факты прошлой жизни была у него очень слаба. Все же и это письмо Лаврова сообщает о его сношениях с Чернышевским несколько новых фактов, хотя о многих других умалчивает или неверно их освещает. В последующем изложении я попытаюсь дать картину взаимных отношений Лаврова и Чернышевского 1860—1862 гг. на основании существующих литературных материалов, чтобы выяснить, был ли Лавров в 1860—1862 гг. в одном лагере с Чернышевским, как Чернышевский относился к Лаврову и был ли он с ним интимно близок как с единомышленником?

Хотя Лавров был старше Чернышевского на 5 лет (последний родился 12 июля 1828 г., а Лавров — 14 июня 1823 г.), однако политически он определился позже Чернышевского. Как можно видеть из «Дневника» Чернышевского, напечатанного в «Литературном наследии» Н. Г. Чернышевского (том I, ГИЗ, 1928, стр. 401), он уже 18 сентября 1848 г. определил себя «партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев». У Лаврова подобное же самоопределение произошло лишь десятью годами позже, что видно из дневника приятельницы Лаврова — Е. А. Штакеншнейдер,

отмечающей в своем дневнике 1858 г., что Лавров излагал в ее обществе системы Фурье и Сен-Симона. Лавров полагал, что «все будут одинаково работать и одинаково сыты. Семьи конечно не будет: дети будут воспитываться государством: богатых и бедных, простых и знатных также не будет. Все будут равны, одинаково образованы и обеспечены на старости» (см. «Русский Вестник» 1901, № 6, стр. 451). Несколько позже, в 1860 г., Лавров говорил той же Штакеншнейдер: «Разрушайте! весь строй существующей жизни должен быть разрушен; и государство, и церковь, и семья, — все это должно пасть и исчезнуть; и каждый честный человек обязан всеми силами способствовать их падению...» Его мечтой была революция...» (См. Е. А. Штакеншнейдер, П. Лавров. «Голос минувшего» 1915, № 7—8, стр. 100).

Выступление Лаврова как радикального публициста совершилось также позже, чем выступление Чернышевского. Последний уже в 1853—1855 гг. открыто сотрудничает в «Отечественных Записках», а с 1854 г. — в «Современнике» и вскоре становится признанным главой этого журнала. Между тем Лавров пишет анонимно свое первое публицистическое произведение — «Письмо к издателю» — Герцену, при отсылке ему в Лондон своих пяти стихотворений на политические темы, только в 1856 г. (напечатано оно было в следующем году; см. приложение к «Колоколу» — «Голоса из России». Кн. 4-я, 1857). В русской легальной печати Лавров начинает выступать лишь в 1857 г. (в журнале В. Рюмина «Общезанимательный Вестник» им напечатаны два «письма» из задуманной серии статей под заглавием «Письма о современных вопросах»). Но так как тогда он подписался псевдонимом «Один из многих», то мало кто знал об этих его выступлениях в печати. О публицистических опытах Лаврова знала лишь передовая интеллигенция по его политическим стихотворениям, нелегально переходившим из рук в руки в списках с 1854 г. Под своей фамилией Лавров выступил впервые как публицист в общераспространенных «Отечественных Записках» со статьей о воспитании в сентябре 1857 г. Стал он известен как писатель лишь в 1859 г., когда были напечатаны: в №№ 4 и 5 «Библиотеки для чтения» его статья «Практическая философия Гегеля», в № 4 «Отечественных Записок» — «Механическая теория мира», в № 7 «Русского Слова» — «Современные германские «теисты» и в №№ 11 и 12 «Отечественных Записок» — «Очерк теории личности».

Как видно из публикуемого здесь письма Лаврова к Плеханову, Лавров познакомился лично с Чернышевским осенью 1859 г., так как Лавров пишет, что встретился с Чернышевским «при основании Литературного фонда». Первое общее собрание Литературного фонда состоялось 8 ноября 1859 г. В списке его 35 учредителей значится Чернышевский (он же и член Комитета Литературного фонда со дня его основания до 2 февраля 1862 г.), но не значится Лавров. Но повидимому и Лавров присутствовал на одном из первых (после учредительного) собраний Литературного фонда, так как на учредительное собрание были приглашены сверх 11 лиц, подписавших устав (главным образом представители журналов: «Современника», «Отечественных Записок» и «Библиотеки для чтения»), еще 66 литераторов и ученых членов-учредителей (см. А. А. Корнилов, Происхождение Литературного фонда и первые шаги его деятельности — в «Юбилейном сборнике Литературного фонда 1859—1909 гг.», стр. 6). Среди приглашенных был повидимому Лавров, и он вскоре после учреждения Литературного фонда стал посещать его собрания. Это тем более вероятно, что Лавров скоро получил приглашение от Литературного фонда прочитать в Пассаже в пользу Литературного фонда публичные лекции, а со 2 февраля 1861 г. избран был членом Комитета Литературного фонда и его казначеем, каковым оставался три года — до 2 февраля 1864 г. (см. в том же сборнике, стр. 72—73).

Нет никакого сомнения, что статьи Чернышевского до встречи с ним Лавров читал, как их читала вся мыслящая Россия, и под их влиянием политически оформлялся. Но, как увидим дальше, можно сказать с уверенностью, что Чернышевский до встречи с Лавровым не читал ни одной из его статей. Впервые Чернышевский обратил внимания на Лаврова как на писателя в своей статье «Антропологический принцип в философии», когда статья Лаврова «Очерк теории личности» в первых числах января 1860 г. вышла отдельной брошюрой под измененным заглавием «Очерки вопросов практической философии. Посвящено А. Г[ерцену] и П. П[рудону]. Спб., 1860».

Уважаемый Петр Лаврович,

Посылая Вам объявление об издании "Социал-Демократа" на 1889 г., я, от имени всей редакции, позволяю себе выразить Вам надежду на то, что Вы не откажетесь помочь в литературной нужде. На первый раз просьба наша будет очень скромна:

Вы знавали Чернышевского; Вы встречались с ним, если не ошибаемся, около времени университетских беспорядков 60-х годов. Мы просили бы Вас написать Ваши воспоминания о встречах с ним. У нас, правда, уже есть разбор его сочинений, но Вы знаете, что ничто не обрисовывает так личности общественного

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА Г. В. ПЛЕХАНОВА К П. Л. ЛАВРОВУ ОТ 10 НОЯБРЯ 1889 г.
Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

Этюдами, ваши воспоминания
о нем лично, сравнительно
с книгой. Не нужно и прибавлять, что Ваши воспоминания будут иметь
особенный интерес в глазах
публики и особенную цену
в глазах редакции.

Ожидая от Вас ответа,
остаюсь готовый к
Вашим услугам.

Г. Плеханов

Zürich
10 ноября 1889

P.S. Ответ прошу Вас
адресовать по моему женевскому
адресу: 18, Chemin de la Cluse.
Прибавлю еще, что мы не хотели бы
распространять в публике
объявления до выхода журнала. Г. Плеханов

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА Г. В. ПЛЕХАНОВА К П. Л. ЛАВРОВУ ОТ 10 НОЯБРЯ 1889 г.

Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

В этом произведении Лаврова развитие личности объясняется из самой сущности человека, из его наслаждений и творчества, и доказывается, что личность и общественная деятельность должны быть слиты.

Подобное произведение было вполне в духе идей самого Чернышевского и потому встретило полное его одобрение.

Так как в литературе о Лаврове имеется утверждение, будто Чернышевский «опровергал Лаврова» в упомянутой выше статье (см «Воспоминания» Н. В. Шелгунова. ГИЗ, 1923, стр. 36), а сам Лавров давал впоследствии на допросе в военном суде показание, что «Чернышевский писал против него», то приходится несколько остановиться на отзыве Чернышевского о Лаврове.

По поводу брошюры Лаврова Чернышевский написал большую статью «Антропологический принцип в философии» в №№ 4 и 5 «Современника» за 1860 г. (здесь она цитируется по «Полному собранию сочинений Чернышевского», т. VI. Спб., 1906).

«По недостатку знакомства с многими из источников, которыми пользовался г. Лавров, — пишет Чернышевский, — мы, конечно, не можем в точности оценить достоинство его произведения. Мы можем предполагать только одно: если бы он не имел большего философского дарования, чем Жюль Симон, Фихте-сын (их цитировал Лавров), то в его брошюре был бы тот же самый вовсе не философский дух, какой находится в их произведениях, и его «Теория личности» была бы так же плоха, как их теории. Но его брошюра должна быть положительно признана хорошею... Г. Лавров большую часть пути ведет своих читателей по прямой и хорошей дороге вперед: это делает ему большую честь, потому что никто в нашем обществе не показывал ему этой дороги... Мы высоко ценим обе эти заслуги: и ту, что г. Лавров имел силу додуматься до результатов, гораздо лучших того, что давали ему какие-нибудь Фихте-сыновья и Жюли Симоны; и ту заслугу, что он умел найти для своих философских исследований руководства, гораздо лучше посредственных и отсталых книг. Но соединение прекрасных мыслей, заимствованных из действительно великих и современных мыслителей или внушенных собственным умом, с понятиями или не совсем современными, или принадлежащими не тому образу мыслей, какого в сущности держится г. Лавров, или, наконец, принадлежащих особенному положению мыслителя среди публики не похожей на нашу и потому получающих неверный колорит при повторении у нас, — это соединение собственных достоинств с чужими недостатками придает, если мы не ошибаемся, системе г. Лаврова характер эклектизма... В брошюре г. Лаврова встречаются мысли, которые едва ли совместны между собою» (стр. 182—183). Далее Чернышевский указывает, как Лавров, «мыслитель прогрессивный — в этом нет никакого сомнения», упоминает, по следам Милля, о факте «общественного деспотизма Соединенных Штатов», но «не сказал нашей публике о его смысле» (стр. 183), сводящемся к тому, что Милль возвел «в общую формулу предчувствие того, что сильнейшее развитие цивилизации будет уменьшать привилегии, присвоенные сословием, к которому сам он принадлежит» (стр. 189). «Быть может мы ошибаемся, но нам кажется, что г. Лавров принужден был собственными силами доискиваться тех решений, которые уже найдены нынешнею немецкою философиею. Нам кажется, что изучение отживших форм немецкой философии и книг, написанных мыслителями английскими и французскими, предшествовало у него знакомству с новейшими немецкими мыслителями... Мы не говорим, что он пришел бы к другим воззрениям, — нам кажется, что сущность его воззрений справедлива, — но они представлялись бы ему в виде более простом» (стр. 193). «Не входя в критику воззрений г. Лаврова, мы попробуем изложить наши понятия о тех же предметах; разница будет почти только в изложении и в приемах постановки вопроса» (стр. 194).

Итак, мы видим, что Чернышевский солидаризируется с Лавровым по существу, критикуя только способ его изложения и приемы постановки вопроса. Но повидимому Чернышевский до брошюры о теории личности не читал ни одной из статей Лаврова по философии: ни его «Практической философии Гегеля», ни «Механической теории мира», иначе Чернышевский не написал бы в этой статье фразы: «... да кто же в русском обществе думает о философских вопросах? Разве г. Лавров, — да и то сомнительно: быть может и самому г. Лаврову гораздо интереснее всевозможных философских вопросов наши житейские и общественные дела» (стр. 204) и, говоря, что «система Гегеля... са-

ма по себе уже не соответствует нынешнему состоянию знаний» (стр. 192), указал бы, что таково же и мнение Лаврова, выраженное им в его статьях о Гегеле. А мы знаем, что Лавров еще в 1859 г. в статье «Механическая теория мира» изложил теорию антропологизма в духе Фейербаха. Чернышевский был не прав, когда предполагал, что Лавров «принужден был собственными силами доискиваться тех решений, которые уже найдены нынешнею немецкою философией». Лавров нашел их у Фейербаха, как и Чернышевский.

Как уже указано выше, одобрительный отзыв Чернышевского о первом произведении Лаврова, вышедшем отдельным изданием, был воспринят как отрицательный отзыв «противника». Е. А. Штакеншнейдер 26 января 1867 г. отмечает в своем дневнике, что Лавров «хвалит своего противника Чернышевского» («Русский Вестник» 1901, № 10, стр. 439). В печатаемом ниже письме к Плеханову Лавров тоже говорит о «враждебном» отношении «Современника» к его работам.

Но здесь повидимому Лавров имеет в виду выступление М. А. Антоновича в № 4 «Современника» за 1861 г. по поводу второго произведения Лаврова, вышедшего отдельным изданием, — «Три беседы о современном значении философии» (Спб., 1861). Эта вторая брошюре составилась из трех публичных лекций, прочитанных Лавровым в Пассаже 22-го, 25-го и 30 ноября 1860 г., как уже сказано выше, в пользу Литературного фонда, и имевших большой успех. (Одновременно с Антоновичем в № 5 «Русского Слова» за 1861 г. выступил против «Трех бесед» Лаврова и Д. И. Писарев.)

По существу дела «Три беседы», развивавшие мысль о необходимости соединения философского исследования с практикой жизни, повторяли ту же идею, которая лежала в основе «Очерков практической философии», одобренных, как мы видели, Чернышевским в «Антропологическом принципе». Если, вопреки этому, Лавров теперь третировался как «схоластик», то объясняется это, на мой взгляд, не содержанием «Трех бесед», а чисто внешним обстоятельством, набросившим тень на Лаврова в глазах передовых публицистов того времени.

Дело в том, что в начале 1861 г. Лавров был приглашен руководителем газеты «Санктпетербургские Ведомости» Краевским в редакторы философского отдела предпринятого им «Энциклопедического словаря». Как видно из письма графа И. Д. Делянова к М. М. Стасюлевичу той эпохи (см. «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. I. Спб., 1911, стр. 345), «Словарь Краевского был субсидирован правительством, о чем не подозревал его редактор П. Л. Лавров» (последний вскоре был выбран главным редактором «Словаря» вместо Краевского). Если в покровительствуемое правительством издание Лавров был приглашен в качестве одного из главных сотрудников, то очевидно, что в глазах правительства Лавров, военный профессоор (в чине полковника, был вполне «своим» человеком, но это как раз компрометировало Лаврова во мнении передовых публицистов. Лавров отмечает в своей автобиографии, что «в либеральной литературе «Словарь» встретил прием довольно холодный». Но вопреки намерениям правительства. Лаврову удалось создать из «Словаря» такое литературное предприятие, которое проповедывало антропологическую точку зрения в вопросах философии и боролось с религией. Вскоре Лаврову удалось привлечь в «Словарь» и самого Антоновича. В «Словаре» редактировал отдел словесных наук поэт-революционер М. И. Михайлов. Сотрудничал в нем и Ник. Утин — участник подпольной революционной организации «Земля и воля» (подписи Утина нет в «Словаре», но о его сотрудничестве мы узнаем из нескольких писем Утина к Лаврову, фигурирующих в «Судебном деле» последнего). Как видно из воспоминаний Антоновича (см. «П. Л. Лавров в воспоминаниях современников. Из рассказов М. А. Антоновича» — «Голос Минувшего» 1915, № 9, стр. 134), цели, которые ставил себе Лавров при издании «Словаря», к концу 1861 г. стали ясны, и отношение к Лаврову передовых публицистов перестало быть враждебным.

Содействовали сближению Лаврова с кружком «Современника» и его общественные выступления. Так, в качестве казначея и члена Комитета Литературного фонда с февраля 1861 г. Лавров «проводил мысль, чтобы Комитет, при обсуждении прав на пособие, принимал в соображение образ мыслей и направление писателя» (см. «XXV лет.

1859—1884. Сборник, изданный Комитетом общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым». Спб., 1884, стр. 432). Смысл предложения Лаврова был тот, чтобы выдавать пособие только прогрессивным и революционным писателям, а не реакционерам. Представители «Современника», заседавшие в Комитете, да и сам Чернышевский, бывший членом Комитета одновременно с Лавровым в течение трех лет, не могли не оценить высоко подобное предложение. Профессор и цензор Никитенко в своем дневнике отмечает, что «Чернышевский, Лавров и др. дали Литературному фонду характер партии» (см. А. Никитенко, Моя повесть о самом себе, т. II, Спб., 1905, стр. 266).

Когда близкий к Чернышевскому поэт и публицист М. И. Михайлов, привезший из Лондона прокламацию «К молодому поколению», 14 сентября 1861 г. был арестован, Лавров на другой же день подписал против этого ареста протест тридцати литераторов и кроме того отдельно — протест десяти редакторов «Энциклопедического словаря», в котором Михайлов, как указано выше, был редактором отдела словесных наук. (Впоследствии, когда Михайлов был водворен на каторгу, Лавров послал ему посвящение в стихах, датированное 23 мая 1862 г.)

В письме к Плеханову, печатаемом ниже, Лавров утверждает, что «не имел вовсе сношений» с Чернышевским «до утверждения литературного клуба (под названием шахматного)». Но это утверждение противоречит фактам. Шахматный клуб был основан лишь в начале 1862 г. Между тем, как свидетельствует Антонович, он познакомился с Лавровым в конце 1861 г. в квартире Чернышевского и убедился, что «Чернышевский смотрел даже на Лаврова как на человека своего лагеря в широком смысле слова, несмотря на известное расхождение во взглядах» (см. указ. выше воспоминания Антоновича, стр. 132 и 135). Что Чернышевский смотрел на Лаврова как на человека «своего лагеря», можно видеть из статьи Чернышевского о Лаврове в 1860 г., цитированной выше. Если Чернышевский допустил весной 1861 г. нападение на Лаврова в «Современнике» в статье Антоновича по поводу «Трех бесед», то объяснялось это недоразумением по поводу «Энциклопедического словаря». Но осенью 1861 г. произошли события, которые повели и к личному сближению Чернышевского с Лавровым, и к частым их сношениям, выразившимся между прочим и в том, что они стали бывать друг у друга.

События эти — студенческие волнения в Петербурге в 20-х числах сентября 1861 г. по случаю введения новых университетских правил, запрещавших сходки и публичные лекции и концерты в пользу студенческой массы и упразднявших студенческую корпорацию, ее библиотеку и кассу. Новые университетские правила закрывали университет для бедняков, которые не могли учиться иначе, как с помощью студенческой кассы. 25 сентября около 900 студентов отправились длинной колонной с Васильевского острова на Колокольную улицу к квартире попечителя Петербургского округа — генерала Филипсона — для объяснений. Против студентов был выслан лейб-гвардии Преображенский полк, ночью было арестовано 26 студентов-«зачинщиков». Все это студентов конечно не успокоило, а еще более взволновало, и 27 сентября на университетском дворе устроена была многолюдная студенческая сходка, на которой присутствовали и штатские, и офицеры. Студенты требовали освобождения арестованных товарищей, а если этого нельзя, то ареста всех.

И вот на этой студенческой сходке Лавров выступил с речью, воодушевлявшей студентов к борьбе. О выступлении Лаврова в университетском дворе одинаково свидетельствует и агент III Отделения, и тогдашний студент участник сходки Н. Ф. Анненский (см. об этом подробности в моей книжке «П. Л. Лавров», 2-е изд. М., 1930, стр. 26—28).

Волнения студентов продолжались. 14 октября 1861 г. было арестовано 200 студентов, и они были увезены в Кронштадт. В этот же день несколько студентов, собравшихся перед университетом, начали сбор пожертвований арестованным (см. юбилейный сборник Литературного фонда, статья Л. Ф. Пантелеева, Из истории первых лет существования Лит. фонда, стр. 88—89). Но еще до этого шла денежная подписка, собравшая среди лицеистов 400 р. и среди литераторов 2 500 р., чтобы возвратить деньги судентам, отказавшимся взять матрикулы, но в то же время не желавшим принимать от казны деньги, внесенные за эти матрикулы. Сбором денег для возврата их

студентам за матрикулы ведал Лавров (см. донесения агента III Отделения от 4 октября 1861 г. в «Материалах для биографии П. Л. Лаврова», вып. I. Пгр., 1921, стр. 74—75). Повидимому Лавров ведал сбором денег в качестве казначея Литературного фонда, а поскольку Чернышевский был членом Комитета Литературного фонда и не меньше Лаврова принимал к сердцу студенческие волнения, то естественно, что Лавров сблизился с Чернышевским в деле помощи студентам. В «Судебном деле» Лаврова 1866 г. сохранилась следующая записка Чернышевского к Лаврову [1]:

Петр Лаврович,

Михаил Алексеевич Воронов [2], мой старинный приятель, покажет вам телеграмму, полученную мною из Кронштадта. Мне кажется, что надобно было бы отправить в Кронштадт с кем-нибудь (например, Мих. Ал. Вор. или студентом Ламанским [3], или бы с другим поверенным) до 500 или 600 р. из фонда на переезд освобождаемых в Пет., а в Петерб. позаботиться о размещении их до устройства их дел по квартирам порядочных людей.

Ваш Н. Чернышевский.

Ответ Лаврова на эту записку сохранился в рукописном отделении Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде. Лавров пишет:

Я, с своей стороны, Николай Гаврилович, совершенно согласен на выдачу 500 рублей в помощь кронштадтским заключенным, тем более, что там большинство. Если составится голосов 5 в пользу этого мнения, то решение комитета обязательно. Кажется, в прошлом заседании говорилось о 1 000 рублях, которые надо бы назначить студентам Теперь пора перейти к действию.

Вполне преданный вам П. Лавров.

[Приписано]:

Вполне согласен. Н. Калачев [4].

Совершенно согласен. Н. Чернышевский.

Г-н Березин [5] изустно уполномочил меня засвидетельствовать, что он также согласен.

Н. Чернышевский.

1 декабря 1861 года [6].

Пантелеев утверждает, что «Чернышевского как раз не было в Петербурге, когда разыгралась студенческая история; он находился в Саратове» (см. «Из воспоминаний прошлого» 1905, стр. 185), но очевидно к декабрю Чернышевский вернулся в Петербург. Утверждение Пантелеева (там же, стр. 226—227), что Чернышевский не участвовал вовсе в отделении Литературного фонда для помощи студентам, опровергается публикуемой нами запиской Чернышевского к Лаврову.

Кружок, производивший сбор в пользу студентов, вскоре разросся и стал заботиться еще о поддержании внутренней связи между студентами. Решено было устроить Общество для пособия учащейся молодежи, при чем Пантелеев думает, что идея этого общества исходила от Чернышевского. Так как самостоятельного студенческого Общества не разрешили бы, то решили устроить его как отделение при Литературном фонде. Из Комитета Литературного фонда в Общество должны были входить только председатель и казначей. Так как казначеем был Лавров, то он естественно стал и во главе сборов в пользу освобожденных от ареста студентов и имел по этому поводу сношения с Чернышевским. (Официальное разрешение на открытие Общества вспомоществования учащимся как отделения Литературного фонда было получено только 23 апреля 1862 г., с 10 июня 1862 г. царь специальным указом повелел закрыть это «особое отделение»; см. «Северная Почта» № 128 от 14 июня 1862 г.)

Таким образом утверждение Лаврова в письме к Плеханову, что он «во время студенческого движения... не помнит никаких встреч и разговоров с Ник. Гавр., хотя... был в комитете для помощи студентам», можно объяснить только слабой памятью Лаврова.

Лаврова изобличает в забывчивости еще одна любопытная деталь, ставшая известной только теперь.

У мужа дочери Лаврова М. Ф. Негрескула, редактора журнала «Библиограф» и участника революционного движения конца 60-х годов, найдены были при обыске уже во время ссылки Лаврова две медали, доставшиеся Негрескулу вместе с другими вещами от Лаврова и относившиеся к осени 1861 г., когда Преображенский полк был по-

слан на усмирение студенческого движения в Петербурге. На медалях, представлявших по квалификации III Отделения «крайне возмутительное глумление над вещественными знаками монаршей милости», была надпись: «Александр II» и изображение императорской короны с надписью вокруг: «Благодарю моих верных холопов за усмирение Петербургского университета. Для передачи в лейб-гвардии Преображенский полк» (см. сборник «Революц. движение 1860 годов», М., 1932, стр. 216).

Сам Чернышевский рассказал Л. Ф. Пантелееву, при свидании с ним последнего в Астрахани весной 1889 г., что когда ему раз пришлось одновременно с Лавровым выходить из заседания Комитета Литературного фонда, то они разговорились и провожали друг друга от квартиры одного до квартиры другого до самого утра, затем Лавров зашел к Чернышевскому, и они за ранним чаем проговорили еще часа два

П. Л. ЛАВРОВ
Фотография 1873 г.
Музей Революции СССР, Москва

(см. Л. Пантелеев, Из воспоминаний прошлого. П. Л. Лавров. В сборнике «П. Л. Лавров». Пгр., 1922, стр. 423). По рассказу того же Пантелеева, Лавров впоследствии ему подтвердил, что действительно они с Чернышевским «всю ночь проговорили, и тут многое разъяснилось, что в печати не удавалось достигнуть» (см. там же).

Но Пантелеев ошибается, полагая, что эта беседа Лаврова с Чернышевским произошла «уже после 2 февраля 1862 г., когда Петр Лаврович вступил в состав Комитета» (разумеется Комитет Литературного фонда). Как мы знаем из списка членов Комитета Литературного фонда. Лавров избран был в его члены 2 февраля 1861 г., а не 1862 г. (см. Юбилейный сборник Лит. фонда, стр. 73) и пробыл членом Комитета и его казначеем три года.

Можно полагать, что эта первая многочасовая беседа Лаврова с Чернышевским, воспоминание о которой заставило Чернышевского воскликнуть: «Да, глубочайшее уважение имею к Петру Лавровичу!», произошла не позже осени 1861 г., за несколько месяцев до того, как Чернышевский писал Лаврову упомянутую выше записку о денежной помощи освобождаемым 200 студентам. Пантелеев совершенно не прав, упрекая Анто-

новича в неточности, когда последний в своих воспоминаниях, цитированных выше, говорит, что Лавров часто бывал у Чернышевского и даже считался в числе его «близких знакомых» уже в конце 1861 г.

С февраля 1862 г. появился новый повод для встреч Лаврова с Чернышевским: публичные университетские курсы в Петербургской городской думе (так называемый Вольный университет), устроенные по поводу закрытия правительством Университета до конца 1861/62 учебного года. Курсы имели целью дать возможность продолжать заниматься наукой студентам, втянутым в беспорядки. Ведал этими курсами студенческий комитет вместе с комиссией из представителей Комитета Литературного фонда. Пантелеев указывает, что на заседаниях студенческого комитета бывал Лавров (см. указ. воспоминания Пантелеева, стр. 422 и программу курсов в конце его книги 1905 г.), а Лавров в печатаемом ниже письме к Плеханову добавляет, что Чернышевский был членом комитета Литературного фонда одновременно с ним. Повидимому здесь речь идет о комитете из представителей Комитета Литературного фонда, ведавшем курсами студентов вместе со студенческим комитетом. Во время одного из заседаний этого комитета, по указанию Лаврова в письме к Плеханову, Чернышевский признал, что «движение студентов против профессора Костомарова, не хотевшего прекращать лекции из-за ареста профессора Павлова, происходило под его [Чернышевского] влиянием», при чем Чернышевский «сознавал для себя возможность остановить это движение, но находил это ненужным», в чем Лавров расходился с Чернышевским.

Речь здесь идет о решении, принятом 8 марта 1862 г. студенческим комитетом, ведавшим университетскими курсами в Петербургской думе, прекратить все лекции, чтобы этим протестовать против произвола правительства. Последнее арестовало 5 марта 1862 г. проф. Павлова и 6 марта выслало его в Ветлугу за чтение им 2 марта на литературном вечере в пользу Литературного фонда статьи «О тысячелетии России». При чтении этой статьи, как указано в «Русском Инвалиде» за 1862 г., № 51, проф. Павлов «дозволил себе выражения и возгласы, не находившиеся в статье, пропущенной цензурой, и клонящиеся к возбуждению неудовольствия против правительства». Чтение имело большой успех среди студенчества, и студенческий комитет решил протестовать против высылки проф. Павлова прекращением всех лекций. Все профессора, читавшие лекции, согласились с решением студентов, один только Костомаров (известный историк, Ник. Ив.) этому воспротивился. Пантелеев рассказывает, что Чернышевский по этому поводу поехал к Костомарову (Чернышевский и Костомаров были связаны старой дружбой в Саратове, куда Костомаров был сослан и где Чернышевский был учителем гимназии) и уговорил его отказаться от чтения лекций (см. Л. Пантелеев, Из воспоминаний прошлого. Спб., 1905, гл. «Думская история», стр. 205 и сл.).

Таким образом Лавров в письме к Плеханову подтверждает указание Пантелеева, что в этой так называемой «Думской» истории Чернышевский сыграл решительную роль.

Необходимо кстати отметить, что и Лавров, и Чернышевский при возникновении Вольного университета при Городской думе, по свидетельству Пантелеева, единогласно были намечены студенческим комитетом в число лекторов, но правительство их обоих лекторами не утвердило (см. воспоминания Л. Пантелеева в сборнике «П. Л. Лавров». Пгр., 1922, стр. 422). Факт этот показывает, что уже в начале 1862 г. студенчество ставило Лаврова в один ряд с Чернышевским как радикальных деятелей, но что и правительство ставило их также рядом как «неблагонадежных».

Хотя в письме к Плеханову Лавров указывает, что расходился с Чернышевским в оценке студенческой забастовки по поводу высылки проф. Павлова, однако документы говорят противное. В «Судебном деле» Лаврова фигурирует найденный у него при обыске проект заявления протеста по делу проф. Павлова и подписной лист на 122 р. 50 к. в пользу того же проф. Павлова. Очевидно Лавров сочувствовал студенчеству в его протесте и активно выразил свое сочувствие проф. Павлову.

Сочувствие Лаврова революционному студенчеству в полном согласии с Чернышевским доказывается и тем, что оба они одновременно выступили в защиту студенчества в печати после того, как по поводу решения 8 марта о прекращении лекций начались в газетах горячие нападки на студентов. Как известно, Чернышевский выступил в за-

ЗАПИСКА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО К П. Л. ЛАВРОВУ ОТ КОНЦА НОЯБРЯ 1861 г.

Ленинградское отделение Центрархива

Я с своей стороны, Николай Гаврилович, совершенно согласен на выдачу 500 р. в помощь кронштадтским [illegible], тем более что там — [illegible]. Если составилось голосов 5 в пользу этого мнения, то решение Комитета окончательно. [illegible] в прошлом заседании говорил о 1000 р. которые надо бы назначить [illegible]. Теперь пора перейти во [illegible]. [illegible]

П. Лавров

Вполне согласен Н. Калачов

Совершенно согласен Н. Чернышевский

Г-нъ Березинъ изустно уполномочилъ меня засвидетельствовать, что и онъ вполне согласенъ.

Н. Чернышевский

1 декабря 1861.

ЗАПИСКА П. Л. ЛАВРОВА К Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ ОТ 1 ДЕКАБРЯ 1861 г.
Публичная Библиотека, Ленинград

щиту студентов со статьей «Научились ли?» в апрельском номере «Современника» 1862 г., а в № 84 от 21 апреля 1862 г. «Санктпетербургских Ведомостей» напечатана статья Лаврова «Заметка на замечания г. Пирогова», где критикуется проект нового устава российских университетов и делаются возражения Н. И. Пирогову на его либерально-компромиссные замечания по этому вопросу. В статье «Учиться, но как?» («СПБ. Ведомости», 1862, № 104 от 16 мая), возражая против статьи А. В. Эвальда «Учиться или не учиться?» за подписью «ь» (мягкий знак) в тех же «СПБ. Ведомостях» № 92 от 1 мая, Лавров прямо берет под свою защиту студенческую молодежь в ее порывах. Когда Н. И. Костомаров выступил в тех же «СПБ. Ведомостях» (№ 113 от 27 мая 1862 г.) со статьей «Мешать или не мешать учиться?», с ответом на эту статью там же выступил опять Лавров (см. статью его «Заметка» в № 117 от 2 июня).

Трудно предположить, чтобы Лавров, встречавшийся все это время с Чернышевским и у него, и у себя на квартире (Чернышевский был арестован лишь 7 июля 1862 г.), не имел с ним бесед о студенческой забастовке и о литературной полемике по ее поводу, в которой позиция их по отношению к молодежи была одинаковая.

В письме к Плеханову Лавров утверждает, что ему не пришлось говорить с Чернышевским в Шахматном клубе, что Чернышевский не посещал этого клуба и что «враждебные» отношения «Современника» к его работам «именно в это время делали поводы сношений между нами более редкими». Но мы знаем уже из предыдущего, что выпады Антоновича в «Современнике» против Лаврова имели место только в первой половине 1861 г., а к концу этого года сам Антонович, познакомившись с Лавровым в квартире Чернышевского, прекратил к нему враждебное отношение. Пантелеев отмечает в своих воспоминаниях, что Чернышевский в известные дни «весьма усердно» посещал Шахматный клуб (см. «Из воспоминаний о прошлом». Спб., 1905, стр. 223—224). Донесения агентов III Отделения, следивших за Чернышевским, тоже отмечают частые посещения им Шахматного клуба (см. «Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отд.» — в «Красном архиве» 1926, т. I, стр. 111). Частые посещения Чернышевским Шахматного клуба объясняются тем, что там распространялись прокламации (см. отметку агента III Отделения от 18 апреля 1862 г. о Шахматном клубе там же, стр. 118) и там встречались и обменивались впечатлениями передовые литераторы. Шахматный клуб и был закрыт 8 июня 1862 г. за то, что в нем «происходят и из него распространяются неосновательные суждения... о современных событиях» (см. «Русский Инвалид» № 126 от 8 июня 1862 г.). Поскольку Лавров сам указывает в письме к Плеханову, что был одним из старшин Шахматного клуба и что к нему стекались взносы от литературных организаций, а с «Современником» переговоры и переписка происходили через Чернышевского, то очевидно, что и в Шахматном клубе Лавров и Чернышевский встречались часто.

Пантелеев встречал Чернышевского и Лаврова одновременно на вечерах и у передового издателя Тиблена (см. «Из воспоминаний прошлого», Спб., 1905, стр. 198), но об этом Лавров не упоминает вовсе.

Не упоминает Лавров и о сношениях с Чернышевским по поводу одновременного их участия в подпольной организации «Земля и воля». Как указывает Пантелеев, основание «Земли и воли» имело некоторую связь с обществом пособия учащейся молодежи, существовавшим как отделение Литературного фонда (см. «Из воспоминаний прошлого», 1905, стр. 24 и сл.). Лавров и Чернышевский как члены Комитета Литературного фонда, принимавшие близкое участие в помощи студентам в конце 1861 г., очевидно имели сношения и по поводу «Земли и воли». О Чернышевском уже доказано, что он имел связь с «Землей и волей» и что он — автор прокламации «Барским крестьянам», разъяснявшей смысл крестьянской реформы как обмана крестьян и звавшей к организованной революционной борьбе. Связь же Лаврова с «Землей и волей» можно также считать вполне установленной. В своей автобиографии Лавров упоминает, что «был приглашен в начале 60-х годов в общество «Земли и воли», но его участие в этом обществе было так ничтожно, что об этом и говорить не стоит». Низкая оценка, данная самим Лавровым активности его участия в «Земле и воле», объясняется тем, что делал он эту оценку в 1885 г., когда требования Лаврова к революционеру были очень высоки в виду героической деятельности «Народной воли». Даже отвергая указание агента

III Отделения Волгина, что Лавров был членом петербургского областного комитета «Земли и воли», все же из документов III Отделения видно, что комитет «Земли и воли» собирался на квартире Лаврова (см. сочинения Герцена с примеч. Лемке, т. XVI, стр. 166—173), а член «Земли и воли» А. А. Слепцов свидетельствует, что Лавров и Елисеев (известный публицист) присутствовали на совещаниях комитета «Земли и воли» в качестве «совещательных членов» (см. там же, стр. 74—75).

Были ли у Лаврова какие-нибудь сношения с Чернышевским по поводу их одновременного участия в «Земле и воле», мы не знаем. Возможно, что этот вопрос будет освещен впоследствии, когда деятельность Лаврова 60-х годов раскроется полнее благодаря архивным материалам о нем в Москве, Берлине и Праге.

Упоминание Лаврова в письме к Плеханову, что Чернышевский выбрал его одним из свидетелей своего публичного состязания со Скарятиным, но что в эти самые часы Лаврову пришлось быть в Артиллерийской академии на экзамене и что он не был на этом литературном поединке, — это упоминание подтверждается и Н. С. Русановым, слышавшим об этом, вероятно, рассказ самого Лаврова (см. Н. С. Русанов, Социалисты Запада и России, 2-е изд., Спб., 1909, статья о Лаврове, стр. 222—223). Пантелеев, упоминающий об этом же состязании, говорит, что третейский спор был у Чернышевского с литератором Эвальдом по поводу статьи последнего «Учиться или не учиться?», а Скарятин был лишь «секундантом» Эвальда (см. указ. воспоминания Пантелеева, стр. 220—221). Так как мы знаем, что Лавров писал против Эвальда, то приглашение Чернышевским Лаврова в качестве свидетеля при споре с Эвальдом кажется нам вполне естественным. Но упоминая о Скарятине как редакторе газеты «Вести», Лавров ошибается. «Весть», крепостнический орган олигархической дворянской партии, начала выходить в виде еженедельной газеты под редакцией В. Д. Скарятина и Н. Н. Юматова только с 1863 г. (см. Н. М. Лисовский, Библиография русской периодической печати. Пгр., 1915 и Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона — слово «Весть»). А так как Чернышевский был арестован в июле 1862 г., то он не мог конечно участвовать в словесной дуэли со Скарятиным как редактором «Вести». В 1862 г. Скарятин писал в «СПБ. Ведомостях», издал книгу «Заметки золотопромышленника» (см. Энциклопедич. словарь Брокгауза-Ефрона — слово «Скарятин»). Повидимому в 1862 г. Скарятин не имел еще в глазах передовых писателей той репутации крепостника, какая установилась за ним после того, как он стал редактором «Вести», и потому Чернышевский мог участвовать вместе с ним в словесной дуэли.

Приглашение Чернышевским Лаврова на этот литературный поединок свидетельствует о том, что Чернышевский высоко ценил Лаврова как писателя и общественного деятеля своего лагеря.

Лавров не менее высоко ценил Чернышевского. 6 марта 1865 г. Лавров внес предложение в Литературный фонд о выдаче литературного пособия сосланному на каторгу Чернышевскому и о ходатайстве у правительства о пересмотре его дела. (Председатель Литературного фонда конечно струсил и отклонил предложение Лаврова.) «В то же время Лавров представил в цензурный комитет рукописный перевод «Политической экономии» Милля, составленный Чернышевским, и несколько его оригинальных статей, прося разрешить напечатание этих сочинений с обозначением имени Чернышевского; но цензурный комитет в просьбе этой отказал» (см. «Справку о полковнике Лаврове» в «Материалах для биографии Лаврова». Пгр., 1921, стр. 87). Во втором томе журнала «Вперед», появившемся в марте 1874 г., Лавров впервые напечатал «Письма без адреса» Чернышевского, сопроводив их предисловием, где между прочим первый в русской литературе указал место Чернышевского в истории русской революционной мысли. Здесь Лавров писал о Чернышевском: «Он не был только публицистом, стоявшим в первом ряду русских литературных деятелей, а по влиянию на русскую мысль не имевшим себе равного между современниками. Н. Г. Чернышевский был заметным уяснителем сложных задач социологии в эпоху между главными произведениями Прудона и основными трудами Маркса, когда в Европе была заметною лишь деятельность Лассаля, гораздо более замечательная в агитационном, чем в теоретическом отношении». (Из письма Энгельса к Марксу от 29 ноября 1873 г. узнаем, что «Лопатин хочет печатать известную тебе рукопись Чернышевского [здесь речь идет о «Письмах без адреса»

И. К.-В]... у Лаврова».) (См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XXIV, стр. 422). Интересно отметить, что «Письма без адреса» Чернышевского, как видно из письма Маркса к Николаю-ону от 12 декабря 1872 г. в «Летописях марксизма» за 1930 г., № 2, стр. 532, были посланы Марксу «Николаем-оном», а Марксом, повидимому через Г. А. Лопатина, переданы Лаврову для журнала «Вперед».

В 1890 г. в статье «Николай Гаврилович Чернышевский и ход развития русской мысли», напечатанной в нью-иоркской рабочей газате «Знамя» и представляющей собою речь, произнесенную Лавровым на собрании в Париже по поводу смерти Чернышевского, Лавров относит Чернышевского к тем «немногочисленным личностям, которые с полным сознанием воплотили в свое дело назревшее движение истории, совместили в себе ясное понимание вопросов дня с решимостью перевести эти вопросы на почву практичекого дела, обладали для этого достаточными силами и стали полными представителями своего времени как в его высших потребностях, так и в его пониманиии своей роли в истории». (Цитирую по фотокопии статьи Лаврова в «Знамени», хранящемся в берлинском архиве Лаврова, так как ни в Москве, ни в Ленинграде я не нашел полного комплекта «Знамени».)

Думается, что для того, чтобы высказать столь верные суждения о Чернышевском задолго до того, как стала ясна его подлинная выдающаяся роль в 60-е годы как теоретика и революционного деятеля, надо было Лаврову не просто быть лично знакомым с Чернышевским, а интимно знать со слов самого Чернышевского его заветнейшие и сокрытые от других мысли и чувства.

Ив. Книжник-Ветров

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Настоящее письмо хранится в Ленинградском отделении Центрархива в «деле» П. Л. Лаврова Аудиториатского департамента Военного министерства, 2-го отделения, 1 стола, 1866 г., № 70, связка 757. В письме Чернышевского нет даты, но по дате в ответном письме Лаврова к Чернышевскому можно установить, что письмо Чернышевского написано не позже 1 декабря 1861 г.; текст этого письма приведен в статье П. Витязева, П. Л. Лавров в эпоху 60-х годов и его статья «Постепенно» в журнале «Книга и Революция» 1922 г., № 6, стр. 13.

В этом же судебном деле Лаврова сохранилась записка М. И. Михайлова от 14 августа 1861 г., относящаяся по словам самого Лаврова (см. «Дело», стр. 348) к моменту организации Шахматного клуба: «Дорогой Петр Лаврович! По желанию Вашему мы соберемся у Вас в среду. Вы со своей стороны потрудитесь пригласить: Дудышкина, Громеку и Курочкина; остальных пригласим мы с Чернышевским. До свидания. Душевно уважающий Вас Мих. Михайлов. P.S. Я приеду к Вам пораньше, как Вам хотелось». Записка эта доказывает, что собрания по организации клуба происходили на квартире Лаврова с участием Н. Г. Чернышевского.

[2] Михаил Алексеевич Воронов (1840—1873), которого Чернышевский рекомендует Лаврову как своего «старинного приятеля», — это талантливый беллетрист-народник, впоследствии сотрудник «Современника», «Русского Слова», «Дела», «Недели».

[3] Под студентом Ламанским здесь разумеется Сергей Иванович Ламанский (1841—1891), впоследствии известный физик и физиолог-материалист типа Сеченева. По сведениям во 2-й части тома I «Био-библиографического словаря» в издании Политкаторжан, С. И. Ламанский был заключен в Петропавловскую крепость в октябре 1861 г. за участие в студенческих волнениях и освободился в середине декабря 1861 г. Но поскольку Чернышевский в своем письме к Лаврову от 1 декабря 1861 г. предлагает через С. И. Ламанского отправить в Кронштадт деньги для освобождаемых там студентов, очевидно, что или Чернышевский не знал о его заключении, или автор статьи о Ламанском в «Био-библиографическом словаре» неправильно указал, что Ламанский был освобожден в середине декабря вместо ноября». Отмечу также, что из интимной переписки А. В. Корвин-Круковской-Жаклар, цитированной мной в статье о Викторе Жакларе в «Проблемах марксизма» за 1930 г. (№ 5—6), ясно видно, что С. И. Ламанский в 70-е годы был интимно близок с революционерами-коммунарами Жакларами, сторонниками Маркса и до и во время Коммуны.

[4] Калачев, Ник. Вас. (1819—1885) — академик, археолог и историк русского права.

[5] Березин, Илья Ник. (1818—1896) — профессор турецкого языка Петербугского университета, редактор-издатель «Энциклопедического словаря» начала 70-х годов, о котором писал и Лавров в журнале «Знание» 1873 г.

[6] Текст записки Лаврова без всяких комментариев приведен в сборнике «Революционное движение 1860 годов». Изд. Политкаторжан, М., 1932 г., стр. 43.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ЧЕРНОВИКА ПИСЬМА П. Л. ЛАВРОВА К Г. В. ПЛЕХАНОВУ
ОТ 25 НОЯБРЯ 1889 г.
Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ЧЕРНОВИКА ПИСЬМА П. Л. ЛАВРОВА К Г. В. ПЛЕХАНОВУ ОТ 25 НОЯБРЯ 1889 г.

Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА ЧЕРНОВИКА ПИСЬМА П. Л. ЛАВРОВА К Г. В. ПЛЕХАНОВУ ОТ 25 НОЯБРЯ 1889 г.

Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

[ЧЕРНОВИК ПИСЬМА П. Л. ЛАВРОВА — Г. В. ПЛЕХАНОВУ]

328, rue St.-Jaques, 25 ноября 1889 г.

Уважаемый Георгий Валентинович.

Извините, что запоздал с обещанным[1] ответом на Ваше любезное приглашение прислать Вам для Вашего «Социал-Демократа»[2] воспоминания о Чернышевском. Множество причин мешали мне ответить до последних дней. Я с первой же минуты знал, что мои воспоминания в этом отношении так бедны, что едва ли [Вам] кому-либо пригодятся, [но] однако всетаки хотел попробовать собрать те крохи, которые остались у меня в памяти об этой эпохе. Но теперь, перебрав мои сношения с Ник[олаем] Гав[риловичем] за [это] время моей петербургской литературной деятельности, вижу, что и крох-то очень уже мало. Встретившись с Ник[олаем] Гав[риловичем] при основании Литературного фонда[3], я не имел вовсе сношений с ним до учреждения литературного клуба (под названием шахматного) в конце 1861 г., если не ошибаюсь[4]. Я был выбран одним из старшин и потому ко мне стекались взносы членов, между прочим и от «Современника»[5]. Перег[оворы] и переп[иска] происход[или] через Ник[олая] Гавр[иловича]. Но [Ник. Гавр.] он даже почти не посещал клуба[6]; покрайней мере я не помню, чтобы в клубе мне пришлось говорить с ним. Враждебное отношение «Современника» к моим работам именно в это время[7] делало поводы сношений между нами еще более редкими. Во время студенческого движения[8], обозначенного «колокольным походом»[9], массовым арестом студентов во дворе университета, я не помню встреч и разговоров с Ник[олаем] Гавр[иловичем], хотя я был в комитете для помощи студентам[10]. В эпоху закрытия курсов для студентов в Петербургской думе[11] Ник[олай] Гавр[илович], был членом комитета Литературного фонда одновременно со мной. Тут мне остались живы в памяти несколько слов, сказанных им в заседании комитета и которые сделали для меня очевидным, что движение студентов против Костомарова[12], не хотевшего прекращать лекций из-за ареста профессора Павлова[13], происходило с согласия Черн[ышевского], под его влиянием, что он сознавал для себя возможность остановить это движение, но находил это ненужным (в чем мы расходились)[14]. Но и это ограничилось [несколькими] немногими обмененными фразами. В последние месяцы пребывания Чернышевского на свободе мы стали сходиться[15], имели два-три интересных (для меня) разговора, но в них материала для «воспоминаний» все-таки нет. Мы бывали друг у друга. Он даже выбрал меня одним из свидетелей своего [публичного состязания] спора с [редактором «Вести»] Скарятиным[16] [кажется, впрочем, «Весть» стала появляться позже, но в эти самые часы мне пришлось ехать в Артил[лерийскую] академию на экзамен, на котором я был должен присутствовать, и я не был на [этом состязании] этом литературном поединке. Вскоре после этого Ник[олай] Гавр[илович] был арестован, и мы более не видались.

Как видите, все это так бедно содержанием, что и говорить не стоит. Какие уж тут воспоминания!

Желаю Вам всего лучшего, остаюсь готовый к услугам

П. Лавров.[17]

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Повидимому настоящему письму предшествовало другое короткое письмо, посланное Плеханову раньше, где Лавров обещал ему ответить.

2 Здесь имеется в виду приглашение Плеханова, выраженное в письме, перепечатанном в предисловии к настоящему документу.

3 Литературный фонд — неофициальное распространенное название Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Своим возникновением Литературный фонд обязан энергии беллетриста и критика А. В. Дружинина (1824—1864), быв-

шего в 1856—1859 гг. редактором распространенного журнала «Библиотека для чтения». Успехами первых лет своей деятельности Литературный фонд обязан Егору Петровичу Ковалевскому (1811—1868), известному путешественнику, начальнику Азиатского департамента, брат которого, Евграф Петрович, был в то время министром народного просвещения. Егор Петрович Ковалевский был и первым председателем выборного комитета, стоявшего во главе Литературного фонда.

[4] Шахматный клуб, как указано в предисловии к настоящему письму, был основан не в конце 1861 г., а в начале 1862 г. Как указано там же на основании целого ряда фактов, утверждение Лаврова, что он не имел вовсе сношений с Чернышевским до начала 1862 г., не соответствует действительности. Старшинами Шахматного клуба были П. Л. Лавров и известный публицист Г. З. Елисеев. О Шахматном клубе кроме литературы, приведенной в предисловии к настоящему письму, см. Полное собрание сочинений А. И. Герцена с примечаниями М. К. Лемке, т. 15-й, стр. 324—325 и т. 16-й, стр. 165—166.

[5] В подлиннике «Современник» с малой буквы и без кавычек. Взносы в Шахматный клуб делались от редакций журналов повидимому ежемесячно, а так как во главе «Современника» стоял Чернышевский, то Лаврову как старшине клуба приходилось иметь переговоры и переписку с Чернышевским по поводу этих взносов.

[6] Как указано в предисловии к настоящему письму, утверждение Лаврова, что Чернышевский не посещал Шахматного клуба, не соответствует действительности.

[7] «Именно в это время», т. е. во время существования Шахматного клуба с начала 1862 г., никакого «враждебного» отношения «Современника» к работам Лаврова уже не было. С декабря 1861 г. сношения Лаврова с Чернышевским были очень часты, как доказано в предисловии к настоящему письму.

[8] О студенческом движении в Петербурге в сентябре — декабре 1861 г. см. кроме литературы, указанной в предисловии к настоящему письму, «Записку о петербургских университетских беспорядках», напечатанную в «Приложении № 4» в книге М. Лемке, Очерки освободительного движения шестидесятых годов. СПБ., 1908, стр. 468—479. К. Арсеньев, Из дальних воспоминаний в «Голосе Минувшего» 1913, № 1, стр. 161 и В. Спасович, Пятидесятилетие Петербургского университета в «Вестнике Европы» 1870, № 5, стр. 312—365.

[9] Имеется в виду шествие студентов на Колокольную улицу.

[10] Во время студенческого движения осенью 1861 г. Лавров не встречался с Чернышевским только до декабря, так как Чернышевский был временно в отъезде в Саратове, но о сношениях Чернышевского с Лавровым по поводу освобождения арестованных студентов в начале декабря 1861 г. свидетельствует записка Чернышевского к Лаврову, сохранившаяся в «Судебном деле» последнего. Об этом см. в предисловии к настоящему письму.

[11] Так как Петербургский университет был правительством из-за студенческих беспорядков закрыт с осени 1861 г. до конца 1861/62 учебного года, то студентами были организованы курсы университетского характера при петербургской Городской думе. Во главе этих курсов стоял студенческий комитет, в который входили и представители Литературного фонда. Лавров и Чернышевский были одновременно со 2 февраля 1861 до 2 февраля 1862 г. членами комитета Литературного фонда и во время существования курсов повидимому одновременно входили и в комитет курсов.

[12—13] Профессор Павлов, Платон Васильевич (1823—1895) с 1847 до 1859 г. читал историю в Киевском университете, а в конце 1859 г. назначен членом Археографической комиссии и переведен в Петербург. За чтение своей статьи «Тысячелетие России» 2 марта 1862 г. на вечере в пользу Литературного фонда проф. Павлов был 5 марта арестован и 6 марта административно выслан в Ветлугу, Костромской губернии, с запрещением на будущее время чтения публичных лекций. Он был возвращен в Петербург лишь в 1866 г. и освобожден от надзора полиции только в 1871 г. (О Павлове см. Био-библиографич. словарь, изд. Политкаторжан, т. I, ч. 2-я. М., 1928, стр. 303, где указана и вся литература о Павлове.)

[14] Из литературных выступлений Лаврова по поводу прекращения лекций студентами и, в частности, против Костомарова, напротив, видно, что позиция Лаврова по этому вопросу была такая же, как у Чернышевского.

[15] Лавров стал «сходиться» с Чернышевским с зимы 1861/62 г., следовательно за 7—8 месяцев до ареста Чернышевского, чему доказательства см. в предисловии к настоящему письму.

[16] Так как газета «Весть» начала выходить в 1863 г., а Чернышевский был арестован в июле 1862 г., то у него конечно не могло быть публичного состязания со Скарятиным как с редактором «Вести». Сам Лавров указывает, правда неуверенно, что «Весть» стала выходить позже.

[17] Все письмо Лаврова представляет собою черновик с рядом поправок. В прямые скобки заключены те слова, которые были зачеркнуты Лавровым, и те части слов, которые для ясности добавлены при перепечатке настоящего письма.

П. Н. ТКАЧЕВ

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ РАЦИОНАЛИЗМА

Предисловие и примечания Б. Козьмина

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ П. Н. ТКАЧЕВА К МАРКСИЗМУ

В рядах русских революционеров 70-х годов П. Н. Ткачев, вождь русских бланкистов и издатель заграничного журнала «Набат» (1875—1881 гг.), занимал обособленное место. Представители других революционных фракций того времени чуждались его и его последователей и видели в них не союзников в общем деле, а политических врагов. «С группой Ткачева, — свидетельствует современник, — остальная революционная эмиграция почти не поддерживала сношений» [1]. По словам другого современника идеи, которые Ткачев проповедывал в «Набате» и в своих брошюрах, приводили «не только в крайнее негодование, но прямо в ужас тогдашних революционеров». В 1875 г., когда Ткачев приступил к изданию «Набата», видный революционер того времени С. М. Кравчинский писал Лаврову: «Ткачев издает журнал под именем «Набат». В сущности это будет одна мерзость — политическая революция, но она прикрыта, разумеется, социальной». С Кравчинским был вполне солидарен и его адресат Лавров: в 1873 г., начиная издание за границей журнала «Вперед», Лавров заявил, что страницы его журнала будут открыты для представителей всех революционных течений, кроме одного: того, которое намерено совершить революцию без народа, силами революционного меньшинства. Лавров имел в виду существующую в то время за границей небольшую группу эмигрантов (поляков и русских), объявивших себя последователями Огюста Бланки. Отчужденность революционеров других направлений от Ткачева и их враждебное отношение к нему выражались зачастую в чрезвычайно резких и грубых формах.

Очень ярок и показателен один эпизод, о котором рассказывает в своих воспоминаниях Н. А. Морозов, в то время состоявший одним из редакторов подпольного журнала «Земля и Воля». Однажды Морозов сказал своим товарищам по редакции, что он намерен послать одну свою статью Ткачеву для напечатания ее в «Набате».

«Я никогда не забуду, — рассказывает Н. А. Морозов,—впечатления, какое произвели мои слова на товарищей по редакции, особенно на Клеменца. Он весь покраснел, как будто ему нанесли личное оскорбление, и, вскочив со стула, начал бегать из угла в угол по комнате, нервно потирая руки.

— Как! — воскликнул он. — Ты будешь сотрудничать в якобинском журнале! В журнале, проповедующем революционный захват власти!.. Это немыслимо!.. Твое имя будет стоять рядом с именем Ткачева!

— Но что же из этого?

— То, что «Набат» напрасно называет себя органом русских революционеров! В России нет ни одного революционера, находящего целесообразным захват центральной правительственной власти в свои руки путем заговора!

— А может быть такие и есть или просто окажутся с легкой руки того же самого «Набата»! — возразил я.

— Тогда они будут **нашими** врагами! В основе всего должно лежать крестьянство и его общинные инстинкты!» [2]

Эпизод, рассказанный Морозовым, очень характерен, — особенно, если принять во внимание, что Клеменец, по отзыву его друга Кравчинского, никогда не был «человеком партии» и «всегда держался в стороне от «программных» раздоров, так часто разделявших революционную партию на непримиримо враждебные лагери» [3]. Если такой терпимый к чужим мнениям и убеждениям человек, как Клеменец, настолько враждебно относился к Ткачеву и «Набату», то чего же ждать от других, более непримиримых!

Как видно из приведенных выше свидетельств современников, Ткачеву приходилось работать в чрезвычайно трудных условиях. Атмосфера враждебности и подозрительности, которая окружала его, затрудняла выполнение той задачи, которую он себе поставил. Его проповедь якобинских методов борьбы наталкивалась на предубеждение, которое, казалось, ничем нельзя было сломить. Однако Ткачев упорно твердил свое и, не смущаясь, шел к достижению поставленной себе цели, сознавая, что требования жизни и логика развития революционной борьбы заставят русских революционеров — хотят они этого или нет — согласиться, если не во всем, то во многом с тем, что он писал в своем журнале. Ткачев сознавал, что в конечном счете успех его дела будет зависеть не от того, как много удастся ему навербовать единомышленников, солидаризирующихся вполне с его программой, а от того, какое действие его проповедь производит на массу действовавших в то время в России и ведших борьбу революционеров, независимо от того, приверженцами какой из революционных фракций они себя считают. «Я никогда не придавал особого значения распространению «Набата» в России,— писал Ткачев одному своему знакомому. — «Набат» был не агитационный революционный листок: его задача состояла лишь в том, чтобы вернуть революционеров к тем единственно практически верным идеям и принципам революционной деятельности, от которых они, под влиянием реакции, под влиянием анархистских и лавровских бредней стали было открещиваться. Эти идеи и принципы не заключали в себе ничего нового, но их недурно было напомнить. И «Набат» мог выполнить (и действительно выполнил) эту задачу, не будучи даже распространен в России. Достаточно было, чтобы с его программой и с основными принципами ознакомились лишь некоторые революционные деятели, чтобы среди них он возбудил толки и распри, достаточно было напомнить забытые идеи небольшому числу революционеров, а затем уже сама революционная практика не замедлила доказать разумность, практичность этих идей и распространить их среди большинства революционеров. Я очень хорошо знаю, что в России мало кто имеет в руках «Набат», но о его существовании, о его программе, о его принципах известно было во всех почти революционных кружках. Вкривь и вкось обсуждая эту программу и эти идеи, извращая их, клевеща на них, анархисты и лавристы распространяли их среди молодежи и подготовили их окончательное торжество,— торжество, выразившееся в образовании партии «Народной Воли», в образовании целого ряда «исполнительных» и иных комитетов, в программе, принятой на липецком съезде, и наконец в целом ряде удачных и неудачных покушений. Истинность и неопровержимость идей, проводимых в «Набате», так была для меня очевидна, что я ни на минуту не сомневался в том, что они восторжествуют, что они найдут себе практическое осуществление даже в том случае, если бы «Набат» не выходил из пределов Швейцарии, даже и в том случае, если бы он издавался лишь хоть в десяти экземплярах» [4].

Таким образом Ткачев был убежден в том, что расчет, с которым он приступил к изданию «Набата», оказался безошибочным: его идеи действительно оказали то действие на русских революционеров, которого он желал и ожидал.

Мы не можем здесь подробно анализировать, насколько правильно это убеждение Ткачева, и ограничимся лишь указанием на то, что в марксистской литературе влияние Ткачева на развитие русской революционной мысли его времени стоит вне всяких сомнений. Еще в «Наших разногласиях» Г. В. Плеханов показал, как много «Народная Воля» заимствовала от Ткачева. На той же точке зрения стоял и Ленин, когда в «Что делать?» он указывал, что деятельность «Народной Воли» была подготовлена теоретической проповедью Ткачева [5]. А этого одного достаточно для доказательства

того, какое большое значение для правильного понимания нашего исторического прошлого имеет изучение литературного наследства Ткачева.

Отчужденность от громадного большинства русских революционеров 70-х годов, в атмосфере которой жил и работал Ткачев, крайне затрудняет изучение его жизни и творчества. В мемуарах современников мы встречаем только краткие и беглые упоминания о Ткачеве и его группе. Даже тогда, когда революционеры-народники начали заимствовать у Ткачева отдельные положения его программы, они продолжали отгораживаться от него. Это отразилось и на позднейшей литературе по истории революционного движения. Русским бланкистам — и в частности Ткачеву — в ней отводилось очень мало места, гораздо меньше, чем они того заслуживали по роли, сыгранной ими и их идеями в развитии революционного движения. Для иллюстрации этого достаточно сослаться хотя бы на тот факт, что в литературе по истории нашего революционного движения, выходившей до октября 1917 г., Ткачеву была посвящена только одна статья и притом рассматривавшая его не как революционера, а как литературного критика: мы имеем в виду статью М. М. Клевенского «П. Н. Ткачев как литературный критик», помещенную в № 7—8 «Современного Мира» за 1916 г.

Серьезное изучение жизни и идей Ткачева, как и вообще вопроса об исторических судьбах русского бланкизма, началось только после Октябрьской революции, когда переоценка нашего революционного прошлого выдвинула на очередь и пересмотр вопрос об историчской роли русского бланкизма. Однако изучение Ткачева наталкивалось на одно весьма серьезное препятствие, заключавшееся в том, что его литературное наследство, разбросанное на страницах старых легальных и нелегальных журналов, не было приведено в известность и собрано [6]. Тем не менее после Октябрьской революции выходит ряд работ, посвященных Ткачеву. Вопрос об его историческом значении и оценка его социально-политической программы вызывает на страницах советской печати полемику [7]. При этом интересно отметить, что в послеоктябрьской литературе о Ткачеве ему уделяется много внимания не только как революционному мыслителю, обосновавшему своеобразную программу революционной борьбы, но и как литературному критику, сделавшему шаг вперед по направлению к марксизму даже по сравнению со своими блестящими предшественниками, критиками-разночинцами 60-х годов. При этом некоторые авторы, писавшие о Ткачеве, переоценивают значение этого писателя, или, точнее, степень близости его взглядов к марксизму. Так например, в журнале «На литературном посту» в № 3 за 1927 г. была напечатана статья Н. Кравцова «П. Н. Ткачев» с подзаголовком: «П е р в ы й к р и т и к-м а р к с и с т». Еще раньше этого Н. К. Пиксанов в своем тематическом пособии «Два века русской литературы» именовал Ткачева «р а н н и м м а р к с и с т о м - к р и т и к о м» (2-е изд., М., стр. 180). Надо сказать, что ни Н. Кравцов, ни Н. К. Пиксанов своего взгляда на Ткачева как на марксиста ничем не обосновывают. Н. К. Пиксанов был лишен возможности сделать это по самому характеру его книги, имеющей характер библиографического указателя. Что же касается Н. Кравцова, то он ограничился беглым и кратким пересказом биографии Ткачева и весьма поверхностным и неполным изложением его литературно-критических взглядов. Понять из этого изложения, почему Кравцов считает Ткачева «марксистом», — весьма трудно. Если он отмечает, что, по мнению Ткачева, искусство, и в частности литература, отражает «социальную обстановку и экономику» и что Ткачев в своих литературно-критических статьях отыскивал «экономические причины возникновения» тех типов, которые выведены в рассматриваемых им художественных произведениях, то одного этого конечно слишком недостаточно, чтобы можно было признать Ткачева «первым критиком-марксистом».

Такой взгляд на Ткачева, признающий его «марксистом» без всяких оговорок, вряд ли нуждается в подробном разборе и опровержении. Несостоятельность его очевидна: марксизм как идеология развитого фабрично-заводского пролетариата не имел еще своих представителей в стране, только что сбросившей с себя путы крепостничества. Это — несомненно, но несомненно также и то, что в такой стране могли быть — и действительно были — люди, воспринимавшие отдельные стороны учения Маркса, отдель-

ные «элементы марксизма». Тем не менее такие люди, как бы много они ни принимали из теории основоположника научного социализма, не были «марксистами» в точном и полном значении этого слова. К числу таких-то именно людей и должен быть отнесен П. Н. Ткачев. Весь вопрос сводится к тому, какие именно из «элементов марксизма» были усвоены Ткачевым и в какой степени?

В нашей литературе встречаются разногласия относительно этих вопросов. И. Г. Ямпольский, автор обстоятельной и интересной статьи «П. Н. Ткачев как литературный критик», напечатанной в 1931 г. в № 1 журнала «Литература», издающемся Академией Наук СССР, признавая, что считать Ткачева «первым русским марксистом» невозможно, и отмечая ряд расхождений между взглядами Ткачева и марксизмом, так формулирует отношение его к теории К. Маркса: «Впервые в России понял значение марксизма, стал воспринимать его теоретические положения и пытался широко применять их в различных отраслях науки именно Ткачев» (стр. 31—32).

То, что Ткачев действительно воспринимал теоретические положения марксизма и довольно широко пытался применять их в разных отраслях науки, стоит вне всяких сомнений. Но действительно ли имеем мы право сказать, подобно И. Г. Ямпольскому, что он «понял значение марксизма»?

Думается, что уже одно то, что Ткачев выдвинул и обосновал чисто бланкистскую программу революционной борьбы, должно было бы предостерегать от таких рискованных формулировок. Если бы Ткачев действительно «понял значение марксизма», он не стал бы высказываться за возможность совершения социалистического переворота силами одного организованного в сплоченную партию революционного меньшинства, захватывающего при помощи заговора государственную власть в свои руки и устанавливающего свою диктатуру. Политическая программа Ткачева игнорировала русский рабочий класс. Этого одного достаточно для того, чтобы мы, вопреки И. Г. Ямпольскому, могли с полным основанием утверждать, что марксизма Ткачев не понял.

Однако признание этого не избавляет нас от необходимости ответить на вопрос, поставленный выше, — на вопрос о том, какие элементы марксизма Ткачевым были усвоены и в какой степени?

Для правильного ответа на этот вопрос необходимо внимательно изучить литературное наследство Ткачева как опубликованное, так и оставшееся до сих пор в рукописях и в частности его неопубликованные юношеские работы, писавшиеся им тогда, когда он только познакомился с теорией К. Маркса. Одной из таких юношеских работ Ткачева является его незаконченная статья «Очерки из истории рационализма», печатаемая нами [8]. Для вопроса об отношении Ткачева к марксизму статья эта представляет не малый интерес; по ней можно заключить о том, что именно понял и воспринял Ткачев в марксизме и чего он не понял.

То, что Ткачев стоял на точке зрения экономического материализма, в настоящее время общеизвестно и никем не оспаривается. Общеизвестно и то, что Ткачев еще в 1865 г. в печати объявил себя последователем теории Маркса.

«Вся общественная жизнь во всех ее проявлениях, со всей литературой, наукой, религией, политическим и юридическим бытом есть не что иное, как продукт известных экономических принципов, лежащих в основе всех этих явлений. Данные экономические принципы, последовательно развиваясь, комбинируют известным образом человеческие отношения, порождают промышленность и торговлю, науку и философию, соответствующие политические формы, существующий юридический быт, порождают, одним словом, всю нашу цивилизацию, делают весь наш прогресс». Вот формула, в которой Ткачев изложил основы своего экономического материализма. Но он не ограничился только формулированием своего общего взгляда на взаимоотношения экономики и других сторон жизни человечества. Он сделал ряд интересных и иногда весьма ценных попыток применить свои общие взгляды к анализу конкретных общественных явлений. При этом он не ограничивался фактами политическими (очень интресны егоо попытки выяснить причины Реформации, крестьянских войн в Германии, так называемой «эпохи великих реформ» в России и др.), но пытался подойти с точки зрения экономического

П. Н. ТКАЧЕВ
Фотография 1860-х гг.
Институт Русской Литературы, Ленинград

материализма к анализу весьма разнообразных явлений, начиная с юридических и кончая литературными. Одною из таких его попыток применения принципов экономического материализма к конкретным историческим явлениям является и публикуемая нами статья «Очерки из истории рационализма». В ней Ткачев задается целью выяснить причины победы «рационализма», под которым он понимает «трезвый, беспредрассудочный, строго реальный взгляд на человеческие отношения и на явления окружающей нас природы», над «узкою, догматическою доктриною, возникшею в период римских императоров» (так Ткачеву страха ради перед цензурою приходилось обозначать христианство). Обычно во времена Ткачева — да и значительно позднее, вплоть до наших дней — историки объясняли отмеченную Ткачевым победу «рационализма» распространением научных знаний, подорвавших значение господствовавших ранее суеверий и помогших человеку выработать правильный, научный взгляд на явления природы и общественной жизни. Ткачев оспаривает это объяснение, справедливо указывая, что сторонники его путают причину со следствием и принимают за первое то, что в действительности было вторым: «Не накопление, расширение и осмысление точных знаний подорвало веру в волшебство и колдовство, — говорит Ткачев, — а, наоборот, подорванная вера породила науку, сделала возможным приобретение и расширение точных знаний».

Надо ли говорить о том, что во времена Ткачева, когда в России в кругах мелкобуржуазной (не говоря уже о буржуазной) интеллигенции господствовало мнение, что идеи управляют миром, такая постановка вопроса, какую дает Ткачев, должна была казаться страшной ересью. Но еще большей ересью было его утверждение, что победа «рационализма» являлась следствием экономического развития Европы. «В самом строе общественной жизни, — говорит Ткачев, — в экономическом быту средневекового общества, произошли такие изменения, которые сообщили европейской мысли совершенно иное направление». К чему же сводились эти изменения? К развитию промышленности и торговли, к появлению буржуазии, вступившей в борьбу с господствующим классом, с феодальным дворянством. Вот почему борьба науки против суеверий была «борьбою промышленных, торговых интересов с интересами теологическими, религиозными». «Экономическая жизнь, — говорит Ткачев, — развиваясь из своих принципов, постепенно подготовила революцию во взглядах людей».

Из этих рассуждений Ткачева для нас с полной ясностью вырисовывается его взгляд на сущность исторического процесса. Если оставить в стороне неточность некоторых

формулировок, то в основном этот взгляд может быть признан правильным. Как видим, в этом вопросе Ткачев значительно опередил своих современников, среди которых господствовал чисто идеалистический взгляд на исторический процесс. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о той полемике, которую Ткачеву пришлось вести в 1869 г. с «Отечественными Записками» Некрасова. Полемика эта была вызвана статьей Ткачева «Женский вопрос», напечатанной в вышедшей под его редакцией книге Дауля «Женский труд». Ткачев доказывал, что женский вопрос вызван не прогрессом умственного развития общества, а причинами экономическими. Такая постановка вопроса привела в полное недоумение рецензента «Отечественных Записок» (1869 г., № 1). Полагая, чо умственное развитие «справедливо считается двигателем прогресса», рецензент обвинял Ткачева в том, что он хочет «исключить женский вопрос из-под влияния умственного развития человечества». «Умственные, нравственные, политические, одним словом, все явления общественной жизни находятся в неразрывной связи между собой и обуславливают друг друга», поучал Ткачева рецензент.

Печатаемая нами статья открывает и слабые стороны миросозерцания Ткачева и дает возможность наметить ряд пунктов, в которых Ткачев самым решительным образом расходился с марксизмом. На них-то мы теперь и остановимся.

Хотя Ткачев и был знаком с теорией Маркса, он во многих вопросах продолжал придерживаться тех же мнений, какие господствовали среди его современников. Большое влияние на него оказала теория утилитаризма, широко распространенная в то время в кругах мелкобуржуазной интеллигенции. Современники Ткачева из этого лагеря были уверены, что человеку свойственно всегда руководствоваться принципом пользы: человек поступает так, как считает для себя наиболее выгодным. Если же на практике его расчет часто оказывается ошибочным, если на каждом шагу мы видим примеры того, что действия человека приводят к невыгодным для него последствиям, то единственной причиной этого является неспособность большинства людей правильно расценивать свою собственную пользу. От этой неспособности люди избавятся лишь тогда, когда они станут более развитыми и образованными. Распространение среди них научных знаний откроет перед ними возможность всегда и при всех условиях правильно расценивать свои интересы и сообразно с этим направлять всю свою деятельность.

Ткачев, как мы говорили выше, находился под сильным влиянием теории утилитаризма, особенно на первых порах своей литературной деятельности [9]. Утилитаризм, как утверждает Ткачев в печатаемой нами статье, «благодаря великим трудам Гельвеция, Бентама и Милля, завоевал себе весьма прочное и надежное место». Как и его современники, Ткачев был уверен, что люди всегда руководятся соображениями о собственной выгоде. А так как среди разнообразных интересов, свойственных человеку, на первом плане для него всегда стоит интерес экономический — соображение о том, что для него выгодно в экономическом отношении, — то экономика имеет преобладающее значение. Ею обусловлены все другие стороны человеческой жизни. Таким образом экономический материализм Ткачев выводил из теории утилитаризма. В печатаемой нами статье можно найти ряд совершенно ясных высказываний, подтверждающих это.

Так например, отметив смену «всеобщего мракобесия и невежества» «терпимостью и снисходительностью в религиозных делах», Ткачев заключает: «То, на что не осмеливался покушаться ни один мыслитель, что, казалось, не могла одолеть никакая диалектика атеиста, то одолел и победил *простой экономический расчет*». «Чуть только, — говорит Ткачев про средневекового человека, — требования его фанатизма стали в противоречие с *требованиями его личного расчета, его экономического интереса*, сейчас же фанатизм испарился». «Мыслители, — говорит Ткачев в другом месте, — только тогда начали проповедывать неверие, терпимость и утилитаризм, когда *экономический расчет* давно уже переменил взгляды практических людей на непогрешимость католического догмата и на ту роль, которую страдания и наслаждения играют в человеческой жизни».

Таким образом связь между экономическим материализмом Ткачева и современной ему теорией утилитаризма стоит вне сомнений. В этом одно—и весьма существенное —

расхождение его с марксизмом. Маркс к утилитаризму относился отрицательно, видя в нем одну из разновидностей буржуазной философии.

Другое расхождение между Ткачевым и марксизмом также видно из его печатаемой нами статьи. Это — отсутствие у Ткачева ясного и четкого представления о значении борьбы классов. Правда, и в этом отношении Ткачев опережает многих своих современников. Ткачев сознает, что современное общество распадается на ряд классов соответственно той роли, которую каждый из них играет в производстве. Сознает он и то, что каждый общественный класс «имеет свое особое миросозерцание, свою особую программу»[10]. Ткачев понимает, что интересы этих классов непримиримо расходятся и что вследствие этого между классами неминуемо происходит взаимная борьба. Однако борьбу классов он рассматривает как частный вид всеобщей борьбы, наблюдающейся в человечестве, — борьбы государств, национальностей, общественных групп и отдельных людей между собою. Эту всеобщую борьбу Ткачев склонен рассматривать как результат того, что большинство современных государств возникло в результате войны и завоевания. «В основу общества, созданного войной, — говорит Ткачев в печатаемой нами статье, — роковым образом должен был лечь и принцип войны». Таким образом в этом случае борьба классов выводится Ткачевым не из противоположности их интересов и роли в производстве, а из такого случайного факта, каким является война. Можно думать, что, по его мнению, в обществе, возникшем вне зависимости от войны, борьба между отдельными составляющими его социальными группами могла бы и не иметь места. Это свидетельствует о том, что у Ткачева не было отчетливого понимания причин и значения борьбы классов.

Отмеченные нами два пункта, в которых Ткачев расходился с марксизмом, не были единственными. Другие его литературные произведения дают возможность установить и ряд других расхождений. Однако и того, что сказано выше, достаточно, чтобы нам стало ясно, насколько рискованно утверждать, будто бы Ткачев действительно впервые в России «понял значение марксизма».

Это не исключает однако того, что в России того времени Ткачев в большей степени, чем кто-либо другой (за исключением быть может Н. И. Зибера, прямого предшественника легальных марксистов 90-х годов), воспринял учение Маркса. С этой точки зрения изучение литературного наследства Ткачева, и в частности неопубликованной его части, представляет большой интерес.

Б. Козьмин

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] П. Б. Аксельрод, Пережитое и передуманное. Берлин, 1923, стр. 163.
[2] Н. А. Морозов, Повести моей жизни, т. IV, М., 1918, стр. 255—256.
[3] С. М. Кравчинский, Сочинения, т. II, «Подпольная Россия», стр. 35 — 36.
[4] Материалы для биографии П. Н. Ткачева. «Былое» 1907, № 8, стр. 164 — 165.
[5] Сочинения, т. IV, 3-е изд., стр. 494.
[6] В настоящее время в издательстве Общества политкаторжан выходит под редакцией пишущего эти строки собрание избранных социально-политических статей Ткачева в четырех томах, которое будет включать в себя все основные для характеристики идей Ткачева его произведения, в том числе некоторые его статьи, не появлявшиеся до сих пор в печати.
[7] Мы имеем в виду статьи С. И. Мицкевича «Руские якобинцы» в № 7—8 «Пролетарской революции» за 1923 г. и «К вопросу о корнях большевизма» в № 5 «Каторги и ссылки» за 1923 г., статьи Н. Н. Батурина «О наследстве русских якобинцев» в № 7 «Пролетарской революции» за 1924 г. и «Еще о цветах русского якобинства» в № 8 того же журнала за 1925 г.
[8] В упоминавшееся выше собрание избранных сочинений Ткачева, выходящее в издательстве Общества политкаторжан, эта статья не включена лишь по недостатку места.
[9] Подробнее об этом см. в 4-й главе моей книги «П. Н. Ткачев и революционное движение 60-х годов». М., 1922.
[10] См. его статью «Мужик в салонах русской беллетристики» в № 3 «Дела» за 1879 г., стр. 19.

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ РАЦИОНАЛИЗМА[1]

Статья первая

I

Слово рационализм имеет, как известно, двоякое значение. В тесном смысле оно употребляется для обозначения известной теолого-философической школы, черпающей свои понятия о божестве из идей разума и отвергающей обрядовую сторону положительной религии. Но это же слово, взятое в более широком, так сказать разговорном, значении, обозначает трезвое, разумное миросозерцание, свободное от всяких суеверий и предрассудков, — трезвое, разумное отношение к явлениям окружающей природы и к отношениям людей между собою. В этом последнем смысле мы здесь и будем употреблять слово рационализм. История рационализма есть история постепенного высвобождения человеческого ума из-под груды нелепостей и суеверий, успевшей накопиться в течение многих веков благодаря ревностному содействию разных господ в черных и красных мантиях. Трогательная и поучительная история: трогательнее шатобриановской Мартирологии[2], поучительнее всевозможных историй войн и смен династий. В течение многих веков своего исторического развития человеческому уму приходилось бороться с трудностями почти непреодолимыми; на каждом шагу его опутывали искусно сплетенными сетями отцовских предрассудков и дедовских глупостей; на каждом шагу его встречали новые капканы и новые преграды.

Если ему удавалось выбиться из проклятых сетей, обойти капканы и разрушить преграды, если ему удавалось счастливо покончить войну с самим собою, — тогда его ожидала еще худшая судьба. Перед ним являлся палач в красной рубахе или инквизиторской мантии и, многозначительно указывая на виселицу или же на пылающее auto da fe, грозно требовал, чтоб дерзкий ум замолкнул и снова удалился в скорлупу дедовского невежества и дедовских предрассудков. Ум умолкал, или, если уже молчать быть невмоготу, говорил, но каждое его слово окупалось потоками человеческой крови. А между тем слова эти имели в виду только одно человеческое счастье, и за это-то их так гнали и преследовали.

Странно и с первого взгляда даже неправдоподобно! В самом деле, если взять человека отдельно, изолированно от других людей, то бесспорно, что каждый человек всегда думает и действует, соображаясь со своими личными интересами, своею личною выгодой; личная польза, личное благо — вот единственный стимул всякой человеческой доятельности. А между тем стоит взглянуть на результаты деятельности целого общества — совокупности многих человеческих единиц, — чтобы невольно усомниться в истинности человеческого утилитаризма. Невольно кажется, что человек только притворяется утилитаристом, что, в сущности, он чистейший аскет. На каждом шагу он гадит и портит себе жизнь; каждое мгновение отравляет себя горьким ядом бедности или пресыщения, при каждом удобном и неудобном случае казнит, бичует и истязует себя самым мучительнейшим и невыносимейшим образом.

Откуда, в самом деле, это странное противоречие между индивидуальным стремлением каждого человека к личному счастью и результатом общественной деятельности, прямо противоположным всякому личному счастью?

Многие теологи и философы, не видя никакой возможности решить этот щекотливый вопрос сколько-нибудь человеческим образом, прибегали к вмешательству небесных сил. Они с полным знанием дела самоуверенно объявляли, что зло сего мира имеет внечеловеческое начало, что оно про-

Очерки изъ исторiи рацiонализма.

(статья первая).

I.

Слово рацiонализмъ имѣетъ, какъ извѣстно, двоякое значенiе. Въ тѣсномъ смыслѣ оно употребляется для обозначенiя извѣстной теолого-философской школы, черпающей свои понятiя о божествѣ изъ недръ разума и отвергающей обрядовую сторону положительной религiи. Но это же слово, взятое въ болѣе широкомъ, такъ сказать, разговорномъ значенiи, обозначаетъ трезвое, разумное мiросозерцанiе, свободное отъ всякихъ суевѣрiй и предразсудковъ, — трезвое, разумное отношенiе къ явленiямъ окружающей природы и къ отношенiямъ людей между собою. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ мы здѣсь и будемъ употреблять слово рацiонализмъ. Исторiя рацiонализма — есть исторiя постепеннаго освобожденiя человѣческаго ума изъ подъ гнета нелѣпостей и суевѣрiй, скопившихся накопившихся въ теченiи многихъ вѣковъ, благодаря ревностному [illegible] разжиганiю людей въ черныхъ и красныхъ мантiяхъ. Трогательная и поучительная исторiя: трогательная [illegible] исторiя человѣческой мартирологiи, поучительная [illegible] отъ многихъ ошибокъ. — Въ теченiи многихъ вѣковъ своего историческаго развитiя, человѣческому уму приходилось бороться съ противорѣчiями почти непреодолимыми; на каждомъ шагу [illegible] опутываемый [illegible] предразсудковъ и богословскихъ теорiй, на каждомъ шагу онъ встрѣчалъ [illegible] новыя преграды. Если ему удавалось выбиться изъ iерархическихъ сѣтей, обойти [illegible] и разрушить преграды, — если ему удавалось счастливо покончить войну съ самимъ собою, — тогда его ожидала еще горшая судьба. Передъ нимъ являлся палачъ, въ красной рубахѣ или инквизиторской мантiи, и многозначительно указ[ывалъ]

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА СТАТЬИ П. Н. ТКАЧЕВА «ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ РАЦИОНАЛИЗМА»
Центрархив СССР, Москва

исходит от каких-то сверхъестественных существ и что потому оно вечно и неизбежно. Такое объяснение было бы весьма удовлетворительно, если бы оно хоть что-нибудь объясняло. Но, к несчастию, оно именно этого-то и не делает: вместо одного неизвестного оно вводит целых два.

Другие мыслители, менее теологи и философы, без дальнейших околичностей порешили вопрос таким образом: люди несчастны потому, что они не понимают своего счастья; каждый человек может быть счастливым и хочет быть счастливым, но он не знает, где ему искать счастья, и потому он всегда действует как бы опрометью, с закрытыми глазами. Отсюда — взаимная вражда, недоверие, антагонизм.

С первого взгляда такое объяснение может показаться весьма простым и весьма удовлетворительным. Но, в сущности, оно так же пусто, неопределенно и бессодержательно, как и первое. Прежде всего возникает такой вопрос: почему люди, в своих бессознательных поисках за счастьем всегда стараются друг другу повредить и напакостить? Далее, почему счастье каждого из них зависит и обусловливается несчастьем всех остальных? Человек не понимает своего счастья. Нет, неправда, — он очень хорошо его понимает, но он поставлен в такие условия, что ему ничего другого не остается, как теснить и грабить своего ближнего, если он сам не хочет быть ограбленным и разоренным. Ala guerre — comme à la guerre!

Неужели ростовщик не понимает своего счастья, когда он берет с должника 60% в год, и неужели ему было бы выгоднее брать не 60%, а законные 6%? Неужели фабрикант не понимает своей выгоды, когда понижает задельную плату до minimum'а и возвышает цены на товары до maximum'а? Неужели купец не понимает своей выгоды, когда продает свои товары вдвое дороже, чем за сколько их купил? Неужели журналист не понимает своей выгоды, когда соглашается получать субсидии или льстит мнениям и вкусам бессмысленного большинства? Неправда, все эти господа отменно хорошо понимают свою выгоду. Никто не станет спорить, что ростовщику выгодно брать высокий процент, фабриканту — понижать заработную плату и т. д. Но уж таковы анархические условия нашего существования, что почти все выгодное и полезное для одного невыгодно и вредно для другого. Таким образом поражающая противоположность между индивидуальным стремлением человека к личному счастию, с одной стороны, и жестокими невыносимыми несчастьями, окружающими его, — с другой, объясняется не вмешательством богов и не недостатком утилитаризма в людях, а просто теми антисоциальными, анархическими принципами, которые легли в основу нашего быта, это объясняет нам — и объясняет весьма удовлетворительно — история. История показывает, как необходима и неизбежна была война среди бедных кочующих народов, она показывает далее, что война повлекла за собою завоевания, с одной стороны, порабощение — с другой. В основу общества, созданного войной, роковым образом должен был лечь и п р и н ц и п в о й н ы. Для победителей это был весьма выгодный и полезный принцип, потому они во все время исторического существования человечества не переставали изощрять свое остроумие, выдумывая всевозможные средства, как бы подольше сохранить и укрепить этот милый их сердцу принцип.

Средства эти были двух родов: физические и нравственные. К первым следует отнести рабство, оковы, плахи, пытки, тюрьмы и тому подобные способы и виды грубого материального насилия. Ко вторым мы причисляем нравственные пытки, суеверия и предрассудки, умышленно распространяемые и поддерживаемые в массах хитростью, лукавством или обманом. Средства второго рода пускались обыкновенно в ход в тех случаях, когда ослабевали средства первого рода. А ослабевали они разумеется не по желанию и доброй воле победителей; победители бы пожалуй всегда рады

видеть их укрепляющимися и совершенствующимися, но логика фактов, логическое развитие данных принципов экономического быта, устраняли их, делали их неудобоприменяемыми и даже вредными. Рабов легко было держать в страхе и повиновении с помощью бичей, крестов, цепей и тому подобных укротительных мер; потому римские рабовладельцы любили и лелеяли рабство как самый лучший и драгоценный институт древнего мира. Однако в конце концов им пришлось от него отказаться. Рабство истощило почву Италии, и позднейшие римские писатели по части сельского хозяйства (так называемое scriptores de rei rusticae) открыто признали убыточность рабского труда и советовали заменить его либо трудом вольнонаемным, либо колонатством. Кроме того скопление несметных богатств в одних руках и частые сношения с азиатскими народами развили в римлянах потребность роскоши и комфорта — мать всякой промышленной и торговой деятельности. А к этой деятельности рабский труд еще менее удобоприменим, чем к земледелию. Потому под конец республики и в особенности при императорах патриции целыми тысячами отпускают на свою волю рабов; самые способы отпущения (манумиссии) упрощаются и разнообразятся до крайности. Императоры сначала вздумали было удержать общий поток узаконениями, стеснявшими свободу патрициев отпускать на волю рабов. Так например, Август запретил отпускать на волю рабов, не достигших 20 лет, и строго определил то число рабов, какое мог освобождать рабовладелец по завещанию. Однако все эти и им подобные стеснения остались почти без влияния на практику; дело освобождения шло своим чередом, колонат повсюду занимал место рабства.

Железные оковы спадали с людей, нужно было заменить их чем-нибудь не менее действительным; явилась нужда в содействии черных рясс. И это содействие не заставило себя долго ждать. Черные рясы рады были оказать услугу, и услуга была как нельзя более кстати; кроме внутренних, экономических, изменений, потрясавших в самом принципе древнее общество римлян, нападения извне ослабили и окончательно расшатали весь этот мнимый порядок законного грабительства и юридического крючкотворства. Казалось, все готово было рухнуть, казалось, новая жизнь, новый свет готов был проникнуть в роковой сумрак хаотически бродящего общества. Тогда-то раздалось это ужасное слово: стой и не движься!

Крик этот был принят за благую весть; Рим сделал его своим девизом, и тысячи чернорясников напрягли все свои силы, чтобы призыв не остался без действия, чтобы все остановилось и не двигалось.

Началось систематическое наступление и развращение человеческой мысли; ее пугали призраками и привидениями, ее опутывали тонкою сетью самых грубых нелепостей и предрассудков. Расчет был верен. Человек напуганный, всего и всех боящийся, повсюду усматривающий козни злых духов, глубоко верующий в загробные мучения и в то же время искренне убежденный в своей греховности, такой человек не особенно страшен даже и в раздраженном состоянии. Обладая некоторым тактом и уменьем, с ним всегда можно совладать и всегда легко направить в какую угодно сторону. А клирики обладали этим тактом и уменьем в высочайшей степени.

Впрочем в первое время пришлось прибегнуть к помощи и защите гражданских властей.

С одной стороны, общество было слишком эпикуреично, чтобы сделаться аскетом; с другой — слишком удручено бедствиями и несчастиями настоящего, чтобы спокойно примириться с ним в ожидании лучшего будущего. Тогда начались преследования и гонения на язычников, еретиков и евреев. Гонения усиливались и разжигались упорством и противодействием гонимых. Евреи, например, сами, как известно, отличались религиозною не-

терпимостью, с распространением же христианского учения их нетерпимость достигла своего крайнего предела; они постановили, что всякий, кто осмелится перекреститься в христианство, будет побит каменьями. В свою очередь Константин, желая противодействовать этой вредной нетерпимости, объявил, что всякий еврей, грозящий побить каменьями перекрещенца, будет сожжен на костре и что всякий христианин, перешедший из христианства в иудаизм, будет казнен смертью. С не меньшею жестокостью обращались с еретиками и язычниками: их убивали, мучали, распинали, лишали имущества, от матерей отнимали детей, жен разлучали с мужьями, слуг подучали шпионничать на господ и т. д. и т. д. Все средства были пущены в ход, ни чем не побрезгали. Новый догмат был провозглашен единственно верным и истинным, — вне его не было и не могло быть спасения; всякий, кто упорствовал принимать его, обрекался на вечные муки и страдания; и с этими муками и страданиями не могли сравниться никакие истязания и несчастия земной жизни.

Чтобы показать, до каких крайностой доходила эта вера в непогрешимость и безусловность своего догмата, я приведу небольшой отрывок из одного теологического трактата, появившегося в V веке и пользовавшегося до самой Реформации неоспоримым авторитетом среди всех правоверных. Долгое время думали даже, что автором трактата был блаженный Августин; только недавно доказано, что его сочинил св. Фульгенций (живший в половине V века). Вот что говорится в этом трактате: «Достоверно и несомненно, что не только люди, вполне пользующиеся здравым рассудком, но даже и малые дети, зачатые и умершие в утробе матери или тотчас после рождения, не успев воспринять святого крещения во имя отца, сына и св. духа, будут наказаны вечными муками и огнем неугасимым; потому что они, хотя и не совершили греха по собственной воле, однако самым своим плотским зачатием и рождением они уже повинны в первобытном грехе» (De Fide, § 70). Каким же мукам и страданиям должны были подлежать люди совершеннолетние, находящиеся в полном здравом рассудке и осмеливающиеся умышленно или неумышленно уклоняться от догматов этой абсолютной веры!

Немудрено поэтому, что Августин и другие великие столбы христианской церкви требовали обращения язычников в христианство во что бы то ни стало, оправдывали и освящали своим благословением всякие гонения и жестокости. Они верно рассчитали, что лучше временно страдать в этой жизни, чем вечно — в будущей. Если бы даже гонения и не достигали своей цели, то все же они облегчали страдания грешников в загробной жизни. Тот, кто на земле много терпел и страдал, получал право на вознаграждение в небесах. Разумеется при таком аскетическом воззрении на человеческую жизнь крест, плаха и костер считались ступенями к раю. В кодексе Феодосия насчитывалось 66 постановлений против еретиков, кроме бесчисленного множества узаконений против язычников, евреев, апостатов и магиков. Кровь всех этих несчастных лилась неиссякаемыми потоками во все продолжение II, III, IV и отчасти V веков. И это чудовищное кровопускание не осталось без последствий. Грешник одумался и обратился на путь истины. Язычество было окончательно побеждено; еретики смолкли, и вся Европа признала неоспоримую непогрешимость католических догматов и покорно распростерлась перед троном папы. Преследования на несколько веков прекратились. Католичество царило везде и над всем единодержавно и безраздельно. Оно вполне гармонировало с потребностями тогдашнего общества; оно проникало во все, так сказать, поры общественной жизни, окрасило своим цветом все учреждения средневоковой Европы. Корпорации, гильдии, феодальная система, монархия, даже народные обычаи и общественные удовольствия были взя-

ты под опеку католичества, усвоили себе его миросозерцание, пропитались его тенденциями. При таком настроении общества ереси были немыслимы; даже злых духов никто не боялся: все твердо были убеждены, что достаточно одного креста, чтобы прогнать и побороть всю силу адову. Потому колдунов и магов не жгли и не мучали: вселившийся в них дьявол не был опасен правоверному католику. Преследования колдунов и волшебников начались несколькими веками позже; они свидетельствовали уже об ослабшей вере, о начавшихся сомнениях, о пошатнувшейся уверенности в действительность спасительной силы креста и других знамений католической религии.

Безусловное, единодержавное господство католичества над умами и сердцами людей не могло быть однако продолжительно. Европу к великому несчастию католического духовенства нельзя было уединить от всяких посторонних влияний, как какой-нибудь несчастный Парагвай[3]. Тяжелый умственный паралич, постигший ее после четырехвекового кровопускания, не мог быть вечен. Арабская цивилизация и открытые недостатки римской учености разбудили уснувшую мысль, вызвали ум из его летаргии. Уже в XII в. стали проявляться весьма серьезные симптомы той заразительной болезни, которая называется *сомнением*. Все предвещало близкое пробуждение. Опять понадобился хлороформ; но хлороформ действовал плохо, нужно было снова прибегнуть к кровопусканию.

В 1208 г. Иннокентий III учредил инквизицию. В 1209 г. Де-Монфорт начал резню альбигойцев. В 1215 г. четвертый собор в Латеране пригласил всех правителей публично поклясться, что они в пределах своей власти употребят все зависящие от них усилия для искоренения и уничтожения всех, кого церковь признает еретиком. Иннокентий III издал буллу, в которой угрожал проклятием и отлучением от церкви всякому правителю, холодно относящемуся к делу истребления еретиков.

Жестокость и интенсивность преследований растет обыкновенно пропорционально с развитием догматической стороны религии. В первом веке, когда догма еще не получила никакой определенной формы, когда почти не существовало никакой теологии, когда, следовательно, человеческая мысль и человеческие убеждения не подгонялись насильственно ни под какие внешние нормы, людям не из чего было ссориться, и преследования были невозможны. Но по мере того как верования принимали характер замкнутой, вполне и до малейших подробностей определившейся догмы, уклонения и отступления от правоверия стали встречаться все чаще и чаще и вследствие этого все чаще и чаще представлялись поводы к гонению и преследованию. По мере того как догма становилась замкнутее и определеннее, ее притязания на абсолютную непогрешимость и всеобщую обязательность делались все неуступчивее и задорнее. В XII в. развитие догмы достигло своей кульминационной точки; потому нечего удивляться, что и преследования, начавшиеся с этого века, превзошли самые пламенные ожидания и желания св. отцов III и IV веков.

К несчастью или счастью, мы не имеем достаточно достоверных сведений о количестве жертв, погибших в то время под тяжкими ударами католического фанатизма. По дошедшим до нас цифрам мы можем судить только приблизительно, но и этот приблизительный расчет, несмотря на всю свою умеренность и неполность, кажется почти неправдоподобным. Ллорент, знаменитый секретарь инквизиции, оставивший потомству историю этого божественного учреждения, уверяет, что в одной Испании сожжена инквизицией 31 тыс. человек и 290 тыс. подвергнуто другим менее тяжким наказаниям. Пример Испании возбуждал и поощрял и другие католические нации. Во Франции, Италии, Германии, Швеции, Норвегии, Англии — везде запылали костры во славу и прославление имени бога.

Жгли не одних еретиков, жгли вместе с ними колдунов и магов. Католическая церковь видимо стала бояться дьявола, с которым она так пренебрежительно обращалась в первые века христианства. От слуг дьявола — еретиков и колдунов — теперь перестали открещиваться и обкуриваться: против них направлены были все силы, все могущество католического духовенства. Католическое духовенство, почтенные прелаты и аббаты, с ужасом увидели в дьяволе своего соперника: народ начинал ему сочувствовать и явились даже секты, признавшие его творцом мира; монополия чудес, присвоенная себе аббатами, встретила опасную конкуренцию со стороны магов и колдунов.

Все это объясняет ту невероятную кровожадность, с которою набросилось духовенство на ересь и колдовство. В Нидерландах, по свидетельству Гроция, при Карле X сожжено было до 100 тыс. еретиков; при сыне его Филиппе — по крайней мере вдвое больше. Во время Нидерландского восстания ревность инквизиторов довела их до сумасшествия. 16 февраля 1568 г. Священное судилище обнародовало указ, осуждающий на смерть всех жителей Нидерландов за ересь. Исключения были сделаны только для очень немногих лиц. Через 10 дней королевский декрет подтвердил этот чудовищный указ и повелел немедленно приступить к приведению его в исполнение. Нерон в припадках безумия не мог бы выдумать ничего подобного. Три миллиона мужчин, женщин и детей одним росчерком пера обрекались на мучительную смерть.

Во Франции преследования велись с неменьшим фанатизмом. В Тулузе в одно заседание инквизиции сжигалось иногда до 400 чел., в Треве в один год жгли до 7 тыс.; Бамбергский епископ хвалился, что он в несколько месяцев сжег 6 тыс. еретиков и колдунов; однако епископ Вюрцбургский перещеголял его: он ухитрился в то же время сжечь 8 тыс. чел.

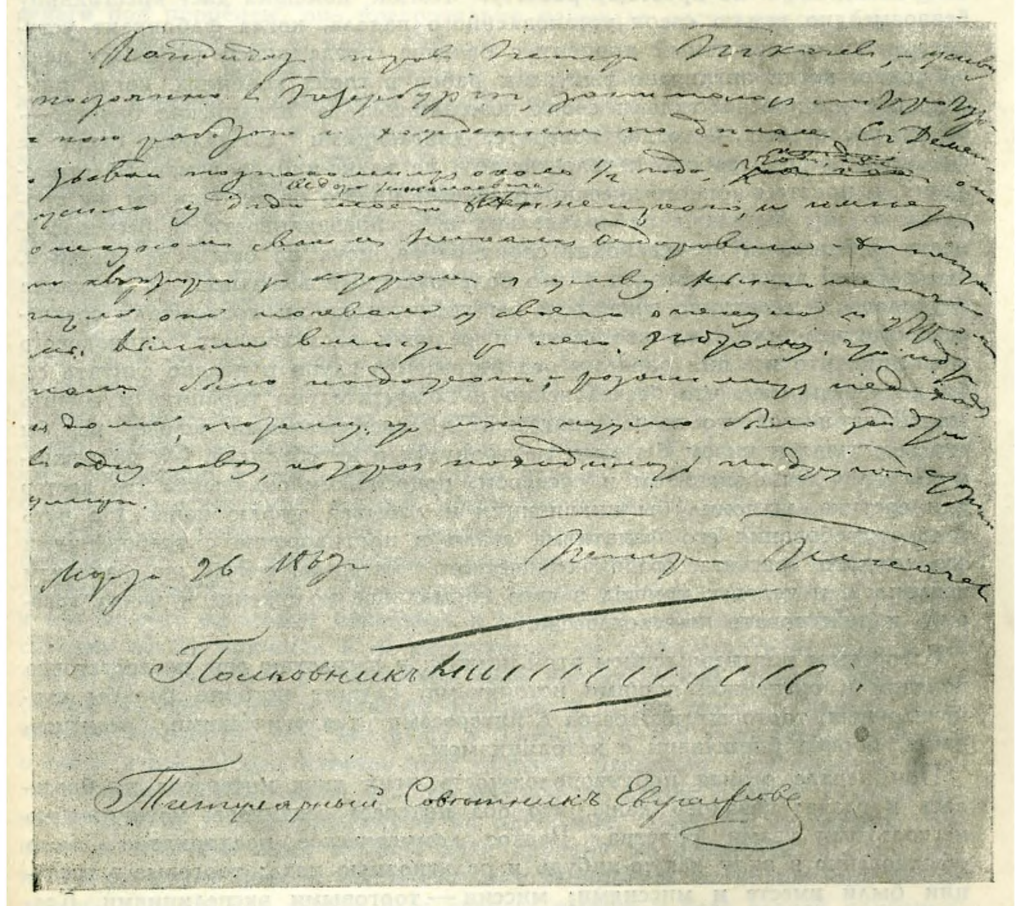
В Италии под непосредственным наблюдением пап так много было пролито человеческой крови, что самое пламенное воображение лютеран, заклятых врагов Рима, не в состоянии было преувеличить числа жертв Священного судилища. Папы предписывали жечь и мучить не только нераскаявшихся еретиков, но и еретиков раскаявшихся для того, чтобы они показали под пыткою своих соединомышленников. Заметим при этом, что число лиц, публично сожженных, составляет только небольшую долю запытанных инквизицией и оставленных ею без всяких средств к существованию. По общему правилу всякий еретик, попавшийся в когти Священного судилища, лишался прежде всего своего имущества: его жена, дети и ближние родственники оставались нищими; над ним тяготело тяжелое проклятие; никто не осмеливался им подать руку помощи; их выгоняли из городов, им отказывали в куске насущного хлеба. Немудрено, что страх при одном имени инквизиции служил весьма основательною причиною для еретика от души возненавидеть всякую ересь, а для католика — возлюбить католицизм паче самого себя.

С введением лютеранства положение дел нисколько не улучшилось. Кальвинисты, лютеране, реформисты и т. п. преследовали своих врагов с такою же яростью, как и завзятые团 паписты. Стоит вспомнить только гонения, воздвинутые на папистов в Англии и при господстве лютеранской партии на католиков во Франции и в Швейцарии, чтобы разубедиться в голубиной кротости врагов католической инквизиции и католического терроризма. Реформация, казалось, окончательно затопит Европу в человеческой крови. Суеверия не уменьшались, религиозная ненависть воспламенялась в религиозных войнах, нетерпимость и исключительность сектаторов доходила до умопомешательства. И если мы представим теперь себе в общей картине все те ужасные, невыносимые физические и нравственные страдания, которым без устали подвергали несколько поколений сряду, все

те истязания, которыми систематически уродовали и притупляли людей, все те хитрые выдумки, которыми обманывали и опутывали их ум, экзальтировали их воображение, извращали их нравственность и т. п., если мы вспомним, как во славу бога опустошались плодоноснейшие местности Европы и наполнялись человеческой кровью бесплодные и истощенные поля Испании, Англии и Германии, если мы вспомним все это, — то невольно придем к тому убеждению, что ни одна вера не причинила человечеству столько зла и страдания, сколько причинила ему католическая религия.

II

Кровопускание, начатое с XII в., казалось, окончательно истощит Европу. Казалось, дух религиозной нетерпимости и религиозного фанатизма со всеми его уродливыми последствиями никогда ее не покинет; казалось, он будет парить над нею до тех пор, пока ее поля не превратятся в бесплодные пустыни, а ее жители в тупых, бессловесных рабов. Так к а з а л о с ь, и так действительно бы и случилось, если бы религиозный интерес был единственным интересом человеческой жизни, если бы религиозный вопрос был единственным вопросом, занимающим людей. Но, к счастию для человеческого рода, это не так. Рядом с интересами и вопросами чисто религиозными живут и развиваются вопросы и интересы чисто экономические. Эти вопросы, сводящиеся в конце концов к вопросу о хле-


Полковникъ

Титулярный Советникъ Евграфовъ

ПОКАЗАНИЯ П. Н. ТКАЧЕВА НА ДОЗНАНИИ ПО НЕЧАЕВСКОМУ ДЕЛУ
Центрархив СССР, Москва

бе насущном, эти интересы, в общем результате вполне и безусловно господствующие над человеком, не только не подчинились всепоглощающему влиянию интересов и вопросов первого рода, но, напротив, сами подчинили их своему влиянию, окрасили их в свой цвет и окончательно подорвали их кредит у большинства людей. Экономические принципы, легшие в основу средневекового общества, медленно и постепенно развиваясь, переформировали это общество, убили феодализм, расчистили дорогу современной буржуазии и, как песок, разметали и развеяли самые закоснелые предрассудки и суеверия, которых, казалось, не одолеет никакая логика мыслителя и никакая диалектика проповедника. Экономические причины, как мы видели, создали и поддерживали все те грубые нелепости, которые в течение стольких веков мучили и тиранили человеческий ум, — эти же экономические причины устранили и уничтожили все эти нелепости, когда прошла в них надобность. То, что не могла сделать «вся мудрость» всех мудрецов и все красноречие проповедников, то сделал один экономический интерес. И это весьма понятно. Аналогичные явления ежечасно совершаются на наших глазах, и они никого из нас не удивляют и не смущают; мы даже привыкли оценивать слова и поступки окружающих нас людей с точки зрения экономического расчета. И такая оценка в большинстве случаев всегда оказывается верною, потому что большинство людей всегда действует не по возвышенным принципам, не по отвлеченным идеям, а по простому расчету. Когда помещик дает крестьянину безвозмездно землю сверх установленного надела, когда фабрикант уступает рабочим известный процент с барыша, когда купец понижает цену на товар, когда англичане выкупали рабов в своих колониях, когда римские патриции освобождали своих невольников, а английские бароны — своих крепостных, — тогда, поверьте, двигающими стимулами были не филантропия, не любовь к человечеству, не какие-нибудь гуманные стремления, а простой арифметический расчет, и ничего более. Как бы вы трогательно ни убеждали рабовладельца в несправедливости и бесчеловечности рабства, он не освободит своих рабов, пока на опыте не убедится, что рабский труд невыгоден и что вольнонаемный выгоднее. То же самое случилось и в средние века. Как бы убедительно ни доказывали средневековому человеку, что все секты и религии заслуживают одинакового уважения, что все они равны перед богом, что глупо и нелепо считать себя непогрешимым, что бесчеловечно и возмутительно тиранить и мучить людей за несходство во мнениях и т. д., средневековый человек все бы это выслушал и ничем бы этим не тронулся и не убедился. Он попрежнему остался бы фанатиком и суевером, попрежнему складывал бы костер для еретика, шпионил бы инквизиции и лобызал туфлю папы. Но чуть только требования его фанатизма стали в противоречие с требованиями его личного расчета, его экономического интереса, сейчас же фанатизм испарился, и человек пришел в свое нормальное положение и начал говорить и действовать по-человечески.

Блестящим подтверждением этой истины, к несчастию еще не достаточно понятой и оцененной нашими историками, служит история борьбы промышленных, торговых интересов с интересами теологическими, религиозными, борьба буржуазии с католицизмом.

При начале резкая противоположность этих двух интересов не бросалась в глаза; казалось даже, что оба интереса соединены между собою несколькими узами родства. Всякое коммерческое предприятие имело обыкновенно в виду какую-нибудь и религиозную цель; торговые экспедиции были вместе и миссиями; миссии — торговыми экспедициями. Крестовые походы, несмотря на свой чисто религиозный характер, дали сильный толчок торговой и промышленной деятельности итальянских городов.

В свою очередь и они обязаны не малою долею своего успеха содействию торговых республик. Купцы из Амальфи первые проложили дорогу для христиан в Иерусалим; они же вместе с некоторыми другими итальянскими республиками снабжали крестоносцев оружием, кораблями, одеждою и съестными припасами. На монетах Венецианской республики было выбито изображение Христа; а флорентийские купцы наложили добровольно пошлину на изделия своих шерстяных мануфактур для того, чтобы собранные таким образом деньги употребить на сооружение великолепного кафедрального собора, служащего и по сию пору одним из лучших украшений города. Все эти и им подобные факты свидетельствовали, повидимому, о трогательном согласии торгового интереса с интересами католичества; казалось, что с этой стороны папскому авторитету не грозит никакая опасность. Однако последующие события доказали совершенно противоположное. Везде, где промышленный интерес являлся преобладающим интересом, он сталкивался с католическою догмою, отважно вступал с нею в борьбу и принуждал ее к постыдным уступкам. Поле победы всегда оставалось в его руках.

Первый вопрос, по которому произошло столкновение промышленного интереса с учением церкви, был вопрос о процентах.

Церковь в лице всех своих писателей и проповедников горячо восставала против обыкновения брать плату за кредит; кредитора, отдающего деньги под проценты, она презрительно называла ростовщиком, барышником и приравнивала к вору. Соборы св. отцов издавали против ростовщиков грозные послания, в которых им грозилось проклятием и отлучением от церкви; канонические кодексы наполнены были самыми строгими запрещениями роста и драконовскими постановлениями против барышников. Церковь имела на этот счет свою политическую экономию. Она рассуждала так: деньги «бесплодны по своей сущности», они не имеют той творческой силы, какую имеет например земля, человеческий труд и т. п.; десять монет известного достоинства всегда останутся 10 монетами этого достоинства; из них нельзя сделать ни 8, ни 12, не изменяя их внутренней ценности. Потому всякий человек, имеющий 10 монет и желающий сделать из них 11 или 12, идет против законов природы и против воли бога. Если он, пользуясь нуждою своего ближнего, дает ему взаймы эти десять монет, требуя от него взамен их 11, то он совершает преступление против заповедей христовых, воспрещающих обман и воровство: он подлежит такому же наказанию, как вор и убийца. В нравственном отношении ростовщик, с точки зрения отцов церкви, был даже ниже вора. Вор, совершая преступление, сознает преступность своего действия, потому он действует крадучись, как бы стыдясь своего дела, он боится света, он предпочитает тьму ночи, тайные, уединенные места — местам открытым и людным. Значит в его сердце еще не совсем изгладилось понятие о добре и зле, значит он может покаяться и возвратиться на путь истинный. Ростовщик же не прячется и не скрывается; он грабительствует явно и открыто; он заключает с заемщиком свой предательский договор при свете солнца; он как будто не сознает позорности своего ремесла; дьявол окончательно поработил себе его душу и изгладил в ней врожденные понятия о добре и зле. Общее чувство всех народов клеймило ростовщиков печатью позора и отвержения, это, по мнению св. отцов, служит лучшим доказательством и подтверждением их доктрины. Заем, по их мнению, состоит в том, что один человек дает другому во временное пользование известную сумму денег с обязательством возвратить по прошествии условленного времени эти деньги безо всякого вычета и безо всякой прибавки. Требовать прибавки — значит требовать милостыни; вынуждать ее — значит открыто грабительствовать.

Такова была простая несложная теория кредита, выработанная Луктанцием и повторенная вслед за ним всеми средневековыми моралистами и экономистами в черных рясах. Разумеется мы изложили здесь только одну ее, так сказать, научную, теоретическую сторону; отцы же церкви напирали главным образом совсем не на нее, а на сторону догматическую, религиозную. В их глазах доводы человеческого разума и человеческой логики имели значение только второстепенное; разум и логика были весьма доступными обаянию и прельщению дьявола, а потому на их свидетельства нельзя было вполне положиться. Гораздо важнее и достовернее были свидетельства священного писания, постановления вселенских соборов и толкования св. отцов церкви. Их авторитет был безапелляционен и их положения были неопровержимыми доказательствами. Из этих-то вот непогрешимых источников черпали теологи обильною рукою тексты и доводы против ростовщиков. Цитируемые ими места — по преимуществу из книги Левит и Второзакония, из книги пророка Иезекииля и из евангелия апостола Луки — были в большей части случаев ясны и определенны: они не оставляли ни малейшего сомнения относительно взгляда христианства на процент; христианство отвергало его как воровство, и учения, взявшие его впоследствии под свою защиту, самым решительным образом противоречили христианской ортодоксии.

Эта ортодоксальная теория кредита служит лучшим доказательством той уже несколько раз высказанной нами истины, что господствующая философия, религия и наука есть не более не менее как зеркало, в котором с математическою точностью отражаются и повторяются экономические потребности данного времени и народа. Достаточно бросить самый поверхностный взгляд на экономический быт общества в тот момент, когда возникло и укрепилось православное учение о кредите, чтобы сейчас же убедиться, что это учение было только отражением данного экономического status quo.

Господствующим интересом был в то время интерес землевладельческий. Землевладелец же, обрабатывая свои поля посредством крепостного, полусвободного труда, не имел ни малейшей нужды в капитале; крепостные отбывали урочную барщину и взамен того имели право три дня работать на себя.

Не нуждаясь в капитале для платы рабочим, феодал еще менее нуждался в нем в своем домашнем хозяйстве. Крепостные доставляли ему решительно все, в чем он мог чувствовать потребность. Они добывали и приготовляли ему пищу и питье, ткали одежды, строили дома, служили ему и охраняли его. За все эти услуги они получали плату в натуре — в виде хлеба, овса, лошадей, клочка земли и т. п. И так как каждый феодал в своем домашнем хозяйстве находил полное удовлетворение всех своих потребностей, то не только не чувствовалось надобности в деньгах, но даже и самый обмен считался совершенно излишним. При отсутствии же потребности в обмене не могло существовать и торговли; промышленность имела чисто домашний характер и не требовала никаких капиталов; крепостные шили, строгали, ткали, плели и т. п., получая за работу *натурой* и употребляя на производство сырые продукты, добытые их же собственным крепостным трудом.

Таким образом капитал, деньги не играли никакой роли в феодальном хозяйстве, потому и за пользование ими никому не могло притти в голову что-либо платить. Когда же мануфактурная промышленность из замков феодалов стала переходить в города, когда европейские купцы вступили в торговые сношения с Азией, когда, одним словом, город стал постепенно высвобождаться из-под феодального ига, тогда в первый раз *капитал* выступил на сцену исторической жизни. Как все богатства феодала за-

ключались в земле и крепостном труде, так точно все богатство торговца и городского промышленника заключалось в капитале. С ужасом увидел феодал из своего укрепленного замка, что там, на юге, у него является новый соперник, что этот соперник скоро поспорит с ним в силе и богатстве, что короли и могущественные князья начинают почтительно снимать перед ним свои шляпы и что даже он, владетельный барон, нередко должен унижаться и заискивать перед этим плебейским выскочкой.

Всего досаднее было для барона, что этот выскочка не имел повидимому ни малейшего права пользоваться тем почетом, который ему начинали со всех сторон оказывать. Он не имел за собой подлинной родословной, громких титулов, свое право на самостоятельность он купил на его же глазах у его сюзерена короля. У него не было ни покорных вассалов, ни крепостных, ни земель, — ничего, чем гордился феодал, что составляло источник его силы и могущества. У него были только деньги, именно то, чего не имел феодал; и эти деньги он сделал орудием своего величия, в этих деньгах лежало его право, его закон, его сила. Это было новостью в феодальном мире. Феодальное хозяйство, как мы видели, обходилось совершенно без денег, и потому феодалы не ценили денег; и вдруг деньги приобретают неслыханное значение и начинают выказывать явное стремление поработить своей золотой власти железное могущество гордых баронов. Можете себе представить, каким благородным негодованием должны были воспылать благородные бароны при виде такой неожиданной дерзости!

«Это подло, это неблагородно; великий Аристотель сказал, что «деньги бесплодны по своей сущности», как же могут они наживаться с помощью денег? Значит они воруют, значит они грабительствуют? Да разразят их громы небесные!» «Да разразят их громы небесные», хором повторило католическое духовенство и начало приискивать тексты из св. писания. Может быть католическое духовенство и феодалы были не совсем далеки от истины, когда они поносили ростовщиков постыдным прозвищем вора и грабителя. Но они были совсем не правы, когда вздумали кичиться перед ними своею якобы чистотою и честностью. Если, с ортодоксальной точки зрения, несправедливо было брать с бедняка деньги за оказанную ему услугу (как делали ростовщики), то едва ли было справедливее обирать бедняка до-чиста, не оказав ему никакой услуги (как это делали феодалы). Если, с ортодоксальной точки зрения, нечестно было жать там, где ничего не сеяли, то едва ли было честнее пользоваться плодами там, где и не сеял и не жал. Если ростовщик поступал с заимодавцем, как вор и мошенник (по понятию церкви), то феодал поступал со своими вассалами и крепостными, как грабитель и разбойник. Если ортодоксия допускала премию за землю, которую владелец приобрел и возделал не своим трудом, то было ли последовательно с ее стороны отвергать премию за капитал, приобретенный и пущенный в обороты не трудом капиталиста?

При наших теперешних экономических знаниях мы не поколеблемся дать отрицательный ответ на этот немудреный вопрос. Католицизм, желая подслужиться феодализму, впал в противоречие с самим собою. И на этом поразительном примере легче всего убедиться, как сильно отражается влияние господствующего экономического интереса даже и на таких возвышенных и повидимому совершенно чуждых практической рутине предметах, каким был католицизм.

Сами теологи догадывались, что дело их не совсем ладно и что они как будто сами себе противоречат. Если за пользование деньгами нельзя взимать никакой платы, то почему же помещики взимают ее с своих крестьян, давая им в пользование своих лошадей, коров или свои жилища?

Против права помещика никогда не восставал ни один теолог. На каком же основании восстает он против права ростовщика? Вопрос был весьма щекотливый; противоречие было повидимому неразрешимо. Но средневековая метафизика умела решать щекотливые вопросы и не боялась никаких противоречий, особенно когда в деле были замешаны дорогие интересы католицизма. Великий метафизик феодальной Европы, сам Фома Аквинат, взялся за решение этого казалось рокового для теологов вопроса; с помощью своей несравненной аргументации он доказал, что противоречие есть тождество и что дважды два не четыре. а пять. Ссуда денег и отдача лошади в пользование, рассуждал он, две вещи совершенно разные. Пользование лошадью мысленно может быть отделено от самой этой лошади. Человек взял лошадь на время, по истечении этого времени он должен возвратить ее хозяину в том виде, в каком получил: но кроме того, что он имел лошадь, он еще и пользовался ею, а так как пользоваться лошадью и иметь лошадь — две вещи различные, то он и должен заплатить хозяину за пользование его лошадью особую плату. Совсем не то с деньгами; сами по себе они не имеют никакой цены, идею денег никоим образом нельзя отделить от идеи пользования деньгами. Тот, кто занимает деньги, занимает собственно только известную возможность приобрести известные ценности; потому все, что от него имеет право требовать кредитор, это — возвращение ему той же самой возможности приобрести те же ценности. Требовать больше — значит требовать несправедливого.

С помощью таких-то хитрых аргументаций теологи старались защитить себя от упрека в холопстве и доказать свою полную независимость от господствовавшего экономического интереса.

Не напоминают ли тебе, читатель, эти средневековые теологи наших современных экономистов и юристов? Та же ясная аргументация, та же логика и та же самоуверенность!

Кроме причин, указанных выше, феодалы имели еще и другие специальные побуждения ненавидеть ростовщиков и отрицать их теорию процента как безбожную ересь. Феодалы любили воевать, хорошо кушать и весело пировать: крепостной и вообще барщинный труд не способствовал преуспеянию сельского хозяйства; с каждым годом доходы баронов уменьшались, а расходы удесятерялись; нужно было чем-нибудь покрывать дефицит. Чем же? Уменьшить расходы — но это значило бы добровольно отказаться от всякого политического веса и могущества, от политической самостоятельности и превратиться в холопа предержащей власти. Мог ли на это согласиться гордый барон? Улучшить сельское хозяйство? Но разве это было возможно при тогдашнем агрономическом невежестве и при тогдашних отношениях землевладельца к земледельцу? Оставалось одно средство: прибегнуть к займу. И к этому-то средству и обратились теперь феодалы. Занимать пришлось у тех же презренных горожан — купцов и промышленников. Купцы и промышленники воспользовались этим случаем, чтобы применить к практике свою теорию процента. Понятно, что такая наглость и такое неуважение к авторитету Аристотеля не могли не раздражить благородных баронов. И разумеется те из них, которым чаще других приходилось испытывать на себе практические последствия этой пагубной и безбожной теории, сильнее всего ненавидели и презирали ростовщиков. А чаще других страдали от нее те могущественные бароны, которые более других любили воевать и жить с комфортом; это были короли и владетельные князья. Назойливость кредиторов была им до крайности несносна. Чтобы избавиться от неприятной обязанности платить условные проценты, они обратились под защиту вселенских соборов и св. отцов. Теологи порадовались благочестию сильных мира сего

и поставили себе в особенное удовольствие оказать им со своей стороны требуемую услугу. Все это так понятно и так естественно! Услугу оказать было тем еще легче, что кредиторами являлись обыкновенные евреи. Евреи были в то время самыми выдающимися представителями торгово-промышленного интереса. Во многих местах вся торговля и промышленность края находилась исключительно в их руках. Это обстоятельство придало какой-то религиозный оттенок экономической борьбе землевладельческого и промышленного интересов и в значительной степени усилило и подогрело тот тупоумный фанатизм, с которым гнали и преследовали евреев во все продолжение средних веков. Католическое духовенство непреминуло извлечь из этого факта благоприятный для себя вывод. Ростовщичеством занимались евреи — вот новое доказательство безбожности процента. Евреи занимались ростовщичеством — вот новое доказательство богопротивности этой секты. Гражданские власти не должны дремать; они не должны терпеть, чтобы в их владениях благоденствовали ростовщики; они не должны терпеть евреев. А гражданские власти того только и хотели. Ниже мы увидим, куда завлекло их благочестивое рвение отомстить жидам за распятого Христа.

Итак учение о процентах было решительно противно католической ортодоксии. Ни один ученый, ни один теолог не осмелились замолвить за него полсловечка.

Но то, что не осмелился сделать ни один ученый и ни один мыслитель, то сделал экономический интерес. Та же экономическая рутина, которая вдохнула в католицизм столько ненависти к проценту, заставила его впоследствии помириться с ростовщиком, протянуть ему по-братски руку и отречься от прежних ссылок и авторитетов.

Как ни злобствовали феодалы на горожан, а все же г о р о д рос и укреплялся, не обращая никакого внимания на их бессильное негодование. Короли вступили с ним в союз, и феодалы незаметно начали ретироваться на задний план — в передние и прихожие владетельных князей. С развитием города росла торговля и совершенствовалась мануфактурная и ремесленная промышленность; расширялись денежные обороты; усиливался обмен капиталов. Кредит становился делом обыденным; им торговали теперь не только одни евреи, но и христианнейшие из христиан; само духовенство начало постигать выгодность этой торговли; и монастыри, и богатые аббаты, и духовные ордена, забыв Моисея, Иезекииля и Луку, стали мало-помалу поддаваться лукавому искушению. А если уже духовные ставили ни во что свои же собственные авторитеты, то чего можно было ожидать от мирян? И вот обычай давать деньги под процент уже в XII в. делается почти всеобщим. Этот факт с прискорбием признается т р е т ь и м с о б о р о м в Латеране, созванным папою Александром III в 1179 г.

Таким образом практика начала уже подкапываться в одном пункте под католический догмат. И догмат увидел себя в необходимости уступить. Теологи начали теперь толковать, что в некоторых случаях дозволительно брать процент: именно в тех, когда капитал, ссужаемый в займы, отвлекается от какого-нибудь выгодного предприятия, приносящего доход кредитору. В этих случаях кредитор имет право требовать от должника известного вознаграждения — в виде процента — за тот убыток, который он причиняет себе, ссужая свои деньги заемщику.

Мало того: Лев X дошел до того, что формально, папскою буллою, признал за кредитором право взимать небольшой процент с заемщика *.

* Бернардин Фельтрский основал в Италии кредитные общества (Monti di Pieta) для доставления нуждающимся д а р о в о г о кредита. Общества были основаны в противодействие евреям, дравшим с бедных чисто жидовские проценты. Однако ско-

Эта булла таким образом первый раз устанавливает различие между большим и маленьким процентом. До сих пор католическая догма отрицала процент в самом принципе, независимо от того, велик он или мал. Допуская же теперь малый процент, она этим самым отказывалась от своего прежнего отрицания; она становилась на точку зрения тех благонамеренных экономистов, которые признают справедливость процента, но отвергают ростовщичество.

Впрочем она не осмелилась открыто сознаться в своей уступке. Дозволяя брать маленький процент, смотря сквозь пальцы на ростовщичество мирян и духовенства, она все еще делала вид, будто по этому вопросу строго придерживается писаний отцов церкви. Так дело шло до Реформации. Реформация, затеянная и поддерживаемая промышленными классами в отпор феодализму и католицизму, открыто признала законность процента. Кальвин подкрепил учение ростовщиков текстами из священного писания, а Самазий (или Салмазиус), экономист начала XIII в., написавший в защиту процента целых три книги, облек это учение в научную форму. Его взгляды мало-помалу вошли в общественное сознание и незаметным образом изгладили из умов людей ортодоксальные предрассудки католичества относительно роста и ростовщиков.

Католики очень скоро усвоили себе на этот счет лютеранские воззрения. Во избежание строгих канонических постановлений выдумано различие между ростом, барышничеством и процентом. Все тексты и соборные решения, направленные против отдачи денег за плату, были перетолкованы в смысле осуждения барышничества, а не процента как простой платы за услугу.

Казуистика иезуитов старалась теперь подвести случаи, упомянутые в канонах, под понятие процента и поставить их таким образом вне сферы духовной юрисдикции. В начале XVIII в. три профессора Ингольштадтского университета пошли еще дальше: они стали уверять, что даже и некоторые формы барышничества могут быть без вреда и греха разрешены церковью, если только их терпит гражданская власть. И действительно на практике ростовщичество с каждым днем усиливалось и развивалось. Гражданская власть узаконила его, ограничив известными нормами. Скоро экономисты и против этих-то норм восстали: они требовали во имя будто бы истины и экономической правды полной свободы роста, отменения всяких правительственных стеснений и ограничений. Итак практика обошла догмат. Надо заметить при этом, что самый-то догмат, с внешней по крайней мере стороны, остался почти без изменения. Постановления вселенских соборов, тексты св. писания, толкования святых отцов — все осталось нетронутым, но никто уже не придавал им никакого значения; никто их даже не опровергал: их просто обходили молчанием.

III

Мы видели, какою чудовищною нетерпимостью и исключительностью заявил себя католический догмат. Он грозил муками ада даже утробному младенцу, даже мертворожденному ребенку; он признавал себя непогрешимым и не хотел верить, чтобы кто-нибудь мог искренне сомневаться в истинности его символа. Католицизм или пытка и смерть — таков был его девиз. Тою же нетерпимостью и исключительностью отличались и другие религиозные секты; все они видели спасение только в одном своем вероучении; вне этого вероучения все было ложью и безбожничеством; лучше смерть, чем ересь!

ро они уклонились от своего первоначального плана и стали брать с своих заемщиков небольшой процент. По этому-то случаю Лев и издал свою буллу, которою признавал за ними право на этот процент. *(Примечание П. Ткачева).*

ЗАПИСКА П. Н. ТКАЧЕВА К А. Д. ДЕМЕНТЬЕВОЙ ОТ 5 ДЕКАБРЯ 1873 г.

Записка эта была написана Ткачевым перед побегом за границу с целью снять с Дементьевой подозрение в том, что ей был известен его замысел

Центрархив СССР, Москва

При таком настроении умов нечего было и думать о водворении царства «любви и мира», которое когда-то заманчиво обещало католичество доверчивым людям. Религиозные раздоры ожесточили и озлобили людей друг против друга до крайнего предела. Казалось, человечество готово возвратиться к тому вожделенному состоянию, когда homo homini lupus est. И повидимому ничто не предвещало близкого умиротворения; напротив, чем дальше шло тем было хуже. Число еретических сект возрастало, а вместо с этим возрастала и религиозная рознь. Ни один голос не осмеливался даже намекать на терпимость. Проповедывать терпимость — значило бы подкапываться под основной тезис католической догмы, значило бы сомневаться в ее непогрешимости; сомневаться же в непогрешимости вероучения — значило сомневаться в его истинности, а такое сомнение возможно только при совершенном ослаблении веры. Таким образом все, что ослабляет веру, способствует развитию духа терпимости и, наоборот, все, что способствует развитию духа терпимости,— ослабляет веру. Казалось, в начале средних веков ничто не могло поколебать силу веры; люди верили так искренне, что охотно жертвовали за веру своею честью, жизнью, имуществом, проливали кровь своих ближних, опустошали наследие своих отцов, оставляя детям пустыни и груды камней вместо плодоносных полей и богатых городов. Ни один католический теолог, ни один мыслитель, ни один даже дурак не осмеливался подвергать сомнению непогрешимость католической догмы. Так же относились и другие сектанты к догматам своих сект. Взаимная ненависть и борьба, казалось, никогда не кончатся и не ослабнут. Печальная перспектива ожидала человечество в будущем.

Но в это-то время — время всеобщего мракобесия и невежества — в экономической жизни народа совершались такие изменения, которые постепенно приучили людей к терпимости и снисходительности в религиоз-

ных делах и таким образом подорвали веру человечества в непогрешимость догмата, подорвали авторитет католической церкви. Опять повторяю: то, на что не осмеливался покушаться ни один мыслитель, что, казалось, не могла одолеть никакая диалектика атеиста, то одолел и победил простой экономический расчет. Экономический интерес совершенно незаметно для самих людей изменил их взгляды на один из существеннейших вопросов католической догмы и разрушил один из пагубнейших предрассудков, стоивших человечеству рек крови и многих миллионов мучеников.

Могущественным экономическим рычагом, перевернувшим верования людей, была торговля, сблизившая и объединившая одними общими интересами людей различных национальностей и различных религиозных сект. Развитие городской промышленности и крестовые походы дали сильный толчок торговой предприимчивости европейцев. Забыв религиозные предрассудки, католик завязал тесную дружбу с мухаметанином и повел общие счеты с православным греком. Между народами Европы и Азии начали устанавливаться правильные, разумные отношения, основанные не на небесных, а на чисто земных торговых интересах. В Сирию назначены были европейские консулы; в европейских городах рядом с папским нунцием — представителем католического интереса — стали появляться дипломатические агенты — представители торгового интереса. Символ веры, исповедуемый людьми той или другой нации, той или другой секты, перестал играть главную роль в человеческих отношениях; на него перестали обращать серьезное внимание. Венецианскому купцу мало было дела до того, во что верует мухаметанин, лишь бы торговал он с ним хорошо и честно. Здесь, на торговом поприще, люди в первый раз встретились между собой не как православный с мухаметанином, католик с лютеранином и т. п., а как торговец с торговцем, продающий с покупающим, как экономические производители, как рабочие, а не как религиозные сектанты. Такая встреча оказала важное влияние на дальнейшее развитие человеческой мысли, на высвобождение человеческого ума из-под гнета католической догмы.

Как только человек известной религиозной партии пришел к убеждению, что его партия не обладает монополиею ума и добродетели, что и люди противоположных партий защищают свои мнения с неменьшей, чем он, основательностью и энергиею, проводят их в жизнь с неменьшею безупречностью и настойчивостью, как только он увидел, что эти мнения совсем не так бессмысленны и нелепы, как ему казалось издали, что они имеют известную точку опоры, что они объединены общим принципом, что они представляют нечто связное, последовательное, гармоническое, он перестал относиться к ним высокомерно, он начал их выслушивать и обсуждать. А тот, кто снисходит до терпеливого выслушивания и обсуждения чужих мнений, до сличения и сопоставления их со своими собственными, тот уже потерял веру в свою непогрешимость. Торговля, сблизившая людей, явилась таким образом первым проводником терпимости и если не первым, то по крайней мере опаснейшим врагом католической догмы. Она, как мы видели, способствовала расширению умственного кругозора людей, она же и гуманизировала, смягчала, их отношения друг к другу. Католическое духовенство, желая постоянно поддерживать веру в свою непогрешимость, т. е. распалять и поджигать религиозную нетерпимость, старалось выставить не-католиков людьми порочными, безнравственными и т п. Расчет его был верен. Неразвитые люди судят обыкновенно о достоинствах принципа по личным свойствам людей, проповедующих и поддерживающих этот принцип. Хорош человек — хороши значит и идеи, им проповедываемые; худ человек — и идеи его значит никуда не годятся. Другого критерия для оценки человеческих убеждений неразвитое большин-

ство не имеет и не может иметь. Этим-то счастливым обстоятельством и воспользовалось католическое духовенство, в ход была пущена та нехитрая тактика, которая вероятно хорошо известна русским читателям по приемам некоторых из наших отечественных полемизаторов и беллетристов. Против людей, имевших несчастие исповедывать убеждения, не похожие на их собственные убеждения, были рассеваемы самые возмутительные клеветы, самые недобросовестные выдумки. Их обвиняли в безбожии, в циническом отношении ко всему, что люди привыкли считать священным, во лжи, мошенничестве, трусости, подлости и т. д. и т. д. Клеветам верили, потому что никто не мог опровергнуть их фактами. Крестовые походы, сблизив две совершенно противоположные секты, положили конец недостойным выдумкам католических попов. Правоверные католики вступили в тесные дружественные связи с греками и мухаметанами, в то же время по мере развития европейской промышленности и торговли изменился их взгляд и на евреев, история преследования которых лежит неизгладимым, кровавым пятном на черных рясах их духовных пастырей.

Преследования евреев начались с того момента, когда христианство завладело кормилом гражданской власти, и продолжались почти вплоть до Французской революции — окончательной победы торгово-промышленного интереса над феодально-католическим.

В этот длинный промежуток времени их мучили и убивали тысячами при всяком удобном и неудобном случае. Взойдет ли на престол какой-нибудь благочестивый монарх, сейчас он начинает заявлять о своем благочестии избиениями «жидов». Удастся ли какому-нибудь монарху возбудить религиозное чувство народа, народ сейчас же вспоминает о грехе Пилата и Каиафы, и евреи своими спинами и головами отвечают за ошибки своих предков. Феодосий, св. Людовик и Изабелла Католическая, три самые благочестивые монарха дореформационного периода, собор в Латеране, возбудивший религиозное рвение в XIII в., и папа Павел IV — в XVI, наконец все религиозные ордена принадлежали к числу яростнейших гонителей и преследователей евреев. Употреблены были всевозможные меры для того, чтобы отделить их от всех прочих православных[4] людей, чтобы заклеймить их печатью вечного позора и предать их всеобщему посмеянию. Их заставляли носить особенные, уродливые одежды и жить в отдельных кварталах; христианин не мог вступать с ним ни в какие дела; не мог есть с ним за одним столом; не мог купаться в одной с ним купальне; лечиться у одного с ним доктора; не мог вести с ним торговли. Родниться с евреем считалось величайшим грехом; и Людовик святой сжег даже одного христианина за то, что тот осмелился иметь связь с еврейкой. Даже и в наказаниях-то еврея отличали от православного; до XIV ст. их вешали не иначе, как между двумя собаками вниз головой. По учению Фомы Аквината все имущество евреев может быть всегда конфисковано, потому что оно приобретено нечестным путем — ростовщичеством; если же до сих пор этим не пользовались и если им дозволялось беспрепятственно заниматься ростовщичеством, то это происходило оттого, что они были так грешны, что уже никакой новый грех не мог увеличить их греховности.

Оскорбляемые, ограбленные, ненавидимые и презираемые, изгнанные из Англии Эдуардом, из Франции — Карлом VI, они нашли себе приют только у испанских мавров. Мавры были народом слишком деятельным и торговым, чтобы обращать много внимания на верования людей, кроме того они чувствовали некоторое сходство с чистым монотеизмом евреев, составлявшим такую резкую противоположность с плохо замаскированным политеизмом испанских католиков. И гений евреев не мало способствовал блеску этой великолепной цивилизации, оказавшей благотворное влияние на развитие европейской мысли. Но не долго однако могли ук-

рываться евреи под крылышком мавританских правителей. Крест победил луну, и евреи лишились своего последнего прибежища. Изгнание и ограбление их было решено в умах благочестивых католиков. Духовенство распаляло народные страсти, поджигало его дикий фанатизм. В 1390 г., почти за сто лет до взятия Гренады, севильские католики до того были возбуждены красноречием одного великого проповедника по имени Гернандо Мартинеца, что бросились на еврейский квартал и избили 4 тыс. евреев, сам Мартинец предводительствовал толпою. Через год после этого избиения и отчасти под влиянием того же самого красноречивого пастыря такие же избиения произошли в Валенсии, Кордове, Бургосе, Толедо и Барцелоне.

Св. Винсент де Феррио, потрясавший всю Испанию своими пламенными проповедями, специально занимался одними евреями. Народ, наэкзальтированный этим невежественным фанатиком, насильно перекрещивал евреев в католицизм, без счету убивая всех колеблющихся и упорствующих. С учреждением инквизиции положение несчастных мучеников католического фанатизма еще более ухудшилось. Стали убивать и мучить не только необращенных, но и обращенных, в том предположении, что обращение их было вероятно не совсем искренне. Но всего этого оказалось недостаточно для удовлетворения благочестивой ревности набожных людей. Они добивались окончательного изгнания из Испании всех необращенных евреев. Эту дикую меру посоветовал, говорят, Изабелле отец инквизиции Торквемадо. Сначала королева колебалась: евреи предложили ей 30 тыс. дукатов за право жить под прекрасным небом Испании, освещенным постоянным заревом костров инквизиции. Бес корыстолюбия вселился было в сердце набожной королевы. Но Торквемадо одолел беса своею удивительною находчивостью. «Королева,— сказал он ей,— Иуда продал Христа за 30 сребренников; вы хотите продать его за 30 тысяч». Пораженная этим неожиданным обличением Изабелла на все дала свое согласие. В три месяца предписано было всем необращенным евреям оставить Испанию; число же этих необращенных простиралось, по свидетельству некоторых историков, до 420 тыс. Изгоняемым воспрещалось увозить с собою испанское золото и серебро; а так как почти все их богатство и заключалось главным образом в деньгах, то они должны были покинуть берега Испании почти нищими. Потому нет ничего удивительного, что большинство их умерло голодною смертью. Умершие впрочем могли еще считать себя сравнительно счастливыми. Живых постигла худшая участь. Одни из них попались в плен к морским пиратам, крейсировавшим около испанских берегов, и были обращены в рабство, другие попали в руки африканских дикарей и были замучены ими до смерти, третьих буря выкинула снова на испанский берег, и там их ждал костер. До 80 тыс. бежало в Португалию, положившись на обещания короля. Но испанцы и здесь не оставили их в покое. Наряжена была особая миссия для обращения евреев в христианство, и в самом непродолжительном времени португальцы благодаря миссионерам воспылали к евреям такою благородною ненавистью, что португальский король последовал примеру Изабеллы и даже превзошел ее: все совершеннолетние евреи были изгнаны из Португалии, дети же их, не достигшие 14-летнего возраста, были отняты от родителей, обращены в христианство и отданы в рабство португальским католикам. Чаша горечи переполнилась. Суровая стойкость, с которою до сих пор вытерпивал этот мученик-народ невероятные жестокости своих неистовых мучителей, наконец лопнула. Последнее испытание сломило его выносливость, им овладела агония отчаяния. Раздирающие крики мучеников огласили всю страну. Матери сами убивали своих детей, чтобы только они не достались в руки палачей. Когда же пришла минута отъезда, португальцы

с умыслом остановили корабли. Несчастные не успели отчалить от берегов в назначенный час, этим воспользовались их палачи, и евреев задержали и обратили в рабство. Впоследствии они благодаря заступничеству папы были отпущены на свободу, но детей они уже больше никогда не видели. Торжество попов было полное: их благочестие победило, и враги Христа восприяли достойное наказание.

Героизм всех других сектантов бледнеет и померкает перед героизмом этого великого народа, народа, который в течение тринадцати веков подвергался невыносимым мучениям, грабительству и истязанию, который скорее решился вытерпеть все, что может только изобрести злобный фанатизм ханжей, чем отказаться от своей веры. Заметим при этом, что евреи совсем не были аскетами вроде католических монахов, отрекшихся от жизни и ее наслаждений. Нет, они жили полною жизнью, они вполне ценили ее блага и пользовались ими, насколько это было в их власти. Евреи не были также мечтательными энтузиастами, они действовали не под влиянием экстаза, который, как известно, нередко придает мученику сверхчеловеческую силу и делает его нечувствительным к физическим страданиям. Их энергия была постоянна и непреклонна, ее не могли одолеть ни мелкие житейские дрязги, ни жестокие преследования. Их гений ни на минуту не ослабевал и не падал перед бессмысленною силою тупого фанатизма. В то время, когда вокруг них все было погружено в самое безнадежное невежество, когда выдуманные чудеса и различные священные реликвии служили постоянными темами для нескончаемых препирательств целой Европы, когда человеческий ум, опутанный и оплетенный бесчисленными суевериями, находился как бы в параличном состоянии, не способный ни самостоятельно думать, ни самостоятельно исследовать,— в это время одни евреи безбоязненно и неуклонно шли по пути умственного развития, постепенно расширяя свои знания и отыскивая истину с тою же смелостью, с какою они защищали свою веру. Среди них постоянно появлялись самые искусные доктора, самые изворотливые финансисты, самые глубокомыслящие философы; они же одни занимались изучением естественных наук и знакомили Западную Европу с арабскою цивилизациею. Но разумеется самая важная заслуга их состояла в том, что они постоянно поддерживали и оживляли торговую деятельность европейцев. Одно время они были главнейшими представителями торгово-промышленного интереса Европы. За это-то быть может на них ополчились с таким неистовством католические феодалы. В лице их они думали поразить ту ненавистную им экономическую силу, которая без их спроса и ведома с каждым днем все росла и крепчала, пока наконец не переросла их величественные замки и дворцы.

Католицизм вышел повидимому торжествующим из борьбы с евреями. Да, ему удалось замучить их и стереть с лица земли в одном уголке Европы, ему удалось даже возбудить к ним ненависть в большей части европейского населения. Но он не смог одолеть этой новой силы, представителями которой были евреи. Эта сила, не употребляя в дело ни костров, ни инквизиции, победила его самого, незаметно подкопав веру людей в непогрешимость его догмата. И как бы в насмешку над ним она заставила его в конце концов по-братски протянуть руку поруганным и оскорбленным евреям. Православный католик, несмотря на все искусственно развитые в нем предрассудки, давно уже ведет с евреем общие торговые дела и спешит уравнять его с собою во всех политических и гражданских правах. Евреи отомщены. Феодализм разрушен, а создавшийся из его обломков официальный мир передан волею судеб в управление еврея.

Испания, с упорством идиота отказывавшаяся признать логические последствия данных принципов своего экономического быта, добровольно останавливавшая прогресс своей экономической жизни, добровольно свя-

завшая себя цепями феодализма и католицизма, несет теперь все ужасные последствия своего противоестественного поведения. Изменить условия данного экономического быта можно только одним путем, именно нужно изменить самые принципы, лежащие в основе этого быта. Не изменяя принципов, нельзя устранить и их логических последствий; задерживая эти последствия, мы только уродуем народную жизнь, оскопляем, а не лечим организм. И история Испании весьма поучительно показывает нам, к чему может привести подобное оскопление.

IV

Мы переходим теперь к одному из самых существенных пунктов католической догмы: к учению о бедности и самоотречении, учению, породившему столько страданий и зла, приучившему людей к суровому аскетизму, заставившему их полюбить монастырское уединение и самоистязание. Мы нисколько не ошибемся, если скажем, что эта доктрина была одним из естественных, необходимых, логических последствий католической догмы. Догма с самого начала устанавливала резкую противоположность между душою и телом; на тело она смотрела как на темноту души, как на тяжелые оковы, сдерживающие ее полет к высшему, неземному, небесному. Проникнутая чисто спиритуалистическими духовными началами, она ставила спасенье души и душевные наслажденья выше земных радостей и земного счастья. А так как душа и тело были двумя субстанциями, диаметрально друг другу противоположными, то разумеется и их радости, и их счастие должны были находиться во взаимной противоположности. Все, что радовало и тешило тело, должно было причинять скорбь и муку душе, и наоборот,— скорби и страданья тела должны были доставлять душе величайшее наслаждение. Спасение души, которое могло быть достигнуто только на небесах, когда душа вполне освободится от оков тела, было поставлено выше спасения тела, которое, напротив, только и могло осуществиться на земле; таким образом небесное было противопоставлено земному; муки и несчастья на земле были признаны патентами на небесное счастье и небеские радости.

«Чем больше вы страдаете на земле, тем больше будете наслаждаться на небесах. Претерпевый до конца — той спасен будет!» С такими-то утешительными словами обращалась догма к страждущему человечеству. И слова эти как нельзя лучше пришлись ему по сердцу; они пролили бальзам на язвы, они примирили его с окружающим его злом, с давящею его нищетою. Долгое рабство и систематическое угнетение расслабили и истощили людей; однако действительность была уже чересчур горька, и рабы, несмотря на свою слабость и истощение, не раз пытались протестовать; не раз мужественные спартаки жестоко отомщали угнетателям за кровь и страдания своих братий. Но протест был все-таки явлением частным, единичным; хотя все страдальцы чувствовали в нем потребность, но они не имели сил осуществить его в жизни. Жизнь была для них ненавистна, но они не видели никакой возможности улучшить ее, или, лучше сказать, они видели эту возможность, но сами боялись ее, сами отталкивали ее своими трусливыми руками. Если бы теперь нашелся такой человек, который ухитрился бы отыскать эту возможность где-нибудь в другом месте, который бы указал им помимо тягостной для них борьбы какой-нибудь другой исход из их ужасного положения, они были бы несказанно благодарны такому человеку.

И такой человек нашелся. Старайтесь примириться с своей судьбою, сказал он им, не протестуйте и не восставайте на своих угнетателей; там, на

небесах, вы получите за все достойное вознаграждание, а ваши угнетатели — достойное наказание. И чем больше они будут вас угнетать, тем больше будут мучиться; чем больше вы будете терпеть, тем больше будете наслаждаться. Понятно, что такое утешение должно было приттись по вкусу пассивной, забитой, расслабленной массе рабов. Она ухватилась за него, как утопающий хватается за соломинку. И этому обстоятельству догмат был обязан главным образом своею популярностью и своим распространением.

Немудрено, что он сделал из учения о земных страданиях свою главную подпору, центр своей тяжести, что он окрасился и сформировался по его образцу и под его влиянием. И таким образом существование самого догмата было поставлено в некоторую зависимость от существования этого учения. Все, что изменяло взгляд людей на значение человеческой жизни и на роль, которую играют в ней скорби и страдания,—все это должно было колебать и расшатывать доверие к догмату, подрывать его кредит и освобождать людей из-под его тяжелого гнета.

Что же заставило людей переменить эти взгляды? Что заставило их бежать от сурового уединения монастырской жизни? Что убило в них аскетизм, доходящий до умопомешательства, и пробудило другие более здоровые и более человеческие инстинкты?

Проповедь мыслителя? Диалектика проповедника? Убеждения логика? О нет! В течение всего периода средних веков не появлялось ни одного мыслителя, который осмелился бы восстать против окружающего его аскетизма, который дерзнул бы провозгласить права плоти, никем не признанные, всеми поруганные и попираемые. Ни один проповедник, ни один даже еретик не отважился проповедывать эпикуреизм среди этого темного царства фанатизма и суеверия. Но то, на что не смели отважиться мыслители и проповедники, «люди ума и сердца», то сделал простой экономический расчет.

Экономическая жизнь, развиваясь из своих принципов, постепенно подготовила революцию во взглядах людей на земные страдания и небесные наслаждения. Сами того не замечая, люди начинали втягиваться в земные наслаждения и придавать им все большее и большее значение. Аскетизм мало-помалу исчез, и пословица «не сули журавля в небе, дай синицу в руки» крепко засела в умы людей.

Непосредственно после крестовых походов Европа стала выказывать сильное поползновение к роскоши и комфорту. Столкновение с великолепною цивилизациею Востока и быстрое возрастание богатств, естественно последовавшее за быстрым развитием торговли, служат весьма достаточным объяснением этого грешного поползновения. Поползновение прежде всего выразилось в роскоши и изысканности платий и гардеробных украшений. Католицизм, предчувствуя беду, вздумал было противодействовать этому вредному направлению с помощью запретительных мер и угроз карами уголовных наказаний. В конце XII в. Филипп Прекрасный с подьяческой мелочностью старается определить, в какие платья прилично одеваться его подданным и какую часть дохода они могут издерживать на свой гардероб. Графы, бароны и дюки, получающие в год 6 тыс. ливров дохода, имеют право сшить себе в год только 4 платья, их жены и дети — столько же. Вассалы, получающие 3 тыс. ливров ежегодного дохода, должны ограничиться только тремя. Лица из среднего сословия, городские буржуа, не имеют права носить никаких украшений из золота и драгоценных каменьев, им воспрещалось также одеваться в зеленые и серые цвета. В половине XIV ст. в Англии при Эдуарде III парламент издал не менее восьми законов против «французских мод». Даже во Флоренции

были учреждены особые цензора, обязанные тщательно контролировать и подавлять всякие поползновения к роскоши и комфорту среди благочестивых католиков, особенно католичек. Но все эти меры, как и следовало ожидать, не повели ровно ни к чему. В торговых республиках Италии, в Нидерландах и в ганзейских городах, роскошь год из году возрастала и распространялась среди даже наименее обеспеченных слоев населения. Андерсон в своей «Истории торговли» рассказывает, что королева французская, посетив в начале XIV ст. Бругесс, заплакала от досады, увидя, что 600 придворных дам были одеты несравненно лучше и великолепнее, нежели ее величество. Страшные опустошения, произведенные черною немочью, еще более увеличили и расширили круг людей, могущих пользоваться сладкими плодами роскоши и комфорта. Немочь с особенным неистовством свирепствовала среди рабочего населения; численность его уменьшилась на весьма крупный процент; вследствие этого уменьшилось и предложение работы. Между тем спрос на работу остался все тот же и даже еще как будто увеличился; богатые и обеспеченные сословия, испуганные свирепствовавшею вокруг них смертностью, сами ежечасно ожидая сделаться ее жертвами, с лихорадочною торопливостью спешили насладиться всеми благами комфортабельной жизни, испить до дна чашу буржуазных радостей и наслаждений. Всякому захотелось пороскошничать напоследок своих дней, о потомстве никто уже теперь не думал, родовые и благоприобретенные имущества, капиталы, сколоченные по копейкам путем многолетних сбережений и лишений, растрачивались в несколько недель. При увеличении же спроса на работу и при уменьшении предложения заработная плата естественно должна была повыситься. Таким образом черная немочь, этот страшный бич, так много лет так жестоко каравший человеческую глупость и неосмотрительность, способствовала увеличению благосостояния рабочих классов и возвышению уровня их потребностей.

Грубая простота средневековых привычек и нравов начала мало-помалу вытесняться, по крайней мере из городов и пригородных сел. Люди постепенно усваивали себе привычки к комфорту, комфорт привязал их к этой «юдоли скорби и печали». В «юдоли скорби и печали» открылся теперь перед ними целый мир новых, неведомых наслаждений; перед этим миром, видимым, осязаемым, несомненным, бледнело и померкало то царство неземных и идеальных радостей, которое так красноречиво расписывало католичествое духовенство. Люди начали дорожить жизнью и ставить земные утехи выше небесных. Незаметно для самих себя они изменили свои взгляды на учение о земных страданиях и с отвращением отвернулись от того ужасного дуализма между душей и телом, который так резко старалось провести в жизнь католическое духовенство.

Привычка к роскоши и комфорту, подобно всепожирающему пламени, охватывала все слои городского населения. В этом пламени сгорели последние подпоры католического догмата; потому оно было в высшей степени спасительно для истории развития человеческой мысли.

Но, с другой стороны, в этом пламени сгорело такое множество человеческих жертв, какое едва ли сгорело даже на кострах инквизиции при полном развитии фанатической нетерпимости и суеверия аскетических монахов. Раз пробуждены в человеке привычка к роскоши и потребность праздного комфорта, человек уже не может успокоиться, пока не выпьет до дна всю чашу наслаждения, но в том-то и беда, что эта чаша без дна: чем больше человек пьет из нее, тем больше ему хочется пить и тем больше остается невыпитого. Между тем если подвергнуть содержимое в чаше химическому анализу, то всякая капля наслаждения окажется каплею человеческой крови.

Надеюсь, читатель поймет метафору и не потребует дальнейших объяснений, которые еще пожалуй окажутся не «к месту». Здесь мы говорим не о вредных, не об экономических последствиях роскоши, мы имеем только в виду указать ее благодетельное влияние на ослабление пагубного гнета католической догмы.

Войдя во вкус богатства, люди с энергией, много лет сдерживаемою и парализированною доктриною пассивного аскетизма, бросились наживать себе богатство, пустили в обороты свои капиталы и до того втянулись в деятельную, шумную, суетливую жизнь фабрики и рынка, что совсем забыли о спасении души и о высших неземных радостях. Католичество встретилось с врагом, которого не в силах одолеть ни холодная, расчетливая политика иезуитов, ни пламенная ревность монахов, ни изворотливая диалектика теологов. Этот враг называется р а в н о д у ш и е м. Он не бросает гордо перчатки разгневанному и злобствующему католицизму, он не вызывает его на бой, он не борется с ним и не опровергает его, он просто обходит его, но обходит весьма почтительно, не нарушая ни словом, ни жестом должного этикета, не оскорбляя ни малейшим намеком ни папы, ни установленных им обрядов. Вот это-то и раздражает католическое духовенство. С еретиком оно бы всегда сумело совладать,— костер и темница всегда под его руками. С вольнодумцем, открыто нападающим на его догматы, оно таже знает, каким языком говорить. О если бы только с ним спорили — оно бы показало себя, его дело было бы выиграно! Но что делать с холодным, пассивным равнодушием, почти равняющимся пренебрежению?

Дух промышленной предприимчивости, начавший в XIII в. постепенно вытеснять дух аскетизма, выразился прежде всего в уничтожении монастырей. Первоначально сами монастыри были центром промышленной деятельности, но это было уже очень давно — тогда, когда еще католицизм и не подозревал, какого опасного врага наживает он себе в промышленности. В XIII и XIV вв. монастыря окончательно с ней порвали всякую связь; они были рассадниками праздного тунеядства, убежищами всякой тупости и лености; монахи жили себе спокойно, вдали от мира и его страстей, пребывая в умственной спячке или, что пожалуй было еще хуже, упражняя свою мысль в разных метафизических тонкостях и схоластических ухищрениях. Грабительствуя и обманывая слабых и доверчивых, они накопили себе громадные богатства и завязали тесную дружбу с феодалами.

Реформационное движение, начавшееся с XVI в., обрушилось на монастыри; со страшною стремительностью простой народ разграблял их и сжигал с беспощадною лютостью; теологи объявили, что принцип монастырской жизни несообразен с евангельским учением. Правители и властители обрадовались этому удобному случаю, чтобы конфисковать в свою пользу громадные богатства монахов. Это антиаскетическое, враждебное католицизму направление умов перешло мало-помалу из лютеранских земель и в католические. В последние два века католические монархи с особенною ревностью уничтожали монастыри и забирали в казну их движимые и недвижимые имущества. Между 30 и 35 годом уничтожено было таким образом до 3 тыс. монастырей. А в настоящее время вопрос о конфискации церковных земель поднят даже в самом центре католического мира — в Италии.

Дух промышленной предприимчивости, разрушая монастыри, подкапывая католическую догму в ее существеннейших принципах и освобождая ум от оков дедовской рутины и дедовских суеверий, произвел в то же время великий переворот в нравственном миросозерцании человечества. Те новые экономические отношения, о которых мы говорили на предыдущих страницах и которые разрушили до основания мрачное здание средневеко-

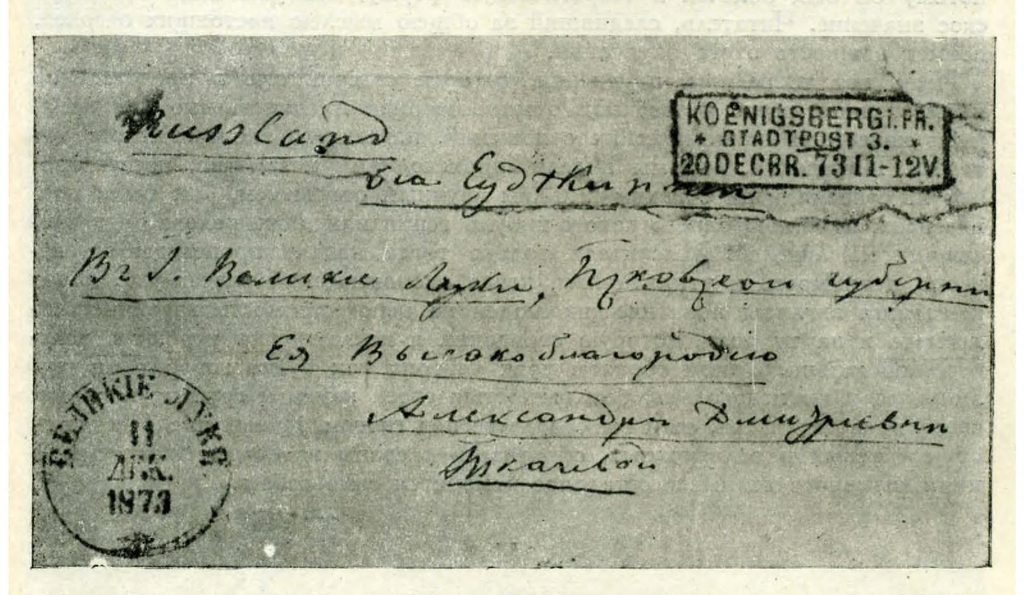
вого феодализма, оказали кроме того в высшей степени благотворное влияние на нравственные принципы людей и следовательно на улучшение и гуманизирование их взаимных отношений.

При господстве католической догмы исходным пунктом человеческой нравственности было понятие о добродетели и долге. Будь добродетелен и всегда исполняй свой долг — вот в кратких словах весь суммариум средневековой морали. Но к несчастью самые понятия о добродетели и долге до того эластичны и неопределенны, что им можно придавать какое угодно значение: это только пустые формы, бессодержательные категории, которые по произволу можно наполнять всем, чем хотите. Все зависит от того, чьи руки наполняют их, в чьих интересах, по чьему распоряжению оно производится. Разумеется руками господствующих классов, в их интересах и по их распоряжению. Интерес же господствующего класса всегда находится в большем или меньшем противоречии с интересами классов негосподствующих. Поэтому негосподствующие классы мало могут выиграть от такой системы нравственности, которая опирается не на ясных, определенных принципах, а на бессодержательных формах, наполняемых по капризу и произволу старших. И сейчас мы увидим, что нравственный переворот, произведенный развитием торгово-промышленного интереса, в том именно и заключался, что в основу человеческой нравственности лег ясный, вполне понятный и очевидный принцип пользы вместо неясного и неопределенного понятия о добродетели и долге.

Я сказал уже, что от господствующего класса зависело придать этому понятию какое угодно значение, влить в эту форму какое угодно содержание. Господствующим классом было католическое духовенство; господствующим принципом его догмы было самоотречение и аскетизм. Под этот уже принцип было подогнано и понятие о добродетели, и ей был придан чисто аскетический характер. Правда, заповедь о добродетели имела в виду пользу, благо ближнего, но это было только второстепенною, побочною целью; главною же целью было лишение человека чего-нибудь дорогого ему или приятного; добродетель, в смысле католической догмы, состояла не в том, чтобы просто оказывать друг другу добро, но чтобы оказывать добро, принося в жертву свои личные интересы. Без этого последнего условия добро, оказанное ближнему, как бы оно ни было велико, не считалось добродетелью; напротив, как бы оно ни было мало и ничтожно, но если, принося его, человек жертвовал каким-нибудь своим личным интересом, оно ставилось ему в великую заслугу и считалось добродетелью. Потому с понятием о добродетели тесно соединено понятие о награде. И действительно последнее служит необходимым постулатом первого. Не ожидая себе награды в будущем, люди не согласились бы быть добродетельными. Только надежда на эту награду и поддерживала их на скользкой стезе добродетели. Однако как ни сильна была надежда, все же она не могла вознаградить их за те жертвы и лишения, которые обусловливали всякое доброе дело. Потому люди фатальным образом обречены были на постоянные мучения и на постоянную борьбу с требованиями своего личного интереса, со своими естественными побуждениями и законными желаниями. И чем человек был добродетельнее, тем невыносимее были эти нравственные мучения, эта внутренняя борьба! К счастью, большинство людей не было добродетельно; в противном случае оно возненавидело бы земную жизнь и окончательно превратилось бы в аскета.

Понятие о долге имело точно такой же чисто аскетический характер, как и понятие о добродетели; поэтому и это понятие, сделавшись принципом нравственности, принесло человеку много зла и страданий. Опутанный с детства целою вереницею предписаний, которые все сводились к одному:

будь добродетелен, т. е. постоянно борись сам с собою, постоянно приноси себя в жертву, постоянно самоистязуйся, человек нес свой долг, как тяжелую цепь, как крест, наложенный на него чьею-то деспотической рукой, неизвестно с какою целью и для какой пользы. Крест давил его, крест так крепко прирос к его спине и плечам, что повидимому никакая сила не освободит от него. А между тем под могучим влиянием торгово-промышленного интереса он сам собою свалился с человека, и свалился так тихо и незаметно, что люди едва ли могут с точностью определить тот момент, когда они сделались свободными. Впрочем это великое нравственное освобождение из-под гнета аскетических понятий католической догмы о долге



КОНВЕРТ ПИСЬМА П. Н. ТКАЧЕВА К А. Д. ДЕМЕНТЬЕВОЙ ПОСЛЕ ЕГО ПОБЕГА ИЗ РОССИИ
Центрархив СССР, Москва

и добродетели не всеми еще вполне пережито; многие страдальцы и теперь еще покорно несут свое ярмо благодаря вредным влияниям воспитания и окружающей среды.

Человек, втягиваясь постепенно в круговорот промышленно-торговой деятельности, входя во вкус буржуазного комфорта, переменил свой взгляд на земные радости и наслаждения: он высоко стал ценить их, он сделал их целью своей жизни. Таким образом он отказался от принципа самоистязания, заменив его принципом диаметрально противоположным, принципом личной выгоды, личной пользы, личного удовольствия. Этот принцип сделался теперь таким же полным и ясным выразителем характера торгово-промышленной эпохи, как принцип субординации, безусловной покорности и смирения, был выразителем феодально-католического интереса.

Как только принцип личной выгоды стал главнейшим стимулом человеческой деятельности, человек не задумался перенести его из тесной сферы торговли и промышленности в более широкую сферу нравственных отношений к людям вообще. Привыкнув на рынке и фабрике действовать исключительно по расчету, руководствуясь побуждениями личной выгоды, человек не оставил эту привычку и вне фабрики, и вне рынка. Не только в своих торговых, но и вообще во всех своих отношениях к людям он начал действовать по принципу личной выгоды. Принцип этот, перенесенный в сферу нравственности, получил название у т и л и т а р и з м а; в настоящее время он благодаря великим трудам Гельвеция, Бентама и Мил-

ля завоевал себе весьма прочное и надежное место в области человеческой этики. Научные представители нашей эпохи придали ему такой же точно строго теоретический, отвлеченный характер, какой теологи придавали в средние века милому их сердцу принципу самоотречения. Но разумеется принцип обязан своею популярностью не этому абстрактному теоретизированию; теоретизирование его началось не раньше второй половины XVIII ст., т. е. тогда, когда уже он вошел в общее практическое употребление торгово-промышленных сословий. Следовательно не теоретическая форма этого принципа обусловила его практическое значение, а наоборот: потому он был облечен в теоретическую форму, что уже имел практическое значение. Читатель, следивший за общею мыслею настоящих очерков, поймет важность этого замечания.

Итак, вот те великие изменения, которые совершились в нравственной и умственной сфере человеческого миросозерцания единственно под влиянием известных экономических отношений, известного экономического интереса. Изменения, как мы видели, происходили незаметно, постепенно; они не совпадали ни с каким великим научным открытием, они были произведены не силою одного какого-нибудь гения или даже целого ряда блестящих мыслителей. Мыслители только тогда начали проповедывать неверие, терпимость и утилитаризм, когда экономический расчет уже давно переменил взгляды практических людей на непогрешимость католического догмата и на ту роль, которую страдания и наслаждения играют в человеческой жизни. Таким образом урок истории как будто говорит людям: люди, если вы недовольны бесплодностью своей науки и грубым эгоизмом своей нравственности, если вы страдаете под гнетом разных предрассудков, общественных и религиозных, обратитесь к своим экономическим отношениям, измените их, и все остальное изменится само собою.

V

Торговый и промышленный интерес, подкопав учение католичества о проценте, разрушив доктрину его непогрешимости и его основной принцип самоотречения, нанес ему в то же время и с другой стороны удар весьма чувствительный и решительный. Под его влиянием изменился характер общественных удовольствий, и это изменение, как мы сейчас увидим, имело роковые последствия для католической догмы.

Положение общественных удовольствий и отношение к ним церкви уже в самые первые века христианства имело важное значение. С одной стороны, жестокость, с которою преследовали их первые христиане, служила одною из главнейших причин гонений, воздвигнутых на них язычниками, гонений, так странно противоречивших с всегдашнею терпимостью политеистической религии язычников. С другой стороны, когда христианство достигло гражданской власти, оно принялось еще с большим неистовством преследовать театр и цирк; в них оно видело остатки представителей язычества и, зная, как сильно дорожит ими народ и вспомнив претерпленные за них гонения, оно ополчилось на них всею силою своего окрепшего могущества. Борьба однако была трудна: народ, который покорно и пассивно смотрел на разрушение своих капищ и алтарей, схватился за оружие, когда императорские солдаты стали разбирать его цирки и разгонять его актеров. Епископы посылали актерам страшные проклятия: актер лишался святого крещения, а в случае смерти — христианского погребения; христианин, осмелившийся явиться на подмостках народного театра, отлучался от церкви. Однако несмотря на эти сторогости, толпы зрителей ломились в театры и театр пользовался большею популярностью в народе, нежели церковь. Не видя никакой возможности стереть его с лица земли, как

ПИСЬМО П. Н. ТКАЧЕВА К А. Д. ДЕМЕНТЬЕВОЙ ПОСЛЕ ЕГО ПОБЕГА ИЗ РОССИИ ОТ 10 ДЕКАБРЯ 1873 г. ИЗ КЕНИГСБЕРГА

Центрархив СССР, Москва

стерло языческие капища, духовенство пустило в ход совершенно другую тактику, которая повидимому увенчалась полным успехом. Оно начало мало-помалу соединять божественную службу с театральным представлением. Тогда-то возникли католические мистерии. Уже во втором веке еврей по имени Эзекиила написал мистерию «Моисей», пользовавшуюся большою известностью у набожных людей. Второю попыткою в этом роде были «страсти»—мистерия, сочиненная или, правильнее, переделанная с греческого святым Григорием Нанзианзинским. Религиозные цермонии, в особенности церемонии при некоторых торжественных случаях, как например на рождестве, в святую неделю, в день св. Епифания, принимали все более и более драматический характер; монахи и монахини для разогнания монотонной скуки монастырской жизни начали тоже развлекаться театральными представлениями. Первый известный нам пример подобных представлений относится к X в. Настоятельница одного немецкого монастыря написала две или три драмы с духовным сюжетом, но, как говорят, сильно позаимствовавшись у Теренция, и монахини ее монастыря разыгрывали с большим наслаждением произведения своей игуменьи. Сюжет одной из этих драм был такого рода. Один отшельник увлек с собою по пути добродетели и самоистязания одну молоденькую и хорошенькую барышню. Барышня долго подвизалась с отшельником в добродетели и самоистязании, но наконец это занятие ей наскучило, она восстала против власти отшельника, призрела его советы и убежала в публичный дом. Монах, узнав об убежище своей непослушной сподвижницы, переоделся в солдата, проник в ее жилище, искусно обманул ее обитателей и нашел случай увести свою питомицу.

Как видите, содержание не совсем-то целомудренное для монастыря и весьма бедное фантазией. В таком-то вкусе составлялись и другие мистерии; только в них не редко можно было видеть и бога, и дьявола, и святых, сведенных на театральные подмостки.

Бедность и дикая уродливость фантазии авторов мистерий долгое время препятствовала им с успехом конкурировать с римским цирком и греческою драмою. Но нашествие варваров и последовавшее затем огрубение нравов и понижение общего уровня образованности помогли делу католического духовенства. Римский театр потерял всю свою прежнюю привлекательность, и в конце XIII в. он уже не играет никакой роли среди общественных увеселений. Увеселения приняли более воинственный и более цинический характер. Неприличные танцы, сражения, убийства, драки и рядом грубые шутовства — вот постоянные темы с различными вариациями, разыгрывавшиеся на театральных подмостках. Театральные же подмостки после окончательной победы над римским театром перешли в монопольное обладание католического духовенства: католическое духовенство поспешило придать театру религиозный характер, думая вероятно таким способом безраздельно господствовать над чувством и умом людей. Но оно ошиблось в расчете.

Правда, пока театральные представления разыгрывались только в стенах монастырей и аббатств, они сохраняли до известной степени приличие и набожность, свойственные святому месту. Но ведь монастырь не мог претендовать на вечную монополию сценическими увеселениями. Притязания его имели смысл только в то время, когда действительно почти вся умственная деятельность сосредоточивалась в его пределах. С возникновением же городской промышленности, с развитием торгового интереса центр общественной и умственной деятельности из ограды монастыря перешел за ограду городов. Массы народа, скученного за этими оградами, тоже имели некоторое поползновение развлекать свои досуги сценическими представлениями. Первоначально и эти сценические представления к удо-

вольствию духовенства имели чисто божественный характер, т. е. в них сводились на подмостки лица неземные, в них действовали и говорили бог, дьявол, Адам и Ева, божия матерь, чудотворец Николай и т. п. Но именно это-то обстоятельство и послужило на пагубу духовенству. Миряне, особенно горожане, были весьма плохими теологами; занятые с утра до вечера обдумыванием и обделыванием своих промышленно-торговых делишек, они не имели ни времени, ни охоты вникать во все тонкости католической догмы. Потому не было ничего удивительного в том, что они, выводя на сцену бога, дьявола и всех святых, нередко уклонялись от истинного и непреложного католического символа. Уклонения эти делались обыкновенно во имя вкусов и потребностей тогдашнего общества. А эти вкусы и потребности не отличались ни особенною изысканностью, ни особенною чистотою. Горожанин только что начинал входить во вкус светских развлечений, земных наслаждений; только начинал развиваться. Земные наслаждения прежде всего являлись ему в форме чувственных наслаждений и возбуждали в нем только чувственность. Развитие заставляло его отрицательно относиться к некоторым явлениям окружающей жизни, но это отрицание не шло дальше плоской шутки, грубой и столько же глупой насмешки. Итак, чувственность и любовь к шутовству были выдающимися чертами в характере подрастающего буржуа. Понятно, что эти наклонности не могли остаться без влияния и на сцену.

В сценических представлениях стали теперь изображаться чувственные картины и появляться разные циники и шуты. По старой однако привычке действующими лицами оставались все те же боги, дьяволы и святые. Разумеется божественные лица ставились в не совсем-то божественное положение, и разумеется такие представления мало могли способствовать возбуждению религиозного чувства и развитию в народе уважения к религиозным предметам. Вот что говорит по этому поводу Леккм в своем «History of Rationalism», стр. 335, 336, 337:

«После XIII ст. сценические представления приняли народный характер, устранив почти совершенно религиозный, и с этих пор они сделались могучими орудиями, разрушившими авторитет католической церкви и подкапавшими кредит святейшего папы. Доказательством этому служит разумеется не то обстоятельство, что всемогущий низводится на подмостки театра, — оно, правда, хотя и шокирует наши глаза, но, в сущности, вполне соответствовало уровню тогдашнего умственного развития. Доказательством этому служат те сальности и неприличности, которые превосходили даже сальности и неприличности римской сцены в самые худшие времена римского театра, и та роль, которую заставляют играть дьявола. Первоначально мистерии не мало способствовали религиозному терроризму. Глазам зрителей представлялись картины геенны огненной, крики агонии грешников раздирали их уши.

Но потом дьявола заставили играть роль шута. Появление его вызывало взрыв неудержимого смеха. Вскоре он сделался одною из самых выдающихся и популярных личностей на сцене и благодаря своему шутовскому характеру совершенно освободился от той грозной и отталкивающей обстановки, которою окружало его католическое духовенство. Таким образом одна из важнейших доктрин католической церкви в уме народа смешалась с представлениями о чем-то в высшей степени забавном, и дух насмешки и сатиры готов уже был потешаться над всем учением католического авторитета.

Трудно с достоверностью определить, насколько эти грубые драматические представления подорвали кредит старых религиозных верований, предшествовавших и подготовивших Реформацию. Еще в ранний период католичества такие странные празднества, какими были например празд-

ник дураков и праздник ослов, ввели в церковные представления неприличные танцы, карикатуры на духовенство и даже пародию на мессию; еще более способствовали развитию этого направления мистерии XIV и XV вв. Обращаю особенное внимание читателей на то обстоятельство, что популярность этих представлений зависела главным образом от возвышения уровня народного благосостояния, возвышения, вызванного, в свою очередь, развитием промышленного интереса. В людях мало-помалу зародилась и окрепла страсть к удовольствиям высшего порядка; они стали входить во вкус театральных представлений, действовавших на фантазию, и эта страсть и этот новый вкус служили как бы переходными ступенями от простых, грубых, неартистических нравов средневекового варварства к более изысканным, осмысленным и дорогим потребностям буржуазной цивилизации. Как ни были грубы и дики эти представления, все же в них ясно отражалось состояние тогдашнего общества, уже начинавшего борьбу с авторитетом католичества и вступающего в новый фаз своей цивилизации; кроме того в этих представлениях уже явно проглядывает стремление к секуляризации».

И секуляризация театра действительно не замедлила осуществиться в жизни. Мистерии и божественные сюжеты стали постепенно выходить из моды. Мысль людей стали занимать земные дела и земные житейские отношения; ее перестали интересовать небесные существа, добрые и злые духи. Монополия общественных увеселений была вырвана из рук католических пастырей, и самые эти удовольствия поставлены вне их влияния и контроля. Духовенство пыталось было пойти на уступку. Оно измыслило особый вид театральных представлений, в которых предполагалось соединить воедино светский элемент с духовным. Эти представления отличались от прежних мистерий тем, что на сцену выводились не боги и дьяволы, а аллегорические изображения пороков и добродетелей. Изображениям придавались светские имена, но через это нисколько не нарушалась божественность самого представления; представления не переставали быть божественными; они утратили только прежнюю живость и драматизм и превратились в скучные, сухие проповеди на тексты св. писания.

Разумеется они не могли конкурировать со светскою драмою; и мало-помалу светская драма окончательно завладела театральными подмостками, очистив их ото всяких мистерий и аллегорий.

Это антикатолическое движение в сфере сценического искусства началось, как и следовало ожидать, в торгово-промышленных центрах Европы — в итальянских республиках, и именно во Флоренции. Оно было так хорошо подготовлено экономическими условиями городской жизни, что без труда проложило себе дорогу во все слои городского населения и в первое время увлекло даже самых набожных католиков. Папы — верховные представители католического интереса — и те на минуту поддались его обаятельной силе. Первая светская комедия, написанная по-итальянски в конце XV ст., принадлежала перу кардинала Биббиена, бывшего долгое время секретарем при дворе Лоренцо Медичи; постановка ее на сцену не встретила ни малейшего препятствия со стороны духовенства. В начале XVI в. написаны были две первые светские трагедии: Софонизба (подражание Эврипиду) и Розимунда (подражание Сенеке). Духовенство и к ним отнеслось милостиво. Сам папа Лев X взял их под свое покровительство, несколько раз присутствовал при их представлении и щедро наградил их авторов; одного назначил даже посланником при дворе императора Максимилиана.

Первою светскою музыкальною оперою был «Орфей», при представлении которого присутствовал один из важнейших в то время сановников Рима — кардинал Гонзаго. Через несколько лет после этого папа Климент VII вместе с императором Карлом V присутствовали при представлении свет-

ской комедии «Три тирана», составленной Риччи. Кажется нельзя уже было благосклоннее относиться к светскому искусству. Зато и искусство щадило на первых порах интересы католичества. Однако только на первых порах, да и то в одной Италии, Во Франции светский театр объявил уже войну духовенству; и первая светская пьеса, поставленная на сцену (Ифигения, соч. Жоделяя), была едкою сатирою на клириков.

Католичество всполошилось, и громы проклятий и анафем посыпались на головы несчастных актеров.

Играть на сцене — значило совершать смертный грех; актеры должны быть исключены из христианского общества, отлучены от церкви, в будущей жизни их ожидает неизбежная гибель, вечные муки; они недостойны христианского погребения, трупы их следует зарывать в землю, как трупы собак и свиней. Таковы были предписания канона. И они не были мертвою буквою. Самые талантливые актеры лишались христианского погребения. Известна трагическая история актрисы Lecouvreur[5], памяти которой Вольтер посвятил одну из своих самых пламенных од. Друзья и родственники Мольера с трудом могли выхлопотать разрешение похоронить его на кладбище. Расин до того был перепуган строгими предписаниями канона, что, находясь в зените своей славы, отказался писать для сцены. Эпитафия к его памятнику гласит, что на памяти Расина лежит одно только пятно — это именно то, что он был драматическим поэтом.

В конце XVII и начале XVIII ст. актеры входили к папе с представлением о смягчении строгих предписаний закона, но их просьба была оставлена без всяких последствий.

Во Франции запрещено было даже венчать актеров; и когда один юрист Гьюрне-де-ла-Моте написал книгу в защиту актеров в 1761 г., то его книга была сожжена рукою палача, а сам он был вычеркнут из списка адвокатов. Люлли, известный французский композитор, только тогда получил прощение за свое безбожное ремесло, когда сам сжег свою только что композированную оперу.

Несмотря однако на все эти козни и придирки католического духовенства, театр не заглох, а, напротив, с каждым годом все укреплялся и совершенствовался. Публика сторицею вознаграждала актеров деньгами и славою за притеснения, воздвигнутые на них папами. И к величайшему негодованию св. отцов стало вполне очевидным, что буржуазия дорожит более сценою, нежели церковью.

Волей-неволей пришлось делать уступки. Бенедикт XIV разрешил в самом Риме светские театральные пьесы; сперва он ограничил время представления одним карнавалом, но потом дозволил их и в другие времена года. В половине же XVII в. в священном городе был построен первый оперный театр.

В настоящее время церковь уже не пытается напоминать людям о своих старых канонах. Она понимает, что такое напоминание не поведет ни к чему. Над ним только посмеются или, что еще хуже, на него не обратят ни малейшего внимания. Когда в 1864 г. Пий IX вздумал было откровенно изложить принципы католичества, четыре века назад безусловно признаваемые всей Европой за неоспоримо истинные, тогда его сочли за полупомешанного, и самые набожные католики и самые христианнейшие монархи отреклись от своей прежней веры как от гибельной ереси. Так изменяются взгляды и вкусы людей!

В настоящем очерке мы указали только на общие, коренные причины этого радикального изменения. В следующих очерках мы углубимся в частности и покажем, как постепенно высвобождался ум человеческий из-под гнета католической догмы в сфере политики, нравственности, науки и искусства.

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ РАЦИОНАЛИЗМА*

I

В истории развития человеческой мысли за последние 300 лет едва ли можно найти изменение более поразительное и поучительное, чем изменение, происшедшее во взгляде людей на колдовство и волшебство. В настоящее время нет ни одного даже полуобразованного человека; который бы мог серьезно поверить рассказам о ведьме, летающей по свету на метле, о бабе, превратившейся в волка, о домовых, привидениях и тому подобных чудесах. Уверяйте, сколько вашей душе угодно, что вы собственными глазами видели на кладбище привидение, что в доме у вас поселился домовой, что вы собственными ушами слышали производимый им шум; приводите в подтверждение ваших слов бесчисленное множество свидетельских показаний, ссылайтесь на какие угодно авторитеты, — вам все-таки никто не поверит, над вами все-таки будут смеяться, на вас будут указывать пальцами как на помешанного, и чем настойчивее станете вы доказывать возможность существования таких интересных особ, как домовые и привидения, тем пуще будут над вами смеяться и потешаться. И вот, что всего досаднее, вас не станут даже и опровергать. Мало того: большинство ваших слушателей даже и не в состоянии будет опровергнуть вас. А все-таки никто вам не поверит. Таким образом неверие это в большинстве случаев не есть результат тщательного и добросовестного обследования описываемого вами факта; оно скорее предшествует ему, устраняет его, делает его совершенно излишним и ненужным. Прежде чем начинать исследование и проверку ваших показаний о домовом, все уже наперед знают, что они ложны и не заслуживают ни малейшего вероятия. Мы чувствуем непреодолимое отвращение объяснять непонятные или неизвестные явления присутствием каких-то неведомых таинственных сил. Все сверхъестественное кажется нам странным и невероятным. Мы охотнее обходим непонятные явления или изобретаем для объяснения их какие-нибудь не допускающие доказательство гипотезы, чем прибегаем к вмешательству неземных деятелей. В этом отношении мы — совершеннейшие антиподы людям XV и XVI ст. В эти и предшествующие им века все, напротив, старались отнести за счет неземного и сверхъестественного. Весь мир казался как бы разделенным между двумя враждебными лагерями: лагерем злых и лагерем добрых духов; и все, что совершалось в мире, хорошее и дурное, приписывалось обыкновенно либо вмешательству одного, либо вмешательству другого лагеря, смотря по тому, кто был непосредственно заинтересован в совершившемся. Если например больного исцелил монах, то исцеление приписывалось действию добрых духов, монах возводился в сан чудотворца, и по смерти папа причислял его к штату католических святых. Если же то же самое сделал какой-нибудь бедный знахарь или какая-нибудь полупомешанная баба, — исцеление приписывалось лукавству злого духа, знахарь или баба считались колдунами, пытались и сжигались на костре. Но и в этом и в другом случае люди твердо верили в вмешательство сверхъестественных сил и самый факт чудотворного исцеления не подлежал ни

* В этих очерках я желал представить борьбу рационализма, т. е. трезвого беспредрассудочного, строго реального взгляда на человеческие отношения и на явления окружающей нас природы, с узкою, догматическою доктриною, возникшею в период римских императоров и опутавшею ум и сердце человека тяжелыми веригами всевозможных предрассудков и нелепостей. Но по некоторым соображениям я не могу начать печатать эти очерки, сначала я должен ограничиться отрывками из середины. Постараюсь придать каждому отрывку возможную полноту и законченность. В предлагаемом здесь отрывке будет рассмотрена история колдовства и волшебства в средние века. *(Примечание П. Ткачева).*

малейшему сомнению. Потому неудивительно, что эти темные века оставили нам не мало воспоминаний о святых, увенчанных славою, и еще больше о мучениках, окончивших свою жизнь на костре.

Да, воспоминания последнего рода почти совершенно затемняют и затушевывают воспоминания первого рода. Наивная вера в вмешательство сверхъестественных агентов в житейские отношения чаще имела своим исходом не чудотворную раку, а костер инквизиции и страшные орудия пытки. В действительности чудес колдовства и волшебства в то время так же мало сомневались, как мало сомневаются теперь в действительности кровеобращения или движения земли. Еще меньше сомневались в том, что чудеса следует относить к деятельности добрых духов, а колдовство и волшебство — злых духов, и потому чудотворцев следует прославлять и поощрять, а колдунов и волшебников—карать и пытать. Государства, совершенно не сходные друг с другом ни по своему положению, ни по характеру своих жителей, ни по своим интересам, в одном этом пункте были между собою вполне и безусловно согласны. В Германии, Франции, Италии, Испании, Швеции, Норвегии, Англии, Швейцарии—везде колдунов с одинаковою ревностью возводили на костер, мучили, пытали или томили в мрачных подземельях инквизиции. Лекки говорит в своей «History of Rationalism», что в Тулузе в одно заседание инквизиции было осуждено на смерть за колдовство 400 чел., в Треве, как говорят, за то же преступление было сожжено более 7 тыс. чел., епископ Бамбергский хвалился, что он сжег 6 тыс. колдунов, но епископ Вюрцбургский перещеголял его: он сжег в один год 8 тыс. чел. Парламенты в Париже, Тулузе, Бордо, Реймсе, Руане и Дижоне то и дело издавали драконовские декреты против колдовства и волшебства, и за каждым таким декретом следовали страшные р а с п р а в ы и лились потоки человеческой крови. То же самое повторялось и в других странах. В Италии например в одной провинции Комо ежегодное число жертв доходило до тысячи человек. В некоторых провинциях преследования колдунов были до того жестоки, что вызвали открытое восстание со стороны терпеливого народа. То же повторилось и в соседней Швейцарии: в Женеве например в течение трех месяцев было сожжено 500 колдунов. О Германии и Испании уж и говорить нечего. Реформация нимало не поколебала веры людей в греховность колдовства, преследования колдунов нисколько не уменьшились, ни один костер не был потушен тем новым живительным духом реформы, который потряс вековые столбы католического мира. Сам Лютер с жаром говорил: «Я не имею к колдунам ни малейшего сострадания, — я бы всех их сжег на медленном огне».

В Англии введение реформации сопровождалось неистовым преследованием колдунов и колдуний, англиканские священники соперничали в этом случае с самыми ревностными пуританами и кальвинистами. В Новом Свете до введения пуританства о преследованиях не было ни слуху, ни духу. Но чуть только там появились пуританские проповедники — во славу бога зажглись костры и рекою полилась кровь о т р е ч е н н ы х ч у д о т в о р ц е в.

II

Если мы теперь спросим себя, что же заставило людей отказаться так решительно и безусловно от верований, которые 200, 300 лет тому назад, так решительно и безусловно признавались всеми умными и глупыми, бедными и богатыми, католиками и лютеранами, то повидимому самым простым и естественным ответом будет: люди поумнели. Однако вглядевшись в дело поближе, легко убедиться, что этот простой ответ так же неудовлетворителен, как и прост. В средине века, в XII, XIII, XIV, XV, XVI,

XVII ст., мы то и дело встречаемся с личностями в высшей степени развитыми и умными, и однако эти развитые личности, по уму бесспорно превосходящие массы современных пролетариев, массы голодных и невежественных бедняков XIX в., так же наивно верили в действительность колдовства и так же упорно преследовали колдунов и ведьм, как и последний идиот из какого-нибудь монашествующего братства. Таким образом вера в колдовство зависела не от большей или меньшей степени умственного развития, а от общего направления мысли, а это последнее определяется и обусловливается господствующим духом данного века.

От чего же зависит этот «дух века»? Отчего он — такой доверчивый и наивный в XIV и XV вв. — стал таким скептическим? Следует ли это приписать исключительно прогрессу науки, накоплению знаний или каким-нибудь изменениям, происшедшим в общественном, экономическом быту европейских народов, или наконец тому и другому вместе?

Отвечать на этот вопрос не трудно.

Бесспорно человек тем трезвее и реальнее относится к окружающим его явлениям, чем шире и яснее его умственный кругозор. Широта же и ясность его умственного кругозора находится в прямой зависимости от количества и качества знаний. Каждое новое знание, разрушая какой-нибудь старый предрассудок, устраняя какую-нибудь неправдоподобную гипотезу, этим самым укрепляет ум, делает его более опытным, менее доверчивым и наивным. В этом отношении нельзя отрицать заслуг науки, однако не должно слишком и преувеличивать их. Началом всякого знания, а следовательно и всякой науки, как справедливо заметил еще Бокль, служит с к е п т и ц и з м. Без скептицизма не было бы науки; прежде чем человек не усомнился в ф а т а л и з м е и ч у д е он не мог писать, он не мог понимать историю человеческого развития, прежде чем он не усомнился в сверхъестественном вмешательстве н е з е м н ы х агентов в з е м н ы е дела людей и в непосредственное управление явлениями внешнего мира, он не мог заниматься с толком естественною историею, ему доступна тогда была только одна область — область теологической философии и философской теологии. Наука не могла возникнуть при существовании непоколебимой веры в колдунов, волшебников и чудотворцев. Следовательно не наука, т. е. не накопление, расширение, и осмысление точных знаний, подорвала веру в волшебство и колдовство, а наоборот — подорванная вера породила науку, сделала возможным приобретение и расширение точных знаний.

В самом деле: всякое научное знание, всякая научная аксиома есть результат научных исследований и открытий, или — при существовании многих противоположных мнений об одном и том же научном факте — результат спора этих различных мнений. Спор окончательно решает, за каким из научных мнений следует признать достоверность и каким научным доводам следует отдать предпочтение перед всеми остальными.

Но вера в волшебство и колдовство потеряла свой кредит совсем не вследствие каких-нибудь научных открытий, каких-нибудь теоретических аргументаций, или каких-нибудь ученых споров. Никакого открытия не было сделано, которое бы могло доказать людям несуществование злых духов и невозможность вмешательства их в человеческие отношения; насчет этого вопроса и до сих пор еще существует много различных мнений, до сих пор еще вопрос считается нерешенным, и ни одно мнение не хочет признать себя побежденным. Тем не менее однако в ведьм и колдунов, в домовых и привидения почти уже никто не верит. А почему, на каком основании?

Что вы ответите на это, читатель?

Все, что вы можете ответить на это, будет приблизительно заключаться в следующем. Вы скажете: перебирая в уме моем все, что я слышал о колдовстве и волшебстве, анализируя те случаи, которые приводятся обыкно-

П. Н. ТКАЧЕВ И ЕГО МАТЬ М. Н. ТКАЧЕВА
Сзади стоят сестры Ткачева: А. Н. Анненская и С. Н. Криль
Фотография 1860-х гг.
Институт Русской Литературы, Ленинград

венно в подтверждение существования домовых и привидений, я убеждаюсь, что все они могут быть объяснены без всякого вмешательства сверхъестественных сил либо неверностью свидетельских показаний, либо неточностью собранных данных, либо преднамеренным обманом и мошенничеством со стороны лиц, выдающих себя за колдунов и ведьм, либо болезненным, ненормальным состоянием их организма, т. е. сумасшествием. А если волшебство и колдовство может быть объяснено совершенно удовлетворительным образом и без содействия неизвестных деятелей, то к чему же нам и тревожить их? Совершенно справедливо. Но неужели ты думаешь, читатель, будто твое неверие в существование нечистых сил, колдунов, ведьм и волшебниц, есть следствие твоих рассуждений? Ты воображаешь, что оттого ты не веруешь, что умеешь логично аргументировать. Ты ошибаешься, нет, ты оттого так логично аргументируешь, что ты не веруешь. И в XV, и в XIV вв. очень хорошо знали, что свидетельские показания часто бывают ложны и что им нельзя придавать никакой безусловной веры, что нельзя также вполне верить и признанию самого подсудимого; и в XV, и в XIV вв. никто не сомневался, что стечение каких-нибудь случайных обстоятельств, хитрость, обман, злонамеренность и подлог могут играть немаловажную роль в деле колдовства и волшебства. Потому-то колдунов и судили весьма основательно и осторожно — так, как у нас судится теперь убийство или государственная измена. Нельзя сказать также, чтобы веру в колдовство ослабила медицина и психиатрия. Медицина еще и теперь-то находится в младенчестве, можно себе представить, в каком положении она находилась два-три века назад и какое влияние она могла иметь на умы людей! Что же касается до психиатрии, то она явилась через много времени после того, как вера в колдовство потеряла почти всякий кредит. Известно, что отцом психиатрии был Пинель [6], писавший свою философию сумасшествия в то время, когда колдунами и ведьмами пугали только маленьких детей.

Следовательно ни расширение кругозора наших знаний — так как понятия о фальшивости свидетельских показаний, о надежности собственных признаний и т. д. столь же хорошо были известны средневековому человеку, как и нововековому, — ни какие-нибудь научные открытия, потому что о них ничего не упоминает история, ни ученые диспуты, которых тоже никто не запомнит, ни прогресс точных наук подкопали веру в колдовство, вдохнули дух скептицизма в ум человека и заставили его относиться к деятельности сверхъестественных сил либо с полным недоверием, либо с полным индиферентизмом. В самом строе общественной жизни, в экономическом быту средневекового общества произошли такие изменения, которые сообщили европейской мысли совершенно иное направление и указали ей иное, более обширное и богатое поприще для ее деятельности. Тяжелые цепи, которыми феодалы и монахи пытались приковать ее к своим замкам и монастырям, спали с нее, и она, повидимому смелая и свободная, отважно бросилась на новое поприще, на поприще индустриальной промышленности, и здесь верою и правдою стала служить и прислуживать своим новым господам, начинавшим уже значительно жиреть и задирать нос.

В другом отрывке будет подробно рассказано, каким образом изменения, происшедшие в экономическом быту европейского общества, вызвали и воспитали дух скептицизма — более реальный и рациональный взгляд как на человеческие отношения, так и на явления природы. Здесь я только указываю на этот факт, оставляя дальнейшие доказательства до следующего раза.

Положение феодалов и клириков в продолжение средних веков повидимому было весьма крепко и надежно, а на самом деле — весьма шатко и сомнительно. Отношения их к эксплоатируемой массе крестьянства не были определены с тою научною точностью и не допускающей сомнений яс-

ностью, с которой определены были в древнем мире отношения господина к рабу, или в новом — отношения покупающего работу к продающему ее. Правда, они грабили народ с неменьшим бесстыдством, чем римские патриции и современные буржуа, но их грабительства не были возведены в строгую экономическую систему, в безусловный экономический закон; потому они являлись как факт грубого насилия и как такие факты естественно возбуждали против себя беспрестанную реакцию со стороны крестьянства. «В течение всех средних веков, — говорит Циммерман, — происходили крестьянские возмущения против дворян и духовных владетелей; они были направлены на защиту древней свободы от произвола высших классов, которые хотели усилить бремя, тяготевшее над несвободными, и обратить пленников в крепостных. Борьба эта происходила во всей Европе». Эти постоянные протесты служат лучшим доказательством непрочности цепей, сковывавших крестьян. Правда, протесты эти оканчивались в большей части случаев весьма печально для протестующих. Однако неудачи обусловливались чисто случайными обстоятельствами, которые могли и быть и не быть. «Крестьяне терпели неудачи, — говорит Циммерман, — потому, что силы их были разрознены, а предводители их были люди неспособные или изменники». Но ведь причины эти легко могли быть устранены; опыт мог научить крестьян уму-разуму, и тогда феодалы очутились бы в весьма неприятном положении. Потому Циммерман прав, когда он сравнивает положение феодалов и клириков с положением людей, «живших на вершине вулкана». Естественно, эти люди не могли быть в том спокойно-блаженном настроении духа, в каком пребывает современный буржуа. Естественно, они должны были употреблять все от них зависящие средства для поддержания порядка и благочиния среди бушующих и протестующих масс обираемого и угнетаемого народа. Но они не выдумали и даже не способны были выдумать той удивительной уздечки, которою современный буржуа сумел так ловко и искусно зануздать голодные массы; политическая власть была в то время слишком слаба, чтобы мочь оказать существенную поддержку интересам феодалов; она сама скорее нуждалась в их защите. Потому феодалы увидели себя в необходимости протянуть руку клирикам, и с помощью этих достойных господ они с большим успехом стали развращать и притуплять народную мысль, пугая ее призраками и видениями, опутывая ее тонкою сетью самых грубых предрассудков и нелепостей. Расчет их был верен. Человек напуганный, всего и всех боящийся, повсюду усматривающий козни злых духов, глубоко верующий и в то же время искренне убежденный в своей греховности, — такой человек не особенно страшен даже и в раздраженном состоянии. Обладая некоторым тактом и умением, с ним всегда легло совладать, всегда легко направить его в какую угодно сторону. А клирики обладали этим тактом и умением в самой совершенной степени. Потому союз их с феодалами был весьма естествен и разумен, и для объяснения его помимо здесь указанных чисто экономических соображений нет нужды прибегать ни к каким другим, более или менее остроумным гипотезам историков-рутинеров.

Чтобы меня не обвинили в злокаменности и парадоксальности, я укажу в следующей главе, при каких обстоятельствах возникла в средневековом обществе вера в колдовство, волшебство и чудодейство, и я надеюсь, что сообразительный читатель согласится с моими мнениями насчет проницательности и сообразительности господ феодалов и клириков.

III

В первобытном обществе дикарей вера в колдовство неизбежно является у человека при самых первых его столкновениях с жизнью и внешнею при-

родою. Каким образом возникает в его уме эта вера, объяснить весьма легко. Враждебные силы природы — враждебные, потому что он не понял их и не сумел обратить в свою пользу, — на каждом шагу поражают его какими-нибудь неожиданными явлениями и наполняют его сердце страхом и ужасом. Проводя весь свой век в скитаниях по таинственным, мрачным лесам или необъятным степям и неприступным горам, подвергаясь всем непредвиденным случайностям скитальческой кочевой жизни, — взор его повсюду поражается величием и грандиозностью девственной природы, еще не искаженной и не тронутой рукой человека. Это величие его давит и устрашает, он чувствует перед ним всю свою мизерность и все свое ничтожество. Присоедините к этому частые бедствия в виде пожаров, наводнений, болезней, эпидемий и т. п., которые постоянно преследуют бедных и невежественных дикарей, и вы легко себе представите....

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья «Очерки из истории рационализма» печатается в рукописи, сохранившейся в архиве III Отделения и находящейся в настоящее время в Архиве революции и внешней политики в Москве. Рукопись эта была отобрана у Ткачева в числе других его бумаг во время обыска, произведенного у него жандармами в 1866 г. после покушения Каракозова. Определить точно время, когда статья эта была написана Ткачевым, трудно: по всей вероятности она относится к 1865 году. У Ткачева был довольно широкий замысел: он намеревался в ряде статей проследить смену религиозного миросозерцания средних веков свободомыслием нового времени и выяснить причины, под влиянием которых свободная мысль вышла победительницей из борьбы с католической догматикой. Выполнить этот замысел Ткачеву не удалось. Им была написана только первая статья, в которой он устанавливал основные причины смены миросозерцаний. Следующие статьи, в которых он намеревался проследить, как человеческий ум высвобождался из-под гнета католической догмы в сфере политики, нравственности, науки и искусства, остались ненаписанными. Сохранился только незаконченный отрывок, посвященный вопросу об эволюции человеческих взглядов на колдовство. Этот отрывок мы воспроизводим вслед за основной статьей.

[2] Ткачев имеет в виду поэму в прозе французского писателя Ф. Шатобриана (1768—1848) Les Martyrs» (1809), в которой изображаются гонения на крестьян в Риме в эпоху Диоклетиана.

[3] Намек на колонии, образованные в XVII в. в Парагвае, в испанских владениях, иезуитами. В этих колониях, представлявших собой изолированные от внешнего мира государства в государстве, прикрепленные к земле туземцы подвергались хищнической эксплоатации со стороны иезуитского ордена, в пользу которого они были обязаны отбывать барщину.

[4] Во избежание недоразумений, необходимо оговорить, что здесь и ниже термин «православный», обычно прилагаемый к восточной церкви в противоположность католической, Ткачев употребляет в смысле «правоверный», «ортодоксальный» и применяет его к католичеству.

[5] Андриенна Лекуврер — известная французская драматическая актриса XVIII в.— была отравлена своей соперницей.

[6] Филипп Пинель (1755—1822)—французский психиатр, автор трактата о душевных болезнях (1801), расцениваемого как первое серьезное научное сочинение по психиатрии.

ЗАПРЕЩЕННЫЕ и УНИЧТОЖЕННЫЕ КНИГИ В. В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО

Публикация Л. Добровольского

Кружок чайковцев, деятельность которого получила свое развитие с начала 70-х годов, делал попытки использовать легальные возможности для революционной пропаганды.

Одной из форм такой пропаганды было так называемое книжное дело. Оно заключалось главным образом в распространении в целях революционной пропаганды легальной литературы, для чего кружок чайковцев приобретал соответствующие издания, а впоследствии приступил и к самостоятельной издательской деятельности. «С этой целью, — пишет Л. Шишко,— кружок входил в сношения с некоторыми из петербургских издателей и брал у них на комиссию значительное количество экземпляров нужных ему изданий, а иногда и прямо покупал за полцены целые издания, как например у известного в то время либерального издателя Н. Полякова. Затем все эти издания распространялись кружком в Петербурге и провинциальных городах через посредство местных студенческих групп, а также среди политических ссыльных» [1]. К. Маркс («Капитал», «Гражданская война»), Лассаль (Сочинения, т. I), Ланжеле и Корье («История революции 18 марта», Лавров («Исторические письма»), Флеровский («Положение рабочего класса в России», «Азбука социальных наук») и другие авторы западноевропейской и русской социалистической и радикальной мысли получили широкое распространение в России благодаря кружку чайковцев.

Как только правительство заметило эту легально проводимую пропаганду, оно естественно постаралось ее парализовать и уничтожить. Судьба книг В. В. Берви-Флеровского — тому яркое доказательство.

Имя В. В. Берви-Флеровского как автора книги «Положение рабочего класса в России» пользовалось огромной популярностью в революционном подполье, кружках для самообразования и среди учащейся молодежи. Книга имела громадное пропагандистское значение. Об этой книге заговорила не только столичная, но и провинциальная периодическая печать России различных общественных группировок. «Положение рабочего класса в России» получило известность и за границей.

К. Маркс одним из первых оценил по достоинству работу Флеровского [2]. «Это первое произведение,— писал Маркс Энгельсу 10 февраля 1870 г.,— в котором сообщается правда об экономическом положении России» [3].

То агитационно-пропагандистское влияние, которое произведения Флеровского имели на революционеров-семидесятников, достаточно себе уясняло и правительство Александра II. Царская цензура весьма внимательно относилась к каждому произведению Флеровского и запрещала почти все, что им было написано в начале 70-х годов.

По поручению кружка чайковцев В. В. Берви-Флеровским были написаны в 1871—1872 гг. две книги: «Азбука социальных наук» и «Исследо-

вания по текущим вопросам», а также переработано для второго издания «Положение рабочего класса в России». Все эти книги, отпечатанные в 1871—1872 гг. в Петербурге, подверглись запрещению и уничтожению. Первое издание «Положения рабочего класса в России» было уже почти распродано, когда кружок чайковцев предложил В. В. Берви подготовить второе издание. «У меня было намерение, — пишет Берви-Флеровский [4], — превратить эту книгу в постоянно возобновляемый новейшими данными сборник сведений о положении рабочего класса, а потому, согласившись отдать им второе издание, я хотел сначала его переделать. А между тем я отдал им для напечатания готовую у меня книгу «Азбуку социальных наук». Я ценил «Азбуку» выше «Рабочего класса», так как я с нее начинал высказывать свое мировоззрение».

По окончании печатания на основании разрешения, полученного от С.-Петербургского цензурного комитета 24 сентября 1871 г., «Азбука социальных наук была сдана типографией Нусвальта в количестве 2490 экземпляров издателю Н. П. Полякову, который выступал в данном случае скорее как посредник между кружком чайковцев и типографией. Предвидя преследование со стороны властей, книгу выпустили анонимно. «Так как эта книга,— вспоминает Н. Чарушин [5],— свойствами благонамеренности не обладала, то можно было рассчитывать, что она, по обычаю, подвергнется опале. По этим соображениям кружок и сдал для продажи в магазин Черкасова и некоторые другие только сравнительно незначительную часть издания, а значительную разместил по различным складам и студенческим квартирам, рассчитывая, в случае конфискации книги в магазинах, распродать оставшуюся часть неофициальным порядком. И действительно опасения кружка скоро оправдались».

Появление «Азбуки социальных наук» вызвало тревогу в III Отделении. Шеф жандармов граф П. А. Шувалов сделал об этой книге 15 октября 1871 г. специальный доклад Александру II, в котором указал, что «книга эта как первое явственное осуществление программы русской ветви «Интернационального Общества» по издательской части приобретает особенное значение независимо от ее содержания». На полях доклада Александр II положил резолюцию: «Азбуку эту не следует допустить к продаже, о чем Мин. В. Д. сделать нужное распоряжение» [6]. 24 ноября 1871 г. С.-Петербургский цензурный комитет сделал соответствующее представление прокурору Петербургской судебной палаты, в котором дал следующую оценку книги:

«Означенное сочинение названо автором азбукою, потому вероятно, что он имел в виду изложить в нем лишь начальные основания социального устройства общества и систематически исследовать те общие социальные законы, по которым направлялась и должна направляться жизнь человечества. Хотя в исследовании своем автор заметно старается избегать таких резкостей, которые крайностью своею прямо бросались бы в глаза, и прибегает к известным литературным приемам замаскирования насколько возможно своей мысли, предоставляя проницательности читателя отгадывать точное ее значение, но это замаскирование оказывается столь поверхностным, что цель автора осуждать современный общественный порядок и проводить самые вредные учения в читающую публику оказывается несомненною.

Предосудительное содержание всего сочинения заключается в явном оспаривании признанных всеми благоустроенными государствами основных начал общественного устройства и порядка и в распространении вредных утопических идей какого-то иного общественного строя. Во всем сочинении ясно проходит намерение автора унизить достоинство и авторитет верховной власти, которая возникла, по его мнению, вследствие злоупотребления силы, представить религиозные верования, духовенство, войско, чиновников орудиями властолюбивых стремлений правительства, возбудить народ против высших сословий, обладающих или знатным именем или богатством, и представить его

№ 22

ПРОКУРОРА

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ.

ДѢЛО

О возбужденіи судебнаго преслѣдованія противъ автора книги „Изслѣдованія по текущимъ вопросамъ" Надворнаго Совѣтника Вильгельма Берви, за нарушеніе законовъ о печати

Начато 1 Апрѣля 1872 года.

Кончено 18 Іюля — 1872 года.

На двадцати трехъ листахъ.

ОБЛОЖКА ДЕЛА ПРОКУРОРА С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ «О ВОЗБУЖДЕНИИ СУДЕБНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРОТИВ АВТОРА КНИГИ «ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТЕКУЩИМ ВОПРОСАМ» НАДВОРНОГО СОВЕТНИКА ВИЛЬГЕЛЬМА БЕРВИ, ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОВ О ПЕЧАТИ»

Ленинградское отделение Центрархива

находящимся в безвыходном положении как в отношении материальном, так и нравственном. Состояние простого народа с самых древних времен до настоящей поры автор рисует самыми мрачными красками, представляя его постоянною игрушкою тех немногих сильных мира, которым удавалось захватить власть, и весьма недвусмысленно проводит мысль, что достижение возможного равенства одно в состоянии облегчить положение его. Как образцы благодетельных социальных движений автор приводит кровавые перевороты Китайской империи, в которых погибали и император, и высшие классы. Сверх того автор является врагом капитала, крупного землевладения и вообще богатства, осуждает некоторые стороны семейного быта и оспаривает рациональность наследственного права.

При изложении социальных законов, по которым направлялась жизнь человечества, составляющая историю мартирологии человечества, автор выводит на свет три фактора, составляющие, по его понятиям, постоянную преграду для общественного прогресса и всеобщего благополучия. Эти три враждебные для общества факторы суть — сила, богатство и формальная религия».

В заключение, С.-Петербургский цензурный комитет отметил «крайне вредную тенденциозность книги, проводящей целую доктрину новых социальных учений с видимой целью поколебать в обществе доверие к существующему ныне государственному и общественному строю и пропагандировать крайние социалистические учения» [7].

Однако Судебная палата не нашла повода для привлечения Берви-Флеровского к судебной ответственности, не видя в книге состава преступления. Такое решение Судебной палаты заставило III Отделение поставить перед Александром II вопрос о необходимости издания дополнительных узаконений, которыми на будущее время была бы устранена возможность появления и распространения подобных сочинений. 7 июня 1872 г. был утвержден Александром II закон, в силу которого преследование за проступки печати было изъято из ведения суда и передано Комитету министров.

Узнав от владельца типографии Нусвальта, что издателем «Азбуки» является Н. П. Поляков, С.-Петербургский цензурный комитет подверг его опросу. Поляков заявил, что 1690 экземпляров «Азбуки» он передал Н. В. Чайковскому, а остальные 1200 экземпляров сдал на комиссию в книжный магазин Черкесова и 200 экземпляров в книжный склад для иногородних. Однако прежде чем власти принялись конфисковать книгу, большинство экземпляров ее было распродано. При обыске в магазине Черкесова 1 ноября 1871 г. было отобрано 297 экземпляров «Азбуки». В магазине для иногородних не оказалось уже ни одного экземпляра. На квартире Н. В. Чайковского был найден 161 экземпляр, в библиотеке Черкесова (на Васильевском острове) было отобрано 4 экземпляра. При обысках в частных квартирах отобрано 127 экземпляров, в том числе у Д. А. Клеменца 50 экземпляров. Всего было арестовано 589 экземпляров, которые и были уничтожены 24 января 1873 г. на картонной фабрике Крылова [8]. Конфискация «Азбуки» довольно красочно описана самим Флеровским [9]: «...правительство схватилось за голову и кинулось арестовывать экземпляры в складе, который был сделан в лучшем тогда книжном магазине Черкесова. В магазине был сделан формальный обыск, но найдено было только пятьсот экземпляров [10], по большей части дефектов. Магазин был закрыт и вывешено объявление, что он закрывается по распоряжению Третьего отделения. Когда по обыкновению вся фешенебельная публика высыпала на Невский для прогулки и читала эту надпись, произошел громадный скандал... Бесчинство и безобразие Третьего отделения, — добавляет Флеровский,— возбудило всеобщее негодование, оно разыскивало книгу — которая продавалась открыто во всех магазинах, не была осуждена судом и которую конфисковать оно не имело никакого права,— так, как будто это подпольное издание преступного содержания». Главные участники издания «Азбуки», как Натансон, Чайковский и Клеменец, бы-

В. В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ
Фотография 1890-х гг.
Музей Революции СССР,
Москва

ли арестованы, но пострадал один лишь Натансон, непосредственно принимавший участие в издании и корректуре «Азбуки». В феврале 1872 г. дело Натансона было разрешено в административном порядке с высылкой под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию.

«Я спрашиваю всякого цивилизованного читателя,— пишет Флеровский,— какое политическое преступление можно совершить в историческом исследовании заблуждений общественного мнения у дикарей и в теократических и деспотических государствах Азии, Африки и Америки? О России и ее порядках не было сказано в книге ни единого слова и не было ни единого на нее намека» [11].

В своей краткой автобиографии Берви-Флеровский указывал, что им были написаны «для организации», т. е. для кружка чайковцев, еще две книги, и хотя они были вполне цензурными, но все-таки они были запрещены; «при этом, — добавляет Флеровский, — мне было объявлено, что все книги, которые я напишу для организации, будут запрещены» [12]. Одной из этих книг следует считать второе издание «Положения рабочего класса в России», другой — «Исследования по текущим вопросам». Последняя книга была напечатана без указания фамилии автора и издателя и до настоящего времени не была известна в литературе как принадлежащая Берви-Флеровскому. Предыдущие работы Флеровского — первое издание книги «По-

ложение рабочего класса в России» и «Азбука социальных наук» — успели получить распространение и тем самым — должную оценку читателей. Книга «Исследования по текущим вопросам» не получила распространения, так как подверглась аресту в типографии до выхода в свет, а затем была уничтожена по распоряжению правительства.

Любопытно отметить, что и сам В. В. Берви-Флеровский ни в своей краткой автобиографии, ни в воспоминаниях не упоминает об этой своей работе. Книга состоит из пяти глав: 1. Философское основание права на взимание податей. 2. Наша пресса и ее отношение к Нечаевскому делу. 3. Розги или картечь. 4. *** [О самоуправлении]. 5. Школа и умственное движение, их значение и современное состояние.

8 марта 1872 г. книга «Исследования по текущим вопросам» была представлена в С.-Петербургский цензурный комитет и дана на просмотр цензору Лебедеву, который нашел в книге нарушение законов о печати. 10 марта на все издание в количестве 2591 экз. был наложен арест в типографии Нусвальта.

Получив из типографии сведения, что автором книги «Исследования по текущим вопросам» является В. В. Берви, Цензурный комитет обратился 31 марта 1872 г. к прокурору Судебной палаты с представлением о возбуждении судебного преследования против автора. По мнению Цензурного комитета, «вся книга имеет явную цель разъяснять обществу значение современных явлений нашего государственного и общественного быта. При исполнении этой задачи автор опирается на такие начала, которые не согласны с основами нашего государственного строя, и приходит к выводам, находящимся в явном противоречии с заявленными видами и целями постановлений и распоряжений нашего правительства, вследствие чего предпринятые автором исследования текущих вопросов получают значение самой неблагонадежной и вредной агитации общественного мнения» [13].

Вместо Судебной палаты дело Берви было направлено в Комитет министров, куда по закону 7 июля 1872 г. перешли все судебные дела по преступлениям печати. Министр внутренних дел генерал-адъютант Тимашев в своем представлении в Комитет министров о книге «Исследования по текущим вопросам» писал:

«Сочинение это состоит из пяти статей, из которых три следующие представляются особенно вредными как проводящие идеи, противные существующему у нас и во всей Европе государственному и общественному строю, именно:

1. ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПРАВА НА ВЗИМАНИЕ ПОДАТЕЙ.

Главный предмет этой статьи есть разрешение вопроса: имеет ли государство право на взимание податей пропорционально состоянию каждого. Отрицая это право, автор называет его остатком древнего общества (когда источником всяких идей были не люди труда, а люди, жившие на счет труда), нарушением прирожденных прав человека, действием неприличным цивилизованному государству, не имеющим рационального основания, правом сильного (стр. 1—8), позором для науки, произволом правительственной власти (стр. 9—10). Пропорциональное состоянию каждого распределение податей имеет, по мнению автора, лишь тогда основание, если смотреть на государство как на компанию на акциях, но тогда государство обязано также пропорционально делить между всеми девиденды (стр. 11—12); из этого автор выводит заключение, что «государство и общество имеют право брать только то, что более полезно в их руках, чем в руках частных» (стр. 20). В вопросе о сборе податей, продолжает автор, вопрос идет не о тех, которые платят подати добровольно, а о тех, которые не хотят платить, «о праве принуждать к уплате; никто не имеет права принуждать платить только потому, что ему пришла такая фантазия,— это разбой. Дей-

По уставу русской ветви „Интернациональнаго Общества" найденному при одномъ обыскѣ въ Москвѣ, въ Мартѣ текущаго года, предположено между прочимъ образованіе обществъ или тайныхъ кружковъ для изданія сочиненій по политическимъ наукамъ.

На дняхъ въ Петербургѣ въ продажу поступила книга подъ заглавіемъ „Азбука соціальныхъ наукъ". На оберткѣ нѣтъ имени ни автора, ни издателя, а значится только, что книга напечатана — въ типографіи Ноевальдта.

Имѣются достовѣрныя свѣдѣнія, что „Азбука соціальныхъ наукъ" сочинена извѣстнымъ соціалистическимъ писателемъ Флеровскимъ (Берви), издана же она тайнымъ кружкомъ, образованнымъ изъ лицъ

РЕЗОЛЮЦИЯ АЛЕКСАНДРА II НА ДОКЛАДЕ III ОТДЕЛЕНИЯ ОБ «АЗБУКЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК» ФЛЕРОВСКОГО

Центрархив СССР, Москва

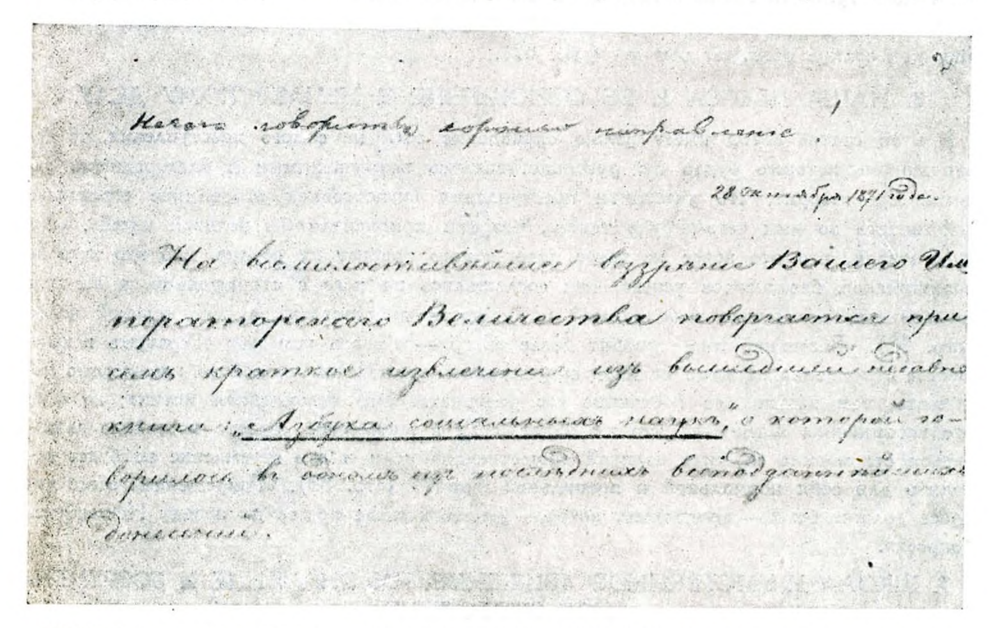
состоящихъ подъ постояннымъ наблю-
деніемъ 3го Отдѣленія Собственной Ва-
шего Императорскаго Величества
Канцеляріи. Тѣмъ книга эта, какъ
первое явственное осуществленіе про-
граммы русской секціи „Интернаціо-
нальнаго Общества" по издательской
части, пріобрѣтаетъ особенное значе-
ніе, независимо отъ ея содержанія.
Издатели предполагаютъ доставить
названному сочиненію возможно боль-
шее распространеніе въ средѣ молодежи,
для чего, отпечатавъ 2500 экземпляровъ
они его продаютъ молодымъ людямъ, пре-
[illegible] лицъ, со значительною уступ-
кою противъ магазинной цѣны.
Составляя объемистый томъ въ 500
страницъ, „Азбука соціальныхъ наукъ"
не могла еще быть просмотрѣна впол-
нѣ. Краткое извлеченіе изъ ея содержа-
нія будетъ представлено вслѣдъ за-
симъ на всемилостивѣйшее воззрѣніе
Вашего Императорскаго Величества.

15. Октября 1871

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ДОКЛАДА III ОТДЕЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРУ II ОБ «АЗБУКЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК» Н. ФЛЕРОВСКОГО
Центрархив СССР, Москва

ствие это основано на силе, а не на праве. Как скоро правительство или народ поймут свою ошибку, они обязаны ее исправить, а там, где правительство или народ считают себя в праве ошибаться, там люди живут не в государстве, а в разбойнической шайке» (стр. 21).

Развивая затем мысль о праве взимания податей на основании большой полезности имущества в руках государства, автор разъясняет, что если имущество и получает полезное употребление в руках государства, но если оно получает также полезное употребление и в руках частного лица, то государство не имеет права взять его, так как не государство, а частное лицо произвело это имущество своим трудом. «Имеет ли разбойник,— спрашивает автор,— право взять у частного лица имущество на том основании, что он даст ему полезное употребление? Если государство действует так, т. е. на том основании, что оно сильно, то его можно признать сильным разбойником, не



Нечего говорить, хорошее направление!

28 октября 1871 года.

На всемилостивейшее воззрение Вашего Императорского Величества повергается при сем краткое извлечение из вышедшей недавно книги „Азбука социальных наук“, о которой говорилось в одном из последних всеподданнейших донесений.

РЕЗОЛЮЦИЯ АЛЕКСАНДРА II НА ИЗВЛЕЧЕНИЯХ ИЗ «АЗБУКИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК» ФЛЕРОВСКОГО

Центрархив СССР, Москва

более» (стр. 27—28). «Чтобы государство имело право взять силою у частного лица имущество, его право должно быть лучше права частного лица, а оно ни в коем случае не может быть лучше, если имущество в руках частного лица получает такое же полезное употребление, как и в руках государства. Если имущество в моих руках удовлетворяет необходимой, а в руках государства только полезной потребности, то право взять с частного лица подать ни в коем случае не может существовать — это разбой».

Продолжая развивать ту же мысль, автор прибавляет: «чувства человеческие возмущаются, когда богатый начинает говорить о равенстве, о равном пропорциональном распределении. Как, крикнет ему чувство справедливости с невольным негодованием: вы первый враг равенства, как скоро речь зайдет о распределении благ земных, вы первый кричите, что не может быть равенства между людьми, а коль скоро дело идет о распределении тягостей, вы — защитник равенства и пропорциональности» (стр. 28—29). «Высшие классы, — добавляет автор, — не имеют интереса удержать государство от заносчивой политики и роскошных издержек. Если они кричат об экономии, то это в тех случаях, когда они желают захватить власть в свои руки, и лишь только это им удается, они начинают тратить более, чем прежде». Затем автор приводит примеры расточительности правительств и высших классов и не удивляется, что при такой

стачке бюджеты всюду в Европе возрастают несравненно быстрее, чем население и богатство» (стр. 39—42).

Переходя после этого к повинности военной, автор видит и в ней самую вопиющую и поразительную несправедливость. «Во-первых,— говорит он,— семейство богатого человека, отдавая своего члена в рекруты, в большей части случаев совершенно от этого не страдает, а для семейства бедного человека это сопряжено с самыми тяжкими лишениями» (стр. 45).

Изложив различные учения экономистов о податном вопросе и выставив учения эти ложными, автор заключает статью следующим рассуждением: «Мы видим, с одной стороны, довольство имущих классов финансовой системой, лежащей на них несравненно легче, чем на массе народа, и побуждающей их к заносчивой политике, в которой бесплодно тратится значительная часть сил общества, к политике, которая дала в Европе такое уродливо громадное развитие военному делу, какого не существовало с тех пор, как солнце освещает землю» (стр. 62).

2. НАША ПРЕССА И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К НЕЧАЕВСКОМУ ДЕЛУ.

В этой статье автор имеет целью оправдание если не самого преступления, то его виновников, которые будто бы руководствовались возвышенными и благородными целями. Он говорит, что участники преступления «чувствовали неодолимое стремление действовать во имя чего-нибудь такого, что они признавали бы великой идеей». «Все чувствовали, что это вовсе не такое дело, какого требует их сердце, что это дело не практическое, без шансов успеха, они соглашались на него с отвращением, и все-таки согласились, вследствие необходимой потребности действовать во имя великой цели» (стр. 78). «Возможно ли,— говорит далее автор,— убивать нам или сокращать в юношестве стремление служить великой общественной цели? Нам не только невозможно его убивать, нам необходимо постоянно его развивать. Это несомненная истина; но если это несомненная истина, то что же будет, если в юношестве будет постоянно развиваться стремление служить великой общественной цели и это стремление не будет находить для себя нормальной и правильной пищи?» (стр. 88). «Разрешением этого вопроса должна была,— продолжает автор,— заняться наша пресса по поводу Нечаевского вопроса».

3. ШКОЛА И УМСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ, ИХ ЗНАЧЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ.

Статья эта представляет посредством тенденциозно подобранных и ложно объясняемых фактов истории, как правители государств, высшее сословие, имущественный класс и духовенство старались из политических и эгоистических причин держать простой народ в невежестве, делая возможные препятствия к достижению им просвещения, в особенности к приобретению народными массами политического и социального образования. Факты эти так искусно подобраны и освещены, что при первом чтении четырех первых глав статьи кажется, будто автор старается доказать пользу образования вообще, пользу науки для государства и благосостояния общества. Но пятая глава открывает цель автора: довести читателя до убеждения, что Парижская коммуна есть идеал, до которого должны стремиться государства, наука и вообще просвещение.

Христианство и богословские науки автор выставляет началами обскурантизма, суеверия и упадка цивилизации, а революции — светлыми страницами в истории цивилизации, называя их умственным и передовым движением народов, возникшим в среде его вследствие возникновения новых идей.

Так автор между прочим говорит: «в государствах, которые думали возвышаться путем завоеваний, умышленно старались не возбуждать умственного движения в массах для того, чтобы тем легче управлять; правительство все свое внимание сосредоточивало на военном деле; оно старалось сделать из народа военную машину, которая тем сильнее способна была бы бить, чем менее в ней было разномыслия и чем более весь народ склонен был делаться послушным орудием. Но такая хитро придуманная политика оказалась одинаково несостоятельною, начиная от древнейших времен и до самых но-

АЗБУКА

СОЦІАЛЬНЫХЪ НАУКЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Типографія В. Несвальта, Литейная, № 13-9, в Деневере

1871.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ УНИЧТОЖЕННОЙ КНИГИ ФЛЕРОВСКОГО «АЗБУКА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК»

Публичная Библиотека, Ленинград

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПО

ТЕКУЩИМЪ ВОПРОСАМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Несвальта, Литейный просп. домъ Денфора № 13

1872.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ УНИЧТОЖЕННОЙ КНИГИ ФЛЕРОВСКОГО «ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТЕКУЩИМ ВОПРОСАМ»

Институт Книговедения, Ленинград

ПОЛОЖЕНІЕ

РАБОЧАГО КЛАССА

РОССІИ.

НАБЛЮДЕНІЯ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

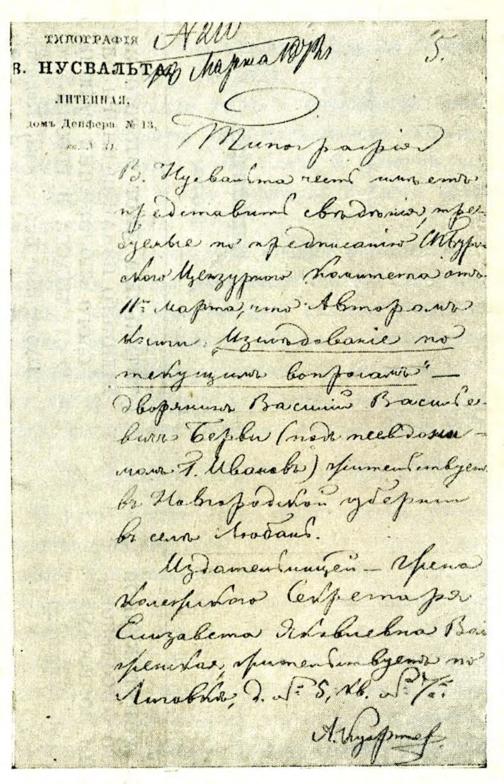
Н. Флеровскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ВТОРОГО ЗАПРЕЩЕННОГО ИЗДАНИЯ КНИГИ ФЛЕРОВСКОГО «ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ»

Публичная Библиотека, Ленинград


ТИПОГРАФІЯ
В. НУСВАЛЬТА
ЛИТЕЙНАЯ,
домъ Деффера № 13,
кв. № [illegible]

№ [illegible] 20 Марта 1872 г. 5.

Типографія В. Нусвальта честь имѣетъ представить свѣдѣнія, требуемые по предписанію С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета отъ 11 марта, что Авторомъ книги: «Изслѣдованіе по текущимъ вопросамъ» — дворянинъ Василій Васильевичъ Берви (подъ псевдонимомъ Г. Ивановъ) проживаетъ въ Новгородской губерніи въ селѣ Любани.

Издательницей — жена Коллежскаго Секретаря Елизавета Яковлевна Ва[illegible], проживаетъ по Лиговкѣ, д. № 5, кв. № 7.

А. [illegible]

СООБЩЕНИЕ ТИПОГРАФИИ В. НУСВАЛЬТА С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ ЦЕНЗУРНОМУ КОМИТЕТУ ОБ АВТОРЕ И ИЗДАТЕЛЕ КНИГИ «ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ТЕКУЩИМ ВОПРОСАМ»

Ленинградское отделение Центрархива

следних. Она погубила древних персов и турок, а в новейшее время ее придерживались Неаполь, Австрия и Россия» (стр. 122).

Выставляя французов передовым народом XVIII века, автор объясняет: «Во Франции передовое движение (т. е. революция) могло принять такие обширные размеры только потому, что новые идеи работали в головах всего народа, за исключением Вандеи» (стоявшей, как известно, за монархический принцип) «и некоторых частей южной Франции, где господствовала умственная неподвижность» (стр. 120).

Объяснив сообразно со своими воззрениями умственное движение в средние века, возникшее, несмотря на старание духовенства держать народ во мраке (стр. 129 и 130), автор проводит параллель между положением средневекового общества и положением русского общества в начале 1860 года.

«Кто помнит,— говорит он,— умственное движение наше в последней половине пятидесятых годов, тот может себе составить некоторое понятие о средневековом движении гуманизма. Оно точно так же веселило и возбуждало молодежь, обличая тупость тех, которые до тех пор держали ее в руках; оно точно так же энергически и остроумно проповедывало гуманное обращение; оно называло духовенство людьми мрака, обскурантами, оно породило и своего рода нигилизм, где рядом с истинно глубоким процветало поверхностно веселое, отчасти компрометировавшее прекрасную сторону нового дела. К несчастью все это умственное движение сосредотачивалось в небольшом кругу избранных; оно было бессильно и не имело никаких путей, чтобы проникнуть в народ. Именно потому, что оно не проникало в народ, оно слабо распространялось и в среде высшего сословия; на него нельзя было опираться для того, чтобы возвыситься: нужно было попрежнему пройти настоящую церковную школу или воспитываться при дворе государей и вельмож. Церковное направление, плодившее унижение и раболепие, и дворянское, плодившее придворное лакейство, попрежнему остались господствующими» (стр. 130).

Переходя к новейшему времени и возникновению в Париже Коммуны, автор свидетельствует: «в то время, когда Франция погрязла в жалком болоте крови, невежества

и грязных чувств, в одном Париже звучал голос истины, в одном Париже указывали народу единственный путь, которым можно было итти в его безвыходном положении». «Противопоставить им (т. е. стремлениям немцев) идею свободной жизни народов, при условиях свободной федерации, равносильных и притом таких слабых административных единиц, чтобы ни одна не могла навязывать себя или своей национальности или религии и мысли другим,—это была для французов не только самая правильная, но единственная политика, которой они могли держаться, чтобы найти союзников или по крайней мере погибнуть с достоинством. До какой степени эта политика была верная и единственно правильная, видно из того, что парижане нашли себе множество сочувствующих среди своих врагов, взявших Париж немцев». «Для Западной Европы возможны были только две идеи — идея Германской империи, желающей целый свет насильно сделать немцами, или идея Парижской коммуны, защищающей свободу народов... Идея дешевого управления, поднятая Коммуною, возбудила в Англии такое всеобщее сочувствие, что даже реакционные журналы проходили ее молчанием, опасаясь повредить себе опровержением. Коммуна в этом случае пошла не слишком далеко, если принять в соображение, что она имела только двухмиллионное население, что в Швейцарии глава республики получает 2 500 рублей жалования. Но европейцы со свойственною политически неразвитым людям грубостью мировоззрения, как обыкновенно с ними случается, стали кричать, что принципы Коммуны грозят опасностью свободе и собственности» (стр. 233—234).

По мнению автора, осуждение действий Коммуны отличается крайнею пристрастностью и, в доказательство несправедливых на нее нареканий, он приводит имена главных ее коноводов — Делеклюза, Флурана и других, выставляя их олицетворением честности и благородства (стр. 235—236). Противопоставляя этим деятелям Тьера, автор спрашивает: когда Робеспьер терроризировал Францию, чтобы возбудить в ней энергию, необходимую для защиты от ринувшихся на нее врагов, мир приходил в ужас, как же он должен смотреть теперь на Тьера, который разразился над Францией грозою никогда еще неслыханного и невиданного террора? С самого начала все пленные,

ВЫПИСКА ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОМИТЕТА МИНИСТРОВ О ЗАПРЕЩЕНИИ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ КНИГИ «ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ» ФЛЕРОВСКОГО

Ленинградское отделение Центрархива

сделанные[14] версальцами, убивались без исключения, а после взятия Парижа люди избивались и мучились десятками тысяч — терроризм Робеспьера в сравнении с этим был верхом нежного обращения. Гаррисон сравнивает Тьера с Альбою и Тилли. Тьер делал в Париже то же, что Марий и Сулла в Риме, что Надир-шах в Дели, Тамерлан в Испагании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принимая в соображение, что рассматриваемое сочинение опирается на такие начала, которые опровергают основания всякого государственного строя, подбирает и извращает исторические факты с целью выставить в самом бедственном состоянии большинство населения государств, возбуждает не только недоверие, но и ненависть к существующим государственным и общественным порядкам, к законам, правительству, высшим и имущественным сословиям, к существующим образам правления и христианству, оправдывает побуждения государственных преступников к революции и представляет Парижскую коммуну единственным путем к достижению благосостояния, а коневодов ее олицетворением честности и благородства.

Комитет министров в заседании 22 мая 1873 г. признал распространение этой книги «крайне вредным» и вынес постановление о воспрещении ее выпуска в свет. В виду такого решения Комитета министров 2566 экз. книги «Исследования по текущим вопросам» были уничтожены 22 июня 1873 г. на картонной фабрике Крылова»[15].

В том же 1872 году, через два месяца после отпечатания «Исследования по текущим вопросам», было представлено в С.-Петербургской цензурный комитет второе издание книги «Положение рабочего класса в России — наблюдения и исследования Н. Флеровского». На этот раз посредником между кружком чайковцев и типографией Сущинского в качестве фиктивного издателя был писатель Павел Владимирович Засодимский.

В предисловии ко второму изданию Флеровский между прочим отметил, что «хотя во втором издании и не сделаны все те изменения, которые

Протоколъ

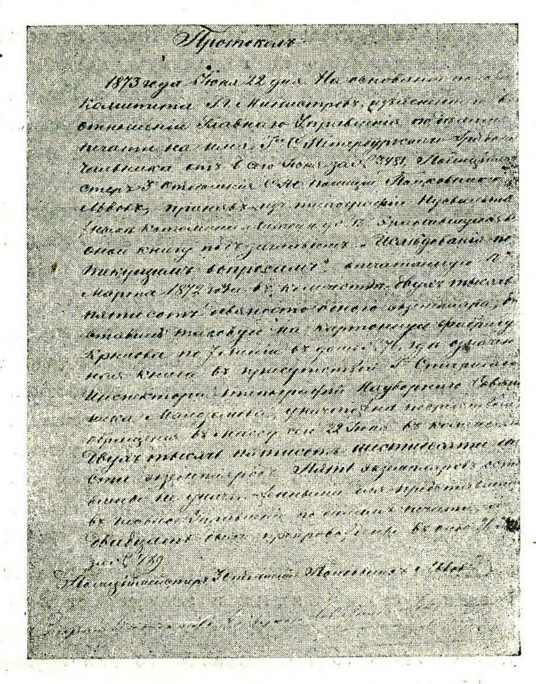
1873 года Генваря 24 дня. На основании положения Комитета Гг. Министровъ, изъясненнаго въ отношении Главнаго Управления по дѣламъ печати на имя С.Петербургскаго Оберъ Полицiймейстера отъ 31го Декабря 1872 года за № 5915, Полицiймейстеръ 5го Отделения Полковникъ Львовъ, принявъ изъ типографии Сущинскаго (Екатерининский каналъ д. № 168, [illegible] Части 2го Участка) хранившуюся въ оной книгу подъ заглавиемъ „Положеніе рабочаго класса въ Россіи, Наблюденія и изслѣдованія Флеровскаго. С.Петербургъ 1872 г.", отпечатанную 27го Мая 1872 года, бывшимъ Инспекторомъ типографий [illegible] въ количествѣ двухъ тысячъ четырехъ сотъ девяноста экземпляровъ, доставилъ таковую на картонную фабрику Крылова помещающуюся по 7 Линии Васильевскаго острова въ д. № 76, гдѣ таковая книга въ присутствии г. И. д. Старшаго Инспектора типографий Статскаго Советника Миллевича, уничтожена посредствомъ обращения въ массу сего 24 Генваря въ количествѣ двухъ тысячъ четырехъ сотъ шестидесяти пяти экземпляровъ. Пять экземпляровъ оставлены не уничтоженными для представления въ Главное Управление по дѣламъ печати, а двадцать были представлены въ оное, въ следствие отношения отъ 2го Декабря прошлаго года за № 5764.

С.Петербургский Полицiймейстеръ 5го Отделения Полковникъ Львовъ

И. д. Старшаго Инспектора типографий [signature]

ПРОТОКОЛ УНИЧТОЖЕНИЯ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ КНИГИ ФЛЕРОВСКОГО «ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ»

Ленинградское отделение Центрархива



Протокол

1873 года Июля 22 дня.

ПРОТОКОЛ УНИЧТОЖЕНИЯ КНИГИ ФЛЕРОВСКОГО «ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТЕКУЩИМ ВОПРОСАМ»

Ленинградское отделение Центрархива

можно было бы сделать при более благоприятных условиях, однако же их сделано достаточно для того, чтобы читатель получил осязательное доказательство, что истины, которые доказываются в этой книге, оправдываются материалом, взятым не случайно и обработанным другими с целями совершенно иного рода». Кроме того автор «сделал новые выводы на основании данных новейшего происхождения». Книга распадается на три части, как и в первом издании, из которых первая трактует о работнике северной России, вторая — о работнике земледельческой России и третья — о работнике промышленной России. В заключительной части книги помещены те общие, основанные на новых данных выводы, о которых Флеровский упоминает в предисловии. 20 мая 1872 г., книга была представлена в С.-Петербургский цензурный комитет и дана на просмотр цензору Н. Ратынскому, а 22 мая «в виду вредного содержания книги» С.-Петербургский цензурный комитет сделал распоряжение о наложении на нее ареста, но не успел передать дела прокурорскому надзору о судебном преследовании автора, как был опубликован закон 7 июня 1872 г. и дело о книге «Положение рабочего класса в России» было передано на разрешение Комитета министров.

В своем представлении в Комитет министров 7 декабря 1872 г. министр внутренних дел, генерал-адъютант Тимашев подробно остановился на содержании книги и дал ей следующую оценку:

«Содержание книги составляют личные наблюдения автора над бытом рабочих во время поездок, совершонных им с этой целью... Для подкрепления своих рассуждений и выводов он ссылается на статистические цифры, заимствованные преимущественно из Военно-статистического сборника... Положение рабочих изображено в книге самыми мрачными красками, они выставляются жертвами эксплоатации хозяев-капиталистов, поземельных собственников, а также казны — там, где заводы казенные. Как противоположность такому «убийственно-тяжелому» положению работников рисуется картинка жизни и быта их хозяев и поземельных собственников. Сии последние представляются погрязшими в роскоши и разврате тунеядцами, живущими на счет закабаленных ими

рабочих, изнурительный труд которых не вознаграждается даже настолько, чтобы они имели возможность на получаемую плату пропитывать своих детей. Причину такого ужасного положения рабочего класса в России автор находит не в каких-либо временных неустройствах и случайных злоупотреблениях, а в самом современном экономическом строе, в неравенстве прав капитала и труда и наконец в системе личного землевладения.

Для выхода из этой страшной экономической и общественной неурядицы автор указывает на средства, которые распадаются на два вида, соответственно двум главным сферам экономической деятельности — сфере промышленной и фабричной и сфере поземельных отношений или земледельческой.

Относительно первой он говорит: «...капиталист дает свой капитал, работник — свой труд, произведение есть плод общих их усилий. Работник не должен отказываться от прав своих на него ради жалкой заработной платы. В настоящее время капиталист дает свой капитал и комфортабельно остается дома, покуривая сигару; работник дает свою работу и подвергается всем тягостям и неприятностям сурового труда, следовательно долг каждого человека делать все, что от него зависит, чтобы общее произведение капиталиста и работника не принадлежало только одному из них и притом тому, который принес всего менее жертв, т. е. капиталисту» (стр. 319)...

Отсюда автор делает вывод, что капиталист и работники должны быть товарищами предприятия и получать от него прибыль по определенной норме, которую он исчисляет следующим образом: все барыши оставляет рабочим, а капиталисту уделяет лишь 15% с затраченного для предприятия капитала.

«Но почему же,— говорит он,— барыши от промышленного предприятия должны сполна принадлежать рабочим, а капиталисту только проценты с капитала? Причина ясна: капиталисты не работают, они только страхуют промышленные предприятия имеющимися в руках их действительными ценностями»... «Не в десять ли раз справедливее отдавать барыши тому, кто подвергается всем тягостям сурового труда, чем тому, кто спокойно и комфортабельно сидит в своем кабинете и только дает свой капитал».

Что касается экономических отношений в сфере земледельческой деятельности, то автор считает величайшим злом существующую во всем образованном мире систему личной собственности: он нападает на нее в самых резких и страстных выражениях. Так, упоминая о замечаемом будто бы у нас в России стремлении образованных классов к развитию личного землевладения в ущерб общинному, он говодит: «Цель тут одна: сосать землевладельцев, сосать всех нас — русский народ. Мы все — русский народ во всем его составе — попадем в руки горсти людей, которые будут помыкать нами, как им угодно, и будут иметь возможность заморить нас голодом, если им это понравится» (стр. 517), и далее: «...явления экономической жизни на Западе показывают нам, что единственно нормальное отношение к земле имеет место только тогда, когда она находится во владении землевладельца, обрабатывающего ее исключительно собственными своими руками» (стр. 421).

Воззрения автора на этот предмет резюмируются им в следующей фразе, напечатанной в заключении на стр. 523: «Пока вся земля будет предметом собственности, до тех пор будет существовать и крупная и мелкая собственность, произвести самое выгодное экономическое положение можно только при всеобщем распространении безоброчного общинного владения; только тогда возможно рациональное и наиболее соответственное самым выгодным хозяйственным условиям распределение земель»... «Итак, вот цель, к которой мы должны стремиться».

Таким образом окончательный вывод книги относительно поземельных отношений есть необходимость аграрного переворота! Вообще основной мыслью о несостоятельности и вреде ныне существующих экономических начал проникнуто все сочинение Флеровского (Берви), но особенно яркое выражение этого направления, кроме выписанных мест, встречается на страницах: 40, 52, 53, 54, 70, 74, 76, 131, 217, 233—244, 315—322, 325, 326, 329—331, 339, 347, 355, 383, 384, 390, 391, 402, 425, 476, 477, 506, 507, 517, 519, 521, 523, 524, 527, 528 и 529.

Дух крайнего социализма, которым она проникнута, и самая страстность и резкость изложения придают этому сочинению характер скорее революционного памфлета, чем серьезного трактата о предметах политической экономии. Все приведенные в книге статистические данные, все рассуждения и выводы, в ней заключающиеся, имеют очевидно целью, во-первых, подорвать уважение как к системе личного владения, охраняемой нашими законами, так и вообще к экономическим началам, принятым во всех благоустроенных государствах, и, во-вторых, возбудить ненависть одного класса граждан — работников и земледельцев к другому — капиталистам и поземельным собственникам.

Вред этой книги еще усиливается, если принять в соображение, что она есть оригинальное русское сочинение, имеющее предметом своим исключительно Россию, и что в подкрепление превратных учений, в ней изложенных, приводятся данные из официальных изданий, каков Военно-статистический сборник; это обстоятельство может соблазнить неопытных читателей, не знающих, как легко для предвзятой цели играть статистическими цифрами...»

Комитет министров в заседании 19 декабря 1872 г. нашел, что второе издание книги «Положение рабочего класса в России» «как в общем направлении, так и в отдельных суждениях автора об экономическом положении рабочего класса вообще, об отношениях рабочих к капиталистам и землевладельцам и о тех мерах, кои могли бы служить средствами к изменению существующего в экономическом строе порядка, проникнута учением крайнего социализма». Комитет министров признал распространение рассматриваемой книги «крайне вредным» и постановил выпуск ее в свет воспретить.

24 января 1873 г. 2465 экз. книги «Положение рабочего класса в России» подверглись уничтожению на картонной фабрике Крылова «посредством обращения в массу» [16].

Вынужденный цензурой оставить вопросы экономического и правового порядка, Флеровский сосредоточивается на разработке вопросов этики и философии.

В 1878 г. выходит его книга «Философия бессознательного, дарвинизм и реальная истина», содержащая критику философии Гартмана. Эта книга также имела свою цензурную историю, будучи арестована до выхода.

С.-Петербургский цензурный комитет признал книгу вредной «в виду крайнего материалистического направления, которое в конечном выводе приводит к отрицанию всякого авторитета религиозного и политического и к признанию нравственности, выражающейся только в идее «общего блага» [17]. Особое внимание цензуры обратила на себя вторая половина сочинения, особенно главы с IX по XIV.

В своем представлении в Комитет министров 15 марта 1879 г. министр внутр. дел Л. С. Маков отметил, что «вся эта половина сочинения, как распространяющая идеи материализма и притом доведенная до крайности, вполне нецензурна, а с нею вместе и предыдущая половина, как служащая только подготовлением ко второй и объясняемая этой последней. Идеализм, который кажется при первоначальном чтении господствует в первых главах (I — VII) сочинения, есть не что иное, как терминология, принятая автором, терминология, объясняющаяся в последующих главах... Материализм доведен автором до такой крайности, что Гартман и Дарвин кажутся ему идеалистами во многих их положениях, особенно Гартман, которого автор критикует как мыслителя, не устоявшего на почве наблюдений и впадающего ошибочно в идеализм» [18].

Однако Комитет министров не нашел нужным запретить эту книгу Флеровского [19], и она беспрепятственно вышла в свет.

Такова была судьба четвертой книги В. В. Берви-Флеровского.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Л. Э. Шишко, Собрание сочинений, т. IV, Статьи по истории русской общественности. П., 1918, стр. 140—141.

[2] Л. Б. Каменев, Маркс о Флеровском. «Литературное Наследство» 1932, № 2, стр. 55—60.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV. М. 1931, стр. 186.

[4] «Три политических системы». Воспоминания Н. Флеровского. Лондон, 1897, стр. 270.

[5] Н. Чарушин, О далеком прошлом. М., 1926, стр. 81.

[6] Дело № 185, 3 экспед. Д. Е. В. от 25 октября 1871 г. В книге О. В. Аптекмана, Василий Васильевич Берви-Флеровский. Изд. «Колос». Л., 1925 г., на стр. 60—61 этот документ приведен не точно.

[7] Дело Канцелярии Главного Управления по делам печати 1871 г., № 155.

[8] Дело Канц. Главн. Упр. по делам печати 1871 г., № 155.

[9] «Три политических системы». Воспоминания Н. Флеровского. Лондон, 1897, стр. 272.

[10] Цифра, приводимая Флеровским, не сходится с вышеприведенными официальными данными.

[11] «Три политических системы». Воспоминания Н. Флеровского. Лондон, 1897, стр. 274.

[12] «Русская Мысль» 1905, кн. 5, стр. 142.

[13] Дело С.-Петербургского Цензурного комитета 1872 г., № 39.

[14] Так написано в подлиннике.

[15] Дело Канц. Главн. Упр. по делам печати 1872 г., № 65.

[16] Дело Канц. Главн. Упр. по делам печати 1872 г., № 125.

[17] Дело С.-Петербургского Цензурного комитета 1878 г., № 75.

[18] Дело Канц. Главн. Упр. по делам печати 1878 г., № 75.

[19] Министр внутренних дел Л. С. Маков на препроводительной записке управляющего делами Комитета министров, при которой возвращались ему экземпляры книги «Философия бессознательного», написал карандашом: «По обсуждении этого дела выяснилось, что все члены Комитета признали возможным выпустить эту книгу, вследствие этого я не признал удобным оставаться одному при отдельном мнении».

ИЗ НЕИЗДАННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА Н. Е. ФЕДОСЕЕВА

Предисловие В. Адоратского
Примечания К. Сидорова

О ПИСЬМАХ Н. Е. ФЕДОСЕЕВА К Н. МИХАЙЛОВСКОМУ *

Письма Н. Е. Федосеева, печатающиеся здесь, представляют громадный интерес и теоретический, и исторический. Это как раз письма того именно марксиста, с которым полемизировал Н. Михайловский в «Русском Богатстве». Первое письмо, написанное в ноябре 1893 г., Н. Михайловский цитировал в январской книжке «Русского Богатства» за 1894 г. В царской России легально такие письма конечно не могли быть напечатаны. Теперь они печатаются наконец полностью, почти сорок лет спустя после того, как они были написаны.

Н. Е. Федосеев был, по словам Ленина, «одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению». Он был выдающимся деятелем, умевшим сочетать революционную теорию с революционной практикой, без чего не может быть марксизма, а бывает струвизм, брентанизм, каутскианство и т. п. оппортунистическое извращение марксизма, ничего общего с подлинным марксизмом не имеющее.

Выдвигая центральным пунктом всех программных требований социализм, Федосеев дает характеристику основных задач, поставленных революционным марксизмом, и условий их осуществления; гегемония пролетариата, руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству, диктатура пролетариата, уничтожение классов, создание бесклассового общества на основе развития крупного машинного социалистического производства, международный характер движения.

Для современного читателя иногда могут показаться странными устарелые, а иногда и не вполне правильные выражения и формулировки, встречающиеся местами в письмах. Например Федосеев называет марксистскую теорию «позитивной формулой прогресса», выражение, обычное у писателей-народников 70—80-х годов; употребляет, вслед за Михайловским, неправильный термин «экономический материализм», не давая ему отпора, как это сделал Ленин в «Что такое друзья народа?» (см. Соч., т. I, стр. 70), так как такое название исторической теории неправильно суживает, а потому и извращает историческую теорию Маркса — исторический материализм; в одном месте говорится, что «психология, как и физиология и т. п. науки, не имеют классового характера»; при ссылке на буржуазных историков типа Гиббинса и Эшли не дается их критика. Такие места нельзя не отметить, как неудачные. Но в основном установка писем правильная. Развиваемые в них взгляды не оставляют никаких сомнений в том, что их писал революционер и материалист. В письмах и подчеркнут классовый характер теории отчетливо и ярко; выдвинута историческая задача пролетариата «как авангарда революционной армии». Федосеев дает например такую формулировку задач рабочего класса: «Овладение рабочим классом орудиями и средствами обобществленного про-

---

* Письма Н. Е. Федосеева к Н. К. Михайловскому, предоставленные Институтом Маркса-Энгельса-Ленина, печатаются одновременно в № 1 «Пролетарской Революции» 1933 г. Предисловие В. В. Адоратского и примечания К. С. Сидорова печатаются с разрешения редакции «Пролетарской Революции».

изводства; уничтожение социальных классов; уничтожение государственной власти (которой все-таки в качестве «диктатуры пролетариата» в той или иной форме будет принадлежать роль повивальной бабки при появлении на свет нового общественного строя); объединение пролетариата всего мира». Таковы, согласно формулировке Федосеева, «важнейшие из законов, установленных научным социализмом».

Подробных биографических данных о Н. Е. Федосееве не сохранилось. Личная жизнь сложилась для него трагически, и, не видя выхода, он кончил самоубийством. Но те немногие данные, которые дошли до нас, характеризуют его как выдающегося представителя марксистского направления в России в период его зарождения.

Н. Е. Федосеев родился в 1871 г. Начав свою деятельность со школьной скамьи в г. Казани, Федосеев вскоре подвергается преследованию полиции и исключается из гимназии. Он продолжает руководить деятельностью революционных кружков, в одном из которых участвует и Ленин. В августе 1889 г. он арестовывается, а затем следуют скитания его по тюрьмам и ссылкам во Владимире, Сольвычегодске и Верхоленске, где в июне 1898 г. трагически обрывается его жизнь из-за гнусных интриг против него со стороны части ссыльных.

До сих пор не разыскан ряд объемистых литературных трудов Н. Е. Федосеева. Самый ценный труд Н. Е. Федосеева — работа, посвященная вопросу падения крепостного права в России, — повидимому безвозвратно погиб. Также до сих пор не были известны и публикуемые здесь письма к Михайловскому, по поводу которых и установилась регулярная переписка Ленина с Федосеевым.

Эту связь с Федосеевым Ленин продолжал поддерживать до конца его жизни, предприняв с товарищами по ссылке ряд шагов по постановке ему памятника.

При издании Испартом в 1922 г. сборника о Федосееве Ленин написал специальную заметку о нем, где в следующих строках подчеркивал то выдающееся значение, которое имел Федосеев: «Для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера» (см. Соч., т. XXV, стр. 337).

В. Адоратский

I. [ПИСЬМА Н. Е. ФЕДОСЕЕВА К Н. МИХАЙЛОВСКОМУ]

1

Владимир Губ[ернский] 8 ноября [1893 г.]

Милостивый государь, Николай Константинович! Я решил написать Вам нижеследующие строки под живым впечатлением от только что прочитанного мною Вашего очерка в октябрьской книжке «Русск[ого] Богатства». Я желал бы высказать Вам мое глубокое удивление относительно затемнения и искажения Вами одного обстоятельства...

Собственно писать Вам это частное письмо, — я должен сказать это откровенно,— мне неприятно после того, как Вы (в рецензии на «Судьбы капитализма» в Отеч[ественных] Зап[исках] за 1883 г.) высказали свое мнение о «русских марксистах» в таких «нелитературных» выражениях [1].

С тех пор много воды утекло, и Вы, если не ошибаюсь, в минувшем году опять вернулись к «марксистам», но ведете к ним речь уже в приличных выражениях,— к этому, мне думается, были внешние побудительные обстоятельства (какие — здесь говорить не место), а совсем не то, чтоб Вы изменили свое мнение о «русских марксистах» и сознали необходимость отнестись к ним добросовестнее...

Но многое высказанное Вами в последнем очерке заставило меня побороть свое неприятное чувство, возникающее при личном частном обращении к Вам.

Итак, видите, я — «русский марксист» и, притом, оскорбленный Вами! [2]

Владиміръ Губ.

8 ноября

Милостивый Государь, Николай Константиновичъ!

Я рѣшилъ написать Вамъ нижеслѣдующія строки подъ живымъ впечатлѣніемъ отъ только-что прочитаннаго мною Вашего очерка в октябрьской книжкѣ „Русск. Богатства".

Я желалъ бы высказать Вамъ мое глубокое удивленіе относительно замалчиванія и искаженія Вами одного обстоятельства...

Собственно писать Вамъ это частное письмо, — я вынужденъ сказать это откровенно, — мнѣ непріятно, послѣ того, какъ Вы (въ рецензіи на „Судьбы капитализма" въ Отеч. Зап. за 1883) высказали свое мнѣніе о „русскихъ марксистахъ" въ такихъ „нелитературныхъ" выраженіяхъ.

Съ тѣхъ поръ много воды утекло, — и Вы, — если не ошибаюсь, в минувшемъ

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА Н. Е. ФЕДОСЕЕВА К Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ ОТ 8 НОЯБРЯ 1893 г.

Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

В последнем этюде Вы говорите, что «в общем совершенно разделяете мнения г. В. В. насчет русских марксистов». Это единственный предмет, где Вы сходитесь с В. В.[3]

Вы утверждаете перед Вашими читателями, что русские «марксисты прямо настаивают на необходимости разрушить нашу экономическую организацию, обеспечивающую трудящемуся самостоятельное положение в производстве»[4].

От каких это русских марксистов Вы слышали или где в их произведениях читали, что они прямо или даже косвенно настаивают на лишении хозяйственной самостоятельности работника (крестьянина и кустаря)?! Несколько ниже Вы сами стараетесь вразумить г. В. В., что «процесс, которого г. В. В. ждет в более или менее отдаленном будущем, в зависимости от «каких-то прогрессивных подвигов интеллигенции», происходит сейчас, перед его глазами...» Этот процесс заключается в том, что масса крестьянства «раскрестьянивается», «что крестьянское хозяйство уже в течение многих лет падает, что деревня раскалывается на два слоя, выделяя богатых кулаков, держащих под своей грубой пятой остальное население деревни, что это последнее утрачивает «самостоятельное положение в производстве».

Следовательно, при чем же тут, в этом процессе, «прямое настаивание» марксистов на лишении крестьянина и кустаря хозяйственной самостоятельности в производстве?

Если на Руси уже налицо пролетариат и буржуазия, то этот факт неизбежно должен был вызвать к жизни марксистов. Следовательно русский пролетариат и русские марксисты — явления одинаково реальные и появление первого вызвало появление вторых, а совсем не наоборот.

При существующих исторических условиях антагонистическое отношение пролетариата к буржуазии не выражается в непосредственной форме классовой борьбы, встречая на этом пути препятствие в некоторых существующих общественных формах... Но сущность дела от этого нисколько не изменяется: для марксистов вполне ясно, что борьба пролетариата против буржуазии не может иметь (в настоящий момент) характера, так сказать, непосредственной политической борьбы — это с каждым годом становится яснее и пролетариям. Следовательно, отношения пролетариата к буржуазии на Руси сложнее: сложнее, поэтому, и задачи, которые он должен поставить себе для ближайшего разрешения. В этом существенное различие деятельности «русских марксистов» от деятельности западноевропейских и американских социал-демократов.

Русские марксисты стремятся стать социал-демократами; они не достигнут этого, не произведя существенного изменения в политическом смысле... А в этом случае Вы могли бы обнаружить большую общность цели у себя с марксистами, нежели с г. Пыпиным...[5]

Быть может думают, что марксисты русские «мнят себя титанами», предполагают стяжать себе лавры среди более густых рядов пролетариата, чем теперь, и именно в этих видах «прямо настаивают» на экспроприации крестьян и кустарей. Такое убеждение «печально и даже неосновательно», если его высказывают люди, подобные Вам! Не только марксистам хорошо известен факт, что около 5 млн. взрослых рабочих на Руси не имеют и не могут найти работы, т. е. составляют громадную армию «незанятого пролетариата», это раскрестьянившиеся крестьяне наполняют города «в поисках за работой и зачастую находят там вместо работы голодный тиф, холеру» и тюрьму.

В настоящий момент первоначального капиталистического накопления, когда индустриальный капитализм только что организуется, а капитал

въ томъ, что масса крестьянства „раскрестьянивается":
крестьянское хозяйство уже въ теченіе многихъ лѣтъ
падаетъ; деревня раскалывается на два слоя,
выдѣляя богатыхъ кулаковъ, держащихъ подъ
своей пятой остальное населеніе деревни; это
послѣднее утрачиваетъ „самостоятельное по-
ложеніе въ производствѣ".

Слѣдовательно, причемъ уже тутъ, въ этомъ
процессѣ, „прямое настаиванье" марксис-
товъ на лишеніи крестьянина и кустаря
хозяйственной самостоятельности въ произ-
водствѣ?

Если на Руси уже на лицо пролетаріатъ
и буржуазія, то этотъ фактъ неизбѣжно
долженъ былъ вызвать къ жизни марксис-
товъ. Слѣдовательно, русскій пролетаріатъ
и русскіе марксисты — явленія одинаково
реальныя и появленіе перваго вызвало
появленіе вторыхъ, а совсѣмъ не наоборотъ.
— При существующихъ историческихъ условіяхъ ан-
тагонистическое отношеніе пролета-

ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА Н. Е. ФЕДОСЕЕВА К Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ
ОТ 8 НОЯБРЯ 1893 г.

Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

орудует главным образом на поприще обмена—экспроприируемому в огромных массах сельскому населению предстоит не «в фабричном котле вывариться», а погибнуть от голода и болезней. Это хорошо известно русским марксистам.

А Вы предполагаете, что мы, русские марксисты, спокойно и даже радостно взираем на эти ужасы, что мы даже прямо настаиваем на дальнейшем разорении деревни...

Помилуйте!.. Это Вам просто кажется (извините!) вследствие недостаточного знакомства с научным социализмом вообще и русской социал-демокр[атической] (марксистской) литературой в частности, что будто мы, русские марксисты, неизбежно должны, если хотим остаться верны нашей западной теории, думать и стремиться к этому...

Я могу уверить Вас за себя и — без уполномочия — за большинство моих товарищей, считающих себя адептами марксизма, что нас до глубины души возмущает подобное... обвинение, основанное у Вас на непонимании нашей идеи. Мы, идеологи трудящегося класса, и в качестве марксистов особенно, всеми нашими собственными силами и силами той фракции, интересы которой мы пытаемся выразить и защитить, будем стремиться к тому, чтобы уменьшить ряды безработного пролетариата посредством превращения членов его (босяков), насколько это будет возможно, в самостоятельных хозяев и будем высказываться за то, чтобы неизбежный (при современных исторических условиях) процесс разорения деревни был хотя бы ослаблен.

Марксисты предполагают, что процесс исчезновения крестьянского хозяйства все-таки будет совершаться, пока базисом его будет индивидуальный труд, что капитализму и на Руси предстоит выполнить ту же историческую миссию, какую он выполняет на Западе.

И в этом между марксистами и Вами — все разногласие, но исключительно теоретического характера.

Может быть марксисты ошибаются; может быть те практические меры, которые будут приняты для улучшения крестьянского хозяйства, совершенно остановят или даже замедлят дальнейшее развитие капитализма, в таком случае окажется, повторяю, что марксисты ошиблись. Но это покажет только дальнейшая эволюция социальных отношений. А пока ничто не заставляет марксистов думать, что они ошибаются. Базисом для деятельности марксистов служат развивающиеся материальные условия производства, поэтому между марксистами и Вами не может быть разногласий в настоящих, ближайших практических задачах.

Где же источник Вашей уверенности, что марксисты радуются разорению деревни, и убеждения, что они должны прямо настаивать на этом разорении?

Я уверен, что Вы не могли сказать этого, основываясь на фразе Н. И. Зибера: «Из русского мужика не выйдет никакого толку, пока он не выварится в фабричном котле»[6].

Эта фраза, очевидно — теоретическое предположение, основанное на твердом убеждении, что при известных общественных отношениях, при существовавших на Руси общественных силах, в результате бедствия которых совершилась реформа 19 февр[аля] со всеми ее экономическими и проч[ими] последствиями, — что при этих отношениях и силах Россия обязательно пройдет через стадию капитализма (т. е. частновладельч[еских] капиталистич[еских] форм), следовательно «русский мужик выварится в фабричном котле» и из него тогда только выйдет известный толк, в смысле, который придавал этому слову Н. И. Зибер.

Мой адресъ: Владимiръ губ. Марiи Германовнѣ
Т-въ Гофденгаузъ. До востребованiя. —

тив молодежи, отправлявшейся в деревню
„кормить крестьянъ"; оренбургскiе марксис-
сты утверждали, что кормить кр-нъ значитъ
„препятствовать процессу созданiя капитализ-
ма". Я склоненъ думать, что подобный аб-
сурдъ далъ Вамъ поводъ утверждать „русскихъ
марксистовъ" въ „разграбленiи накопленiй"...
Но я не могу допустить ~~[illegible]~~ предположенiя,
что такой развитой и умный человѣкъ, какъ
Вы, изъ-за оренбургск. студентовъ и какихъ
бы то ни было другихъ лицъ, именующихъ себя
„марксистами" — сталъ бы распространять
вообще на русскiй марксизмъ, будто бы [illegible]-
но приводящiй своихъ адептовъ къ подобнымъ
преступнымъ мыслямъ.

Въ заключенiе я желалъ бы, что бы при даль-
нѣйшемъ ~~[illegible]~~ изложенiи Вашего мнѣнiя
о марксистахъ было бы указанiе на то, что
взглядъ на русскую дѣйствительность, вы-
сказанный Марксомъ и Энгельсомъ в 1883 г.,
существенно измѣнился у Энгельса, про что
было [illegible] въ „Россiи" [illegible]
въ Neue Zeit — 1892 г. — Остаюсь съ глубочайшимъ уваженiемъ
къ Вамъ Н. Ф.

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА Н. Е. ФЕДОСЕЕВА К Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ
ОТ 8 НОЯБРЯ 1893 г.

Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

Н. И. Зибер во многом оказался прав... Еще менее дает повод к цитированному выше Вашему утверждению новейшая русская социал-демокр[атическая] (марксистская) литература... Но дыму без огня не бывает. Мне самому известен следующий факт. «Оренбургские» марксисты, как я слышал, разражались гневом против молодежи, отправлявшейся в деревню «кормить крестьян», оренбургские марксисты убеждали, что кормить кр[естья]н — значит «препятствовать процессу созидания капитализма». Я склонен думать, что подобный же абсурд дал Вам повод отождествить «русских марксистов» с «рыцарями накопления»...

Но я не могу допустить предположения, что такой развитой и умный человек, как Вы, глупости оренбургск[их] студентов и каких бы то ни было других лиц, именующих себя «марксистами», стали бы распространять вообще на русский марксизм, будто бы неизбежно приводящий своих адептов к подобным преступным мыслям [7].

В заключение я желал бы, чтоб при дальнейшем изложении Вашего мнения о марксистах было указание на то, что взгляд на русскую действительность, высказанный Марксом и Энгельсом в 1883 г., существенно изменился у Энгельса при его ближайшем знакомстве с Россией (его статья в «Neue Zeit» 1892 г.) [8]. — Остаюсь с полнейшим уважением к Вам

Н. Ф[едосеев].

Мой адрес: Владимир Губ[ернский]. Марии Германовне г-же Гопфенгауз. До востребования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Автор письма имеет в виду несколько иронических замечаний Михайловского о том, что точка зрения марксистов о конце миссии капитализма — дело отдаленного будущего, «забота наших внуков и правнуков». Указав затем на мнение Зибера, высказанное им Михайловскому лично, что «пока мужик не выварится в фабричном котле, из него никакого проку не будет», Михайловский пишет: «Марксисты, как и прочие, знают, что вываривание в фабричном котле ведет за собой не только гипотетически благодетельное «обобществление» труда, а и многие другие, заведомо неблагодетельные последствия, тем более неблагодетельные, что влияние их отражается на целых поколениях. Таковы болезни, разврат, вырождение». Отсюда, по его мнению, марксисты — поборники за указанное зло (см. «Отечественные Записки» 1883 г., кн. 7, стр. 107).

[2] За исключением слова «погибнуть», подчеркнутого Федосеевым, подчеркивания простым карандашом в подлиннике этого письма видимо сделаны самим Михайловским при чтении письма. Об этом свидетельствует тот факт, что как раз эти места данного письма нашли отражение в его статье «Литература и жизнь» (см. «Русское Богатство», кн. 1, 1894 г.).

[3] В. В. — псевдоним В. П. Воронцова (1847—1917), одного из главных теоретиков народничества 60—90-х годов. Главные сочинения: «Судьбы капитализма в России» (1883), «Наши направления» (1893), «Очерки теоретической экономии» (1895). В. В. решительно выступал против марксизма и был объектом критических статей многих первых марксистов в России. Владимир Ильич много уделил внимания критике взглядов В. В. Одной из первых работ Владимира Ильича, написанной им в самарский период его жизни, был реферат под заглавием «Обоснование народничества в трудах г. В. В.» (см. Соч., т. I, стр. 561; т. II, стр. 649).

[4] Автор письма имеет в виду следующее место из статьи Михайловского: «Сюда относится, во-первых, полемика с нашими так называемыми «марксистами» или «социал-демократами». Об этой полемике по обширности предмета я сегодня не успею говорить. Замечу лишь во избежание недоразумений, что в общем я совершенно разделяю мнение г. В. В. на этот счет. Я думаю, однако, что отвергнуть русский марксизм еще не значит объявить себя народником, что для нас вовсе не обязательно выбирать между этими двумя доктринами. Марксисты прямо настаивают на необходимости разрешить нашу «экономическую организацию, обеспечивающую трудящемуся самостоятельное положение в производстве», и г. В. В. протестует против «подвигов» такого прямого воздействия на существующий экономический строй» (см. «Русское Богатство», кн. 10, 1893 г., стр. 138). Возмутительной клеветой на марксистов назвали эту мысль Михайловского авторы коллективного письма ему за подписью «Марксисты». Об этих письмах см. «Былое», кн. 23 за 1924 г.

[5] Пыпин, А. Н. (1833—1904) — историк литературы. В своих работах отражал взгляды либеральной буржуазии раннего периода, когда ей еще было свойственно увлечение народностью, народом и его творчеством. Автор больших трудов по истории русской литературы и «Общественного движения при Александре I».

[6] Зибер, Н. И. (1844—1888) был одним из первых популяризаторов и пропагандистов экономического учения Маркса в России, что сыграло большую роль в деле распространения марксизма вообще и проникновения марксизма в университетскую среду в особенности. Сам лично Зибер марксизм воспринял односторонне: революционно-критическая сторона учения Маркса осталась ему непонятна и чужда (см. Ленин, Соч., т. I, стр. 516 и т. II, стр. 652).

[7] В переписке Ленина с Федосеевым, относящейся ко времени после появления статьи Михайловского в первой книжке «Русского Богатства» 1894 года, несомненно одной из тем был вопрос о тактике марксистов в деле помощи голодающим; см. статью И. Зильберштейна «Хронология и содержание переписки Ленина с Н. Е. Федосеевым».—«Каторга и Ссылка» 1930, № 1.

[8] Н. Е. Федосеев имеет в виду следующее место статьи. Фр. Энгельса в «Neue Zeit» за 1891/92 г., т. I, «Социализм в Германии»: «Das alte Russland ging unwiederbringlich zu Grabe an dem Tag, wo der Zar Nikolaus, an sich und an Altrussland verzwiefelnd Gift nahm. Auf seinen Ruinen baut sich auf das Russland der Bourgeoisie». («Старая Россия ушла безвозвратно в могилу в тот день, когда царь Николай, разуверившись в себе и старой России, принял яд. На нее развалинах воздвигается буржуазная Россия».)

2

Сольвычегодск,
10 марта 1894 года

Многоуважаемый Николай Константинович!

Я должен извиниться перед Вами. В своем письме, подписанном Н. Ф., я говорил, что мне неприятно обращаться к Вам с «личным частым письмом»*, потому что я, причисляющий себя к столь ненавистным Вам «русским марксистам», чувствовал себя оскорбленным Вашими «нелитературными» выражениями насчет русских марксистов. С противником, который бранится, толковать, конечно, неприятно, особенно приватным образом. Но тут произошло в высшей степени досадное недоразумение; я не имел тогда повода так относиться к Вам. Я имел полную уверенность, что слова («один, два тупоголовых эпигона Маркса — рыцари накопления, с которыми толковать много нечего»), делавшая неприятным для меня личное частное обращение к Вам, сказаны именно Вами[1]. Письмо к Вам я писал на-скоро, накануне принудительного путешествия в область «тотемской морошки». Свою ошибку я обнаружил лишь в арестантском вагоне, когда исправить ее уже не мог.

Мне в высшей степени больно и тяжело, что я совершенно без всякой вины с Вашей стороны оскорбил Вас.

Но «тон делает музыку», как Вы сами говорите; и только это я могу привести в оправдание своего во всяком случае грубого отношения к Вам. Тон Ваших литературных нападений на марксистов, действительно, делал возможным мою ошибку...

Теперь дозвольте мне сказать Вам несколько слов в ответ на Вашу филиппику в январской книжке «Русск[ого] Бог[атства]».—Вы полагаете, что нарождение и размножение за последнее время русских марксистов объясняется очень просто тем, что «понизился на Руси уровень знаний, критической мысли, энергии, восприимчивости; что потускли идеалы, выступили разочарования»*. Имею уверенность, что в этом объяснении причин Вы ошибаетесь. Я не встречал такой страстной жажды знаний, такой энергии критической мысли и такой отзывчивости к злобам дня, какие господствуют в марксистских кружках. Идеалы этих кружков горят ярко; стремление к практической деятельности очень велико. Жаль только, что до настоящего момента не выполнена громадная теоретиче-

* Здесь и в следующих письмах подчеркивания рукою Н. Е. Федосеева.

ская работа, именно изучение с точки зрения нашего принципа русской истории, по крайней мере важнейших и ближайших ее фазисов. Только тогда, когда будет выполнена эта работа, русский марксизм встанет на твердую почву; только тогда явится возможность выработки научно-определенной единой программы практической деятельности. А пока отдельные, хотя и многочисленные, попытки деятельности отличаются несистематичностью, имеют эпизодический характер в силу тех политических условий, которые тяготеют над русским рабочим классом, и его идеологами в частности, и вообще над русским трудовым населением. Эти попытки, не принося тех результатов, какие они могли бы иметь при систематичной единодушной, организованной деятельности, именно показывают, думается мне, что у русских марксистов теория с практикой не расходится, что стремление к живому делу одушевляет их.—Это неблагоприятное положение вещей должно существенно измениться к лучшему с возникновением объединенной деятельности. А выяснение теоретических начал нашего мировоззрения и выработка программы практической деятельности—настоятельнейший вопрос минуты.

В чем же состоит наша деятельность и какие ближайшие ее цели?

Вот вопросы, на которые я пытаюсь дать ответ, желая возможно полнее познакомить Вас с обсуждаемым предметом. Я не нахожу нужным скрывать от кого бы то ни было тех моих взглядов, которые я излагал прокурорам при жандармских допросах. (Но извините, если моя откровенность покажется Вам неприятной и неуместной, тем более, что Вы никогда таких вопросов, в таком смысле мне не предлагали.) Деятельность наша, в качестве идеологов рабочего класса, состоит в выяснении членам образовавшегося в России пролетариата их классовых интересов, в указании им, на основании опыта наших западных товарищей, такой практической деятельности, которая ведет к цели с большей экономией сил, более верным путем, с большей надеждой на скорейший успех *. Удастся или нет нам осуществить наше заветное желание, чтоб самосознание русского пролетариата выразилось в высшей форме политической деятельности, чтоб пролетариат быстро, непосредственно достиг обеспечивающей его права политической свободы, — все равно: «Война или смерть; кровавая борьба или уничтожение. Такова неотразимая постановка вопроса». Если наша деятельность окажется бесплодной, разобьется о косность мысли русских пролетариев—мы погибнем, и пролетариат русский пройдет через те же длинные и мучительные фазисы борьбы, как и на Западе. Но н и ч т о не может удержать нас и, вероятно, наших преемников от настойчивых энергичных попыток сократить этот путь борьбы.

Итак, наша ближайшая цель заключается в достижении политической свободы, обеспечивающей социально-политические права пролетариев (всеобщего избират[ельного] права, свободы социалистической печати и пр.).—Но достижение этой цели составляет насущную необходимость не для одного только фабрично-заводского пролетариата, но и для всего трудового класса. Эта цель — общенародная. Она составляет важнейший вопрос дня. Мы это имеем в виду и потому будем всеми силами стремиться привлечь к политическому движению русского пролетариата крестьянство; мы будем выяснять этому последнему его классовые интересы, противоположность их с интересами господствующих классов, защищаемых существующей государственной властью; мы познакомим крестьянство с его собственной экономической и политической историей.

---

* Говоря с большей экономией сил и пр., я имею в виду то обстоятельство, что всюду рабочие начинали борьбу поодиночке, отдельными разрозненными группами; разбивали машины, поджигали фабрики и пр.; что их первые массовые движения «были вызваны буржуазией в ее собственных целях». *(Примечание Н. Федосеева.)*

Итак, важнейшую ближайшую задачу—достижение политической свободы («через народ»)—мы считаем общею для пролетариата и крестьянства.—Насколько крестьянство отзовется на это общее дело, покажет будущее. Но пролетариат, во всяком случае, составит авангард революционной армии, во-1-х, потому, что он сосредоточен в массе в важнейших политических центрах, и, во-2-х, потому, что фабрично-заводские рабочие самими условиями их жизни более подготовлены к восприятию идеи необходимости политической борьбы, чем масса крестьянства.

Не только одна эта политическая задача составляет общее дело пролетариата и крестьянства. Русский пролетариат и крестьянство еще долго будут иметь массу общих социальных интересов. Превращение возможно большего числа экспроприированных крестьян и кустарей,—составляющих в настоящее время кадры босяков,—в самостоятельных хозяев находится в тесной связи с интересами занятого пролетариата. Потому именно, что безработные, сбивая своей конкуренцией заработную плату, понижают материальное благосостояние занятых рабочих и страшно роняют шансы на сколько-нибудь успешную борьбу с капиталистами. Изменение податной системы, в смысле переложения податного бремени с неимущего большинства на имущие классы—требование, одинаково существенное как для рабочих, так и для крестьян. Крестьяне и пролетарии находятся в тесной органической связи друг с другом.

Требование радикального улучшения положения мелкого деревенского хозяйства, сокращения рядов безработного пролетариата—со стороны идеологов-марксистов, стремящихся стать выразителями трудового класса, будет не «просто добрым делом», как Вы думаете, не простым только состраданием к невыразимым мучениям крестьянства, а экономическою и политическою необходимостью. Если б идеологи-марксисты и отказались вставить в свою программу защиту интересов крестьянства, то пролетарии принудили бы их к этому или не признали бы их выразителями своих интересов. Такова неизбежная постановка вопроса.

Что эти наши пожелания не останутся на словах только, в области фантазий, этому гарантией служит тесная связь между интересами пролетариев и крестьян; эта связь на каждом шагу резким образом будет напоминать о неотложности деятельности в смысле подъема экономического благосостояния крестьян.

Наша роль, роль идеологов, при этом будет заключаться еще в том, чтоб противиться всяким таким мерам к «поднятию благосостояния деревни», которые влекут за собой стеснение личности, именно всем мерам «принудительного коммунизма», вроде запрещения семейных разделов, общественной запашки, круговой поруки и т. п., а также насильственному закреплению крестьянства в деревнях (чего, напр., требуют финляндские рабочие).

В настоящий момент правительство с откровенностью, обнаженной от обычных уверений «обнимать любовию и попечением всех верноподданных всякого звания и состояния», заявило свою экономическую и политическую программу. Экономическая программа будущего,—изложенная, между прочим, во всеподданнейшем докладе министром финансов на [18]94 г.,—имеет прямой целью разорение массы мелких хозяйств, созидание крупной капиталистической индустрии, развитие и усиление косвенного обложения.

Политическая же программа попрежнему исключает всякое право заявления о своих интересах со стороны подчиненных классов. Капиталисты и их идеологи получают значительное участие в высшем государственном управлении в качестве совещательных членов,—по крайней мере в важнейших для них вопросах. Финансовая и вообще экономическая политика встречает заметную общественную оппозицию только со стороны земле-

владельческого класса и явных или тайных его сторонников. Самый ход вещей заставил правительство отклониться несколько от интересов класса, «благородно владеющего мечом», и оказывать покровительство индустриальному капитализму. То обстоятельство, что интересы индустриальных капиталистов поставлены на первый план, а землевладельцам сулят журавля в небе в виде развития внутреннего хлебного рынка,—может вызвать рано или поздно социальный конфликт между старым и новым господствующим классом, конфликт, который неминуемо разрешится в ограничении абсолютизма. (Но мы, повторяю, не должны и не можем оставаться пассивными зрителями длинного постепенного процесса уничтожения старого феодального строя, хотя бы и находили преимущества какой бы то ни было октроированной конституции, сравнительно с существующим режимом.)

Вот, на мой взгляд, важнейшая сторона нашей текущей действительности. В этот момент, когда правительство так откровенно заявляет о своей враждебности ко всему трудовому населению, мы должны заявить, от лица трудящихся классов, требование радикального изменения податной системы и организации труда на базисе крупного коллективного машинного производства. Мы всегда будем иметь в виду эту цель, она — главнейший пункт нашей программы.—Время осуществления ее зависит от того, как скоро крестьянство поймет, что его спасение в коллективизме. Но пролетариат—выделившийся класс, как более прогрессивный, и тут будет авангардом.

Разумеется, сколько-нибудь серьезная политическая агитация в пользу названной радикальной экономической реформы будет возможна лишь с момента политической свободы. Крестьянство, несомненно, долгое время будет пассивно относиться к нашей экономической программе; оно, вероятно, примкнет к партии крупных землевладельцев, а, может быть, составит свою собственную мелкобуржуазную партию, вроде партии американских фермеров; но жизненные обстоятельства рано или поздно заставят и нашего крестьянина примкнуть к социал-демократической рабочей партии, как принуждают к этому мало-помалу румынских, германских, итальянских и отчасти австрийских крестьян.

До тех же пор, т. е. пока крестьянство сознательно не примет социал-демократической программы, рабочая партия, по необходимости, должна будет ограничиваться только требованиями о б л е г ч е н и я существующего положения мелких земледельцев и кустарей, т. е. требованиями, обещающими несомненный успех.

Изложенный выше план—идеал.

«Человек может ошибаться или не ошибаться в этом отношении; может считать недосягаемым идеал возможный и, наоборот, вдребезги разбить свою жизнь ради совершения фантастической мечты; работа критической мысли и житейский опыт могут повлиять на него и в ту, и в другую сторону. Но, независимо от судеб идеала в этом смысле, убеждение в его достижимости или недостижимости, очевидно, должно сильно влиять на его значение, как нравственно руководящего начала». Изложенными выше соображениями я имел целью пояснить Вам, что наш идеал имеет базисом материальные условия настоящего исторического момента; это обстоятельство придает особенную уверенность нашему «субъективному» убеждению в достижимости идеала. Но «не только конечный, а вообще сколько-нибудь значительный идеал обыкновенно передается действующим поколением потомству. В этом состоит, может быть, трогательнейшая и благороднейшая черта истории человечества... Эта способность расширить свое личное существование далеко за его фактические пределы и наслаждаться и страдать далеким будущим, без надежды или опасения быть его действительным участником, есть одно из свидетельств благородства че-

1. Сольвычегодскъ
19 марта 1894 года.

Многоуважаемый Николай Константиновичъ! Я долженъ из-
виниться передъ Вами. Въ своемъ письмѣ, подписанномъ ини-
ціалами Н. Ѳ., я говорилъ, что мнѣ непріятно обращаться къ
Вамъ съ „личнымъ частнымъ письмомъ", потому что я, причи-
сляющій себя къ столь ненавистнымъ Вамъ „русскимъ марк-
систамъ", чувствовалъ себя оскорбленнымъ Вашими „литератур-
ными выраженіями" на счетъ русскихъ марксистовъ. Съ про-
тивникомъ, который бранится, толковать, конечно, непрі-
ятно, особенно привычнымъ образомъ. Но тутъ произошло в
высшей степени досадное недоразумѣніе; я не имѣлъ тогда по-
вода такъ относиться къ Вамъ. Я имѣлъ въ виду увѣренность,
что слова („одинъ, два тупоголовыхъ апологета Маркса-роду-
ри накопленія, съ которыми толковать много нечего"), явив-
шіяся непріятными для меня личное частное обращеніе къ Вамъ,
сказаны именно Вами. Письмо къ Вамъ я писалъ на-скоро,
наканунѣ принудительнаго путешествія въ область „потем-
ской морошки". Свою ошибку я ~~замѣтилъ~~ обнаружилъ лишь
въ арестантскомъ вагонѣ, когда исправить ее уже не могъ.
Мнѣ в высшей степени больно и грустно, что я совершенно
безъ всякой вины съ Вашей стороны оскорбилъ Васъ.
- Но „тонъ дѣлаетъ музыку", какъ Вы сами говорите; и только
это я могу привести въ ~~свое~~ оправданіе своего во всякомъ слу-
чаѣ грубаго отношенія къ Вамъ. Тонъ Вашихъ литератур-
ныхъ нападеній на марксистовъ, дѣйствительно, сдѣлалъ возмож-
ною мою ошибку...
Теперь дозвольте мнѣ сказать Вамъ нѣсколько словъ о томъ,

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА Н. Е. ФЕДОСЕЕВА К Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ
ОТ 10—19 МАРТА 1894 г.
Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

ловеческой природы и один из драгоценных залогов лучшего будущего. Черта эта тем трогательнее, что далеко не всегда можно уловить конкретные подробности осуществления идеала... Передавая такой идеал потомству и потомству потомства, мы, без риска впасть в более или менее грубые ошибки, не можем себе представить, какие новые ходы откроются для потомства и какие новые пружины будут ими пущены в ход...» (эти слова, как и отмеченные выше кавычками, принадлежат Н. К. Михайловскому [3]).

Итак, Вы не станете требовать от нас не только определения «конкретных подробностей» осуществления нашего социального идеала, но и определения во всех подробностях нашей практической деятельности для осуществления этого идеала. Если Вы, тем не менее, настаиваете на этом, то эту настойчивость надо объяснить, вероятно, полемическим увлечением с Вашей стороны.— Да, говорите Вы, «с этической, а частью и с чисто практической точки зрения против такого отношения (к историческому процессу) нельзя было бы ничего возразить, если бы не та якобы научная теоретическая подкладка экономического материализма, которая внушает совершенно неосновательную самоуверенность, и не та скользкость пути, которая легко может свести пассивный марксизм к активному» [4] («прямому настаиванию на разорении крестьян»). Оставлю пока в стороне невыносимый для Ваших нервов экономический материализм. Вы хотите лишить нас единственной гарантии на успешность деятельности, лишить нас «нравственно руководящего начала» в деятельности, уверенности в научной истине, осуществимости наших идеалов!

Избави бог! Я не буду сердиться, что Вы обладаете уверенностью, основанною на субъективном понимании истории, в достижимости Ваших идеалов, что Вы свою науку считаете настоящей наукой, а все другие (и в том числе и особенно нашу) «якобы науками»!.. что же касается «скользкости пути», на котором стоят, по Вашему (и м[инистра] вн[утренних] дел г. Дурново) мнению, марксисты, то об этом предмете стоит потолковать еще раз. «Маркс оперировал, — говорите Вы, — над готовым пролетариатом и готовым капитализмом, а нам надо еще создать их». «Крестянин наш, — писали Вы еще в 1877 г., — далеко не в такой мере «свободен» от земли и орудий производства, в какой это необходимо для пышного развития капитализма. Напротив, несмотря на его печальное положение как земледельца и землевладельца, многие обстоятельства даже помимо его собственных инстинктов держат его у земли» [5]. Это вы писали 17 лет тому назад. С тех пор много воды утекло, много произошло перемен, но Вы ничему не научились, ибо с живым увлечением повторяете старые слова и цитируете те слова из «письма» К. Маркса, которыми он высказал совершенно верную мысль, что Россия не сделается капиталистической нацией, не преобразовав доброй доли своих крестьян в пролетариев (а в последнее время она сделала в этом отношении много, добавлял К. Маркс) [6].

Вы находите, следовательно, что наш крестьянин далеко не в такой мере свободен от земли до сих пор, в какой это необходимо для развития капитализма. Мы же, напротив, видим, что экспроприированных слишком много, что всего их громадного количества не в силах поглотить развивающаяся форма капиталистического производства, что масса экспроприированных обречена на вымирание от голода и болезней...

«Русский марксист,—говорите Вы,—осужден в лучшем случае на пассивное созерцание совершающегося обоюдоострого процесса»... Смею Вас еще раз уверить, что Вы ошибаетесь на этот счет. Для нас вовсе не необходимо, как Вы это пытаетесь навязать нам, роскошное развитие капитализма, чтоб начать нашу активную деятельность на почве экономических противоречий, уже созданных. С самого момента возникновения крупного капиталистического производства обнаруживается антагонизм

между рабочими и хозяевами; антагонизм этот ведет к борьбе между ними и к борьбе подчиненного класса с государственной властью, защищающей интересы господствующих. Мы, идеологи рабочего класса, стремимся выяснить рабочим их собственное классовое сознание, сообщить ему научный характер и вместе с ним начать политическую борьбу и «отстаивать общие независимые от национальности интересы всего пролетариата» *. Нам предстоит выполнить эту задачу в среде уже сорганизованного капиталом в настоящую минуту трехмиллионного пролетариата. Это колоссальное дело; трудность его увеличивается еще тем, что оно должно на первых порах совершаться под губительным огнем буржуазно-феодальной монархии.

К серьезному решению босяцкого вопроса, который имеет для нас значение не только потому, что это вопрос об устранении вымирания от голодных болезней миллионов людей (в России уже есть много местностей, где смертность превышает рождаемость), но и к тому, что он тесно связан с интересами пролетариата,—так к решению этого вопроса с надеждой на серьезный успех мы можем приступить не ранее, чем достигнем политической свободы. А между тем, г-да Менделеев и Скворцов, с одной стороны, и гг. Чупров и Стебут **, с другой, наперерыв, каждые для своих патронов, хлопочут о выработке «новых типов коммерческих хозяйств» [7], о мероприятиях, косвенно влекущих за собой разорение мелких хозяйств и арендаторов, и о прямой экспроприации миллонов 20 — 25 крестьян (Скворцов) [8]...

Поверьте на слово, если Вас не убеждают доказательства мои и моих товарищей, что нет «такого противоречия, которое терзает нашу душу на каждом шагу»...

Вы почему-то выпустили из моего письма к Вам важнейшие строки, разъяснявшие это, а именно, что мне и моим товарищам не приходится терзаться отсутствием связи между теорией и делом. Это одно из очень досадных упущений, тем более, что мы обречены полемизировать с Вами приватным образом; и раз Вы решили предать нашу полемику суду читающей публики, то необходимо было сделать возможно точную передачу наших возражений (или, вернее, заявлений). Сюда же следует отнести и Вашу фразу: «Нескольких слов, сказанных мною о противоположении [между народничеством и марксизмом], было достаточно, чтобы взволновать господ марксистов» [9]. Я, напр., совсем не «волновался» от Ваших слов; я писал Вам, что выдающийся интерес Вашей статьи, затрагивавшей самый насущный вопрос, заставили меня взяться за перо...

Вот еще вопрос. Если я утверждаю, что в принципе русских марксистов нет того порока, который открыли Вы, что этот принцип не раздваивается на внутренние, друг друга пожирающие, противоречия, то как же объяснить, что в действительности существует, как Вы сообщаете, «довольно много» марксистов, «прямо настаивающих на разорении деревни»?

Подобные абсурды для нас имеют ничуть не меньшее значение, чем для Вас...

* Я говорю не только о фабрично-заводских рабочих, но и о рабочих, занятых строительной, перевозочной промышленностью, обработкой сельскохозяйственных продуктов и пр.; эта цифра далеко меньше действительной; но я не включаю сюда земледельческих рабочих. С приблизительной точностью определяют, что в настоящее время в России около 80% населения занято земледелием; отсюда надо исключить около $^2/_3$ всего крестьянства, которые не ведут самостоятельного хозяйства или ведут на арендованной частновладельческой земле. Положение последних в высшей степени неустойчиво, если принять во внимание энергичную агитацию тт. Чупрова, Стебута и пр. о водворении нового типа коммер[ческого] хозяйства». *(Примечание Н. Федосеева.)*

**Говоря так о профессорах Чупрове и Стебуте, я имею в виду любопытные речи, произнесенные ими в качестве «жрецов науки» перед землевладельцами «Московского общества сельского хозяйства» 23 октября и 27 ноября 1892 года. *(Примечание Н. Федосеева.)*

О, если б только зло!.. Но рваться всей душою
Рассеять это зло, трудиться для людей
И горько сознавать, что об руку с тобою
Кричит об истине, ломаясь пред толпою,
Прикрытый маскою продажный фарисей

или глупец, надо добавить. Но не Вам бросать в нас стрелы за то, что мы и «в своем углу не можем столковаться», не можем вывести (да и возможно ль это?) «продажных фарисеев» и глупцов... Впрочем, я верю, что Ваша «нравственная личность» и Ваши «большие умственные способности» не дозволят Вам «отождествлять русских марксистов с рыцарями накопления» *. Но как прикажете совместить Ваше уверение, что Вы «не отождествляли русских марксистов с рыцарями накопления», с Вашим же утверждением, что марксисты «не только не должны (по самому принципу своей теории) протестовать против калечений человеческого организма в перипетиях капиталистического процесса, но даже радоваться им, как необходимым, хотя и крутым ступеням, ведущим в храм счастья»? [10]. Думаю, что Вы не станете отрицать принципа, что «всяк, взглянувший на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». Марксист, по принципу ликующий успехам капитализма, нравственный сообщник «калечения человечества».

Пока Вы нам разъясните это, я позволю себе высказать мое предположение насчет действительных причин Вашей ожесточенной атаки.

«Всякая деятельность, соответствующая нравственным требованиям марксиста (т. е. соединению работника с условиями производства), невозможна для него, так как только задержит, затянет процесс». Так утверждаете Вы, совершенно забывая потом, что Ваше утверждение логично только по отношению к марксисту, созданному Вашей мыслью.— Для Вас, повидимому, большой неожиданностью было встретить в моем первом письме вскользь брошенную идею о необходимости для нас, русских марксистов, политической борьбы за превращение босяков в самостоятельных хозяев и за поднятие экономического и правового быта деревни. Я говорил, что это необходимо для нас в качестве марксистов, особенно не потому, чтоб поднятие экономического уровня мелкого хозяйства и превращение босяков в самостоятельных мелких хозяев (все, о чем я могу мечтать, не заносясь в заоблачную высь) заключало в себе что-либо «специально марксистское»,—тут, действительно, ничего марксистского нет, а потому, что интересы пролетариата находятся в тесной связи с этим вопросом. Я, кроме того, думаю, что ни одна из политических партий, пока не организуется специальная мелкобуржуазная партия, не может так искренне и энергично настаивать на неотложности выполнения этого плана. Я уверен, что никто из «настоящих марксистов» не относится враждебно к высказанному мной плану и никто из них не скажет: «коли вам охота заниматься такими пустяками, занимайтесь, а нам не по дороге». Будьте уверены, что это будет так, как я говорю; разногласия тут не может быть. Ваше личное мнение, что этот план есть просто доброе дело, верно лишь по отношению к Вашему гипотетическому марксизму. Я охотно подписался бы под письмом, полученным Вами за подписью «марксисты», несмотря на сжатость высказанной в нем мысли. Вы не поняли из этого письма: «как может итти речь о какой бы то ни было «практической программе» там, где невозможно сознательное воздействие и где все идет инстинктивным путем и не может итти иначе». Вы пропустили маленькое, но очень важное слово для понимания смысла письма: «сознательная деятельность интеллигенции не может изменить ха-

* Я должен заметить, что эпитет «рыцари накопления» брошен по адресу марксистов знаменитым ренегатом Львом Тихомировым, впоследствии автором «Нужна ли нам фабрика?» (в «Русс[ком] Обозрении»). *(Примечание Н. Федосеева.)*

рактера экономической эволюции» [11]. Вот в этом слове Вы и могли бы найти ключ к разгадке. В самом деле, ставя себе ближайшею целью поднятие экономического и политического быта крестьянской России, мы не обольщаем себя надеждой, что осуществление этой цели «задержит, затянет процесс развития капиталистической индустрии». Если Вы думаете иначе,—дело Ваше; но мы Вашего мнения не разделим. Ни община, ни льготный кредит, ни переселение, ни понижение платежей не спасет мелких собственников от разъединения с условиями производства, раз существуют денежно-товарное производство и крупное капиталистическое земледельческое и индустриальное хозяйство. Я думаю, что могу, не затягивая и без того очень длинного письма, оставить это положение без обосновки. Если Вы убеждены в возможно[сти] прямо перепрыгнуть от мелкого хозяйства к крупному коллективному, опять же дело Ваше; но мы совершенно не верим, чтоб Вы могли совершить такое salto-mortale. Но, тем не менее, во всех практических мероприятиях к действительному улучшению положения мелкого хозяйства и подготовлению условий к превращению мелкого хозяйства и частнокапиталистического в коллективное мы будем искать друзей, которые искренне и энергично стремились бы к тому же.

Итак, корень наших разногласий, думается мне, если не единственный, то главнейший, заключается в том, что Вы или — убеждены, что какие бы то ни было радикальные меры к поднятию экономического уровня мелкого хозяйства могут в корне уничтожить развитие капиталистической формы производства, антагонистичной мелкому самостоятельному хозяйству; или—Вы верите, что Вам удастся прямо создать коллективную форму производства, «на базисе» обмирщенного труда. В первом случае я назвал бы Вас «мелкобуржуазным философом», во втором—«утопистом», в том смысле, какой придается этим словам в «Манифесте»... Но доброму делу и я желаю от души успеха.

Далее, мои товарищи писали Вам, что «характер нашей экономической эволюции как до сих пор не зависел, так и не может зависеть в более или менее близком будущем от той или другой деятельности интеллигенции. С начала 70-х годов Вы доказываете существование в России особых условий, благодаря которым она может миновать капиталистическую стадию развития. Мы отрицаем наличность таких условий. Мы находим, что ход экономической эволюции, как до сих пор, состоял в разрушении экономической организации и впредь будет отличаться тем же характером... Экономическая эволюция при настоящих условиях может совершаться только инстинктивным путем, так, как она совершалась до сих пор на Западе»... Со всем этим я опять-таки согласен, за исключением некоторых выражений. Действительно были у нас всевозможные идейные течения, открытые «кающимися дворянами»; а процесс экономической эволюции все ускоряется, не меняя того характера, который он получил в последнюю эпоху денежно-товарного крепостного поместного хозяйства. Конечно, я не стану утверждать, что неуспех, прекращение какой бы то ни было деятельности в прошедшем сами по себе доказывают мертворожденность идей, вызвавших эту деятельность. Пришлось бы предпринять продолжительную экскурсию в область недавнего прошлого; но это не входит в мою задачу, заключающуюся в ответе на Ваши возражения и затронутые Вами вопросы. Но я не могу не заметить, что аналогичные умственные движения происходили на Западе, и там они были вызваны теми же причинами, что и у нас, и прекратились, также не оказав влияния на изменение характера экономической эволюции.—Что наш экономический процесс совершается инстинктивно, это верно в том смысле, что попытки идеологов трудящегося класса до сих пор не в силах остановить его или изменить и, главное, что масса тру-

дящегося люда пассивно втягивается в него; если б трудящиеся классы вдруг прозрели очами и поняли бы, что развивающийся экономический строй несет с собой увечье и гибель миллионов личностей из их среды, и если б они, вместе с тем (и главное), уразумели, что в коллективизме их спасение, то от этого губительного процесса, предшествуемого холерой, голодным тифом, голодной смертью, преступлением и проституцией, не осталось бы и следа! Он исчез бы, как дым: Но масса разоренных, отупевших, голодных «распоясовцев с восторгом встречают, как избавителя, купонного короля, Ивана Кузьмича». У них пока одно страстное желание—«землицы»; это всероссийский крестьянский вопль, имеющий тот трагический характер, что это вопль человека, умирающего с голоду. Можно думать, смею думать и верую, что этот вопль наконец сольется боевым кликом!—Но пока крестьянин—«человек, питающийся лебедой», приниженный, избитый, голодный—бежит из общины, от своего надела. «Но многие обстоятельства,—свидетельствуете Вы,—даже помимо его собственных инстинктов, держат его у земли». Такова одна сторона с о в р е м е н н о й д е й с т в и т е л ь н о й общины и надела и роли капиталистической индустрии: Vernunft Unsinn Wohthlat Plage geworden...* В 1883 г. Вы писали: «Правда, что и наш невываренный в фабричном котле мужик, на другой манер, конечно, но все-таки тоже более развращается, вырождается; но из этого еще не следует, что только и свету, что в окошке» (капитализме) [12]. Прекрасно, но пока все-таки приходится радоваться, если крестьянин вырвется из д е й с т в и т е л ь н о й общины, от д е й с т в и т е л ь н о г о надела, что он хоть несколько сбросит с себя непосильный «долг государству» и превратится в фабричного работника, попадет в несколько лучшие условия? Но огромная часть крестьян, выгнанных нуждой из деревень, все-таки, не находит доступа и к этому «окошку».

Далее, мои товарищи высказали мысль, что экономическая эволюция «и впредь будет отличаться тем же характером». Этим высказывается, думаю, та мысль, что Россия, раз выступивши на капиталистический путь, будет развиваться в этом направлении, не встречая препятствий в виде конкуренции более развитых капиталистических наций, отсутствия национального единства, с общим экономическим центром и пр.; ибо, при наличности таких препятствий, настоящая экономическая эволюция должна была бы или должна будет оборваться и нам пришлось бы, вместе с г. Н—оном [13], ожидать всемилостивейшего манифеста, призывающего божие благословение на обобществленный труд, при громких аплодисментах гг. капиталистов и помещиков, убедившихся в невозможности существования антинародной формы производства. Этого вопроса Вы почти не касаетесь, за исключением следующей фразы: «Один марксист писал мне, что я вижу в нищете бедствие, тогда как оно вместе с тем есть и орудие движения... Если читатель обратится к самому Марксу, то убедится, что слова эти никак не могут быть приложены к нашим делам и что наша нищета есть исключительно бедствие». Я с Вами согласен в том, что нищета сама по себе бедствие, и добавлю, что социальное движение, вызываемое нищетой, само по себе совсем не ведет к прогрессу, оно (движение) только показатель социального антагонизма. Пролетарий Рима мог превратиться только в колона. Нищета Ирландии исключительно нищета, потому что Ирландия капитализирована Англией. Прогрессивный характер движения пролетариата обусловлен материальными условиями современной формы производства, благодаря этим условиям пролетариат — «камень церкви настоящего».

Далее, Вы говорите, что «если нам суждено самою историческою необходимостью пережить капиталистическую фазу развития, то, не беспо-

* Разум становится бессмыслицей, благодеяние — мучением (бичем). — *Ред.*

койтесь, она найдет более подходящих выразителей, чем марксисты». Эту стрелу, г. карающий олимпиец, я возвращаю Вам с неповрежденным острием. Я первый сердечно буду рад появлению более подходящих носителей идей рабочего класса, т. е. более талантливых, «во всеоружии науки». Это мое страстное желание. Только можно ль скоро ожидать появления этих талантливых, гениальных борцов, когда наш абсолютизм калечит детские и незрелые организмы. А пока будем действовать мы, по теории уважаемого П. Л. Лаврова [14], это наша нравственная обязанность, мы не должны и не можем отказаться от деятельности потому только, что считаем себя недостаточно талантливыми и учеными.— За совет, «по крайней мере, как-нибудь иначе называться», а не марксистами—спасибо, но принять его не могу. Меня, думаю, и моих товарищей, никакие шуты гороховые и фарисеи не заставят отказаться от названия, которое, как нельзя более, подходит к делу. Это не журнальная этикетка, а и от этой, ведь, бывает, вероятно, трудно отказаться.

Далее. Выясняя «поведение» тех, кого Вы назвали пассивными марксистами, Вы пишите: они не интересуются «народом, на земле сидящим и вообще владеющим средствами производства». Для нас совершенно невозможно игнорировать этот класс народа. Невозможно потому, что история пролетариата—история разорения крестьянского. Нам необходимо знать историю крестьянства и интересоваться его текущей жизнью не только потому, что наша деятельность связана с интересами крестьян, но и потому, что пролетарии предъявляют к нам требования познакомить их с историей русского крестьянства. Написать историю крестьянства тем более необходимо в настоящий момент, что гг. экс-помещики и их публицисты начинают спекулировать на «крестьянском благе», в видах борьбы с ненавистной им буржуазией. «Обе формы настоящего городского населения, плутократия и пролетариат,—пишет, напр., кн. Друцкой-Сокольнинский,—явление совершенно новое в России. Несомненно, в городах прежней России бывали и богатые и бедные жители, но только ныне мы видим широкое преобладающее развитие вышеупомянутых двух типов, и это, бесспорно, результат положения, приобретенного отечественной промышленностью в последнее время... Надо отдать полную справедливость, что и относительно пролетариата Москва в короткое время опередила Европу» [15]. Радеющий об интересах крестьянства князь, да и не один он, а много разных других титулованных и нетитулованных землевладельцев, тоже вопиющих о разорении народа буржуазией,—совершенно умалчивают о роли, которую играли они или их отцы, радея о детках, в создании современного пролетариата... Нет, мы необходимо должны предать на суд пролетариев и крестьян всех этих «симпатичных» радетелей крестьянства, Ростовцовых, Милютиных, Черкасских, Самариных, наряду с Паниными и Гагариными и теми, что были тогда наверху [16].

Вы говорите, что «марксисты», «во имя науки, попирают отцовские идеалы», «утопии», как они надменно говорят, вполне уверенные, что в их провидениях будущего нет ничего утопического, а все взвешено и смерено по предписаниям строгой науки». Виноват, дозвольте пояснить, что слово «утописты», которым, действительно, мы называем Вас, не имеет вовсе оскорбительного и надменного смысла; оно только служит для отграничения нашей фракции от Вашей. Так как, по крайней мере, я употребляю это слово в значении, которое ему придано в «Манифесте», то я процитирую относящееся сюда определение: «Творцы этих систем (критического утопического социализма и коммунизма) видели уже антагонизм классов, равно как и влияние разрушительных элементов, внутри самого господствующего общества. Но они не видели в пролетариате никакой исторической самодеятельности, никакого свойственного ему политического движения. Так как развитие антагонизма классов идет рука об руку с разви-

тием промышленности, то в свое время они не могли найти материальных условий освобождения пролетариата. Они надеялись пополнить этот недостаток открытием социальных законов, изданием новой социальной науки. Место общественной солидарности должна была заступить их собственная творческая деятельность, место исторических условий освобождения должны были занять условия фантастические, место постепенно подвигающейся вперед классовой организации пролетариата — общественная организация собственного изобретения. Дальнейшая история всего мира сводилась для них к пропаганде и практическому осуществлению их реформаторских планов. При этом они понимали, правда, что с своими планами они являются выразителями интересов, главным образом, рабочего класса, как более других страдающего. Но только в этом качестве, более других страдающего класса и существовал для них пролетариат. Критические элементы в их произведениях — драгоценный материал для просвещения рабочих. Значение критически-утоп[ического] соц[иализма] и коммунизма стоит в обратном отношении к ходу исторического развития. В той же самой степени, в какой борьба классов развивается и принимает более определенный характер, лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания это фантастическое стремление возвыситься над нею, это фантастически-отрицательное отношение к ней»[17]. Я желал бы подчеркнуть здесь то, что название «утопистов» мы даем не столько по отношению известных деятелей к будущему, сколько по отношению к настоящему положению вещей, к настоящей классовой борьбе.

Затем, Вы говорите, что мы «попираем отцовские идеалы». Этого нет и не может быть! С нашей стороны нужно быть кретинами и нравственными квазимодо, чтоб «попирать» идеалы Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова, Н. К. Михайловского! Мы сами учились по литературным произведениям этих писателей, мы рекомендуем и даем их читать всем тем, кто просит у нас указаний относительно чтения в определенном смысле. Мы дорожим этими именами, как самым лучшим, драгоценнейшим достоянием русской мысли!.. Но что ж нам делать, когда «отцы» или отступили назад, или ничего не хотят знать нового, не хотят понять новой жизни и ее мучительных запросов, а только мечут громы и молнии против тех, кто должен был сделать шаг вперед, вынужденный к тому изменившимися условиями самой жизни?

Нет, нас тоже страшно гнетет, что «полное забвение и незнание клеветы и непонимания по отношению к тому литературному направлению, к которому принадлежите Вы», растет и вырастает до невероятных размеров. Мы видим и знаем тех людей, которые ничтоже сумняшеся изрекают, что «г. Слонимский, по их убеждению, научнее, а Вы—симпатичнее». Случай, о котором я говорю, положим, сам автор объяснял периодом «детопроизводства». но на самом деле многие приходят к тому же, что она уже следствие подчинения экономическим условиям настоящей жизни. А такая странная «симпатия» исчезает быстро, как дым.

Хотя мы и называем Вас и подобных Вам «утопистами», но это ничуть не мешает нам считать Ваше направление самым близким для нас. И это не только в силу важности для нас «критического элемента» Ваших произведений, но и потому еще, что те «утописты», которые вместе с Салтыковым убеждены, что «формы правления совсем не безразличны» и что противоположное мнение, что «все они ведут к утучнению и без того тучного буржуа» — уверенность печальная и неосновательная,—близки нам по общности ближайших стремлений. И названное убеждение должно быть поставлено на первый план при оценке роли наших утопистов; оно ставит их неизмеримо выше «немецких или истинных социалистов» и французских и английских эпигонов «великих утопистов». Эти

Н. Е. ФЕДОСЕЕВ
Фотография 1889 г., Самара
Музей Революции СССР, Москва

наши утописты—ближе для нас и в этом последнем отношении, чем доктринеры либерализма, из которых один, а именно г. Слонимский[18], еще недавно прибил г. Н —она своими «кроличьими лапками» за то, что тот взял на себя доказательство, что только коллективизм может избавить трудовое население от всех бед капитализма. Но есть основание думать, что скоро наступит время, когда эта близость нарушится...

Как мы относимся к общественной деятельности наших отцов и предшественников? Этого вопроса я обсуждать не буду, хотя сознаю, что он имеет очень важное значение для выяснения наших разногласий. С особенным удовольствием я подчеркиваю Ваши слова: «в своей полемике с Дюрингом Энгельс потратил, между прочим, много усилий для постановки политической власти на экономический пьедестал и, без сомнения, высказал много верного». Несмотря на Вашу дальнейшую оговорку: «но считать вопрос исчерпанным, конечно, нельзя»—я придаю этим Вашим словам большое значение; лет 10—11 назад говорилось противоположное самым категорическим образом, без всяких оговорок. Что же касается нашего отношения к предшествующей деятельности, то я мог бы повторить все то, что сказал выше о нашем отношении к «идеалам отцов».

На этом я закончу мои возражения и замечания на одну часть Вашей статьи и, для удобства, формулирую главнейшие из высказанных мною выше положений.

Русские марксисты в наличных материальных условиях экономического строя имеют почву для активной революционной деятельности.

Русские марксисты ближайшей целью своей деятельности ставят достижение политической свободы, в смысле гарантии социальных прав трудового населения.

Борьба за политическую свободу в этом смысле составляет общее дело пролетариата и крестьянства.

С момента организации революционной партии русские марксисты превращаются в политических вождей социал-демократической партии.

Программа этой партии не может быть копией с какой-либо из существующих или существовавших программ западноевропейских социал-демократических партий.

Она должна быть выработана сообразно с существующими социально-экономическими и политическими условиями русской жизни.

(Важнейшей ближайшей политической задачей этой программы должно сделаться уничтожение всех остатков старого феодального (крепостнического) режима как в государственных, так и в общественных отношениях.)

Кардинальным пунктом программы и идеалом деятельности служит организация народного производства на базисе коллективного крупного машинного производства и ее (организации) логическое следствие—уничтожение классов и государственной власти.

Но на пути к достижению этого идеала русскому пролетариату, как и всякому другому во всех капиталистических странах, придется бороться за свои ближайшие экономические интересы (сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы (это у нас очень важно), уменьшение налогов, протест против милитаризма, протекционизма и пр.).

Экономические интересы русского пролетариата находятся в тесной связи с интересами класса мелких собственников. Поэтому борьба социал-демократической партии за ближайшие экономические интересы русского рабочего класса выразится, между прочим, в борьбе за возможное улучшение положения мелкого земледельца и кустаря (ослабление, смягчение процесса первоначального капиталистического накопления). Роль политических представителей социал-демократической партии будет заключаться при этом также в устранении всех попыток, ведущих к стеснению

личности крестьянина и кустаря, которые имеют место в настоящее время и могут быть в будущем, во имя поднятия экономического благосостояния.

Все даже самые радикальные меры, направленные к поднятию мелкого хозяйства, не в силах остановить процесса капитализации производства (т. е. отлучения производителя от условий производства, сосредоточения этих последних в руках крупных капиталистов и компаний, превращения продукта непосредственного потребления в товар).

Единственным результатом этих мер будет значительное ослабление тех последствий первоначального капиталистического накопления, которые выражаются в мучительных бедствиях и вымирании миллионов разоряемого и разоренного люда.

Этим, разумеется, не предрешается вопрос, возможно или нет возникновение самодеятельной политической мелкобуржуазной демократической партии, в программе которой эти меры будут поставлены как основная и конечная цель, — и также каковы будут отношения социал-демократии к этой партии.

Вопросы: возможно ли в России дальнейшее развитие капиталистического производства, и возможен ли переход к коллективизму ранее обобществления труда, на базисе частновладельческого капитализма, по крайней мере, значительной части народного труда,—относятся совершенно к другой категории; решаются при помощи сравнительно-исторического изучения возникновения и развития капитализма как у наций, ранее вовлеченных в процесс капитализации, так и у тех, которые только втягиваются в него: эти вопросы никакого решающего значения на постановку вышеприведенных положений не имеют. Убежден ли русский марксист в том, что обобществление труда произойдет в России, по крайней мере, в тех размерах, как в современной Германии и Франции или даже Австрии на базисе машинного капиталистического производства, или не убежден в этом, он одинаково имеет реальную почву под ногами для активной революционной деятельности в настоящем. Противоречия капиталистического строя у нас налицо. Некотор[ые] отрасли народного труда (обработка волокнистых веществ для одежды, перевозочное дело, горнозаводская промышленность и некоторые другие) капитализированы и внутри них труд обобществлен. Следовательно, рабочие (по крайней мере, названных отраслей) должны и могут усвоить принципы научного социализма, как девиз революционной деятельности; могут и должны ничуть не менее, чем всякие другие рабочие в развитых капиталистических странах.

Следовательно, как в политической борьбе (с абсолютизмом), так и в социально-экономической борьбе существующий пролетариат должен быть и может быть авангардом революционной армии. Это положительный элемент в борьбе. И, надо Вам отдать полную справедливость, Вы не отрицаете этого, говоря, что наш план «частью с чисто практической точки зрения» не вызывает никаких возражений.

Общим выводом из всего предыдущего будет то, что у Вас не было никаких фактических оснований к разделению марксистов на три категории. Но и помимо этого Ваша классификация грешит против здравой логики. Действительно. В 1877 г. Вы создали гипотетического марксиста[11], терзающегося на каждом шагу коренными противоречиями своей теории, с бесстрастием Пимена заносящего в летопись факты обоюдоострого прогресса; он радуется этому процессу. «В [18]77 г.,— Вы сами далее пишете,— я высказал предположение о логической возможности русских марксистов, проповедующих нищету, насаждающих пролетариат». В 1894 г. Вы устанавливаете три категории марксистов, находящихся между собой и Вашим гипотетическим марксистом в такой же внутренней связи, как Св[ятая]

Троица[19]. «Зрители» — это Св[ятой] Отец, alter-ego Вашего марксиста [18]77 г. (именно его Вы тогда угадали); они, сидя в комфортабельной ложе, бесстрастно смотрят, как злодей убивает театральную невинность или как «благородный отец» терпит позор и унижение». «Но театральных билетов даром не дают», а билет на комфортабельную ложу надо купить дорогой ценой; т. е. бесстрастное наблюдение жизни невозможно, когда «зритель заплатит», когда он имеет капитал и орудует им или когда он пристроился за общественным или частным сытным пирогом.

Св[ятой] Отец рождает Св[ятого] Сына — пассивного марксиста. Пассивный марксист не желает ни оставаться бесстрастным зрителем в комфортабельной ложе, ни принимать активное участие в образовании капитализма и пролетариата; он сосредоточивает свое внимание на сорганизованных уже пролетариях; но он стоит на скользком пути, ибо должен радоваться роскошному расцвету капитализма, и поэтому от Св[ятого] Сына исходит Дух Святый — активный марксист, протестующий против помощи голодающим крестьянам, так как это задержит, по их мнению, желанный и радостный для них процесс развития капитализма.

Дух Святой исходит и от Отца, платящего за комфортабельную ложу, так или иначе участвующего в жизни (это уже крайний тип марксиста). И Ваша Св[ятая] Троица получилась единосущная и нераздельная; «без лиц в трех лицах Божества!» Если присоединить ко всему этому еще ортодоксальность всех этих фигур («снисходительно или презрительно смотрящих с своей высоты на профанов, вынимающих из кармана с любезною или нелюбезною улыбкой тщательно переписанную марксову схему»), то и получается настоящая Св[ятая] Троица Святой Руси. Но в этих делениях на категории Вы ошиблись уже в одном том, что, как православный поп, стараетесь разграничить три лица, сливая их в то же время в одно. Теперь русским марксистам остается ждать, что переведут их название («марксисты») на волапюкский язык, напишут цифирью, сложат, если надо — вычтут и откроют «число звериное». А потом призовут православный народ, с косами и вилами, на антихристовых слуг; но это докончите не Вы, а гг. Воронцовы и Юзовы *[20].

Да, многоуважаемый Николай Константинович, велика смута в нашем отечестве в настоящий момент, и Вы не малую долю стараний прилагаете к увеличению этой смуты, задергивая метафизическим и мистическим туманом несомненно практически-прогрессивное направление мысли и активной деятельности.

Собственно, я придаю серьезнейшее значение выделению из рядов марксистов тех глупцов или продажных фарисеев, которые, смешивая капитализм с первоначальным капиталистическим накоплением, протестуют против всякой помощи деревне. Это, повторяю, имеет громадное значение для меня и моих товарищей. Но дело-то в том, что в действительности часто бывает так, что беседуют молодые люди разных направлений о какой-нибудь «злобе дня»: одни горячо высказывают веру в общину, инстинкты народные, преувеличивают практическое и нравственное значение кормления голодающих, и в это время вдруг какой-нибудь юноша или девица гаркнет сгоряча: что ваша община — она оковы личности, или что ваше нравственное значение кормления,— народившаяся сбросит с себя ярмо и поработителей, помимо вас, «вяленой воблы», ищущей стимулов для деятельности в лицезрении мучений голодающего народа. Сам я таких марксистов не знаю и не встречал и ни от кого от своих товарищей о них не слы-

* Мне один народник, ученик г. Н. Златовратского, серьезно говорил: «Так что ж нам-то теперича делать: итти в деревни, да и кричать на площадях: Бей горшки, ломай ухваты, прялки, бороны и сохи, режь, продавай скот! Идут «капитализм и марксизм». *(Примечание Н. Федосеева.)*

хал, а слышал (между прочим, и тот пример, который я Вам сообщил в прошлом письме) от лиц другого направления. И по многим соображениям думаю, что никакой серьезной кампании против этих шутов гороховых (я не допускаю возможности даже сгоряча говорить подобные вещи, какие говорят они) не понадобится. Но это уже наше дело разобраться.

Но есть еще другая сторона дела. Когда я говорю, что «русские марксисты в наличных материальных условиях экономического строя имеют почву для активной революционной деятельности», то эти слова представляют только теоретическое значение. Возникает вопрос, если, как я утверждаю, есть налицо материальные условия для нашей активной деятельности, то существуют ли такие явления, порожденные этими материальными условиями жизни, которые требуют нашего вмешательства? Другими словами, выражаются ли экономические противоречия существующей индустриальной капиталистической формы производства в антагонизме пролетариата и буржуазии? Несомненно, существует. Русский капитализм так же враждебен русскому рабочему классу, как и всякий капитализм всякому рабочему классу. Русский рабочий выражает свою враждебность в борьбе. Борьба происходит бессистемная, вспышками и сопровождается тяжелыми жертвами со стороны борющихся рабочих, не только благодаря непосильности борьбы нищего с богатым, но и благодаря абсолютизму. Проявилась ли борьба рабочих в каких бы то ни было положительных результатах? Первое фабричное законодательство, получившее жизнь в эпоху «диктатуры сердца»[21], было вызвано не только интересами самих работонанимателей, хозяев, но и большими волнениями рабочих Петербурга, Москвы и других крупных центров. Отмена присвоения штрафов в частную пользу хозяев и некоторая регламентация взимания их вызваны большой стачкой рабочих Никольской мануфактуры[22]. Юзовский погром имел следствием издание законодательства о горнозаводских рабочих[23]. Недавняя стачка хлудовских рабочих[24], имевшая острый характер, послужила толчком к распространению фабричного законодательства и института фабричн[ых] инспекторов на губернии, не имевшие их до этой стачки. Никольские рабочие вынудили своих хозяев посредством стачки уменьшить продолжительность рабочего дня с 14 до 12 ч[асов]. Стачка шуйско-ивановских рабочих сопровождалась сокращением рабочего дня с 16 до 12—13½ ч[асов]. Достигнутые результаты, конечно, ни нас, ни рабочих не удовлетворяют; характеризуя причины этих миниатюрных реформ, можно воспользоваться словами Бисмарка: несорганизованная рабочая партия «служила бичом», под ударами которого были вынуждены сделать ничтожные уступки.

Польский пролетариат, значительно организованный партией «Пролетариат», выставил требованием 8-ч[асовой] рабочий день. Многие крупные фабриканты Лодзи, напр., Шайблер, наиболее пострадавшие от разгрома, должны были ввести 10-часовой раб[очий] день на своих фабриках и ходатайствовать теперь о законодательном уравнении продолжительности дневной эксплоатации рабочих сил во всем русском фабричном производстве[25].

Далее. Многие рабочие, тем или другим путем усвоившие социалистические идеи, часто равнодушно относятся к стачкам своих товарищей и тем устраняются от влияния, в смысле направления борьбы и разъяснения ее целей. В среде фабричных рабочих стремятся агитировать бунтари и либералы. Наконец, у весьма многих рабочих (я говорю об одном известном мне крупном промышленном районе) большое стремление к знанию. Они сами обращаются к нам с настоятельными просьбами указать источники для решений тех или других интересующих их вопросов, требуют ответов на возникающие у них насущные вопросы. Зачастую на фабриках, бог весть каким образом, организуются кружки (без руководительства интеллигентов), достаются книги, выписываются газеты, происходят дебаты,

ведется агитация, устраиваются сношения с рабочими других фабричных районов и деревнями. Но тактика при этом почти всегда отличается крайней непрактичностью и неопытностью, со всеми их последствиями. Мне известны, напр., факты, что рабочие запирали трактир, наполненный 2-сотенной толпой и читали революционные прокламации или устраивали многолюдные сходки для решения важнейших вопросов, не контролируя присутствующих, среди которых оказался урядник, и т. п.

Так борются и гибнут наши друзья, наш долг—вмешаться в эту борьбу, внести в нее свет и знания, организовать и направить с первого же начала против ближайшего врага, абсолютизма,— во имя политической свободы, гарантирующей права трудового населения.— И в этом смысле к нам предъявляют «спрос».— Я не буду останавливаться на жизненных требованиях вмешательства и борьбу крестьянства, с целью объединения ее с борьбой пролетариата и направления к решению единой общей задачи. Замечу лишь, что с этой стороны нет такой массы горячих запросов, нет самостоятельно выяснившихся течений в смысле, о котором я говорю.

Надо добавить, что среди мыслящих рабочих (больших центров) складываются различные направления; тут можно встретить и нигилистов-естественников (у читающих рабочих большое стремление к знакомству с химией, физикой и пр.) *; у нигилистов-рабочих в большинстве базаровская личная и семейная этика, но общественные убеждения социалистические. Есть среди рабочих и толстовцы; но в общем толстовское учение и молоканство встречают энергичный отпор со стороны мыслящих рабочих. Толстовцы представляют изумительный контраст своей личностью с общими условиями их жизни; представьте себе среди ада казарменной жизни людей чистых и непорочных, как кристалл; у них, наряду с страстным стремлением к знанию (и тоже реальному), господствует отвращение к насилию, в чем бы оно ни проявлялось. Поэтому они несколько отрицательно относятся к социалистам товарищам, сочувствуя, впрочем, их идеям и стремлению сорганизоваться. — Для Вас, полагаю, будет не безынтересно познакомиться со взглядами толстовца-рабочего: приведу выдержку in extenzo **, из одного письма рабочего-толстовца: «Я считаю самым необходимым уничтожить в себе пороки и усовершенствоваться нравственно, и имею убеждение, что люди до тех пор не будут жить между собой счастливо, покуда не усовершенствуются. Время, проводимое прежде в пьянстве и пр., они могли бы употребить на обсуждение своего положения и своих поступков. Для благоденствия народов считаю необходимым соединение всех народов в одну семью. Книги должны разрешить наши стремления, чтоб избавили нас от ходуль, а ставили на твердую веру и убеждение и научили бы нас более правильной и разумной жизни; чтобы открыли здравый практический взгляд на жизнь человеческую; чтобы могли из них получить советы и наставления в борьбе со злом; чтобы при этой борьбе менее нести лишений материальных и духовных; свергнуть иго зла мирным путем. Как привлекать людей на сторону разума и правды? Желаю познакомиться с естественной историей Библии; с нравственным и духовным развитием всего человечества с начала мира: желаю знать теории Гумбольдта и Дарвина. Хочу знать историю христианских церквей и сект; хочу знать о Л. Толстом, Некрасове, Спинозе, К. Марксе. Меня интересует духовное развитие во всех странах, особенно в России; современное политическое движение в мире. Хочу знать отзывы и критики о Л. Толстом; о

---

* Я назову следующий факт, показывающий, что и в других центрах происходит то же самое. В арестантском вагоне я случайно попал вместе с пересыльным социалистом рабочим с Балтийского завода. Он мне сообщил, что помимо политич[еской] экономии и социалистич[еских] наук его и многих его товарищей интересуют естественные науки. *(Примечание Н. Федосеева.)*

** На память. — *Ред.*

стремлениях людей к всеобщему счастью; сведения о реформаторах новых и средних веков. Я стремлюсь к идеократизму, т. е. к разумным понятиям. Мне хотелось бы познать, в чем заключается счастье материальное и духовное. Хочу знать, откуда происходит духовная и материальная ложная жизнь. И откуда задержка нравственной, истинной жизни? Нет ли доказательства обману? Нет ли средств, не поднимая руки, уничтожить зло?» *

И в таких случаях мы усердно рекомендуем вниманию просящих Ваши литературные произведения вообще и статьи о гр[афе] Л. Толстом и толстовцах в частности.— У меня, к сожалению, нет в руках писем рабочих другого направления, гораздо более интересных, чем цитированное.— Если я прибавлю, что подавляющее большинство рабочих невежественно, не знает даже о существовании каких бы то ни было широких интересов и сознающих свое бедственное положение в критические минуты и тут подчиняющихся голосу товарищей — вождей, то условия нашей деятельности в этой среде выяснятся более или менее полно.

Мои возражения на вторую часть Вашей полемической статьи, касающуюся теории экономического материализма, я решил отложить до следующей почты, чтоб успеть познакомиться с Вашей статьей в февральской книжке, которую я только что получил из редакции.

Н. Ф.

* * *

Теперь перейду к последнему вопросу, которому Вы отвели более всего места в Вашей полемике,— к вопросу о теории экономического материализма, этой «странной», на Ваш взгляд, теории, никем из ученых не доказанной, никем из ученых не проверенной, но принятой на веру массой немецких рабочих, совсем не компетентных в деле философского и вообще научного мышления. Но при всем моем желании отыскать в Вашей статье существенные возражения против этой «странной» теории, по крайней мере против той ее части, которая и по Вашему признанию обоснована,— я встречаю поразительно мало таких возражений; очевидно эта «странная» теория даже в своей обоснованной части не дождалась еще сколько-нибудь основательной критики. Разумеется, и тут моей задачей будет не выяснение теории экономического материализма и ее значения, а только защита от Ваших возражений.

Попробую сгруппировать Ваши взгляды на теорию экономического материализма и те возражения, которые Вы сделали против нее. К. Маркс в своем «Капитале» не изложил материалистического понимания истории; самое большее, он дал в нем несколько блестящих страниц в этом отношении; но тут речь идет об одном только историческом периоде, да и в этих пределах предмет, к о н е ч н о, н е и с ч е р п а н; автор просто касается экономической стороны известной группы исторических явлений. В «Манифесте» и в разных местах других своих сочинений К. Маркс высказал теорию экономического материализма, но нигде не обосновал ее «подробным анализом других философско-исторических теорий, ни сколько-нибудь значительным фактическим материалом».

Вот все, что сделал К. Маркс для теории экономического материализма.

Для теории экономического материализма, как исторической теории, больше всего сделал Фридрих Энгельс. Отдельные мысли в этом направ-

* К чести гр[афа] Л. Толстого я должен отметить следующий факт; несколько человек рабочих пришли к нему с мучительным вопросом: что делать им в их тяжелом положении; Лев Николаевич подробно расспросил их о фабричном житье-бытье, которое рабочие характеризовали «невозможностью сохранить образ человеческий»; после горячих сочувственных слов Лев Николаевич сказал им: «Боюсь, что мое учение не поможет Вам и Вашей жизни; я бы советовал Вам прочитать «Идею рабочего сословия» (напечатанную в «Современнике») и пр.; это большое подходит к Вашей жизни, чем мое учение». *(Примечание Н. Федосеева.)*

лении встречаются в разных его сочинениях. Но самый важнейший труд— «Происхождение семьи, собственности и государства в связи с воззрениями Моргана». Это «в связи» чрезвычайно замечательно. Книга Моргана появилась много лет спустя после того, как были провозглашены Марксом и Энгельсом основы экономич[еского] материализма, и совершенно независимо от него[26]. Но Маркс и Энгельс «примкнули» к исследованиям Моргана, видя в нем дополнение или вернее распространение своей теории на доисторические времена. Но исследования Моргана начинаются с такого исторического или, вернее, доисторического периода, когда общество еще не делилось на классы и нет, следовательно, классовой борьбы, и когда производство материальных ценностей находится в зародышевом состоянии, что о всеопределяющем значении его формы не может быть и речи. Поэтому явилась следующая поправка или дополнение к формуле материалистического понимания истории. По материалистическому воззрению определяющим моментом в истории является в последней инстанции производство и воспроизведение жизни, а оно двояко. С одной стороны, производство средств к жизни,—с другой, производство самого человека, продолжение рода. Великая заслуга Моргана состоит в том, что он нашел ключ к важнейшим, дотоле неразрешенным загадкам д р е в н е й греческой, римской и германской истории. Итак, в конце 40-х годов было открыто и совершенно новое, материалистическое и истинно научное понимание истории, которое сделало для исторической науки то же самое, что сделала теория Дарвина для современного естествознания. Но теория Дарвина явилась во всеоружии подавляющей массы фактического материала, тогда как творцы экономического материализма, в момент провозглашения своей теории, были, по собственному сознанию, н е д о с т а т о ч н о сведущи именно в экономической истории. Следовательно, эта теория менее всего может претендовать на научное происхождение. Несмотря на войну ее творцов с метафизикой, она родилась в н е н а у к и, именно в недрах гегельянской философии. В полемике с Дюрингом Энгельс много усилий потратил для постановки политической власти на экономический пьедестал и без сомнения высказал много верного, хотя вопрос этот нельзя считать исчерпанным; в другом месте Вы высказываете несколько иной взгляд на это сочинение: тут можно найти только остроумные попытки высказаться мимоходом, да иначе и не могло быть в полемическом сочинении. В полемическом сочинении Энгельс еще раз сознается, что «политическая экономия, как наука об условиях и формах, в которых происходят производство, обмен и распределение ценностей, еще подлежит созданию. Все, что мы до сих пор от нее получили, ограничивается почти исключительно зарождением и развитием капиталистического производства: она начинается с критики остатков феодальных форм производства и обмена, указывает на необходимость замены их формами капиталистическими, развивает, затем, законы капиталистического производства и оканчивается их критикою»[27].

Словами этими весьма суживается поле действия экономического материализма, как исторической теории, и, м о ж е т б ы т ь, найдется еще не мало неразрешенных ею загадок и кроме древней истории Греции, Рима и Германии.

Немудрено, что для теории, претендовавшей осветить всемирную историю спустя 40 лет после ее провозглашения, древняя греческая римская и германская история оставались неразрешимыми загадками, и ключ к этим загадкам был дан, во-1-х, человеком, совершенно посторонним теории экономического материализма, во-2-х, при помощи не экономического фактора. Несколько забавное впечатление производит термин «производство самого человека», за который Энгельс хватается для сохранения хотя бы словесной связи с основною формулою экономического материализма. Он вынужден, однако, признать, что жизнь человечества

многие века складывалась не по этой формуле, и проводит в будущем прекращение классовой борьбы и всеопределяющего значения форм производства. Вот все, что сделал Энгельс для теории экономического материализма. Затем следуют более или менее самостоятельные, напр., Каутский и, наконец, должно быть, уже не настоящие марксисты, которых, однако, очень много как в самой Германии, так и вне ее.

РАННИЕ РУССКИЕ МАРКСИСТЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ БУРЖУАЗНОГО КАРИКАТУРИСТА

«Марксисты на сорокалетнем литературном юбилее Н. К. Михайловского» — карикатура В. Каррика (1900 г.)

За столом слева направо: В. А. Розенберг, С. Н. Южаков, П. И. Вейнберг, Н. К. Михайловский, В. А. Мякотин, Л. Ф. Пантелеев и Н. Ф. Анненский. На переднем плане: А. М. Калмыкова, П. Б. Струве и М. И. Водовозова

Впереди стола «марксята» (говорящие Михайловскому): «Хотя мы и не согласны с вами в убеждениях, но все-таки примите наши поздравления»

Музей Революции СССР, Москва

Итак, теория экономического материализма никем не доказана, никем не проверена. На это указывают и весьма благосклонные к ней гг. Вейзенгрюн и Николаев[28].

Затем Вы бросаете два-три примера недочетов теории экономического материализма. Экономич[еские] материалисты не свели своих счетов не только с историей, а и с психологией. Напр., эти теоретики указали, что институт наследства немыслим без продуктов производства, передаваемых по наследству, но не указали, что он немыслим без продуктов детопроизводства, получающих наследство, — без них и без той сложной и напряженной психики, которая к ним непосредственно примыкает. Далее. Родовые связи, хотя и побледневшие в истории цивилизованных народов, однако пробуждают иногда страшного демона национальной вражды до сих пор, не говоря уже о более ранних исторических периодах, и как вместе с тем противоречат иногда его пробуждению всякой классовой борьбы, об этом свидетельствуют недавние европейские события. Основанное Марксом Международное общество рабочих, организованное в целях классовой борь-

бы, не помешало французским и немецким рабочим в момент национального возбуждения резать и разорять друг друга.

Вы утверждаете, что в истории существует вообще много случаев, когда тот или другой процесс внутренней работы общества обрывался и получал совсем иное направление благодаря случайным осложнениям международного характера. Затем говорите, что идея исторической необходимости существовала ранее Маркса и его теории, чего знать будто бы не хотят его поклонники.

Относительно прошлого выдержать эту теорию исторической необходимости (все равно хоть в одежде экономического материализма) сравнительно легко: налицо вся законченная цепь причин и следствий. Однако и тут историк, работающий над историческим материалом, в котором когда-то лилась кровь, раздавались стоны побежденных и клики торжества победителей, зрели и приносили плод высокие и подлые мысли и чувства, и тут историк не обойдется с одной исторической необходимостью. А в настоящем, в практических делах на одну эту историческую непреложность ссылаться нельзя.

В фантастическом царстве, где метафизические тени явлений заслоняют от нас самые явления с их цветом и запахом, красотою и безобразием, подлостью и величием, — нет героев и толпы, а есть только равно необходимые люди. Но в действительности Маркс и марксисты представляют собой героя и толпу. Анализируя условия, при которых в истории слагается такая толпа и являются такие герои, мы очень часто найдем в числе их и экономические факторы. И тем не менее это явление siu generis*, ключ к которому можно искать и при помощи политической экономии, но не в ней самой и в том отделе психологии, который занят мотивами производства материальных ценностей.

Словом, в науке экономический материализм просто не оправдал себя, и этим достаточно объясняется его неуспех, особенно бросающийся в глаза рядом с блестящим успехом «Капитала». Правда, теория эта имеет огромную массу сторонников среди рабочего класса; но успех теории, в критически-непроверенном виде, лежит не в науке, а в житейской практике, устанавливаемой перспективами в сторону будущего. Перспективы эти не требуют от усвояющих их немецких рабочих и принимающих горячее у[ча]стие в его судьбе ни знаний, ни работы критической мысли.

Рост и политическая дисциплинированность немецких рабочих придают в свою очередь отраженный блеск теории экономического материализма.

Вот Ваши возражения против теории экономического материализма! Кроме нескольких крупных противоречий Ваших слов с излагаемыми фактами, я заметил в них еще некоторое стремление предъявлять слишком большие требования к этой науке и извратить ее значение в современной жизни, где она является руководителем движения, в его «телесном виде».

Посмотрим на дело ближе, и притом не враждебно.

«Манифест» — это первая замечательная формулировка того, что начало «совершаться на глазах люда того времени»; принципы, положенные в основу этой великой книги (мал золотник, да дорог!), представляли собой лишь общее выражение социальных отношений, соответствующей силы борьба классов. Ядро теории экономического материализма «Манифеста» составляют идеи научного социализма, формулировка довольно ярко обнаружившейся тогда истины, что текущая общественная жизнь представляет собой перипетии классовой борьбы. Следовательно, теория экономич[еского] материализма вызвана к жизни классовой борьбой пролетариата. На эту сторону было обращено более всего внимания авторами

* Чистое место, чистая доска.—*Ред.*

«Манифеста». В этом виде экономический материализм, как философская система, до сих пор не поколеблен; и, очевидно, этот пункт этой теории решительно не допускает возможности принятия этой философской системы со стороны либеральных и радикальных буржуазных государственных деятелей и людей науки.—Авторы «Манифеста» с самого начала высказали вполне определенную мысль, что борьба классов не является специфическим явлением текущего исторического процесса. Они тогда уже могли сказать: «История всех доныне существовавших обществ есть история борьбы классов». По отношению ко всем существовавшим обществам это утверждение, разумеется, было более или менее вероятной гипотезой. Но авторы далее указывают, какие именно общества изучены ими: «Свободный и раб, патриций и плебей, средневековый барон и крепостной, цеховой мастер и подмастерье, угнетатель и угнетаемый — находились в вечной вражде друг с другом, вели непрерывную борьбу, то скрытую, то явную борьбу» [29]. — Я не думаю, чтоб у К. Маркса и Энгельса не было перед глазами фактических данных для обосновки той ее части, в которой она высказывается в цитированных словах.

Теория экономического материализма, чтоб стать всеобщей философско-исторической теорией, должна была подвергнуться проверке на всех известных исторических фактах, имеющих важнейшее значение в последовательном развитии обществ. Но, по собственному признанию Ф. Энгельса, тогда у них не было достаточного количества сведений по всемирной экономической истории. Ф. Энгельс сам отметил этот недочет. — Таков генезис теории экономического материализма. Дальнейшее развитие этой теории — с самого начала обоснованной фактами современной действительности и известными фактами ближайшего и отдаленнейшего прошлого европейского Запада — подчинялось исключительно настоятельнейшим запросам живой жизни. Главным стимулом как возникновения ее, так и дальнейшего развития было желание точнее формулировать принципы начавшегося революционного движения пролетариата. К. Маркс дал «несколько блестящих страниц» в «Капитале», представляющих собой глубокий анализ ближайших исторических фазисов (Англии и Германии) с точки зрения теории экономического материализма. Он более детально, чем в «Манифесте», проследил здесь разложение старого феодального общества и зарождение в его недрах нового, буржуазного, и первоначальное развитие этого последнего; но исключительно в области экономических фактов.

В более ранних и позднейших сочинениях то же самое было сделано им относительно роли буржуазии в политическом и духовном развитии. Итак, теория экономического материализма с самого начала имела право называться т е о р и е й по отношению к настоящему и ближайшему прошлому истории.

Но как всеобщая философско-историческая теория, верная по отношению к всемирной истории, она нуждалась в подтверждении всемирно-историческими фактами; до тех же пор она была блестящей по глубине мысли, стройности г и п о т е з о й уже по отношению ко всей доисторической жизни человечества и исторической жизни восточных народов, ариев со славянством во главе, в особенности. Это прекрасно понимали сами К. Маркс и Энгельс. Сам К. Маркс заявил Вам, что он свою теорию возникновения и развития капиталистического производства считает верною лишь в приложении к западной истории.

Высшее логическое развитие теория экономического материализма получит только тогда, когда будет проверена на исторических фактах славянского Востока.

Но это и по отношению к доисторической жизни человечества и по отношению к истории славянских народностей и центрального Востока было

невозможно в эпоху «Манифеста» и «Капитала», было невозможно до настоящего времени.— Факты древнейшей истории нуждались еще в разгадке. Ключ к этой разгадке дала сравнительная этнография. Но этой науки до самого последнего времени не существовало, несмотря на обилие сведений о существующих и древних диких племенах и тех данных, касающихся доисторической жизни цивилизованных народов, которые заключаются в мифических поэмах, легендах и пр.

Морган собственным изучением быта краснокожих Сев[ерной] Америки оказал великую услугу в деле разрешения многих загадок доисторического быта цивилизованных народов и разъяснения нелепостей и противоречий в имевшихся этнографических данных.

«Моргану, а также Файзону, — говорит М. Ковалевский [30], — мы обязаны самым удивительным открытием, сделанным в области социологии в наше время» («Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété», Stockholm, 1890) [31]. Так что это «im Anschluss» [32] Энгельса чрезвычайно интересно, но не в том смысле, какой Вы изволили ему придать. Были попытки Бахофена и Мак-Леннана [33] разгадать доисторический быт и понять существующий строй социальных отношений у современных дикарей. Попытки замечательные, но неудачные во многих отношениях. Я позволю себе напомнить Вам Вашу собственную работу об этом предмете, на основании данных, извлеченных Бахофеном и Мак-Леннаном (кажется).

Морган, кроме того, указал на экономические причины перехода от материнского рода к патриархальному (М. Ковалевский, «Первобытное право»). В том, что Энгельс внес поправку в первоначально формулированную теорию экономич[еского] материализма при знакомстве с доисторическим временем,— я не вижу ничего удивительного. Я собственно не понимаю, почему Вы думаете, что Энгельс схватился за «производство самого человека» для удержания «словесной связи» с прежде формулированной теорией? Я не понимаю, почему Энгельсу надо было устранить теорию экономич[еского] материализма по отношению к самой первичной эпохе общественности, когда Морган, незнакомый с этой теорией, единственно благодаря тому, что все социальные отношения на первых ступенях общественности слишком ярко обнаруживают свою зависимость от экономических условий жизни, приложил эту теорию? Впрочем, мое неудомение, может быть, объясняется незнакомством с трудами Моргана.

Далее. Не совсем правильно утверждать, что при первоначальной формулировке теории экономич[еского] материализма, при обосновке ее фактами ближайшей исторической жизни, Маркс и Энгельс видели в истории только борьбу классов; они и тогда включали сюда борьбу сословий. Вскоре ее формулировали, как «борьбу состояний, сословий, классов». Более детальное изучение текущей жизни, как той, которая предшествовала ей, непрерывно совершается и в настояще время. Весьма ценные вклады в этом смысле сделали Каутский, сам Энгельс и многие другие (на видном месте следует поставить и не-«экономического материалиста» М. Ковалевского; его недавние работы по английской и французской истории представляют для нас во многих отношениях выдающийся интерес). Теория экономического материализма по отношению к минувшим историческим временам, и особенно отдаленнейшим, не встречает такого почти всеобщего отрицания со стороны «люда науки», как теория научного социализма (т. е. теория экономич[еского] материализма, касающаяся современной текущей жизни). Принять эту теорию, со всеми ее логическими последствиями, для буржуазных ученых и государственных деятелей — значило бы превратиться в социал-демократов или... в «буддистов-нирванистов», а ученые и государственные деятели en masse* на это не согласны.

---

* В массе.—*Ред.*

Но обоснована ли теория экономического материализма «исключением других философско-исторических теорий»? Это опять-таки сделано, как и все в этой науке, постольку, поскольку дело касалось новейшего времени, т. е. опять-таки экономические материалисты прибегали к науке не для науки (не для собирания фактов и самодовлеющих операций с ними), а под давлением мучительных запросов времени. Если Вас все-таки не удовлетворяет то, что сделано экономическими материалистами в этом отношении, со стороны «сколько-нибудь достаточного анализа других философско-исторических систем»,— то это происходит потому, что Вы заявляете собственно свое petitio principii*, но принять его для экономических материалистов будет обязательно только в том случае, когда Вы докажете, что они ошиблись, доказывая, что современные идеи и идеи ближайших исторических моментов лишь выражение материальных условий производства. Вот если Вы это докажете анализом современных социальных явлений, то экономические материалисты, вероятно, охотно займутся подробнейшим анализом всех существующих и существовавших философско-исторических теорий и напишут что-нибудь вроде кареевской истории философии. А пока это совершенно излишнее дело. Анализируя ближайшие и современные экономические, политические и идеологические явления и обосновывая теорию экономического материализма, К. Маркс в «Манифесте», «Капитале», в «Нищете философии» и в других произведениях «исключил» философские системы утопистов и философские системы господствующих классов. В полемике с Дюрингом Энгельс блестяще отверг теорию «чистой политики» и указал на экономическую подкладку политической власти. Новейшие работы экономистов-материалистов продолжают эту работу.

Так вот каким представляется мне действительный ход развития теории экономического материализма и самой науки. Законченное здание экономического материализма и точная формулировка самой теории явятся не прежде, чем будут изучены исторические формы народностей, ускользавших до сих пор от изучения, и не прежде, чем история каждой страны будет изучена, с точки зрения экономического материализма, от начала до новейшего времени. Как на примеры подобных работ, я могу сослаться на книжки Джиббинса и Эшли (с трудами Роджерса я, к сожалению, не знаком) [34]; первый даст сжатый, но очень полный и яркий очерк всей истории Англии; второй — подробное исследование средневековых форм английского производства.

Поставить в вину теории экономического материализма, что она не вышла на свет божий готовой, а долго развивалась и еще будет развиваться, разумеется, нельзя. Огюсту Конту ставят в вину, что он, «создавая величественное здание науки на данных, не достаточных для этого, не имеющих характера общности, который предполагал в них творец позитивизма, ибо только один романско-католический мир был доступен его исследованиям» **, не сделал оговорки относительно этого весьма понятного пробела. Но это не мешает последователям О. Конта называть его «творцом величественного здания науки». Творцам теории экономического материализма мы не можем поставить в вину даже этого, потому что они сами указывали на пробелы в своей теории и пополняли их при первой возможности.— Я совершенно не понимаю Вашего желания видеть теорию экономического материализма обоснованной такой же «подавляющей массой исторических фактов», как теория Дарвина. Едва ли требуется такое мелочное перечисление фактов, касающихся главнейших исторических моментов; а, ведь,

* Аргумент на основании вывода из положения, требующего доказательства.—*Ред.*

** М. Ковалевский, Tableau des origines et de l'évolution. *(Примечание Н. Федосеева.)*

и у Дарвина нашлось много положений и выводов, обоснованных на недостаточном количестве фактов, вполне обоснованных только преемниками его. И вот эта теория экономического материализма получила широкое распространение среди рабочего класса всего цивилизованного мира. Верно ли Ваше утверждение, что принявшие ее рабочие не понимают ничего в деле знания и критической мысли? Это мнение не новое, его на разные лады повторяют и гг. Евгении Рихтеры, Бахелзы, Герфурты, Дюпюн и многие наши отечественные «ученые». Я не буду утверждать, что всех или большинство рабочих социал-демократов особенно интересует знание древней жизни человечества, что они компетентны в этой сфере и обладают в этом отношении научным критическим мышлением. Но я могу заверить Вас, что раз рабочие начинают мыслить и анализировать критическою мыслью современную социальную жизнь, то никакое обаяние Фр. Энгельса, Либкнехта и Бебеля не заставит их признать ложь за правду, тем более, что враги научного социализма в массе брошюр, лекций, памфлетов и даже в парламентских речах стараются доказать его ложность.

Нет! Громадный успех научного социализма объясняется тем, что он ясно, правдиво анализировал текущую жизнь и формулировал принципы движения, основанного на происходящей в недрах общества экономической эволюции. Лишь только рабочий начинает мыслить, начинает критически относиться к окружающей его действительности — он принимает принципы научного социализма. И ни в одной из существующих в Германии партий, даже по свидетельству принца Королата Шейнах, нет такой массы идеалистов, как в социал-демократии; эта партия насчитывает в своих рядах «бесчисленное множество идеалистов». Да так и всегда было, что люди,— которых в старину считали «великими», одаренными божественным разумом и проницательностью,— формулировали насущнейшие интересы или господствующих сословий и классов, или экономически-подчиненных. И никакая требовательная наука, если она не будет фальсифицировать исторических фактов, не докажет, что какой-нибудь «бунтовщик», вождь народной массы, не точно, ложно формулировал важнейшие интересы шедшей за ним массы или искажал смысл современной ему жизни, или что какой-либо «великий человек» господствующего класса «не-научно» формулировал и осуществлял его интересы. Но научный социализм имеет не только характер точного, ясного выражения интересов подчиненного класса, но представляет собой «последнее слово» социальной науки (экономической, исторической, философской) и этики. Эта последняя черта составляет специфическую принадлежность научного социализма, как и идеологии современного подчиненного класса. Она обусловлена характером материальных условий современного производства, при котором пролетариату принадлежит революционная прогрессивная роль. С точки зрения философско-исторической теории экономического материализма возможно было наметить главнейшие черты современного обоюдоострого процесса. И многое из того, что было намечено «Манифестом» и «Капиталом», блестяще подтвердилось дальнейшими событиями. Экономические материалисты с таким же научным правом, как и всякие другие позитивисты социологи, имели право формулировать исходные пункты современной общественной эволюции, поскольку она обнаружила свой характер и тенденции. Важнейшие из таких законов, установленных научным социализмом, следующие: овладение рабочим классом орудиями и средствами обобществленного производства; уничтожение социальных классов; уничтожение государственной власти (которой, все-таки, в качестве «диктатуры пролетариата» в той или иной форме, будет принадлежать роль «повивальной бабки» при появлении на свет нового общественного строя); объединение пролетариата всего мира. Экономические материалисты, разумеется, не

Политическаго заключенна Николая Евграфова Федосеева

Прошение

Въ дополнение къ моей просьбе къ Вашему Превосходительству о разрешении мне ехать въ Вологду на свой счетъ, я имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что могу оплатить путь в оба конца [illegible] одного конвоира и дорожныя вещи мои будутъ приготовлены къ концу текущей недели.

Николай Федосеев.

21 декабря 1893 года

ПРОШЕНИЕ Н. Е. ФЕДОСЕЕВА ВО ВЛАДИМИРСКОЕ ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОТ 21 ДЕКАБРЯ 1893 г.
Владимирское Отделение Центрархива

утверждают, что на земле, с победой пролетариата, наступит «мир и в человецех благоволение», т. е. абсолютное счастие; но они с научной вероятностью указали на то, что будущее общество избавится от фатального подчинения объективным условиям экономической жизни, и на уничтожение тех сторон современного строя, которые вызывают наибольшую сумму страданий. Вы говорите: «Оправдается ли прорицание исхода капиталистического строя или нет, покажет будущее, но так как ничего подобного история человечества не видала до сих пор, то во всяком случае не на данных исторического опыта и исторической науки это пророчество опирается» [35]. Это чрезвычайно интересная фраза! Даже г. Евгений Рихтер, ожесточенно нападая на социал-демократов, не забывает, в азарте полемики, что для успешности борьбы надо всегда иметь в виду точку зрения противника [36]. Научные социалисты на основании анализа выяснившегося характера современной экономической и политической эволюции намечают исходные пункты капиталистического процесса. Изучение минувших исторических эпох, с точки зрения экономического материализма, во-1-х, указало на то, что классовая борьба служила орудием исторического процесса; во-2-х, дало возможность выяснить причины и следствия побед и поражений боровшихся социальных групп. Исторический опыт в этом смысле дает уверенность относительно настоящего и будущего. Разумеется, какой-нибудь катаклизм может все уничтожить. Но возможность катаклизмов в истории мы отрицаем. Конечно, возможно, что «луна сядет к нам на нос» и нос раздавит; но об этом мы не беспокоимся... Но может быть «Паркой» подготовлен «злодей, готовый на все преступления» —

И ей за услугу отплатит злодей
Погибелью многих и многих людей,
Он царства разрушит, погубит народ,
И сам на обломках бесславно падет.

Это очень возможно, этого можно ожидать, и мы вполне разделяем опасения наших западных товарищей относительно возможности, что подоб-

ный «тиран на престоле» надолго замедлит общественный прогресс Запада.

Резюмируя Ваши возражения против экономического материализма, я пропустил следующее: «Надо заметить, что основы экономического материализма не составляют в нашей литературе какой-нибудь новости. Они доходили до нас еще в 30-х, 40-х годах из Франции, от Фурье, потом Луи-Блана, а в 60-х годах они излагались и в нашей литературе; не в форме, правда, нынешнего немецкого экономического материализма, а в форме более общей мысли о зависимости политической и вообще духовной жизни от экономических условий. Знали мы и о классовой борьбе буржуазии с феодальным строем и пролетариата с буржуазией». Совершенно верно, попытки поставить экономические условия во главе или на первом плане при изучении всех или некоторых исторических явлений появились на Руси, как и на Западе, ранее экономического материализма; но только не от Фурье и Луи-Блана они перешли к нам, а от «экономистов-фаталистов». В № 13 «Телескопа» за 1833 г., в статье В. П. Андросова, я читаю следующие строки: «Изучая историю гражданских обществ, мы замечаем те многообразные изменения, кои с течением времени совершаются в вещественном их бытие, политическом устройстве и умственном состоянии. Народ во всякое данное время состоит из единиц; но мысль, идея, проникающая [весь] состав сей массы, дающая ему движение, жизнь, изменяется беспрерывно. Поколения, следуя одно за другим, делаясь участниками жизни и общественной, находят обстоятельства, непостижимо образующиеся, которые мало-помалу произрождают понятия, мысли, для предшествовавших поколений не существовавшие. Идеи сии, приобретши зрелую ясность и догматическую важность, развившись до отдаленных пределов народного смысла, становятся в свою очередь факторами последующих событий, силою, рождающею внутреннее соотношение стихий общества. Эту непрерывающуюся изменяемость, этот неизбежный, неудержимый ход в жизни политической народа называют в наше время довольно выразительно, хотя и не совершенно точно, р а з в и т и е м г р а ж д а н с т в е н н о с т и (курсив автора). Черта, или степень, до которой достигли в наше время различные гражданские общества, внимательно рассмотренная, открыла такие сведения и о таких политических (общественных) предметах, которые до эпохи образования сей степени или только что зачавшиеся не могли быть замечены или, большая часть, вовсе не были известны. Политические события, возникшие из движений сего развития, указали в наше время, между прочим, и на то, какое важное участие в судьбе народов производит мера тех средств, которыми они в состоянии располагать для удовлетворения разнообразных частных и общественных потребностей, и какое окончательное решительное влияние имеет она на благо и бедствия народные. По свойству сих (политических) * событий не трудно было заметить, что мера и количество сих средств составляют прямую и относительную силу государства, а потому это естественно должно было навести ум на исследование источников сих средств; на причины, ускоряющие или задерживающие образование оных; на те законы, по коим средства распределяются между членами общества» (это, по автору, причины возникновения новой науки «политич[еской] экономии» и предмет ее, стр. 3—5). Характеризуя «состояние экономии политической» в Германии, автор констатирует, что она окружена большею частью мраками и туманами». «Жизнь Германии, заключенная относительно еще много в ржавых готических формах, мало представляя предметов, коими можно было бы пополнить, поверить или пояснить содержание науки, не более допускает

* В скобках в обоих случаях вставлено автором письма. — *Ред.*

и откровенности» (№ 14, стр. 129) [37].—Постановка экономических явлений на первый план при изучении социальных явлений была сделана Заблоцким-Десятовским в приложении, с точки зрения крепостного господствовавшего класса,—к той системе социальных отношений, которая составляла собою крепостное право. — В «записке»... 1841 г. («Гр. Киселев и его время», в IV т., стр. 271—272) названный автор говорит: «Вопрос о крепостном праве решить легко, восходя к понятию о человеке и его достоинстве. На этот взгляд, при всей своей справедливости, может для многих казаться выспренним или, как обыкновенно говорят, умозрительным... Но если бы можно было доказать, что такое отношение неблагоразумно, невыгодно, то этот довод действовал бы и тогда, когда другие казались бы неуспешными» [38]. Поэтому он обращается к анализу изменившихся материальных условий крепостного товарного хозяйства и доказывает, что крепостное право не может существовать, ибо оно невыгодно «для кармана всех» (а не то что «невыносимо для личности многих») («Причины колебания цен на хлеб». Отеч[ественные] Зап[иски] 1847 г., т. VII, кн. 1, стр. 2—3). Автор указывает «на многие обстоятельства, непостижимо образовавшиеся, выражаясь словами В. П. Андросова, и мало-помалу произрождавшие новые понятия, мысли у господствовавшего класса о вреде крепостного права и необходимости его уничтожить известным образом. Затем, действительно, проникли в Россию экономические теории «великих утопистов», но в смысле противоположения экономических отношений политическим и предпочтения первых вторым. Наконец, в начале 60-х годов Чернышевским были написаны «Июльская монархия» и «Труд и капитал»; в высшей степени замечательные статьи. Но как Чернышевский понимал борьбу пролетариата, видно из того, что он называет его «язвой, разъедающей западную цивилизацию», а в «поземельной собственности» говорит, что «начавшееся движение пролетариата имеет цель применить начала товарищества к труду» [39]. У В. Белинского выразилось более горячее отношение к пролетариям: «Народ французский, — писал он, — не верит говорунам и фабрикантам законов и не станет больше проливать своей крови за слова, значение которых для него темно, и за людей, которые его любят только тогда, когда им нужно загрести жар чужими руками, чтобы воспользоваться некупленным теплом... И теперь у фр[анцузско]го народа есть истинные друзья: это люди, которые слили с его судьбою свои обеты и надежды, и которые добровольно отреклись от всякого участия на рынке власти и денег... Их добросовестный энергичный голос страшен продавцам, покупщикам и акционерам администрации — и этот голос, возвышаясь за бедный обманутый народ, раздается в ушах административных антрепренеров, как звук трубы судной»... [40] — Так что экономический материализм, как теория научного социализма,— явление новое на Руси. В качестве руководящего принципа революционной деятельности он мог явиться всего несколько лет тому назад.

Итак, Ваше утверждение, что экономический материализм «не свел счетов с историей», не верно в том смысле, какой заключается в Ваших словах.— Теория экономического материализма с самого начала была обоснована историческими фактами; развивалась постепенно, как и всякая другая научная теория; мыслители, впервые формулировавшие ее, хорошо понимали, что недостает ей, чтоб стать философско-исторической теорией; они при первой же возможности пополнили важные недочеты как в обстановке теории экономического материализма, так и в более точной ее формулировке; но она продолжает развиваться и получит окончательную формулировку только после изучения, с точки зрения экономического материализма, истории восточных народов, в том числе славянства, и детального изучения истории каждой страны.

Ваши утверждения: «может быть» найдется еще не мало загадок; экономическая сторона процесса превращения феодального общества в буржуазное—предмет, «конечно, не исчерпанный» в «Капитале»; вопрос о зависимости политической власти от экономических отношений «нельзя считать исчерпанным» в полемике Энгельса с Дюрингом; все эти утверждения, разумеется, не поддаются возражениям.

Теперь перейду к тем недочетам, на которые Вы указываете вполне определенно.

Теория экономического материализма не свела счетов с психологией. Это для меня не совсем понятное требование. Я думаю, что психология, как и физиология и т. п. науки, не имеют классового характера. Вопрос о «героях» и «толпе» — из области психологии. Но «герой» Дюпюи воздействует по одинаковым законам на буржуазную палату. как и «герой» Бебель на «толпу» социал-демократов. Говорят еще о «психологических факторах», психологическом воздействии; «напр., крымская катастрофа имела психологическое воздействие на русское общество, ярче представила перед всеми мыслящими людьми тот факт, что крепостное право — тормоз, оковы всей жизни»; но этот вывод был подготовлен массой фактов, вызванных к жизни изменившимися материальными условиями крепостного товарного хозяйства; катастрофа послужила только новым ярким фактом.

Вы говорите далее, что экономические материалисты, исследуя институт наследства, указали, что он предполагает существование производства продуктов, но «не указали», что «он немыслим без продуктов детопроизводства». Согласен, что это непростительный пропуск! Но далее Вы пишете, что вместе с тем они пропустили и ту сложную и в высшей степени напряженную психику, которая примыкает к продуктам детопроизводства. Это замечание едва ли вполне основательно. Если я не ошибаюсь, Вы говорите о семейно-половых отношениях. Если так, то из всех трактатов об эволюции семьи известно, что как отношения мужчины к женщине, так и к детям беспрерывно развивались. Семейно-половая психика имела резко специфические формы, соответствующие различным формам семейно-половых союзов. Так что на экономических материалистах лежала обязанность доказать, что семейно-половые союзы эволюционировали на базисе материальных условий экономики. Но я могу указать на статью г. Поля Лафарга (в «Nouvelle Revue» 1886 г., 15 марта, «Le Matriarcat»)[41], автор касается внутренней психической стороны семейно-половой жизни на различных ступенях развития; статья эта, правда, не блестящая. Зато в трудах «неэкономических материалистов» я нахожу яркую картину внутренних психических отношений «большой семьи» и некоторых других семейно-половых форм. Например, в труде М. Ковалевского «Современный обычай и древний закон»; для примера могу указать на любопытный очерк «семейной общины на Урале» Пономарева (в Сев[ерном] Вестн[ике]), где тот обосновывает экономическими причинами разложение прежних психических связей в «большой семье» и ее разложение. — Затем Вы указываете на ожесточенную резню в момент национального возбуждения между французскими и немецкими рабочими, несмотря на существование «Международного общества рабочих»,— как на факт, противоречащий теории экономического материализма. Не входя в подробное обсуждение указываемого Вами случая, в связи с «Международным обществом рабочих» того времени, я укажу на замечательный исторический факт, что 70 тыс. немецких рабочих заявили французским рабочим, что ни гром пушек, ни победа, ни поражение не заставят их отказаться от дружбы с французскими рабочими; от сознания общности интересов; от убеждения, что французская и немецкая буржуазия для них одинаковые, общие враги. «Герой» этой 70-тысячной «толпы» Бебель поплатился 3—5-летним за-

Н. Е. ФЕДОСЕЕВ
Фотография 1893 г., Владимир
Музей Революции СССР, Москва

ключением в Шпандау Если резня все-таки произошла, то этот факт имеет ту же причину, что и невозможность для пролетариата при настоящей классовой организации уничтожить современное государство.

Наконец, остается Ваша фраза: «В фантастическом царстве, где метафизические тени явлений заслоняют от нас самые явления, с их цветом и запахом, красотою и безобразием, подлостью и величием, — нет и героев и толпы, а есть толь[ко] равно необходимые люди. В действительности же, Маркс и марксисты — «герой и толпа». А выше несколько Вы писали: «Историческая необходимость, хотя бы в форме экономического материализма, не годится для исследования прошлого, где лились горячая кровь и пр.; а в практических делах на одну ее уже совсем ссылаться нельзя».

Мы не думаем, что Маркс или марксисты развенчали «героев», — это сделали буржуазные ученые. Наиболее блестящим противником «культа героев» мне кажется Герберт Спенсер; ему же принадлежит заслуга выяснения генезиса «героического культа».

Социал-демократия, действительно, не признает «героев» и «вождей»: она развенчала Бисмарка; и в то время, когда большинство немцев, поклонников железного канцлера, прорицало крушение германского «величия» с отставкой Бисмарка, — социал-демократы доказывали, что положение вещей ничуть не изменится. И они были и оказались правы.

Когда о настоящих вождях социал-демократии враги говорят, что они поклонники «красного Далай-Ламы» (К. Маркса) и «маленького Далай-Ламы» (Энгельса) и сами Далай-Ламы для «толпы» бессмысленных, легковерных рабочих, то Бебель и Либкнехт говорят, что дела пошли бы так же, если бы их не было на свете, если б их всех уничтожили.— Что Вы хотели сказать словами: «В текущих делах на одну историческую необходимость ссылаться нельзя» — я не пойму. Когда социал-демократы говорят, что они не «герои», и ссылаются на историческую необходимость, то, во-1-х, не говорят ничего нелепого с научной точки зрения, а во-2-х, это придает невыразимую уверенность всем их действиям. Вот последнее-то Вам особенно не нравится... «Идеализм, действительно, изгнан из последнего убежища; понимание истории стало материалистическим». Но «критика, говоря словами К. Маркса, сорвала с оков украшавшие их воображаемые цветы не для того, чтобы человечество продолжало нести эти оковы в их форме, лишенной всякой фантазии и всякой радости, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком»...[43]

Мы никогда не думали, что экономический материализм, как философско-историческая теория — первая попытка установить научную формулу исторического прогресса.

Вот, напр., новейшее определение прогресса, даваемое неэкономическими материалистами: «Прогресс, как мы понимаем его в настоящее время, может быть определен следующим образом: это непрерывный и самопроизвольный рост плодоносного зерна, посеянного много веков назад нашими предками. Идея сделать из чего-либо tabula rasa * и идея создать сразу новое государство, новую религию или новую мораль нам совершенно чужда. Но если современная идея эволюции отрицает возможность катаклизма, то она равным образом противостоит и всякому застою деятельности. Настоящее с ее точки зрения лишь условие будущего, которое должно преобладать во всех отношениях. Облегчить переход в лучшее состояние — вот та высокая задача, которая поставлена эволюционной философией практической жизни. Изучить прошедшее и настоящее, с тем чтобы на основании их изучить (предвидеть) будущее — такова величайшая ее заслуга в области теории»[44]. Если хотите, мы можем гордиться, что эволюционная теория экономического материализма представляет собой самую ран-

---

* Чистое место, чистая доска.— *Ред.*

нюю радикальную (в практической жизни) и блестящую по глубине мысли позитивную формулу прогресса.

* * *

Итак, мы, русские марксисты, усвоили идеи научного социализма, как руководящие принципы активной деятельности — в виду изменившихся материальных условий социально-экономической жизни и под давлением настоятельнейших запросов этой жизни; мы приняли теорию экономического материализма потому, что она удовлетворяет всем научно-критическим требованиям. С тем неприятным для Вас фактом, что мы выбрали «героем» немца — К. Маркса, — придется примириться. Для смягчения Вашего патриотического* негодования, я мог бы указать на то, что не мы одни, а «безжалостные теоретики» и рабочие всего цивилизованного мира усваивают идеи экономического материализма.

Мои возражения были уже окончены (кстати, я замедлил ими потому, что не мог скоро достать январ[скую] кн[ижку] «Русск[ого] Бог[атства]», которое выписывается здесь в одном экземпляре, да и тот немедленно отсылается из города в уезд за 200 в[ерст], — когда я получил вторую книжку с Вашей статьей, посвященной марксистам, и именно со стороны критики философской части их теории; я отложил отправку настоящих листов, ожидая встретить в Вашей второй статье веские возражения и замечания. Оказалось, Вы тащите нас в туманную область метафизики. Не тащите, мы не пойдем туда! Во-первых, потому, что мы чувствуем отвращение к метафизике, и, во-вторых, потому, что если метафизика и была родной матерью экономического материализма (как и всякой философии), то счеты с ней сведены самым радикальным образом Марксом и Энгельсом; нас удовлетворяют эти счеты.

Николай Федосеев.

Сольвычегодск, 19 марта 1894 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Федосеев имеет в виду свое письмо к Н. Михайловскому к 8 (21) ноября 1893 г.

2 В своей статье «Литература и жизнь» («Русское Богатство», январь 1894 г.) Н. Михайловский, приводя большие отрывки из письма Федосеева от (21) 8 ноября 1893 г., нападая с идеалистических, субъективистских позиций на марксизм, пишет: «Ни для кого не тайна и никто не оспаривает, что за последнее время уровень нашей умственной и вообще духовной жизни сильно понизился. Понизился уровень знаний, критической мысли, энергии, восприимчивости, потускли идеалы, выступили разочарования».

3 Федосеев приводит эту цитату из статьи Михайловского за 1892 г. «Идеалы и идолы». См. Соч. Н. К. Михайловского, 1909 г., т. 7, стр. 341, 350—351.

4 Федосеев здесь цитирует письмо из статьи Н. К. Михайловского. См. Соч., т. 7, стр. 759.

5 Федосеев имеет в виду статью Н. К. Михайловского «К. Маркс перед судом г-на Ю. Жуковского» (см. «Отечественные Записки, кн. 5, 1877 г., стр. 325).

6 Федосеев имеет в виду письмо К. Маркса к редактору «Отечественных Записок» в 1877 г., в котором Маркс писал: «Если Россия стремится стать нацией капиталистической по образцу западноевропейских наций, — а в течение последних лет она наделала себе в этом смысле много вреда, — она не достигнет этого, не преобразовав предварительно доброй доли своих крестьян в пролетариев; а после этого приведенная раз на лоно капиталистического строя она подпадает под власть его неумолимых законов, как и всякая другая непосвященная (profane) нация. Вот и все!» (см. Ленин, Соч., т. I, стр. 473).

7 Менделеев, Д. И. — знаменитый русский химик, который к тому же был одним из ученых идеологов и апологетов промышленного капитализма в России и его поступательного развития; Чупров, А. И. — экономист-статистик. По своим общественным воззрением — помесь либерала с народником (см. Ленин, Соч., т. II, стр. 158, 248 и 646); Стебут, И. А. — известный русский профессор-агроном. Долгое время (до 1893 г.) был руководителем кафедры частного земледелия в Петровской сельскохозяйственной академии в Москве. Типичный буржуазно-капиталистический про-

---

* В «Русской Мысли» за 1892 г., июнь, стр. 189. Вы сами говорите, что Ваша полемика с К. Марксом «примыкает к длинной цепи дебатов, когда-то в другой форме наполнявших собою русскую литературу (споры славянофилов и западников)». *(Примечание Н. Федосеева.)*

грессист в области ведения сельского хозяйства и сельскохозяйственного образования (см. Ленин, Соч., т. III, стр. 12, 130—155); Скворцов, А. И.—буржуазный агроном-экономист, профессор. Ленин неоднократно критиковал Скворцова, называя его «пошлейшим буржуем, и ничего больше» (см. Ленин, Соч., т. I, стр. 113, 353—355, 379, 554).

[8] Федосеев имеет в виду подсчеты Скворцова в его книжке «Экономические причины голодовки в России».

[9] См. указанную в прим. 2 статью Михайловского.

[10] Вольное изложение Федосеевым аналогичной мысли Михайловского из его статьи 1877 г. (см. прим. 5), которую он приводит в январской книжке «Русского Богатства» за 1894 г., стр. 118.

[11] В указанной статье (см. прим. 2) Михайловский цитирует и полемизирует с письмом не только Федосеева, но и с письмом за подписью «Марксисты». Эту статью имеет в виду Федосеев. Действуя методом «оглушения», Михайловский с апломбом отвечает авторам письма — «марксистам», — что он-де сам слыхал, что «Маркс говорил о себе, что он вообще не марксист». Текст двух писем за подписью «Марксисты», откуда приводит Н. Федосеев слова и выдержки, см. в «Былое», кн. 23 за 1924 г.

[12] Федосеев цитирует здесь место из «Письма в редакцию» Михайловского, опубликованного в «Отечественных Записках» (июль 1883 г.) под псевдонимом «Посторонний».

[13] Николай-он — псевдоним Н. Ф. Даниэльсона, экономиста 80—90-х годов, одного из наиболее ярких представителей народничества. Критику Николая-она см. в работах Ленина: «Что такое друзья народа», «Развитие капитализма» и др. (Соч., т. II, стр. 657).

[14] Федосеев имеет в виду теорию нравственного долга цивилизованного меньшинства по отношению к страдающему большинству, развитую Лавровым в его «Исторических письмах», помещенных в «Неделе», а затем вышедших в 1870 г. отдельным изданием. П. Л. Лавров например писал, что прогресс без «критически мыслящих личностей» «безусловно невозможен», «так как эти личности полагают обыкновенно себя в праве считаться развитыми и так как за их-то именно развитие и заплачена та страшная цена, о которой говорено в последнем письме, то нравственная обязанность расплачиваться за прогресс лежит на них же». А поэтому прогресс по Лаврову — это семя, которое «зарождается в мозгу личности, там развивается, потом переходит из этого мозга в мозги других личностей, разрастается качественно в увеличении умственного и нравственного достоинства этих личностей, количественно в увеличении их числа и становится общественною силою...» (см. «Исторические письма», изд. 1870 г., стр. 66).

[15] Друцкой-Сокольнинский — помещик-крепостник Смоленской губернии. Цитируемые Федосеевым строки написаны Друцким-Сокольнинским в статье «Современное положение отечественой и сельскохозяйственной промышленности», напечатанной в январской книге «Вестника Европы» за 1897 г.

[16] Перечисленные Федосеевым лица принадлежат к видным деятелям так называемой крестьянской реформы 1861 г. как из лагеря крепостников-либералов, так и крепостников-феодалов, которых буржуазная историография так много славословила и которых бичевал Н. Г. Чернышевский.

[17] Федосеев здесь произвольно цитирует «Манифест». В целях воспроизведения разночтений переводов мы воспроизводим из последнего издания Института Маркса-Энгельса-Ленина это самое место:

«Изобретатели этих писем, правда, видят противоположность классов, так же как и действие разрушительных элементов внутри самого господствующего общества. Но они не видят в пролетариате никакой исторической самодеятельности, никакого свойственного ему политического движения.

Так как развитие классового антагонизма идет рука об руку с развитием промышленности, то они в то же время не могут еще найти материальных условий освобождения пролетариата. Они начинают искать общественную науку, общественные законы для того, чтобы создать эти условия.

Место общественной деятельности должна заступить их личная творческая деятельность, место исторических условий освобождения — фантастические условия, место постепенно совершающейся организации пролетариата в класс — организация общества согласно их собственному изобретению. Грядущая мировая история сводится для них к пропаганде и практическому осуществлению их общественных планов.

Они, правда сознают, что в этих своих планах защищают главным образом интересы рабочего класса, как более всего страдающего класса. Только в качестве этого более всего страдающего класса и существует для них пролетариат».

«... Но в этих социалистических и коммунистических сочинениях заключаются также и критические элементы. Эти сочинения нападают на все основы существующего общества. Поэтому они дали в высшей степени ценный материал для просвещения рабочих».

«... Значение критическо-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. В той же самой степени, в какой развивается и принимает все более определенную форму борьба классов, лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания это фантастическое стремление воз-

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА Н. Е. ФЕДОСЕЕВА К Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ
ОТ 10—19 МАРТА 1894 г.
Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

выситься над нею, это фантастически-отрицательное к ней отношение» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест коммунистической партии, Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Партиздат, 1932 г., стр. 43—44).

[18] Слонимский, Л. З.— буржуазно-либеральный публицист. В тот период, о котором упоминает автор письма, Слонимский сотрудничал в «Вестнике Европы», где вел иностранный отдел и писал статьи по различным общественно-научным вопросам. Слонимский хотя и критиковал «субъективный метод» Михайловского, но как типичный буржуазный прогрессист был одним из русской плеяды «критиков» Маркса. Статья Слонимского, о которой говорит здесь автор письма, под названием «Крестьянские нужды и их исследователи» помещена в мартовской книжке «Вестник Европы» за 1893 г.

[19] Федосеев имеет в виду то место из статьи Михайловского «Литература и жизнь» названной выше книги «Русского Богатства» за январь 1894 г., где он говорит о марксисте-зрителе, о пассивном марксисте и активном марксисте (см. «Русское Богатство», январь 1894 г., стр. 120—121).

[20] Воронцов — см. прим. 3 к первому письму; Юзов — псевдоним О. И. Каблица, который от бакуниста-бунтаря пришел к реакционно-славянофильскому народничеству (см. Ленин, Соч., т. II, стр. 322, 332, 334).

[21] Эпохой «диктатуры сердца» называется период управления Россией при Александре II Лорис-Меликова. Революционно-народническое движение напугало царизм, тем более что в «обществе» к народническому движению первое время относились благосклонно. Нужна была политика волчьих зубов к одним («революционерам») и лисьего хвоста к другим («обществу»). 12 февраля 1880 г. Лорис-Меликов был назначен председателем верховной распорядительной комиссии, а в августе — после роспуска ее — министром внутренних дел. Он сосредоточил почти всю административно-исполнительную власть в своих руках. Но «коронованный зверь» — Александр II — был убит революционными народовольцами, после чего затеи Лорис-Меликова с конституцией были отброшены пришедшим к власти вместе с Александром III Победоносцевым. 7 мая «диктатор» получил отставку. На этот период падает ряд крупнейших стачек в Петербурге на Новой бумагопрядильне (2000 чел.), фабрике Беккера, на бумагопрядильне Кенига, табачной фабрике Шапшал; в Москве — на Московско-Курской железной дороге, заводах Шипова, Диля; в Серпухове — на фабрике Коншина; то же в Киеве, Иваново-Вознесенке и других городах. В результате этих стачек правительство 1 июня 1882 г. издало закон, воспрещающий труд детей моложе 12 лет, ограничивающий труд детей от 12 до 15 лет 8 часами, и другие регламентации. Фактически же дополнительные инструкции и разъяснения оставляли те же порядки, что и до закона 1882 года.

[22] Стачка на Никольской мануфактуре — это знаменитая Морозовская стачка (село Никольское, Орехово-Зуевского уезда), происходившая в 1885 г., в результате которой был издан царским правительством закон о штрафах, об условиях найма и распорядка на предприятиях. Ряд требований рабочих фабрики Саввы Морозова вошел в закон 1886 года.

[23] Юзовский погром горнорабочих был в мае 1887 г. на рудниках Горного и промышленного общества близ Юзовки, Бахмутского уезда, Екатеринославской губернии. В прямой связи с этим бурным по своей сокрушительности погромом-протестом стоят первые в горной и горнозаводской промышленности законы — «Правила о надзоре за благоустройством на горных заводах и промыслах» в 1892 году. См. статью Новополина в «Летописи Революции» № 2—3 за 1923 г.

[24] Стачки хлудовских рабочих (бумагопрядильная фабрика братьев А. и Г. Хлудовых в Егорьевске, Рязанской губ.) возникла 25 мая и продолжалась до 8 июня 1893 г. Причиной стачки послужила попытка установить на весеннее перезаключение найма осенних (октябрьских) условий. Метод, который часто употребляют текстильные магнаты, добиваясь этим увольнения всех нежелательных и снижения зарплаты, так как предложение рабочих рук было всегда в избытке.

[25] Здесь идет речь о стачке рабочих текстильных фабрик г. Лодзи и Лодзинского уезда 20—29 апреля 1892 г. Стачке предшествовала большая революционная подготовка (19 апреля — 1 мая) к майскому выступлению. Между прочим тем и характерна эта забастовка (носившая в пределах лодзинского района всеобщий характер), что она связана с 1 маем, что пропагандистская и агитационная подготовка к стачке проведена польской революционной организацией «Пролетариат».

[26] Имеется в виду книга Моргана (Морган, Льюис-Генрих — американский этнограф, социолог и политический деятель, 1818—1881) «Ancient Society» («Первобытное общество»), вышедшая в 1877 г. Есть русский перевод, изданный в 1900 г. с предисловием М. Ковалевского.

[27] Цитата взята из «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса. В последнем издании Института Маркса-Энгельса цитируемое место переведено так: «Политическая экономия, — как наука об условиях и формах производства и обмена продуктов в различных человеческих обществах и соответствующих способах распределения этих продуктов, — такая политическая экономия, в широком смысле этого слова, еще должна быть создана. То, что дает нам в настоящее время экономическая наука, ограничивается почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа производства: она начинает с критики остатков феодальных форм производства и обмена, указывает на необходи-

мость замены их капиталистическими формами, затем развивает законы капиталистического способа производства и соответствующих ему форм обмена с положительной стороны, т. е. поскольку они соответствуют интересам всего общества, и заканчивает социалистической критикой капиталистического способа производства...» (Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 5, Соцэкгиз, 1931 г., стр. 138—139).

[28] Имеются в виду суждения П. Вейзенгрюна в его книге «Die Entwickelungsgesetze der Menschenhei» («Законы развития человечества»), Leipzig, Wigand, 1888, и П. Ф. Николаева «Активный процесс и экономический материализм», изд. Солдатенкова. СПБ., 1892 г.

[29] Перевод этого места из «Манифеста» в последнем издании ИМЭЛ приводится так: «Свободный раб, патриций и плебей, феодал и крепостной, цеховой мастер и подмастерье, короче — угнетатель и угнетаемый находились в постоянной вражде друг с другом, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу...» (см. «Коммунистический манифест», Партиздат, 1932 г., стр. 17—18).

[30] М. Ковалевский (1851—1916) — русский историк-социолог с мировым именем, автор очень многих трудов, после увольнения в 1887 г. с кафедры Московского университета уехавший за границу, где читал лекции в разных университетах, и вернувшийся в Россию после революции 1905 года. Ковалевский был чрезвычайно образованным человеком, но типичным эклектиком. В науке и политике он был идеологом либеральной буржуазии.

[31] См. перевод М. Иолшина этих лекций М. Ковалевского, прочитанных в Стокгольмском университете, — «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (СПБ., 1895 г., стр. 17).

[32] Здесь имеется в виду труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, собственности и государства».

[33] Бахофен — немецкий социолог, автор книги «Muttersrecht» («Материнское право»), вышедший в Германии в 1861 г. (см. работу Энгельса «Происхождение семьи, собственности и государства», изд. 1899 г., стр. 4); Мак-Леннан — немецкий историк, автор книги «Studies in Ancient History» («Изучение древней истории»), 1886 г. (см. работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, собственности и государства», изд. 1899 г., стр. 8).

[34] Эшли — автор книги «Экономическая история Англии в связи с экономической теорией». Русское изд. в переводе Н. Муравьева вышло в 1897 г.; Роджерс — английский экономист, автор книг «Экономическое истолкование истории», «История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX век» и др.; они переведены и изданы на русском языке в 1899 г.

[35] У Н. К. Михайловского об этом в статье сказано так: «Относительно будущего несомненно ему (Марксу. — Ред.) (может быть вместе с Энгельсом) принадлежит предвидение или прорицание исхода капиталистического строя. Оправдается оно или нет — покажет будущее, но так как ничего подобного история человечества не видела до сих пор, то во всяком случае не на данных исторического опыта и исторической науки может это пророчество опираться» (см. «Русское Богатство», январь 1894 г., стр. 106—107).

[36] Рихтер, Евгений (1838—1906) — вождь немецкой либеральной буржуазии, член германского рейхстага с первого его созыва, крайне враждебно высказывавшийся по отношению к классовой борьбе пролетариата в своих литературных произведениях и в речах и ожесточенно полемизировавший с революционными представителями германской социал-демократии.

[37] «Телескоп» — московский журнал, издававшийся в 1831—1836 гг. Н. И. Надеждиным и выходивший сначала два раза в месяц, а с 1834 г. — еженедельно. Журнал был сторонником идей немецкой идеалистической философии, а в литературном отношении подготовлял почву для художественного реализма. В нем принимали участие Пушкин, Кольцов, К. Аксаков, Хомяков, Погодин, Шевырев, Белинский и др.

Цитаты приведены из статьи В. П. Андросова в «Телескопе» (№№ 13 и 14 за 1833 г.) «О предметах и настоящем состоянии экономии политической».

[38] У Заблоцкого-Десятовского сказано так:

«Конечно, сей вопрос (крепостное состояние. — Ред.) решить легко, восходя к понятию о человеке и его достоинстве. Но этот взгляд, при всей свой справедливости, может для многих казаться выспренним или, как обыкновенно говорят, умозрительным.

... Но если бы можно было доказать, что такое отношение неблагоразумно, невыгодно, то этот довод действовал бы и тогда, когда другие казались бы безуспешными» (см. «Граф Киселев и его время», т. IV, стр. 271). Под этими последними доводами Заблоцкий-Десятовский разумеет доводы о моральной несправедливости крестьянской крепостной зависимости.

[39] Статьи «Июльская монархия» и «Капитал и труд» (а не «Июньская монархия» и «Труд и капитал», как они ошибочно именуются автором письма) написаны Н. Г. Чернышевским в 1860 г. (см. Полное собрание сочинений, т. VI, СПБ., 1906 г., стр. 53—150). Статью «О поземельной собственности» см. в т. III Собр. соч. Чернышевского, стр. 405—504.

[40] Приведенная цитата взята из статьи В. Г. Белинского.

[41] «Nouvelle Revue» — политический, литературный и артистический журнал, выходивший под этим названием в Париже с 1879 г. каждые две недели; в нем очевидно и была помещена статья Поля Лафарга «Матриархат».

[42] Автор имеет в виду франко-прусскую войну 1870—1871 гг. В июне 1870 г. при обсуждении вопроса о военных кредитах в рейхстаге А. Бебель и В. Либкнехт воздержались от голосования. В сентябре 1870 г. Брауншвейгский комитет германской социал-демократической партии, ставший на эту точку зрения по вопросу о войне, выпустил воззвание «Ко всем немецким рабочим», а Бебель в ноябре вновь выступил в рейхстаге против захвата французской территории и с требованием мира, а затем голосовал против военных кредитов. Поднятый буржуазией вой с обвинением Бебеля в том, что он «продался Франции», привел к аресту Бебеля.

[43] Цитата взята у Маркса из статьи «К критике гегелевской философии права» (см. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. I, изд. 1928 г., стр. 400, где цитируемое Федосеевым место изложено так: «Критика сорвала воображаемые цветы с цепей не затем, чтобы человек носил трезвые, безнадежные цепи, а затем, чтобы он сбросил цепи и срывал живые цветы»).

[44] Цитата принадлежит Н. К. Михайловскому.

3

Сольвычегодск.
27 февраля 1895 года.

Милостивый государь, г. Михайловский!

Покорнейше просим Вас, если возможно, разъяснить следующее «обстоятельство».— В «Русской Мысли» за 1892 г. (VI кн., стр. 192—193) Вы писали: «Лично я познакомился с Зибером, помнится, в начале 1878 года... Превосходный специалист по своей части, Зибер производил на меня впечатление настоящего неофита в философии, в которую был вовлечен Гегелем через посредство Маркса и Энгельса. Помню... аппетит, с которым он развивал известные иллюстрации к трехчленной гегелевской формуле, обаятельность которой я на себе испытал в юношеские годы». — Сопоставление выражений «превосходный специалист» в политической экономии и «настоящий неофит в философии», — кажется, дает право заключить, что на Ваш взгляд Зибер (в начале [18]78 г.) был профаном в области философии, в которую был вовлечен Гегелем через посредство М[аркса] и Эн[гельса]. — Далее Вы рассказываете, что, беседуя с Вами, Зибер при малейшей опасности укрывался под сень непредложного и непререкаемого трехчленного диалектического развития (196 стр.), а Вы пытались объяснить явления, о которых у Вас шла речь, другими, не столь общими и абстрактными способами. В конце концов дело было, впрочем, не в истории пшеничного зерна и не в мировых процессах (стр. 193). Зибер выставлен в этих воспоминаниях крайне жалким и смешным человеком. Не зная толком философии, он при малейшей опасности укрывался за триадой Гегеля [1].

Затем в февральской книжке «Русского Богатства» Вы предприняли атаку против «главной твердыни» марксистов — гегелевской триады; в заключение Вы высказали следующие знаменательные слова: «благополучия, которое должно произойти из капиталистического строя, мы еще не видали и должны в этом отношении верить на слово Гегелю или, вернее, известному применению его диалектики («Р[усское] Б[огатство]» 1894 г., кн. II, стр. 167). Надо сказать правду, Ваша статья навела нас (пишущих эти строки) на большое сомнение относительно Вашей способности вести серьезную полемику; мы знали о Гегеле и влиянии его философии на научную систему К. Маркса и Энгельса только через посредство этих последних и в «затруднительных случаях» даже в помыслах наших не укрывались под сень триады. — Ваша статья имела целью компрометировать марксистскую науку тем же путем, каким Вы компрометировали Зибера. Но такие приемы способны только насмешить кой-кого из читателей. Мы сказали, что целью упомянутой Вашей статьи было выставить марксизм

и марксистов в жалком виде — это документировано в 3-й книжке «Рус[ского] Бог[атства]» г. Южаковым, Вашим сотоварищем, следующими словами: «Читатели уже знают из упомянутой статьи г. Михайловского, плодом какой именно теоретической мысли является эта доктрина и насколько сильна аргументация высказываемого ею предвидения» (стр. 109) [2]. — Марксисты за себя могли до некоторой степени «заступиться», но за Зибером оставалась репутация легкомысленного человека. Но мы все же думали, что покойный Зибер в беседах с Вами, по всей вероятности, «объяснял явления» не триадой Гегеля, а фактами действительного хода жизни, анализом этих фактов, только Вы в полемическом увлечении не обращали на его аргументацию достаточного внимания; по крайней мере, мы, совершеннейшие профаны в философии Гегеля, не чувствовали и теперь не сознаем необходимости привлекать Гегеля с триадой к нашему спору с Вами; как же, думали мы, такой замечательно образованный человек, как Зибер, не знал русской действительности... Г. Бельтов в прим[ечании] на стр. 73—78 пишет: «Нам приходилось не раз беседовать с покойным (Зибером) и ни разу не слышали мы от него ссылок на диалектическое развитие». (Эти слова, как свидетельство, очень интересны, но односторонни, так как принадлежат марксисту, а с марксистами Зибер мог говорить иначе, нежели с Вами.) Но фраза, помещенная ниже *, — в высшей степени важна.— Если сопоставить эту фразу с Вашим отзывом о Зибере, как человеке малосведущем в философии, то различия, думается, не будет. Остается только одно, что Зибер при разговорах с Вами находился в таком беспомощном положении, что прикрывался философией, о которой не имели научного представления. Но г. Бельтов отнесся очень скептически к Вашему утверждению, что Зибер укрывался под сень триады: «на мертвых валить все можно, и потому показание г. Михайловского неопровержимо» [3]. Можно было ожидать, что Вы после этого припомните некоторые другие «объяснения» Зибера при Ваших спорах и покажете, насколько эти объяснения, по Вашему мнению, были несостоятельны и какую важность в доказательствах Зибера имела именно триада Гегеля. К удивлению, Вы этого не сделали, а взяли под свою защиту знание Зибером «значения Гегеля в развитии новейшей экономии». «Можно ли допустить, говорите Вы, чтобы столь трудолюбивый и вдумчивый ученый, как Зибер, так-таки до конца дней своих не догадался о связи новейшей экономии с Гегелем, чтобы, даже наталкиваемый на этот сюжет разговорами, он не заинтересовался им и отделывался ответом: «Мне совершенно неизвестно значение Гегеля в новейшей экономии»? Вы утверждаете, что на это может быть только отрицательный ответ: «Зиберу было известно значение Гегеля в развитии новейшей экономии; Зибер был очень заинтересован «методом диалектических противоречий». Это документально подтверждается статьей Зибера «Диалектика в применении ее к науке» [4]. «Статья эта, по Вашему свидетельству, составляет пересказ, даже почти сплошной перевод книги Энгельса «Dührings Umwälzung» [5]. Ну, а переведя эту книгу, остаться в совершеннейшей неизвестности значения Гегеля в развитии новейшей экономии довольно-таки мудрено» (стр. 141). Таким образом, Зибер, во-первых, был несведущ в области философии, в которую был вовлечен Гегелем через посредство К. Маркса и Энгельса; но, тем не менее, в разговорах с Вами при малейшей опасности укрывался философской формулой Гегеля; во-вторых, Зибер знал гегелеву философию и диалектику только в том виде, какой они получили в философии и диалектике К. Маркса и Энгельса; но, тем не менее, он укрывался при всяких логических затруднениях за гегелеву триаду, эту — «общую абстрактную фор-

* Зибер «не раз сам говорил, что ему совершенно неизвестно значение Гегеля в развитии новейшей экономики». *(Примечание Н. Федосеева.)*

мулу». — Мы все-таки остаемся в недоумении. Если бы Зибер знал философию Гегеля, думаем мы, то он, вероятно, говорил бы о ней с Вами (или вернее, возражал бы Вам на Ваши нападки на нее) так же, как это делает г. Бельтов, человек, повидимому, знакомый с философией Гегеля. Если же Зибер знал философию Гегеля, «поставленного на ноги» К. Марксом и Энгельсом, то для него не представлялось решительно никакой необходимости укрываться в недосягаемую «пустоту триады», — он не мог оставаться в спорах с Вами на почве идеалистической диалектики...

Как-то раньше, в начале полемики, Вы очень искусно, но нельзя сказать чтобы беспристрастно, воспользовались двумя признаниями Энгельса, что (1) при составлении «Манифеста» у них с Марксом были недостаточные знания экономической истории и что (2) труды Моргана дали «ключ к важнейшим, дотоле неразрешимым загадкам древней истории» [6]. Вы употребили эти признания для обличения наглости и смехотворности претензий основателей доктрины научного социализма, несмотря на то, что «Манифест» служит несомненным доказательством знания его авторами экономической истории, а признание Энгельсом громадного значения за трудами Моргана — беспристрастное констатирование факта. Но тогда Вы играли на словах «недостаточного познания», неразрешимая загадка при «известном состоянии науки» — совершеннейшему незнанию и поразительному легкомыслию. А теперь, в деле с Зибером, тем же приемом Вы доказываете противоположное: Зибер, переводя брошюру Энгельса против Дюринга (прибавим: еще раньше при переводе «Капитала» (в «Знании»), не мог не знать значения Гегеля, стало быть, он знал философию Гегеля и значение его диалектики. Мы на основании вышеуказанных соображений не можем согласиться с такими логическими заключениями. Или Зибер не знал философии Гегеля, а стало быть и не мог ссылаться на нее; или знал ее только по Марксу и Энгельсу, а стало быть, не мог укрываться за «непреложную триаду» Гегеля, не мог оставаться на почве его диалектики...

* * *

Пользуясь случаем, мы решаемся сделать несколько замечаний по поводу боевой кампании «Русского Богатства» против марксистов. «Русские марксисты», — так излагает casus belli * г. Южаков, — обнаружили ту же (что и дарвинисты-социологи) основную ошибку (предпосылку о каком-то единственном коренном процессе общественного развития), те же логические приемы, тот же полемический задор, то же открытие давно открытой Америки и ту же частью сознательную, частью наивную службу кулачному праву. Двадцать лет назад пришлось воевать с эфемерным успехом незаконных сыновей дарвинизма. Повоюем теперь и с незаконными сыновьями марксизма... с лукавой задней мыслью» (10 кн., стр. 152) [7]. — Ваша клика большею частью тем и ограничивается, что испускает подобные воинственные вопли, предоставляя Вам, как «герою», вести «настоящую борьбу», которой и рукоплещет в известных случаях. — С большим интересом мы прочли в январской книжке «Р[усского] Б[огатства]» за [18]95 г. о Вашем опасении насчет того, чтобы «вместе с немецкими влияниями к нам не проникла и традиционная немецкая грубость, осолившись еще собственною нашей дикостью, и полемика не превратилась» в площадную брань [8]. О, какая оскорбленная невинность! Вы первый выступили против русских марксистов во всеоружии брани, оскорбительных сравнений, искажений слов Ваших противников, словом, во всеоружии «обстреленного бойца». И теперь, после книжки г. Бельтова (возмерившего Вам тою же мерою, какою Вы мерили, но чуждого брани, ради ее самой) — Вы заговорили о

* Повод к войне. — *Ред.*

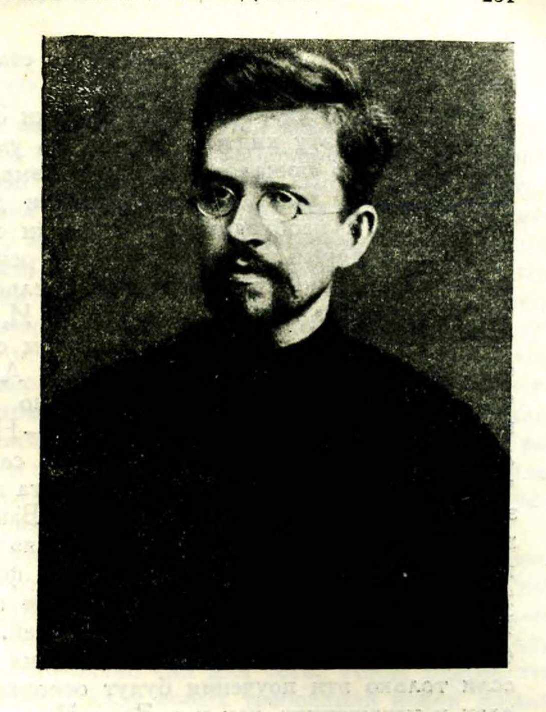
полемической порядочности, как фарисей, вспоминающий о грехах мытаря, и выругавшись предварительно словами «царевны» [9].

Куда погрузились Вы, прежний умный, отзывчивый, столь дорогой нам публицист «Отеч[ественных] Записок», близкий сотрудник Щедрина?! Сами ли Вы спустились в эту яму, затащили ли Вас туда Ваши товарищи и читатели «други»... или «недолюшка горькая загнала»?.. Не подумайте, что в нас говорит здесь чувство злобы. Нет, недовольство и негодование, как и искреннее желание и надежда разрешить «недоразумения», у нас (пишущих эти строки) пропали.— Этот вопрос возникает у нас уже не по поводу полемических и критических статей Ваших, касающихся русских марксистов, но по поводу политической физиономии Вашего журнала.— Вот г. Белевский поучает Ваших читателей: «Если бы экономическая политика не затрагивала интересов различных общественных групп, можно было бы с большим правом рассчитывать на торжество в ней начал, имеющих в виду интересы общегосударственные или, что то же, народные» [10]. В виду таких обстоятельств, автор сохраняет в своих экономических задачах «частную предприимчивость, промышленность и частновладельческое хозяйство». «Расширение народного потребления скажется в увеличении крестьянского спроса на фабрикаты... рядом с крестьянским хозяйством могут существовать и найдут при том почву под ногами некоторые виды частных хозяйств, напр. посвященные (!) выращиванию племенных животных, связанные с техническими производствами, культурою семян etc.» (стр. 19—20). Г-н Кривенко,—говоря о «необходимости обобществления п р о и з в о д с т в а и о б м е н а, не того обобществления, которое больше сулит (как иной раз странно понимают «обобществление производства»!), чем дает капиталистическое хозяйство, а более п р а в и л ь н о г о и д е й с т в и т е л ь н о г о»,— указывает на различные меры к этому, предлагаемые различными последователями; но «меры эти, не будучи приведены между собою в связь и будучи применяемы в отдельности, без общего плана, существенных результатов не дадут и будут в некоторых случаях даже взаимно парализовать и уничтожат друг друга, но тем не менее (!) они остаются элементами обобществления, элементами, прямо возникающими из жизни, которые носятся, так сказать, в воздухе (!)»... «Для обобществления производства у нас есть только три общественных союза, из которых каждый очень важен и без которых нельзя обойтись, это — община, земство и государство» (кн. 10, стр. 123) [11].—«Посмотрим вокруг себя,—предлагает г. Южаков,— чтобы остановить внимание наше хотя бы только на ближайших настоятельнейших, самых неотложных нуждах и задачах нашей внутренней жизни. Нет страны в Европе, где бы не был уже решен вопрос о всеобщем народном образовании; только мы попрежнему являемся страною (!) безграмотной и невежественной народной массы! Вопрос о всеобщем обучении уже поставлен, но надо время его решить. А наше экономическое положение, глубоко потрясенное общим земледельческим кризисом и протекционно-капиталистическим развитием? А Великая сибирская дорога? А дорога к Ледовитому океану, в Среднюю Азию, через Кавказ? А вопрос о регулировании отношений между окраинами и центром, тоже уже поставленный на очередь истории (!) и тоже требующий много свободного внимания и изучения? И многое другое... Мы только у преддверия правительственных и законодательных вопросов, уже настоятельно выдвигаемых жизнью, а вопросы общественные, культурные, литературные?» (кн. 12, стр. 149) [12]. Наконец, г. Н.— он, нашедший приют у Вас,— недавно констатировал, что «все общество, все его слои, от верхних до нижних, стали проникаться одной идеей; несостоятельность прежней хозяйственной политики стала очевидной для большинства. Только это большинство не входит (?) в детальное рассмотрение вопросов, что, как и почему? Оно только видит, что не все в порядке, что общественные усилия должны быть направлены на не-

что совсем иное, а не на то, на поддержание и развитие чего они были направлены до сих пор» ([18]95 г., кн. 1, стр. 156)[13]. Проводите же, милостивые государи, Ваши планы идиллического существования крупных землевладельческих хозяйств, посвященных выращиванию племенных животных etc. и крупной капиталистической индустрии, проводите эти «идеалы» рука об руку с государством, земством и общиной, этими — «единственными у нас элементами обобществления производства и обмена»; мы видим, что Ваша душа полна радужных надежд, возбужденных появлением «новой идеи» * у большинства, от высших слоев и т. д. Вы полны упования, что «высшие слои и т. д.», большинство с восторгом откликнется на Ваши разъяснения: «что, как и почему»... Скатертью Вам дорога! А нам с Вами, господа наивные буржуа,—не по пути!.. Мы против наивных и реальных буржуа! — Юный К. Маркс давно-давно характеризовал двух прусских королей, одного старого, другого молодого, следующими замечательными словами, которые мы приведем без комментариев: «Старый король не хотел ничего экстравагантного, он был филистер и нисколько не претендовал на ум. Он знал, что обладание государством слуг нуждается единственно в спокойном прозаическом существовании. Молодой король был живее и бойчее — он был более высокого мнения о всемогуществе монарха, ограниченного только своим сердцем и своим умом». «Он захотел вдохнуть жизнь в старое государство и заставить его целиком проникнуться своими желаниями, чувствами и мыслями... Отсюда его либеральные речи и сердечные излияния... Заговорили идеалисты, имевшие бесстыдное желание сделать человека человеком... И вот снова была наложена опала на все желания и на все мысли людей о человеческих правах и обязанностях... Раб не может сказать, что он хочет быть человеком, господин не может сказать, что ему не нужно людей в его владениях... Вот история неудачной попытки уничтожить филистерское государство, оставаясь на его собственной почве: эта попытка кончилась тем, что наглядно показала всему миру необходимость скотства для деспотизма. Скотские отношения могут быть поддерживаемы только посредством скотства... Но я все-таки не отчаиваюсь в настоящем... Система промышленности и торговли, система владения и эксплоатации человека... ведет к разрыву внутри теперешнего общества и разрыву, которого старая система не в состоянии залечить... Существование страдающего человечества, которое мыслит, и мыслящего человечества, которое угнетается, должно неизбежно стать поперек горла пассивному, бессмысленно наслаждающемуся животному миру филистерства[14]...

Теперь несколько слов о критических статьях «Русск[ого] Богатства». Мы не поняли, каким образом у Вас вышло так, что Фр. Ницше явился ярким примером того, как мало подвинулось на Западе «обобществление»[15]. Мы несколько поняли бы пессимистическое настроение современной французской буржуазной интеллигенции, но Ницше, кажется, германский немец и еще полон «животной силы», хотя и неудовлетворен. Где же господа настоящие, имеющие право считаться таковыми? За современным европейским дворянством Ницше отказывается признать это право... Господами в Европе можно считать буржуа-капиталистов. Но что они не настоящие господа, в смысле Ницше, не природные повелители, это он уже заключает из того, что они не умеют и не могут внушить рабочим «пафоса расстояния». Если мы правильно поняли Ницше, по Вашему изложению его идей, то его, до известной степени, удовлетворил бы как личность, стремящаяся стать господином,—Штумм... Впрочем, мы не составили себе ясного пред-

* Уж не знамение ли времени и то, что гг. литераторы и публицисты удостоены звания государственных пенсионеров... Всех ли только их поместят или Вам попрежнему будут грозить «Киссоном», что-то Вы не ликуете по поводу «знаменательных фактов», бедненькие... *(Примечание Н. Федосеева.)*



Н. Е. ФЕДОСЕЕВ В ССЫЛКЕ
Фотография 1896 г., Сольвычегодск
Музей Революции СССР, Москва

ставления о Ницше из Ваших статей; но все-таки крайне удивлены, что он выставлен в качестве бомбы, взрывающей наше представление о развитии современного общества. Анархистов, правда, Вы могли противопоставить социал-демократии; но Вы забыли историческую перспективу: в минувшие исторические эпохи анархисты были и, вероятно, в большем числе, нежели теперь; часть из них просто резала и сжигала все то, что не давало им жить,— часть уничтожала себя (как у нас самосжигатели). Теперь анархизм выступил в платье XIX века (с наукой, более или менее ясным представлением о социальных противоречиях), но социальная подкладка его такого же характера, что и прежде.— Но неужели Вы думаете, что Ваша проповедь помещикам о необходимости посвятить хозяйства разведению племенных животных, заботы о всеобщей грамотности, о Великой сибирской дороге — устранят анархизм?! — Очень любопытен разбор «Начал политической экономии» г. Исаева в статье «Новый курс политической экономии» [16]. Но на этой статейке и замечательном придатке к ней, в виде краткой рецензии на второе издание книжки г. Исаева, мы не будем останавливаться; отметим лишь курьезную погоню Вашего журнала за «обобществлением» людей с другими взглядами, в данном случае реально-буржуазными,— и вытекающее отсюда недовольство: «Ради достижения этой цели — исправления (о, господи!) и пишутся критики, рецензии и разборы, а г. Исаев счел свой курс безупречным, может быть в виду его быстрой распродажи»... Г. Кривенко, — остановившись на громком соллогубовском деле, которое он совершенно верно назвал «отражением нашей культурной и полукультурной жизни, нечто всем, если не близкое, то знакомое...», — характеризовал его общественное направление названием: «Без руля» [17]. Здесь явное доказательство, что деньги, нажива сделались «рулем и парусами» известных классов нашего общества, но г. Кривенко дело представляется проще и в более нежном свете, как «плавание по жизненному руслу без руля, под одними ветрилами личных вожделений, плавание без высшей (!) цели, без идеала, без всего (!) руководящего в жизни». Стоит, стало быть, соорудить надлежащий «руль» и дать «идеалы и что-нибудь руководящее в жизни» — и дело в шляпе! Таким же харак-

тером отличаются Ваши собственные статьи о французской и отчасти русской литературе.

Рецензент русского перевода книжки Энгельса «Происхождение семьи...» рекомендовал эту книжку как «очень умную и вообще достойную всякого внимания», но пожаловался на «чрезмерность категорического тона» Энгельса [18]. Для доказательства этого и для убеждения «колеблющихся» марксистов в необходимости «поверки положений и отрицаний Энгельса кое-какими другими сочинениями» — рецензент привел один пример чрезмерно категорического суждения Энгельса и сопоставил его с взглядом на тот же предмет г. М. Ковалевского. И, о чудо! пришел к такому заключению (категорическому): «мы в этом случае склоняемся к мнению Бахофена и Энгельса»... и больше ничего! А дальше только в высшей степени основательное замечание относительно неудовлетворительности русского перевода и одной курьезной ошибки.— Но вот явился г. Зак... нам, право, думается, что Вам, г. Михайловский, самому теперь стыдно (если Вы не читали прежде статьи г. Зака), что эта наглая (простите за выражение, но это беспристрастно) статья попала в Ваш журнал. Гг. Заки похоронят Вас во мнении всех Ваших «колеблющихся» читателей.— Мы не принадлежим к тем марксистам, созданным Вашей фантазией, которые отрицают необходимость читать книжки (и учиться по ним), не принадлежащие перу Маркса и Энгельса и их последователей. Охотно мы и от Вас и от других будем выслушивать всяческие замечания и поучения «от других апостолов», если только эти поучения будут основаны на знании дела, а не на вымыслах и искажениях, как у г. Зака. Что же касается совета г. Зака Энгельсу сделаться компиллятором и бросить мечтания о будущем (в пользу полноты компилляции), то он, разумеется, смешон.— Это уже дело г. Зака. А вот г. Карышев «одному только (в области капиталистической индустрии) радуется, что в России рост числа рабочих все-таки, несмотря ни на что (т. е., между прочим, ни на страшные бедствия разоренного крестьянства, ищущего работы, ни на вымирание безработных, вымирание, распространившееся на многие губернии), не поспевает за ростом населения» [19]. Тут мечты о «будущем», несомненно, доминируют, и им подчиняется судьба миллионов бедствующего пролетариата, занятого и незанятого. Вот пригласите Вы гг. помещиков сделаться производителями чухонского масла для крестьян, вместе с государством и земством вставите настоящий «руль», введете «действительное обобществление производства»... И это не мечты, это само «в воздухе носится». Тогда как, положим, свобода русских рабочих организаций — мечта: «пока солнце взойдет, роса очи выест» (впрочем, это сказано по поводу рассуждений г. Янжула о необходимости «рабочих союзов») («Р. Б.» 1895 г., кн. I, стр. 108—109) [20].

Вы лично продолжаете до сих пор очень оригинально эксплоатировать «философскую необоснованность и фактическую непроверенность теории экономического материализма»; г. Струве Вас удовлетворил несколько в этом отношении, но книжка г. Бельтова побудила Вас снова бить в набат по этому случаю. Не напрасно ли? Ведь г. Бельтов на стр. 212—216 говорит буквально следующее: «Даже в отношении к одному (ближайшему) историческому периоду предмет не исчерпан даже приблизительно» [21]. В этом он соглашается с Вами. Вам остается одно — показать нам и всем прочим с в о ю «великую книгу». Статьи Ваши мы знаем, и Вы сами говорите о них, что они частью неудовлетворительны, большею частью не окончены и представляют собой крайне несистематизированный труд; мы по этому поводу не можем упрекнуть Вас, так как понимаем условия, при которых Вы работали.

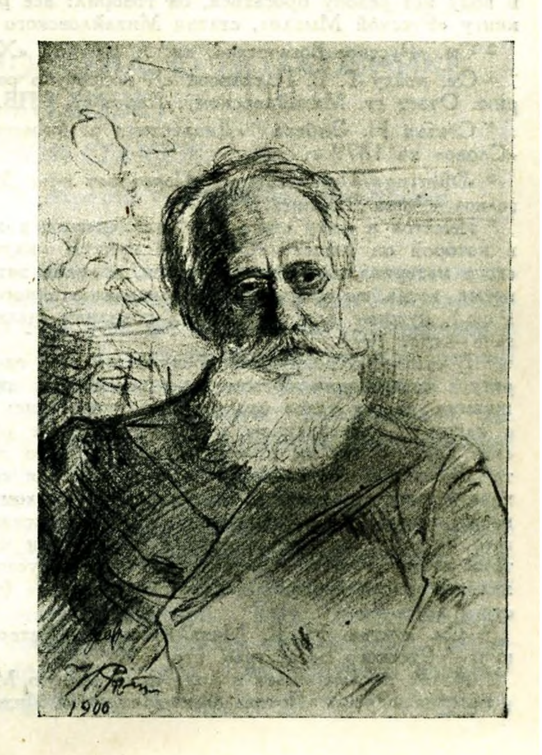
Вы на все лады твердите о «русском марксисте»:

Что он не ведает святыни,
Что он не помнит благостыни,

Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить, как воду...

Это — старые песни «старых авторитетов».— Вот какими чертами определял свое отношение к «старым авторитетам» Добролюбов: «Мы никогда не осмелились бы поставить свои личные убеждения выше мнений почтенных особ, пользующихся издавна авторитетом, если бы мы считали свои убеждения только собственной, личной нашей принадлежностью..., в нас достало бы столько благоразумия, чтобы не проповедывать в пустыне, чтобы не ломаться перед публикой в надежде привлечь ее внимание своей эксцентричностью... Нет, мы говорим, не обращая внимания на старые авторитеты, потому единственно, что считаем свои мнения отголоском того живого слова, которое ясно и твердо произносится молодой жизнью нашего общества. Может быть, мы ошибаемся, считая себя способными к правильному истолкованию живых, свежих стремлений русской жизни; время решит это. Но во всяком случае мы не ошибемся, ежели скажем, что стремления молодых и живых людей русского общества гораздо выше того, чем обольщалась в последнее время наша литература...» [22].

«Прежние умные люди большею частью уже не существовали в то время, когда новые жизненные потребности приходили в силу; да и те, которые остались, все были заняты хлопотами о водворении с в о и х начал, из-за которых они с молодых лет трудились и боролись; о новых вопросах они мало заботились, да и не имели довольно сил для того, чтобы разрешить их. Поэтому прежние умные люди, в виду новых требований новой жизни все усилия употребляя к поддержанию старых начал, смотрели на новые вопросы даже несколько презрительно (а людей, которые поднимали эти вопросы, обвиняли в намерении «лить кровь, как воду»)... Но, разумеется, события брали свое: новые факты образовывали новые общественные отношения и приводили людей к пересмотру прежних систем, прежних фактов и отношений. Все молодое, без труда, с малолетства усвоившее систему господствующих воззрений, чувствовало, разумеется, желание и свежие



Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ
Рисунок И. Е. Репина, 14 февраля 1900 г.
Собрание И. И. Бродского, Ленинград

силы для дальнейшей работы; вновь накопленные факты давали обильный материал, и молодое поколение принималось работать над новыми данными сначала еще... ощупью»... «Такова общая история вопросов науки и искусства при переходе их из одного «поколения» в другое»; такова именно история разрыва, как мы его понимаем, между старыми утопистами-социалистами, превратившимися теперь в наивных буржуа, и марксистами. Очень много поучительного мы могли бы извлечь из споров Добролюбова со старыми авторитетами, но место не позволяет этого, а мы и без того слишком злоупотребляли выписками.

«Отлично владея отвлеченной логикой, — скажем мы словами Добролюбова на прощанье, — Вы вовсе не знали логики жизни и потому считали ужасно легким все, что легко выводилось посредством силлогизмов»...

Извините, пожалуйста, нас за наше словоизлияние; оно, конечно, надоело Вам, и, кроме того, чтение «потока» таких писем, с беспорядочно разбросанными мыслями, вероятно, отнимает у Вас много времени, не принося ни малейшей пользы. Мы сами убедились в бесполезности этой системы споров; и это — в последний раз, что мы решились прибегнуть к ней.— Но, если возможно, не оставьте без ответа нашего запроса относительно Зибера.

Ив. Козин.
Н. Федосеев.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Федосеев имеет в виду следующее указание Н. К. Михайловского:

«Отстаивая этот тезис (тезис — «пока мужик не выварится в фабричном котле, ничего путного у нас не будет».— Ред.), он (Зибер.— Ред.) употреблял всевозможные аргументы, но при малейшей опасности укрывался под сень непреложного и непререкаемого трехчленного диалектического развития. Так напр., опасности физического и духовного вырождения, которая и по Марксу (?! — Ред.) грозит европейскому пролетариату, Зибер противопоставлял ничуть не меньшую опасность такого же вырождения нашего мужика — собственника при наличных условиях. А когда я возражал, что от дождя в воду нет резону бросаться, он говорил: все равно; другого пути нет» (см. названную книгу «Русской Мысли», статья Михайловского «Литература и жизнь», стр. 196).

[2] См. «Русское Богатство», кн. 3, 1894 г., «Хроника внутренней жизни», стр. 109.

[3] См. книгу Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву». СПБ., 1895 г., стр. 77—78.

[4] Статья Н. Зибера «Диалектика в применении ее к науке» помещена в журнале «Слово» за 1879 г.

[5] «Dührings Umwälzung» («Переворот г-на Дюринга») — см. заглавие книги Фр. Энгельса «Анти-Дюринг».

[6] Имеется в виду статья Михайловского в кн. 1 «Русского Богатства» за 1894 г., в которой он пишет: «Основные пункты «научного социализма» и теории экономического материализма были открыты, а вслед затем и изложены в «Манифесте» в такое время, когда, по собственному признанию одного из авторов (имеется в виду Энгельс.— Ред.), нужные для такого дела познания были у них слабы» (см. стр. 106, а о Моргане — стр. 107).

[7] В статье «Хроника внутренней жизни», где говорится, что «создалась целая литература социального организма и всяческого приложения дарвинизма к общественной жизни», дается такое подстрочное примечание: «Та же основная ошибка (предпосылка о каком-то единственном коренном процессе общественного развития), те же логические приемы, тот же полемический задор, то же открытие давно открытой Америки и та же частью сознательная, частью наивная служба кулачному праву. Двадцать лет назад пришлось воевать с эфемерным успехом незаконных сыновей дарвинизма. Повоюем теперь и с незаконными сынами марксизма... Историческая сущность того и другого явления совершенно одна и та же, при чем, однако, основатели упомянутых доктрин не могут нести ответственность ни за усердие не по разуму одних, ни за лукавую заднюю мысль других якобы последователей» (см. «Русское Богатство», кн. 10, 1894 г., стр. 152).

[8] См. статью Н. К. Михайловского «Литература и жизнь» в названной в тексте книге «Русского Богатства», стр. 139.

[9] Автор письма имеет в виду приведенную Михайловским из А. Толстого ругань царевны по адресу «Потока-богатыря», чем Михайловский характеризовал приемы поле-

мики по его адресу со стороны Г. В. Плеханова в «Развитии монического взгляда на историю»: «Шаромыжник, болван, неученый холуй! Чтобы тебя в турий рог искривило! Поросенок, теленок, свинья, эфиоп, чортов сын, неумытое рыло!» и т. д. (см. «Русское Богатство», кн. 1, 1895 г., стр. 139).

[10] См. статью А. Белевского «Задачи экономической политики в области сельскохозяйственного производства» в «Русском Богатстве», кн. 7, 1894 г., стр. 19.

[11] См. статью С. Н. Кривенко «К вопросу о нуждах народной промышленности» в «Русском Богатстве», кн. 10, 1894 г. Кривенко — народнический публицист, один из первых выступавший против русских марксистов. Ленин подверг Кривенко жестокой критике в «Друзьях народа» (см. Соч., т. I, стр. 517).

[12] См. статью С. Н. Южакова «Хроника внутренней жизни» в «Русском Богатстве», кн. 1, 1895 г., стр. 156.

[13] См. статью Н—она «Апология власти денег, как признак времени» в «Русском Богатстве» 1895 г., кн. 1, стр. 156.

[14] Цитата взята из письма К. Маркса к Руге (Кельн, май 1843 г.) (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 356—358).

[15] Имеется в виду критический обзор Н. К. Михайловского о Ницше в кн. 12 «Русского Богатства» за 1894 г. под заголовком «Литература и жизнь» (стр. 84—110).

[16] См. рецензию В. Г. Яроцкого «Новый курс политической экономики (А. А. Исаев, «Начала политической экономии») в «Русском Богатстве», кн. 2, 1894 г., стр. 20—31.

[17] См. статью С. Н. Кривенко «Без руля» (Заметка по поводу процесса графа Сологуба) в «Русском Богатстве», кн. 6, 1894 г., стр. 188.

[18] См. статью Л. Зака «Исторический материализм» (Фр. Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства») в «Русском Богатстве», кн. 1, 1895 г., стр. 1—34.

[19] См. статью Н. А. Карышева «Народнохозяйственные наброски (XI. Из области нашей фабричной статистики. XII. Современные течения в крестьянском хозяйстве Нижегородской губ.)» в «Русском Богатстве», кн. 2, 1894 г., стр. 15.

[20] В указанной в тексте письма книге «Русского Богатства» приведена рецензия на книгу И. И. Янжула «Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства преимущественно в Соединенных Штатах Северной Америки».

[21] См. книгу Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изд. 1895 г., стр. 115.

[22] См. статью Н. А. Добролюбова «О значении авторитета в воспитании» (Собр. соч., т. I, стр. 259—286).

К. Сидоров

II. [СТАТЬЯ Н. Е. ФЕДОСЕЕВА О ПОЛКОВНИКЕ ПИРАМИДОВЕ][1]

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

(Начальник С.-Петербургского охранного отделения полковник Пирамидов)

Свою службу в охране царского самовластия и господства капиталистов Вл. Пирамидов начал в Москве в чине ротмистра кажется при Московском жандармском управлении. В 1887 г. в том же чине он был переведен в Одессу. Здесь он вскоре выдвинулся в глазах правительства как ловкий сыщик и искусный следователь. За политические дела Кобермана и Гольдендаха (89—91 г.), Морозова (92 г.), Циперовича, Нахамкеса и др. (94 г.) его произвели в чин подполковника и назначили начальником Одесского жандармского управления (93 г.). Большое дело одесских артельных рабочих (95 г.) и рабочее дело Кобгена, Кульчицкого и др. (96 г.) настолько прославили его, что правительство решило, что только он, Владимир Пирамидов, может задушить могучее революционное движение среди рабочих в Петербурге. С января 97 г. Пирамидов назначен начальником Петербургского охранного отделения. Ему поручено дело борьбы за охрану политического господства хозяев-эксплоатаров, защищаемых царским самодержавным правительством. Ему поручено следовательно дело борьбы петербургских рабочих. В виду этого мы находим не-

лишним познакомить петербургских товарищей с новым жандармом и рассказать им, какие средства он употреблял для борьбы с одесскими рабочими.

Пирамидов не мог конечно нанести более или менее тяжелого удара рабочему движению в Одессе, и наши одесские товарищи могут с гордостью сказать, что рабочее дело развивается у них довольно широко и крепко. Пирамидов, окруженный шайками жандармов, нападал на наших одесских товарищей преимущественно в ночное время. Нападал на них и тогда, когда они мирно читали «запрещенные» цензурой книги и газеты и когда они обсуждали на собраниях кровные вопросы рабочего люда. Прежде чем налететь с обыском, Пирамидов выслеживал через шпионов, кто с кем знаком, кто более других образован, кто пользуется влиянием и у кого хранятся книжки. Словом, Пирамидов делал все, что делает любой жандарм русской земли. Через своих шпионов Пирамидов ничего не узнавал, так как рабочие при известной степени осторожности и наблюдательности легко укрывались от шпионов. Обыкновенно Пирамидов арестовывал сразу массу людей, заключал в тюрьму целые семьи в надежде, что дети, из жалости к отцу или матери, выдадут себя и своих товарищей. С этой целью он арестовывал стариков (например 64-летнего рабочего Письменова, арестовал мать Корнблюма с четырьмя детьми); он прибегал к аресту малолетних как к верному средству разыскать корни и нити (например он арестовал 14-летнюю девочку Дору Штейнраух и продержал ее в тюрьме более месяца; 12-летний Корнблюм до сих пор сидит в тюрьме). На допросах в присутствии товарища прокурора Пирамидов прежде всего старался подорвать у обвиняемого веру в товарищей, ложно уверяя, что они выдают его, выгораживая себя. С этой же целью он заводил с прокурором «секретный разговор» (так, чтобы допрашиваемый ясно слышал его) о том, что такой-то сознался на допросах и выдал своих товарищей; случалось, что арестованным писались подложные записки, идущие якобы от товарищей, с помощью которых старались сбить с толку обвиняемых; например недавно жандармам удалось обмануть многих рабочих, известив их, что один из товарищей будто бы бежал за границу; обманутые в своих показаниях валили все на этого товарища, который в действительности доселе сидит в тюрьме. Если такой прием не удавался, Пирамидов начинал клеветать товарищам интеллигентам на товарищей рабочих, что рабочие-де «дрянь, пьяницы, пропивают даже нелегальщину, которую вы им даете, вы полагаете за них душу, а они ни за грош вас продают»; при этом нагло лгал, рассказывая, что как теперь, так и в прежних делах стоило продержать рабочего в тюрьме, и он валился в ноги и умолял: «простите, ваше высокоблагородие, я все расскажу». И в то же время клеветал рабочим на интеллигентов, что последние-де обманывают рабочих, стремятся к каким-то собственным своекорыстным целям.

Кроме того он несколько раз в более или менее прикрытой форме предлагал арестованным сделаться его шпионами (за такие предложения его неоднократно собирались побить).

Если все эти хитрости и подвохи не удавались, Пирамидов начинал запугивать обвиняемых тяжелыми наказаниями, которые будто бы ожидают их; грозил каторгой, Шлиссельбургом, каменным мешком, виселицей и розгами.

Когда не удавалось вынудить у обвиняемого признания, Пирамидов делался груб, нахально кричал, топал ногами, ругался площадной бранью, выгонял с допроса с криком «ступай к черту, сиди!»

Чтобы измучить арестованного, заключенного в одиночку, Пирамидов месяцев по пяти не разрешал прогулок на чистом воздухе, заколачивал на-

Н. Е. ФЕДОСЕЕВ В ГРОБУ
Фотография 1898 г., Верхоленск
Музей Революции СССР, Москва

глухо оконные форточки, не разрешал свиданий с родными, не разрешал чтения своих книг (давал только молитвенник и жития святых), не давал письменных принадлежностей, позволял писать не чаще, как в две недели раз и не более четверти листа (письмо на поллиста он не пропускал как слишком длинное). Тюремной страже приказывал отбирать табак, стол и т. п. Жалобы на грубое обращение тюремного начальства оставлял без ответа; например одного рабочего Карташова при жандарме Лыкове и четырех полицейских помощник тюремного начальника ударил по шее. Жалоба по обыкновению ни к чему не привела.

Если Пирамидов замечал, что обвиняемый человек самолюбивый, горячий и не особенно разумный, то начинал перед ним расхваливать революционное движение, восхищался умелостью и опытностью вождей, сулил скорую победу и, втянув таким способом собеседника в разговор, выведывал о его собственной деятельности и узнавал фамилии товарищей.

Кто не поддавался на эту глупую удочку, тех он старался рассердить, обвиняя в трусости. «Трус вы! только на свободе и умеете болтать языком да подстрекать других, а как попали в тюрьму, так сразу и струсили, от всего отказываетесь. Только и слов у вас на языке — не знаю, не возил, не бывал». За это один из арестованных назвал его шантажистом, прохвостом и мерзавцем.

Пирамидов кроме того старался действовать на арестованных через их родителей и жен, убеждая писать детям и мужьям о необходимости чистосердечного раскаяния и выдачи товарищей.

При допросах Пирамидов (и его ученик Берг) обыкновенно не давали грамотным рабочим записывать свои показания и заносили в протокол все, что им вздумается; подписывать протокол давали часто спустя недели две и даже четыре после допроса. В тех случаях, когда писал протокол сам арестованный, жандармский офицер и товарищ прокурора старались диктовать не то, что говорил арестованный.

Наконец следует отметить еще следующий прием Пирамидова. Он освобождал иногда из тюрьмы арестованных с целью выследить знакомства

и связи его с другими. Так он временно выпустил из тюрьмы Аникова и Коншина, с этой же целью он задержал в Одессе двух рабочих против их желания и вопреки приговору, по которому они оба подлежали высылке из Одессы на родину.

В известных случаях Пирамидов умел прикидываться «добрячком»; он ласково и вежливо предлагал арестованному чай и папиросы (при этом предупредительно успокаивал: «не бойтесь, я не подмешиваю дурмана»).

Любил поболтать языком. Начинал например беседу о том, что он тоже рабочий человек: «у вас мозоли от топора, а у меня от пера — оба мы люди рабочие. Я тоже бываю занят по 8—10 часов в день». Однажды, беседуя таким манером с рабочим, Пирамидов сказал: «Я найду себе место и в республике». Рабочий выразил сомнение по этому поводу: «Когда у нас будет республика вы не будете служить». — «Где же я тогда буду?» — «Будете висеть где-нибудь на воротах», ответил ему рабочий.

Но пока что Пирамидов в качестве опытного следователя и ловкого сыщика призван спасать эксплоататоров и их царя от грозной растущей силы организованных петербургских рабочих. Человек этот маленького роста, со злой, нахальной физиономией, с рыжими бакенбардами, реденькими прилизанными волосами на голове; глаза у него всегда, даже когда он притворяется честным, воровски, «невытко» (быстро) шмыгают по сторонам.

Из достоверных источников знаем, что Пирамидов намерен производить массовые погромы[2], захватывая разом не только подозреваемых в революционной деятельности, но и всех знакомых с такими людьми[3].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Среди оставшихся после Н. Е. Федосеева писаний, до сих пор ни разу не переиздававшихся, есть исчерпывающая характеристика жандармского полковника Пирамидова, напечатанная в нелегальном «Листе Работника» за 1898 г., № 5.

Нелегальный «Листок Работника», издававшийся «Союзом русских социал-демократов», до № 9—10 редактировался группой «Освобождения Труда». В связи с разногласиями в оценке очередных задач рабочего движения, группа «Освобождение Труда» после № 10 отказалась от редактирования, и «Листок» перешел к «рабочедельцам» — Б. Кричевскому и Теплову,— изменив вскоре свое название.

Основанием для приписывания этой статьи Н. Е. Федосееву является прямое указание, данное в «Искре» за 1901 г., № 7. В статье «Умер Пирамидов», к сожалению с нераскрытым авторством, посвященной неожиданной смерти Пирамидова, есть такие строки: «В напечатанном в «Листке Работника» (№ 5) «Послужном списке полковника Пирамидова», составленном безвременно погибшим в ссылке товарищем Федосеевым, предсказывалось, что Пирамидов в своей новой должности «намерен производить массовые погромы», захватывая разом не только подозреваемых в революционной деятельности, но и всех знакомых с такими лицами» (перепечатано в издании Госиздата «Искра», вып. I, изд. 1925 г., стр. 143).

Номер 5 «Листка Работника» имеет дату: январь 1898 г. В это время Н. Е. Федосеев был уже в сибирской ссылке. По всему содержанию статьи видно, что автор заканчивает характеристику известного тогда жандарма временем назначения Пирамидова начальником Петербургского охранного отделения, т. е. началом 1897 г. Но так как до весны 1897 г. Н. Е. Федосеев пребывал в московской пересыльной тюрьме, то повидимому там же он мог от ряда высылаемых товарищей получить материал об известном охраннике. В «Искре» потому и говорится, что «Послужной список» Пирамидова «составлен» Федосеевым, т. е. обработан по собранным материалам. По словам Н. А. Самойлова, свою статью «Историческая справка об освобождении крестьян» Н. Е. Федосеев прислал из Бутырской тюрьмы (Н. А. Самойлов, «Самарский Вестник», Из истории марксистской журналистики». Изд. 1931 г., стр. 60). Можно сделать предположение, что и заметку о жандармском полковнике Пирамидове он каким-либо образом направил из этого же места своего заключения.

Быть может не случайным является то обстоятельство, что Н. Е. Федосеев взялся написать статью именно на такую тему. Н. Сергиевский в своих воспоминаниях говорит: «Надо заметить, что Н. Е. жандармов ненавидел всей глубиной своей души, что он и не считал нужным скрывать перед жандармами... Когда он говорил или писал о жандармах, он называл их не жандармами, а «мерзавцами», — иного имени для них у него не было» (Сборник «Н. Е. Федосеев», изд. 1923 г., стр. 40—41).

[2] Предсказания Н. Е. Федосеева относительно «массовых погромов», которые произведет Пирамидов, оправдались полностью: в статье, напечатанной в «Искре», перечисляются все жандармские налеты Пирамидова, произведенные в столице за период 1897—1901 гг.

[3] В своей книге «Из истории моего бытия» С. Канатчиков рассказывает о том, какой трепет Пирамидов нагонял на новичков в революционном движении. «Не хотелось попасть на допрос к Пирамидову, начальнику жандармского управления, о котором и нелегальные газеты писали, и интеллигенция на кружках говорила, что он «на три аршина в землю видит» (С. Канатчиков, Из истории моего бытия, изд. 1929 г., стр. 108).

В 1901 г. жизнь полковника Пирамидова оборвалась на 46-м году самым неожиданным образом. 22 июля этого года происходил спуск выстроенного броненосца «Император Александр III». В то самое время, когда было дано приказание к спуску судна, налетел шквал с ливнем. Этим ураганным ветром сорван был большой флаг. Тяжелым флагштоком, отнесенным ветром в места для зрителей, разом ударило по головам нескольких человек. Самый тяжелый удар пришелся на Пирамидова. Ему пробило голову. Стремясь к картинности, нововременский репортер по этому поводу пишет, что Пирамидов «беспомощно склонился за борт эллинга, окрасив борт, убранный флагами, огромным кровавым пятном» («Новое Время» 1901 г., № 9116).

На основании газетных сведений того времени «Искра» писала: «Герою тридцати с лишком походов против внутреннего врага были, само собой разумеется, воздаы должные почести... Пирамидова почтили венками некоторые великие князья и королева эллинов. Так все прочнее скрепляются узы между царским престолом и жандармским застенком. И будут эти узы скрепляться до тех пор, пока разыграется буря, сорвав царский флаг, и не раздавит на месте многоголовую царскую гидру. Для петербургских рабочих имя Пирамидова будет всегда связано с первым периодом их массового выступления на путь классовой борьбы как имя бессовестнейшего и беспощаднейшего из царских палачей» («Искра» 1901 г., № 7).

Редакция

ПОЭТЫ В ДООКТЯБРЬСКОЙ «ПРАВДЕ»

Статья А. Ефремина

I

К стыду нашего цеха — критиков, литературоведов и историков литературы — приходится сознаться, что период литературно-художественного творчества и собирания пролетарских литературных сил эпохи «Звезды» и «Правды» совсем не изучен и никак не разработан. Специалисты потратили не мало сил на исследование поэтических школ самых разнообразных направлений начала XX в.: буржуазных, дворянских, мелкобуржуазных, но только не пролетарских. Поэзия символистов, акмеистов, кларистов, эгофутуристов изучена вдоль и поперек. А между тем формировавшаяся в те же годы пролетарская поэзия обойдена молчанием.

Вот перед нами книжка В. Саянова «Очерки по истории русской поэзии двадцатого века», — она специально посвящена разбираемой эпохе. Сказано ли в ней хоть одно слово о поэзии «Звезды» и «Правды»? Нет. В книжке нет ни звука, как нет ни слова о том же ни в книге Г. Горбачева «Современная русская литература», ни в сборнике Л. Троцкого «Литература и революция» [1], ни в учебнике В. Евгеньева-Максимова «Очерк истории новейшей русской литературы», ни в др. им подобных [2].

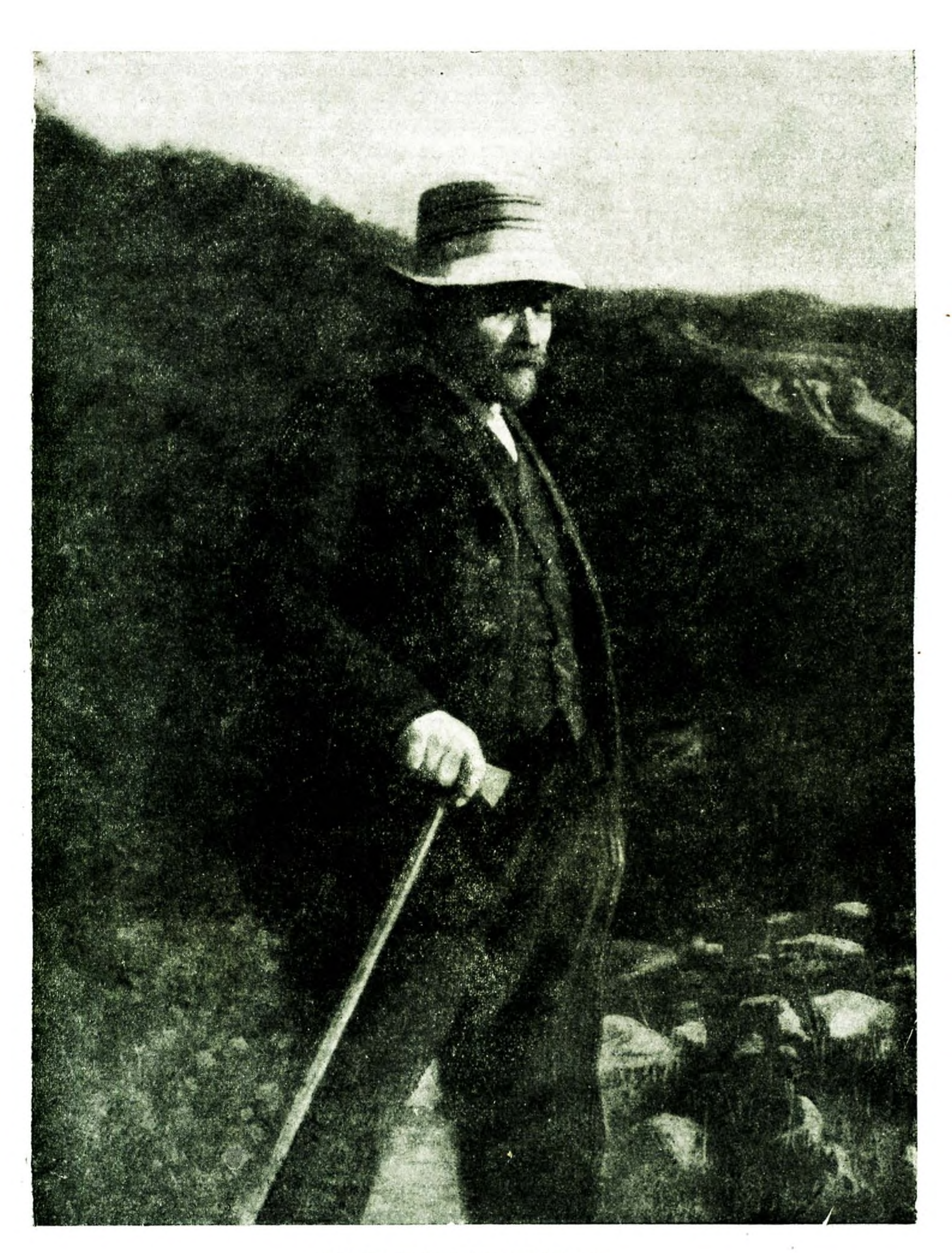
Недавно в журнале «Литература и искусство» появилась библиография литературы и искусства в дооктябрьской «Правде» [3]. А затем вскоре такое же библиографическое описание «Звезды» напечатано было в последующих номерах того же журнала [4]. Мы здесь коснемся лишь первой работы (наша тема ограничивается, как показано в заглавии, отделом поэзии в дооктябрьской «Правде»). Нельзя не порадоваться тому, что наконец-то художественный отдел «Правды» привлек к себе внимание библиографов. Как говорится, лиха беда начало!

Как же выполнена работа?

Библиография сделана из рук вон плохо. Пропущены отдельные наименования [5], пропущено описание некоторых изъятых и конфискованных номеров газеты, псевдонимы не раскрыты, один и тот же поэт, фигурирующий под разными именами, предстоит здесь как несколько лиц, — короче: допущена поразительная неряшливость. Она дает себя знать с первой же строки. Под первым номером библиографии помечено стихотворение «Полна страданий наших чаша», и отнесено оно к авторству некоего *Е. Г.*

Кто же такой *Е. Г.*?

Названное стихотворение в «Правде» носит подпись не Е. Г., а Е. Придворов (фамилия Демьяна Бедного [6]). Откуда же взялся Е. Г.? А вот откуда. Экземпляр, над которым работали назадачливые библиографы, видимо, имеет поврежденный оборванный угол, что вполне естественно для первой страницы собрания, перелистываемой чаще других. Стихотворение помещено в нижнем правом углу страницы, как раз там, где листок захватывается пальцем. От подписи Е. Придворов осталась лишь литера *Е* да половина от буквы *П*. Доверчивые библиографы преравнодушно занесли в свои незатейливые записи ничего не говорящие, случайные литеры. Между



ЛЕНИН В ЭПОХУ «ПРАВДЫ»
Фотография 1914 г., Закопане
Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

тем редакция «Правды» отнеслась к первому номеру газеты от 22 апреля (5 мая) 1912 г. очень внимательно и не только снабдила газету стихотворением, не только поместила стихотворение на первой странице, но и предоставила место тому поэту, которого рабочие читатели уже знали по «Звезде» и уже в достаточной мере оценили, т. е. Е. Придворову [7], а не *Е. Г.*

Насколько важное значение придавалось в «Правде» стихам, об этом будет сказано ниже. Здесь же уместно будет привести воспоминания И. В. Сталина об организации первого номера «Правды».

Вот что мы читаем у И. В. Сталина в разделе «Основание «Правды»: «Физиономия «Правды» была ясна: «Правда» была призвана популяризовать в массах платформу «Звезды». «Кто читает «Звезду», — писала «Правда» в первом же номере, — и знает ее сотрудников, являющихся также сотрудниками «Правды», тому не трудно понять, в каком направлении будет работать «Правда»... Разница между «Звездой» и «Правдой» состояла лишь в том, что аудиторией «Правды», в отличие от «Звезды», служили не передовые рабочие, а широкие массы рабочего класса» [8].

Таким образом руководство газеты рассчитывало на смекалку читателя, который знает уже звездинских сотрудников, являющихся также сотрудниками «Правды»... Все это прошло мимо горе-библиографов из журнала «Литература и искусство», ничего не понявших в компановке первого номера «Правды».

Дальнейшая их работа стоит на том же невысоком уровне. Они вообще поняли свою задачу весьма узко и ограничили свое предприятие работой копииста: списали под ряд — да к тому же еще и с пропусками — все заголовки и фамилии авторов и на том успокоились. Но ведь это — механическая работа переписчика. Библиограф, если он даже отказался от систематизации материалов, по крайней мере должен раскрыть хоть псевдонимы, как это делается обычно (см. например «Чеховиану» И. Ф. Масанова [9]) и как это должно быть сделано обязательно и неукоснительно, когда дело идет о подпольщиках, сотрудничавших в легальной партийной прессе.

В самом деле, кто скрывается под тем или иным ничего не говорящим именем? Читая «Правду», мы узнаем под вымышленными именами и кличками крупнейших работников и вождей. В. И. Ленин например подписывался разнообразными псевдонимами, как то: Статистик, Мирянин, Ф. Ф., Р. С., Б. Ж. и мн. др.

Весьма важно также раскрыть псевдонимы, которыми скреплялись стихи, басни и песни в «Правде». Кто скрывался под тем или иным вымышленным именем? Едва прикоснувшись к этой работе, мы обнаруживаем ряд ценных сведений и характеристик. Мы узнаем, что поэт, подписывавший свои стихи псевдонимом Зигзаг, — крупный советский работник, старый большевик и подпольщик Федор Федорович Сыромолотов [10], что Тит Подкузьмихин — это он же, что И. Козлов — это Иван Батрак, что Аз-Аль-Бов — это Ал. Ал. Богданов [11], что Я. Б. — это Яков Бердников, что Нелюдим — это А. Н. Соловьев, что Л. Ив. — это Логинов Иван, что Кузьма Торкин — это Львов, что Синеблузник — это Андрей Дикий, что А. Бывалый — это он же, что Бывалый и Дикий — вымышленные имена Андрея Гмырева-Михайлова, а кто он такой — Гмырев-Михайлов, — об этом будет сказано ниже.

Вот как вспоминает о поэтах-правдинцах поэт Михаил Артамонов:

«Войдешь по лестнице и уже слышишь гул голосов: рабочие, служащие стоят, говорят, курят. Как свечки глаза их. Тот принес рукопись, тот — за справкой. Иной сам не может написать и явился, чтобы высказать на словах о непорядках на заводе, о том, что газету не дают читать, конфискуют у ворот. Тот принес деньги, — собрали по подписке на заводе в поддержку газеты, а вот идут пролетарские поэты с листиками серой бумаги и неслож-

ПРАВДА

ЕЖЕДНЕВНАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА.

Годъ изданія первый.

[illegible]

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Николаевская 37, кв. 18.
Контора открыта съ 10 ч. утра до 7 час. веч.

№ 1. Воскресенье, 22 апрѣля 1912 г. ЦѢНА 2 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ „ПРАВДА".

Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ участвуютъ:

[illegible]

Подписная плата: на 1 годъ—4 р. 50 к., ½ года—2 р. 25 к., 3 мѣсяца—1 руб. 15 коп., 1 мѣсяцъ—40 коп. Цѣна отдѣльнаго № 2 коп.

Редакція и контора: Спб., Николаевская, д. 37, кв. 18. Ночной телеф. ред. (съ 7 ч. в.) 540-92.

Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ, съ 10 до 7 ч. дня. Пріемъ въ редакціи: съ 6 до 8 ч. веч.

Издатель членъ Гос. Думы Н. Г. Полетаевъ. Редакторъ М. Е. Егоровъ.

Продолжается подписка на газету „ЗВѢЗДА", выходящую три раза въ недѣлю.

[illegible]

Адресъ конторы и редакціи: Спб., Разъѣзжая ул., 10, кв. 14.
Контора открыта съ 11 до 5 час. дня.

По независящимъ отъ издателя обстоятельствамъ объявленная продажа № 1 „Правды" по повышенной цѣнѣ въ пользу семей убитыхъ ленскихъ рабочихъ не можетъ состояться.

ОБЩЕСТВО ЖЕНСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ. (Старорусская, 5, кв. 41). Во вторникъ 24-го апрѣля въ помѣщеніи нашего общества состоится лекція женщины врача г. Пажитновой «Трудъ и гигіена».

Начало въ 8 час. вечера.

ПРАВЛЕНІЕ ПРОФЕССІОНАЛЬНАГО ОБЩЕСТВА РАБОЧИХЪ БУЛОЧНО-КОНДИТЕРСКАГО ПРОИЗВОДСТВА извѣщаетъ своихъ членовъ, что въ воскресенье 22-го апрѣля отъ 12-ти до 3 часовъ дня состоится собраніе совѣта уполномоченныхъ отъ пекаренъ. Входъ по повѣсткамъ и просятъ имѣть при себѣ членскія книжки союза.

Правленіе.

СОЮЗЪ ПРИКАЗЧИКОВЪ-МАНУФАКТУРИСТОВЪ.

Запись членовъ производится ежедневно отъ 8-ти до 11 часовъ веч., по праздникамъ отъ 10 до 12 утра и отъ 4-хъ до 6-ти вечера.

Адресъ: Прачечный пер., д. 2, кв. 13.

Правленіе О-ва «ПРОСВѢЩЕНІЕ» извѣщаетъ членовъ, что на 22-ое апрѣля, въ 10 час. утра назначено ЛИКВИДАЦІОННОЕ СОБРАНІЕ членовъ. (Зданіе Біологической лабораторіи, Англійскій пр., 32). Порядокъ дня: докладъ Правленія и Библіотечной комиссіи, назначеніе и ревиз. комиссіи, выборы ликвидаціонной комиссіи.

Входъ по повѣсткамъ.

СОБРАНІЯ.

Правленіе профессіональнаго о-ва рабочихъ книжнаго производства извѣщаетъ тов. рабочихъ, что въ залѣ заболоцкой аудиторіи (уголъ 5 роты) состоится лекція 22 апрѣля В. Ф. Гинзбургскаго на тему «Очерки исторіи хозяйственнаго быта».

Начало въ 8 час. вечера.

Билеты можно получить при о-вѣ (Николаевская, 5, кв. 32, а въ день лекціи при входѣ. Цѣна 15 коп. не членамъ. Просятъ тов. не отказаться присутствовать!

Отъ редакціи.

«Нужно ли доказывать, что русскому рабочему необходима своя политическая газета?»

Нѣтъ, это уже доказано. Этотъ вопросъ, поставленный на обсужденіе въ «Звѣздѣ», вызвалъ самый горячій откликъ въ рабочей средѣ по всей Россіи; обсужденіе вопроса на мѣстахъ, письма и корреспонденціи въ газеты шли непрерывно въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Объявленіе о нашемъ намѣреніи приступить къ изданію «Правды» вызвало поразительно дружный приливъ пожертвованій въ фондъ газеты отъ рабочихъ, можно сказать, почти всѣхъ петербургскихъ фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ.

Не доказывать необходимость рабочей газеты поэтому приходится намъ, а только исполнять требованія русскаго пролетаріата.

«Правда» и является отвѣтомъ на это требованіе. Дворянство, духовенство, промышленники, биржевики и т. д.—всѣ имѣютъ свои газеты; тамъ они освѣщаютъ явленія жизни по своему, мѣряютъ ихъ на свой аршинъ; въ своихъ газетахъ они защищаютъ свои классовые, сословные, групповые интересы и, съ другой стороны, борются противъ рабочихъ, прибѣгая къ обману и клеветѣ. Какъ разобраться въ этой паутинѣ лицемѣрія, обмана, лжи и клеветы?

Рабочему классу нужно знать правду! Рабочая газета «Правда» должна отвѣчать своему названію, этимъ она выполнитъ свое назначеніе.

Правда ли, будто рабочему классу самимъ провидѣніемъ предназначено навсегда подчиненное, рабское положеніе?

Нѣтъ! Рабочій классъ—создатель всѣхъ богатствъ, и онъ будетъ пользоваться всѣми плодами трудовъ своихъ.

Борясь за уничтоженіе эксплуатаціи, борясь за свое равноправіе и свободу, рабочій классъ борется за уничтоженіе всякой эксплуатаціи, всякаго гнета и насилія, за всеобщую свободу и общечеловѣческое братство. Освобождая себя, онъ никого не хочетъ эксплуатировать, но онъ не хочетъ, чтобы кто-либо эксплуатировалъ и его.

Правда ли, будто о нуждахъ рабочаго класса печется начальство и просвѣщенные хозяева, будто рабочему классу остается только проявлять свое благонамѣренное терпѣніе и питать теплую надежду, что и для него само собой придетъ царство небесное.

Нѣтъ! «Подъ лежачій камень и вода не течетъ», говоритъ пословица. «Ребенокъ не плачетъ, мать не разумѣетъ», а здѣ мачеха, добавимъ мы, и разумѣть не желаетъ.

Рабочій классъ долженъ сознавать цѣли рабочаго движенія и быть въ постоянной готовности неуклонно двигаться впередъ по пути своихъ отдаленныхъ и ближайшихъ цѣлей.

Развивать свое классовое сознаніе, съ пониманіемъ относиться ко всѣмъ явленіямъ общественной жизни и сплачиваться въ одну пролетарскую семью—вотъ задачи рабочаго движенія, и постоянное разъясненіе этихъ задачъ является цѣлью рабочей газеты «Правды».

Вмѣстѣ разбираться въ урокахъ жизни и вмѣстѣ дѣйствовать!

Правда ли то, что сказалъ министръ внутр. дѣлъ Макаровъ въ Госуд. Думѣ по поводу разстрѣла ленскихъ рабочихъ, что «такъ было и такъ будетъ»?

Нѣтъ, скажемъ мы вмѣстѣ съ вами, читатель.

Кровь ленскихъ рабочихъ была сознательно и злонамѣренно пролита потому, что рабочій классъ молча сносилъ всякія надругательства и издѣвательства надъ собой. Макаровъ почувствовалъ себя поэтому полнымъ побѣдителемъ и пропѣлъ свою пѣснь торжествующаго побѣдителя, опьяненнаго и жестокаго.

Но слова Макарова хлестнули больно по рабочимъ и додѣлали то, чего не успѣли сдѣлать первыя извѣстія о разстрѣлѣ;—рабочій классъ очнулся отъ дремоты и громко и серьезно крикнулъ Макарову: «нѣтъ, сударь, этого больше не будетъ».

И свершилось чудо жизни. Черезъ недѣлю послѣ словъ Макарова вся Россія увидѣла, что Макаровъ пропѣлъ свою «лебединую пѣснь». Черезъ недѣлю на его мѣстѣ на думской трибунѣ стоялъ другой министръ изъ объединеннаго кабинета и тономъ уже не надменнымъ, а вкрадчивымъ и нѣжнымъ пѣлъ другія пѣсни: «мы тщательно разслѣдуемъ всю правду и всѣхъ виновныхъ покараемъ! О, вѣрьте намъ, вѣдь мы всегда правдивы».

Не будемъ легковѣрны, читатель-рабочій, откажемся вѣрить въ министерскую правду! Мы сами найдемъ свою правду!

Будемъ же, читатель, искать ее съ тобою, идя рука объ руку, отъ случая къ случаю, отъ факта къ факту.

Наши цѣли.

Кто читаетъ «Звѣзду» и знаетъ ея сотрудниковъ, являющихся также сотрудниками «Правды», тому не трудно понять, въ какомъ направленіи будетъ работать «Правда». Освѣщать путь русскаго рабочаго движенія свѣтомъ международной соціалъ-демократіи, сѣять правду среди рабочихъ о друзьяхъ и врагахъ рабочаго класса, стоять на стражѣ интересовъ рабочаго дѣла—вотъ какія цѣли будетъ преслѣдовать «Правда».

Ставя такія цѣли, мы отнюдь не намѣрены замалчивать разногласій, имѣющихся среди соціалъ-демократическихъ рабочихъ. Болѣе того: мы думаемъ, что мощное и полное жизни движеніе немыслимо безъ разногласій,—только на кладбищѣ осуществимо «полное тождество взглядовъ»! Но это еще не значитъ, что пунктовъ расхожденія больше, чѣмъ пунктовъ схожденія. Далеко нѣтъ! Какъ бы ни расходились передовые рабочіе, они не могутъ забыть, что всѣ они, безъ различія фракцій—одинаково эксплоатируемы; что всѣ они, безъ различія фракцій, одинаково безправны. Поэтому «Правда» будетъ призывать, прежде всего и главнымъ образомъ, къ единству классовой борьбы пролетаріата, къ единству во что бы то ни стало. Поскольку мы должны быть непримиримы по отношенію къ врагамъ, постольку же требуется отъ насъ уступчивость по отношенію другъ къ другу. Война врагамъ рабочаго движенія, миръ и дружная работа внутри движенія—вотъ чѣмъ будетъ руководствоваться «Правда» въ своей повседневной работѣ.

Это особенно необходимо подчеркнуть теперь, когда ленскія событія и наступающіе выборы въ IV Думу съ исключительной настойчивостью ставятъ передъ рабочими вопросъ о необходимости сплотиться въ единую классовую организацію...

Вступая въ работу, мы знаемъ, что путь нашъ усѣянъ терніями. Достаточно вспомнить «Звѣзду», переносящую кучу конфискацій и привлеченій. Но терніи не страшны, если сочувствіе рабочихъ, выражающее теперь «Правду», будетъ продолжаться и впредь: въ этомъ сочувствіи будетъ она черпать энергію для борьбы! Мы бы желали, чтобы сочувствіе это росло. Мы бы желали, кромѣ того, чтобы рабочіе не ограничивались однимъ сочувствіемъ, а принимали активное участіе въ дѣлѣ веденія нашей газеты. Пусть не говорятъ рабочіе, что писательство для нихъ «непривычная» работа: рабочіе-литераторы не падаютъ готовыми съ неба, они вырабатываются лишь постепенно, въ ходѣ литературной работы. Нужно только смѣло браться за дѣло: разъ-два споткнешься, а там и научишься писать...

Итакъ, дружнѣе за работу!

На грани.

Наша газета появляется въ моментъ, который справедливо можетъ считаться гранью, раздѣляющей два періода рабочаго движенія въ Россіи.

Шесть лѣтъ мы жили какъ бы подъ дѣйствіемъ словъ Столыпина: «не запугаете».

Казалось, нѣтъ выхода.

Была стѣна, и передъ ней въ безсиліи опускались руки. Только передовая часть пролетаріата сохраняла вѣру въ себя.

Подъемъ рабочаго движенія былъ всѣми замѣченъ уже года полтора назадъ.

И вотъ, въ апрѣлѣ 1912 года, пробита брешь въ стѣнѣ. Пробита, конечно, мускулистой рукой пролетарія.

Государственный Совѣтъ отступилъ передъ силой протеста приказчиковъ. Обсужденіе законопроекта противъ приказчиковъ отложено до осени.

Покушеніе на приказчиковъ отбито. Будутъ, конечно, новыя покушенія. Но приказчики уже знаютъ, что имъ дѣлать...

Вслѣдъ за Государственнымъ Совѣтомъ было отступленіе министерства.

Оно обѣщаетъ чрезвычайное разслѣдованіе ленскихъ событій; оно уступаетъ тѣмъ, кто не довѣряетъ допрошенымъ самихъ виновныхъ.

Министръ Тимашевъ обѣщаетъ внести новый законъ объ условіяхъ работы на пріискахъ и о квартирахъ для пріисковыхъ рабочихъ.

Министерство признало, что нужно кормить рабочихъ не одними только пулями да тюрьмами.

Ленское покушеніе на пролетаріатъ отбито рабочими протестами, митингами и забастовками.

Столыпинъ когда-то крикнулъ, въ сознаніи силы реакціи: «не запугаете»! Макаровъ теперь повторилъ: «такъ было, такъ будетъ»!

Столыпинъ оказался правъ на пять лѣтъ, а Макаровъ—на пять дней.

Банкротство столыпинско-макаровской политики произошло подъ напоромъ пролетарскаго движенія.

Министру Макарову выпала незавидная честь пропѣть лебединую пѣсню столыпинской системы.

Рабочее движеніе перешло грань...

* *
*

Пкала страданій нашихъ чаша,
Слилась въ одно и кровь и потъ.
Но не угасла сила наша:
Она растетъ, она растетъ!

* *
*

Кошмарный сонъ—былыя бѣды,
Въ лучахъ зари—грядущій бой.
Бойцы въ предчувствіи побѣды
Кипятъ отвагой молодой.

* *
*

Пускай шипитъ слѣпая злоба,
Пускай грозитъ коварный врагъ,
Друзья, мы станемъ всѣ до гроба
За правду, нашъ побѣдный стягъ!

Е. Придворовъ.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПЕРВОГО НОМЕРА «ПРАВДЫ»
Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

ными своими песенками: Я. П. Бердников, работавший на заводе медником или токарем по металлу, Ив. Ерошин, разносивший по квартирам средство от клопов и тараканов [12], Соловьев-Нелюдим — маляр, Торкин — булочник и другие... И бывало сделаешь свое дело: передашь рукопись, стишки или какой-нибудь факт из рабочей жизни, а уходить не хочется, хочется оставаться, дышать этим возбужденным воздухом, который заражает и волнует. Отойдешь в сторону за столик, на котором, как в читальном зале, разложены газеты, отдыхаешь, как дома. А той порой подойдут и остальные знакомцы из рабочих-поэтов. Хотя и не сговаривались, но как-то так выходило — собирались почти в одно время, может быть потому, что шли все прямо с завода и фабрики, еще с плохо отмытой копотью»... [13]

Руководители «Правды» придавали огромное значение художественному отделу газеты вообще, стихам в частности. Ленин после первых же басен Демьяна Бедного, напечатанных в «Звезде», посылает редакции запрос: «Кто это у вас Демьян Бедный? Очень талантливо пишет. Не может ли на ликвидаторов басню написать? Хорошо бы» [14]. Таким образом В. И. Ленин не только следил за поэтическим отделом, но и внушал ему тематику. И. В. Сталин, непосредственно руководя «Правдой», видимо очень живо интересовался поэтическим составом газетного листа. В мемуарах к 10-летию «Правды» находим тому вящие доказательства: Ф. Ф. Сыромолотов, который в те времена был присяжным поэтом «Правды» и почти ежедневно печатал стихи, вспоминает: «...Сталин спокойно, с насмешливой улыбкой в ус, кратко, но ясно дирижирует»... [15]

Сколь веское значение придавал И. В. Сталин роли поэта в массовой легальной газете, можно судить по такому факту. В статье «К десятилетию «Правды» И. В. Сталин пишет: «Это было в середине апреля 1912 г., вечером, на квартире у тов. Полетаева, где двое депутатов Думы (Покровский и Полетаев), двое литераторов (Ольминский и Батурин) и я — член ЦК (я как нелегальный сидел в «бесте» у «неприкосновенного» Полетаева) сговорились о платформе «Правды» и составили первый номер газеты. Не помню, присутствовали ли на этом совещании ближайшие сотрудники «Правды» — Демьян Бедный и Данилов»... [16] Таким образом, вспоминая теснейший круг организаторов газеты, первое организационное собрание «Правды», И. В. Сталин не забывает упомянуть и поэта Демьяна Бедного: такое значение придает он факту участия в газете талантливого поэта. Нечему удивляться: руководители «Правды» лучше всех других понимали значение эмоционального воздействия, вызываемого художественным чтением. Имеется ряд подтверждений тому, что не зря так высоко учитывалось наличие стихов в «Правде». Как только вышел первый сборник басен Демьяна Бедного [17], В. И. Ленин тотчас же отозвался; видимо он читал книгу басен внимательно, и, прочитавши, запрашивает А. М. Горького: «Видали ли «Басни» Демьяна Бедного? Вышлю, если не видали. А если видали, черкните, как находите» [18]. Мало того: В. И. Ленин в том же году уже цитировал Д. Бедного по вышедшему сборнику басен (см. статью «К вопросу о политике министерства народного просвещения») [19]. Рассказавши возмутительный случай о назначении некоей «вдовы гвардейского генерала» в качестве начальницы самарской женской учительской семинарии, Ленин продолжает: «Не подумайте, что этот факт взят мной из сборника басен Демьяна Бедного, из такой басни, за которую «Правду» оштрафовали, а редактора ее засадили в тюрьму [20]. Нет».

Литературно-художественный отдел «Правды» пользовался самым широким вниманием руководителей «Правды». В данном случае редакция шла также навстречу рабочему читателю. В ответах и пожеланиях «Правде» читатель постоянно указывал на желательность наличия беллетристики и поэзии. В сводке «Правды» читаем: «Что касается отношения наших

читателей к беллетристике, то тут высказываются разные мнения. Очень немногие стоят за то, что в такой ограниченной по размерам газете, как «Правда», беллетристика — излишняя роскошь... Большинство же читателей, наоборот, стоят за то, чтобы беллетристика была, так как чтение ее является отдыхом после тяжелой работы и отвлекает многих рабочих от увлечения «Копейкой» [21] с ее бесконечными лубочными романами. Многим также нравятся стихи, которые придают, по их словам, бодрость и энергию» [22].

В «Воспоминаниях беспартийного рабочего Тульского патронного завода, в воспоминаниях к 10-летию «Правды», читаем: «Интересен еще тот факт, что стихотворения из «Правды» можно было видеть в вырезках в платяных шкафах мастерской и на горнах в кузнице. Я знал одного рабочего, который заучивал их напамять и на собственный мотив распевал во время работы» [23].

То же находим в мемуарах одного типографщика («Правда» у «левенсоновцев»). Он рассказывает, с какою жадностью читали типографские рабочие стихи в «Правде», подражали им, увлекались ими и задумали даже издавать свой подпольный журнал [24]. Руководством газеты «Правда» все это было учтено. Поэзия занимала в «Правде» не последнее место: за время с 22 апреля (5 мая) 1912 г. — с первого же номера газеты и по июль 1914 г., когда газета была закрыта окончательно, — т. е. за 2 с четвертью года, в «Правде» было напечатано без малого 800 стихотворений, что составляет в среднем по одному стихотворению на номер газеты.

II

В нашей литературе ведутся споры по поводу исходного момента пролетарской поэзии: к каким срокам надлежит отнести ее становление? Отдельные пролетарские нотки звучали у нас давно, с того момента, когда промышленный капитализм расправил крылья, — после реформ 60-х годов. Но то были разрозненные ноты. С 90-х годов они дают себя знать ощутительней. Начало XX в. рождает не только отдельные стихотворения: целые циклы стихов посвящены уже рабочей тематике. На арене появляются поэты-рабочие: Ф. Шкулев, А. Ноздрин, Е. Нечаев и ряд других. Революция 1905 года выдвигает певца декабрьского восстания Е. Тарасова.

Однако все названные выше поэты еще не могут быть квалифицированы как пролетарские поэты. Ни боевою отвагой, ни классовым самосознанием, ни ясностью задач их творчество в целом не проникнуто. Идеалы рабочего класса здесь еще не нашли своего полного выражения. Лишь в годы революционного подъема тон их стихов звучит наиболее сознательными классовыми нотами. Так 1905 год поднял на гребень революционного сознания Евг. Тарасова. В остальном же поток его творческого напряжения отражает лишь настроения городских мелкобуржуазных слоев, настроения мелкого протеста и колебаний, подчас — жалоб и упадочного равнодушия. Стихи Нечаева, Шкулева, Ноздрина и других им подобных являются лишь первыми предвестниками рабочей поэзии. Они пишут о тяжких условиях труда и трудового быта, об эксплоатации, о несправедливости и составляют круг предпролетарской литературы. Все они, эти поэты, — предтечи пролетарского творчества.

К какому же моменту надлежит отнести возникновение пролетарской поэзии?

Первым историческим этапом пролетарской поэзии, закончившим ее интереснейшую и содержательную предысторию, надо считать годы собирания литературно-художественных сил вокруг «Звезды» и «Правды». Если принять во внимание роль дооктябрьской «Правды», ее организационное значение и ту созвучность, какая отличала поэтов «Правды», когда поэзия

шла в ногу с общим духом газеты, то, видимо, можно утверждать, что эпоха «Звезды» и «Правды» и есть тот этап, от которого ведет начало массовая пролетарская поэзия.

П. И. Лебедев-Полянский пишет: «Поэзия этого момента носит пропагандистский характер. Она жадно поглощается широкой рабочей массой, находя отклик в ее сердце то одной, то другой стороной. Она делает свое дело, сплачивая широкие массы однородным настроением недовольства, жаждой битвы и уверенности в победе. Грядущая заря и восходящее пламенное солнце — любимые образы рабочего поэта. Вся эта поэзия однако есть только еще прелюдия пролетарской поэзии в настоящем смысле, предварительная ее ступень» [25].

Нам кажется, что П. И. Лебедев-Полянский не совсем прав. Если поэзия «жадно поглощается широкой рабочей массой», если «она делает свое дело, сплачивая широкие массы... жаждой битвы», то почему же на данном историческом этапе, когда главнейшую задачу составляло именно сплочение широких рабочих масс для предстоящих классовых боев, почему же поэзия «Правды» — не настоящая пролетарская поэзия? Нам кажется, что это и была настоящая пролетарская поэзия. К тому же, как мы увидим ниже, поэзия «Правды» имела более широкий охват, чем это кажется П. И. Лебедеву-Полянскому: диапазон ее был шире, тематика разнообразней, сознание пролетарских интересов более проникновенным.

Н. Н. Батурин, рассказывая историю «Звезды» и «Правды», прослеживая рост газет в связи с ростом революционного движения, пишет: «Особенно непосредственно и ярко происшедший перелом (речь идет о переломе в связи с подъемом в среде пролетариата) отразился в стихотворениях «Звезды». Политическая обстановка, при которой впервые выступила «Звезда», нагоняла на ее поэтов еще жуткую тоску. Разгром революции 1905 года и беспросветная тьма текущих дней — главный мотив в стихотворениях первых номеров:

Зашумят ли волны снова,
Или в сумраке глухом
Море мрачное сурово
Будет спать холодным сном...

(Январь 1911 г.)

Другой поэт тех же дней — не такой скептик — глубоко верит в будущий рассвет и втихомолку даже сочиняет на этот случай свои песни. Но он сам считает совершенно неприличным распевать свои радостные песни в это подлое время:

ПЕСНЬ РУДОКОПА

Я сложил эту песнь далеко от людей,
Глубоко под холодной землей...
Мы молчим, мы «покорны», и в наших сердцах
. . . .
Глубоко затаили ее мы...
Эту песнь будем петь мы потом
В дорогие и светлые годы,
Загремит эта песнь торжеством
Долгожданной, но вечной свободы...

А осенью 1911 г. вместе с бурным потоком рабочих корреспонденций на страницы «Звезды» врывается и новая поэзия:

Сильный ветер — вольный вихрь
На кургане закружил
И пошел гулять по миру,
Жизни море замутил...

(Октябрь 1911 г.)

Нужно заметить, что агитационное значение стихотворений было огромно, особенно для широкой рабочей массы. Рабочий-массовик не без тру-

И. В. СТАЛИН В ЭПОХУ «ПРАВДЫ»
Музей Революции СССР, Москва

да разбирался в политических статьях «Звезды», стихи же не только давались легко, но и всегда забирали за живое даже отсталого.

Посещая трактиры предместий и наблюдая там читателей «Звезды», можно было заметить, что ее почти всегда начинали читать со стихотворений. Мало того: на окраинах появились даже особые гастролеры, заучивавшие стихотворения из «Звезды» наизусть и декламировавшие их в трактирах и чайных [26].

Приведенная цитата из Н. Батурина показывает, какой интерес возбуждал отдел поэзии в газете «Звезда». К газете «Правда» это относится еще в большей мере. Продолжим цитату из Н. Н. Батурина:

«В отличие от «Звезды» «Правда» с первых же номеров выступала под знаком новой революционной эпохи, о чем бесхитростно свидетельствовали ее поэты, определенно отмежевавшиеся от печальных муз безвременья и упадка:

Не печаль березок белых
Воспоем мы в песнях смелых,
Может быть и неумелых,
Неокрепших, недозрелых,
Как дубков весенний лес.
Не хвалебный гимн природе,
Нет, мы песни о народе,
Гимн радостной свободе
Будем петь, хотя и в моде
Нынче песенки не те.

(«Правда» от 13 июня 1912 г.) [27].

Мы привели обширную цитату из Батурина, цитату весьма характерную. Последнее привлеченное им стихотворение (кстати сказать, оно приводится в «Правде» два раза: 11 мая и 13 июня 1912 г. Скреплено оно подписью «Степан» и принадлежит, возможно, Степану Ефремову, о котором будет сказано ниже) весьма показательно для «Правды». Оно составляет вызов буржуазным «искателям» — представителям символизма, кларизма, акмеизма, эго-футуризма и прочих манерных «изысков».

«Звезда» и «Правда» отметили собою чрезвычайно яркую полосу не только в развитии рабочего движения, но и в развитии рабочей, пролетарской, классовой поэзии. Страницы «Правды» не гнались за модными именами эстетов и «маститых». «Правда» имела критерием классовую целеустремленность при выборе сотрудников и материала. Здесь наряду со стихами среднего достоинства (а в каком органе печати стихи были сплошь отличными?) печатались стихи и басни, волновавшие огромные массы рабочего читателя и вошедшие ныне в инвентарь пролетарской классики. В «Правде» чаще всего печатались неизвестные поэты, начинавшие здесь свою литературную деятельность.

Это было время, когда набившие оскомину символисты не только теряли почитателей и адептов, но теряли и «вождей». В. Брюсов и А. Блок беспощадно бичевали свое прошлое, казнили символизм и отмежевывались от него. Кларисты (1910 г.) и адамисты (1912 г.) экстренно тщились оказать «скорую помощь» символизму. Эго-футуристы декларировали свою «гениальность» (1911—1913 гг.). В лагере господствовавших классов поэзия доживала последние годы — годы эпигонства и агонизирующего разброда.

А в это самое время около «Правды» группировалась крепкая когорта пролетарских певцов и на страницах «Правды» выковывалась новая форма басни — того литературного жанра, который дал возможность найти ключ поэтического языка, общего не только для самых широких рабочих масс, но и для деревни. В «Правду» стекались поэтические строфы безвестных поэтов-массовиков, всех, кто не мог и не хотел печататься в прес-

PS

Адрес не Краков, а Poronin (Galizien) и непременно добавлять на конвертах: (маршрут: Варшава—граница—Закопане)

Уваж. коллега!

Статьи получил, наконец, как и «Правду» за последние дни, вообще, за последнюю неделю. Очень благодарю и очень поздравляю с успехом: по-моему, несомненно, газета теперь вообще улучшилась громадно и серьезно, — надо надеяться, прочно и окончательно. Вопрос о двух сериях Шагова и об обилии антиликвидаторских (о чем пишет) один рабочий депутат) это вопрос частный; и исправление здесь нетрудно ввести, раз газета вообще прочна, и я думаю, что многим рабочим-читателям уже сейчас видно, как вводятся исправления. Над-

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА ЛЕНИНА В РЕДАКЦИЮ «ПРАВДЫ» ОТ КОНЦА МАЯ 1913 г.

Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

се господствовавших классов. Тяга была велика. Н. Н. Батурин пишет: «Характерным показателем революционного подъема было также изобилие стихотворений, поступавших в редакцию со всех концов России. При этом поэт-профессионал терялся в массе поэтов-новичков, несомненно впервые попадавших в печать» [28].

В перечне сотрудников «Правды» мы находим поэтов-рабочих, поэтов-революционеров, поэтов, органически связанных с производством, с пролетариатом, с его переживаниями и чаяниями, с его повседневной борьбой и с его классовой идеологией. Кто они? Разумеется их имен не найти ни в словарях, ни в указателях С. А. Венгерова, ни в библиографиях И. Владиславлева, ни в энциклопедиях, ни в курсах литературы. Каков состав этих поэтов? Самое характерное: модных львов и салонных фаворитов, за которыми гонялись все журналы и газеты, здесь не найти. Нет здесь и примелькавшихся имен «мэтров», список которых намозолил глаза во всех анонсах.

Так кто же все-таки составлял поэтические кадры «Правды»?

Сюда прежде всего тянулись поэты из столичных рабочих. Оно и понятно: «Правда» ставила себе целью связаться с массами, с пролетариатом, связаться непосредственно с фабриками и с заводами. Известно, какое исключительно важное значение придавал В. И. Ленин привлечению рабочих авторов, сотрудников из заводских пролетариев, из самой фабричной гущи. Еще во времена «Искры» Ленин вербовал рабочих-корреспондентов и рабочих авторов. Теперь эта задача становилась еще настоятельнее. И. В. Сталин вспоминает: «Правда» должна была помочь передовым рабочим сплотить вокруг партийного знамени проснувшиеся к новой борьбе, но политически отсталые широкие слои русского рабочего класса. Именно поэтому ставила тогда «Правда» одной из своих задач выработку литераторов из среды самих рабочих и вовлечение их в дело руководства газетой. «Мы бы желали, — писала «Правда» в первом же номере, — чтобы рабочие не ограничивались одним сочувствием, а принимали активное участие в деле ведения нашей газеты. Пусть не говорят рабочие, что писательство для них «непривычная» работа: рабочие литераторы не падают готовыми с неба, они вырабатываются лишь исподволь в ходе литературной работы» [29].

Впервые за все время существования периодической прессы в России было собрано ядро пролетарских поэтов, и сделала это «Правда»: отсюда ведет начало собирание поэтических рабочих кадров, здесь сложилось старшее поколение мастеров пролетарской поэзии. Так оно было, так оно должно было быть. На это и рассчитывали руководители большевистской легальной прессы. Газета и журнал — помимо основных своих задач — должны были еще к тому же стать средоточием пролетарских литературных сил. В одном из писем В. И. Ленина к А. М. Горькому читаем: «Вы пишете: «Нам пора иметь свой журнал, но мы не имеем для этого достаточного количества хорошо спевшихся людей». Второй части этой фразы я не принимаю. Журнал з а с т а в и л бы с п е т ь с я достаточное количество людей, буд журнал, будь ядро» [30].

Читателю надлежит помнить, что роль А. М. Горького в «Правде», в ее художественном отделе, была исключительно плодотворной. Мы здесь не касаемся деятельности Горького в целом и роли его для «Правды» во всем объеме, потому что тема данной статьи не касается ни всего литературно-художественного отдела газеты, ни фельетона. Тема нашей статьи много уже и касается лишь поэтического раздела. Но и в этом последнем Горьким сделано немало. Горький был учителем молодых пролетарских поэтов, их советчиком, вдохновителем. Рабочие поэты запрашивали Горького по всем волновавшим их вопросам, авторитет Горького служил им в качестве

руководящего критерия. Мнением Горького, признанного мастера слова, интересовались все правдинцы: начиная от В. И. Ленина (см. приводимые в статье цитаты из письма В. И. Ленина к Горькому) и кончая самым молодым правдистом.

Газета «Правда» помимо основных своих целей имела одною из задач сплочение ядра пролетарских писателей, пролетарских публицистов, пролетарских поэтов. «Правда» с успехом выполняла поставленную задачу. Но литературоведы и историки литературы ничего еще пока не сделали, чтобы оценить по заслугам и надлежаще разработать тот этап в истории литературы, который отмечен собиранием пролетарских литературных сил вокруг «Правды». В мемуарных записях «Из прошлого» Мих. Артамонов пишет: «Я не стал бы писать... если бы кто-нибудь другой сказал то, что мне хотелось сказать. Но прошло уже не мало времени со дня юбилея «Правды», и я нигде в прессе не нашел ничего о рабочих поэтах, поэтах от станка, с фабрик и заводов, с окраин за заставами, о поэтах, которые тянулись ежедневно к огням «Правды». О них стоит сказать. Рос согретый «Правдой» целый куст свежей силы, писавший мозольными руками песнь труду... Они будили мысль, звали на борьбу, возбуждали чувства протеста и гнева»... [31]

Помещаем отрывок из неопубликованных воспоминаний старого правдиста и революционера, поэта Александра Алексеевича Богданова: «...«Правда» объединяла вокруг себя также и рабочих поэтов и беллетристов. В те далекие годы партийная газета являлась школой и мастерской, где начинающие авторы учились, получали советы и указания. Редакция «Правды» становилась своеобразной художественной лабораторией. Произведения начинающих писателей подвергались тщательной редакторской обработке. Авторы получали ценные товарищеские указания из редакции.

Около «Правды» воспитывалось и крепло целое поколение пролетарских поэтов и беллетристов — А. Сергеев, Демьян Бедный, Д. Одинцов, Самобытник, Ив. Филиппченко, Мих. Артамонов, Тит Подкузьмихин, Як. Бердников, Ал. Поморский и др. Некоторые здесь начинали свою работу, другие уже пришли с опытом, как Ф. Сыромолотов. В дни революции 1905 г. он выступал на Урале и в Самаре с блестящими сатирическими стихами за подписью «Федич».

В 1914 г. в издательстве «Прибой» вышел первый сборник пролетарских писателей под редакцией М. Горького. Это было большим событием и праздником для всех нас. Но следует отметить, что издание сборника в значительной степени было подготовлено предшествующим периодом существования «Правды», воспитавшей группу рабочих писателей.

Цензурные условия того времени были жестоки. Некоторые из моих произведений совершенно не могли увидеть света. Часть помещалась, но в смягченном по цензурным условиям виде. Так например, в № 2 «Правды» мой рассказ «Красный цветок» был напечатан под заглавием «Цветок» без эпитета «красный» (см. ниже в «синодике» конфискованных номеров «Правды»), да и в тексте были значительные изменения. Некоторые из рукописей погибли при обысках и погромах, устраиваемых полицией в редакции «Правды». Очерки из деревенской жизни «Бугровские дни» были напечатаны без окончания [32]. Не могли быть напечатаны и некоторые отрывки из поэмы «Бездомные», а также и рассказ «Чагин».

Сноситься из Финляндии с редакцией «Правды» было не всегда возможно. Когда я сделал попытку давать в газету злободневные фельетоны на политические темы («Человек из центра» за подписью Аз-Аль-Бов), то оказалось, что вследствие нерегулярности передачи фельетоны запаздывают, теряют свою остроту, устаревают.

На фоне тяжелой обстановки дореволюционного прошлого роль газеты «Правда» в собирании литературных пролетарских сил была необычайно ярка».

Вот свидетельства старых участников литературного отдела «Правды». Они не только подтверждают роль «Правды» в собирании литературных сил, но и показывают, что сами сотрудники смотрели на большевистскую газету, как на своего рода аккумулятор рабочих авторов. Здесь же приведем воспоминания одного старого партийца, которые проливают совершенно новый свет на роль «Правды» в деле собирания пролетарских поэтов и писателей. Оказывается, что «Правда» не только культивировала пролетарский эпос, пролетарскую лирику и сатиру; не только печатала рабочих-поэтов; не только руководила пролетарскими авторами; не только давала им темы, правила рукописи, обучала, наставляла, но при «Правде» имело место и следующее начинание: на фабриках и заводах «Правда» организовывала рабочие литературные кружки и руководила их работою.

К сожалению вопросом этим никто не занимался, и материалов по его освещению почти нет. Имеется лишь одно единственное свидетельство о наличии такого литературного кружка на бумажной фабрике в Красном Селе. Кружок существовал, вел работу, был связан с «Правдою» и руководим был ближайшею сотрудницею «Правды» Конкордией Самойловой.

Вот как рассказывает об этом Ив. Вас. Шувалов, рабочий бумажной фабрики в Красном Селе: «Правда» была не только нашим организатором, но и первым органом печати, призывающим революционных рабочих в пролетарскую литературу. Наряду с партийным кружком на ряде фабрик и заводов возникают кружки рабочих поэтов и писателей, являющихся частью партийных кружков у большевиков. Такой кружок возникает и на нашей фабрике. Помню, с каким подъемом прозвучали первые стихи рабочего нашей фабрики Павла Кузнецова... Эти стихи появились весной 1913 года на фабричных воротах с иллюстрацией о положении рабочего, появились и другие произведения с призывом к стачке. Это была первая в своем роде нелегальная стенгазета кружка «Правды». ...«Правда» была боевым организатором и основным стержнем, вокруг которого росла боевая мощь новой пролетарской литературы» [33].

О том же кружке читаем в сборнике творчества бумажников — в книге «Самочерпка»: «Эпоха «Правды» и «Звезды», кружок бумажников под руководством т. Наташи (Конкордия Самойлова), захватывают и его (речь идет о Павле Кузнецове). Он уже владеет своей свирелью, природное дарование поэта-рабочего клокочет, и он с Н. Шубцовым (Блузою), Макаром и др. тянется в «Правду» со стихами»... [34] Блуза, Макар, Старков, Кузнецов были организаторами литературного кружка, связанного с «Правдой» и руководимого Конкордией Самойловой. Из воспоминаний Шувалова мы узнаем, что подобные литературные кружки существовали не только на красносельской бумажной фабрике, но и на других предприятиях. Работа по выяснению их роли еще впереди. Во всяком случае мы имеем уже сведения, что организаторская работа по собиранию пролетарских литературных сил выполнялась «Правдою» в значительно более широком масштабе, нежели это может показаться с первого взгляда. «Правда» связывала себя с самыми широкими рабочими массами — вот ее задача.

В юбилейном номере «Правды» от 22 апреля 1914 г. в статье «Наши сотрудники» читаем: «Товарищ корреспондент-рабочий — вот главный сотрудник рабочей газеты... Товарищи корреспонденты-рабочие создают душу рабочей газеты... Товарищи литераторы воплощают в слово невысказанные думы и неосознанные еще мысли рабочих масс»...

В числе сотрудников «Правды» мы находим перечень имен рядовых рабочих, приносивших или присылавших в газету строфы, родившиеся в гу-

ле станков, в гуще пролетарского племени. Здесь был юноша Степан Ефремов (Антон Горемыка), убитый на фронте, а до того проживавший на кухне, так как его мать служила у господ кухаркой. Здесь были металлисты, швейники, наборщики, монтеры, машинисты и пр. Имена их появляются раз-другой, затем на их место приходят другие.

Любопытное явление составляло в «Правде» коллективное творчество. Читатель может найти стихи, скрепленные такими подписями: «Все рабочие типографии «Энергия»[35], или приветствие с подписью: «Группа в 27 человек медницкой мастерской, рабочие завода Роберта Круга»[36]. Или еще: «Группа вагоновожатых и кондукторов»[37]. Или так: «Группа служащих кабельного завода»[38] и т. д. Все это были приветствия своей газете от рабочих, обычно еще с приложением коллективно собранных в «Железный фонд» сумм.

Были, наоборот, и такие, что выросли в «Правде» в мастеров, как например, Гастев-Дозоров, Маширов-Самобытник, Ив. Филиппченко и др., которые если сейчас и не пишут, то в достаточной мере проявили свое дарование в первые годы революции, преимущественно в годы гражданской войны.

Появлялись иногда и «гастролеры», пропечатавшие в «Правде» один-два-три стиха, а затем раскумекавшие, что им не по пути с боевым органом рабочего класса: мы имеем в виду С. Есенина, В. Князева и им подобных.

В 1913 г. в новогоднем номере «Правды» начал свою литературную стезю Иван Батрак. Много басен, стихов, сатирических фельетонов напечатал в «Правде» Ф. Ф. Сыромолотов. В «Правде» печатались Яков Бердников, Михаил Артамонов, А. Поморский, Александр Алексеевич Богданов, Иван Ерошин, М. Борецкая (Журавлева), сидевшая тогда в женской тюрьме, М. Герасимов и другие, в большей или меньшей мере принимающие и сейчас участие в литературе. Печатал стихи Леонтий Котомка (В. И. Зеленский), Иван Логинов, Кузьма Теркин (В. Львов), А. Н. Соловьев-Нелюдим, Д. Одинцов и мн. др. Печатал там стихи рабочий поэт Иван Воинов, трагически погибший на посту «Правды». Нечего и говорить, что в библиографических указателях специалистов-литературоведов имени Воинова не найти. Почерпнуть сведения о нем читателю придется из иного источника — из материалов Истпарта, из скорбного списка героев, убитых за дело революции[39]. Иван Воинов поэт-самоучка, энтузиаст-борец начал с революционной работы, а затем уже стал поэтом «Правды». Происходил он из беднейших крестьян Ярославской губ., учился в сельской школе, да и учился-то всего три месяца. Затем он попадает в Питер и поступает на завод. Воинов принимает деятельное участие в революции 1905 года и попадает в черные списки. В 1912 г. он был выслан на родину под надзор полиции. За заметку о действиях ярославских губернских властей, посланную в «Правду», был выслан из пределов Ярославской губернии. Бежал в Ленинград, но ни на один завод его как числящегося в черных списках не принимали. За агитацию на заводах был вскоре выслан в Новгород. В 1914 г. снова пробрался в Питер, где и проживал нелегально по паспорту Москалева. Существовал впроголодь на средства, получаемые от продажи вразнос мелочного товара. В «Правду» он приносил рабочую хронику, писал стихи. Умер Воинов смертью героя на славном посту. В июльские дни 1917 г. он вышел бесстрашно на улицу продавать «Правду» и был растерзан буржуазной чернью. О времени и обстоятельствах смерти читаем у т. Шидловского: «7 июля 1917 г. на Шпалерной улице т. Воинов был растерзан, буквально разорван на куски, юнкерами и барыньками за то, что раздавал на улице «Листок Правды».

Подробную биографию Воинова можно найти в упомянутом сборнике «Памятник борцам пролетарской революции». Там же помещено письмо,

написанное поэтом перед покушением на самоубийство 7 октября 1914 года. Приводим из письма краткий отрывок, характеризующий облик поэта: «Товарищи, причин [покушения на самоубийство] несколько, а одна из них, притом самая главная, это тот кошмар, который мы переживаем сейчас. Когда началась война, во мне случился какой-то душевный перелом; бессилие остановить ужасы бойни — вот главная причина моего шага. Товарищи, я не разочаровался в своих убеждениях. Нет, никогда я так сильно не чувствовал, как теперь, перед смертью, любовь к рабочему делу, которое я любил больше своей жизни».

Скажем несколько слов о поэте, который подписывал свои стихи псевдонимом Нелюдим. Напрасно стали бы мы искать о нем сведения в специальных трудах: наши литературоведы проходили мимо подобных Нелюдиму поэтов. Данные о Соловьеве-Нелюдиме можно найти в сборнике автобиографий, собранных П. Я. Заволокиным [40]. Там читаем (текст приводим в сильно сокращенном виде): «Родился я 4 января 1888 г. в Костромской губернии. Отец мой — заводской рабочий. Детство мое протекло среди нищеты. На двенадцатом году я был привезен в Петербург и отдан учеником к одному деревенскому подрядчику для обучения малярному делу. Город давил меня своею тяжестью, я задыхался в его стенах. Оставив столицу, я бродяжил по Руси довольно много. Ознакомившись с идеей социализма, я вскоре воспринял это учение великих вождей и сам стал последователем и агитатором. В 1905 г. я был арестован в Петербурге и некоторое время содержался в Крестах. Затем снова наступает полоса моих скитаний. Мне приходилось работать в качестве крючника, землекопа, заводского чернорабочего, был батраком, а в лучшем случае применял свое малярное искусство. Литературные мои занятия начались в 1914 г. в рабочей газете «Правда», где было напечатано мое первое стихотворение «Маляры».

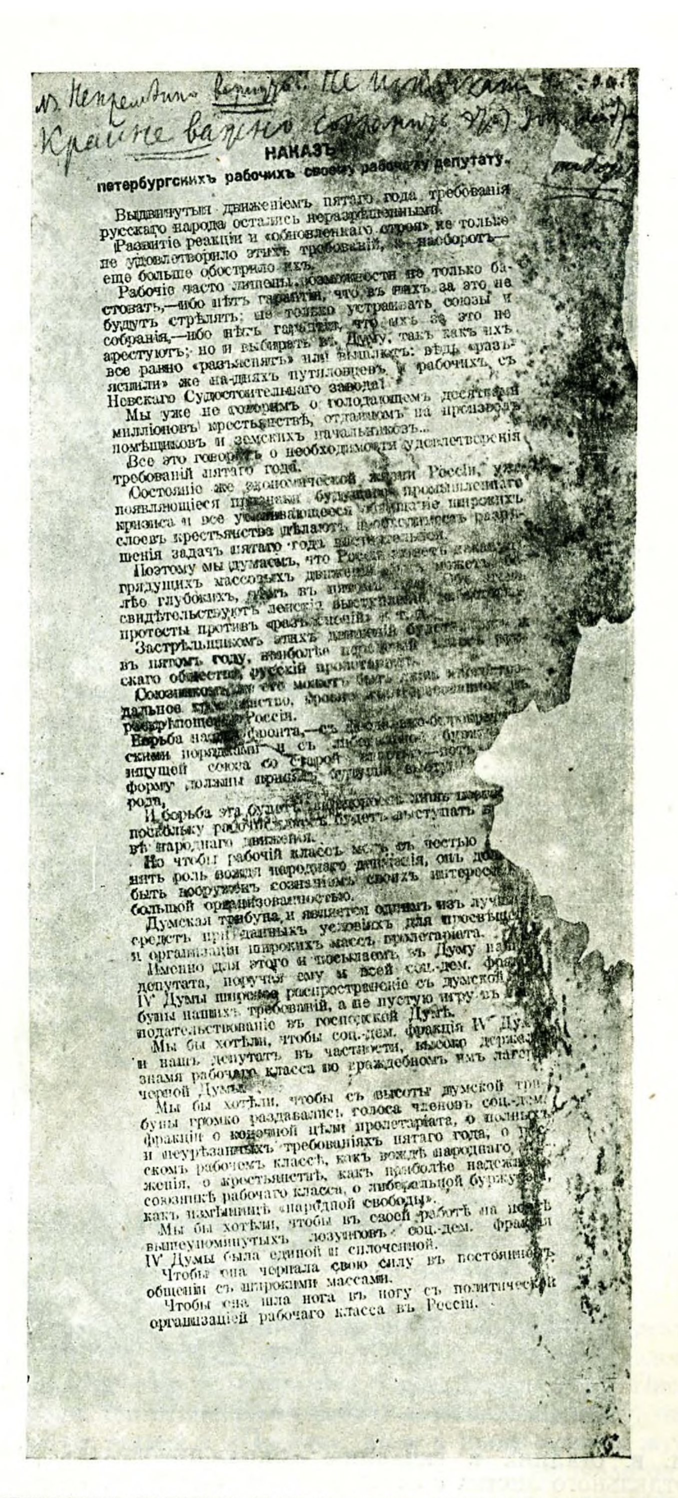
Печатался в «Правде» Я. Бердников (1889 г.), петербургский токарь по металлу. С десятилетнего возраста он уже служил в пекарне, одиннадцати лет он переехал в Ленинград и стал работать на заводах. Принимал участие в революционном движении.

Принимал участие в «Правде» Михаил Артамонов (1888 г.), тоже столичный рабочий, бывший с 9 лет «в людях». Поэтами из рабочих являются и Ив. Филиппченко, и М. Герасимов, и Маширов-Самобытник и многие другие из печатавшихся в «Правде». Все они — рабочие, все самоучки, все принимали участие в революционном движении и все пришли к литературе через революцию.

Работали в «Правде» и поэты из интеллигенции. Они также отличались от обычных литературных сотрудников. Вот путь к «Правде» поэта Леонтия Котомки. Дадим место отрывку его воспоминаний (приводимые строки написаны специально для данной статьи): «Родился я на Нижней Волге в слободе Елани Аткарского уезда, Саратовской губ. 13 июля 1890 г. Революционную жизнь начал с распространения прокламаций и участия в забастовочном движении учащихся средних учебных заведений г. Камышина в 1905—1906 гг.

Партийную работу начал с нелегальной школы пропагандистов, руководил которой секретарь камышинского комитета партии. Организация камышинская была большевистская, меньшевики были в жалком меньшинстве.

В годы реакции стоял во главе организации учащихся, тон которой задавали большевики. После ряда репрессий переехал в Петербург в 1912 году. Поступил на В. С.-Х. курсы, стал сотрудничать в «Правде» и продолжал работать в партии. в подпольной организации. Был членом ОК социал-демократич. фракции ВУЗ пропагандистской коллегии ОК, членом



NB. Непременно вернуть! Не испачкать [illegible]
Крайне важно сохранить [illegible]

НАКАЗЪ

петербургскихъ рабочихъ своему рабочему депутату.

Выдвинутыя движеніемъ пятаго года требованія русскаго народа остались неразрѣшенными.

Развитіе реакціи и «обновленнаго строя» не только не удовлетворило этихъ требованій, а—наоборотъ—еще больше обострило ихъ.

Рабочіе часто лишены возможности не только бастовать,—ибо нѣтъ гарантіи, что въ нихъ за это не будутъ стрѣлять; не только устраивать союзы и собранія,—ибо нѣтъ гарантіи, что ихъ за это не арестуютъ; но и выбирать въ Думу, такъ какъ ихъ все равно «разъяснятъ» или выщлютъ: вѣдь «разъяснили» же на-дняхъ путиловцевъ и рабочихъ съ Невскаго Судостроительнаго завода!

Мы уже не говоримъ о голодающемъ десятками милліоновъ крестьянствѣ, отданномъ на произволъ помѣщиковъ и земскихъ начальниковъ...

Все это говоритъ о необходимости удовлетворенія требованій пятаго года.

Состояніе же экономической жизни Россіи, уже появляющіеся признаки будущаго промышленнаго кризиса и все [illegible] широкихъ слоевъ крестьянства дѣлаютъ [illegible] разрѣшенія задачъ пятаго года [illegible]

Поэтому мы думаемъ, что Россія [illegible] грядущихъ массовыхъ движеній [illegible] лѣе глубокихъ, [illegible] въ пятомъ [illegible] свидѣтельствуютъ ленскія выступленія [illegible] протесты противъ «разъясненій» и т. д.

Застрѣльщикомъ этихъ движеній будетъ [illegible] въ пятомъ году, наиболѣе передовой классъ [illegible] скаго общества, русскій пролетаріатъ.

Союзникомъ [illegible] можетъ быть [illegible] дальное [illegible] крестьянство, [illegible] раскрѣпощенія Россіи.

Борьба на [illegible] фронта,—съ [illegible] скими порядками и съ либеральной [illegible] ищущей союза со старой [illegible] форму должны принять [illegible] рода.

И борьба эта будетъ [illegible] поскольку рабочій классъ будетъ выступать [illegible] въ народнаго движенія.

Но чтобы рабочій классъ могъ съ честью [illegible] нить роль вождя народнаго движенія, онъ дол[жен] быть вооруженъ сознаніемъ своихъ интересовъ [illegible] большой организованностью.

Думская трибуна и является однимъ изъ лучшихъ [illegible] средствъ при данныхъ условіяхъ для просвѣщенія и организаціи широкихъ массъ пролетаріата.

Именно для этого и посылаемъ въ Думу нашего депутата, поручая ему и всей соц.-дем. фракціи IV Думы широкое распространеніе съ думской трибуны нашихъ требованій, а не пустую игру въ законодательствованіе въ господской Думѣ.

Мы бы хотѣли, чтобы соц.-дем. фракція IV Думы и нашъ депутатъ въ частности, высоко держали знамя рабочаго класса во враждебномъ имъ лагерѣ черной Думы.

Мы бы хотѣли, чтобы съ высоты думской трибуны громко раздавались голоса членовъ соц.-дем. фракціи о конечной цѣли пролетаріата, о полныхъ и неурѣзанныхъ требованіяхъ пятаго года, о русскомъ рабочемъ классѣ, какъ вождѣ народнаго движенія, о крестьянствѣ, какъ наиболѣе надежномъ союзникѣ рабочаго класса, о либеральной буржуазіи, какъ измѣнникѣ «народной свободы».

Мы бы хотѣли, чтобы въ своей работѣ на почвѣ вышеупомянутыхъ лозунговъ соц.-дем. фракція IV Думы была единой и сплоченной.

Чтобы она черпала свою силу въ постоянномъ общеніи съ широкими массами.

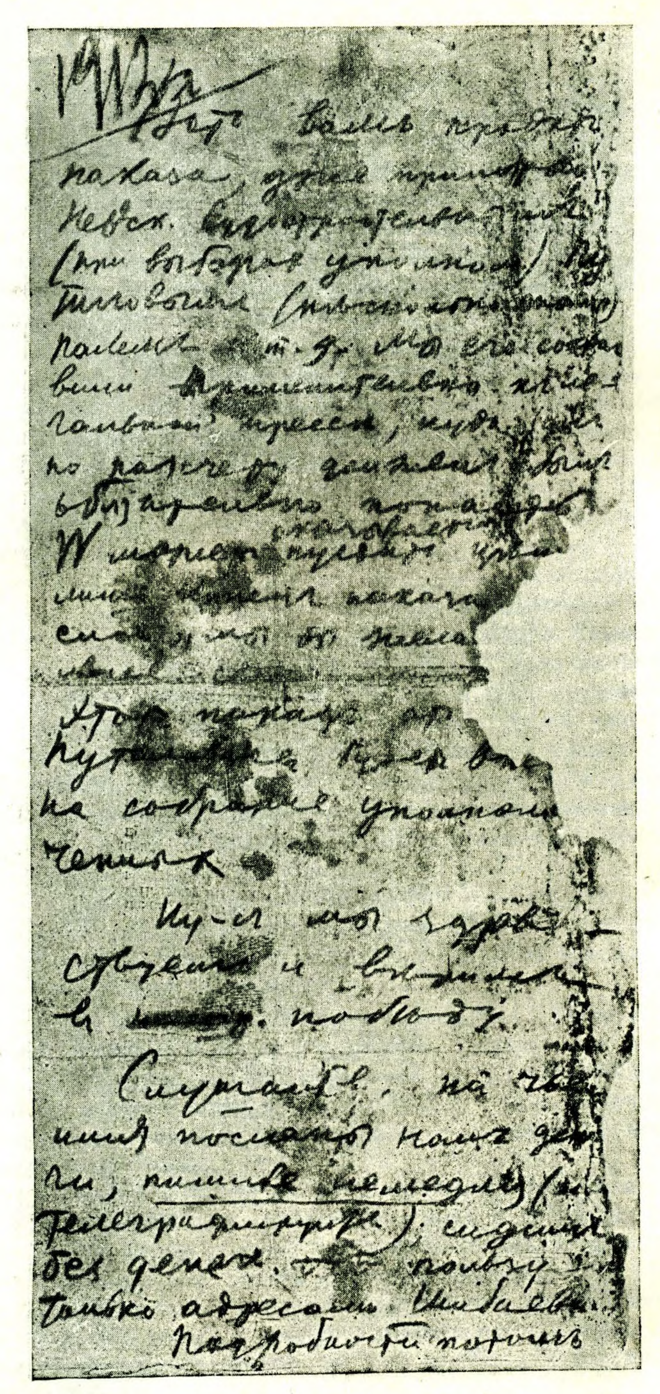
Чтобы она шла нога въ ногу съ политической организаціей рабочаго класса въ Россіи.

«НАКАЗ ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ СВОЕМУ РАБОЧЕМУ ДЕПУТАТУ», СОСТАВЛЕННЫЙ И. В. СТАЛИНЫМ И ОТПЕЧАТАННЫЙ НА ОТДЕЛЬНОМ ЛИСТКЕ В СЕРЕДИНЕ ОКТЯБРЯ 1912 г.

«Наказ» этот был составлен в связи с происходившими в Петербурге выборами в IV Государственную Думу

Воспроизводимый здесь экземпляр «Наказа» т. Сталин переслал в редакцию заграничного «Социал-Демократа». Ознакомившись с «Наказом», Ленин направил его в типографию «Социал-Демократа» с пометкой: «NB. Непременно ВЕРНУТЬ! Не испачкать. КРАЙНЕ ВАЖНО сохранить этот документ». «Наказ» был напечатан в № 28—29 «Социал-Демократа» от 18(5) ноября 1912 г.

Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва



ПИСЬМО И. В. СТАЛИНА В РЕДАКЦИЮ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА», НАПИСАННОЕ НА ОБОРОТЕ ОТДЕЛЬНОГО ЛИСТКА С ОТПЕЧАТАННЫМ ТЕКСТОМ «НАКАЗА ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ СВОЕМУ РАБОЧЕМУ ДЕПУТАТУ»

Текст письма следующий:

«Вот вам проект наказа, уже принятый Невск[им] Судостроительным (при выборах уполномоченных), Путиловым (несколько тысяч), Палем и т. д. Мы его составили применительно к легальной прессе, куда он по расчету должен был обязательно попасть.

W [«левая» буржуазная печать.— *Ред.*] может, оказывается, пустить цели[ком] лишь конец наказа [со] слов «мы бы жела[ли]» [дальше в тексте нерзобранные слова].

Этот наказ от Путиловцев будет вн[есен] на собрание уполном[оченных].

Ну-с, мы здравствуем и верим в победу.

Слушайте: на чье имя посланы нам деньги, пишите немедля (или телеграфируйте), сидим без денег. Не пользуйтесь только адресом Шибаева.

Подробности потом».

редколлегии студенческого большевистского журнала «Утро Жизни». Перед Февральской революцией переехал в Москву.

В «Правде» писал корреспонденции с В. С.-Х. курсов, печатал стихи, впечатления об уличных демонстрациях. Встречался с К. Еремеевым, Ольминским, Молотовым, Д. Бедным, депутатами Государственной думы и другими редакционными работниками и сотрудниками. Печатался помимо «Правды» в «Вопросах страхования», в «Нашем Слове» (Кинешма), «Прикубанские степи» (Краснодар), «Голос печатного труда» (Москва). Псевдонимы мои: Л. Немов, В. Галин, Леонид Огонек. Революционная кличка — товарищ Леонид.

В Февральскую революцию печатался в «Соц.-Демократе» (московском), в «Соц.-Демократе» (саратовском), в «Правде», в журналах «Грядущее», «Интернационал молодежи». В 1920 г. совместно с Дорогойченко и И. Кузнецовым выпустили книгу стихов «Радость труда» В. И. Зеленский (Леонтий Котомка).

Особо надлежит сказать о рабочем Алексее Гмыреве, стихи которого печатались в «Правде» уже после смерти поэта. Гмырев, Алексей Михайлович (1887—1911), мало печатался при жизни. Сборник его стихов «За решеткой» вышел только в 1926 г. Еще юношей вступил он в революционное движение (1903 г.), подвергался арестам и ссылкам, последние годы провел в тюрьме, где и скончался на 24-м году жизни. Поэзия его, родившаяся в стенах тюрьмы, проникнута казематными настроениями тоски и печали. Лишь временами перед его взором встают счастливые видения 1905 года. Тогда строки его зажигаются огнем пафоса, он посылает привет героям-борцам и жаждет снова вступить в решительный бой...

В № 116 «Правды» от 13 сентября 1912 г. напечатана статья «Памяти А. Гмырева», где рассказывается, что он умер год назад в херсонской больничной каторжной тюрьме, что он — рабочий николаевских судостроительных заводов: «В эту ночь их умерло трое. На казенном кладбище вырыли три могилы... Какая из них его могила, никто не знает, никто не скажет»... Тут же помещено его посмертное стихотворение, пересланное друзьями покойного в редакцию «Правды»:

Я погибну, но вместе со мной не умрут
Пролетарские песни мои.
Знаю я, что к могиле моей не придут
Ни друзья, ни слепые враги.
Далеко за тюрьмой, где клубится туман,
Без обряда схоронят меня,
И покроет могилу колючий бурьян
С первым зноем горячего дня.
А зимой, когда вьюга заплачет над ней
И ковром снеговым опахнет,
Зазвенят мои песни по шири степей
И быть может хоть звук до любимых людей
Буйный ветер тогда донесет...

С Алексеем Гмыревым не следует смешивать Андрея Гмырева, больше известного под именем Андрей Дикий. Он был довольно плодовит и печатался под псевдонимами А. Бывалый, Синеблузник и др. Писал стихи, писал прозу, басни, писал довольно бойко, доставлял хронику, был репортером, печатался не только в «Правде», но и в профсоюзных журналах и в буржуазной прессе. Вот как вспоминает о нем Ф. Сыромолотов: «... Андрей Дикий, бритый поэт и в то же время хроникер буржуазной газеты «День». Одетый во все новенькое. С лицом кислым, явно выражающим, как будто бы у него спокон веку живот болит. Сей рабочий поэт, оказывается, был провокатором»... [41]

В опубликованных списках об агентах Охранки читаем: «А. М. Михайлов-Гмырев, крестьянин Смоленской губ., литератор, литературный псев-

СИНОДИКЪ „ПРАВДЫ".

По свѣдѣніямъ Спб. Комитета по дѣламъ печати.

(Списокъ №№ «Правды» конфискованныхъ или оштрафованныхъ).

№№			
1	Стихотв. Вл. Невскаго „Заводъ"	п. 1 ст. 129 Уг. Ул.	Отмѣненъ.
2	1) „[illegible] земной трагедіи"—А. Р., 2) Стих. „Сильная грудь"—Александръ Козовій, 3) Стих. „Нашъ путь..."—Граф. Шапиро, 4) „Цвѣточекъ", стихотв. въ прозѣ.—Ал. Богданова	п. 1 ст. 129 Уг. Ул.	Отмѣненъ.
4	Статья „Партія и профессіональные союзы" (переводъ съ французск.)—К. Каутскій	п. 1 ст. 129 Уг. Ул.	Отмѣненъ.
6	Статья подъ загл. „Отойти смутная"—Н.	п. 3 ст. 1034¹ Ул. о наказ.	Отмѣненъ.
7	1) Н.—„Трудное дѣло", 2) Ил. Даль—„Уличная филантропія"	п. 3 ст. 1034¹ Ул. о наказ., п. 6 ст. 129 Уг. Ул.	Утвержд., а потомъ отмѣненъ.
8	Статья Н.—„Почему вы такъ безпокоитесь" и стихотв. А. Бѣлозерова подъ загл. „Первое мая"	п. 1 ст. 129 Уг. Ул.	Отмѣненъ.
18	„Новый походъ"—А. Б. и „Утѣшеніе" А. Юр.	п. 1 разд. XI обяз. пост. Спб. Град.	Штрафъ 500 р.
19	Статья Ю. Стеклова „У стѣны федералистовъ"	п. 8 разд. XI обяз. пост. Спб. Град.	Штрафъ 500 р.
32	Статья крестьян. Ф. М. подъ загл. „Изъ деревни Петербургской губерніи"	п. 6 ст. 129 Уг. Ул.	Отмѣненъ.
35	Статья Л. [illegible] подъ загл. „302 [illegible]"	ст. 1 разд. XI обяз. пост. Спб. Град.	Штрафъ 500 р.
36	Статья И. С. „Военные и усмотрѣніе"	ст. 1 разд. XI обяз. пост. Спб. Град.	Штрафъ 500 р.
46	Статья Н. Скопина „Совѣты старостъ и фабрично-заводскіе безпартійные комитеты"	ст. 1 разд. XI обяз. пост. Спб. Град.	Штрафъ 500 р.
59	Статья подъ загл. „23-й международный съѣздъ горнорабочихъ"	п. 5 ст. 129 Уг. Ул.	Отмѣненъ.
62	Служба въ Сѣв.-Зап. жел. дор. (Тага)—рабочая хроника	ст. 1 разд. XI обязат. пост. Спб. Градон.	На 3 мѣсяца безъ замѣны штрафа.
68	Статья „Торжество [illegible]"	п. 1 разд. XI обяз. пост. Спб. Град.	„ „
69	Статья подъ загл. „Засилье"	п. 1 отд. XI обяз. п. Спб. Град.	„ „
73	Статья подъ загл. „Евреи и выборы"	п. 1 отд. XI обяз. п. Спб. Град.	Штрафъ 500 р.
[illegible]	1) Статья „Въ Россіи"—„Среди [illegible]", 2) Статья подъ загл. „Въ Финляндіи" (отъ нашего корреспондента)	п. 3 ст. 1034¹ Ул. о наказ. и п. 2 ст. 129 Уг. Ул.	
[illegible]	Статья подъ загл. „Предвыборныя собранія"	п. 2 ст. 1034¹ Ул. о наказ.	Отмѣненъ.
99	1) Ч. Гурскій „Слова и дѣла", 2) „Секретные документы"	п. 6 ст. 129 Уг. Ул.	Отмѣненъ.
104	Статья „Прежде и теперь"	п. 1 ст. 129 Уг. Ул.	
123	Ст. „Безпартійные увлеченія и рабочая платформа"	п. 2 ст. 129 Уг. Ул.	
[illegible]	Статья „Новая волна"	п. 2 ст. 1034¹ Ул. о наказ.	Отмѣненъ.
[illegible]	Статья „Послѣ разъясненія"	п. 2 ст. 1034¹ Ул. о наказ.	
[illegible]	1) „Боль уполномоченныхъ"—К. Ст., 2) „Рабочая демократія и вопросъ о крестьянской землѣ"	п. 1 ст. 129 Уг. Ул., п. 2 ст. 129 Уг. Ул.	
153	Въ отд. „Откликъ" „Прогрессивное [illegible]", П. Курскій	п. 1 раз. XI обяз. п. Спб. Град.	Штрафъ 500 руб.

№№			
164	1) П. Курскій „Объявленныя реформы и чрезвычайное положеніе" и 2) „Митингъ протеста". Путиловскій Заводъ	1) п. 3 ст. 1034¹ Ул. о нак. 2) п. 2 ст. 1034¹ Ул. о нак.	Отмѣненъ.
155	1) Стачка протеста 2) Рабочее движеніе	п. 1 ст. 1031³ Ул. о н., п. 2 ст. 1034¹ Ул. о наказ.	
169	Статья подъ загл. „Изъ Митавы" А. Сергѣева	ст. 1034¹ Ул. о нак.	Утвержденъ; приговоръ—[illegible] дней ареста.
176	Статья подъ заглав. „Провинціальная жизнь" Агатэ	п. 3 ст. 1034¹ Ул. о наказ.	
141	Статья „Нерчинская каторга"	п. 3 ст. 1034¹ Ул. о наказ.	
150	Статья „Тифлисскія трущобы"	п. 3 ст. 1034¹ Ул. о наказ.	
167	Статья „Министерская декларація"—Н. Долева	Ст. 128 Уг. Ул.	Отмѣненъ.
188	Статья подъ загл. „Государственная Дума". Рѣчь депутата Малиновскаго (с.-д. Московской губ.)	п. 1 и 2 ст. 129 Уг. Ул.	
190	1) Исключительное положеніе. 2) Около Думы. Наказъ [illegible] рабочихъ. 3) Вопросы страхованія	ст. 1 разд. XI обяз. пост. Спб. Град.	Штрафъ 500 р.
4 (208)	„На Охтѣ все по старому". Н. С.	п. 3 ст. 1034 Ул. о наказ.	
7 (211)	Передовица „Девятое января" и ст. А. [illegible] „Могилы 9 января"	ст. 1 разд. XI обяз. пост. Спб. Град.	Штрафъ 500 р.
15 (219)	Стат. „Жизнь учитъ". 2) „Обзоръ печати" (ч. 2) и 3) О рабочей партіи (Резолюція рабочихъ-кожевниковъ)	п. 1 ст. 129 Уг. Ул.	
18 (222)	Статья подъ загл. „Около Думы" Привѣтствіе [illegible] финляндскаго сейма	п. 1 ст. 129 Уг. Ул.	
25	Рѣчь соціалъ-демократа Петровскаго, помѣщенная въ отдѣлѣ „Государств. Дума"	п. 1 ст. 129 Уг. Ул.	
26	Статья „Провокація"	п. 1 разд. XI обяз. пост. Спб. Град.	Штрафъ 500 р.
27	1) [illegible] 2) [illegible]	п. 1 ст. 129 Уг. Ул.	
32	Статья „Кадетскіе [illegible]"	п. 1 ст. 129 Уг. Ул.	
33	Статья „[illegible]"	ст. 1 разд. XI обяз. пост. Спб. Град.	Штрафъ 500 р.
49	„Воззваніе IV Думы"	п. 1 разд. XI обяз. пост. Спб. Град.	Штрафъ 500 р.
50	Заявленіе „Послѣ [illegible]" ([illegible])	2 п. 1034¹ ст. Ул. о наказ.	
57	„Къ товарищамъ-рабочимъ [illegible]" статья с.-д. деп. IV Гос. Думы А. Е. Бадаева	ст. 1 разд. XI обяз. пост. Спб. Град.	Штрафъ 500 р.
61	Статья „Наука и [illegible]"	ст. 1 разд. XI обяз. пост. Спб. Град.	Штрафъ 500 р.
70	О частичныхъ требованіяхъ	п. 1 и 2 ст. 129 Уг. Улож.	
72	Памяти О. Н. Виноградовой	п. 2 обяз. пост. Спб. Град.	Штрафъ 500 р.
79	Ст. [illegible] „За что?" (Къ годовщинѣ ленскихъ событій)	п. 6 ст. 129 Уг. Ул.	
88	„Мой привѣтъ" с.-д. деп. Р. Малиновскаго (по поводу открытія проф. о-ва рабочихъ металлистовъ)	п. 1 разд. XI обяз. пост. Спб. Град.	Штрафъ 500 р.

СПИСОК КОНФИСКОВАННЫХ ИЛИ ОШТРАФОВАННЫХ НОМЕРОВ «ПРАВДЫ», ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № «ПРАВДЫ» ЗА 23/IV 1913 г., С УКАЗАНИЕМ ПРИЧИН КОНФИСКАЦИИ ИЛИ ШТРАФА

Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

доним Андрей Дикий, хроникер петроградских газет. Работал в Центральном военно-промышленном комитете. Сотрудником Охранки стал после ареста в 1912 г. Согласился освещать социал-демократические организации. Потеряв партийные связи, сам отказался от сотрудничества» [42]. Павел Кузнецов, рабочий поэт из кружка поэтов-правдистов, в стихотворной автобиографии пишет:

Там демон, шпионаж безликий,
Не раз готовил нам удар,
Но был непроницаем «Дикий»,
О чем поведал и «Макар»[43].

Павел Кузнецов видимо преувеличивает предательскую деятельность Андрея Дикого и записал свои впечатления под влиянием беседы с Ив. Вас. Шуваловым. А с Шуваловым был такой случай. Принес он как-то в «Правду» стихотворение «Предатель» и показал Андрею Дикому. Тот прочитал и остолбенел... Шувалову показалось это очень странным и подозрительным [44].

Вообще удивляться тому факту, что около большевистского органа сновали агенты Охранки, не приходится. Н. Н. Батурин пишет: «Не уморив «Правду» штрафами и конфискациями, правительство стало бороться с ней посредством провокации, и это обстоятельство может быть лучше всего доказывает, что царские власти были вынуждены приравнять ненавистную легальную газету ко всякой подпольной большевистской организации [45].

«Правду» не могли погубить ни провокаторы (а их было не мало: Р. Малиновский, М. Черномазов, Шурканов), ни штрафы, ни конфискации: она была руководима испытанным большевистским ЦК и была окружена броней пролетарских симпатий. В письме В. И. Ленина от 21 октября 1913 г. из Кракова, в письме, адресованном в контору газеты «За правду», читаем: «Насчет газеты могу сказать только, что, вероятно, вам неоднократно уже писали сотрудники: ее надо сохранить во что бы то ни стало. Приспособляйтесь, понизьте тон, но сохраните, вот задача»... [46] Пись-

мо это адресовано Лютекову, т. е. Мирону Черномазову (оказался провокатором), который, как впоследствии выяснилось, нарочито вел «Правду» к штрафам, конфискациям, к ликвидации.

Надо знать, что приемы арестов, штрафов, конфискаций и прочих скорпионов были самыми подлыми, разрушительными. Практиковался например этакий трюк: на выходящий номер «Правды» налагался арест в административном порядке впредь до рассмотрения дела судом. Суд, допустим, находил, что состава преступления нет, и снимал с номера запрет. Но выносился этот приговор много времени спустя, когда номер устаревал и распространение его теряло всякий смысл. Так арест, наложенный на № 4 «Правды», был снят только 21 сентября [47]. В юбилейном номере «Правды» от 23 апреля 1913 г. напечатан целый синодик с перечнем конфискованных номеров газеты «Правды» и с указанием, за что конфискована газета. Отсюда мы узнаем, что № 1 был конфискован за стихотворение В. Невского «Завод»; № 2 — за стихотворение А. Колючего «Сильная грудь и могучие руки» и А. Богданова «Цветок»; № 8 — за стихотворение А. Белозерова «1 мая», и т. д.

За что же были конфискованы названные номера? А ни за что, и арест был впоследствии снят, но это случилось тогда, когда номера уже устарели. Было и так, что судебное решение затягивалось на столь длительные сроки, когда его сила обнаруживалась «в пустом пространстве». Подобный случай изложен в экспромте Демьяна Бедного, напечатанном в 1915 г. в журнале «Современный Мир». Решение суда было вынесено в ноябре 1915 г. по поводу номеров, арестованных... в январе 1913 г., т. е. было вынесено через 34 месяца. К этому времени не было уже самой газеты «Правда», закрытой в июле 1914 г., т. е. уже 1½ года, как не было «Правды»!

Вот стихотворный экспромт Д. Бедного:

ЗАКОН И «ПРАВДА»

По распоряжению судебных установлений отменен арест на №№ 18 и 19 газеты «Правда» за 1913 г.
«День», 20 ноября 1915 г.

На белом свете «Правда»
Жила во время оно.
Была на свете «Правда»,
Но не было Закона.
И вот Закон обрелся.
Но... что ж мы видим ныне?
Закон-то есть, да «Правды»
Давно уж нет в помине!

ТАБЛИЦА РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ «ПРАВДЫ»
Музей Революции СССР, Москва

III

Чтобы оценить творчество поэтов-правдистов доктябрьского этапа, чтобы усвоить характер правдистской публицистической поэзии, правдистской лирики и эпоса, правдистского поэтического драматизма, поэтической сатиры, чтобы понять характер тех жанров, которые расцвели в «Правде», чтобы осмыслить должным образом тематику и стилевой состав поэзии, надлежит уяснить себе роль дореволюционной «Правды» и ту обстановку, в которой родилась и функционировала большевистская легальная массовая газета. Все это составляет разумеется весьма сложную проблему. О ней должно говорить не здесь, мимоходом, а в специальном исследовании. Мы же ограничимся краткой сводкой данных об общем положении.

Вот слова И. В. Сталина по поводу организационного значения «Правды» 1912—1914 гг.: «Правда» появилась на свет в такой период развития нашей партии, когда подполье находилось целиком в руках большевиков (меньшевики бежали оттуда), а легальные формы организации — думская фракция, печать, больничные кассы, кассы страхования, профессиональные объединения — не были еще вполне отвоеваны у меньшевиков. Это был период решительной борьбы большевиков за изгнание ликвидаторов (меньшевики) из легальных форм организации рабочего класса. Лозунг «снятия с постов» меньшевиков был тогда популярнейшим лозунгом рабочего движения. Страницы «Правды» пестрели сообщениями об изгнании из страховых организаций, больничных касс и профессиональных объединений засевших там одно время ликвидаторов. Все шесть депутатских мест рабочей курии были отвоеваны у меньшевиков. В таком же или почти в таком же безнадежном состоянии находилась меньшевистская пресса. Это была поистине героическая борьба большевистски настроенных рабочих за партию, ибо агенты царизма не дремали, преследуя и изничтожая большевиков, а без легальных прикрытий партия, загнанная в подполье, не была в состоянии развиваться дальше. Более того: без завоевания легальных организаций партия не смогла бы при тогдашних политических условиях протянуть щупальцы к широким массам и сплотить последние вокруг своего знамени, она оторвалась бы от масс и превратилась бы в замкнутый, варящийся в своем собственном соку кружок.

В центре этой борьбы за партийность, за создание массовой рабочей партии стояла «Правда». Она была не просто газетой, подводящей итог успехам большевиков в деле завоевания легальных рабочих организаций,— она была вместе с тем организующим центром, сплачивающим эти организации вокруг подпольных очагов партии и направляющим рабочее движение к одной определенной цели. Тов. Ленин писал еще в «Что делать?» (1902 г.), что хорошо поставленная общерусская боевая газета должна быть не только коллективным агитатором, но и коллективным организатором. Именно в такую газету превратилась «Правда» в период борьбы с ликвидаторами за сохранение подполья и завоевание легальных рабочих организаций. Если верно то положение, что без победы над ликвидаторами не было бы у нас той партии, сильной своей сплоченностью и непобедимой своей преданностью пролетариату, которая организовала Октябрь 1917 года, — то столь же верно и то, что упорная и самоотверженная работа старой «Правды» в значительной мере подготовила и ускорила эту победу над ликвидаторами. В этом смысле старая «Правда» была несомненно предвестницей будущих славных побед русского пролетариата» [48].

Общую оценку роли старой «Правды» дал В. И. Ленин. Он образно фиксировал функцию газеты в нескольких словах, сказавши, что большевистская партия сумела через легальную «Правду» «продвинуться в

ПРАВДА

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА. ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ПОНЕДѢЛЬНИКОВЪ.

Годъ изданія второй.

СЕГОДНЯ ВЪ НОМЕРѢ:
ГОС. ДУМА: Рѣчь с. д. Туликова и с. д. Шагова.
СТАТЬИ: Культурные капиталист.—Домашніе рабы. Рабочіе и неомальтузіанство и др.
СТАЧКИ: въ Спб., Сормовѣ, Ригѣ и др.
ЗА РУБЕЖОМЪ: Изъ американскаго рабочаго движенія.
РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ: Моск. трамв. церк... На Волгѣ.
ПО РОССІИ: Колонія для малолѣтнихъ преступниковъ.

№ 137 (341) Воскресенье, 16 іюня 1913 г. ЦѢНА въ Петербургѣ и провинціи 2 коп.

СѢВЕРНАЯ ПРАВДА

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ПОНЕДѢЛЬНИКОВЪ.

Годъ изданія первый.

СОДЕРЖАНІЕ №-ра:
7-ая конфискація «Нашего Пути».
СТАТЬИ: О сельско-хозяйственныхъ съѣздъ.—Признанія защитниковъ реакціи.—Авгуры.—Сколько зарабатываетъ московскій ткачъ.
ФЕЛЬЕТОНЫ: 1) Принципіальные вопросы политики.—2) Бугровскія дѣла.
ЗА РУБЕЖОМЪ: Съѣздъ британскихъ профессіональныхъ союзовъ.
СТРАХОВАНІЕ: Больничная касса городскихъ рабочихъ.—Путиловскій заводъ.—Заводъ Артуръ Коппель.—Заводъ Шуккертъ.
Привѣтствія «Сѣверной Правдѣ».
СТАЧКИ: въ Петербургѣ и провинціи.

№ 28. Среда, 4 сентября 1913 г. ЦѢНА въ Петербургѣ и провинціи 2 коп.

ПРАВДА ТРУДА.

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ПОНЕДѢЛЬНИКОВЪ.

Годъ изданія первый.

СОДЕРЖАНІЕ №-ра:
Третья конфискація „Правды Труда".
СТАТЬИ: О свободѣ коалиціи.—Сколько зарабатываетъ металлистъ въ Московской губ.—Скромное пожеланіе.—Іезуитъ законодательствованія.
ФЕЛЬЕТОНЪ: Господа буржуи о трудовомъ земледѣліи.
ЗА РУБЕЖОМЪ: Дѣтскій трудъ въ Австріи.
СТРАХОВАНІЕ: Какъ выбирать?—Франко-русскій заводъ.—Невскій судостроительный заводъ. Рига.—Николаевъ и др.
Рабочее движеніе.—Рабочая жизнь.
Крестьянская жизнь.

№ 4. Суббота, 14 сентября 1913 г. ЦѢНА въ Петербургѣ и провинціи 2 коп.

ПУТЬ ПРАВДЫ

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ПОНЕДѢЛЬНИКОВЪ

Годъ изданія первый.

СЕГОДНЯ ВЪ № 31:
Конфискація газ. „Путь Правды".
СТАТЬИ: «Выкидываютъ вонъ»... Думѣ не причемъ. Бесѣды съ читателями о рабочей газетѣ. Самодеятельность? О народникахъ.
ФЕЛЬЕТОНЪ: Нужда пѣсенки поетъ.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА: Отчетъ о засѣданіи.
СТРАХОВАЯ КАМПАНІЯ: Впечатлѣнія отъ выборовъ въ Страховой Совѣтъ.
Движеніе рабочихъ.—
—Изъ жизни рабочихъ.—Городскіе служащіе.—У приказчиковъ.—У печатниковъ.—На желѣзныхъ дорогахъ.—По Россіи.

№ 31 Суббота 8 Марта 1914 г. ЦѢНА въ Петербургѣ и провинціи 2 коп.

ТРУДОВАЯ ПРАВДА

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ПОНЕДѢЛЬНИКОВЪ.

Годъ изданія первый.

СОДЕРЖАНІЕ № 24.
Стачка въ текстильномъ районѣ.
Всеобщая забастовка въ Баку.
СТАТЬИ: Стачка на югѣ и сѣверѣ.—Защищайте свою жизнь.—Годовщина вступленія газеты.
ФЕЛЬЕТОНЫ: 1) Накануне Вѣнскаго конгресса. 2) Очерки изъ жизни рабочихъ на Уралѣ.
Движеніе среди приказчиковъ.
СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ.
РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ: Стачки въ Петербургѣ.—Усть Ка... въ текстильномъ районѣ, Одессѣ.
РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ: На фабрикахъ и заводахъ.
ПО РОССІИ: Рига, Кіевъ, Харьковъ, Екатеринодаръ, Баку.
Москва.

№ 24 Среда 25 Іюня 1914 г. ЦѢНА въ Петербургѣ и провинціи 2 коп.

ЗАГОЛОВКИ «ПРАВДЫ» ЗА ВРЕМЯ С 1912 ПО 1914 г.

Музей Революции СССР, Москва

цитадель врага и ежедневно, «легально» начать работу взрыва проклятого царского и помещичьего самодержавия изнутри» [49]. В. И. Ленин придавал «Правде» исключительное значение. Газета занимала его чрезвычайно. Каждый успех его радовал, каждая неудача огорчала. Уже в конце июля 1912 г. Ленин написал статью «Итоги полугодовой работы». Статья начиналась словами: «Поставив ежедневную рабочую газету, петербургские рабочие совершили крупное, — без преувеличения можно сказать, — историческое дело... Создание «Правды» остается выдающимся доказательством сознательности, энергии и сплоченности русских рабочих» [50]... В сентябре того же года В. И. Ленин писал в статье «О политической линии»: «Невская Звезда» и «Правда» имеют несомненно вполне установившуюся физиономию, с которой знакомы не только рабочие, но и все политические партии России» [51]. А в письме к А. М. Горькому от января 1913 г. В. И. Ленин радуется: «200 номеров «Правды» выдержали — рекорд. Влияем все же на 20—30 тысяч читателей рабочих систематически в марксистском духе,— дело большущее»... [52]

В. И. Ленин ценил в «Правде» ее массовость. Он добивался массового участия рабочих-корреспондентов, рабочих авторов, пролетариев-распространителей. Он добивался распространения подписки на газету в самой гуще рабочих масс. Он добивался массовых сборов в «Железный фонд» на рабочую печать. При этом «Правда» не столько гналась за крупными суммами сборов, сколько за их массовостью. «С точки зрения почина, энергии самих рабочих гораздо важнее 100 рублей, собранные, скажем, 30-ю группами рабочих, чем 1 000 рублей, собранные десятками «сочувствующих» [53]... «Надо ввести в обычай, чтобы каждый рабочий в каждую получку платил по одной копейке на рабочую газету. Пусть подписка на газету идет своим чередом, пусть кто может платит больше, как платил до сих пор. Но самое важное, кроме того, установить и распространить обычай «копейки на рабочую газету». Все значение этих сборов будет в том, чтобы их делать правильно каждую получку, без перерывов, и в том, чтобы все большее и большее число рабочих участвовало в этих постоянных сборах» [54].

Большевистский ЦК видел рост рабочего движения, он прозорливо предугадывал грядущий подъем. В строй борцов должны были вступить новые кадры подросшего рабочего молодняка, коему надлежало втянуться в движение. В одном из писем к А. М. Горькому Владимир Ильич сообщает: «Вот действительно превосходно будет, ежели мы помаленьку присоседим беллетристов, да двинем «Просвещение» [55]. Превосходно! Читатель новый, пролетарский, — сделаем журнал дешевым, — беллетристику станете Вы пускать только демократическую без нытья, без ренегатства. Рабочих скрепим. А рабочие пошли хорошие»... [56]

В статье В. И. Ленина «Начало оживления» читаем: «И что всего важнее: в движение начинают втягиваться новые слои, свежие батальоны... Всюду на фабриках и заводах явственно начинает пробивать себе дорогу новый молодой рабочий, руководитель и «зачинщик», целое новое поколение рабочей молодежи, которое за годы контрреволюции возмужало физически и теперь начинает становиться на ноги политически... И чем активнее, чем громче заявит о себе новое поколение рабочих, тем быстрее возвратятся «в ряды и шеренгу» рабочие вожаки «старого» поколения, начинающие оправляться от пережитого разгрома; тем бодрее почувствуют себя те из наших рабочих «стариков», которые, несмотря ни на что, с.-д. рядов не покидали ни на минуту даже во времена самых худших испытаний» [57].

РЕДАКЦИОННЫЙ АППАРАТ «ПРАВДЫ» В 1913 г.
Музей Революции СССР, Москва

Эпоха «Правды» совпадает с годами революционного подъема. Крах столыпинского третьеиюньского режима проявлял себя на каждом шагу. Страна шла к новой революции. Вот как характеризовал настроения широких масс т. Сталин в письме из Ленинграда 10 февраля 1912 г., накануне организации «Правды»; письмо т. Сталина адресовалось в заграничный ЦК: «Дорогие друзья, — писал он. — Дела идут недурно, надеюсь, пойдут совсем хорошо... Настроение среди публики отрадное. О ликвидаторах и слышать не хотят... Почти на каждом заводе имеется сплоченная группа»... [58]

Положение российской деревни характеризовалось В. И. Лениным в краткой формуле: «На 30 000 крупнейших помещиков в Европейской России приходится 10 000 000 беднейших крестьянских дворов» [59]. В. И. Ленин имел все основания, когда сообщал: «Вести из России свидетельствуют о росте революционных настроений не только в рабочем классе» [60].

Вот в такой обстановке и родилась «Правда». Она начала выходить весной 1912 г. вслед за ленскими событиями, всколыхнувшими все пролетарское племя России. Стачками было охвачено до полумиллиона рабочих. В эти бурные дни и родилась «Правда». Общее положение страны отражено и фиксировано в резолюциях совещания Центрального комитета с партийными работниками в резолюциях, помеченных февралем 1913 г. [61]: «Самым крупным фактом в истории рабочего движения и русской революции за 1912 год является замечательное развитие как экономической, так и политической стачечной борьбы пролетариата... Начало взрывов недовольства и восстаний во флоте и войске, ознаменовавших 1912 год, стоит в несомненной связи с революционными массовыми стачками рабочих, указывая на рост брожения и возмущения в широких кругах демократии и в частности среди крестьянства, поставляющего главную массу войск... А положение масс народа стало еще более бесправным, особенно для угнетенных национальностей, крестьянство же снова доведено до голодовок миллионов и миллионов»... А затем, далее: «Постановка первой в России ежедневной марксистской рабочей газеты и выборы по рабочей курии всех кури-

альных депутатов-большевиков окончательно доказали, что партия сумела овладеть легальной деятельностью, оттеснив ликвидаторов»[62].

«Правде» придавалось исключительное значение. 8 февраля 1913 г. Владимир Ильич адресуется к Я. М. Свердлову и ряду других лиц в Ленинграде и пишет: «Дорогой друг. Крайне жаль было услышать, что вы полагаете, будто Василий (конспиративная кличка т. Сталина) преувеличивает значение «Дня» (конспиративное название «Правды»). На самом деле именно в «Дне» и его постановке теперь гвоздь положения... «День» есть необходимое организационное средство для сплочения и поднятия движения. Только через это средство может итти теперь необходимый приток людей и средств»...[63]

Указанная выше обстановка определяла характер «Правды» и ее постановку, весь смысл газеты в качестве «организационного средства для сплочения и поднятия движения». Эта же самая историческая задача обусловливала естественно и характер поэзии газеты. Каков же он, этот характер?

Дать ответ на поставленный вопрос не легко. Впрочем данная статья и не претендует на исчерпывающее разрешение всех проблем, возникающих в связи с оценкою поэтического отдела дооктябрьской «Правды».

Начнем с того, что после перерыва в полвека — со времен курочкинской «Искры» и знаменитого добролюбовского «Свистка» — вновь ожила газетная поэзия, разумеется с тем коренным отличием, что теперь поэтическое слово звучало с пролетарского газетного листа. Поэты «Правды» были выразителями и оформителями настроений рабочего класса. Здесь звучали стихи гневные, — гневом пролетариата; здесь искрились стихи сатирические, и сатира служила рабочему классу. Здесь точила стрелы полемика, и ею вооружался ведущий к бою промышленный рабочий. Поэзия «Правды» — поэзия социально насыщенная. Стихи и их авторы старались итти плечо в плечо с общим шагом «Правды», а шаг «Правды» вел к целям, намеченным большевистским ЦК. Руководители «Правды», как тт. Сталин, Свердлов и др., сидели в глубоком подпольи[64]. Для «внешних» сношений с поэтами служил К. Еремеев. Вот как вспоминает об этом один из поэтов: «Он [Еремеев] задавал темы. — Вам надо итти на фабрику, посмотреть, как работают, — не раз говаривал он, — а потом описать работу в стихах... К такому-то дню давайте таких-то стихов. Всю неделю на четвертой странице газеты отводилось место какому-нибудь специальному вопросу, например: вторник — работница, среда — деревообделочники и металлисты, четверг — шахтеры и т. д. Писалось о их быте, условиях работы, помещались корреспонденции с мест и стихи. Это делалось как-то так тонко, без особых подчеркиваний, а специальный материал сливался с другим материалом. Нередко К. Еремеев говаривал нам:

— Запишите себе в записную книжку, в какой день какой отдел идет, а то вы можете забыть.

И часто на одну и ту же тему писали стихи все 5—6 постоянно навещавших «Правду» поэтов рабочих»...[65]

Таким образом мы имеем прямое свидетельство руководства не только поэтическою деятельностью поэтов «Правды» вообще, но и руководство темами, руководство целевое, целеустремленное, руководство, подчиненное общим планам большевистского ЦК. Если принять во внимание, что «Правда» напечатала много сотен таких стихотворений (около 800); что «Правда» создала крепкое ядро поэтов рабочих, пролетарских поэтов; что «Правда» начала организовывать литературные кружки на фабриках и заводах с подчинением их деятельности общим планам газеты, — то можно твердо сказать, что эпоха «Правды» и есть та эпоха, когда пролетарская поэзия определилась окончательно как этап: отсюда

надлежит вести ее начало. Годы дооктябрьской «Правды» и есть годы становления пролетарской поэзии.

Буржуазные органы с высоты своего классового чванства не замечали поэтов «Правды». Лишь изредка меньшевистский «Луч» зубоскалил над «грубым лубком» Демьяна Бедного. При этом надо иметь в виду, что пролетарская «Правда» не упускала случая разоблачать сытую, безыдейную «музу» литературных органов господствовавших классов. Тогда «Сатирикон» — орган буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции — сделал выпад против «Правды», а «Правда» навсегда заклеймила «Сатирикон» в эпиграмме Демьяна Бедного «Сатирикон и Корова».

Стихотворные сатиры и памфлеты вообще не были редкостью в «Правде». Здесь появлялись язвительные басни, разоблачительные куплеты, острые стихотворные фельетоны и пр. Читатель уже знал ряд имен поэтов-сатириков, поэтов-разоблачителей, поэтов-баснописцев, поэтов-пародистов. Острая полемическая поэзия «Правды» резко выделялась на общем фоне эстетствующего «Парнасса», захваченного символистами, адамистами, эгофутуристами и пр. Она резала мещанское ухо. Она шокировала буржуазных снобов. Она пугала.

Откуда же она взялась?

РОСТ СБОРОВ НА РАБОЧУЮ ПЕЧАТЬ В 1912—1914 гг.
Музей Революции СССР, Москва

11 (24) июля 1912 г. Владимир Ильич обратился в редакцию «Невской Звезды» с письмом. В письме читаем: «Социалистический орган должен вести полемику: наше время — время отчаянного разброда, и без полемики не обойтись» [66]. Под знаком полемики велась «Правда». Естественно, что дух острой непримиримой борьбы реял над страницами газеты во всех ее отделах. Известно, как В. И. Ленин настаивал на активной борьбе «Правды» с ликвидаторами. По-настоящему борьба наладилась только с приездом в Ленинград И. В. Сталина: с этого времени «Правда» стала особенно ярким боевым органом партии. Могла ли эта боевая непримиримость не отразиться в поэтическом отделе? Это было бы противоестественно.

В «Правде» мы находим ряд стиховых фельетонов, поэтических сцен и басен, посвященных предвыборной борьбе, стачечной агитации, политическим кампаниям, революционной организованности, страховой кампании, подпольной борьбе, призывов к батрачеству и к беднейшему крестьянству и пр. и пр. Многое в этой поэзии разумеется носит следы шифра и аллегоричности. С первого чтения даже не понять, зачем например напечатано стихотворение «Пальто рабочего» [67]. А тут, оказывается, преподается искусство подпольной работы. Здесь, на страницах неукротимой «Правды», совсем по-иному зазвучали гордые заявления рабочего поэта о том, что все создано его мозолистыми творческими руками (Иван Ерошин: «Палаты, Заводы»... [68]). «Правда» показала себя емким резонатором для суровых заявлений о борьбе (Ив. Логинов, А. Поморский, М. Артамонов, Д. Бедный и др.). В обстановке статей «Правды», в окружении делового материала большевистского органа акцентировались характерные черты рабочей поэзии с ее тематикой, сосредоточенной на классовых интересах. Здесь воплощались порывы классового гнева, чаяния коллективных напряжений, здесь поэтическим языком преподавалась великая наука восстания.

Запоминаются патетические строки о «соколах» революции поэта Алексея Гмырева [69], о символическом «солнце» (Я. Бердникова), о «молотобойцах» (М. Борецкой), о «весне» (А. Богданова); запоминаются целые десятки басен Демьяна Бедного. Встречаем гневные антирелигиозные инвективы (Н. Рыбацкий: «Хлеба») [70], радостные гимны труду в разных его областях и сферах, бытовые картинки. Последние особенно часты. Пишут о своем производстве и об условиях труда металлисты, швейники, шахтеры, кочегары, типографщики, рудокопы... Посылаются приветы заточенным в тюрьмах. Теплое слово посвящает тот или иной поэт женщине работнице. Пролетарская публицистическая лирика, революционный эпос, политическая сатира, — все эти жанры крепко угнездились на страницах «Правды». Круг поэтов ширился.

Изо всей группы выделялись будущие мастера, искатели новых форм: Демьян Бедный, Гастев, Самобытник. Когда появилось полное пафоса стихотворение Маширова «Пролетарий» [71], резонанс от него получился не малый. В рабочих клубах и кружках декламировали:

Крепкие руки, хлеб да вода,
С скарбом убогим мешок неизменный, —
Вот он творец мирового труда,
И гражданин всей вселенной!..

Впрочем надо сказать, что наибольшее признание получили не лирика и не пафос. Первое место в ассортименте поэзии «Правды» заняла басня. Она как-то особенно ярко выделилась на общем фоне. Она ближе других жанров подошла к социальной злободневности. Она скульптурней выявляла современников. Басня обновила энергичный ритм «вольного» ямба, басня заговорила на языке масс и стала любимицей.

Басенный жанр культивировали многие. В «Правде» насчитываем баснописцев: Тита Подкузьмихина, Нила Артельного, А. Бывалого, Чижика, А. Сергеева, А. К. Мижуева, Случайного, А. Савицкого и в первую очередь — Демьяна Бедного. Басни можно найти в профсоюзных журналах того времени, а еще раньше — в «Рабочей Мысли».

Говорить обо всех поэтах, культивировавших баснетворчество, мы здесь не станем. Да и едва ли в этом имеется необходимость. Достаточно взять самого характерного из баснописцев «Правды», чтобы уловить типичные стилевые особенности, в коих сказалась эпоха и ее характеры. Таким мастером басни бесспорно является по общему признанию Демьян Бедный.

IV

Руководители «Правды» сразу же оценили все качества басенного жанра и его мастера — Демьяна Бедного. Видимо существовала какая-то историческая закономерность появления басни и баснетворчества. В стране вековой деспотии, где удушалась всякая свободная мысль, где необходимость породила даже особый подцензурный «эзоповский» язык, — в такой стране естественно было распространение иносказания и культура аллегории. Однако было бы ошибкой думать, будто причина баснетворчества накануне революции лежала исключительно в драконовских правилах и законах о печати царских времен. Нет. Существовали и другие мотивы. «Правда» делала ставку на широкие массы рабочих, на батрачество, на беднейшее крестьянство. Основные кадры российского пролетариата комплектовались у нас преимущественно из разоряемого царской политикой крестьянства и довольно долго не теряли связи с деревней. Всем названным категориям трудящегося населения ближе других жанров был жанр фольклорной поэзии: притча, сказка, скоморошья загадка, поговорка. Басня наиболее близка к названным аллегорическим фольклорным жанрам. Басня заставляет задуматься не только над непосредственным ее сюжетом, но и над сокровенным замыслом. Это дает возможность зарядить ее острым социальным содержанием. Басня емка; мимо этого ее качества не могла пройти спокойно газета, которая рассчитывала на широкие массы трудящихся, на миллионы эксплоатируемого населения. Буржуазные органы печати именно в силу указанных качеств басни не могли ее использовать, не желали, не выносили басни, она казалась им «грубым лубком» (мнение, высказанное ликвидаторским «Лучем»).

Некоторые склонны утверждать, будто басня представляет особый род эпоса (басенного) и потому должна вызывать рассудочное покойное раздумье, грустную улыбку, тихий упрек, покаяние. Вздор! Внимательное исследование басни обнаруживает в ее строении возможности публицистические, общественные, политические. Басня-памфлет, басня-лозунг, басня-сатира, басня-плакат — вот истинная басня, взрощенная на страницах дооктябрьской «Правды». Такова басня Демьяна Бедного.

Басня Демьяна Бедного проще басен крыловских и одновременно она острее и насыщенней. В демьяновской басне отсутствуют лирические отступления и живописные украшения, введенные Лафонтеном и преемственно воспринятые нравоучительными баснями Крылова. «Басня как нравоучительный род поэзии в наше время — действительно ложный род; если она для кого-нибудь годится, так разве для детей... Но басня как сатира есть истинный род поэзии», учил Белинский[72].

Сатирическая басня Демьяна Бедного родилась и сложилась на листах «Звезды» и «Правды». Сатира Демьяна Бедного била в цель. Доведенная до совершенства, она выработала масштабы художественных пропорций, свойственные высокому роду произведений. Демьян Бедный возродил бас-

ню, создал ее новую разновидность, перенес ее в новую эпоху, освежил ее стилевой лад. Трактовка ситуаций, общая композиция, темп, действующие лица — все это служит одной цели: осветить и уяснить движущие силы революции. Отсюда рельефная четкость положений и классовой расстановки сил. Отсюда скульптурная завершонность поз и особая драматическая сила диалога. Басня коротка. Она не может позволить ни вступлений, ни характеристик, ни описаний. Обстановка и декоративный фон зачастую содержатся уже только в заглавии. Действующие лица выводятся мгновенно, и, не медля ни секунды, обрушиваются репликами. Слово, жест, интонация в басне сугубо действенны. Басня — это миниатюра-драма, микрокомедия с упрощенными ремарками, с укороченной перспективой, с минимальным фокусным расстоянием.

Два класса сражаются в смертельном единоборстве: эти два класса — главные персонажи демьяновских басен. Бой кипит, не переставая. Участники полны классового гнева. Между тем эмоция гнева не свойственна крыловским басням, и некоторые «умные» критики на этом основании спрашивают себя: уместен ли гнев в басне?

19 июля (1 августа) 1912 г. В. И. Ленин адресовал в редакцию «Правды» письмо. В письме можно прочитать: «Без «гнева» писать о вредном — значит скучно писать»...[73] Мыслимо ли было вести большевистскую газету без гнева против ликвидаторов? Мыслимо ли было вести в ней литературно-художественный отдел со «спокойствием» сытых российских «парнассцев»?

Сатирические строки Демьяна Бедного насыщены теми же мотивами, что и весь газетный лист «Правды», в условиях формирования которого формировался одновременно и пролетарский поэт Демьян Бедный. Мы не станем здесь за недостатком места подробно говорить о позднейших ошибках поэта: они в достаточной мере вскрыты были на страницах «Правды» в течение 1930/1931 г., и Демьян Бедный признал их в своей беседе с комсомольцами, рабочими-ударниками, идущими в литературу, организованной 25 февраля 1931 г. газетой «Комсомольская правда». Вот что говорил Демьян Бедный:

«К месту сказать, чтоб не умолчать о том, что «и на старуху бывает проруха», у меня как раз по линии сатирического нажима на дооктябрьское «былое» были «прорухи», выразившиеся в огульном охаивании «России» и «русского» и в объявлении «лени» и склонности к «сидению на печке» чуть ли не русской национальной отличительной чертой. Это конечно перегиб. Тут, как говорится, и я «перекричал». Таковы некоторые места моих фельетонов «Слезай с печки» и «Без пощады». Мы все не должны забывать того, что в прошлом существовало две России: Россия революционная и Россия антиреволюционная, при чем то, что правильно в отношении последней, то не может быть правильным в отношении первой. Непонимание того, что нынешнюю Россию представляет ее господствующий класс, рабочий класс, и прежде всего русский рабочий класс, самый активный и самый революционный отряд мирового класса, и огульное применение к нему обвинения в склонности к «лени» и «сидению на печке» дает тот фальшивый тон, о котором я уже говорил. В данном случае этот тон не совпадает с тем тоном, который звучит в следующих словах Ленина: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. $^{9}/_{10}$ ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты». Это писалось Лениным в 1914 году. «Мы гордимся тем, —

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ БАСНИ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО «БЛАГОДАРНОСТЬ»
Собрание А. В. Ефремина, Москва

ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ БАСНИ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО «БЛАГОДАРНОСТЬ»
Собрание А. В. Ефремина, Москва

Благодарность.

БАСНЯ.

— «Спасите!.. Рѣжутъ!.. Кара-улъ»!!.
— «Робя!.. Корнѣя... Петра... Ѳедулъ!
Будите всѣхъ скорѣе, черти!
Чать, у хозяина разбой»!
Бѣгутъ приказчики толпой
Спасать хозяина отъ смерти.
Вмигъ домъ хозяйскій окруживъ,
И въ дверь и въ окна прутъ ребята.
Разбойная ватага смята.
Хозяинъ живъ!
— «Ф-фу»! — отдышался нашъ купчина: —
«Ужъ думалъ я: пришла кончина.
Анъ слава Богу, уцѣлѣлъ.
Теперя бъ одного хотѣлъ:
Чтобъ, значитъ, братцы... по закону...
Вы мнѣ бъ по рублику снесли»...
— «За что»?!
— «Воздвигнули бъ икону
За то, что вы меня спасли»!

Демьянъ Бѣдный.

КОРРЕКТУРА БАСНИ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО «БЛАГОДАРНОСТЬ» С ПОМЕТКАМИ АВТОРА
Собрание А. В. Ефремина, Москва

так писал Ильич, — что эти насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев семидесятых годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика. Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками, капиталистами» («О национальной гордости великоросов», т. XVIII) [74].

Одною из главных основ идеологической выдержанности поэта нельзя не признать то обстоятельство, что он получил первоклассную школу в старой «Правде». Вот как рассказывает поэт о своей закалке. В фельетоне «Чья «Правда» правдистее?» читаем:

Лет двенадцать назад [75].
Когда российский фасад
Сиял, трехцветными флагами расцвеченный.
Случился факт, не всеми сразу замеченный:
Основали мы нашу «Правду» старую,
Рабочих защитницу ярую.
Меньшевики-ликвидаторы,
Умнейшие писатели и ораторы,
Буржуазные пленники,
Защитники «законной» капиталистической прибыли.
Заорали на нас: «Изменники!
Вы ведете рабочих к верной гибели!
Вы — враги их защиты... легальной!»
Среди этой шумихи меньшевистски-кагальной
Получился от Троцкого... тоже протест!
Негодующий жест:
«Дескать, вы там в уме ли?
Как вы свою газету «Правдой» назвать посмели,
Позабыв, что есть уже «Правда» — моя?»
Помню, как рабочий Полетаев и я,
Не ахти уж какие там доки,
Обмозговывали вдвоем эти строки.
Я кряхтел нерешительно: «М-да!»
Полетаев же, видавший всякие склоки,
Засмеялся в ответ: «Ерунда!
Насчет «Правды» еще мы посмотрим, Демьяша,
Чья правдистее будет: его или наша?»

Суть в том, что Троцкий издавал в Вене полуменьшевистский орган «Правду». Эта самая «Правда» выступала в защиту интересов ликвидаторов и боролась против большевиков. Достаточно сказать, что партию большевиков газетка Троцкого иначе не называла, как «ленинский кружок». Так понимал Троцкий значимость самой массовой партии.

Так вот в № 25 газетки Троцкого от 23 апреля (6 мая) 1912 г. на последней странице напечатано:

«В петербургской газете «Звезда» появилось объявление о предстоящем выходе в свет ежедневной «Рабочей газеты Правда»... Что же это значит? Спрашивала ли ре-

дакция новой газеты нашего согласия? Нет, не спрашивала. В каком отношении стоит петербургская газета к нашей? Ни в каком»...

Троцкий не понимал, что в приведенных декламационных фразах он сам себя разоблачает и пригвождает. Дальше. в обычной для него манере, он называет большевистскую организацию «Ленинский кружок, воплощение фракционной реакции и раскольнического своеволия» и т. д. и т. д. и, продолжая в самозабвении декламировать, восклицает: «Мы спокойно ждем ответа! Мы ждем!»

Каким недомыслием было смешивать две «Правды» — массовую газету рабочего класса и жалкий листок, читаемый несколькими десятками интеллигентов-ликвидаторов! Троцкий «ждал ответа». Ответ был дан рабочим классом положительно в ближайшие дни: венская «Правда» незаметно скончалась на том самом номере, в котором напечатаны пышные декламаторские фразы, а большевистская «Правда» росла и росла и достигла десятков тысяч тиража и завоевала сотни тысяч читателей из среды пролетариата.

Демьян Бедный рос в обстановке классовых боев. «Если Демьян Бедный, — вспоминает К. Еремеев, — был урожденным «звездовцем», а газета «Звезда» была его родной матерью, то сам он уже весьма активно участвовал в создании «Правды». Конечно все рабочее поколение того времени помнит басню Демьяна Бедного «Муравьи» — о муравьях, которые создавали свою газету, складывая средства по зернышку. Помнят конечно и стихотворение «Газета», написанное по поводу первых конфискаций «Правды».

Тематика произведений Демьяна Бедного была обусловлена совокупностью тех социально-политических интересов, которыми жила партия большевиков, ее легальный орган, передовики рабочего класса. Возьмем к примеру пару — с виду как будто самых незначительных — экспромтов, лету-

ОБЛОЖКА ПЕРВОЙ КНИГИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

На обложке — рисунки Демьяна Бедного

Собрание А. В. Ефремина, Москва

чих эпиграмм на буржуазную прессу: на желтую «Газету-Копейку» и на «Современку». В виду их краткости, приведем их здесь, тем более, что в Собрание сочинений Д. Бедного первая из них не вошла. Мы увидим, что значение их не столь уже незаметно.

«СОВРЕМЕНКА» [76]

Пред «Речью»-маменькой — невинная
кадетка.
Перед рабочими — жеманная ко-
кетка,—
Призывно — ласково юлит, юлит,
юлит...
Да мама не велит!

«ГАЗЕТА-КОПЕЙКА» [77]

(Содержание номера)

Билет
Варшавской лотереи,
Жилет,
Лакейских две ливреи,
Чулки,
Бумажные ботинки,
Брелки,
Секретные картинки,
«Эффект» —
Мазь для особых целей,
Комплект
Резиновых изделий,
Одна
Продажная идейка.
Цена
За весь товар — копейка!

Молодому читателю надо знать, что «Современка» [78] была дешевой двухкопеечной газеткой, издаваемой «Речью». Она демагогически заигрывала с рабочими, выполняя функцию развратителя и подыгрываясь к массам. Пытаясь проникнуть на рабочие окраины, снизила цену до предела. «Газета-Копейка» [79] пошла еще дальше и «продавалась» за копейку. Между тем доходы она получала огромные. Откуда? От рекламных объявлений самого беззастенчивого характера: о жульнических лотереях, о «липовых» товарах, о порнографических картинках, лекарствах от секретных болезней и пр. Подобными грошевыми и обывательскими сенсациями буржуазные грошевые газетки старались отвлечь внимание рабочих масс от социальных проблем.

Демьян Бедный, сражаясь с буржуазной прессой, выполнял задание своего класса. Буржуазную газетку «Копейка» надо было разоблачить. Ей надо было противопоставить свою рабочую «Газету-Копейку». В № 67 «Правды» [80] от 1914 г. помещена была статья «Ежедневная Рабочая Копейка». В статье читаем: «Нам необходимо создать в Петербурге небольшую рабочую газету «Рабочая Копейка»... «Путь Правды» должен остаться центральным марксистским органом для всей России. А кроме того необходима «Рабочая Копейка», которая доходила бы до самых широких слоев рабочих... Посмотрите, какое широкое распространеие находят себе буржуазные «Копейки». Не надо закрывать глаза: это самый опасный наш враг».

Вот с этим-то опасным врагом вел борьбу Д. Бедный.

В упомянутой выше статье В. И. Ленина «Итоги полугодовой работы» читаем: «Довольно с нас господства буржуазной «Копейки». Довольно царила беспринципная торгашеская газетка. Рабочие Петербурга показали в

Песнь пролетария.

Кто добывал из темных рудников металлы?
Кто сталь для [illegible] [illegible] [illegible]?
Воздвиг из гранита и мрамора троны,
Обливаясь потом за плугом родил?
Кто дает богачам и вино и пшеницу
И горько томится в нужде безысходной?!
Не ты ль, угнетенный, рабочий голодный!

Кто с раннего утра и до поздней ночи
[illegible], недремлющих под грохот машин
Тяжелым трудом ослеплял себе очи,
Чтоб в роскоши [illegible] утопать господам.
Кто мощно вертит колесо мировое
И гибнет бесправным, как червь [illegible]?!
Не ты ль, пролетарий, рабочий голодный?!

Кто часто [illegible] века [illegible]
Со злобой сердитой тиранам служил
На дальнем Востоке безумно [illegible]
И кровь неповинную жертвенно лил?!

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА АВТОГРАФА СТИХОТВОРЕНИЯ А. БОГДАНОВА «ПЕСНЬ ПРОЛЕТАРИЯ»

Собрание А. А. Богданова, Москва

О, бедная родина, — бедные люди!
Обман ненавистный смежил ваши очи.
Проснись, угнетенный! Проснися, рабочий! —

Проснитесь! Сбирайте дружину с любовью
Под знаменем красным клянитесь, кто силен,
Клянитесь, что купим живьем и кровью
Святую свободу и лучший удел —
Клянитесь, что царство тиранов погибнет;
Что скоро настанут дни жизни свободной.
Вперед на борьбу, угнетенный голодный!

Пусть пламя борьбы разрастется пожаром
И огненной лавой [illegible] туманы
Смелее! К победе! Мы [illegible] не даром
Велик и могуч наш воинственный стан...
Пусть [illegible] нас [illegible] солдатской [illegible]
Победа за нами, за сильной народной
Победа близка, угнетенный голодный!

[illegible]

ВТОРАЯ СТРАНИЦА АВТОГРАФА СТИХОТВОРЕНИЯ А. БОГДАНОВА «ПЕСНЬ ПРОЛЕТАРИЯ»

Собрание А. А. Богданова, Москва

какие-нибудь полгода, каким громадным успехом могут сопровождаться совместные рабочие сборы. Пусть их пример, их почин не пропадет даром. Пусть разовьется и окрепнет обычай рабочей копейки на рабочую газету!» [81]

***

Когда басен накопилось несколько десятков, Демьян Бедный собрал их и издал сборничек в шестьдесят басен. Автор больше всего дорожил творческою связью с «Правдой»: о вышедшей книге он анонсировал в «Правде»: «Демьян Бедный. Басни. Цена 60 коп. Покупать и выписывать можно из конторы газеты «Северная Правда» в Петербурге».

Книгу басен, как выше упоминалось, вскоре же цитировал В. И. Ленин. Как же отнеслась к ней «большая литература»?

Последняя применила к Демьяну Бедному прием, испытанный в отношении других революционных писателей: встретила книгу заговором молчания. Буржуазная либеральная литература (о реакционно-дворянской и говорить нечего) замалчивала поэтов крестьянской демократической революции — Курочкина, Трефолева и др.; нарочито «забыла» революционное прошлое поэтессы А. П. Барыковой (первого периода); высокомерно не замечала острую агитку «Конек-Скакунок» С. А. Басова-Верхоянцева и пр. Теперь тот же маневр стал практиковаться в отношении Д. Бедного.

Впрочем существовал лагерь, который «не замалчивал» Д. Бедного. Ликвидаторы-меньшевики ненавидели большевистского поэта-трибуна со всею злобою своего мелкобуржуазного естества. Ленин не зря запрашивал редакцию «Правды», не может ли, дескать, Д. Бедный выступить против ликвидаторов. Поэт не раз выступал против них. Он дал ряд разоблачающих меньшевиков басен: «Вьюны», «Щука и Ерши», «Слепой и фонарь» и пр. Могли ли меньшевики простить? Они обливали Д. Бедного помоями. Меньшевистский «Луч» квалифицировал стихи поэта как «грубый лубок», а разоблачения поэта-большевика ликвидаторы в бессильной злобе окрестили клеветою. Приводим ответ меньшевистским клеветникам:

ЧТО ВЕРНО, ТО ВЕРНО! [82]

(Ликвидаторы по моему адресу)

«Клеветник без дарованья»..

«Куда мне, Бедному Демьяну!»
Скажу я Мартову и Дану:
«Ведь вы по части клеветы
— Киты!
И я ль оспаривать таланты ваши стану».

Итак, «большая» пресса, как сказано было выше, — столичные журналы и журналисты не удостоили своим вниманием поэта «Правды». Провинция показала себя менее косной. В южных газетах появились отклики на сборник басен. В «Киевской Мысли» приветствовал нового поэта Л. Войтоловский, приветствовал в качестве поэта «четвертого сословия» [83]. В «Донской Жизни» Мирецкий — в статье «Внук дедушки Крылова» — язвительно писал: «Думаю, что дедушка в страхе отрекся бы от такого внука, а то и проклял бы его»... Почему? Потому что: «Творчество Демьяна Бедного — это изумительно отточенный многогранный клинок пролетарской сознательной мысли. Сознательно классовой мысли» [84].

В газете «Утро Юга» были напечатаны «Заметки о современной литературе»: «Новый Баснописец». Автор фельетона, внимательно следивший за творчеством нового поэта и за литературным отделом «Правды», приветствовал «появление столь талантливого сатирика-баснописца с такой строгой привязанностью к интересам деревни и пролетариев фабрики» [85].

2 ПРАВДА Четвергъ,

Та же солидарность между буржуазными партіями, несмотря на различныя названія и программы, замѣчается и въ сеймѣ (парламентѣ), гдѣ представлено 6 буржуазныхъ партій. Почти во всѣхъ вопросахъ противъ соц.-дем. голосуютъ всѣ остальныя партіи, а не будь этого, соц.-дем. предложенія проходили бы всегда, такъ какъ на 80 соц.-дем. депутатовъ приходится 114 буржуазныхъ депутатовъ. Черносотенныя партіи въ сеймѣ имѣютъ въ общемъ 60 голосовъ (суометаріанцы-старофинны 43 деп., аграріи 16 деп. и христіанскіе рабочіе 1 деп.), а либералы 54 голоса (младо-финны 28 деп., шведская партія 26 деп.).

Откровенность буржуазіи, не только черносотенной, но и либеральной, только содѣйствуетъ развитію классового самосознанія среди финскаго пролетаріата. И нѣтъ почти ни одного человѣка среди финскаго пролетаріата, кого теперь могли бы обманутъ либеральныя фразы [illegible] до поднимы буржуазіи.

Г. Даниловъ.

Гельсингфорсъ.

Памяти А. Гмырева.

Годъ тому назадъ, 12 сентября, въ больницѣ херсонской каторжной тюрьмы умеръ отъ чахотки политическій заключенный, бывшій рабочій Николаевскихъ судостроительныхъ заводовъ, Алексѣй Гмыревъ.

Шесть лѣтъ беспрерывного заключенія отразились на его юношескомъ здоровьѣ и въ результатѣ на 24 году его опустили въ могилу.

Въ эту ночь ихъ умерло трое. На казенномъ кладбищѣ вырыли три могилы и опустили въ нихъ три черныхъ гроба. Какая изъ нихъ его могила — никто не знаетъ, никто не скажетъ. Приходятъ друзья и скорбные стоны посѣщаютъ трехъ безмолвно лежащихъ кургановъ.

Покойный товарищъ всѣ свои страданія души и завѣтныя думы выливалъ въ поэзіи.

Его стихотворенія, присланныя съ каторги, были напечатаны въ газ. „Звѣзда“. Было также помѣщено стихотвореніе въ „Правдѣ“.

Сегодня мы помѣщаемъ посмертное стихотвореніе, присланное его друзьями:

* * *

Я погибну, но вмѣстѣ со мной
не умрутъ
Пролетарскія пѣсни мои.
Знаю я, что къ могилѣ моей не придутъ
Ни друзья, ни слѣпые враги.
Далеко за тюрьмой, гдѣ клубится
туманъ,
Безъ обряда схоронятъ меня,
И покроетъ могилу колючій бурьянъ
Съ мервыхъ зноемъ горячаго дня.
А зимой, когда вьюга заплачетъ надъ
ней
И ковромъ снѣговымъ опахнетъ,
Разнесетъ мои пѣсни по ширѣ степей,
И, быть можетъ, хоть звукъ
до любимыхъ людей
Буйный вѣтеръ тогда донесетъ.
Я умру, но со мною въ тюрьмѣ не
умретъ
Муза-узница, крошка моя.
И въ послѣдній мой часъ лишь она
обовьетъ
Грустной пѣсней и лаской меня.

Сверхурочныя работы.

Во многихъ производствахъ съ наступленіемъ осени начинается оживленіе въ дѣлѣ. Предприниматели увеличиваютъ продолжительность рабочаго дня, вводя сверхурочныя работы съ повышенной платой, а то и попросту прибавляютъ часа 2 и болѣе по той же самой расцѣнкѣ. Малосознательные рабочіе жаждутъ этихъ сверхурочныхъ какъ манны небесной, охотно остаются работать до 8, 9, 10 и даже 11 часовъ ночи.

Въ надеждѣ заработать лишній цѣлковый, подвергаютъ себя изнуренію въ спертой и жаркой атмосферѣ мастерскихъ, застоявшейся за день. Часы свободы и отдыха, которыми и безъ того обдѣленъ рабочій, тратятся на пріобрѣтеніе нѣсколькихъ лишнихъ грошей, которые не могутъ сколько-нибудь замѣтно улучшить ихъ положеніе.

Зато уже въ день получки, когда въ карманъ попадетъ на полтора цѣлковыхъ больше обыкновеннаго, онъ почувствуетъ себя на полтора вершка выше и богаче.

На обратномъ пути, заходя въ трактиръ, онъ требуетъ теперь не маленькую, а удвоенную порцію. Какъ же — вѣдь заработокъ увеличился!

Очень многихъ сверхурочныя работы вводятъ въ такое заблужденіе, что они склонны считать ихъ за нормальную продолжительность рабочаго дня.

Въ то время, какъ по закону они должны бы работать не болѣе 10-ти часовъ въ сутки и быть свободными по праздникамъ, сверхурочники работаютъ по 12—14 часовъ и въ праздники до обѣда.

Иногда спросишь земляка:

— Сколько получаешь?

— 70 рублей.

— Да, хорошо. А сколько же работаешь?

— Да что? Сколько работы хватаетъ.

— А все-таки?

— Да отъ 8-ми до 7-ми и отъ 7-ми до 11-ти.

— Ага, понимаю, значитъ позже жарите.

— Въ воскресенье и въ праздники тоже.

— Та-акъ-съ.

Если подсчитаемъ теперь сверхурочные часы, то получимъ 30 час. въ въ одну недѣлю и 120 сверхурочныхъ час. въ мѣсяцъ; чтобы получить за нихъ полуторную плату, мы увеличимъ ихъ въ полтора раза и разсчитаемъ ихъ обыкновенными днями. $120 \times 1^1/_2 = 180$ часовъ или 18 рабочихъ дней по 10-ти часовъ, а такъ какъ среднее число рабочихъ дней въ мѣсяцъ 25, то, прибавивъ къ нимъ 18, получимъ 43 рабочихъ дня въ мѣсяцъ (25 + 18 = 43). Чтобы узнать поденную плату, раздѣлимъ 70 руб. на 43 дня и получимъ приблизительно 1 рубль 30 копѣекъ (70 : 43 = 1 р. $29^1/_2$ к.), т. е. не болѣе 35 руб. въ мѣсяцъ. Какъ видите, онъ получаетъ 35 рублей, а пороху у него на 70.

Но отъ этого пороху у хозяина растетъ золото въ карманѣ, а у рабочаго — горбъ.

Не за сверхурочными часами нужно гнаться рабочимъ, а за лучшей оплатой труда при нормальной продолжительности рабочаго дня.

Д. Одинцовъ.

Списки избирателей составлены. Необходимо каждому провѣрить, не пропущенъ ли онъ и правильно ли записанъ. Списки выставлены для провѣрки въ городской управѣ, имѣются также въ редакціи „Правды“.

Въ случаѣ пропуска или неправильной записи фамиліи, имени, отчества, адреса и т. п. необходимо немедленно подать заявленіе объ исправленіи (можно посылать заказнымъ письмомъ) по адресу: ВЪ СПБ. ГУБЕРНСКУЮ ПО ДѢЛАМЪ О ВЫБОРАХЪ КОМИССІЮ, ЛИТЕЙНЫЙ, 4, ЗДАНІЕ ОКРУЖНОГО СУДА.

ОТВѢТЫ ИЗБИРАТЕЛЯМЪ.

ВОПРОСЪ.

Прошу указать формы заявленій въ комиссію о пропускѣ избирателя въ спискѣ.

ОТВѢТЪ.

Въ спб. губернскую по дѣламъ о выборахъ комиссію.

Званіе, имя, отчество, фамилія и адресъ заявителя.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Въ опубликованныхъ 8-го сего сентября спискахъ избирателей второго разряда г. Петербурга пропущены мои фамилія.

Между тѣмъ, я, какъ квартиронаниматель, уплатившій въ теченіе 1911—1912 г. квартирный налогъ, на основаніи 44 ст. пол. о выб. въ Гос. Думу, долженъ быть въ списки внесенъ.

Въ виду этого, имѣю честь просить внести меня дополнительно въ означенный списокъ.

Подпись.

Въ спб. губернскую по дѣламъ о выборахъ комиссію.

Званіе, имя, отчество, фамилія и адресъ заявителя.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Въ теченіе года я занимаю въ г. Петербургѣ квартиру на свое имя по... ул., въ д. №... кв. и своевременно подалъ въ город. управу заявленіе о включеніи меня въ списки избирателей по 2 разряду. Между тѣмъ, въ опубликованныхъ спискахъ по... части моего имени нѣтъ.

Въ виду этого, имѣю честь просить губ. по дѣламъ о выборахъ комиссію о включеніи меня въ избирательный списокъ.

Подпись.

Съѣздъ фабричныхъ инспекторовъ и промышленниковъ.

Третье засѣданіе.

Продолженіе обсужденія нормальнаго устава больничной кассы. Ст. 34 вызвала оживленныя пренія по вопросу о срокахъ уплаты взносовъ за рабочихъ, занятыхъ въ предпріятіи по найму отъ подрядчика. Текстъ ст. 34 гласитъ по этому поводу такъ: Взносы за участниковъ кассы, занятыхъ въ предпріятіи по найму отъ подрядчика, а равно приплаты за этихъ лицъ уплачиваются въ кассу владѣльцемъ предпріятія въ опредѣленные сроки выдачи заработной платы участникамъ — эта статья возлагаетъ извѣстныя обязанности на владѣльцевъ, но въ то же время въ законѣ отсутствуютъ указанія на какія-либо обязанности подрядчиковъ относительно сроковъ выдачи заработной платы и сообщеній объ этомъ владѣльцамъ.

Пробѣлъ этотъ тѣмъ болѣе существененъ, по мнѣнію г. Вержбицкаго, что неисполненіе владѣльцами обязанности давать кассамъ своевременно свѣдѣнія о числѣ занятыхъ въ предпріятіи рабочихъ и ихъ взносовъ влечетъ за собой уголовное наказаніе, тогда какъ владѣлецъ, не имѣющій никакихъ средствъ воздѣйствія на подрядчика съ цѣлью своевременнаго полученія отъ него свѣдѣній для передачи ихъ больничной кассѣ, не можетъ быть поэтому за него отвѣтственъ.

Лица, возражавшія г. Вержбицкому, указывали на то, что сроки выдачи рабочимъ заработка, а слѣдовательно и сроки взносовъ могутъ быть установлены въ договорѣ подрядчика съ владѣльцемъ, и, въ силу фактической зависимости подрядчика отъ владѣльца, эти договорные сроки будутъ, конечно, исполняться; эти сроки будутъ и сроками сообщенія владѣльцу о суммѣ выданнаго заработка и удержанныхъ въ больничную кассу.

Споръ по этому вопросу очень быстро принялъ принципіальный характеръ столкновенія между интересами больничной кассы и интересами промышленности (г. Вержбицкій). Установленіе въ договорѣ подрядчика съ владѣльцемъ сроковъ расплаты, удобныхъ для больничныхъ кассъ, можетъ быть совершенно неудобно для владѣльца и совершенно непріемлемо съ точки зрѣнія заведеннаго порядка ихъ взаимныхъ отношеній и нельзя, по мнѣнію г. Вержбицкаго, приносить въ жертву больничнымъ кассамъ интересы промышленнаго оборота.

По окончаніи преній принято предложеніе добавить къ ст. 34 указаніе на то, что сроки расплаты подрядчика должны устанавливаться кассой, либо кассой по соглашенію съ владѣльцемъ, или же указаны въ уставѣ кассы. Эти 3 варіанта формулируютъ три преобладавшихъ въ собраніи мнѣнія. Небезынтересно отмѣтить, что промышленники признали наиболѣе удовлетворительнымъ 3-ее предложеніе, такъ какъ уставъ вырабатывается самимъ владѣльцемъ и измѣненія, вносимыя въ него рабочими, подлежатъ контролю страхового присутствія, которое не допуститъ убыточнаго для владѣльца постановленія (г. Вержбицкій), и въ этомъ гарантія удобныхъ для владѣльца сроковъ. Въ преніяхъ по статьѣ 35 о срокахъ внесенія въ кассу владѣльцемъ удержаній съ рабочихъ и собственныхъ приплатъ проявилось желаніе сдѣлать сроки эти возможно болѣе рѣдкими, не пріурочивая ихъ къ каждой уплатѣ заработка. Соотвѣтственно этому изъ ст. 35 предложено слово „каждый“ (... взносы участниковъ удерживаются владѣльцемъ

НЕКРОЛОГ ПОЭТА А. ГМЫРЕВА В № 110 «ПРАВДЫ» 1912 г. И ПОСМЕРТНОЕ ЕГО СТИХОТВОРЕНИЕ «Я ПОГИБНУ, НО ВМЕСТЕ СО МНОЙ НЕ УМРУТ ПРОЛЕТАРСКИЕ ПЕСНИ МОИ»

Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

Обращаем внимание читателя: отозвались именно ю ж н ы е органы и именно г а з е т ы. Подчеркивая данное обстоятельство, мы хотим напомнить, что горнорабочий и металлургический юг больше других областей читал «Правду»: по количеству подписчиков на первом месте шел Днепропетровск (Екатеринослав). То обстоятельство, что отзывы появились именно в газетах, а не в журналах и не в альманахах, также вполне натурально и закономерно. Поэзия Д. Бедного родилась на газетном листе, и в силу этого эпитет г а з е т н а я ей нисколько не чужд. Экспромтная работа Д. Бедного известна. Поэт-большевик, поэт-газетчик способен полностью

отвечать своему назначению лишь при наличии импровизаторских данных. Дар экспромта отпущен Демьяну Бедному в полной мере. Эта его художественная способность уже давно была оценена в «Правде». М. Савельев в воспоминаниях пишет: «...Вот, гляди, откуда-то выплыла фигура Д. Бедного, попавшего как раз во-время... Он выбрасывает, точно фокусник, из своего «нутра» новую басню»... [86] «За стенкой в кабинете редактора рокотал басок Д. Бедного, нередко там же набрасывавшего свои сатиры-стихи под впечатлением последних новостей»... [87], вспоминает Мих. Артамонов.

Так оно чаще всего и бывало. Сохранились документы — свидетели творческой работы Д. Бедного в газете. В «Правде» № 89 от 12 августа 1912 г. напечатана была басня «Благодарность». Предлагаем три последовательных документа созревания басни. Первый набросок — черновой автограф. Он сделан спешно, без заголовка. Местами отсутствует пунктуация, некоторые строки слиты, не закончена речевая отделка и пр. Беловая рукопись восполняет все указанные пропуски и имеет даже обычный подзаголовок: «Басня». Третий документ — корректурный оттиск с правкой текста.

Кстати здесь же мы имеем возможность проследить ход широкого социального обобщения демьяновской басни. Беловой вариант хранит следы эпиграфа, взятого из провинциальной газеты: «Купеческое общество обратилось к городской управе с просьбой отпустить на празднование юбилея отечественной войны 300 рублей. — Современные Минины». В корректурном оттиске эпиграфа уже нет, отчего басня сразу приобретает более широкий социальный диапазон.

Басня Демьяна Бедного неотъемлема от дооктябрьской «Правды». Она вошла органическою составною частью в газету. Кто изучает старую «Правду», тот не может пройти мимо басни Демьяна Бедного. Она характерна для всей поэтической эпохи того времени. Она, как знамя, реет на газетном листе, сражавшемся с буржуазной и с мелкобуржуазной идеологией во всех их проявлениях.

* * *

Данная статья никак не может и не берется претендовать на исчерпывающие ответы. Поэтический отдел «Правды» — слишком сложная проблема, чтобы в одной журнальной статье она была полностью разрешена. Наша задача в ином: поставить ряд вопросов, возбудить к ним интерес, побудить задуматься над их разрешением, установить органические связи поэтического состава газеты со всем остальным материалом. И вот, приходится сознаться, к сожалению, что материал по интересующей нас проблеме очень мало разработан. Настоящая статья чуть ли не первая статья касательно поэтического отдела старой «Правды». Вот почему многое в данной статье недоработано, а, возможно, и не совсем верно. «Правда» объединяла группу поэтов. Нас интересует их социальное лицо, их поэтическая устремленность, их мировоззрение. «Правда» организовывала литературные кружки на фабриках и заводах: нас интересует характер данной работы. «Правда» довольно активно руководила творческими установками своих поэтов: нас не могут не занимать формы этого руководства.

В литературе еще не разрешены споры, к какому моменту надлежит отнести становление пролетарской поэзии в качестве исторического этапа. Настоящая статья делает опыт утверждения, что таким этапом надо считать годы собирания поэтических сил вокруг «Правды», принимая во внимание роль дооктябрьской «Правды», ее организационное значение и ту созвучность, какая отличала поэтов «Правды», когда поэзия шла плечо в плечо с общим духом газеты, руководимой большевистским ЦК.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Чему отнюдь не следует удивляться: Троцкий ничего хорошего в большевистской «Правде» не мог видеть, тем более, что он в Вене издавал свою газету, которая тоже называлась «Правда». Она выступала против большевиков и поддерживала ликвидаторов.

2 О поэзии «Звезды» и «Правды» упоминается в книге В. Полянского (П. И. Лебедева) «На литературном фронте», «Новая Москва» 1924 г. и в брошюре В. М. Фриче «Пролетарская поэзия», 1919 г. — О них будет сказано ниже.

3 «Литература и искусство», орган Института ЛИЯ Комакадемии, № 7—8, 1931 г., стр. 135 и сл. С. Брейтбург и Н. В. Голубкова.

4 Там же, № 11—12, стр. 141 и сл.

5 Достаточно сказать, что библиографы прозевали в № 98 «Правды» от 23 августа 1912 г. статью А. Витимского (псевдоним М. С. Ольминского) «Культурные люди и нечистая совесть», — статью, которая очень понравилась В. И. Ленину. Ильич писал по этому поводу: «Пользуюсь случаем, чтобы поздравить Витимского с замечательно удачной статьей, полученной мною сегодня в «Правде» (№ 98). Чрезвычайно кстати взята тема и разработана в краткой, но в ясной форме превосходно. Хорошо бы вообще от времени до времени вспоминать, цитировать и растолковывать в «Правде» Щедрина и других писателей «старой» народнической демократии. Для читателя «Правды» — для 25 000 — это было бы уместно, интересно, да и получилось бы освещение теперешних вопросов рабочей демократии с иной стороны, иным голосом» («Красная летопись» 1924 г., № 1 (10), стр. 70).

6 Библиографы осведомлены по поводу того, что Е. Придворов и Д. Бедный — одно и то же лицо и в некоторых местах указывают на это; этим почти ограничиваются их указания в части раскрытия псевдонимов.

7 Демьян Бедный подписывался в «Звезде» сперва Е. Придворов, а затем стал писать: Демьян Бедный. Первая басня, под которой появилась в «Звезде» эта подпись, была «Кукушка» в № 12 (48) от 23 февраля 1912 г.

8 Сб. «Путь «Правды». Материалы и воспоминания, 1912—1922. Тверское изд-во «Октябрь». 1923.—И. Сталин, К 10-летию «Правды». Воспоминания. Стр. 19 и 20.

9 И. Ф. Масанов, Чеховиана. Вып. 1-й. Государственная Центральная Книжная Палата. РСФСР, Москва, 1929, стр. 116 и сл.

10 В воспоминаниях Ф. Сыромолотова читаем: «И стал я в «Правде» фельетонистом. Из Зигзага перекрестился в Тита Подкузьмихина по наущению С. С. Данилова» («Путь «Правды», стр. 118).

11 Не смешивать с А. А. Богдановым, автором «Эмпириомонизма», умершим в 1928 г. и отошедшим давно, задолго до смерти, от большевизма.—Поэт А. А. Богданов жив и сейчас.

12 В этом крысоморном ящике под прикрытием грязных пульверизаторов и под ядовитыми составами Ив. Ерошин носил запретные листовки, конфискованные номера «Правды», письма рабочих-корреспондентов и т. п.

13 Сб. «Путь «Правды», стр. 109 и 110.

14 Сб. «Из эпохи «Звезды» и «Правды», выпуск 3-й, стр. 183. Письмо от 7/IV 1912 г.

15 Сб. «Путь «Правды», стр. 118.

16 Там же, стр. 19.

17 Демьян Бедный. Басни. СПБ., 1913. Стр. 98. Цена 60 коп.— Сборник ныне составляет библиографическую редкость. Характерно, что на титуле книги нет марки издательства. Тому не надо удивляться: издателем принужден был оказаться сам автор, так как ни одно издательство не пожелало взять на себя печатание книги басен.

18 Письмо В. И. Ленина к А. М. Горькому от начала мая (н. ст.) 1913 г.

19 Статья «К вопросу о политике министерства народного просвещения» написана была в 1913 г., а напечатана впервые в 1930 г. в XVI томе (2-е изд.), так как она и не предназначалась для печати. Она была написана Лениным в качестве проекта речи депутата А. И. Бадаева в Думе. Бадаев и произнес эту речь почти полностью. — В статье читаем разоблачения по поводу педагогического состава царских школ.

20 Приводим примечание из XVI тома Сочинений В. И. Ленина, стр. 744: «Имеется в виду сборник басен Демьяна Бедного «Басни», изданный в Петербурге в начале 1913 года, и басня «Свеча», напечатанная не в «Правде», как ошибочно указывает В. И. Ленин, а в «Просвещении» № 2, февраль 1913 г., стр. 20, 21. За напечатание этой басни номер «Просвещения» был конфискован, а его редактор А. Н. Федоров арестован. На суде царский прокурор с возмущением раскрывал судьям сокровенный смысл и зловредность басни, разъясняя, что, дескать, под свечей с мачту автор разумел высочайший манифест от 17 октября 1905 г., испуг правительства в обманные действия царя. Суд согласился с прокурором.

[21] О газете «Копейка», самой дешевой из существовавших газет, упоминаемой В. И. Лениным в известной статье «Итоги полугодовой работы», будет подробней сказано ниже.

[22] «Правда» от 12 июня 1912 г.

[23] «Путь «Правды», стр. 196.

[24] Там же, стр. 202 и сл.

[25] Валерьян Полянский (П. И. Лебедев), На литературном фронте. «Новая Москва» 1924. Стр. 33.

[26] Н. Н. Батурин, Сочинения.— Институт В. И. Ленина при ЦК ВКП(б). Госиздат. М.—Л., 1930. Статья «От «Звезды» к «Правде», стр. 466 и следующие.

[27] Там же, стр. 468.

[28] Н. Н. Батурин, цитированное сочинение, стр. 467.

[29] Сб. «Путь «Правды», стр. 20.

[30] Письмо от конца 1913 г. Сочинения В. И. Ленина, т. XVI, 2-е изд., стр. 227.

[31] Мих. Артамонов, Из прошлого, Журнал «Октябрь» 1927, № 7, стр. 152 и сл.

[32] А. А. Богданов не имел в те времена возможности выяснить причины этого обстоятельства, а между тем причины были, и вот их описание. Приводим справку из примечания 179, помещенного в т. XVI второго издания сочинений В. И. Ленина, стр. 749. Она объясняет суть дела. «На смену «Рабочей правде» с 14/1 августа стала выходить «Северная Правда»... Газета конфисковывалась уже не только за сообщения о рабочем движении, но и за беллетристические очерки («Бугровские дни» А. Богданова в № 1)».

[33] «Комбайн», журнал Российской ассоциации пролетарско-колхозных писателей, № 9—10, май 1932 г. Воспоминания Ив. Шувалова, Из эпохи «Звезды» и «Правды».

[34] «Самочерпка», изд. РИО ЦК бумажников, 1927. Стр. 19.

[35] Стихотворение «Шлем привет тебе, родная», «Путь «Правды», № 77 от 4 мая 1914 г.

[36] «За Правду» от 6 октября 1913 г.

[37] «За Правду» от 27 октября 1913 г.

[38] «Пролетарская Правда» от 21 декабря 1913 г.

[39] Сб. «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 годах».— Истпарт. Составили Л. Лежава и Г. Русаков. 3-е изд. Госиздат, 1925.

[40] Изд-во «Основа». Иваново-Вознесенск, 1925, стр. 213—217.

[41] Сб. «Путь «Правды», стр. 118.

[42] Газета «Русское Слово» от 9/22 апреля 1917 г., стр. 3.

[43] Сб. «Самочерпка», творчество бумажников. Изд. РИО ЦК бумажников. М., 1927. Стр. 23.— «Макар» — кличка И. В. Шувалова, организатора кружка поэтов-правдистов при красносельской фабрике.

[44] Надо сказать, что об А. Диком писали и В. Полянский (упом. работа, стр. 35). и В. Фриче (упом. работа, стр. 86), но видимо не знали об его сотрудничестве в Охранном отделении.

[45] Н. Н. Батурин, Упомянутый труд, стр. 468.

[46] «Красная летопись» 1924 г., № 1 (10), стр. 468.

[47] См. судебную хронику в «Правде» от 22 сентября 1912 г.

[48] И. В. Сталин, К десятилетию «Правды». Воспоминания. Глава: Организационное значение «Правды». (Сб. «Путь «Правды», стр. 20—22.)

[49] Тот же сборник, стр. 5.

[50] Газета «Правда» № 78 за 1912 г.

[51] Сочинения, т. XVI, 2-е изд., стр. 142.

[52] Там же, стр. 220.—Приводим любопытный документ из архива канцелярии Главного управления по делам печати (№ 202. ч. II), адресованный 10 марта 1913 г. директором Департамента полиции начальнику Управления графу С. С. Татищеву:

«В Департаменте полиции получен секретный документ, заключающий в себе денежный счет за январь месяц сего года по приходу и расходу издающейся в Петербурге легальным порядком газеты «Правда», органа большевиков Российской социал-демократической рабочей партии.

Из упомянутого отчета усматривается между прочим следующее: 1) постоянных подписчиков числится более 5 тысяч, 2) тираж газеты «Правда» в будние дни доходит до 31 тысячи, а в воскресные дни до 40 тысяч, 3) на текущем счету газеты «Правда» в Банке к 1-му января состояло 4 тысячи, а всего числится 7 тысяч рублей, 4) подписка за январь месяц дала свыше 3135 рублей и поступило пожертвований от разных лиц и учреждений 637 рублей.

Приведенный отчет, сообщаемый из Петербурга за границу в Центральный Комитет Российской социал-демократической рабочей партии, доказывает с очевидностью факт издания газеты «Правда» на средства названной партии, а также свидетельствует о значительном распространении означенной газеты, являющейся крайне вредным органом.

Об изложенном имею честь сообщить на распоряжение вашего сиятельства, покор-

нейше прося Вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности».

[53] Там же, стр. 46.

[54] Там же, стр. 54, 55.

[55] «Просвещение» — ежемесячный общественно-политический и литературный журнал большевиков. Выходил в Петербурге с 1911 по 1914 г.

[56] Сочинения, т. XVI, стр. 327.

[57] «Социал-Демократ» № 19—20 от 13/26 января 1911 г.

[58] Сб. «Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. 3-й, стр. 231.

[59] Сочинения, т. XVI, 2-е изд., стр. 88, статья «Последний клапан». Была помещена в «Невской Звезде» № 20 от 5/18 августа 1912 г. — Подпись: Р. С.

[60] Письмо В. И. Ленина к Н. Н. Накорякову от 18 мая 1914 г. — Ленинский сборник XIII, 1930, стр. 234.

[61] По конспиративным соображениям резолюции названы были февральскими: на самом деле совещание состоялось 28 декабря — 1 января (10—14 января).

[62] Сочинения В. И. Ленина, т. XVI, 2-е изд., стр. 227 и сл.

[63] Сб. «Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. 3-й, стр. 206.

[64] За указанными товарищами, особенно за т. Сталиным, охрана гонялась беспрестанно; ему приходилось быть очень настороже. В письме от заграничного ЦК (от 10 марта 1913 г.) в Петербург дается наказ беречь т. Сталина: «Ваську» (конспиративная кличка т. Сталина) надо очень беречь. Ясно, что он непрочен, болен чересчур»... (Сб. «Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. 3-й, стр. 219). Смысл письма ясен: «непрочен, болен чересчур» — значит: находится в постоянной и напряженной слежке у властей.

[65] Из воспоминаний М. Артамонова из сб. «Путь «Правды», стр. 111

[66] В. И. Ленин, Сочинения, т. XVI, 2-е изд., стр. 21.

[67] «Правда» от 31 мая 1912 г.

[68] «Путь «Правды» от 1 апреля 1914 г., № 51.

[69] «Правда» от 28 апреля 1912 г.

[70] «Правда» от 3 апреля 1913 г.

[71] «Правда» № 12/30 от 16 января 1914 г.

[72] Неизвестная статья В. Г. Белинского: «И. А. Крылов», напечатанная в «Печати и Революции» № 4 за 1923 г., стр. 18.

[73] В. И. Ленин, Сочинения, т. XVI, 2-е изд., стр. 73.

[74] Д. Бедный, «Вперед и выше!» ГИХЛ, 1931, стр. 24—25.

[75] Написано 11 января 1924 г.

[76] «Северная «Правда» № 31 за 1913 г.

[77] «Северная «Правда» № 9 за 1913 г.

[78] Из мемуаров «Старого Журналиста» мы узнаем, что «Современка» была гнездилищем меньшевиков: «Издавалось «Современное Слово» на средства «Речи»... На парадных обедах, часто устраиваемых редакцией «Речи», присутствовали (и тоже в сюртуках и в смокингах) сотрудники «Современки». И те же, приблизительно, произносились речи. Но сотрудники «Современки» все-таки были уверены, что они делают свое «социалистическое» дело. «Современное Слово» было признанным всеми петербургскими меньшевиками «органом меньшевиков». Постоянными сотрудниками «Современки» были П. Берлин, и Ст. Иванович... Меньшевистский дух в «Современке» главным образом должен был напускать Ст. Иванович, но каждый раз он сталкивался с более густым кадетским духом, который создавал назначенный туда кадетами редактор М. И. Ганфман, член ЦК кадетской партии... Вокруг «Современки» группировалась петербургская меньшевистская компания. Там бывали П. Юшкевич, Клейнборт, Б. Богданов, который после Февраля был членом Исполнительного Комитета и подавлял июльское восстание». («Старый Журналист», Литературный путь дореволюционного журналиста. 1930. ГИЗ. Из главы: «Помещение для прислуги», стр. 107 и сл.).

[79] «Газета-Копейка» — ежедневная буржуазная бульварная газетка. Издавалась М. Городецким в Петербурге в 1908—1918 гг.

[80] Очередное название «Правды» было «Путь «Правды».

[81] «Правда», №№ 78—81 за 1912 г.

[82] «Трудовая Правда», № 20 от 20 июня 1914 г.

[83] Л. Войтоловский, Летучие наброски, «Киевская Мысль», № 103 от 13 апреля 1913 г.

[84] П. Мирецкий, «Донская Жизнь», № 110 и 112 от 17 мая 1913 г.

[85] Георгий Зарницын. «Утро Юга», № 83 от 3 апреля 1913 г.

[86] Сб. «Путь «Правды», стр. 100.

[87] Сб. «Путь «Правды», стр. 110.

ОБЗОРЫ

СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА А. И. ГЕРЦЕНА

Литературное наследство Герцена носит своеобразный характер и очень нелегко поддается учету.

Своеобразно уже резкое разделение всего им написанного и напечатанного на две части: напечатанное в России до окончательного разрыва с ней, обагренное красными чернилами николаевской цензуры, и напечатанное за рубежом, без цензурных купюр.

Писатель русский, с огромной аудиторией в России, читавшийся там от студенческой мансарды до царского дворца, он по праву считал себя перед лицом демократического Запада представителем своих земляков, не мирившихся с режимом николаевщины, и нередко вынужден был печатать наиболее значительные свои вещи вне России. Не раз их первые издания выходили на иностранных языках. «Vom andern Ufer. Aus dem russischen Manuscript. Hamburg, 1850» — говорит титульный лист первого издания знаменитой книги, которая лишь через пять лет появилась в Лондоне по-русски под заглавием «С того берега». В 1854 г. в Jersey печатается «La Russie et le vieux monde. Lettres à W. Linton», и только через четыре года выходит в Лондоне русский перевод этой работы, озаглавленный «Старый мир и Россия. Письмо к В. Линтону, редактору «The English Republic».

Крупнейший представитель русской политической эмиграции, Герцен был связан с самыми разнообразными демократическими группировками Западной Европы, и имя его можно встретить на страницах ряда европейских органов. Он например дает деньги на издание газеты Прудона «La Voix du peuple», числится редактором ее иностранного отдела, печатается там. Ряд статей, вошедших потом в книгу «С того берега», он помещает в журнале Колачека «Немецкий ежемесячник политики, науки, искусства и жизни». Он участвует в немецком же «Kosmos» Эрнста Гауга и в итальянском «Pensiero ed Azione» Мадзини.

У такого несравненного мастера эпистолярной формы, как Герцен, более чем у кого-либо другого письма должны занять подобающее им место в собрании его художественной и публицистической прозы. Собрать письма Герцена — дело очень и очень нелегкое, так как его политические и литературные связи были огромны, переписка — грандиозна и корреспонденты разбросаны по всему свету. Учет этой части литературного наследия Герцена полностью далеко еще не закончен.

Боевая публицистика Герцена в «Колоколе» в значительной части анонимна, и часто очень трудно, а порой просто невозможно решить, что из этих безымянных злободневных откликов принадлежит Герцену целиком, на чем только видны следы его редакторского карандаша, что наконец представляет лишь невольную имитацию Огарева публицистической манеры своего друга.

Уже из этих беглых замечаний видна трудность самого собирания литературного наследства Герцена.

Огромная ценность этого наследия была ясна и его непосредственным современникам. Отсюда еще при жизни Герцена — и, разумеется, после 1855 г. — попытки издать в России отдельные сборники его произведений или даже собрание его сочинений.

О двух таких попытках стоит упомянуть, тем более, что об одной из них недавно напомнили вновь изданные материалы, а другая связана с интересными письмами Герцена, — правда, не только напечатанными, но даже воспроизведенными факсимиле еще в 1901 г., но помещенными в малораспространенном издании, а потому пропущенными даже М. К. Лемке в его капитальном 22-томном издании Герцена.

К ИСТОРИИ ИЗДАТЕЛЬСКИХ ПОПЫТОК Д. Я. КОЛБАСИНА И А. В. СКАЛОНА

Первая попытка связана с именем Д. Я. Колбасина, близко стоявшего к кружку сотрудников «Современника», особенно к Тургеневу. Через последнего Колбасин и обратился к Герцену по делу об издании его сочинений. 28 сентября 1856 г. Колбасин писал Тургеневу: «Не удивляйтесь странности мысли, которая мне пришла в голову и сильно меня занимает: если увидите Искандера, попросите его, чтобы он предоставил мне право издать все его сочинения, которые, я надеюсь, наша цензура в настоящее время позволит печатать, — разумеется при разных хлопотах с моей стороны, от которых я не отступлюсь, хотя бы дело дошло до высочайшего разрешения. Конечно за успех нельзя ручаться, но не должно отчаиваться и в совершенной неудаче... Во всяком случае, отчего не попробовать? а для устранения всяких недоразумений пусть он даст краткую записочку, что я, мол, автор того-то и того-то, предоставляю такому-то право издания моих сочинений на два или на три года, — как ему угодно, — на таких-то условиях, потому что я готов ему заплатить, или кому он прикажет, небольшую сумму. Записку такого рода пришлите ко мне, и тогда я приму свои меры...» 8 ноября 1856 г. Герцен писал Тургеневу о своем согласии и просил передать Колбасину, чтобы последний сам уладил отношения с полковником Н. Г. Писаревским, которому незадолго до этого Герцен полушутя предоставил право подобного же издания. Прислана была из Лондона и просимая Колбасиным бумажка. Несмотря на все легкомыслие Колбасина и радужные надежды, которыми обольщались иные русские литераторы в короткие промежутки сравнительных цензурных облегчений, Колбасин, говоря про «все сочинения Герцена», разумел конечно лишь напечатанное в России по 1856 г. Но и от этого пришлось отказаться. Тургенев 24 ноября — 6 декабря 1856 г. писал Герцену, что «славная была бы штука», еслиб позволили хотя один его роман («Кто виноват?»), а сам Колбасин, перепуганный цензурными невзгодами «Современника», заявлял 2 декабря, что относительно «издания Искандера нечего теперь и думать; будь это месяцами двумя раньше, можно бы было койчто сделать» [1].

Историю второй попытки рассказал на основании архивных данных М. К. Лемке [2], но ему, по случайности, остались неизвестными два письма Герцена, воспроизведенные факсимиле, по оригиналам из собрания А. И. Урусова в сборнике «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая». СПБ., 1901. Оба письма несомненно адресованы к Аркадию Владимировичу Скалону, харьковскому книгопродавцу. Он вступил с Герценом в переговоры об издании сборника его произведений вскоре после того, как при посредстве Огарева право на издание подобного сборника было предоставлено барону Врангелю и П. И. Бларамбергу. Надо полагать, что сами они этим правом не воспользовались, а передали его Е. А. Троян, которая в августе 1870 г. и издала, без имени Герцена, «Раздумье (разные вариации на старые темы)» [3]. Под таким же заглавием, с прибавлением слов: «Сборник статей *И.*», представил 11 июня 1869 г. в киевскую цензуру рукопись и Скалон. На соответствующий запрос он должен был назвать автора, и издание не было разрешено. Появление издания Троян, с которым вполне совпадала представленная Скалоном рукопись, устранило препятствия, но, по всей вероятности, он не осуществил своего права. В дополнение к комментариям М. К. Лемке и собранной им эпистолярии повторяем текст обоих писем, интересных для истории появления «Раздумья», для истории текста брошюры «La France ou l'Angleterre?» и особенно ценных по отзывам Герцена о некоторых его собственных произведениях.

Первое письмо, из Ниццы, датировано 13 апреля 1869 г.

Милостивый Государь.

Оба письма ваши — одно адресованное в Женеву, другое сюда, я получил. Предложение ваше мне очень лестно и я его тотчас принял бы, благодаря вас. Но вот какое обстоятельство — месяца полтора тому назад с подобным предложением обратились ко мне из Петербурга с прибавкой «Писем об изуч[ении] природы» и «О дилетантизме»[4] — я дал мое согласие — и ничего потом не слыхал. Постараюсь узнать — что вышло из этого — и если предложивший раздумал — я с величайшей охотой передам вам право издания. Я извещу вас об этом.

Ниццу я оставляю в первых числах мая (н. с.). Если вам что-нибудь придется сообщить — после 25 апреля н. с. — то прошу вас писать в Женеву Librairie George a Gen[ève], Corraterie.

Я полагаю, что есть разные статьи, писанные мною позже, которые подходят к новым условиям печати. Некоторые я мог бы указать.

Свидетельствуя вам, милостивый государь, искреннее почтение, остаюсь готовым к услугам вашим Ал. Герцен

13 апреля 1869. Nice (Alp[es] Mar[itimes]).

Второе письмо писано через месяц с небольшим из Aix-les-Bains.

Милостивый Государь
Аркадий Владимирович.

Письмо ваше (24 апреля) исправно дошло, несмотря на мои переезды. Я полагаю, что если к 1 июлю не будет сделано объявления от Петерб[ургских] издателей — то вы можете начать ваше издание. Они особенно хотели перепечатать «Письма об изуч[ении] природы» — может, вам лучше начать с повестей. Я даже советовал бы начать с моей очень незрелой статейки о «Гофмане», пом[ещенной] в «Телескопе», в самом послед[нем] нумере[5]. Она представит исторический курьез.

Что касается до статей, писанных впоследствии, я почти убежден, что с легкими выпусками — можно не читать «Прерванные рассказы» — т. е. «Долг прежде всего» — «Поврежденный» — «Мимоездом»[6] и сверх того ряд статей; «Альпийские виды[7] — «За стаканом грока»[8] и даже часть писем из Франции (первые были в «Совре[меннике]» 1848 г.)[9]. Другие брошюры, вами названные, вряд так ли удобны — разве одна «Франция или Англия?» — перевод, сделанный не мной, плох[10].

Самый затруднительный вопрос ваш — последний. На него я могу только отвечать—что у книгопродавца (Corraterie) Георга в Женеве вы можете справиться и кое-что найти.

Если вам нужно еще что узнать, милостивый государь, пишите на тот же адрес Георга — хотя меня в Женеве и не будет.

Насчет материальных условий, гонорара и пр. — полагаюсь вполне на вас и, благодаря за внимание к моим старым трудам, остаюсь готовый к услугам

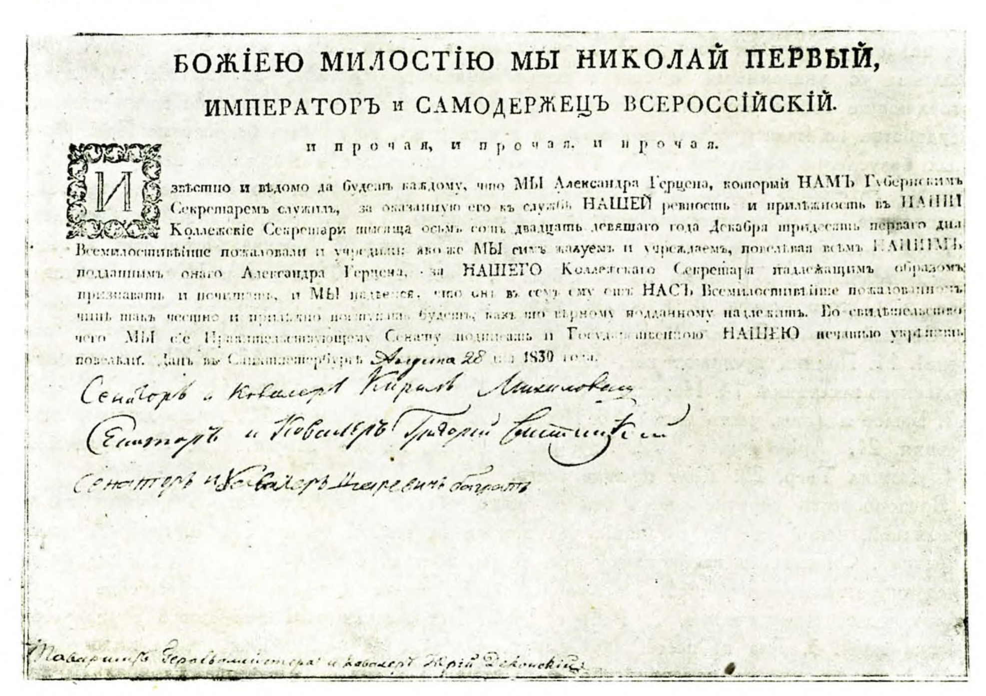
19 мая 1869. Aix-les-Bains (Savoie).

Ал. Герцен.

Внимательный читатель конечно обратит внимание на то, что любимый Герценом «Доктор Крупов» не назван им среди тех «Прерванных рассказов», которые «можно не читать», и исключение сделано только для него одного. Трудно сказать, какие «Письма из Франции и Италии», по мнению Герцена, тоже было «можно не читать». Во всяком случае едва ли это первые четыре, писавшиеся под постоянной угрозой николаевской цензуры и, как «Письма из Avenue Marigny», печатавшиеся в «Современнике» 1847 г.: Герцен просит Огарева напомнить Врангелю и Бларамбергу, «чтоб они никак не забыли «Писем из Avenue Marigny» (т. XXI, стр. 297). Что-то большее, чем «исторический» интерес к незрелой юношеской вещи, чувствуется в упоминании «статейки» о Гофмане. Так же насмешливо-любовно пишет о ней Герцен к Огареву: «Хорошо, если бы в сборнике не забыли «Гофмана» — первую статью, помещенную в «Телескопе» рядом с чаадаевской статьей. Это — статья детская, но забавна» (т. XXI, стр. 297).

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ГЕРЦЕНА ЗА ГРАНИЦЕЙ И В РОССИИ

Впервые не сборник отдельных произведений Герцена, а собрание его сочинений появилось в 1875—1879 гг. за границей. Это так называемое женевское или элпидинское (по имени издателя) издание. Оно было осуществлено трудами Н. А. Огаревой и Г. Н. Вырубова, близкого Герцену человека, которого он назначил своим душеприказчиком. Десять томов этого издания, весьма неполного (в нем например почти отсутствуют статьи Герцена из «Колокола», совершенно не даны письма), лишенного каких бы то ни было комментариев, очень небрежного внешне, не имеют никакого научного значения.



БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.
и прочая, и прочая, и прочая.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что МЫ Александра Герцена, который НАМЪ Губернскимъ Секретаремъ служилъ, за оказанную его въ службѣ НАШЕЙ ревность и прилѣжность въ НАШИ Коллежскіе Секретари тысяча осемь сотъ двадцать девятаго года Декабря тридесять перваго дня Всемилостивѣйше пожаловали и учредили; яко же МЫ симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ НАШИМЪ подданнымъ онаго Александра Герцена, за НАШЕГО Коллежскаго Секретаря надлежащимъ образомъ признавать и почитать; и МЫ надѣемся, что онъ въ семъ ему отъ НАСЪ Всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ такъ честно и прилѣжно поступать будетъ, какъ то вѣрному подданному надлежитъ. Во свидѣтельство чего МЫ сіе Правительствующему Сенату подписать и Государственною НАШЕЮ печатью укрѣпить повелѣли. Данъ въ Санктпетербургѣ Августа 28 дня 1830 года.

Сенаторъ и Кавалеръ Кириллъ [illegible]
Сенаторъ и Кавалеръ Григорій [illegible]
Сенаторъ и Кавалеръ [illegible]
Товарищъ Герольдмейстера и Кавалеръ [illegible]

ДИПЛОМ О ПОЖАЛОВАНИИ А. И. ГЕРЦЕНУ 28 АВГУСТА 1830 ГОДА ЧИНА «КОЛЛЕЖСКОГО СЕКРЕТАРЯ»
Центрархив СССР, Москва

Мысль об издании сочинений Герцена в России явилась в начале 90-х годов у А. А. Герцена, и известный издатель Л. Ф. Пантелеев в 1893 г. обратился в Главное управление по делам печати с соответствующим ходатайством, указав, что в основу задуманного им издания он намерен положить женевское издание. Прошению Пантелеева не было дано ходу, так как министр внутренних дел Дурново не счел возможным «по пустякам беспокоить государя», а без высочайшего разрешения, в силу указа 1871 г., нельзя было печатать в России сочинения эмигрантов [11].

С этой неудачной попыткой Пантелеева связан заслуживающий внимания колоритный эпизод из цензурной истории литературного наследства Герцена — доклад цензора Коссовича, составленный им по поручению Петербургского цензурного комитета для представления в Главное управление по делам печати [12].

Цензор начинает с общей характеристики Герцена и делает ее в развязных тонах бульварного фельетониста. Время, когда Герцен казался «грандиозным и обаятельным», давным-давно прошло, и, перечитывая его произведения теперь, «трудно удержаться от полупрезрительной, полуснисходительной улыбки». И это совершенно естественно, так как «главные мотивы, разрабатываемые Герценом с такою, до утомительности, тщательностью и подробностью, для современного читателя ведь все или решены, или сданы в архив». Сюда попал конечно и вопрос о «назревании нового чет-

вертого сословия — «рабочих». Тем не менее чтение Герцена весьма назидательно для русского среднего читателя. О Герцене сложились легенды, его считают «передовым, радикальным бойцом, отчасти анархистом». На самом же деле на страницах его произведений вырисовывается «образ слабого, одаренного притом безграничным самолюбием тунеядца». У Герцена есть несколько коньков — «крайне неприличного свойства. Императора Николая и все его царствование он не выносит, любит кстати и некстати посплетничать насчет так называемых дворцовых переворотов, поднимается иногда на котурны народного трибуна и, наконец, норовит зачастую хвастнуть умеренным атеизмом. Вообще же болтлив, болтлив без конца и часто поэтому повторяется». Эти «коньки» легко удалить.

Не делая по существу возражений к напечатанию сочинений Герцена, цензор делит их на четыре группы: во-первых, дозволяемые к печати безусловно; во-вторых, дозволяемые «с указанными в тексте исключениями»; в-третьих, возможные, но представляющие собою некоторые, хотя в словах и случаях и не особенно значительных, неудобства по политическим мотивам», и в-четвертых, неудобные безусловно. Пропускаемых безусловно оказалось всего 17 номеров, отнесенных в несколько неопределенную третью категорию — хоть и со снисходительными оговорками, но все же взятых под подозрение «по политическим мотивам» — оказалось 11 номеров, неудобных безусловно — 25 номеров. К последним цензор отнес: 1. Дневник. 2. Москва. Петербург. 3. Новгород Великий и Владимир на Клязьме. 4. Письма из Франции и Италии, вступление. 5. С того берега. 6. Русский народ и социализм. 7. Крещеная собственность. 8. Старый мир и Россия. 9. Вольное русское книгопечатание. 10. Юрьев день! Юрьев день! 11. Поляки прощают нас. 12. Вольная русская община. 13. XXIII годовщина польского восстания. 14. Народный сход. 15. Глава XXX. Не наши. 16. Глава XXXIX. 17. Былое и думы, часть пятая. 18. Русские тени. 19. Без связи. 20. Лишь люди и желчевики. 21. Aphorismata. 22. Еще раз Базаров, письмо второе. 23. За кулисами. 24. Даниил Тьер. 25. Долг прежде всего.

Вредоносность перечисленных вещей, надо полагать, представлялась цензору самоочевидной, ясной уже из заглавий, так как он не сопроводил их списка никакой мотивировкой. Он счел ее необходимой при вещах третьей категории, в которую включены следующие произведения: «1. Тюрьма и ссылка. Автор слишком подчеркивает свое quasi-политическое мученичество. 2. Роберт Оуэн. Встречается довольно много социалистических идей. 3. Два процесса, Not guilty. Оправдание английским судом подозреваемого в покушении на цареубийство. 4. Camicia rossa. Апофеоза Гарибальди народною толпою в Англии. 5. Император Александр I и В. Н. Каразин. Представление Каразина в роли маркиза Позы. 6. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Много сплетен о дворцовых переворотах. 7. Смерть Станислава Ворцеля. Мученики за Польшу. 8. В. И. Кельсиев. Деятельность его за границей. 9. М. Б. и польское дело. В сущности шутовское участие Бакунина в польском восстании. 10. Пароход Ward Jackson. То же. 11. Доктор, умирающий и мертвые. Описание последних минут якобинца».

Но и при такой «чистке» цензору казалось необходимым возможно сузить круг читателей Герцена. Сделать это, по его мнению, нетрудно, — стоит лишь не выпускать в продажу отдельных томов, назначить всему собранию высокую цену (не менее 10 рублей), совсем запретить все без исключения произведения Герцена для публичных библиотек и т. д.

Вслед за Л. Ф. Пантелеевым две таких же неудачных попытки издать сочинения Герцена в России сделал в 1894 и 1896 гг. Ф. Ф. Павленков, купивший у детей Герцена право собственности на его произведения. Через год после смерти Павленкова, в 1900 г., когда в связи с тридцатилетием со дня смерти Герцена интерес к нему очень повысился, душеприказчики покойного издателя возобновили свои попытки, и 21 января 1901 г. им удалось добиться разрешения на издание сочинений Герцена «под ответственностью Главного управления по делам печати за действительное исключение всех неподходящих мест». При составлении доклада[13], в результате которого было разрешено издание, была несомненно использована записка Коссовича: кое-где оба документа совпадают почти текстуально. Таково например указание доклада на

«местами резкое, критическое и насмешливое отношение к русскому правительству и в особенности к императору Николаю Павловичу» или предложение «печатать сочинения Герцена в общем сборнике, состоящем из нескольких томов, назначить этому сборнику солидную цену, не менее 10 р., не выпускать в продажу отдельных томов или статей... и не допускать сочинений Герцена в частные публичные библотеки и читальни».

В 1905 г. появилось семь томов павленковского издания. Утверждение М. К. Лемке, что по количеству сочинений оно «еще беднее женевского», сильно преувеличено, но от полноты, хотя бы приблизительной, оно конечно очень далеко, да и то, что дано, искалечено цензурой. Существенное отличие первого русского издания от заграничного — попытка дать в VI томе 48 статей из «Колокола» и переписка Герцена с его невестой Н. А. Захарьиной, занявшая весь седьмой том. Несмотря на значительную неполноту, исключительную скудость, а местами и фактическую недостоверность комментария, сопровождающего каждый том, — для своего времени павленковское издание явилось событием.

Разрешение, данное душеприказчикам Павленкова, носило индивидуальный характер: когда в 1904 г., во время начавшегося уже печатания павленковского издания, московский книгопродавец В. Д. Корчагин захотел получить такое же разрешение, ему пришлось выслушать быстрый отказ, мотивированный тем, что право издания Герцена в России предоставлено лишь наследникам Павленкова и притом на особых условиях.

Таким образом русскому читателю позволялось читать лишь изуродованного Герцена в павленковском издании.

7 августа 1907 г. члены семьи Герцена, задумавшие новое издание собрания его сочинений в России, пригласили для редакторской работы М. К. Лемке, который уже раньше начал огромный труд по изучению жизни и произведений Герцена. Судя по дате редакторского предисловия в I томе—11 июля 1915 г.,—не ранее этого срока можно было приступить к печатанию подготовленных томов. Но уже была война, строгость цензуры удвоилась; для получения разрешения на издание понадобилось совместное согласие Министерства внутренних дел и военной цензуры. Оно было получено, но с условием, чтобы новое издание представляло точную копию предшествовавшего.

Лемке отдавал себе отчет в цензурных условиях, под гнетом которых начиналась его работа. Он заявил в предисловии, что, не считая возможным делать «какие бы то ни было смягчения и перифразы..., выбрасывал все, могущее подать повод к какимлибо недоразумениям с цензурой; но конечно не счел также возможным оставить сделанные купюры без ясного на них указания, и потому все исключенные места заменены рядом черточек».

Издание М. К. Лемке начало выходить еще до революции. Тома I—VIII появились как «издание наследников автора» в 1915—1917 гг. Тома IX—XI изданы уже после революции под фирмой Литературно-издательского отдела Народного комиссариата по просвещению в 1919 г. Тома XII—XXII вышли под маркой Госиздата втечение 1919—1925 гг.

Литературно-издательский отдел Наркомпроса, выступивший как издатель Герцена с IX тома, повторял в 1919 г. и ранее вышедшие. В справедливом стремлении возможно скорее продвинуть в массы сочинения Герцена он сделал это по отношению к первым томам в спешном порядке: по старым матрицам, с «черточками». Начиная с VI тома, во втором наркомпросовском издании стали на особых страничках припечатываться исключения, сделанные до революции. Они делались на одной стороне страницы, чтобы их можно было вырезать и наклеить в соответствующих местах.

С ясными следами цензурных оспин, хотя и прекрасно подлеченных революцией, со швами заплат и вставок издание сочинений Герцена под редакцией М. К. Лемке принадлежит к числу чрезвычайных, исключительных явлений нашей послереволюционной культурной жизни.

Конечно, учитывая возможность упустить что-нибудь из опубликованных уже герценовских текстов, возможность новых находок герценовских автографов, особенно писем, было бы осторожнее не называть издание полным. И тем не менее по бо-

гатству данных текстов герценовской художественной, публицистической и научной прозы, по обилию рукописей и первопечатных изданий, которые привлечены для установления и объяснения дефинитивных текстов, по количеству писем Герцена, включенных в издание, труд М. К. Лемке прежде всего поражает своей замечательной полнотой. Его вторая особенность — богатство комментария, благодаря которому он превращается в энциклопедию по Герцену и его эпохе. Энциклопедия эта, занимающая около 800 печатных листов, потребовала от ее редактора долгих лет напряженного труда, ознакомления с огромной печатной литературой, обследования целого ряда архивов и доставила М. К. Лемке непререкаемое право на прочную, долгую, глубокую благодарность всех друзей русской литературы.

Отнюдь не претендуя дать хотя бы беглый обзор и сколько-нибудь полную мотивированную оценку такого грандиозного явления, как сочинения Герцена под редакцией Лемке, которые могут служить ни с чем несравнимым, неисчерпаемым материалом для большого, серьезного, научно обставленного семинария по вопросам редакционно-издательской техники, я смотрю на свои дальнейшие заметки о нем, как на случайные записи, сделанные на полях его во время чтения. Быть может они окажутся полезными для изучения Герцена.

АНОНИМНЫЕ ТЕКСТЫ ИЗ «КОЛОКОЛА» В ИЗДАНИИ М. К. ЛЕМКЕ

Не касаясь пока писем Герцена, а обращаясь только к остальным его текстам в издании Лемке, следует отметить, что количество их сильно выросло благодаря включению впервые юношеской драмы «Вильям Пен», вновь опубликованной автобиографической повести «Елена», нескольких глав из V части «Былого и дум» с рассказом о семейной драме Герцена, а главное благодаря тому, что издание М. К. Лемке впервые уделило надлежащее место статьям и заметкам Герцена из «Колокола».

С точки зрения их принадлежности Герцену эта часть текстов заслуживает особого внимания. Речь идет конечно не о крупных вещах, в большинстве скрепленных полной или сокращенной подписью Искандера, а если и напечатанных в «Колоколе» без подписи, то сразу позволяющих определить автора содержанием, тесной связью с фактическими указаниями переписки, других статей и т. д. Я разумею анонимные небольшие заметки, родившиеся в пылу политической борьбы.

Приписывая подобные опусы Герцену, редактор прежде всего опирался на авторитет Л. А. Тихомирова, выпустившего в 1887 г. в Женеве книгу «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена (1857—1867)». Тихомиров же основывался на двух важных документальных пособиях: на экземпляре «Колокола», принадлежавшем Жуковскому, который своевременно, по мере выхода в свет, отмечал статьи Герцена, а во-вторых, на подобных же пометках в экземпляре, принадлежавшем Герцену-сыну. Несомненно помогал Тихомирову своими указаниями и Г. Н. Вырубов. Как заметил и Лемке, все это не избавило книгу Тихомирова от ряда случайных ошибок. Ниже придется указать еще на одну такую ошибку, но сказать, что все они обнаружены,—было бы слишком смело.

Другой ряд анонимных заметок и статей Лемке приписывает Герцену, основываясь «на самом тексте, некоторые замечания и выражения в котором могли быть сделаны только Герценом».

Наконец довольно много номеров Лемке счел принадлежащими Герцену только потому, что, по его личному мнению, «стиль и тон» делают такую принадлежность несомненной. Лемке выделил такие вещи более мелким шрифтом.

Если вместе с Лемке решить утвердительно спорный принципиальный вопрос о возможности, хотя бы и с некоторыми оговорками, включить в собрание сочинений Герцена вещи, приписываемые ему на основании таких признаков, как «стиль и тон», при чем эти последние определяются не какими-либо объективными данными, а лишь одним субъективным «моим мнением», — если встать на этот путь, то количество подобных вещей можно было бы значительно увеличить.

Так например, мне представляется герценовской «по стилю и тону» (особенно в заглавии) отсутствующая в издании Лемке анонимная заметка «Regatta перед окнами

А. И. ГЕРЦЕН В ССЫЛКЕ
Рисунок 1838 г., Владимир
Рисунок был выставлен в 1898 г. на выставке в память В. Г. Белинского

Зимнего дворца» («Колокол», 6, 1 декабря 1857 г.) [14], где рассказывается о деле учителя Московского кадетского корпуса Басистова, уволенного от службы «Иаковом-энтузиастом» (Я. И. Ростовцевым) за то, что он печатно похвалил распоряжение Александра II, запретившего назначать военных воспитателей «в гражданские учебные места».

В л. 10 «Колокола» (1 февраля 1858 г.) помещена анонимная статейка «Ложный донос на нас и безграмотный циркуляр о наших книгах». По поводу официального документа, в ней приведенного, идет такая заметка: «Приславший его [циркуляр] нам говорит, что его сочинил А. И. Левшин; мы не думам, — его сочинил кто-нибудь из сторожей министерства и то в понедельник утром». По-герценовски или нет звучит «стиль и тон» этой заметки? Мне кажется, что, набранная более мелким шрифтом, она имеет право на свое место в собрании сочинений Герцена. Лемке решил иначе.

То же самое я сказал бы о «Предложении профессорам Харьковского университета» (л. 13, 15 апреля 1858 г.), где рассказывается о профессоре Г. С. Рындовском, который как старшина дворянского клуба разогнал служителей, собравшихся мирно отпраздновать начало «освобождения» крестьян. «Жаль, — прибавляет заметка, — что служители дворянского собрания не знали о том, как Базилевского секли дворовые его люди, — это леченье можно было бы с успехом приложить к профессору терапии». И этой заметки нет в издании Лемке.

Лемке не так уверенно, мелким шрифтом, перепечатывает из л. 28 (15 ноября 1858 г.) анонимную статью о епископе Семашко. Она начинается словами: «Мы получили на-днях некоторые подробности о деле православного разбоя в Гродненской губернии, о котором мы писали в прошлом листе». Эта несомненная ссылка на статью «Секущее православие» (л. 27, 1 ноября) [15], подписанную *И-р*, т. е. Искандер-Герцен, дает нам право и заметку в л. 28 считать герценовской, более решительно видеть в начинающем ее «мы» не редакторский коллектив в целом, а одного Герцена.

По связи со всем, что писалось о Модесте Корфе в «Колоколе» ранее, несомненно Герцену принадлежит заметка в л. 14 от 1 мая 1858 г.: «Правда ли, что Модест Корф хочет отвечать на нашу книгу о «14 декабря 1825 г.»? Просим и желаем» [16]. У Лемке ее нет. Правда, ее нет и у Тихомирова, но еще Лемке видел примеры его ошибок.

Возможны разумеется ошибки в другую сторону, т. е. приписывание Герцену вещей, ему не принадлежащих. Такова несомненно статья «Правила для студентов Московского университета» (59 л., 15 декабря 1859 г.) [17]. Лемке доверился книге Тихомирова, где эта статья имеется, и сделал ошибку. Текст заключительной части статьи, то, что идет после самих правил, находится среди черновых бумаг Огарева в Ленинской библиотеке. Это автограф Огарева, черновик с поправками и отменами против окончательной редакции [18].

Случай с огаревской статьей, приписанной Герцену, вплотную подводит нас к двум вопросам — о формах сотрудничества Герцена и Огарева и о Герцене-редакторе.

Лемке указал интересный пример совместной работы друзей над одной и той же статьей: Огарев написал ее основную, главную, часть, а Герцен в записной книжке своего друга прибавил к написанному заключение [19]. Эта заметка осталась ненапечатанной в «Колоколе», но не исключена возможность нахождения на его страницах других заметок такого же происхождения, в которых еще не определена герценовская доля. Насколько разрешим вопрос о такого рода «совместных» опусах, можно будет сказать лишь после тщательного обследования рукописей Огарева, особенно прозы, которой до сих пор уделялось мало внимания.

Еще сложнее вопрос об определении вклада Герцена-редактора в таких статьях, где ему не принадлежит целиком определенная часть, а где его редакторский карандаш прошелся по всему анонимно напечатанному тексту. Это относится конечно не только к огаревским вещам.

До нас не дошли ни рукописи подобных заметок, ни корректуры их; объективные данные для определения редакторской доли Герцена следовательно отсутствуют. Говоря субъективно, некоторые заметки провоцируют на признание в них следов редакторской воли Герцена. Такой например представляется мне заметка в л. 72 (1 мая 1860 г.) — «Souvenirs modestes. О мертворожденной цензуре Корфа». Заметка написана несомненно кем-то близким ко двору, к государственному совету, но она местами так остроумна, по ней рассыпаны такие блестки юмора, что невольно является вопрос: не выправил ли Герцен в значительной мере присланное, не сделал ли вставок? Не принадлежит ли ему заглавие? Он ведь любил и умел при помощи заглавия, сплошь и рядом французского, «заострить», «оперить» полемический выпад. Таким между прочим представляется мне заглавие статьи в л. 98—99 — «L'homme aux camélias et l'homme au gibet» (15 мая 1861 г.).

Вообще пересмотр всего анонимного материала, взятого М. К. Лемке из «Колокола», необходим и должен быть произведен параллельно с обзором рукописей как Герцена, так и Огарева. Он несомненно вызовет редакционные поправки в текстах Герцена, данных Лемке: при исключительных размерах сделанной им работы редакционные недосмотры в ней были неизбежны.

Так например, придется устранить произвольную замену заглавия, имевшегося в «Колоколе». Вместо «Усердный раб Бутенев и великий визирь» (л. 29, 1 декабря 1858 г.) у Лемке, сверявшего текст с недоступной нам рукописью из архива семьи Герцена, стоит заключенное в прямые скобки — «Колокол» в Турции» (т. IX, стр. 425).

Более чем вероятно, что заглавия нет в рукописи, но для неперепечатывавшихся статей такого подлинно бесцензурного органа, как «Колокол», печатный, а не рукописный текст является дефинитивным. Пример другого рода редакторского недосмотра дает статья «Поправки, возражения, оправдания (Катакази, Местмахер, Казакевич, Машевский, Старицкий и пр.)». После фразы: «Вот содержание некоторых писем и отрывки их других» Лемке делает подстрочное примечание: «Следует первое письмо о Катакази». Примечание это грешит значительной неточностью. Лемке выпустил вводные и заключительные строки Герцена к заметке о Катакази, да и самое письмо о Катакази, в начальной его части, «Колокол» дает не в подлиннике, а в изложении Герцена, и, опуская это начало, Лемке опускает текст Герцена. Необходимо будет

выяснить какое-то редакторское недоразумение с письмом Герцена от 23 апреля 1867 г., впервые напечатанным Лемке с черновика под заглавием «Письмо к В.» [20] Рукопись, хранящаяся в Ленинской библиотеке, не дает ни малейшего указания на адресата. Одно из примечаний Лемке указывает, что этим последним является автор ряда статей под заглавием «Белый террор», напечатанных в «Колоколе». Обращение к этим статьям [21] делу не помогает: они подписаны: «Один из сосланных под надзор полиции»,—и кто этот В., к которому Лемке считает адресованным письмо Герцена, остается неизвестным.

О ПЕРЕПИСКЕ ГЕРЦЕНА В ИЗДАНИИ М. К. ЛЕМКЕ

Письма Герцена, собранные М. К. Лемке, составляют ценнейшую и самую внушительную по количеству номеров часть его издания: оно заключает 2082 письма Герцена, при чем большинство из них дано по автографам и свыше 450 напечатано впервые.

В расположении материала, в том числе и писем, Лемке следовал — или старался следовать — строго хронологическому принципу. Поэтому письма не выделены в отдельные томы, а распылены по всему изданию, при чем маленькие записочки в две-три строки иногда совсем затерялись среди больших статей.

В то же время это не *переписка* Герцена: как правило, даются только письма Герцена. Больше того: если строки Герцена служат припиской к чужому письму, это последнее не воспроизводится, как не перепечатываются и чужие приписки к герценовским письмам.

Об этом нельзя не пожалеть.

Если при печатании сочинений писателя не может быть колебаний в строгом применении правила—давать только то, что принадлежит его перу, то при опубликовании переписки весьма желательно включение писем корреспондентов и обязательно, по моему мнению, воспроизведение приписок. В огромном большинстве случаев, почти всегда, особенно писанные людьми близкими, они органически срастаются с основными письмами и, будучи оторваны от них, обедняют их фактически и эмоционально.

Нельзя не пожалеть также и о том, что в тех случаях, где Лемке дает выдержки из писем к Герцену, он сплошь и рядом делает это по напечатанным текстам, не обращаясь к подлинникам. По отношению к Герцену проверка по подлинникам адресованных к нему и уже опубликованных русских писем должна быть обязательной. Во-первых, лица, писавшие Герцену, были не меньше его самого подозрительны в глазах старой цензуры, и уже это одно сказывалось на тексте напечатанных их писем. А во-вторых, очень много писем корреспондентов Герцена печатала Е. С. Некрасова.

Насколько глубокого уважения и признательности заслуживают ее труды в деле собирания литературного наследства Герцена, Огарева и их плеяды, устройства «комнаты людей 40-х годов» в Румянцевском музее, ныне в рукописной своей части влившейся в подотдел новых рукописей рукописного отделения Всесоюзной публичной библиотеки им. В. И. Ленина, настолько всяческого осуждения заслуживают редакторские приемы Некрасовой при издании писем Герцена и к Герцену. Намеренные и ненамеренные пропуски, искажения, вычеркивания (иногда даже в самом оригинале!) — на каждом шагу.

Эти замечания в полной мере применимы к тем публикациям, о которых сейчас же вспоминают, раз речь заходит о переписке Герцена. Говорю о длинной серии материалов, опубликованных в «Русской Мысли» под заглавием «Из переписки недавних деятелей» [22] и широко использованных Лемке на страницах его издания. Вступительная заметка к этой серии подписана буквами А. Г., но ряд документов, хранящихся в Ленинской библиотеке, позволяет утверждать, что главную ответственность за публикации должна нести Е. С. Некрасова.

Пишущий эти строки, работая над текстом писем Н. П. Огарева, имел возможность сверить с подлинниками все материалы, опубликованные под цитированным выше заглавием, и свидетельствует, что редкую строку можно взять на веру, по печатному тексту, без риска впасть в ошибку, порой очень грубую.

Первое, что останавливает внимание, — произвольное разделение на ряд отдельных номеров больших писем, писавшихся несколько дней, в несколько присестов, отмеченных каждый раз новой датировкой. Так на ряд писем разбито огромное письмо, писавшееся 24, 25, 26, 27 октября, 7 ноября 1837 г. и 7 и 8 января 1839 г.[23] На два письма разбито одно, писавшееся 15, 16 февраля 1840 г.[24] Письмо от 20 февраля — 1 марта 1840 г. тоже разбито на два самостоятельных опуса[25]. Помеченная 31 декабря (1844) часть письма, напечатанная в кн. VII «Русской Мысли» 1892 г., стр. 19—21, может быть принята за самостоятельный опус, тогда как она — продолжение письма, начатого 17—29 декабря (1844) и напечатанного в предыдущей книге журнала, стр. 14—22.

Текст дан до последней степени небрежно. Прежде всего в нем много пропусков. Иногда они сделаны явно намеренно. Сюда относятся лакуны на тех страницах, где Огарев излагает свою мистическую религиозно-философскую систему, — в письмах от 18, 29 августа 1836 г., в письмах 1837, 1838 гг., в том письме 1838 г., которое Огарев не думал посылать по почте, так как рассчитывал скоро увидеться с Герценом, а писал, повинуясь неодолимой потребности беседы с другом[26], и в письме от 6 марта 1840 г.[27] «Я люблю философию», — читаем в напечатанном Некрасовой тексте[28]. В подлиннике значится: «Я люблю христианство, но смотрю на него с исторической точки зрения, но люблю и философию». В письме 1838 г. после слов: «Религия живет в храме; ее поэзия в толпе. Философия живет в уединении; ее поэзия — тишина ночи и томный блеск лампады. Но все же поэзия высокая, светлая», — после этих слов выпущено: «Апостолы учат на площади, Спиноза проводит бессонные ночи с пером в руке; апостолы и Спиноза равно поэты»[29].

К числу намеренных пропусков относятся те, где речь идет об отношениях Огарева к Бакунину. «Что за продолжение боя у Катк[ова] с Бакун[иным] и почему окончание дурно? Объясни. Я уж придумал: вероятно, один другого ударил в рожу, а тот обтерся». После этих слов в майском письме 1840 г.[30] печатный текст опустил: «Впрочем, несмотря на мою размолвку с Катк[овым], я должен ему отдать справедливость, он относится к Бакун[ину], как благородство к подлости». В письме 1840 г., после посвященных Бакунину слов: «Мне жаль, что этот человек умен и что совестно наплевать на его голову так, как плюешь на его сердце»[31], пропущено: «Ты не веришь — слушай. — 1-е. Свидетельство Бо[ткина]: он ладил и разлаживал его отношения к своей сестре, чтоб иметь случай разъезжать и жить круглый год на счет Ботк[ина]; 2) Свидет[ельство] Станкев[ича]. Когда Стан[кевич], чувствуя, что он не любит сестеру Бак[унина], отказался от супружества [одно слово неразобр.]—Бак[унин] потребовал от него 3 000 р., а потом 15 тыс. руб.; 3) Лицемерство относительно нас, чтоб не потерять деньги, и относительно Катк[ова], чтоб не потерять Ботк[ина]. 3 [т а к!]. От борьбы с Катковым отказался до Берлина, а из Берлина написал, что не может, потому что единственный охранитель своей сестры, приехавшей в Берлин; 4) Распечатал письмо Грановск[ого] к Ефремову и принял его на свой счет и благодарил, что Гранов[ский] его вспомнил (это даже глупо); 5) Шесть лет, не получая денег из дому и не вырабатывая, жил в Москве на чужой счет. — Воля твоя, все это обозначает величайшего мерзавца, которому я решительно готов отказаться протягивать руку».

Огромное число пропусков не может быть объяснено заранее обдуманным намерением, а явилось просто в результате редакторской неряшливости. Вот наудачу несколько примеров, где набранное разрядкой означает произвольные пропуска, иногда очень заметно искажающие подлинный текст. В письме от 21 июля 1843 г. читаем: «Кто из вас будет симпатизировать со мной в стремлении домой из сих прекрасных стран, в которых я нисколько не оживаю духом, а е с л и о ж и в а ю, т о в о в с е н е з а в и с и м о о т н и х?»[32] В письме от 28 октября 1844 г. тоже пропуск: «ужаснулся сам всех неистовых бредней, написанных ввечеру, и изорвал их. Э т о в н о в ь д о к а з ы в а е т, ч т о у т р о в е ч е р а м у д р е н е е. П о с л е з а в т р а я е д у. О п я т ь х о ч у б р о д и т ь, с м о т р е т ь и б е с и т ь с я»[33]. В письме от 13— 25 сентября 1844 г. — ряд выпусков: «но сколько я в этом случае победил свою натуру — не знаю, кажется, ч т о я о к р е п, н о б о ю с ь х в а с т а т ь с я. Ч т о

ПИСЬМА

ОБЪ

ИЗУЧЕНІИ ПРИРОДЫ.

Искандера.

(Изъ «Отечественныхъ Записокъ» 1845—1846 года.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи И. Глазунова и Комп.

—

1845 — 1846.

ОТТИСК «ПИСЕМ ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРИРОДЫ» А. И. ГЕРЦЕНА ИЗ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» 1845—1846 гг. С АВТОРСКОЙ НАДПИСЬЮ

Публичная Библиотека им. Ленина, Москва

касается до тупости безрасчетной головы — с сожалением должен сознаться в этом непреодолимом пороке, в какой-то лени рассчитывать, которая меня самого бесит. Основа этого — необыкновенное легкомыслие, которое подчас может заставить меня в минуту забыть самое тяжелое прискорбие и переброситься в детскость, веселость, молодечество и т. п.» [34]

Нечего и говорить о более мелких отклонениях от подлинников, иногда способных подать повод к большим недоразумениям. Мы читаем: «тревожное дело» — надо: «преважное дело». «У нас бывает Бетина, даже одна из ее дочерей — невеста Сатина. Вон оно куда пошло!» читаем мы в печатном тексте. Обращаемся к подлиннику, и оказывается, что дочь Бетины «навестила Сатина». Вместо «дом Матвеева» надо читать «дом Мятелева». Вместо «с удовольствием вижу» должно быть с «удивлением вижу» и т. д. и т. п.

И таким недоброкачественным текстом герценовских корреспондентов Лемке спокойно пользовался рядом с тщательно выверенным текстом писем самого Герцена! Примеры на каждом шагу, особенно в цитатах из огаревских писем. Напечатано: «сомнение в самом себе и новой вере». Надо: «и в истине новой веры». Напечатано: «душа подавлена». Надо: «Душа недовольна». Напечатано: «активной». Надо: «акцептивной». Напечатано: «страшных слов». Надо: «страшных снов». Напечатано: «покажется милостью». Надо: «покажется малостью». Напечатано: «Ты лучше можешь чувствовать, чем они понимать». Надо: «... чувствовать истину, чем они понимать ее». После: «я недовольна собою» пропущено: «Herr meines Lebens!»[35] За крайне редкими исключениями — ни одной вполне соответствующей подлиннику цитаты из огаревского письма.

Некоторые ценнейшие письма к Герцену исчезли со страниц издания Лемке вопреки воле Герцена, благодаря доведенному до последней крайности стремлению редактора дать какой-то исключительно герценовский текст. Поразительный пример этому представляет публикация «Старых писем» (дополнение к «Былому и думам») [36]. Заметка кончается словами: «Теперь, на первый случай, поделюсь десятком писем от лиц, большей частью известных и любимых у нас или уважаемых». В «Библиографическом комментарии» читаем: «Напечатано в V кн. «Полярной Звезды» на 1859 г., подлинник не найден. Приведены письма Н. А. Полевого, В. Г. Белинского, Т. Н. Грановского, П. Я. Чаадаева, Прудона и Т. Карлейля». Вот эти-то письма и выкинул Лемке. Но ведь Герцен их выбрал, перевел некоторые из них, напечатал в своей заметке, они — ее органическая часть, и удалять их — резать по живому мясу...

Нельзя не пожалеть, что М. К. Лемке не дал алфавитного указателя писем к Герцену, и не заявить со всей решительностью, что вопрос о собирании и издании писем к Герцену должен быть поставлен на ближайшую очередь.

Здесь должны найтись вещи, не уступающие по интересу и значению письмам самого Герцена. Сколько-нибудь приблизиться к удовлетворительному разрешению этой задачи можно будет только тогда, когда станет доступен для изучения архив А. И. Герцена, хранящийся ныне в Женеве у благополучно здравствующей дочери покойного писателя Наталии Александровны Герцен. В день пятидесятилетия со дня смерти Герцена, 21 января 1920 г., в печати сообщалось, что «архив семьи Герцена при первой возможности будет подготовлен Наталией Александровой Герцен при содействии М. К. Лемке к перевезению в Россию [37]. С тех пор об этом исключительной важности деле нам не попадалось ни слова...

А между тем, не говоря уже о письмах едва ли не всех выдающихся политических и литературных деятелей Запада, там могут найтись исключительной важности письма от русских деятелей. «С Толстым мы в сильной переписке и портретами обослались», пишет Герцен [38]. До сих пор в печати не появилось никаких следов этой «сильной переписки». Ничего не было опубликовано и из переписки Достоевского с Герценом, а она несомненно была, судя по некоторым указаниям Достоевского в письмах к А. П. Сусловой [39]. На ряд неопубликованных писем Бакунина, хранящихся в архиве семьи Герцена, указывает Ю. М. Стеклов [40]. Архив быть может окажется полезным для выяснения судьбы и некоторых до сих пор неизвестных писем самого Герцена.

Таковы например два его письма к Некрасову, о которых последний упоминает в письмах к А. В. Никитенко Таково неизвестное письмо к М. С. Щепкину от 1847 г.[42] В печати известны лишь незначительные отрывки из переписки Герцена с В. П. Боткиным, а она была очень оживленной, по крайней мере в 40-х годах. Быть может и ее обнаружит или поможет обнаружить архив Герцена.

В заключение этой главы позволю себе дополнить помещенные у М. К. Лемке письма Герцена четырьмя до сих пор ненапечатанными новинками. Первая — черновик записки Герцена к С. А. Левицкому.

28 Elmfield House, Teddington S. W. [1863]

Бекли — историк и философ, никогда не участвовавший ни в чем польском — (кроме в танце Polka да и то ненаверно)—которого история цивилизации принята с восторгом в России и пр., имел [неразобр.] издателя хотеть репродукции и просит рекомендовать твоему ходатайству перед Голицыным.

Адресат определяется по карандашной полустертой надписи на обороте, сделанной женским почерком: «Lettre de Hertzen à Lewitsky qui etait mon frère» (письмо Герцена к Левицкому, моему брату). Речь идет о двоюродном брате Герцена, Сергее Львовиче Левицком, ранее носившем фамилию Львова-Левицкого. Надпись сделана по всей вероятности его сестрой Софьей Львовной, по мужу Поленовой. Приблизительная дата определяется тем, что адрес, выставленный в заголовке, носят все письма Герцена с 1 июля по 1 сентября 1863 г.

Герцен видимо хлопочет облегчить появление второго русского издания знаменитой книги. Н. Т. Buckle — History of Civilisation in England (Бокль. История цивилизации в Англии). Первый первод, изданный Н. М. Щепкиным в 1860 г., подвергся преследованиям. Второй (и лучший) перевод, сделанный Буйницким и Ненарокомовым в 1863 г., избежал цензурных неприятностей. Герцен был большим поклонником книги Бокля. Последняя фамилия, заканчивающая записку, написана очень неразборчиво: записка (она хранится в Центрархиве СССР) носит характер чернового наброска.

Три следующих новинки — записки Герцена к К. С. Аксакову.

I

Предполагая сегодня провести вечер у Вас, почтеннейший Константин Сергеевич, я не знал, что нынче же дают «Жидовку», оперу, в которой я люблю libretto больше музыки, жена не видала ее — а потому я решился отказать себе в удовольствии видеть Вас вечером; надеюсь, что Вы вознаградите меня.

Завтра я тоже в хлопотах, остальные дни совершенно свободен и твердо надеюсь послушать обещанное чтение.

Четверг 11 февраля.

Душевно преданный Вам
А. Герцен.

II

До 11 часов, любезнейший Константин Сергеевич, я дома и буду душевно рад Вас видеть. Я собирался итти к Вам, но Кетчер задержал. — Я, конечно, $^{10}/_{11}$ (так!) суток провожу дома; что за враждебный дух шутит так зло надо мной, что всякой раз, как Вы хотите подарить мне часок — меня нет дома. Вчера только что вышел на полчаса погулять, узнал с истинной досадой, что Вы были.

Весь Ваш
А. Герцен.

13(?) февраля.

III

Константин Сергеевич наверно не откажется отобедать у меня в четверг в пятом часу — все это в силу проводов шекспирующего Кетчера. — Просим и ждем.

При сем Ваш «Москвитянин».

Дружески преданный
А. Герцен.

Все три записки печатаются с автографов, хранящихся в подотделе новых рукописей Ленинской библиотеки.

На первой записке неизвестной рукой помета, сделанная синим карандашом: «1845 г.» Помета совершенно не верна.

В январе 1845 г. Герцен записал в дневник: «...личное отдаление сделалось необходимым. Аксаков торжественно расстался с Грановским и мною». 26 января того же года он писал Кетчеру: Аксаков «объяснялся со мною и с тех пор не бывает». 17 февраля того же года он еще решительнее сообщал Кетчеру: «Аксаков порвал все сношения»[43]. Записка Герцена к Аксакову относится к 1843 г. В этот год 11 февраля приходилось на четверг. В этом же году в дневнике две чрезвычайно сочувственных записи о либретто «Жидовки», оперы Галеви: 31 января и 29 октября.

Определить год второй записки затрудняюсь. Во всяком случае она писана не позднее конца мая 1844 г.: Кетчер еще в Москве. Кетчер, Николай Христофорович — врач и переводчик: в годы русской жизни Герцена и первое время эмиграции был большим его другом, а впоследствии — ярым противником «Колокола» и политической деятельности Герцена-эмигранта.

Вероятная дата третьей записки — 29 мая (или немного ранее) 1844 г. Под 30 мая этого года в дневнике записано: «Вчера проводили Кетчера». «Шекспирующим» Кетчер назван потому, что переводил почти исключительно Шекспира. «Москвитянин» — журнал, издававшийся Погодиным в 1841—1856 гг.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕДАКТОРСКИХ ПРИЕМОВ М. К. ЛЕМКЕ

В расположении материала Лемке держался, говоря его собственными словами, «общей строго хронологической последовательности». На равных правах идут друг за другом вещи совершенно разного порядка — надписи на книгах, крупные автобиографические произведения, маленькие записочки, большие публицистические статьи, письма, злободневные политические отклики из «Колокола», приписки в два слова к письму жены, большие повести и т. д. В итоге мелочи сплошь и рядом теряются между крупными вещами, а последние тонут среди массы мелочей.

Каким же хронологическим признаком руководился Лемке при распределении произведений? Датой написания или датой напечатания? И если датой напечатания, то какой именно: первоначальной или последней прижизненной?

Из не очень ясной в методологическом отношении главы предисловия «Определение дат» явствует предпочтение, в огромном большинстве случаев отдаваемое редактором дате напечатания перед датой написания. «Последняя не всегда указывает место сочинения в «собрании», если сочинение напечатано было автором позже, что почти всегда и случалось», говорит Лемке. «Герцен, читая корректуру подобных сочинений, не изменял раз поставленную под ними дату написания, но я,— заявляет Лемке,— считал более важной дату н а п е ч а т а н и я, потому что в таких случаях есть вероятность предполагать внесение каких-либо поправок, дополнений и пр. при чтении корректуры или путем письменных сношений с издателем книги. При этом важно лишь установить, были ли эти поправки и дополнения сделаны с сознательным привнесением в более раннее произведение элементов эволюционирововшего миросозерцания и позднейшей психологии, или без такого привнесения». В первом случае место произведения определится датой такого «сознательного привнесения», во втором — «произведение можно считать почти соответствующим своей первоначальной редакции и без методологической ошибки дать ему место по дате первоначального написания».

Всегда ли следует Лемке этой принципиальной установке?

Вот в V томе, под 1848 годом, напечатана «Сорока-воровка». Под ней дата: 26 января 1846 г. В ряд произведений 1848 г. «Сорока-воровка» попала очевидно потому, что впервые она была напечатана в февральской книжке «Современника» за этот год. Но ни о каких изменениях, внесенных Герценом в корректуру этой вещи, отделенную двумя годами от первоначально датированного оформления рукописи, Лемке не говорит. Очевидно их не было, — следовательно нет основания для помещения «Сорокиворовки» по дате первоначального напечатания.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА К СТАНИСЛАВУ ТХОРЖЕВСКОМУ ОТ 25 ОКТЯБРЯ 1867 г.
Публичная Библиотека им. Ленина, Москва

В 1862 г., в Лондоне, Герцен выпускает III том «Былого и дум». Том начинается предисловием «Между четвертой и пятой частью», которое характеризует его содержание как «небольшую кладовую для старого добра, с которым по ту сторону берега делать нечего», оправдывая таким образом помещение здесь двенадцати вещей, первоначально напечатанных Герценом в России между 1838 и 1848 гг., имеющих отношение к «Былому и думам». Взглянем на три из них с точки зрения их размещения в собрании, редактированном Лемке. Я разумею «По поводу одной драмы» (первоначально в «Отечественных Записках» 1843 г., кн. VIII), «По разным поводам» (впервые в «Петербургском сборнике» 1846 г.) и «Новые вариации на старые темы» (первоначально в «Современнике» 1847 г., кн. III).

В первой статье среди подстрочных примечаний, исправляющих цензурные увечья, поскольку Герцен сохранил их в памяти, есть одно, где он раскрывает, против кого направлено данное место, и от К. С. Аксакова, увлеченного еще гегелевым формализмом и исповедующего доктринерский взгляд на брак, переносит читателя на 15 лет вперед, к Прудону с его «De la Justice». В подстрочных примечаниях к третьей статье Герцен восстанавливает и исправляет все вычеркнутое и изувеченное цензурой по случайно сохранившейся у него рукописи, а последнюю, четвертую, главку, в свое время уничтоженную целиком, припечатывает в конце, повторяя за ней дату, завершающую третью главу. Герцен намеренно прибегает к такому приему, а не просто восстанавливает текст статьи в первоначальном виде. Статья важна для него не только по своей теме, но и как этюд о русской цензуре «либеральной эпохи николаевского царствования». Наконец все три статьи Герцен соединил в одну серию под общим заглавием «Капризы и раздумье», которое дает им новую эмоциональную окраску.

Все это говорит о наличии серьезных изменений в первоначальном тексте, изменений не внешне текстологических, а обусловленных «сознательным привнесением... элементов... позднейшей психологии».

То же самое надо сказать о статейке «Станция Едрово», впервые напечатанной в №№ 57 и 58 «Московского Городского Листка» за 1847 г. Перепечатывая ее в тре-

тьем томе «Былого и дум», Герцен написал к ней предисловие. Мемуарный характер предисловия, подчеркнутый датой — 1862 г. — и бросающий яркий свет на всю вещь в целом, тоже делает из нее нечто другое, чем была пятнадцать лет назад читавшаяся в рукописях и переделанная «в видах цензуры» статейка «Москва и Петербург».

Казалось бы, налицо все данные для того, чтобы, в силу принципиальной установки редактора, только что названные вещи были напечатаны под 1862 годом. Лемке, противореча себе самому, разместил их (да и вообще все двенадцать вещей) под более ранними годами, руководясь датой их первого напечатания. Нечего и говорить, как странно видеть общее заглавие серии «Капризы и раздумье», повторяемое в III, IV и V томах перед каждой статьей отдельно, и статейку с предисловием, датированным 1862 годом, среди произведений 1847 г., или совершенно пустое место после предисловия «Между четвертой и пятой частью».

Количество примеров, подтверждающих, что декларированная М. К. Лемке принципиальная установка не выдержана, могло бы быть во много раз увеличено, при чем особенно ярки те из них, которые говорят о произведениях, создавшихся и печатавшихся постепенно, длительно, в течение ряда лет.

Таковы, к примеру, «Письма из Франции и Италии». Они размещены в двух томах: письма из Avenue Marigny (первые четыре письма) — в томе V под 1847 г., письма с 5 по 14 — в томе VI под 1850 г. Место первых четырех определено разумеется первым их появлением в печати на страницах «Современника» 1847 г. Помещение же вместе писем 5 — 14 под 1850 г. не оправдывается ни временем их написания (пятое — в 1847 г., четырнадцатое — в 1851 г.), ни — еще того менее — временем их первоначального напечатания: только в издании 1854 г., втором по общему счету и первом русском, появились впервые последние три письма. Под 1850 же год попали у Лемке и два предисловия к «Письмам»: одно ко второму изданию, помеченное «Твикнем, 1 ноября 1854 г.», другое к третьему изданию с пометой «Путней, 1 февраля 1858 г.» Подстрочное примечание к первому предисловию говорит между прочим о «Письмах из Avenue Marigny», но самые «Письма» оторваны от их продолжения, их надо искать в другом месте. Цельное произведение, правда, создававшееся постепенно, длительно, но в конце концов все же оформившееся как единое целое и — чего не надо забывать — не раз издававшееся Герценом в виде одной книжки, раздробилось на отдельные куски, иногда неудачно придвинутые друг к другу. Их надо разбирать и склеивать, если хочешь иметь понятие о «Письмах» в их окончательном виде, а не об эпизодах из истории их создания.

Вообще выбор и воспроизведение текста, наиболее соответствующего окончательной авторской воле, и документированная история создания той или иной вещи, — две эти одинаково важные, но различные задачи часто смешивались в редакторской работе Лемке благодаря принятому им методу «общей строго хронологической последовательности» в размещении материала. Он считал, что только таким образом он сможет развернуть перед читателем биографию Герцена, «моральную, умственную и политическую эволюцию его личности». Но чем пристальнее вглядываешься в применение избранного Лемке метода, тем больше убеждаешься в том, что очень часто результат достигается обратный: вносится путаница в картину эволюции личности Герцена. И как далеко должна итти намечаемая Лемке «строго хронологическая последовательность»? Почему например дневник Герцена за 1842—1845 гг., занимающий в рукописи одну тетрадь, разбит в печати только по годам? Ведь более строгая хронологическая последовательность требовала бы раздробления дневника по месяцам, неделям, а то так и по дням.

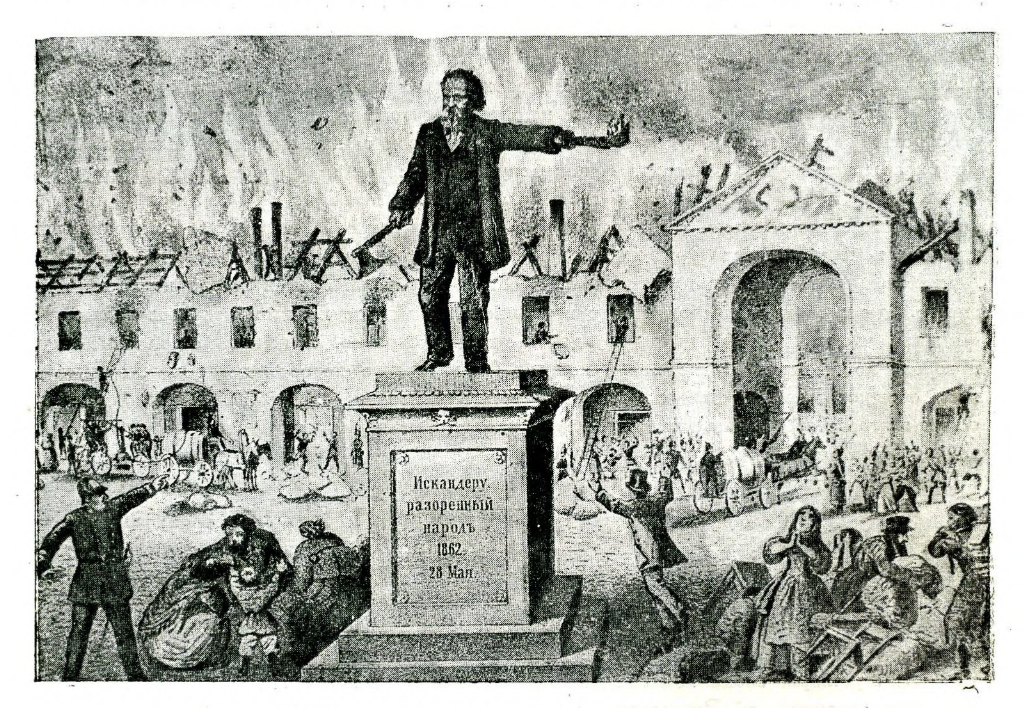
Смешение двух указанных выше задач все время чувствуется не только на размещении материала, но и на том, какой дается текст и какими он сопровождается текстологическими комментариями. Особенно это относится к вещам, имевшим сложную историю еще до печатного станка и впервые выходившим на чужом языке.

Такова например книга «С того берега». Она составилась из ряда статей, писавшихся 2½ года — с конца 1847 по начало 1850, когда впервые вышла в свет на немецком языке. Русское издание появилось в начале 1855 г. и было повторено в 1858 г. Лемке заявляет, что дает текст по первому русскому изданию, но это не вполне соответствует действительности: он внес некоторые изменения и дополнения по-

второму русскому изданию, а VI и VII главы переставлены без всякого объяснения этой перестановки.

Первое издание «С того берега» вышло на немецком языке, в издании Hoffmann'a и Campe совершенно анонимно под заглавием: «Vom andern Ufer. Aus dem russischen Manuskipt». Перевод на немецкий язык делал не один Герцен: ему оказали большую помощь Г. Гервег и Ф. Капп, домашний учитель в его семье. Считать текст этого издания герценовским надо с известными оговорками. Еще в большей степени это замечание относится к тексту тех вариантов из этого издания, которые приводит Лемке: он разумеется не мог их дать по тому «русскому манускрипту», с которого делался немецкий перевод 1850 г., а дает их в собственном русском переводе. К большому сожалению, я не имел в руках первого немецкого издания 1850 г. и не могу судить, все ли наиболее важное указано Лемке в приводимых им вариантах, не могу судить и о переводе этих вариантов.

Но думаю, что гораздо важнее вариантов из этого не вполне герценовского текста были бы разночтения из рукописных копий двух глав, которыми мог воспользоваться Лемке. Одну копию «После грозы», написанную рукой М. К. Рейхель и исправленную Герценом собственноручно, хранящуюся в Ленинской библиотеке, он лишь упоминает и оставил без всякого внимания, говоря, что напечатанный им текст ярче по языку и более поздний [44]. Другая осталась ему неизвестной. Она тоже хранится в Ленинской библиотеке и сделана рукой Н. Х. Кетчера, — очевидно с того оригинала или собственноручно выправленной копии, которые Герцен частями посылал своим московским друзьям. Это — Addio!», глава, впоследствии озаглавленная «Прощайте!» и помеченная — Париж, 1 марта 1849 г. Разночтения с текстом издания М. К. Лемке чрезвычайно интересны и многочисленны. Они ярко характеризуют ту струю анархического индивидуализма, которая легко могла одно время захватить Герцена в свой поток. В моем распоряжении находится сейчас временно предоставленная мне Е. Е. Якушкиным копия еще одной главы, тоже снятая Кетчером — «12 ноября



РЕАКЦИОННАЯ КАРИКАТУРА НА ГЕРЦЕНА

Карикатура эта была выпущена русским правительством с провокационной целью связать имя Герцена со знаменитыми петербургскими пожарами 1862 г.

Музей Революции, Ленинград

1848 года» (впоследствии — «Vixerunt»), датированная — Париж, 1 декабря 1848 г. В ней тоже немало разночтений, характерных и для художественных приемов Герцена [45].

В большой минус Лемке-редактору надо поставить его обращение со своеобразным, выразительным, неподражаемым герценовским языком.

Считая, что стиль Герцена «делает его самостоятельным и до мелочей оригинальным», а орфография «просто не соответствует стилю и иногда не только портит, но прямо искажает мысль автора», Лемке «согласовал ее с точным смыслом текста и с правилами современного правописания; это же сделано и в отношении всех собственных иностранных имен, в написании которых по-русски Герцен часто ошибался».

Это мало вразумительное объяснение отнюдь не скроет от читателя, мало-мальски чуткого к языку, а тем менее оправдает в его глазах, что во многих местах речь Герцена искажена, подправлена, с нее стерт налет присущей ей архаичности. В ранних произведениях Герцен писал в. женском роде — портфеля, роля; Лемке поправляет на портфель, роль. Упорное в рукописях написание ценсура переделывается на цензура, приуготовительный на приготовительный, аутографичный на автографичный. Неизменная в рукописях Герцена и придающая его речи налет французско-московской барской архаичности буржуази является у Лемке как буржуазия в ущерб социальной окраске герценовской речи. В статье «Революция в России» текст «Колокола» говорит о цельтических предрассудках, а издание Лемке превращает их в кельтические предрассудки, так что не верно указано, будто текст дан по «Колоколу» [46]. В подлиннике письма Герцена к Н. Х. Кетчеру от 9 ноября 1843 г. читаем по адресу К. С. Аксакова: «Он не токмо татарин, но и турка». В издании Лемке это звучит: «Он не токмо татарин, но и турок» [47], что даже не последовательно; почему вместо старинного турка поставлено более новое турок, а не менее старинное токмо не заменено только? На французский лад звучит у Герцена имя французского политического деятеля Демостена Оливье. У Лемке, который очевидно решил, что Герцен «ошибся» в этом собственном имени, он превратился в Демосфена Оливье, точно так же, как неизменный у Герцена Людвиг всегда переименовывается в Людовика. В стремлении во что бы то ни стало нивелировать герценовскую орфографию, Лемке стирает художественные штрихи, уничтожает остроты, которых так много у Герцена. Так например, в рассказе «Еще из записок одного молодого человека» Герцен вкладывает в уста эмигранта французскую фразу: «Ah, bah! c'est un celèbre poète allemand, M-r Koethe, qui a écrit, qui a écrit... ah, bah!... la Messiade!» [48] Все издания, до павленковского включительно, так и сохраняли Koethe — остроту Герцена над эмигрантским знанием немецкой литературы, над эмигрантским произношением немецких фамилий. Лемке счел долгом исправить на Goethe — острота пропала. Герцен всегда писал едим, вместо едем. Лемке исправляет это правописание там, где на этом построен каламбур: «Видишь что мы едем исправно, да и едим исправно, а именно стерляжью уху, в городе во Твери». Я не видел копии Анненкова, с которой печатал Лемке, но, зная обычное для Герцена одинаковое едим для первого лица множественного числа обоих глаголов, убежден, что так было в подлиннике и так, ради сохранения остроты, должно остаться.

Огромное богатство и разнообразие комментария делают из издания М. К. Лемке труд исключительного значения, воистину энциклопедию по Герцену и его эпохе.

Знакомство с первоклассным архивным материалом, например с архивом III Отделения «собственной его императорского величества канцелярии», ведавшего политическим сыском, с архивами Сената, Государственного совета, Министерства народного просвещения, с богатой русской и иностранной литературой, иногда уникального характера, вроде рукописного труда Неттлау о Бакунине, позволяют очень часто редактору на страницах своих комментариев давать отдельные законченные этюды. Таковы например страницы об Энгельсоне, очерк о В. Кельсиеве, основанный на его «Исповеди», богатый материал об отношениях Огарева и Герцена, с одной стороны, Некрасова — с другой, этюд о Тургеневе — подсудимом по политическому делу, профили А. А. Тучкова, И. В. Селиванова, Н. А. Мельгунова, И. П. Галахова, экскурсы в

А. И. ГЕРЦЕН С ДОЧЕРЬМИ: НАТАЛЬЕЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ (НЫНЕ ЗДРАВСТВУЮЩЕЙ) И ОЛЬГОЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ
Женева, 1860-е гг.
Публичная Библиотека им. Ленина, Москва

область отношений Герцена с представителями демократического и революционного Запада и т. д. и т. д. Разумеется иные страницы здесь уже устарели в свете новых данных [49], иные требуют дополнений. Иные моменты должны быть показаны в другом освещении, вроде того, который дал своему комментарию к «Былому и думам» Л. Б. Каменев. Для последнего в его работе было две основных задачи: «выяснение той общественной и идейной атмосферы, в которой развивались мировоззрение и публицистическая деятельность Герцена, и сопоставление его оценки революционных событий, партий, групп и деятелей с одновременными оценками основоположников научного социализма» [50].

Как бы то ни было, этот общественно-политический и литературный комментарий М. К. Лемке при всей его весьма заметной хаотичности и необработанности навсегда останется крупнейшей заслугой редактора. Очень жаль лишь, что к комментарию нет тематического указателя. Отсутствие последнего сильно дает себя знать при пользовании монументальным изданием Лемке и особенно досадно при наличии превосходной биографической канвы и двух тщательно составленных алфавитных указателей — собственных имен и всех сочинений и писем Герцена. Надо полагать, тематический указатель не появился по тем же причинам, по которым в издании отсутствуют обещанные в предисловии иллюстрации, «сведения» о них и указатель литературы о Герцене: вследствие тяжелых условий печатного дела, сопровождавших выход в свет последних томов издания М. К. Лемке.

Что касается комментария библиографического, то он отличается тоже редким богатством. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять в руки например VI том и взглянуть на комментарий к «Письмам из Франции и Италии», где воспроизведены рукописные тексты тетрадок, по частям пересылавшихся Герценом московским друзьям.

Разумеется, если в такой огромной работе проверять текст данных вариантов, печатных и рукописных, то всегда найдутся места спорные: этого можно бы не давать, а вот это следовало бы дополнить, это дать в другой редакции.

Так например, в комментарии к главе VIII части VI «Былого и дум» («Лондонская вольница») Лемке указывает, что в оглавлении, сохранившемся в рукописи, она называлась иначе: «Политические подонки». Стоило бы, мне кажется, дать сохранившееся в рукописи заглавие целиком, как вариант. Вот оно: «Политические подонки (т а к!). Обыкновенные и политические несчастья. — Самобытный протестант. — Ходебщики. — Стилисты. — Русские. — Шпионы». Заслуживал бы внимания и зачеркнутый конец: «Вот и делай уступки да отсрочки, вот и давай верх чувству человеческого сострадания — над чувством обороны и сохранения не только себя — но и целого круга людей!» Совершенно справедливо удивляется Л. В. Крестова, что М. К. Лемке ни единым словом не отметил в комментарии к «Легенде о св. Феодоре», что вместо «религиозное направление» в рукописи «стоит имя Сен-Симона» [51].

Тщетно тревожит любопытство читателя несколько раз упоминаемая в комментарии особая записка Герцена, составленная, по словам Лемке, в 1869 г. для Огарева, хотевшего взять на себя наблюдение за полным изданием «Былого и дум». Она состояла «из самого подробного оглавления «Былого и дум» с указанием нумерации и порядка частей и глав, с указанием источников, откуда надо взять текст, и т. п.» [52] Никаких следов этой «Записки» нет на страницах издания М. К. Лемке, а между тем при издании V части «Былого и дум» он ссылается на нее, определяя место некоторых глав. В издании, так тщательно собравшем всякую мелочь, написанную рукой Герцена, такое упоминание комментария о рукописи исключительного значения, текста которой не дано, совершенно непонятно.

Не лишним было бы быть может более тщательное внимание редактора к вопросу о русских сотрудниках «Колокола» и других изданий Герцена. Здесь возможны иногда указания на факты, совершенно на первый взгляд неожиданные. Что например из довольно частых заметок о Панине (не только в «Колоколе», но и в «Голосах из России») принадлежит такому неожиданному сотруднику Герцена, как К. П. Победоносцев, хотя бы и во дни его молодости? А он сотрудничал в изданиях Герцена, если верить дневнику А. А. Половцова [53]. У последнего зашел разговор об А. Н. Пыпине с Николаем II, в связи с делами Академии Наук. «...Он [Пыпин] в прежнее

время был либералом,... с годами это прошло; а кто же в молодости не был либералом? Ведь сам Победоносцев писал статьи Герцену в «Колокол».

Государь (вполголоса). Да, я это слышал.

Я. Он сам мне это говорил. Он написал памфлет на гр. Панина».

Богатый комментарий к роману «Кто виноват», прекрасно воспроизводящий впечатление, произведенное этой вещью, я пополнил на полях IV тома одним штрихом, совсем почти неизвестным и дорисовывающим картину. Герцен нашел отражение... в музыке. Мусоргским было написано фортепианное Impromptu passionné на эпизод из его романа [54].

ПУБЛИКАЦИИ ГЕРЦЕНОВСКИХ ТЕКСТОВ ПОСЛЕ ИЗДАНИЯ М. К. ЛЕМКЕ

После издания М. К. Лемке наиболее крупные приращения герценовского текста были даны в «Трудах Публичной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина» — «А. И. Герцен. Новые материалы». К печати приготовил Н. М. Мендельсон, М., 1927 г., стр. 143.

На первое место в этом издании следует поставить «Опять в Париже (продолжение третьего письма из Парижа)» — фрагмент из серии писем «Опять в Париже», входивших в «Письма из Франции и Италии». В полной мере значение этого отрывка, недооцененного редактором, указал Л. Б. Каменев в его недавнем новом издании «Писем». По его словам, вставив отрывок в соответствующее место публикации М. К. Лемке, мы получаем непрерывный и последовательный рассказ о революционных событиях в Италии и Франции с декабря 1847 г. до 15 мая 1848 г., вполне соответствующий — что касается Франции — тому «оглавлению» герценовской «Истории реакции», которую автор набросал в письме к московским друзьям от 2—8 августа 1848 г. [55]

Только что названное письмо, тоже опубликованное в «Новых материалах» [56], имеет отнюдь не меньшее значение, чем отрывок «Опять в Париже». Посланное не по почте, а «с оказией», адресованное близким друзьям, писавшееся совершенно свободно, без страха перед цензурой или перлюстрацией, оно полно исключительной эмоциональной насыщенности, волнует и теперь и достойно занять почетное место рядом с лучшими страницами «Писем из Франции и Италии», книги «С того берега». Л. Б. Каменев, с некоторыми сокращениями перепечатавший это письмо, находит что «политически оно является необходимым дополнением и комментарием» к только что названным книгам, «ибо в ряде случаев договаривает то, что не попало на печатные страницы». По его мнению, это письмо — «важнейший документ биографии Герцена и один из красноречивейших исторических памятников, связанных с парижским июньским восстанием 1848 г.» [57]

Кроме этого громадного «соборного» письма, писанного ко всем московским друзьям коллективно, в сборнике Ленинской библиотеки еще 24 письма и записки Герцена к близким ему людям. Письма охватывают шестнадцатилетний период — с 1842 по 1858 г.,— в большинстве писаны из-за границы, и лишь десять относятся к московской жизни. Среди адресатов — Т. Н. и Е. Б. Грановские (7 номеров), М. Ф. Корш (5), Н. Х. Кетчер (2), Н. П. Огарев (1), В. П. Боткин (1) и Е. Ф. Корш (1). Восемь писем адресовано московским друзьям коллективно.

В том собрании бумаг, которое хранилось у архивариуса московского кружка М. Ф. Корш, а затем — вероятно пополненное А. В. и Е. К. Станкевичами — через Е. В. Герье поступило в Ленинскую библиотеку и попало на страницы ее «Новых материалов», оказались подлинники 62 писем Герцена, которыми Лемке мог пользоваться лишь в копиях П. В. Анненкова из архива А. Н. Пыпина. 32 из них дали материал для второй части сборника Ленинской библиотеки. Сюда вошло 8 писем Н. А. Герцен (Лемке опустил их, воспроизведя лишь приписки к ним Герцена), по одному письму Т. А. Астраковой и Е. Б. Грановской, от чьих писем Лемке тоже отделил приписки Герцена, и 41 приписка разных лиц к письмам Герцена. Издание Лемке дает лишь одну приписку Н. А. Герцен (V, № 456), упоминает о существовании рядом с тек-

стом Герцена писем и приписок других лиц в четырнадцати случаях и обходит молчанием все остальные.

На основании тех же 62 писем в конце сборника даны поправки к тем текстам, которые М. К. Лемке напечатал с копий П. В. Анненкова. Не знаю, в какой пропорции должны разделить между собой ответственность Анненков и Лемке, — знаю лишь, как сильно побледнел, а местами и исказился текст Герцена на страницах издания Лемке.

Не могу упустить случая для исправления и своих редакторских недосмотров.

Один из них состоит в том, что напечатано с подлинника, без даты, как новинка, письмо к друзьям [58], которое было уже воспроизведено М. К. Лемке с анненковской копии, как адресованное «к Е. Ф. Коршу, Н. Х. Кетчеру, М. Ф. Корш и др.», и предположительно датировано апрелем 1856 г. [59] Мой промах произошел главным образом оттого, что я (хотя не выставил даты даже предположительно) считал это письмо написанным в начале сентября 1853 г., в связи с приездом в Лондон М. С. Щепкина, в тот момент, когда Герцену с ним «сначала было очень хорошо» [60]. М. К. Лемке, судя по месту, которое он дал этому письму среди других и по предположительной его датировке, связывает его с приездом из России Н. П. и Н. А. Огаревых в апреле 1856 г. Некоторую тень сомнения в правильности такого приуроченья я не могу отогнать. Когда я читаю: «Геймаркт сделался для меня Маросейкой и Реджент-стрит — Кузнецким мостом с тех пор, как я хожу заказывать третий день тарелку и покупаю себе шляпу, которая нужна е м у, а о н платит» [61], — когда я читаю эти слова, они кажутся мне относящимися во всяком случае не к Огареву. Едва ли первый был так беспомощен среди людей, говорящих на чужом языке. Почему в таком горячем излиянии друзьям ни единого слова о Н. А. Тучковой-Огаревой? «Он меня так расколыхал, — читаем мы в том же письме, — что я плакал, плакал... да не горько! Заставьте опять поплакать. И как человек-то слаб: и теперь сижу один и плачу, как сам М[ихаил] Сем[енович] лучше не плакал. Да, его приезд — это был голубь на ковчеге...» [62] Не звучат ли эти слова рассказом о ком-то, кто приезжал на время и кого сейчас нет? А ведь Огаревы поселились в Лондоне, и началась длинная бесперебойная полоса их общения с Герценом. И почему М. К. Лемке, столь исключительно аккуратный в данном отношении, не пояснил под строкой, кто этот «он», о котором пишет Герцен? Не было ли и у него какого-нибудь сомнения?

Нелишними будут несколько мелких поправок в комментариях. На стр. 19 надо вставить дату рождения И. П. Галахова — 1809 г. На стр. 39, в датировке письма на имя Т. Н. и Е. Б. Грановских, октябрь должен быть заменен ноябрем. На стр. 45 сведения о Вильгельме Вольфсоне надо дополнить указанием, что интересные данные о нем находятся в переписке родителей Б. Н. Чичерина в архиве последнего, хранящемся в Ленинской библиотеке. На стр. 102 вместо сообщенного о Богданове поставить: «по всей вероятности, А. Ф. Богданов, зять М. С. Щепкина, муж его сестры Елизаветы Семеновны. О нем упоминается в театральных мемуарах А. И. Шуберт «Моя жизнь».

Фактические указания некоторых писем вносят поправки в хронологическую канву М. К. Лемке. Прибытие в Берлин датируется не 27, а 18 февраля, отъезд оттуда не 1, а 7 марта 1847 г. Прибытие в Кельн—12 марта, в Брюссель—15 марта [63]. В конце того же года не один лишь раз, 20 ноября, Герцен видался с И. П. Галаховым, а «с ним провел недели три в Ницце очень хорошо» [64].

Других отдельных сборников, целиком посвященных вновь открытым герценовским текстам и появившихся в пределах СССР, я не знаю. Прочие наши сборники и периодика среди опубликованных ими новинок герценовского текста заключают главным образом письма. Из приращений не эпистолярного характера укажу следующие.

В «Новых Пропилеях», вышедших под редакцией М. О. Гершензона, опубликован карандашный автограф — листок карманной записной книжки с очень коротенькими хронологическими вехами жизни Герцена. Набросок сделан не ранее 1869 г. и, видимо, наспех, так как некоторые даты нуждаются в уточнении; например: «1847 — в Париже. 48 — в Риме, 49 — в Париже» [65].

COMMEMORATION OF THE

Great Revolutionary Movement of 1848.

Alliance of All Peoples!

AN

INTERNATIONAL SOIREE

FOLLOWED BY

A PUBLIC MEETING

WILL BE HELD AT

ST. MARTIN'S HALL, LONG-ACRE,

ON

Tuesday, Feb. 27, 1855.

The following distinguished representatives of European Democracy have been invited:—

French: Louis Blanc, Victor Hugo, Barbes, Felix Pyat, Ledru Rollin, Raspail, Eugene Sue, Pierre Leroux. German: Kinkel, Marx, Ronge, Schapper. Italian: Pianciani, Saffi, Mazzini, Teleki. Hungarian; Kossuth.

POLISH:

WORCELL, ZENO SWIENTOSLAWSKI.

Russian; HERZEN.

ENGLISH:

W. Coningham, J. Finlen, Cooper, Mayne Reid, J. Beal, Gerald Massey.

ERNEST JONES, President.

ALFRED TALENDIER, French Sec. M. BLEY, German Sec.
DAMBROWSKI, Polish Sec. R. CHAPMAN, English Sec.

Tea on Table at Five. Doors open for meeting at half-past Seven— to commence at Eight.

DOUBLE TICKETS, 2s. 6d.; SINGLE DITTO, 1s. 6d.; MEETING DITTO, 3d.

TICKETS MAY BE HAD AT ST. MARTIN's HALL.

[illegible] B. Len[illegible], Printer, 6, Upper Fitzroy Place, New Road

АФИША ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО МИТИНГА В ЛОНДОНЕ 27 ФЕВРАЛЯ 1855 г., ПОСВЯЩЕННОГО РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.

Среди выступающих — имя А. И. Герцена

Публичная Библиотека им. Ленина, Москва

Другая публикация помещена в «Звеньях» под заглавием: «А. И. Герцен. «Дуализм — это монархия». Фрагмент. Перевод с французского А. И. Рубашовой. С вступительной статьей Л. К. — Затерявшаяся статья Герцена» [66]. Отрывок извлечен из очень редкого сборника «Almanach de l'Exile pour 1855» (Альманах изгнания на 1855 г.), изданного кружком эмигрантов на острове Джерсее. Эмигранты эти группировались около газеты «L'Homme» (Человек) — «органа всемирной демократии», как они ее называли. Здесь Герцен хотел печатать продолжение своих «Писем из Франции и Италии» [67], но намерение это не осуществилось. Зато он принял участие в «Альманахе». Статья датирована 29 ноября 1854 г. По мнению Л. К., она — первоначальный вариант части одиннадцатого письма, вошедшего в состав «Писем из Франции и Италии», притом в их первом, немецком, издании 1850 г. По сравнению с соответствующими страницами «письма» текст «Альманаха» очень расширен. Статья, с ее реабилитацией эгоизма, корнями уходящей в фейербахианство, представляет несомненный интерес для характеристики определенного момента в развитии герценовской идеологии.

Для полноты обзора упомяну публикуемые в настоящей книге «Литературного Наследства» тексты Герцена не эпистолярного характера, дополняющие издание М. К. Лемке. Сюда относятся прежде всего статьи «Царь Александр II» (впервые помещено в журнале Мадзини «Pensiero ed Azione» за 1858 г.) и «Из воспоминаний о прошлом годе одного русского» (впервые в газете «Kosmos» за 1851 г.). К сведению занимающихся текстологией Герцена заметим, что в распоряжении редакции «Литературного Наследства» имеются копии интересных вариантов к двум статьям Герцена 1833 г.: «О месте человека в природе» и «Несколько слов о лекции Ф. Морошкина, помещенной в № 5 «Ученых записок Московского университета». Кроме того в портфеле редакции имеется копия юношеского отрывка Герцена «Толпа (разговор на площади)»; автограф хранится в Институте Русской Литературы в Ленинграде.

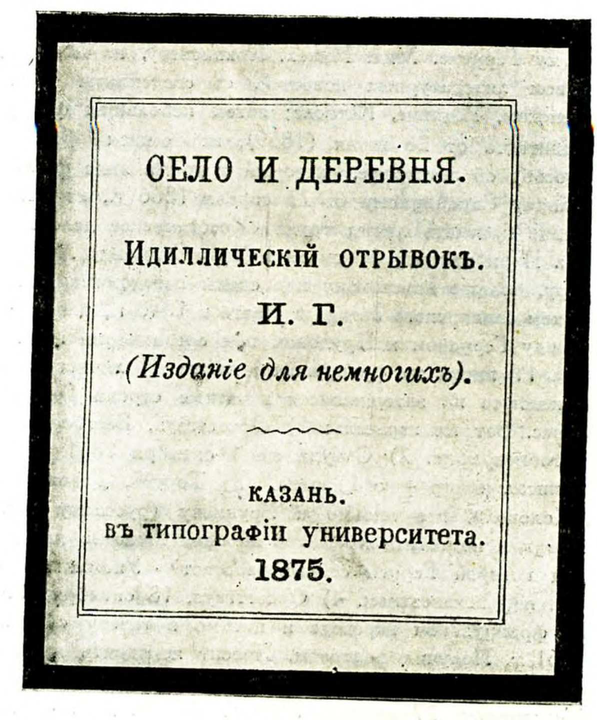
Известные мне русские публикации герценовской переписки в журналах и сборниках сводятся к следующему.

В только что упомянутых «Новых Пропилеях», на стр. 74, помещена датированная 1859 г. очень коротенькая анонимная латинская записка какого-то французского эмигранта с просьбой о материальной помощи.

В журнале «Каторга и ссылка» за 1926 г., № 27, Б. Николаевский поместил статью «Неизданное письмо А. И. Герцена к Адольфу Колачеку». Написанное по-французски письмо хранится среди автографов Дармштедтера в Прусской государственной библиотеке. Основываясь на словах Наталии Александровны Герцен, Б. Николаевский говорит, что в архиве Герцена нет ни одного письма Колачека, деятеля крайней левой франкфуртского собрания 1848—1849 гг., затем цюрихского эмигранта, редактора там в 1850—1851 гг. «Deutsche Monatschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben» («Немецкий ежемесячник политики, науки, искусства и жизни»). В этом журнале Колачека Герцен поместил две главы из книги «С того берега» («Mein Lebewohl», потом названная «Эпилог 1849 г.», и «Omnia mea mecum porto») и «Von der Entwicklung der revolutionären Ideen in Russland» — «О развитии революционных идей в России». Б. Николаевский не дает французского подлинника, а лишь перевод письма, помеченного Ниццой и датированного 15 апреля 1851 г. Письмо обширно, интересно по личности адресата и по содержанию, целиком посвященному литературным делам, — главным образом отдельному изданию брошюры «О развитии революционных идей». Среди других имен упоминаются переводчик Герцена Вольфсон и эмигрант Ив. Гавр. Головин, ищущий издателя для своей брошюры «Черты (очерк) одной народной философии».

В той же книге «Каторги и ссылки» находим заметку Н. Макшеевой «Посещение А. И. Герцена», где воспроизведено коротенькое письмо последнего. Оно адресовано адъюнкт-профессору Военной академии А. И. Макшееву, помечено Putney, датировано 8 сентября 1858 г. и в очень любезных выражениях назначает время приема.

В «Красном архиве» за 1928 г., № 31 напечатано сообщение Б. П. Козьмина «Неопубликованное письмо А. И. Герцена». Письмо датировано 8 февраля 1863 г. и


СЕЛО И ДЕРЕВНЯ.

Идиллическій отрывокъ.

И. Г.

(Изданіе для немногихъ).

КАЗАНЬ.
въ типографіи университета.
1875.

РУССКОЕ НЕЛЕГАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ОТРЫВКА А. И. ГЕРЦЕНА «СЕЛО И ДЕРЕВНЯ»
Публичная Библиотека им. Ленина, Москва

адресовано Александру Александровичу Черкесову, в 1862 г. выехавшему за границу и сблизившемуся там с Герценом, Огаревым и Бакуниным. Оно воспроизведено по записке о Черкесове, составленной III Отделением для следственной комиссии после ареста его в августе 1865 г. Приведено повидимому целиком и довольно точно. В письме денежные счеты с Черкесовым и А. Серно-Соловьевичем. Среди других имен интересны упоминания о Владимирове (очевидно Николае Львовиче), Милорадовиче (несомненно Леониде Александровиче, бывшем секретаре русского посольства в Штутгарте), Лугинине. На письме две приписки, одна — М. А. Бакунина.

В «Каторге и ссылке» за 1928 г., № 50, опубликован перевод французского письма Герцена к Викт. Павл. Гаевскому от 6 августа 1857 г. из Путнея. Автограф хранится в Государственной Публичной Библиотеке. В письме Герцен уславливается о посещении Лондонской национальной галлереи вместе с Гаевским и знаменитым художником А. А. Ивановым. Письмо интересно по личности адресата, успешно начавшего служебную карьеру, но вынужденного ее бросить в связи с делом «о сношениях с лондонскими пропагандистами», впоследствии видного деятеля Литературного фонда. До сих пор ни одного письма Герцена к Гаевскому опубликовано не было.

В «Каторге и ссылке» за 1932 г., № 89, Б. П. Козьмин поместил небольшую записку Герцена, копию которой он обнаружил в архиве III Отделения, в деле А. А. Корвин-Кохановского. Последний, окончив в 1858 г. медицинский факультет Московского университета, отправился за границу «для усовершенствования по части медицины», но вместо этого занялся в Лондоне изготовлением фальшивых русских кредитных билетов и был приговорен к 10 годам каторжных работ. Записка Герцена, помеченная Parkhous Fulham, 20 октября (1858), сообщает о днях и часах, когда Герцен принимает соотечественников, «симпатизирующих с нашею деятельностью». Б. П. Козьмин приводит выдержку из письма Кохановского, на которое отвечает Герцен и сообщает любопытные сведения о попытке русского посольства в Лондоне скомпрометировать Герцена благодаря его случайной встрече с фальшивомонетчиком.

В подборке «Новонайденные статьи и письма Герцена» в том же номере нашего журнала публикуются десять отрывков из писем Герцена к Георгу Гервегу, письмо Герцена к Гарибальди, которому он рекомендует Тургенева, и два письма Герцена к Моисею Гессу.

Во II томе «Звеньев» опубликовано 14 писем Герцена: письмо к владимирскому знакомому Герцена. Мих. Никол. Похвисневу, из Москвы, от 6 апреля 1840 г. со множеством литературных новостей, со сведениями о Чаадаеве, Хомякове, Бакунине, Белинском, Редкине, Каткове; затем небольшая французская записочка на имя Ф. Боденштедта от 28 июня (1859), помеченная Parkhouse Fulham,— видимо ответ на просьбу об автографе, который и дан в виде цитаты из Гете; письмо к Александру Ильичу Скребицкому от 23 апреля 1866 г., из Монтре, с благодарностью за предложение прислать листы труда «Крестьянское дело в царствование императора Александра II» и наконец 11 писем к Карлу-Эдмунду Хоецкому, французско-польскому литератору, больше известному под своим псевдонимом Шарль Эдмонд. Хоецкий был участником славянского съезда в Праге в 1848 г., близким знакомым Бакунина, посредником между Герценом и Прудоном при организации газеты последнего «La Voix du peuple». Все 11 писем на французском языке. И личность адресата, и порой содержание, указывающее на затерявшиеся печатные строки Герцена, придают им значительный интерес. Вот их перечень: 1) Орсеттгауз, Вестборнтерассе, 15 августа 1861 г. Краткая автобиография. 2) Оттуда же 1 октября 1861 г. Благодарит Хоецкого за то, что он написал биографию Герцена. 3) Торкей, Девоншир, 15 октября 1861 г. Посылает «Колокол», где письмо к Бруннову (русскому послу в Лондоне)[68]. Не может ли Хоецкий поместить в «Revue de deux Mondes» или другом каком журнале одну статью, над которой Герцен сейчас работает? Упоминание о письме в газету «Opinion», до сих пор неизвестном. 4) Орсеттгауз, 18 октября 1861 г. Посылает письмо к Бруннову во французском переводе и письмо в газету «Opinion». 5) Оттуда же 29 октября 1861 г. Получил портреты. Просит исправить язык его письма в «Opinion». 6) Оттуда же 21 ноября 1861 г. Извещает, что Бакунин в Америке. 7) Эльмфильдгауз Теддингтон, 27 августа 1863 г. Плохие дела «Колокола» и типографии. 8) Женева. 10 апреля 1866 г. Поздравление с замужеством дочери. 9) Оттуда же 1 июня 1866 г. Посылает свое письмо к Александру II. Ищет издателя своих сочинений. 10) Ницца, 7 августа 1867 г. О «Путеводителе по Парижу». По поводу приостановки «Колокола». Третьего дня написал в «Zukunft» опровержение слухов, что «Колокол» «скончался». Просит дружеские органы о соответствующем заявлении. 11) Оттуда же. Объяснение по поводу обиды среди поляков, вызванной статьей Огарева «Продажа имений в Западном крае» («Колокол», л. 229).

В III томе «Звеньев» будет напечатано 15 писем А. И. Герцена и Н. П. Огарева к П. В. Анненкову, публикуемых Е. Б. Покровской при участии пишущего эти строки. Из них Герцену или Герцену совместно с Огаревым принадлежит 14 писем: письмо от 6 октября 1860 г. написано одним Огаревым. Шесть писем датированы 1858 г., семь — 1860 и одно 1864. Личность адресата, близкого к Герцену и его кругу и служившего живой связью между лондонскими изгнанниками и Россией, а на склоне дней упрекавшего Герцена в «отчаянном пустословии», кокетничаньи «перед Европой, перед клубами и либералами неизвестною им землей», характеризовавшего Герцена как «блестящий и вместе фальшивый ум»[69], делает письма очень интересными. В значительной части они писаны не только для «tante Pauline», как Герцен и Огарев шутя называли Анненкова, но и для И. С. Тургенева, деятельного информатора «Колокола» о русских делах. Это еще повышает интерес писем. Их содержание может быть характеризовано: «Колокол» и русские дела.

В Институте Русской Литературы в Ленинграде хранится еще ряд неизвестных писем Герцена. 1. Письмо Герцена к неизвестному содержит ответ на вопросы по поводу биографической справки, в которую вкрались ошибки. Письмо помечено 24 февраля, год не обозначен. Из содержания письма видно, что оно написано им в 1860—1862 гг., когда выходил в Париже трехтомный французский перевод «Былого и дум». 2. Письмо Герцена к знаменитому художнику А. А. Иванову, автору картины «Явление Христа народу», над которой он работал в Италии более четверти века. Герцен пересылает ему письмо И. П. Галахова и просит позволения зайти. Дата этого письма—4 декабря 1849 г. 3. Письмо Герцена к живописцу Мих. Петровичу Боткину, младшему брату Вас. Петр. Боткина. Датировано 5 марта 1859 г. От своего имени и от имени Огарева отвечает на вопросы М. П. Боткина о судьбах христианской живописи в наши дни. Эти вопросы,

как пишет Герцен, очень занимали Иванова, и Огарев собирался писать ему длинное письмо, но смерть Иванова «остановила нас». Письмо должно занять видное место среди материалов, характеризующих идейный кризис, пережитый Ивановым, после 1848 г. — между прочим, под сильным влиянием Герцена. 4. Письмо Герцена к французско-бельгийскому издателю и писателю Альберту Лакруа. Просит прислать № II «Путеводителя по Парижу». Письмо от 24 июня Лакруа получил, но не отвечал, желая предложить для издания целый том своих статей о России. Письмо послано из Ниццы, без даты, но последняя легко устанавливается по связи с письмом к Огареву от 27 июня 1867 г. (т. XIX, стр. 377). 5. Письмо Герцена к Лакруа, Вербуховскому и К°, из Женевы, от 21 июня 1867 г. Предлагает издать на французском языке сборник своих произведений. Пьер Леру обещает ему свою помощь в переводе. Помощь эта для Герцена очень ценна и необходима, так как он «порядочно разучился» писать по-французски.

Зарубежные русские публикации герценовских текстов известны мне крайне недостаточно, случайно и, за одним исключением, из вторых рук.

В журнале «Каторга и ссылка» за 1929 г., № 51, имеется интересная статья Бор. Н—ского — «Новое о прошлом в русской зарубежной литературе». Автор подробно характеризует содержание «Исповеди» В. И. Кельсиева («Архив русской революции», издаваемый И. В. Гессеном. Берлин, 1923, т. XI, стр. 169—310). В «Исповеди» отведено специальное место рассказу о сношениях Герцена со старообрядцами, о распространении «Колокола», и не исключена возможность, что в ней могут оказаться какие-нибудь следы герценовского текста. Автор говорит о небрежной редакции и «полном отсутствии элементарно-необходимых комментариев». В настоящее время «Литературным Наследством» подготовлен к печати полный текст «Исповеди» Кельсиева с подробными комментариями.

В сборнике «На чужой стороне», издание книгоиздательств «Ватага» (Берлин) и «Пламя» (Прага), т. VIII, 1924, стр. 213—219, помещен ряд статей А. И. Лясковского «Культурная работа А. И. Герцена в Вятке (по неизданным материалам)». Автор прослеживает работу Герцена в Вятке по губернскому статистическому комитету, по организации сельскохозяйственной выставки и по созданию публичной библиотеки. По двум последним вопросам нового материала нет, но о роли Герцена в создании статистического комитета—немало нового. Кроме вещей, известных М. К. Лемке (т. I, стр. 536; т. XII, стр. 381—382) по делу статистического комитета, А. И. Лясковский устанавливает, что перу Герцена принадлежит обширная «Записка о собирании статистических сведений». В ней развернута целая программа работ статистического комитета. У Лемке о ней нет никакого упоминания. По словам Бор. Н—ского, Лясковский, к сожалению, дает лишь отрывки из «Записки». Особенно интересна «Записка» в той ее части, где речь идет об выводах из собираемых статистических данных — относительно движения народонаселения, смертности, состояния народного образования и пр. Эта часть записки не получила утверждения губернатора. В том же очерке А. И. Лясковского — сообщение о судьбе рукописи Герцена «Опыты статистической монографии Вятской губернии», относительно участия Герцена в собирании сведений об исторических памятниках и т. п. «Насколько можно судить по указаниям А. И. Лясковского, — говорит Бор. Н—ский, — используемые им в этой части статьи документы могут дать некоторые материалы для решения вопроса о принадлежности Герцену некоторых статей в «Вятских Губернских Ведомостях», помещенных без подписи»[70].

В той же статье Б. Н—ского дан отчет о статье С. И. Р. «Письма Мадзини и его русские друзья», помещенной в «Воле России», Прага, № 6 от 1 декабря 1923 г. Речь идет о трехтомном собрании писем Мадзини к членам семьи Ашерт: «Madzzini's Letters to an English Family». Автор статьи выбрал из этого издания то немногое, что относится к русским знакомым Мадзини. Упоминаются Тургенев, Бакунин, Огарев. Интереснее указание на Герцена. Прежде всего обращает на себя внимание отрывок из одного письма Герцена к Мадзини от 1866 г. Повидимому только этот отрывок из писем Герцена к его итальянскому другу и дошел до нас, так как письмо, напечатанное М. К. Лемке (т. VI, стр. 140—145), по справедливому замечанию автора статьи, относится скорее к категории открытых писем, чем к частной пе-

реписке. Исключительного внимания заслуживает то, что письма Мадзини дают несколько указаний на сотрудничество Герцена в его итальянских журналах. Эти указания могут привести к разысканию затерянных итальянских статей Герцена. Упомянутая выше статья Герцена «Александр II» из журнала Мадзини «Pensiero ed Azione» найдена именно таких путем.

В III выпуске «Временника Общества друзей русской книги» (Париж, 1932), в статье Я. Б. Полонского «Литературный архив И. С. Гагарина. Неизданные материалы», помещены два до сих пор не появлявшихся в печати письма Герцена [71].

Князь Ив. Серг. Гагарин — известный и по неоднократным упоминаниям Герцена аристократ, принявший католичество, основатель и поныне существующей в Париже Славянской библиотеки. «После него, — пишет Я. Б. Полонский, — остался богатейший архив, в котором имеются неизданные письма Ф. Тютчева, А. К. Толстого, И. Тургенева, Лескова, Дантеса (убийцы Пушкина), Герцена, И. Аксакова, Соболевского (друга Пушкина), Чаадаева, И. Киреевского, Ю. Самарина, Свечиной и др.». Быть может дело не ограничивается только двумя письмами Герцена?

В виду несомненного интереса писем, а с другой стороны — их недоступности, повторяем их текст с небольшими, самыми необходимыми комментариями.

I

21 июля 1860 г. 10 Alpha road. S. Iohn's Wood.

Милостивый государь, позвольте мне поблагодарить вас за ваше доброе внимание. Чаадаева я действительно любил и уважал много. Я у него имел удовольствие встречаться с вами — полагаю в 1843 или 44 году.

У вас есть значительная ошибка, вы можете ее исправить в следующей книге, о которой вы говорите. Письма Чаадаева не были писаны к Екат. Ник. Орловой, а к Екатерине Гавриловне Левашевой. (В ее доме и жил Чаадаев, на Басманной.) Это была женщина необыкновенно развитая, много и тихо страдавшая, она умерла — лет сорока, и Чаадаев, говоря раз со мною о ней, превосходно выразился: «Женщина эта «изошла любовью»...

В моей жизни она тоже играет роль (Полярная звезда, кажется в 4 книге, 143 стр.), — и я прошу у вас позволения явиться за нее адвокатом — в праве на письмо.

Примите уверение в моем искренном почтении.

А. Герцен.

Герцен ошибся, или описался публикатор: не в 4-й, а в 3-й книге «Полярной Звезды», на стр. 143, действительно упоминается Е. Г. Левашева: там, в рассказе о похищении Герценом Н. А. Захарьиной, говорится, как умирая, Левашева послала ему и его невесте свое благословение и «дала на случай нужды теплую шаль». Есть в письме и несомненная ошибка Герцена: адресатом Чаадаева надо считать не Левашеву, а Е. Д. Панову.

Письмо Герцена вызвано несомненно тем, что Гагарин, напечатав в 1860 г. в журнале «Correspondent» известное философическое письмо Чаадаева, за которое Николай I объявил его сумасшедшим, послал оттиск Герцену.

II

19 июня 1862. Orsetthouse. Westbourn Terrasse.

Позвольте мне от души вас поблагодарить за присланную книгу П. Я. Чаадаева. Если не сделал это прежде — то могу защищаться английским alibi, нашел книгу вчера, возвратясь лишь с Isle of Wight.

У меня есть два экземпляра большого портрета — и потому позвольте отказаться от предлагаемого вами.

В русской журналистике переворот. Дозволено явно нападать на «Колокол», печатать статьи против нас. И это не все — полемика «Север[ной] Пчелы» и «Совр[емен-

АВТОГРАФ СТРАНИЦЫ ИЗ «БЫЛОГО И ДУМ» А. И. ГЕРЦЕНА

Публичная Библиотека им. Ленина, Москва

ника]» по поводу университетского дела — идет возрастая в смелости. — Пожары непонятны, — нам видно одно зарево издали.

Книги Чаадаева я не успел еще прочитать — еще раз благодарю вас за это истинное удовольствие — доставленное мне.

Душевно преданный вам Ал. Герцен.

Книга, за которую благодарит Герцен, — несомненно «Oeuvres choisies de P. Tchadaief», изданные в Париже Гагариным в 1862 г.

Думая этим ослабить влияние «Колокола», царское правительство в 1862 г. разрешило русской печати возражать на его статьи. Дали понять Каткову, что хотели бы видеть его выступление. Он разумеется не заставил себя долго ждать. Вот например в «Современной Летописи Русского Вестника» № 20 за 1862 г., не называя Герцена по имени, говорится о «свободном артисте», который «воображает себя представителем русского народа, решителем его судеб, распорядителем его владений и действительно вербует себе приверженцев во всех углах русского царства, а сам, сидя в безопасности за спиною лондонского полисмена, для своего развлечения вызывает их на разные подвиги, которые кончаются казематами или Сибирью».

Непонятные Герцену пожары — это те петербургские пожары в мае 1862 г., которые вызвали большую панику в связи с появлением почти накануне их прокламаций «Молодой России».

Весьма значительным по размеру и ценным по содержанию пополнением переписки Герцена явился «Архив Огаревых» [72]. Здесь помещено 26 писем Н. А. Тучковой-Огаревой к А. И. Герцену с 1865 по 1870 г. Как и другие материалы, вошедшие в эту книгу и составляющие, в сущности, пятый том «Русских Пропилеев», письма собраны М. О. Гершензоном. Они бросают яркий свет на взаимные отношения между А. И. Герценом, Н. А. Тучковой-Огаревой и Н. П. Огаревым.

Два письма Огарева к Герцену из-за границы от 1845 г. помещены мною в I томе «Звеньев». Черновики двух писем А. И. Скребицкого к Герцену от 1866 г. помещены во II томе «Звеньев». Письма Моисея Гесса к Герцену даны в настоящей книге журнала.

Как ни случайны приведенные заметки, как ни велика вероятность возможных пропусков, — на один вывод мы имеем право. Считать литературное наследство Герцена вполне учтенным — никак нельзя. Здесь необходимы самые тщательные поиски как в области юношеских замыслов Герцена, так — особенно — в области его обширных и разнообразных связей с Западом. В последнем отношении ни с чем несравнимую помощь должен оказать архив Герцена, хранящийся в Женеве у Н. А. Герцен. Полное его издание — настоятельная необходимость нашего литературоведения и горячее желание всех почитателей памяти автора «Былого и дум».

Н. Мендельсон

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. «Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847—1861». «Academia». М.—Л., 1930, стр. 267—268, 304. «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену. С объяснительными примечаниями М. Драгоманова». Женева, 1892, стр. 91—92. «А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке», т. VIII, стр. 354—355. В дальнейшем все ссылки без заглавия, с обозначением лишь тома и страниц, относятся к этому изданию.

[2] Т. XXI, стр. 298—306.

[3] В сборник вошли: Записки одного молодого человека. — По поводу одной драмы. — Капризы и раздумье. — Сорока-воровка. — Из сочинений доктора Крупова «О душевных болезнях вообще и об эпидемическом развитии оных в особенности». — Новые вариации на старые темы. — Несколько замечаний об историческом развитии чести. — Письма из Avenue Marigny. —Гофман. — Дилетантизм в науке и дилетанты-романтики. Цех ученых и буддизм в науке.

[4] «Письма об изучении природы» впервые были напечатаны в «Отечественных Записках» за 1845—1846 гг. Отпечатанное в в 1870 г. отдльное издание под заглавием «Письма об изучении природы. Сочинение автора «Раздумья». СПБ.» — было уничтожено цензурой. Четыре статьи под общим заглавием «Дилетантизм в науке» помещены в «Отечественных Записках» за 1843 г.

[5] «Знаменитые современники. Гофман» («Телескоп» 1836, ч. XXXIII).

[6] Первое издание сборника «Прерванные рассказы» вышло в Лондоне в 1854 г.

[7] В издании М. К. Лемке «Альпийские виды» составляют IV главу VII части (отрывков) из «Былого и дум» (1865—1868 гг.). Первые две части этой главы впервые были напечатаны в № 16 «Недели» 1869 г.

[8] Впервые напечатано в сборнике «Из «Колокола» и «Полярной Звезды». Лондон, 1864.

[9] Герцен ошибся в годе: первые четыре письма, включенные потом в «Письма из Франции и Италии», были впервые помещены в X и XI кн. «Современника» за 1847 г.

[10] Впервые вышло отдельной брошюрой по-французски в Лондоне в 1858 г. — «La France ou l'Angleterre? Variations russes sur la thême de l'attentat du 14 janvier». В том же году, немного позже, вышел русский перевод, действительно неудачный и сделанный, надо полагать, поляком, так как содержит много грубых полонизмов.

[11] См. статью Л. Ф. Пантелеева, К материалам об издании сочинений А. И. Герцена, («Голос Минувшего» 1917, кн. XI—XII).

[12] Доклад напечатан дважды: в кн. I «Голоса Минувшего» за 1917 г. Б. Федоровым и вторично, без упоминания о первой публикации, А. С. Николаевым в кн. III. «Красного архива» (1923 г.).

[13] См. С. А. Переселенков, Как разрешено было первое у нас издание собрания сочинений и писем А. И. Герцена («Дела и дни» 1920, кн. I, стр. 429—431).

[14] Предпочитаю терминологию Герцена и Огарева и везде пишу «л[ист]», а не «номер» «Колокола» такой-то.

[15] Т. IX, стр. 364, 367.

[16] См. Г. Е. Сыроечковский, Корф в полемике с Герценом. — «Красный архив» 1925 г., т. X.

[17] Т. X, стр. 171—179.

[18] Некоторые разночтения не лишены интереса. Наиболее серьезное относится к тому абзацу печатного текста, который начинается со слов: «Кто сочинял правила для студентов?» В окончательной редакции автор спрашивает между прочим: «Или сам попечитель?» — а в черновике: «Или сам с увлекательной наружностью для дам немудреного поведения попечитель?» Из окончательного текста совсем исчезли следующие фразы: «Вероятно, устав не дошел и не дойдет до государя. Если дойдет, то он не утвердит его. Александр II, несмотря на свои ошибки и промахи, благородный человек; он не утвердит этого устава, потому что этот устав подлый».

[19] Т. XXII, стр. 142.

[20] Т. XIX, стр. 273—274.

[21] Лл. 231/232 (1 января 1867 г.), 233/234 (1 февраля 1867 г.) и 235/236 (1 марта 1867 г.).

[22] «Русская Мысль» 1888 — кн. VII, IX, X, XI; 1889 — кн. I, IV, V, XI, XII; 1890 — кн. III, IV, VIII, IX, X; 1891 — кн. VI, VII, VIII; 1892 — кн. VI, VII, VIII, IX.

[23] «Русская Мысль» 1888, кн. X, стр. 1—11.

[24] «Русская Мысль» 1889, кн. I, стр. 4—5.

[25] «Русская Мысль» 1889, кн. I, стр. 5—7.

[26] «Русская Мысль» 1888, кн. IX, стр. 1—16.

[27] «Русская Мысль» 1889, кн. I, стр. 7—9.

[28] «Русская Мысль» 1888, кн. IX, стр. 8.

[29] «Русская Мысль» 1888, кн. IX, стр. 12.

[30] «Русская Мысль» 1889, кн. I, стр. 12.

[31] «Русская Мысль» 1889, кн. IV, стр. 6.

[32] «Русская Мысль» 1890, кн. IV, стр. 3.

[33] «Русская Мысль» 1891, кн. VI, стр. 10.

[34] «Русская Мысль» 1891, кн. VI, стр. 4.

[35] Том II, стр. 343—345, 418, т. III, стр. 157.

[36] Разумеется, как явствует из заключенного в скобки, заметке этой место не в X томе, где (стр. 31—32) она помещена.

[37] «Колокол». Однодневная газета памяти А. И. Герцена. Издание Музея Революции. Под ред. М. К. Лемке. Петроград, 21 января 1920 г.

[38] Т. XI, стр. 58.

[39] А. П. Суслова. Годы близости с Достоевским. Издание М. и С. Сабашниковых, М., 1928, стр. 165.

[40] «М. А. Бакунин в Швеции в 1863 г.» — статья в сборнике «Михаил Бакунин. 1876—1926». М., 1926, стр. 36, 37, 44.

[41] «Некрасов по неизданным материалам Пушкинского дома», Петроград, 1922, стр. 189, 199.

[42] «Письма из Франции и Италии» — «С того берега». Под ред. Л. Б. Каменева. М. — Л., 1931, стр. 368.

[43] Т. III, стр. 443, 455, 458.

[44] Т. V, стр. 531.

[45] Окончание текстологического этюда об этих двух главах задерживается отсутствием у меня первого, немецкого, издания «С того берега».

[46] Т. IX, стр. 6. «Колокол», л. 2.

[47] Т. III, стр. 277.

[48] «Ба! Ведь это знаменитый немецкий поэт, г. Кете, который написал... написал... а, да! Мессиаду!» II, 464. Кстати, для рядового читателя должно было бы быть пояснено, что «Мессиада» написана не Гете, а Клопштоком.

[49] См. статью Я. З. Черняка, Конец Огаревского дела (по неопубликованным материалам) в «Новом мире» 1929, кн. X.

[50] А. И. Герцен. «Былое и думы». В трех томах. По редакцией Л. Б. Каменева. Комментарии. Указатель личных имен. ГИЗ. М. — Л., 1932, стр. 254.

[51] Л. В. Крестова, Источники «Легенды о св. Феодоре» А. И. Герцена в «Сборнике памяти П. Н. Сакулина». М., 1931, стр. 117.

[52] Т. XIV, стр. 855.

[53] «Красный архив», т. III, стр. 79.

[54] «Жизнь искусства», 4 февраля 1920, № 162. Отчет о концерте в память Герцена и вступительном слове Н. Ф. Финдейзена.

[55] А. И. Герцен. Письма из Франции и Италии.—С того берега.—Под ред., с вводной статьей и комментариями Л. Б. Каменева, М. — Л., 1931, стр. 363.

[56] Стр. 45—58. Еще до выхода «Новых материалов» письмо было напечатано мною во II кн. «Печати и революции» за 1926 г.

[57] Названная книга, стр. 460.

[58] «Новые материалы», стр. 79—80.

[59] Т. VIII, стр. 276—277.

[60] «Новые материалы», стр. 80, письмо от 5 сентября [1853].

[61] «Новые материалы», стр. 80.

[62] «Новые материалы», стр. 80.

[63] Т. XXII, стр. 241. «Новые материалы», стр. 26, 32, 34.

[64] Т. XXII, стр. 243. «Новые материалы», стр. 70.

[65] «Новые Пропилеи». Под редакцией М. О. Гершензона. 1923, ГИЗ. М.—П., стр. 73.

[66] «Звенья». Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в. Под редакцией Влад. Бонч-Бруевича, Л. Б. Каменева и А. В. Луначарского. Т. I, стр. 155—166.

[67] Т. VIII, стр. 21.

[68] Очевидно «Бруты и Кассии III Отеделения», в л. 109. См. т. XI, стр. 248.

[69] «Былое» 1922, № 18, стр. 13. — «Две зимы в провинции и деревне. С января 1849 по август 1851 года. Из воспоминаний П. В. Анненкова», с предисловием Н. О. Лернера.

[70] Кстати, не говорят ли новые материалы А. И. Лясковского чего-нибудь о панегирике Герцену, написанном губернатором Тюфяевым? Не принимал ли сам Герцен участия в его составлении?

[71] Эти же два письма были напечатаны Я. Б. Полонским в 1929 г. в фельетоне парижских «Последних новостей» под заглавием «Архив кн. Гагарина в Париже. 1. Неизданные письма Герцена». Точной даты появления этого фельетона определить не могу. В виде газетной вырезки он был прислан в Ленинскую библиотеку в сопровождении препроводительного письма Я. Полонского, на бланке «Societé des amis du livre russe. Comité directeur — [illegible] secrétaire général», помеченного 10 декабря 1929 г.

[72] Архив Н. А. и Н. П. Огаревых. Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. Редакция и предисловие В. П. Полонского. Примечание Н. М. Мендельсона и Я. З. Черняка. М. — Л., ГИЗ, 1930.

СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА Г. Е. БЛАГОСВЕТЛОВА

«Со времени последнего моего визита у Вашего Превосходительства я продолжал следить за всеми действиями известной Вам партии. Главное и видное место ныне в круге ее действий в Петербурге принадлежит Г-ну Благосветлову, бывшему главному члену Шахматного клуба, ныне редактору журнала «Русское Слово». Поэтому я решился искать случаев познакомиться с ним лично для ближайшего следования за действиями партии, в которой, как мне положительно известно, он занимает одно из первых мест, и, как кажется, судя по слышанным мною намекам от разных лиц, он из числа членов теперешнего петербургского комитета, состав которого недавно переменился и потому неизвестен еще мне вполне» [1].

Так характеризовал Благосветлова в своем «секретном донесении» от начала марта 1863 г. петербургскому обер-полицмейстеру, генералу А. Анненкову (брату П. В. Анненкова), тайный сотрудник полиции — студент Технологического института Волгин, которому было поручено следить за петербургскими революционными организациями. Правда, свои сведения Волгин получал «из десятых рук», но все-таки иногда направлял внимание своего патрона на настоящих землевольцев [2]. И на этот раз он был прав: действительно в ноябре 1862 г. в центральном комитете «Земли и Воли» было решено, что место братьев Серно-Соловьевичей в центральном комитете займут Н. Утин и Г. Е. Благосветлов [3].

В 1866 г., когда после выстрела Каракозова были закрыты «Современник» и «Русское Слово», когда начались аресты подозрительных правительству литераторов, был арестован и редактор «Русского Слова» Благосветлов. В 1880 г., когда хоронили Благосветлова, на его похоронах полицейских было собрано чуть ли не больше провожавшей покойного на кладбище публики [4].

Таковы факты из политического формуляра Благосветлова, редактора «Русского Слова» — журнала, который по своему удельному весу в радикальной журналистике 60-х годов занимает одно из первых мест, уступая разве только «Современнику».

Еще в 1861 г. (11 ноября) А. В. Никитенко писал в своем представлении о «Русском Слове» в Главное управление цензуры: «Не подлежит никакому сомнению, что журналы «Современник» и «Русское Слово» производят у нас весьма важное влияние на массу читающей публики, особенно публики молодой. Можно без преувеличения сказать, что настоящее молодое поколение большею частью воспитывается на идеях «Колокола», «Современника» и довершает свое воспитание на идеях «Русского Слова» [5].

В 1867 г. один из консервативнейших цензоров И. А. Гончаров в своем отчете об общем направлении периодических изданий, порученных его наблюдению, за период с 1 сентября 1865 г. по 1 января 1867 г. особое внимание уделил журналу Благосветлова. «Появление этого органа [«Русского Слова»] в русской периодической печати, направление, успех пропаганды было предметом не одного только наблюдения цензурной администрации, но и особенного пред другими журналами контроля всей публики... «Русское Слово» не прибегало даже к обыкновенной журнальной тактике, старающейся усыпить или отвлечь цензурную бдительность известными уловками. Редакция бесхитростно подбирала в каждой книжке в один букет самые яркие цветы фальшивых теорий и одуряющих неопытную молодость учений» [6]. Что это были за «фальшивые теории», видно из отзыва того же Гончарова о статье «О капитале», поме-

щенной в октябрьской книжке «Русского Слова» за 1865 г. и уже вызвавшей критику присяжного цензора петербургского цензурного комитета Скуратова. Гончаров писал: «Во второй статье «О капитале» цензор указывает на места, в которых выражается крайнее и пристрастное сочувствие к рабочим классам; и напротив того обнаруживается яркое озлобление против всех лихоимцев, т. е. капиталистов и вообще всех, не занимающихся материальными работами классов. Этим неистовым гонением на высшие и зажиточные классы общества пропитана вся статья, тон которой, вообще суровый до грубости, впадает местами в резкость» [7].

Такой своей репутацией «Русское Слово» прежде всего было обязано Благосветлову. Сотрудники «Русского Слова» и «Дела» в своих воспоминаниях о Благосветлове неоднократно отмечают, как горячо и умело мобилизовал он группировавшийся вокруг журналов авторский коллектив на борьбу с существующим культурно-бытовым укладом и какой общественный темперамент обнаруживал он в правке принимаемых к печати статей. А каковы бывали статьи самого Благосветлова, лучше всего иллюстрируется той историей, которая разыгралась в 1860 г. вокруг критической статьи Благосветлова в вышедшем в свет VII томе сочинений Белинского.

Статья эта была напечатана Благосветловым в сентябрьской книжке «Русского Слова» за 1860 г. за подписью «Р. Р.», но напечатана с цензорскими сокращениями, исказившими, по словам Благосветлова, статью. Тем не менее Главное управление цензуры придралось к ней. Чиновник Главного управления Юрий Богушевский составил особую записку, в которой указывал на предосудительность и зловредность целых десяти статей в сентябрьском номере «Русского Слова» за 1860 г., и в том числе рецензии на седьмой том сочинений Белинского. Об этой статье Богушевский писал: «Статья эта должна обратить на себя особенное внимание по нескольким выражениям. Не представляя в общем отзыве о самом Белинском ничего предосудительного, она заключает в себе следующие непозволительные фразы: «кругом его (Белинского) наслаждалось ленивое барство, привилегированная ничтожность» (стр. 26); «где недоставало (у противников Белинского) ума, там служил им донос или ябеда» (стр. 27); он первый заявил, что Гоголь (издав «Переписку с друзьями») изменил знамени, растоптал свою собственную славу из рабской покорности подкурить через край царю небесному и земному» (стр. 30).

Записка Богушевским была составлена 24 сентября, а уже 25-го председатель С.-Петербургского цензурного комитета на вопрос Главного управления цензуры отвечал, что статья о Белинском одобрена к печатанию цензором Ярославцевым; 28 сентября Главное управление цензуры, в лице председателя Е. Ковалевского, в отношении на имя председателя С.-Петербургского цензурного комитета чинило над провинившимися суд и расправу.

«В сентябрьской книжке журнала «Русское Слово» за сей год, в отделе Русская литература, помещен разбор Сочинений Белинского, т. 7. В этом разборе, подписанном буквами Р. Р., сверх некоторых резких выражений, в особенности обращает на себя внимание место на стр. 30, в котором сказано: «Когда появилась переписка с друзьями Гоголя, Белинский вдруг перешел от безусловной похвалы к самым резким укорам своего идеала. Повидимому он должен был смолчать или даже простить писателю, которого так высоко поставил, но нет, он не смолчал и не простил: он первый заявил, что Гоголь изменил знамени, растоптал свою собственную славу из рабской готовности подкурить через край царю небесному и земному.

Главное управление цензуры, находя допущение к печати такого предосудительного и столь резко выраженного отзыва прямо противным основным цензурным постановлениям, изложенным в ст. 3, п. *а* и *б* Устава о цензуре, и приняв в соображение, что одобривший сказанную статью к печати цензор надворный советник Ярославцев уже неоднократно подвергался за упущения по возложенной на него обязанности замечаниям и выговорам, признало его неспособным к продолжению службы в должности цензора и посему определило: 1) предоставить мне употребить его в другой более соответствующей способностям его должности с увольнением от настоящей; 2) поручить Вашему Превосходительству объявить лично редактору «Русское Слово» или

Г. Е. БЛАГОСВЕТЛОВ
Литография 1870-х гг.
Публичная Библиотека, Ленинград

заступающему его место, что журнал сей неминуемо подвергнется запрещению, если не изменится замечаемое как в целом, так и в частях его направление, несогласное с государственными учреждениями.

О сем определении Главного управления цензуры имею честь Вас, милостивый государь, уведомить для приведения оного в исполнение, присовокупляя, что я вместе с сим сделал распоряжение о причислении надворного советника Ярославцева к Министерству Народного Просвещения...» («Дело Главного управления цензуры» № 374).

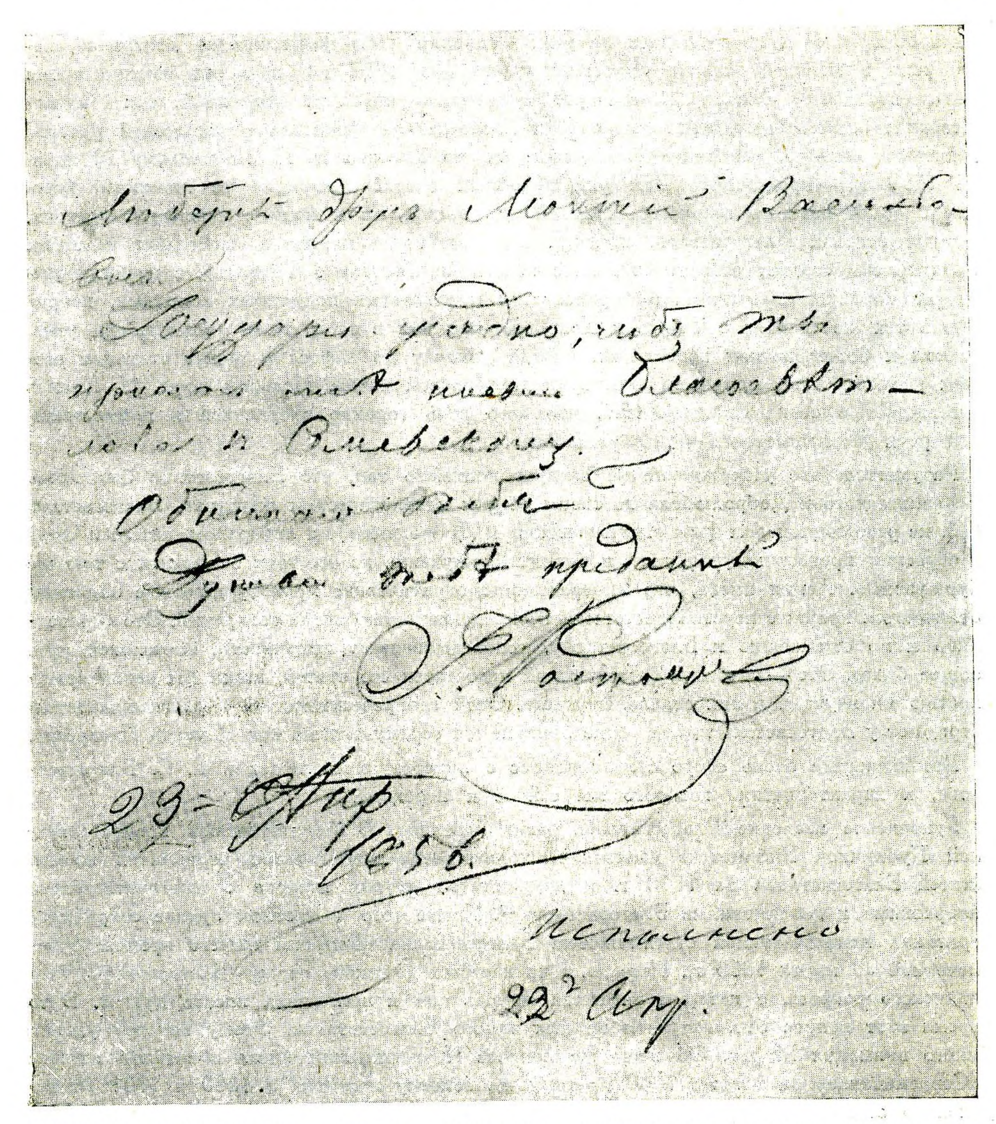
16 октября того же 1860 г. Благосветлов писал в Саратов Д. Л. Мордовцеву: «С нами случился цензурный погром. За статью о Белинском, страшно искаженную, меня хотели сослать за границу, закрыть журнал, но ограничились удалением от должности Ярославцева. Мои бедные нервы настрадались вдоволь, в наказание отдали журнал страшнейшему кретину и академику Дубровскому. Еле-еле дышит» (эти строки в печати не появились) [8].

Понятно, что буржуазная историография не испытывала особого тяготения к Благосветлову. В 1882 г., т. е. через год после смерти Благосветлова, его жена Е. А. Благосветлова, к которой перешло издание журнала «Дело», выпустила в свет «Сочинения Г. Е. Благосветлова»; книге было предпослано предисловие (краткий биографический очерк), написанное Н. В. Шелгуновым. С тех пор о Благосветлове не появлялось ни одного специального исследования, ни одной отдельной книжки. Остается незаполненным этот пробел и в наши дни [9], и верно писал недавно автор лучшей статьи о Благосветлове, говоря об обидном забвении Благосветлова: «В прошлом русской журналистики есть одна очень колоритная фигура, к сожалению, до сих пор не настолько известная нам, насколько она заслуживает того по той крупной роли, которая выпала ей в истории русского печатного слова» [10].

Этим пренебрежением исследователей к Благосветлову следует объяснить то, что о нем до сих пор передаются в печати неверные фактические сведения [11] а самые сочинения его даже не читаются, и в этом случае дело доходит до курьезов. Так, автор книжки о Писареве Е. Соловьев, повидимому и не читавший Благосветлова, ухитрился однотомное собрание его сочинений превратить в двухтомное и этим несуществующим двум томам дал убедительную характеристику: «Литературного таланта у редактора «Русского Слова» не заметно. Два тома его сочинений вялы и скучны, да и вообще Благосветлов писал плохо и не любил писать» [12].

Этим же пренебрежением к Благосветлому объясняется и то, что многие его статьи, разбросанные на страницах «Русского Слова» и «Дела», не только остаются доселе несобранными, но даже не установленными в их принадлежности Благосветлову: цитируя некоторые статьи Благосветлова, особенно важные в истории «Русского Слова», исследователи и не подозревают, что они приводят слова самого руководителя «Русского Слова». Так А. Л. Волынский в своей книге «Русские критики» между прочим замечает: «Зайцев и сотрудник, подписавшийся «Заштатный юморист» [13]; очевидно Волынский не знал, что под этим псевдонимом скрывался не сотрудник, а сам редактор журнала. Б. П. Козьмин говорит о критической заметке некоего автора, посвященной VII тому сочинений Белинского [14], между тем статья о VII томе сочинений Белинского принадлежит, как уже сказано, самому Благосветлову.

Не знать сочинений Благосветлова исследователю 60-х и 70-х годов нельзя. Чтобы выяснить до конца роль и значение «Русского Слова», а затем и «Дела», надо знать, что представлял собою их руководитель. А этот последний не только руководил журналами, но и определенным образом влиял (Венгеров употребляет более решительное слово: «давил») [15] на своих сотрудников; здесь нужно назвать прежде всего Писарева, Зайцева (по «Русскому Слову») и Ткачева (по «Делу»). Мать Писарева (конечно с одобрения сына) писала в редакцию «Современника», что ее сын многим обязан Благосветлову и что в советах последнего он нуждается «до настоящей минуты» — до 1865 г. О Зайцеве известно, что он писал свои резкие, задорные, прямолинейные статьи только до той поры, как был с Благосветловым. Ткачев был не только ближайшим сотрудником «Дела», но и, несмотря на свою молодость, редактором сборников «Луч», проводя там благосветловские идеи.


Любезный друг Леонтий Васильевич

Государю угодно, чтоб ты прислал мне письма Благосветлова к Семевскому.

Обнимаю тебя

Душою тебе преданный

Я. Ростовцев

23 Апр 1856.

Исполнено

22 Апр.

ЗАПИСКА НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ГЕНЕРАЛА РОСТОВЦЕВА ШЕФУ ЖАНДАРМОВ ДУБЕЛЬТУ О ПРИСЫЛКЕ АЛЕКСАНДРУ II ПЕРЛЮСТРИРОВАННОГО ПИСЬМА БЛАГОСВЕТЛОВА К СЕМЕВСКОМУ

В этом письме Благосветлов в самых резких выражениях отзывался о дворянстве и предсказывал ему бесславный конец

Центрархив СССР, Москва

Влияя на своих сотрудников, Благосветлов и сам поддавался влиянию наиболее талантливых из них. Его взгляды на протяжении 25 лет писательской работы не остались одними и теми же. Проследить эту эволюцию и установить идеологический облик редактора журналов «Русское Слово» и «Дело» можно только в том случае, если мы будем знать его произведения, а равно и его переписку. Только крайне поверхностным знакомством с благосветловским наследием могут быть объяснены ходячие положения о том, что Благосветлов «не выдавался как писатель», что выбор сюжетов у Благосветлова «не мог заинтересовать читателя 60—70-х годов: Тюрго, Кольбер, Парижский университет, Токвиль, Маколей — такие ли ему нужны темы?» (Венгеров).

Так ли это? Здесь есть ошибка: во-первых, ни одно из перечисленных произведений Благосветлова не относится к 70-м годам, а падает на конец 50-х и самое на-

чало 60-х годов (самое позднее из них: «Токвиль и его политическая доктрина», напечатано в майской книжке «Русского Слова» за 1862 г.), а в это именно время интересовались и Маколеем, и Тюрго, о которых писал не кто иной, как Чернышевский; а, во-вторых, эти свои очерки Благосветлов увязывал с тогдашней русской действительностью. «Я желал бы, — писал он из Парижа Я. П. Полонскому 20 января 1859 г., — представить Вам ряд подобных очерков, избирая те личности, которые бросают свет не только на европейскую жизнь, но и нашу»; наконец, в-третьих, в этих статьях Благосветлов, проводя свои любимые мысли о свободном человеке, который сам создает себе то или иное положение (статья о Токвиле), с возмущением рисует картины политического порабощения и угнетения подданных королями, например в тех же статьях о Тюрго и Кольбере, при чем в этом своем возмущении угнетением и бесчеловечием королей он иногда доходит до пафоса и пишет статьи с особым подъемом, как например «Империя декабрьской ночи». Недаром проф. И. Иванов утверждает о стиле Благосветлова, что «его речь гораздо энергичней и прямолинейней речи Чернышевского и Добролюбова».

Разумеется это утверждение не следует понимать так, что Благосветлов был левее Чернышевского и Добролюбова по своим общим идеологическим позициям. Благосветлов был не революционером (как Чернышевский и Добролюбов), а либералом, который хотя и осуждает крепостничество, хотя и бранит буржуазию, но все-таки смыкается с тою же буржуазиею. Ленин писал, что либерально-демократические мелкобуржуазные элементы отличаются крайнею неустойчивостью и неопределенностью своих воззрений. Это справедливо и по отношению к Благосветлову, исповедывавшему гуманность, всечеловечность, общее благо. Это — основной органический недостаток его статей, какой бы революционностью ни звучали в них отдельные места. Этой неопределенностью и расплывчатостью страдают у Благосветлова даже такие близкие его сердцу статьи, как «Смерть Писарева».

Все сказанное очень остро ставит вопрос о литературном наследии Г. Е. Благосветлова, к характеристике которого мы сейчас и переходим.

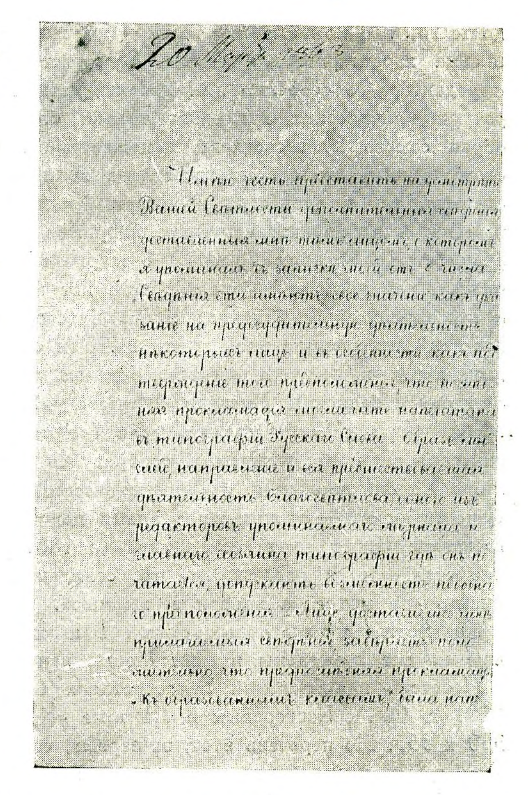
Рукописное наследие Благосветлова очень невелико. В Ленинградской Государственной Публичной Библиотеке имеется несколько отдельных листов черновиков восьми статей Благосветлова за 1860 г. и двух статей других авторов с многочисленными поправками и дополнениями Благосветлова [16]. Кроме того в частном архиве сохранился оригинал ненапечатанной статьи-письма Благосветлова «Вопросы нашего времени», помеченной «3 марта 1860 г., Париж». Она касается близкого сердцу Благосветлова итальянского вопроса, о котором он писал не раз сам и приглашал писать других. В то время этот вопрос был актуален не для одного Благосветлова. Этому вопросу уделил много внимания Маркс. Об этом же вопросе Чернышевский писал в каждой книжке «Современника» за тот же 1860 г.; тому же вопросу посвятил в 1860 и 1861 гг. несколько статей и Добролюбов. Вот и все, что мы имеем из рукописных статей Благосветлова.

Неизмеримо полнее представлено эпистолярное рукописное наследие Благосветлова. Письма его имеются в библиотеке Академии Наук, в Центрархиве (в делах б. III Отделения), в Институте Русской Литературы в Ленинграде, в делах Главного управления цензуры и Петербургского цензурного комитета, в Ленинградском Институте Книговедения, в Ленинградской Государственной Публичной Библиотеке, в Музее Революции СССР, в Московском Государственном Историческом Музее, в Библиотеке имени Ленина, в Бахрушинском Музее, в Институте Маркса-Энгельса-Ленина (в архиве Лаврова) и наконец в частных хранилищах.

Из этих писем напечатано далеко не все, а многое из того, что напечатано, дано не полностью, а с пропусками наиболее интересных мест (очевидно по цензурным соображениям). Таковы интересные письма Благосветлова к М. И. Семевскому, напечатанные В. Тимощук в книге «Михаил Иванович Семевский». СПБ., 1895 г., стр. 12—28, и письма к Д. Л. Мордовцеву, напечатанные в «Новостях» 1893 г., №№ 93, 107, 126, 157 и 253 и в журнале «Новое Слово» 1894 г., № 2. В отдельных выдержках дошли до нас письма Благосветлова к Н. В. Шелгунову (в предисловии к сочинениям Благосветлова и в воспоминаниях в нем); к сожалению до нас не дошли письма Бла-

ДОНЕСЕНИЕ О БЛАГОСВЕТЛОВЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ОБЕР - ПОЛИЦМЕЙСТЕРА ГЕНЕРАЛА АННЕНКОВА В III ОТДЕЛЕНИЕ

Центрархив СССР, Москва



20 [illegible]

Имею честь представить на усмотрение Вашей Светлости дополнительные сведения доставленные мне тем лицом, о котором я упоминал в записке моей от 6 числа. Сведения эти имеют свое значение как указание на предосудительную деятельность некоторых лиц и в особенности как подтверждение того предположения, что печатная прокламация [illegible] напечатана в типографии Русского Слова. Образ мыслей, направление и вся преступная деятельность Благосветлова, одного из редакторов упоминаемого журнала и главного хозяина типографии где он печатается, допускают возможность подобного предположения. Лицо, доставившее мне приложенные сведения, заверяет положительно, что предосудительная прокламация «К образованным классам» была нап[illegible]

госветлова к тому же Шегунову за интереснейший период 1864—1866 гг., так как адресат их сжег (предисловие, стр. IX). Очень интересные письма Благосветлова к его приятелю В. Попову напечатаны М. Лемке в его «Политических процессах в России 60-х годов», ГИЗ, 1923, стр. 598—623, но почти без комментария. Менее значительные по своему содержанию письма Благосветлова к А. Пятковскому (не все) напечатаны в «Русской Старине» за 1915 г., № 3; интересное в смысле характеристики молодого Благосветлова письмо к проф. Саблукову (учителю Благосветлова по семинарии) напечатано в той же «Русской Старине» за 1895 г., июль, стр. 120—122. Кроме того нами напечатаны письма Благосветлова к В. Д. Писаревой, Я. П. Полонскому и М. А. Марко-Вовчок («Звезда» 1929 г. № 11), а также заграничные (конца 50-х годов) письма к Я. П. Полонскому и К. К. Случевскому («Звенья», сб. I, стр. 324—344).

Остаются не напечатанными письма Благосветлова к Я. П. Полонскому и К. К. Случевскому, относящиеся к более позднему времени, к А. А. Краевскому, В. Р. Зотову, Г. П. Данилевскому, В. А. Цеэ, А. Н. Майкову, А. П. Милюкову, Н. В. Гербелю, Г. Н. Потанину, к Макарьевскому уездному предводителю дворянства Аркадию Петрову (любопытный материал), к Ф. М. и М. М. Достоевским, Ф. М. Решетникову и С. С. Решетниковой, А. П. Пятковскому, Д. Н. Садовникову, В. И. Немировичу-Данченко, А. В. Старчевскому, П. В. Засодимскому, Ф. Ф. Воропонову, А. К. Шеллеру-Михайлову, П. В. Быкову, С. А. Венгерову и несколько писем к неизвестным лицам — сотрудникам редактировавшихся Благосветловым журналов, а также официальные письма и заявления Благосветлова.

Все — как неопубликованные, так и опубликованные — письма Благосветлова приготовлены нами к печати в отдельном издании.

Касаясь общего содержания эпистолярного наследия Благосветлова, необходимо отметить, что его письма отнюдь не носят чисто биографического характера, но представляют большую ценность для характеристики всей эпохи 60—70-х годов. В них Благосветлов дает общую картину своей эпохи, портреты отдельных современных ему

деятелей, в частности писателей (Чернышевского, Писарева); с другой стороны, эти письма характерны для самого Благосветлова, для характеристики его как человека и редактора, а особенно для характеристики его политических, общественных и литературно-критических взглядов; только благодаря всем этим письмам воссоздается образ самого Благосветлова, искаженный в воспоминаниях Потанина или Скабичевского; многие письма Благосветлова являются незаменимым комментарием как к его статьям, так в частности к истории редактировавшихся им журналов. Разве не интересны и не характерны такие например строки из письма Благосветлова к Мордовцеву (от 16 октября 1860 г.) о журнале «Русское Слово»: «Вы конечно лучше меня видите, чем хромает журнал, у него нет критического нерва, потому что нет здоровой и всесокрушающей критики; а она чувствуется нашим обществом и просится сквозь все давления официальной критики». Эти строки пишутся Благосветловым как раз в те дни, когда к нему со своим переводом из Гейне приходит рекомендованный Благосветлову Полонским Писарев. Меньше чем через год Благосветлов пишет тому же Мордовцеву: «Чтобы поднять дело («Русское Слово») выше, надо влить новые критические элементы в журнал, сообразуясь не с куполом Ивана Великого, а с требованиям Европ. движения. Демократический принцип с социальным отрицанием всего существующего — единственное знамя нашей эпохи». А в эпоху издания «Дела» Благосветлов пишет одной сотруднице (в 1869 г.), что в настоящее время мы призваны «не создавать, а разрушать», что созидание — дело наших потомков, что теперь надо писать «не медом, а кровью и желчью».

Количество напечатанных статей Благосветлова очень велико (больше 100), и они еще не все приведены в известность, как это указывалось выше.

Перечень произведений Благосветлова (а равно и литературы о нем) был дан в 1891 г. С. А. Венгеровым в III томе «Критико-биографического словаря», стр. 349—350 и 355. Но перечень этот, во-первых, содержит статьи, появившиеся лишь до 1865 г. (исключая переводы, и затем статьи вошедшие в собрание сочинений Благосветлова), а во-вторых, далеко не полон. «Число неподписанных рецензий в «Деле», — замечает здесь Венгеров, — очень велико, но в них как разобраться?» Повидимому С. А. Венгерову было известно, что Благосветлов писал в «Деле» одни рецензии, и осталось неизвестным, что Благосветлов помещал там целые критические статьи (иногда в несколько печатных листов), а кроме того в «Русском Слове» печатал свои повести (под псевдонимом Г. Лунин) и стихотворения (под псевдонимом Н. Лунин и Г. С-тлов). Больше того: С. А. Венгеров и не знал, что в «Деле» за 1880 г., в той книжке, в которой (ноябрь) сообщалось о смерти редактора журнала, был помещен очень полный указатель всего напечатанного Благосветловым; можно утверждать, что указатель был составлен тогдашним официальным редактором «Дела» П. В. Быковым [17]. И этот список далеко не полон, но он вдвое полнее списка Венгерова [18]. Быкову осталось неизвестным, что Благосветлов под некоторыми статьями подписывался инициалами «Р. Р.». — отсюда у него пропуск всех статей с этой подписью, как равно и статей без подписи. Укажем некоторые из этих статей, не включенные Быковым в его перечень: 1) «Народные беседы». Издание Д. В. Григоровича, Десять выпусков, СПБ., 1860 — «Русск. Сл.» 1860, июль. «Русская литература», стр. 60, след.; 2) Политика. «События на Западе Европы». — «Русское Слово» 1860, сент., отд. II, стр. 15—25, без подписи; 3) «Сочинения Белинского. Том 7, Москва». Рецензия — «Русское Слово» 1860, сент., отд. II, стр. 26—32. Подпись «Р. Р.»; 4) «Роберт Пиль и его политический характер» — там же, сент., отд. III, стр. 1—28. Без подписи, в оглавлении подпись «Р. Р.»; 5) «Основные начала политической экономики П. Лилеева». Петербург, 1860. Рецензия — «Русск. Сл.» 1860, дек. «Русская литература», стр. 1—9, подпись «Р. Р-ова»; 6) «Западные европейцы и русские» — там же, авг., отд. II, стр. 72—75, подпись «Р. Р.»; 7) «Очерки заграничной жизни» А. Забелина. Москва, 1861. Рецензия — «Русск. Сл.» 1861., февр., «Русская литература», стр. 95—104, подпись «Р. Р.»; 8) «Литературный плач о пропаже российской философии» (по поводу письма, помещенного в № 6 «Времени» под названием «Еще о петербургской литературе» и подписанного Н. К—о) — «Русск. Сл.» 1861, июль, отд. II, стр. 51—58; 9) «Воспоминания о В. В. Ганке» (И. И. Срезневского и акад. П. Дубровского) —

15 Апреля 1866 г.

№ 1704

Его Императорскому Величеству

[illegible]

14 Апр. 1866

Коменданта С. Петербургской крепости.

Рапорт.

Сего числа, по распоряжению Высочайше учрежденной Следственной Коммиссии, доставлены в С. Петербургскую крепость: Чиновник 10-го класса Благосветлов, Провизор фармации Эмилий Вылечковский[×], бывшие студенты: [illegible] [illegible] Николай Тихоновский и двое братьев дворяне Павел и Александр Никольские, которые и помещены в отдельных казематах Екатерининской куртины.

× Дело № 100 и 101.

Инспектор Генерал Сорокин

№ 50

15-го Апреля 1866 г.

ДОНЕСЕНИЕ КОМЕНДАНТА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ ГЕНЕРАЛА СОРОКИНА НА ИМЯ АЛЕКСАНДРА II О ТОМ, ЧТО Г. Е. БЛАГОСВЕТЛОВ ЗАКЛЮЧЕН В КАЗЕМАТЕ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КУРТИНЫ

Публичная Библиотека, Ленинград

там же, авг., отд. II, стр. 71—79, подп. «Р. Р.»; 10) «Чему и как мы учим народ?» Рецензия — «Русск. Сл.» 1862, янв., отд. II, стр. 31—39, подпись «Р. Р.»; 11) «Неизданные сочинения и переписки Карамзина». СПБ., 1862. Рецензия — «Русск. Сл.» 1862, март, отд. II, стр. 54—70, подпись «Р. Р.»; 12) «Постороннему сатирику «Современника» — «Русск. Сл.» 1864, дек., отд. III, стр. 86—88, подпись «Заштатный юморист»; 13) «Два письма нашего парижского корреспондента» — «Русск. Сл.» 1859, июнь, отд. 53—74 и др. Кроме того несомненно Благосветлову принадлежит статья «Карамзин как переводчик и ценитель Шекспира», подписанная буквами «Р. Р.» и напечатанная в «Северном Обозрении» за 1849 г., т. I, стр. 464—469; за принадлежность ее Благосветлову говорят не только инициалы Р. Р., но и то, что в этом же томе (как впрочем и во втором) помещена и статья учителя Благосветлова — И. И. Введенского о Тредьяковском под тем же общим заголовком что и статья Р. Р.: «Материалы для истории русской литературы». Наконец, нужно упомянуть еще о двух статьях Благосветлова, судьба которых нам пока неизвестна: это статьи о Пушкине и Карамзине, о которых он упоминает в своем письме к В. Попову от сентября 1857 г.

Что касается собрания сочинений Благосветлова, то, как уже отмечено, издание 1882 г. с портретом и факсимиле автора и с предисловием Н. В. Шелгунова (стр. I—XXVIII+1—600) является единственным. Некоторые из журнальных статей в этом издании напечатаны под другими заголовками.

По своему содержанию статьи Благосветлова очень разнообразны. Едва ли не большая часть их посвящена вопросам политического, экономического и общественного характера, при чем большинство их написано по поводу той или другой книги. Например «Политическая экономия для богатых» представляет собою рецензию на «Курс политической экономии Молинари» («Русск. Сл.» 1860, август); «Политические предрассудки» написаны по поводу «Размышлений о представительном правлении» Дж.-Ст. Милля («Русск. Сл.» 1863); «История преступления» написана по поводу «Истории одного преступления» В. Гюго («Дело» 1878, июль); статья «На что нам нужны женщины?» посвящена «The subjection of women» Дж.-Ст. Милля («Дело» 1869 г., июль); «Страна живых контрастов» вызвана «Письмами об Англии» Луи-Блана («Дело» 1870 г., октябрь); «Историческая школа Бокля» имеет своим подзаголовком «История цивилизации в Англии» («Русск. Сл.» 1863, янв. — март) и т. д. Некоторые из таких статей являются ничем иным, как рецензиями, помещенными в «Библиографическом листке».

Благосветлов рецензировал самые разнообразные по содержанию книги: по естествознанию (например книги Гексли: «О причинах явлений в органической природе» — «Русск. Сл.» 1864, июль, и «Уроки элементарной физиологии» — «Дело» 1867, май; К. Фогта: «Зоологические очерки или старое и новое из жизни людей и животных» — «Русск. Сл.» 1864, апрель), по истории («Записки Вильбуа, современника Петра» — «Общезанимательный Вестник» 1858, № 4; «Об историческом значении царствования Бориса Годунова» и «Тысячелетие России, краткий очерк отечественной истории», соч. Н. Павлова. СПБ., 1863 — «Русск. Сл.» 1864, март), по политической экономии («Основные начала политической экономии» П. Лилеева, СПБ., 1860 — «Русск. Сл.» 1860, декабрь), по юриспруденции («О сословии адвокатов», сочинение гейдельбергского профессора К.-Ю.-А. Миттельмайера, с дополнением Паракена. Издание Бартенева и Ведринского, СПБ., 1864 — «Русск. Сл.» 1864, апрель. «Уголовно-статистические этюды» Н. Неклюдова — «Русск. Сл.» 1865 г., апрель), по механике («Основания механики в ее приложении к машинам» Карла Гольцмана — «Русск. Сл.» 1859, ноябрь) и др.

Есть у Благосветлова целый ряд политических обозрений («Обзор современных событий» — «Русск. Сл.» 1860, сентябрь—декабрь; 1861, январь—август; «Политика» — «Русск. Сл.» 1863, апрель), описание путешествия («Часы моего досуга» — «Общезаним. Вестн.» 1857 и 1858 гг. — в собрании сочинений озаглавлено «Из путешествия по Швейцарии»), биографический очерк об И. И. Введенском («Общезаним. Вест.» 1857) и затем полемические статьи («Буря в стакане воды или копеечное великодушие г. Постороннего сатирика», «Последнее мое объяснение с Посторонним сатириком»—«Русск.

Николай Васильевич, вчера меня выпу-
стили из крепости на свободу. Я часто
вспоминал Вас, потому что сидел
в те дни, в которые были и
Вы. Говорят, что всех арестованных
240 челов., из них почти все будут
освобождены, но кто с ссылкою,
кто с [illegible] рук, и некото-
рые [illegible] кандалами. Только
самые [illegible] преступники [illegible]
[illegible] Застенка.

„Рус. Слово" запрещено бессрочно.
Для Вас [illegible] [illegible] из са-
[illegible] все - десятая, благо-
даря тому обстоятельству, что у
нас во всем [illegible] [illegible]
[illegible], - бедная и беззащитная
[illegible] [illegible] тяжело и я
желал бы быть в это время
вместе с Вами.

Через неделю напишу Вам
подробно, как устроятся наши общие
[illegible] [illegible] надо, потому что
[illegible] надо, а [illegible] и работа [illegible]
[illegible] не [illegible] [illegible]. Но человек
[illegible], [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible], а потому я и думаю, что

„Рус. Слово" воскреснет в другой
форме.

[illegible] [illegible] о [illegible]
переводе в другой город. Весь Петербург
перепуган, как после землетрясе-
ния, и все стараются служить,
но не [illegible] просьбы об
облегчении участи. Лучше подождать
и [illegible] [illegible] [illegible] Вашу
руку и крепко целую Вас и
всех [illegible] [illegible].

7 июня Ваш Благосветлов.

ПИСЬМО Г. Е. БЛАГОСВЕТЛОВА К Н. В. ШЕЛГУНОВУ, НАПИСАННОЕ НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПО ВЫХОДЕ ИЗ КРЕПОСТИ

Письмо было перехвачено III Отделением

Центрархив СССР, Москва

Сл.» 1865, январь—февраль; «Херсонский философ г. Чуйко» — «Дело» 1869, ноябрь; «Литературное мародерство» — «Дело» 1879, март).

Переходим к литературным произведениям Благосветлова. Как увидим ниже, Благосветлов ценил художественную литературу, мало того: он сам пишет очерк «Женитьба от скуки» («Русск. Сл.» 1864, июль—август, подпись «Г. Лунин») и очерк «С берегов Волги» (там же, июнь; подпись «Грицко»; как известно, «Грицко» — псевдоним Г. З. Елисеева); кроме того им написаны хорошие стихи: «На развалинах Помпеи» (из Мопарди) и «Последний поцелуй» (Из Томаса Мура) («Русск. Сл.» 1864, январь; подписи «Г. С—тлов» и «Н. Лунин»).

Среди сочинений Благосветлова значительную часть занимают его литературно-критические статьи, из которых ни одна не включена в собрание его сочинений. Так как критическая деятельность Благосветлова историками литературы не затрагивалась, а между тем это вопрос интересный, то мы даем возможно полный до настоящего времени список его критических статей, в том числе и те, о принадлежности которых Благосветлову доселе не было известно.

1) «Карамзин как переводчик и ценитель Шекспира» («Северное Обозрение» 1849 г., т. I); 2) «Взгляд на русскую критику» («Отеч. Зап.» 1856 г.); 3) «Исторический очерк русского прозаического романа» («Сын Отеч.» 1856 г.); 4) «Современное направление русской литературы» («Общезаним. Вест.» 1857 г.); 5) «Последняя комедия Эмиля Ожье» («Общезаним. Вест.» 1858); 6) «Современное состояние французской литературы» («Русск. Сл.» 1859, апрель); 7) «Два письма нашего парижского корреспондента» (там же, июнь); 9) «Литературный плач о пропаже «российской философии» (По поводу письма, помещенного в № 6 «Времени» под названием «Еще о петербургской литературе» и подписанного «Н. К—о») («Русск. Сл.» 1861, июнь); 10) «Неизданные сочинения и переписка Карамзина», СПБ., 1862 («Русск. Сл.» 1862, март); 11) «Виктор Гюго и последний роман его «Les Misérables» (там же); 12) «Байрон в переводе русских поэтов, изданном под редакцией Ник. Вас. Гербеля» (там же); 13) «Рассказы из записок старинного письмоводителя». А. Высоты (там же, 1864 г.); 14) (под вопросом) «Русская литература XVIII столетия и ее история» («Дело» 1866—1867); 15) «Старые романисты и новые Чичиковы» («Дым» Ив. Тургенева) («Дело» 1868); 16) «Смерть Д. И. Писарева» (там же); 17) «Кто лучше?» («Меж двух огней». Роман в 3-х частях М. В. Авдеева, СПБ., 1869 г., — «Без вины виноватые». Рассказ в двух главах А. К. Владимировой. СПБ., 1869 г.) («Дело» 1869 г.); 18) «Новые вариации на старую тему» (Новые сочинения Г. П. Данилевского, автора романа «Беглые в Новороссии». Издание исправленное и дополненное А. Ф. Базунова. СПБ., 1868 г. (там же); 19) «Критик без критической мерки» (Эм. Золя. Парижские письма из литературы и жизни 1875—1877 гг. Том I. СПБ., 1878 г.) (там же, 1878 г.); 20) «Литературное мародерство» (там же, 1879 г.); 21) «Из дальних лет». Воспоминания Т. П. Пассек, т. I (там же, 1879 г.); 22) «Есть ли о чем вспоминать нам?» («Из дальних лет». Воспоминания Т. Пассек, т. II) (там же, 1880 г.,); 23) В сотрудничестве с другим лицом — «Романист, попавший не в свои сани» (там же, 1880 г.).

Но этот список далеко не полон. Так нам неизвестна статья Благосветлова на тему «Взгляд на русскую критику», посвященная Гоголю [19]; кроме того в одном из журналов первой половины 50-х годов была напечатана статья Благосветлова о Карамзине [20]; весьма возможно, что это — продолжение его статей, печатавшихся в «Сыне Отечества» под общим заглавием: «Исторический очерк русского прозаического романа»; последний очерк (1856 г., № 38) заканчивался упоминанием о Карамзине, к которому автор должен был перейти в следующей статье; была у Благосветлова работа по предмету поэзии и прозы [21]; за границей Благосветлов написал на французском языке статью о Пушкине [22] для одного из женевских журналов; наконец некоторые статьи Благосветлова не были пропущены в свое время цензурой и потому не увидели свет; так можно положительно утверждать, что запрещенная цензурой и сохранившаяся в гранках в делах С.-Петербургского цензурного комитета статья о «Тарасе Шевченко» (1875 г.) была написана Благосветловым; Благосветлову же вероятно принадлежали тоже запрещенные цензурою критические статьи (от 1875 г.); «Нечто о профанах и

Критика.

Народныя беседы. Издание Д. В. Григоровича. Десять выпусков. С.Пбрг. 1860.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА АВТОГРАФА РЕЦЕНЗИИ Г. Е. БЛАГОСВЕТЛОВА НА ИЗДАНИЕ Д. В. ГРИГОРОВИЧА «НАРОДНЫЕ БЕСЕДЫ» (1860 г.)

Публичная Библиотека, Ленинград

ВТОРАЯ СТРАНИЦА АВТОГРАФА РЕЦЕНЗИИ Г. Е. БЛАГОСВЕТЛОВА НА «НАРОДНЫЕ БЕСЕДЫ» (1860 г.)

Публичная Библиотека, Ленинград

«о философских направлениях современной литературы»[23] и «Беллетрист по особым поручениям»[24].

Ни одна из этих статей, как мы уже указали, в собрание сочинений Благосветлова включена не была. Между тем Благосветлов-литературный критик — фигура не менее колоритная, чем Благосветлов-редактор. Больше того: как раз на материале его литературно-критических статей легче всего проследить всю пережитую им идейно-психологическую эволюцию во всей ее сложности и противоречивости. А сложна и противоречива она действительно до чрезвычайности. В молодости он выступил как ученик Иринарха Введенского, позднее, во время пребывания за границей, дал значительный крен вправо: статья «Два письма нашего парижского корреспондента» (1859) написана целиком в плане эстетической критики дружининского типа. По возвращении в Россию, Благосветлов снова меняет свои идеологические вехи в знаменитой полемике о «пушкинском» и «гоголевском» началах, занимая уже крайне левые позиции и ополчаясь не только на Пушкина, но и на Гоголя.

Но, повторяем, уяснить себе не только общее направление эволюции Благосветлова-критика, но и отдельные ее фазы и этапы, мы сможем, только полностью учтя все то, что когда-либо писалось им в этой области. А при том состоянии, в каком сейчас находится литературное наследие Благосветлова, нельзя думать не только о каких-либо обобщениях и выводах, но и хотя бы о первоначальных изысканиях, которые помогли бы разрушить созданную буржуазной историографией легенду и противопоставить ей исторически реальный облик Благосветлова.

Г. Прохоров

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дело III Отделения 1-й экспедиции 1863 г., № 97, ч. II: «О возмутительных воззваниях. Об обществе «Великорусов» и революционной партии, стремящихся к распространению воззваний и к возбуждению волнения в России», л. 19. Ср. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем. Под редакцией М. Л. Лемке, т. XVI. СПБ., 1920, стр. 168.

[2] Там же, стр. 165.

[3] Там же, стр. 85 и Ю. М. Стеклов, Н. Г. Чернышевский. 1928 г., стр. 269.

[4] П. Засодимский, Из воспоминаний. М., 1908, стр. 200.

[5] А. В. Никитенко, Записки и дневник (1804—1877), т. II. СПБ., 1905, стр. 55, 56.

[6] В. Е. Евгеньев-Максимов, Писарев и охранители.—«Голос Минувшего» 1919, кн. I—IV, стр. 138 сл.

[7] К. Военский, Гончаров-цензор. — «Русский Вестник» 1906, кн. X, стр. 582.

[8] О закулисной стороне этого дела см. в «Дневнике» Никитенко, т. I, стр. 621.

[9] Даже на страницах издаваемой ЛИЯ Комакадемии «Литературной энциклопедии», зачастую останавливающейся на совершенно второстепенных писателях, Благоствелову места не нашлось.

[10] Б. П. Козьмин, Г. Е. Благосветлов и «Русское Слово». — «Современник» 1922, кн. I, стр. 192.

[11] С. А. Венгеров в своем «Критико-биографическом словаре» (т. III, стр. 346) сообщал, что Благосветлов после изгнания его из Пажеского корпуса нашел себе уроки в Павловском институте, что не совсем точно (ср. Тимощук, В. В., Михаил Иванович Семевский. СПБ., 1895, стр. 620).

Н. А. Тучкова в своих воспоминаниях ошибочно сообщала («Рус. Старина» 1894, кн. X, стр. 27), что Благосветлов жил в Лондоне довольно долго, «помнится года два». С. А. Венгеров уменьшает (там же, стр. 359) этот срок до одного года. На самом деле Благосветлов в Лондоне пробыл только несколько месяцев.

Тот же С. А. Венгеров писал (стр. 348), что «попытка Благосветлова издавать сборник «Луч» не удалась». Между тем у Шелгунова в его предисловии к сочинениям Благосветлова совершенно верно сообщается, что не удалось выпустить второй том «Луча» (стр. IX). Но и Шелгунов не прав, когда утверждает, что второй том «Луча» «подлежал преданию суду, но суду предан не был». На самом же деле эта книга (редактор-издатель Н. Ткачев) была предана суду, и постановление суда было в свое время напечатано в периодической печати. Любопытно, что это скандальное дело со вторым томом «Луча», кончившееся по существу постыдно для цензурного ведомства, тянулось целых 8 лет.

В 1866 г. Благосветлов был арестован и просидел в Петропавловской крепости (в той же камере, в которой до него сидел Шелгунов) с 13 апреля по 2 июня, т. е. полтора месяца. С. А. Венгеров уменьшает этот срок наполовину (стр. 348).

[12] «Д. И. Писарев», СПБ., 1899 г., стр. 76.

[13] «Русские критики», стр. 459.

[14] «Современник» 1922, кн. I, стр. 217.

[15] Ср. Г. Н. Потанин, Воспоминания о Н. А. Некрасове. — «Историч. Вестник» 1905, кн. II, стр. 477—478.

[16] Вот перечень этих статей: 1) «Реформа Италии, как понимал ее Монтавелли» («Русск. Сл.» 1860, июль, отд. II, стр. 1—59). 2) Политика. «События на Западе Европы» («Русск. Сл.» 1860, сентябрь, отд. II, стр. 15—25). 3) «Роберт Пиль и его политический характер» (там же, сентябрь, отд. III, стр. 1—28). 4) Политика. «Обзор современных событий» (там же, 1860, октябрь, отд. II, стр. 1—16). 5) Политика. «Обзор современных событий» (там же, 1860, ноябрь, отд. II, стр. 7—18). 6) «Несколько слов по поводу Воскресных школ» (там же, 1860, ноябрь, отд. II, стр. 1—5). 7) Русская литература. «Народные беседы». Издание Д. В. Григоровича. Десять выпусков. СПБ., 1860 («Русск. Сл.» 1860, июль, стр. 60 сл.). 8) Два листка из статей Благосветлова об итальянском вопросе. 9) «Убийства на Востоке». Статья неизвестного автора с поправками и дополнениями, сделанными рукой Благосветлова («Русск. Сл.» 1860, сентябрь, отд. II, стр. 1—14). 10) Письмо Ж. Лефрень, из Парижа с поправками рукою Благосветлова («Русск. Сл.» 1860, ноябрь, отд. III, стр. 1—7).

[17] Ср. то, что пишет Быков на эту тему в своих «Силуэтах далекого прошлого» (стр. 36).

[18] В своем перечне биографической литературы о Благосветлове Венгеров упоминает и XI книжку «Дела» за 1880 г., где действительно был помещен некролог Благосветлова. Очевидно Венгеров внес это указание с чужих слов, иначе он не мог бы не натолкнуться в этой книжке на список Быкова, помещенный в самом начале ноябрьской книжки «Дела» после некролога о Благосветлове.

[19] Об этой второй статье Благосветлов писал М. И. Семевскому 7 февраля 1856 г.: «Вторая моя статья выйдет в мартовской книжке» («Отечественных Записок»). Однако в письме от 17 июня того же года Благосветлов пишет по поводу этой второй статьи: «Я написал вторую статью о критике, где коснулся Гоголя. Желая развенчать его, нисколько впрочем не отнимая у него ни огромного таланта, ни его заслуг, я хотел поставить автора «Мертвых душ» наряду с другими нашими романистами. Вследствие этого я предпринял огромный труд — представил историю русского романа, потому что без этой истории мы будем хлопать общими местами и ставить Гоголя под облака, без всяких уважительных доказательств. Статья моя пришлась не по вкусу Краевскому, который боготворит Гоголя, редактор журнала просил меня смягчить тон моих отзывов о Рудым (?) — Панько (псевдоним Гоголя). Я взял статью назад и положил в ящик, нисколько не думая отступаться от своих убеждений. Старчевский, редактор «Библиотеки», пронюхал об этой статье, приехал ко мне и просил поместить ее в «Сыне Отечества», но, подумав хорошенько, я отказал ему, потому что это походило бы на литературную сплетню: первая статья в «Отечественных Записках», а другая в «Сыне Отечества». Пусть лежит под спудом до поры до времени». (Эти выписки из писем Благосветлова в печати не появлялись.)

[20] В письме от сентября 1857 г. из Швейцарии Благосветлов спрашивал В. П. Попова: «Да скажи слово и о том, что мои деньги за статью «Карамзин».

[21] 17 июня 1856 г. Благосветлов писал М. И. Семевскому: «Вам известно, что мне поручили представить пробную работу по предмету прозы и поэзии,—и, если эта работа будет одобрена, поручат составление руководства для военно-учебных заведений. Вот уже семь месяцев, как я собираю материалы и разрабатываю свою задачу... Теперь я весь предан этой пробной работе, которая в случае удачи вознаградит меня за труд».

Арестованный в 1866 г. Благосветлов между прочим показывал в Следственной комиссии, что после 1855 г. он «получил личное поручение от покойного начальника военно-учебных заведений Я. М. Ростовцева составить для военно-учебных заведений руководство по истории литературы русской сравнительно с европейской, что и заставило меня для более добросовестного выполнения возложенного на меня труда отправиться за границу и пробыть там около 3-х лет».—«Дело б. III Отделения: Дело Следственной комиссии 1866 г., № 195 «О редакторе журнала «Русское Слово», чиновнике 10-го класса, Григории Благосветлове».

[22] В сентябре 1857 г. Благосветлов писал В. П. Попову из Швейцарии: «Завтра посылаю статью в женевский журнал на фр. языке: один критик задел нашего Пушкина, я отвечаю ему, доказывая: 1) то, что он ни бельмеса не смыслит в р. литературе, 2) не знает и азбуки р. языка, 3) пишу, что все женевские поэты не стоят и сапога Пушкина. Здесь иное царство, можно обличать все, — все, что ложь и мерзость. Редактор сам просил статью, следовательно напечатает. Жалею одно, что журнал не имеет европейского авторитета» (М. Лемке, Политические процессы, стр. 604).

[23] Цензор не пропустил этой статьи потому, что в ней защищается то реальное направление, которое проводилось в «Русском Слове» и в «Современнике», а эти журналы закрыты по высочайшему повелению.

[24] Статья направлена против Мельникова, напечатавшего «В лесах». Цензор находит неудобной для напечатания статью против произведения, за которое автор удостоился высочайшего подарка: бриллиантового перстня. В отзыв вклеена вырезка из газеты о пожаловании Мельникову за его произведение «В лесах» бриллиантового перстня.

ИЗ ЗАБЫТОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА МАЯКОВСКОГО

Литературное наследство Маяковского до сих пор остается несобранным во всем своем объеме. Десятитомное собрание его сочинений, начатое еще им самим, ни в какой мере не является полным. Сюда не вошел, прежде всего, целый ряд его вполне законченных, но совершенно забытых произведений, разбросанных на страницах различных периодических изданий как дореволюционного периода, так и послереволюционного.

Было бы ошибочно, правда, думать, что все эти произведения могут дать что-либо существенно новое для уяснения поэтического облика Маяковского. Однако, большинство их, даже те, которые повторяют темы стихотворений, включенных в десятитомное собрание, представляют довольно значительную ценность. Все они очень хорошо иллюстрируют сложность и противоречивость творческого пути Маяковского, постепенно изживающего футуристическо-лефовские традиции прошлого. Для критика-литературоведа, изучающего творчество Маяковского, под углом зрения марксизма-ленинизма, исследующего диалектический процесс развития творчества Маяковского, важно учесть не только достижения поэта, но и имевшиеся у него срывы.

Собрать воедино все забытые произведения Маяковского — одна из ближайших задач нашей историко-литературной науки.

Вторая задача — собрать имеющиеся варианты и разночтения, опущенные позднее строфы и т. д. Изучение текстовой истории произведений Маяковского опять-таки дает весьма любопытный материал, помогающий раскрытию творческой лаборатории Маяковского и его творческого метода.

Помочь реализации обеих этих задач — такова установка печатаемых ниже обзоров.

I. МАЯКОВСКИЙ В «НОВОМ САТИРИКОНЕ»

Сотрудничество Владимира Маяковского в журнале «Новый Сатирикон» (1915—1917 гг.) — факт общеизвестный, но до сих пор совершенно не расследованный.

В своей полупародийной автобиографии («Я сам») Маяковский посвящает этому событию одну строку:

«В рассуждении» чего б покушать» стал писать в «Новом Сатириконе».

Между тем выбор им этого журнала из массы издававшихся в то время не случаен, так же, как не случайно и принятие его редакцией в число постоянных сотрудников.

Работа Маяковского в «Новом Сатириконе» не только открыла ему путь к более широкой аудитории, но и во многом предопределила процесс его дальнейшего литературного развития.

Маяковский подчеркивает в автобиографии, что символистская культура стиха была ему совершенно чужда. Между тем еще в свой долитературный период Маяковский был внимательным читателем стихотворений в сатирических журналах. Он воспитывался на культуре неканонизованных, но распространенных и социально-действенных жанров.

Журнал «Новый Сатирикон» был основан в середине 1913 г., когда группа его сотрудников во главе с редактором А. Т. Аверченко вышла из состава редакции журнала «Сатирикон», издававшегося М. Г. Корнфельдом с 1908 г. После ухода наиболее талантливых сотрудников «Сатирикон» захирел и прекратил свое существование в 1914 г. на № 16.

«Новый» Сатирикон» издавался в продолжение пяти лет (в 1918 г. вышли № 1—18).

«Сатирикон» был органом умеренно-либеральной сатиры. Общественная направленность его была очень ослабленной по сравнению с журналами эпохи первой революции. Преобладали в нем жанры бытовой сатиры и развлекательной юмористики, нередко с бульварно-эротическим оттенком.

В отличие от старого «Сатирикона» «Новый» был более заострен публицистически и подвергался цензурным преследованиям особенно в годы империалистической войны.

Из многочисленных стихотворцев «Сатирикона» следует отметить Сашу Черного, Петра Потемкина и Валентина Горянского.

В числе постоянных сотрудников «Сатирикона» кроме того мы встречаем С. Городецкого (Сатир), В. Воинова, А. Радакова, А. Рославлева и др. Позже к ним присоединились Н. Агнивцев, Евгений Венский, В. Князев и др. Из представителей «высокой» поэзии в «Сатириконе» эпизодически печатались О. Мандельштам, М. Кузьмин, Н. Гумилев, А. Блок, В. Пяст.

Маяковский впервые выступил в № 9 «Нового Сатирикона» (26 февраля 1915 г.) со стихотворением «Судья».

С этого времени началось его постоянное сотрудничество в журнале.

Приводим полный список стихотворений Маяковского, напечатанных в «Новом Сатириконе» в течение 1915—1917 гг.

Эти стихотворения перепечатаны в позднейших книгах Маяковского: часть в книге «Простое, как мычание» (П. 1916), а часть только в книге «Все сочиненное Маяковским» (П. 1920).

В журнале пять стихотворений были иллюстрированы рисунками А. Радакова («Судья», «Ученый», «Гимн здоровью», «Гимн взятке», «Лучше не называть») и одно стихотворение («Гимн обеду») рисунком Ре-Ми.

1. Судья	1915,	№ 9[1]
2. Ученый	„	№ 12[1]
3. Военно-морская любовь	„	№ 25
4. Гимн здоровью	„	№ 27
5. Гимн критику	„	№ 28
6. Гимн обеду	„	№ 29
7. Теплое слово кое-каким порокам	„	№ 30
8. Вот так я сделался собакой (Нам. Вам. Им) . .	„	№ 31
9. Кое-что по поводу дирижера	„	№ 32
10. Пустяк у Оки	„	№ 33
11. Великолепные нелепости	„	№ 34
12. Гимн взятке	„	№ 35
13. Внимательное отношение к взяточникам . . .	„	№ 35
14. Чудовищные похороны .	1915,	№ 36
15. Мое к этому отношение	„	№ 38
16. Эй!	1916,	№ 8
17. Издевательства. Цикл, из пяти. I. Не говорите глупостей	„	№ 45
18. Лучше не называть . .	„	№ 46
19. Дешевая распродажа .	„	№ 48
20. Мрак	„	№ 49
21. Лунная ночь (пейзаж) .	„	№ 49
22. Следующий день . . .	„	№ 50
23. В. Я. Брюсову на память	„	№ 51
24. Хвои	„	№ 52
25. Братья писатели . . .	1917,	№ 3
26. Восстанавливаю (Отрывок из „Облако в штанах") .	„	№ 11

Но два небольших стихотворения «Лунная ночь» и «В. Я. Брюсову на память» остались неперепечатанными и потому неизвестными.

Первое из них было напечатано в № 49, вышедшем 1 декабря 1916 г. за полной подписью В. Маяковского:

ЛУННАЯ НОЧЬ

(Пейзаж)

Будет луна
Есть уже;
Немножко.
А вот и полная повисла в воздухе.
Это бог, должно быть,
дивной
серебряной ложкой
роется в звезд ухе.

В. В. МАЯКОВСКИЙ
Рисунок Н. И. Кульбина (1913 г.)

Второе, появившееся в № 51 (15 декабря 1916 г.), было подписано одним инициалом: М.

В. Я. БРЮСОВУ НА ПАМЯТЬ

«Брюсов выпустил окончание поэмы Пушкина «Египетские ночи». *Альманах «Стремнины»*.

Разбоя след затерян прочно
во тьме египетских ночей.
Проверив рукопись
построчно,
гроши отсыпал казначей.
Бояться нам рожна какого?
Что
против — Пушкину иметь?
Его кулак
навек закован
в спокойную к обиде медь!

Сравнительный анализ текстов стихотворений, перепечатанных в сборниках «Простое, как мычание» и «Все сочиненное Маяковским», показывает, что Маяковский в общем придерживался первопечатной редакции.

Обычно во второй редакции изменяется только пунктуация и (значительно реже) разбивка на отдельные строки. Следует помнить, что с одной стороны в первопечатных редакциях пунктуация произвольно выправлялась и изменялась корректорами, а с другой стороны — что Маяковский членил свой стих не по грамматическим разделам,

а по ритмико-интонационным отрезкам («...у меня ненависть к точкам. К запятым тоже»).

Кроме того в сборнике «Все сочиненное Маяковским» вообще много опечаток и пунктуацию текста в нем нельзя считать каноничной.

Любопытны только некоторые мелкие разночтения, повторенные в последующих переизданиях и могущие быть осмысленными как стилистические исправления.

Таковы, например, разночтения в тексте «Братья писатели» (налево — текст из «Нового Сатирикона»):

Сидите! Глазенки в чай канув!	Сидите, Глазенки в чаишко канув.

Несомненным стилистическим усилением является «уничижительная» форма «чаишко», введенная во второй редакции.

Единственный пример сложной переделки представляет собой стихотворение «Не говорите глупостей», названное во второй редакции «Никчемное самоутешение».

Переделки в нем объясняются тем, что оно было напечатано в «Новом Сатириконе» как первое стихотворение особого цикла, задуманного Маяковским по образцу циклов других сатириконских авторов (Горянского, Потемкина).

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА

(Цикл из пяти)

Павлиньим хвостом распущу фантазию в пестром цикле,
душу во власть отдам рифм неожиданных рою.
Хочется вновь услыхать, как с газетных столбцов зацыкали
те,
кто у дуба, кормящего их,
корни рылами роют.

Так как цикл по неизвестным нам причинам не был осуществлен, то это вступление, пародирующее торжественный стих Илиады полемическими выпадами и басенными реминисценциями, не было перепечатано ни в одном из позднейших сборников Маяковского.

Приводим для сравнения первоначальный текст стихотворения «Не говорите глупостей» с его позднейшей редакцией:

НЕ ГОВОРИТЕ ГЛУПОСТЕЙ	НИКЧЕМНОЕ САМОУТЕШЕНИЕ
Мало извозчиков?! Тешьтесь ложью! Видана-ль шутка площе чья? Улицу врасплох огляните, из рож ее чья не извозчичья? Поэт ли поет о себе и о розе, девушка ль в локон выплетет ухо; вижу тебя сошедшего с козел, король трактиров, ерник и ухарь. Если скажут мне: «Помните, Сидоров помер». Не забуду, удивленный, глазом смерить их... О, кому охота помнить номер нанятого тащиться от рождения к смерти.	Мало извозчиков? Тешьтесь ложью. Видана-ль шутка площе чья! Улицу врасплох огляните из рож ее чья не извозчичья. Поэт ли поет о себе и о розе. девушка ль в локон выплетет ухо. вижу тебя сошедший с козел король трактиров ерник и ухарь. Если говорят мне —Помните Сидоров помер —

Все равно мне,
что они лошадей не поят,
что утром не начищивают дуг они;
с улиц
с бесконечных козел
тупое лицо их
открытое лишь мордобою и ругани.
Орет орава!
Толстая,
на вате,
красная
— клюквы воз-щека.
Некоторые без лошадей еще,
и разве хватит
лошадей на стольких извозчиков.
Дети!
Только вы еще остались.
Ничего.
Подрастаете.
Скоро
в жиденьком кулаченке зажмете кнутовище
отборной руганью потрясая город.
Хожу меж извозчиков,
шляпу на-нос надвинув,
иду
торжественней, чем строчка Державинских од.

День еще,—
и один останусь
я,
медлительный и мечтательный пешеход.

не забуду
удивленный
глазами смерить их.
О, кому же охота
помнить номер
нанятого тащиться от рождения к смерти?!
Все равно мне
что они коней не поят
что утром не начищивают дуг они;
с улиц
с бесконечных козел
тупое
лицо их
открытое лишь мордобою и ругани.
Дети
вы еще
остались.
Ничего.
Подрастете.
Скоро
в жиденьком кулаченке зажмете кнутовище
материой руганью потрясая город.
Хожу меж извозчиков.
Шляпу на нос.
Торжественней чем строчка Державинских од.

День еще
и один останусь
я
медлительный и вдумчивый пешеход.

Разбивка строчек во второй редакции закрепляет индивидуальную систему читки Маяковского, дробившего стих на отдельные интонационно-весомые куски. Переделки текста, помимо общей стилистической правки, можно разбить на две основные категории: приближение синтаксиса к лаконичным разговорным оборотам («шляпу на нос») и смысловое заострение эпитетов («матерной руганью»).

В результате переделки в стихотворении выпала целая строфа, начинающаяся со слов «Орет орава!»

Последним выступлением Маяковского в «Новом Сатириконе» было напечатание вскоре после Февральской революции отрывка из поэмы «Облако в штанах». Тексту было предпослано краткое предисловие, озаглавленное «Восстанавливаю».

«Моя книга «Облако в штанах» была послана в цензуру под первоначальным названием «Тринадцатый апостол». Помещаю из этой изуродованной в первом и кастрированной во втором издании книги — 75 строк». Дальше идет текст, завершающий вторую часть поэмы и начинающийся со слов: «Я обсмеянный у сегодняшнего племени» и отрывок из третьей части — от слов «Вдруг и тучи и облачное прочее» до «на небе красный как марсельеза вздрагивал, околевая закат». Ввиду общеизвестности этих текстов мы считаем излишним приводить их. Единственное расхождение «сатириконского» текста с каноничной редакцией («Все сочиненное Маяковским») заключается в перестановке трех последних строф отрывка. Первая строфа, начинающаяся со слов: «Пускай земля под ножами припомнится» в сатириконской редакции дана как третья, вторая — как первая, а третья — как вторая. Отрывок датирован: июль 1915 г.

Разночтения с каноничной редакцией незначительны: «я выжег душу где нежность растили» (вместо «души» во второй редакции). В смежных строфах, начинающихся со

слов «Гром из-за тучи зверея вылез» отсутствуют анафорические союзы «и» в четырех строках: «и небье лицо секунду кривилось»... «и кто-то»... «и будто по-женски»... «и нежный как будто».

Есть сведения, что еще в 1916 г. Маяковский надеялся, что его поэма «Облако в штанах» будет издана «Новым Сатириконом» . К. И. Чуковский сообщает в своих воспоминаниях («Маяковский в пятнадцатом»): «Сатирикон» задыхался тогда в цензурных тисках и, конечно, не мог получить разрешения на издание революционной антирелигиозной поэмы».

Еще более любопытно указание в мемуарах Л. Ю. Брик: «Никто не хотел печатать «Облако», хотя Володя уже печатался в «Сатириконе» и «Сатирикон» даже купил у него книжку стихов».

Этот сборник не вышел в свет. В нашем распоряжении находится сверстанный первый лист этой книги. Мы приводим здесь подробное его описание.

На 1-й полосе (титульном листе) напечатано: Маяковский. Для первого знакомства.

На 3-й полосе напечатано стихотворение «Я сошью себе черные штаны из бархата голоса моего», впервые опубликованное в «Первом журнале русских футуристов» (М., 1914, стр. 3). В книге оно перепечатано без всяких изменений, только в некоторых местах пунктуация изменена в сторону общелитературной нормы. Это стихотворение является как бы вводным ко всей книге.

На 5-й полосе — заголовок отдела: Кофта желтая.

На следующих полосах напечатаны стихотворения, которые мы здесь перечисляем с указанием изданий, где они были впервые опубликованы:

Нате! (пол. 7)	«Рыкающий Парнас» Спб. 1914, стр. 5
Гимн здоровью (пол. 8)	«Новый Сатирикон» 1915, № 27, стр. 8
Жирных, глухих, глупых (пол. 9)	«Трагедия Владимира Маяковского» М., 1914, стр. 9—10
Еще я (пол. 10)	«Первый журнал русских футуристов», М., 1914, стр. 67
Кое-что по поводу дирижера (пол. 11)	«Новый Сатирикон» 1915, № 32, стр. 6
Вот так я сделался собакой (пол. 12)	«Новый Сатирикон» 1915, № 31, стр. 7
Ничего не понимают (пол. 14)	«Рыкающий Парнас» Спб. 1914, стр. 6
А вы могли бы (пол. 15)	«Требник троих» М., 1913, стр. 35

Анализ текстов этих стихотворений доказывает, что они ближе к первопечатной редакции, чем к текстам, напечатанным в книге «Простое, как мычание». Разночтения очень незначительны.

Единственное исключение — стихотворение «А вы могли бы», которое только в этой неосуществленной книге получает общеизвестную редакцию (см. «Простое, как мычание», «Все сочиненное Маяковским», «Собрание сочинений Маяковского», т. I).

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ	ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ
На чешуе жестяной рыбы	Я сразу смазал карту будня
Прочел я зовы вещих губ	Плеснувши краску из стакана
А вы, ноктюрн сыграть могли бы	И показал на блюде студня
На флейте водосточных труб?	Косые скулы океана.
Я стер границы в карте будня	На чешуе жестяной рыбы
Плеснувши краску из стакана	Прочел я зовы новых губ
И показал на блюде студня	А вы ноктюрн сыграть могли бы
Косые скулы океана.	На флейте водосточных труб?

Мы видим, что во второй редакции стихотворение стало значительно энергичнее и приобрело композиционную законченность. Тема «косых скул океана» теснее связалась с темами второго четверостишия и обращение «в публику», поставленное в конце стихотворения, получило большую интонационную силу.

В 13-й строке стихотворения «Нате!» следует отметить замену эпитета «Неотесанному гунну» на «грубому гунну». Новый эпитет, несомненно, более интенсивен не только в смысловом, но и в звуковом отношении.

В стихотворении «Кое-что по поводу дирижера» сохранен первоначальный текст:

Труба, изловчившись, в спокойную морду
Ударила горстью медных слез.

Только в книге «Простое, как мычание» Маяковский дает новую и окончательную редакцию: «в сытую морду».

Некоторые стихотворения переименованы; так, например, стих. «А все-таки» первоначально называлось «Еще я», а стихотворение «Ничего не понимают» — «Пробиваясь кулаками».

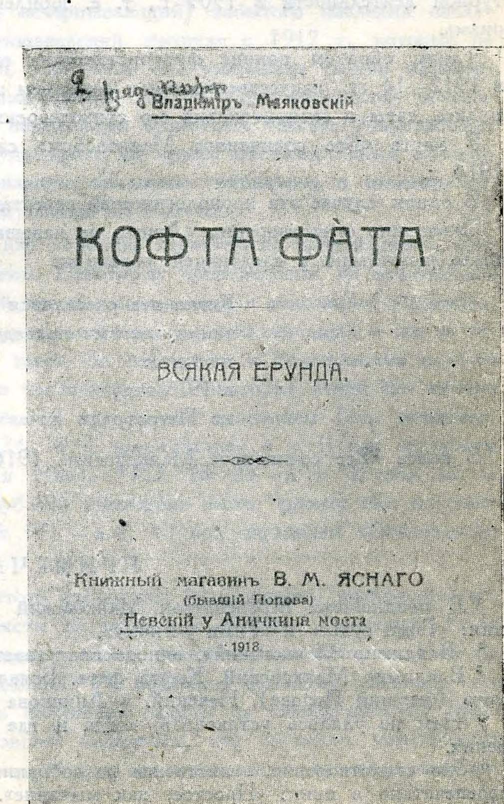
Стихотворение «Жирных, глухих, глупых» первоначально входило в трагедию «Владимир Маяковский», как монолог поэта, и только в сборнике было включено в цикл тематически близких к нему «эстрадных» стихотворений.

С «сатириконским» периодом работы Маяковского связана и вторая неизданная его книга «Кофта фата», сверстанный экземпляр которой хранится в настоящее время на выставке работ Маяковского в Литературном музее Публичной библиотеки им Ленина[3]. «Кофта фата», за исключением трех стихотворений, состоит из вещей, напечатанных в «Новом Сатириконе».

Книга разбита на два отдела «Пестрая кофта» и «Домашняя кофта», заглавия которых перекликаются с названием цикла стихов в книге «Для первого знакомства».

Вот оглавление книги:

ПЕСТРАЯ КОФТА	ВПЕРВЫЕ НАПЕЧАТАНЫ
Уличное (пол. 5)	«Садок Судей» II, М., 1913, стр 62
В авто (пол. 6)	?[4]



ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ НЕВЫШЕДШЕЙ КНИГИ МАЯКОВСКОГО «КОФТА ФАТА»

Литературный музей, Москва

Пустяк у Оки (пол. 7)	«Новый Сатирикон»	1915,	№ 33,	стр. 10
Внимательное отношение к взяточникам (пол. 8—10)	” ”	1915,	№ 35,	стр. 4
Мое к этому отношение (пол. 10—12)	” ”	1915,	№ 38,	стр. 5
Эй! (пол. 12—14)	” ”	1916,	№ 8,	стр. 5
Ученый (пол. 15—16)	” ”	1915,	№ 12,	стр. 12
Судья (пол. 17—19)	” ”	1915,	№ 9,	стр. 2[5]
ДОМАШНЯЯ КОФТА	? [4] ВПЕРВЫЕ НАПЕЧАТАНЫ			
Мысли в призыв (пол. 23—25)				
Хвои (пол. 25—28)	«Новый Сатирикон»	1916,	№ 52,	стр. 11
В. Я. Брюсову на память (пол. 28)	” ”	1916,	№ 51,	стр. 3
Братья писатели (пол. 23—31).	” ”	1917,	№ 3,	стр. 8

На последней полосе приведен перечень книг Маяковского, исчерпывающий его литературную продукцию до 1918 года.

«Я»—50 к., распр.
«Владимир Маяковский»—трагедия— 1 р.
«Облако в штанах»—1 р., распр.
«Флейта позвоночник»—60 к., распр.
«Простое как мычание»—1 р. 50 к.
«Облако в штанах», II изд., без цензуры —2 р.
«Человек вещь»—3 р.
«Война и мир»—2 р. 75 к.

Тексты ранних и сатириконских стихотворений, напечатанных в «Кофте фата», не отличаются от первопечатной редакции.

Все стихотворения Маяковского, опубликованные в «Новом Сатириконе» (1915—1917 гг. (за исключением перепечатанных нами выше двух мелких вещей), были собраны им впервые в книге «Все сочиненное Маяковским» (1909—1919).

Необходимо отметить, что в этой книге Маяковский приурочил начало своей литературной деятельности в 1909 г., т. е. юбилейной дате возникновения русского футуризма.

Таким образом ранние футуристические его вещи, написанные и опубликованные в 1912—14 гг., искусственно были сдвинуты на три года назад и соответственно сдвинулись даты и сатириконских его стихотворений.

В книге «Все сочиненное Маяковским» сатириконские стихи помечены 1913 и 1914 г.

В одном случае эта хронологическая перестановка потребовала даже переделки текста.

Окончание стихотворения «Лучше не называть» в «Новом Сатириконе» 1916, № 46 было напечатано в следующей редакции:

Когда все расселятся в раю и в аду,
земля итогами подведена будет —
помните:
в 1916 году
из Петрограда исчезли красивые люди.

В книге «Все сочиненное Маяковским» 1916 год заменен 1914.

В. Тренин, Н. Харджиев

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В позднейших перепечатках Маяковский дал этим стихотворениям новые названия: «Гимн судье» и «Гимн ученому».

[2] «Владимир Маяковский», однодневная газета ЛОФОСП, Л. 1930.

[3] Владимир Маяковский. Кофта фата. Всякая ерунда. Книжный магазин В. М. Ясного (бывший Попова), Невский, у Аничкова моста. 1918 (31 стр.).

[4] Нам не удалось установить, когда и где были раньше напечатаны эти стихотворения.

[5] Это стихотворение, единственое из собранных в книге «Кофта фата», было раньше перепечатано в книге «Простое, как мычание».

II. НЕСОБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО МАЯКОВСКОГО

Весь послереволюционный поэтический путь Маяковского тесно связан с нашей периодической прессой. В 1917 г. сотрудничество в газете «Новая Жизнь», в 1918—1919 гг. не только сотрудничество, но и организация футуристической печати («Газета футуристов»), активное участие в еженедельном органе Отдела изобразительных искусств Комиссариата народного просвещения («Искусство коммуны»), в 1919—21 гг.,—работа в Росте, 1923—25 гг.— редакторство в «Лефе», с 1923—25 гг.— широкий размах работы в толстых и тонких журналах (в «Красной Нови», «Новом Мире», «Молодой Гвардии», «Огоньке», «Прожекторе», «Экране», и пр.) и газетах (в «Правде», «Известиях», «Труде», «Рабочей Москве», «Вечерней Москве», «Заре Востока», «Бакинском рабочем» и многих других), наконец период «Комсомольской Правды» (1927—1928 гг.).

Наряду с центральными органами, в список периодических изданий, в которых сотрудничал в годы революции Маяковский, должен быть включен ряд профсоюзных журналов и газет («Гудок», «Голос текстильщика», «Ленинградский металлист» и т. д.), фабрично-заводских органов («Электрозавод»), кооперативных («Город и деревня») и ряд таких журналов, как «Радиослушатель», «Трезвость и культура», «Женский журнал», «Изобретатель», «За рулем», «Киножурнал», детские — «Пионер» и «Еж», не говоря уже о целом цикле юмористических журналов — «Бузотер», «Бегемот», «Крокодил», «Красный Перец», «Крысодав», «Бов», Смехач», «Чудак» и т. д

Именно газета, массовый журнал давали широкий простор творчеству поэта-«газетчика». «В работе сознательно перевожу себя на газетчика. Фельетон, лозунг. Поэты улюлюкают — однако сами газетничать не могут, а больше печатаются в безответственных приложениях», — пишет Маяковский в своей автобиографии под рубрикой 1926 г. Таким образом периодическая пресса является одним из основных источников для собирания забытого литературного наследства Маяковского.

Наша задача — дать образ (отнюдь не исчерпывающий) забытого наследия послереволюционного Маяковского, т. е. тех произведений, начиная с 1917 г., которые не вошли в десятитомное собрание сочинений. При этом мы указываем только произведения, напечатанные в московской и ленинградской прессе. Провинциальной прессы, в которой мы находим главным образом перепечатки известных текстов Маяковского, текстов, которые он читал в массовых аудиториях во время многочисленных поездок по Советскому Союзу («Продолжаю прерванную традицию трубадуров и менестрелей. Езжу по городам и читаю»), мы в нашем обзоре не касаемся.

Из столичной прессы мы выделяем только наиболее характерные произведения, причем исходим из сравнения с десятитомником. Некоторые произведения, не включенные в собрание сочинений, кроме периодической прессы, помещались в отдельных сборниках, изданных Маяковским еще при жизни, другие вовсе не перепечатывались, и мы в таких случаях имеем один первоначальный текст. За неимением в большинстве случаев рукописей, значение этих текстов особенно увеличивается. Некоторые стихи без всяких изменений вошли в собрание сочинений только под другим названием (см., например, «О развлечениях Европы» — «Огонек» 1924, № 8, напечатанное в т. II под заглавием «Кино-поветрие», «Комсомолец»—«Красная Нива» 1923, № 23— в т. II под заглавием «Марш комсомольца», «Иди по республике тревожная весть: фронта нет, но опасность есть» — «Рабочая Москва» 1927, № 121 — в т. VI под заглавием «Осторожный марш» и т. д.).

Раньше чем переходить к обзору забытого наследства Маяковского, необходимо поставить вопрос — почему те или иные тексты не попали в собрание сочинений. Надо сказать, что большинство томов было подготовлено к печати самим автором. Что заставило его пропустить ряд своих произведений? Не подлежит никакому сомнению, что большая часть их не попала в собрание сочинений просто по «забывчивости» Маяковского. Немудрено, что поэт, уничтожавший черновики, мог случайно, неумышленно пропустить ряд стихов, разбросанных на страницах многочисленных периодических из-

даний. С другой стороны, могли быть сознательные пропуски: в собрание сочинений не вошли стихи, имевшие чисто местное, рекламное значение (например, обращения к подписчикам журналов), стихи, которые, по мнению автора, могли рассматриваться, как утратившие свою социальную значимость, стихи художественно малоценные, слабые.

Перейдем к характеристике материала, не вошедшего в десятитомник.

В газете «Новая жизнь», где Маяковский печатает в 1917 г. отдельные главы из «Война и Мир», помещает он и свои первые произведения, написанные в промежуток между Февральской и Октябрьской революциями («Революция», «Отношение к лошадям», «К ответу»). Два первых произведения были в позднейшей печати несколько изменены. «К ответу» же («Новая жизнь» 1917, № 96, 9/22 авг.) не переиздавалось, в то время как в ряду ранних послереволюционных произведений это стихотворение занимает значительное место и в плане откликов Маяковского на империалистическую войну представляет большой интерес. В стихотворении этом, написанном незадолго до Октябрьской революции, уже нет характерных для поэмы «Война и Мир» пацифистских мотивов, протеста против бессмысленного убийства человека, против войны «вообще». В нем указываются цели империалистической войны; встает уже реальный «ответчик» за мировую бойню, «кровавую баню»— капиталистический мир; счет предъявляет не просто человечество. а «отдающий жизнь свою им» пролетариат.

К ОТВЕТУ

Гремит и гремит войны барабан.
Зовет железо в живых втыкать.
Из каждой страны
за рабом раба
бросают на сталь штыка.
За что?
Дрожит земля
голодна
раздета.
Выпарили человечество кровавой баней
только для того,
чтобы кто-то,
где-то
разжился Албанией.
Сцепилась злость человечьих свор
падает на мир за ударом удар
только для того,
чтоб бесплатно
Босфор
проходили чьи-то суда.
Скоро
у мира
не останется неполоманного ребра.
И душу вытащат.
И растопчут там ее
только для того,
чтоб кто-то
к рукам прибрал
Месопотамию.
Во имя чего
сапог
землю растаптывает скрипящ и груб?
Кто над небом боев?
Свобода.
Бог.
Рубль.
Когда же встанешь во весь свой рост,
ты,
отдающий жизнь свою им.
Когда же в лицо им бросишь вопрос
За что воюем?

Первые годы после Октябрьской революции всецело проходят для Маяковского под знаком «утверждения революционного искусства», под знаком борьбы за искусство, отданное на службу революции.

Любопытен, как иллюстрация позиций Маяковского — футуриста этих лет, не попавший в собрание сочинений материал из «Газеты футуристов», выпущенной в 1918 г. (вышел один номер) Маяковским, Бурлюком и Каменским. В написанном этими тремя авторами «Декрете о демократизации искусства», «Манифесте летучей федерации футуристов», футуристы, именующие себя «пролетариями искусства», зовут «пролетариев фабрик и земель к третьей бескровной, но жестокой революции Духа». Они призывают художников и писателей «немедля взять горшки с красками и кистями своего мастерства и иллюминовать, разрисовывать все бока, лбы и груди городов, вокзалов и вечно-бегущих стай железнодорожных вагонов».

Там же Маяковский пишет «Открытое письмо рабочим» — призыв к «здоровому, молодому, грубому» искусству футуристов, к разрушению искусства старого мира. «С удивлением смотрю как с подмостков взятых театров звучат «Аиды» и «Травиаты» со всякими испанцами и графами, как в стихах, приемлемых вами, те же розы барских оранжерей и как разбегаются глаза ваши перед картинами, изображающими великое прошлое... Знайте, нашим шеям голиафов труда нет подходящих номеров в гардеробе воротничков буржуазии. Только взрыв революции Духа очистит нас от ветоши старого искусства».

Все эти декларации — как бы теоретическая предпосылка к ряду произведений Маяковского 1918—1921 гг.: «Мистерия-буфф» (где в прологе перефразируются основные положения «Письма» и которая сама является первым «революционным действом», пришедшим на смену «ветоши старого театра», «Приказ по армии искусств», «Мы», «Поэт и рабочий», «Той стороне» и др.— все это художественное развитие и реализация тех же деклараций.

Совершенно особый интерес в художественном наследии Маяковского первых поеволюционных лет представляют собой материалы «Росты». Часть их, то, что подготовлено было к печати самим Маяковским, опубликовано в сборнике «Грозный смех» (ГИХЛ, 1932), многое же остается еще достоянием архива. Между тем работа Маяковского в «Окнах Росты»— значительный этап в творчестве Маяковского. Именно Роста была началом пути Маяковского — газетчика и агитатора. На практической ростинской работе он столкнулся с необходимостью обрабатывать конкретные факты, переводить язык политических фактов, официальных сообщений в экспрессивно-плакатные художественные образы. Эта работа была началом его злободневно-политической сатиры, занимающей центральное место в творчестве послереволюционного Маяковского. И не случайно второй вариант «Мистерии-буфф», написанный в 1921 году, потерпел значительные изменения именно по линии большей его агитационной заостренности и конкретизации фактов.

1921 год можно считать началом широкой деятельности Маяковского, как газетчика и журналиста. На 1922—1924 гг. падает наибольшее количество затерянных в периодической прессе произведений поэта. В отборе стихов Маяковского для собрания сочинений, очевидно, играла роль нередко, как мы уже говорили, критическая переоценка написанного ранее. Однако поставить точные грани между тем, что было забыто и что отвергнуто автором, как менее удачное, на основании имеющегося материала очень трудно. Не углубляя этого вопроса, переходим к дальнейшей характеристике забытого наследства, располагая его по темам, но вместе с тем придерживаясь по мере возможности, как и раньше, хронологического принципа.

С 1921 г. Маяковский начинает сотрудничать в «Известиях», принимает деятельное участие в создании массового юмористического журнала «Бов» (боевой орган весельчаков), где для первого (и единственного) номера рисует обложку; пишет ряд стихов и, наконец, иллюстрирует «Сказку для шахтера». В ряде вновь начинающих выходить журналов Маяковский помещает также рекламные, агитирующие за подписку стихотворения, например, для «Крокодила»—«Нате — басня о Крокодиле и подписной плате» («Крокодил» 1922, № 4), для «Крысодава» — «Мы» («Крысодав» 1923, № 4- и т. д. Некоторые из этих стихотворений отнюдь не носят узко-рекламного характера. Стихотворение «Мы» является по существу одной из многочисленных сатир Маяковского, направленных против внутреннего классового врага. Призыв к борьбе с этим притаившимся врагом, «армией крысячьей» Маяковский использует для рекламной концовки, раскрывающей цели журнала.

МЫ

Днем
благоденствуют дома и домишки:
ни таракана
ни мышки.

Товарищ —
на этом не успокаивайся очень —
подожди ночи.
При лампе — ничего.

А потушить ее
из-за печек,
из-под водопровода,
вылазит тараканье
всевозможного рода.
черные,
желтые,
русые,
усатые,
безусые.
Пустяк, что много.
Полезут они
и в рассыпную —
только кипятком шпарни.
Но вот (задремлете лишь)
лезет
из щелок
разная мышь.
Нам
мышь не страшна.
Пусть себе
в ожидании красной кошки
ест
понемногу
нэпские крошки.
Наконец,
когда все еще храпов свищет,
из нор
выползают ручные крысищи.
Сахар попался —
сахар в рот.
Хлеб по дороге —
хлебище жрет.
С этим
не будь чересчур кроткий.
Щеки выгрызут,
вопьются в глотки.
Чтоб на нас
не лезли, как на окорок висячий,
волю зубам крысячьим, дав,
для борьбы с армией крысячьей
учреждаем

Крысодав.

Довольно обширен цикл неперепечатанных стихотворений-откликов на первомайскую тему. Большинство из них — это приветственные гимны коллективу, труду, борьбе, написанные в форме боевого призыва, победного марша. Вот одно из них, типичное для этого цикла — «1-ое мая» («Красная Нива» 1923 г., № 17):

ПЕРВОЕ МАЯ

Свети!
Во всю небес солнцеглазье!
Долой —
толпу облаков белоручек!
Радуйтесь звезды, на митинг вылазя.
Рассейтесь буржуями, тучные тучи!
Особенно люди.
Рабочий особенно.
Вылазь!
Сюда из теми подвальной!
Что стал?
Чего глядишь исподлобленно?
Иди!
Подходи!
Вливайся!
Подваливай!
Манометры мозга!
Сегодня меряйте!
Сегодня —
считайте сердечные счетчики,—
развертывается-ль восточный ветер?!
Вбирает ли смерч рабочих точки?!
Иди, прокопченный!
Иди, просмоленный!
Иди!
Чего стоишь одинок?!
Сегодня
150 000 000 —
шагнули
300 000 000 ног
Пой!
Шагай!
Границы провалятся!
Лавой распетой
на старое ляг!
1 500 000 000 пальцев!
Крепче,
выше маковый флаг!
Пенье вспень!
Расцепи цепененье!
Смотри —
отсюда —
Видишь,
тут,
12 000 000 000 сердцебиений —
с вами,
за вас,
в любой из минут.

С нами!
Сюда!
Кругосветная масса
Эс-эс-эс-эр-ручища —
вот вам!
Вечным
единым маем размайся —
1-го Мая,
2-го
и 100-го.

В 1925 г. Маяковский пишет в «Рабочей Москве» (№ 98) другой «Май» — это новый, советский май, который дается в контрастном сопоставлении со старым первым мая.

МАЙ

Помню
старое
1-ое мая.
Крался тайком
за последние дома я.
Косил глаза:
где жандарм,
где казак?
Рабочий
в кепке
в руке — перо
Сходились —
и дальше буркнув пароль.
За Сокольниками
ворами, —
шайкой,
Таились самой
глухой лужайкой.
Спешили
надежных
в дозор запречь.
Отмахивали
наскоро
негромкую речь.
Рванув
из-за пазухи
красное знамя,
шли
и горсточкой
блузы за нами.
Хрустнул
куст
под ломажьей ногою.
— В тюрьму!
Под шашки!
Сквозь свист нагаек! —
Но нас
безнадежность
не жала тоскою:
Мы знали —
за нами
мир заводской.
Мы знали —
пресует
минута эта —
Трудящихся
нищих
целого света.
И знал
знаменосец
под шашкой осев,
Что его кровь —
самый
вернейший посев
Настанет —
пришедших
не счесть поименно, —
Миллионами
красные
встанут знамена!
И выйдут
в атаку
веков и эр
Несметные силища
Эс Эс Эс Эр.

Из серии первомайских следует также отметить стихотворение «Два мая» («Вечерняя Москва» 1915, № 97), разоблачающее буржуазный мир и призывающее к борьбе с ним. Это стихотворение во многом перекликается с дореволюционным творчеством Маяковского, с «Мистерией-буфф» и «150 000 000», как по характеру разоблачения буржуазии («Их бог, как и раньше, жирен с лица»), так и по изображению утопической картины будущего.

Среди других непереизданных стихотворений заслуживает внимания написанное в форме призыва к боевой готовности стихотворение на тему обороны Союза — «Наказ» («Красный журнал для всех» 1923, № 7—8):

НАКАЗ

Хоть пока
победила
рабочая рать,
Хоть пока
на границах
мир,
Но не время
еще
в землю штык втыкать —
Красных армий
ряды
крепи.
Чтоб не смел
никогда
никакой Керзон
Брать на пушку
горланя ноты —
Даже
землю паша,
помни,
сабельный звон,
Помни
марш
атакующей роты.
Молодцом
на коня
боевого
влазь!
По земле
пехотинься пеший-
С неба
землю всю
глазами оглазь,
На железного
коршуна
севши.
Мир пока,
Но на страже
красных голов
Стой
на нашей красной вышке!
Будь смел!
Будь умел!
Будь всегда готов
Первым
ринуться
в первой вспышке.
Нынче
сына
даем
не царям на зарез.
За себя
этот боище
начат.
Провожай
рекрутов,
молодец,
Провожай
поя,
а не плача.
Чтоб буржуи
вновь
не взнуздали нас.
Крестьянин,
рабочий,
всякий,
Провожая
сынов
давайте наказ:
Будьте
верными
красной присяге.

Следующая группа забытых стихотворений 1923—24 гг. объединена темой международной политики. Сюда относятся, главным образом, произведения общедекларативного характера, как например, «Коминтерн» («Известия» 1923, № 36), о Лиге наций—«Телеграмма м-е Пуанкаре», признание Советского Союза капиталистическими странами — «Дипломатическое» («Красная Нива» 1924, № 8), «Здравствуйте» («Известия» 1924, № 32).

ЗДРАВСТВУЙТЕ

Украсьте цветами!
Во флаги здания!
Снимите кепку,
картуз
и шляпу!
Британский лев
в любовном признаньи
Нам
протянул
когтистую лапу.
И просто знать,
и рабочая знать
Годы гадала—
«признать — не признать?»
На слом сомненья!
Раздоры на слом!
О, гляди!
Послом
О'Греди!

Но русский
в ус усмехнулся капризно:
«Чего, мол, особенного—
признан так признан!»
Мы славим
рабочей партии братию,
Но не смиренных рабочих Георга.
Крепи, РКП, рабочую партию,—
и так запризнают,
Что любо — дорого.
Ясна
для нас
дипломатия лисьина.
Чье королевство
к признанью не склонится?!
Признанье это
давно подписано
Копытом
летящей
буденновской конницы.
Конечно, признание дело гуманное.
Но кто ж о признании не озаботится?
Народ
не накормишь небесною манною.
А тут
такая
на грех
безработица.

Зачем...
почему...
и как...
и кто вот...
признанье
— теперь! —
— осмеет в колебаньи.
Когда такой у Советов довод,
Как зрелые хлебом страницы Кубани!
А, как известно,
в хорошем питании
Нуждаются
даже лорды Британии.
И руку пожмем,
и обнимемся с нею.
Но мы
себе
намотаем на ус
За фраком лордов
впервые синеют
20 000 000 рабочих блуз.
Не полу-рабочему, полу-лорду
слава признанья.
Возносим славу —
Красной деревне,
Красному городу
Красноармейцев железному сплаву!

К этим же годам относится ряд неперепечатанных впоследствии стихотворений, связанных с теми или иными вопросами быта. Тут и тема беспризорщины — стихотворение «Беспризорные» («Красный перец» 1924, № 29), заканчивающееся мечтой о будущем «рае» на земле, куда в первую очередь впустят «беспризорных всех», и тема метрополитена — стихи-частушки — «Немножко утопии про то, как пойдет метрошка» («Красный перец» 1925, № 21). Среди злободневно-бытовых стихотворений обращает на себя внимание стихотворение «После изъятия» («Красный журнал для всех» 1922, № 1). Неострое по своей антирелигиозной сатире, оно типично для Маяковского по своему характеру разоблачительно-«фамильярного» разговора с богом.

К этому же периоду относится большое стихотворение «Газетный день» («Журналист» 1923, № 5). В данном случае можно предположить, что Маяковский сознательно не включил это произведение в собрание сочинений. Пред нами поверхностная сатира на журналиста-профессионала, буффонадно-сатирическое изображение дня редактора газеты, злословие по адресу начинающих писателей, вложенная в уста рабочего обывательская трактовка газетной работы.

Дальнейшие неперепечатанные стихи мы находим, главным образом, в 1927—29 гг. Характерно, что социально наиболее значимые произведения этих лет (например, поэтическая продукция в «Комсомольской Правде») почти целиком была учтена Маяковским при подготовке собрания сочинений. За бортом остались мелкие стихотворения, трактующие социально-политические факты действительности в узко-злободневном плане. Это агитки, несущие на себе в большинстве случаев еще заметный груз неизжитых еще лефовских традиций, стихи, где огромной важности политические темы даются поверхностно, в плане лозунговых призывов. Сюда входят стихи к неделе обороны «Мускул свой, дыханье и тело тренируй с пользой для военного дела» («Рабочая Москва» 1927, № 160), агитки за займы — «Лезьте в глаза, влетайте в уши слова

этих лозунгов и частушек» («Рабочая Газета» 1927, № 58), «Вдохновенная речь про то, как деньги увеличить и уберечь» («Известия» 1927, № 57) и др.

К социально более действенным и значительным агиткам этих лет надо отнести агитки, посвященные всесоюзной спартакиаде (в «Вечерней Москве» 1928, № 190)— «Это те же», стихи для журнала «Изобретатель»—«Анчар» (1929, № 10); агитки за хлебозаготовки — «Даешь хлеб» («Комсомольская Правда» 1928, № 9), агитки за Автодор — «Даешь автомобиль» («Рабочая Москва» 1928, № 217) и т. д.

Особо следует отметить прозу Маяковского. Среди немногочисленной художественной прозы Маяковского большого внимания заслуживают два очерка в «Известиях» 1922 г. (№ 292 и № 294) «Парижские записки Людогуся» и «Осенний салон». В первом существо с «возвышенной» шеей, которое видит дальше всех, описывает с точки зрения попавшего после войны и революции на Запад советского человека быт и культурную жизнь Парижа. Во втором — описание одной из парижских выставок современных французских художников. Тема «изживающей себя буржуазной культуры Запада» является для обоих очерков ведущей. Для новой культуры нужна «октябрьская метла» — основной тезис всех высказываний Маяковского. Отдельные критические замечания Маяковского (о кубизме, конструктивизме и т. д.) представляют большой интерес для выяснения отношения Маяковского к этим вопросам в те годы. В переработанном виде Маяковский предполагал выпустить эти два очерка отдельным изданием под названием «Смотр французского искусства 1922 г.»; впервые в новой редакции эти очерки появились в книге «Владимир Маяковский» (Изогиз, 1932 г.).

Забытыми остались из прозы позднейших лет две статьи Маяковского — «Наружность Варшавы» («Рабочая Газета» 1927, № 141) и «Немного о чехе» («Рабочая Москва» 1927, № 127) — впечатления от поездки в Польшу и Чехию. Обе эти статьи по своему характеру и манере близки, главным образом, к напечатанной статье «Поверх Варшавы» (1927 г.).

Из прозаического наследства следует также отметить напечатанный только в «Красной Нови» (1922, № 2) некролог «В. В. Хлебников», дающий ценный материал как для понимания Хлебникова, так и для самого Маяковского.

Мы коснулись далеко не всех произведений Маяковского, не вошедших в собрание его сочинений. Перечень их можно было бы во много раз умножить. Наша цель была остановиться на наиболее характерных и типичных из забытого наследия пореволюционного Маяковского.

Л. Поляк и Н. Реформатская

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ИСКУССТВА ЭПОХИ КАПИТАЛИЗМА

I

Основной задачей, которая стоит перед нами в области изучения художественного наследия, является поднятие этого изучения на высший этап марксистско-ленинской науки. Практика работы в области истории нового русского искусства особенно ясно показывает невозможность правильного и глубокого освоения художественного наследия этой эпохи в тех случаях, когда исследование ее ведется без ясного понимания и применения ленинского учения о развитии капитализма в России.

Между тем эта эпоха как в целом, так и в лице отдельных мастеров и течений чаще всего выступает в качестве объекта научно-исследовательской и популяризаторской работы советского искусствознания. Советское искусство, в ходе развития некоторых течений, обнаружило теснейшую преемственную связь с соответствующими течениями дореволюционного искусства: АХРР и передвижничество, ОМХ и «Бубновый Валет», «Жар Цвет», «4 искусства» и «Мир искусства»— эти параллели неоднократно возникали и возникают, как только мы начинаем подходить к истории советского искусства.

Значительнейшая часть наших художественных музеев состоит из произведений нового русского искусства. Вот почему проблема освоения этого наследия на основе ленинских указаний является особенно актуальной. Как же обстоит дело с этим участком работы над художественным наследием, каковы здесь итоги, достигнутые к настоящему времени, и каковы перспективы дальнейшей работы?

Первой задачей, которая встала перед советским искусствознанием в области изучения нового русского искусства, явилась необходимость преодоления концепций и оценок, оставленных дореволюционным искусствознанием. В первую очередь здесь должна быть названа работа идеолога «Мира искусства» А. Бенуа — «Русская живопись XIX века», написанная в начале XX столетия (1899—1902 гг.).

На ней необходимо подробно остановиться потому, что она явилась в свое время единственной принципиальной попыткой построить стройную схему развития русской живописи XIX в. и оказала наиболее сильное влияние на дореволюционное искусствознание и в известной мере также и на советское. Она наиболее ярко раскрывает вместе с тем основные принципы и установки в оценке наследия русского искусства, которые крепко привились в буржуазном искусствознании дореволюционной эпохи.

Как идеолог «Мира искусства», выступившего в 90-х годах с проповедью чистого искусства в противовес идейному реализму и «литературщине» шестидесятников и раннего передвижничества, Бенуа рассматривает всю историю русского искусства XIX в. с точки зрения установок своей группы.

На протяжении всей своей работы Бенуа резко критикует и осуждает, с одной стороны, академизм и с другой — идейно-реалистические течения в живописи. Эта тенденция определяет как отбор фактов, так и оценки отдельных художников. До 60-х годов все несчастия, происходящие с художниками, относятся Бенуа за счет Академии. Он с сожалением и возмущением говорит о «тех несчастных, которых закабаляли в Академии и пичкали Винкельмановской ересью» (11). Он призывает «раз навсегда решиться считать все, что происходило с основания Академии до появления Брюллова в ее стенах, простым историческим курьезом и помнить, что русская живопись XVIII и начала XIX века есть живопись Левицкого, Боровиковского, Венецианова, Орловского и Тропинина,

вовсе не обучавшихся в Академии Художеств, живопись Щукина, Кипренского, Галактионова, Иванова, Мартынова и Алексеева, бывших в Академии, но не имевших с ее основным значением ничего общего, — а вовсе не Козлова, Пучинова, Лысенки, Акимова, Угрюмова, Егорова, Шебуева и массы других профессоров, академиков и «назначенных», к счастью, теперь навсегда забытых» (56). Кипренский как художник погиб от тлетворного влияния академизма: то же случилось со школой Венецианова. с Варнеком, Александром Ивановым и др.

Бенуа дает уничтожающую оценку Брюллову и Бруни, этим двум столпам Академии предреформенной эпохи, и приписывает их «злым гениям» самое восстановление пошатнувшегося было академизма. Так же резко он относится и к эпигонам их в пореформенную эпоху — к Флавицкому, Семирадскому, К. Маковскому и др.

Казалось бы, что с этой точки зрения Бенуа должен оправдать реализм 60—70-х годов, ибо он вел последовательную борьбу с академией, и не кто иной, как Стасов, глашатай реализма, свергал Брюллова и боролся с брюлловщиной не кто иной как реалисты-шестидесятники, впервые резко и открыто порвали с Академией.

Однако Бенуа хотя и подчеркивает эти моменты, но совершенно недостаточно, бегло. «Их (художников 60—70-х годов. — *А. М.*) роль, — пишет Бенуа, — сводится к тому же: к окончательному и сознательному порешению с преданием, с рутинной школой, с формализмом» (171). Но, сейчас же добавляет Бенуа, «мы (т. е. художники 90-х годов и в первую очередь «мирискуссники».— *А. М.*), переживающие теперь другую стадию развития искусства, жаждущие главным образом свободных от всякого насилия личностей, искренних слов и раскрытия высших тайн жизни, мы тяготимся тем подчинением суетным интересам, которое было в художестве 60-х годов». Основным моментом, определяющим для Бенуа оценку шестидесятников с Перовым во главе и раннего передвижничества, является еще более последовательное и темпераментное, чем даже по отношению к академизму, их отрицание. Достаточно припомнить некоторые оценки Бенуа, чтобы доказать, что именно здесь пролегает для него основная линия борьбы. Уже Федотов в той части своего творчества, которая через социальную сатиру вплотную подводит к идейному реализму, вызывает осуждение Бенуа. Федотов по его мнению был сбит с толку «литературностью». Он подал первый пример «того брюзжания «картин с содержанием», которое до такой степени нам досадило в последующих произведениях передвижников» (138).

Бенуа обвиняет шестидесятников в деспотизме, «раздавливающем личность», а тем самым и искусство, поскольку с его точки зрения в искусстве «личное начало играет главную роль». Он обвиняет их далее в «антихудожественной эстетике содержания», в игнорировании формы. И это вполне понятно с его точки зрения, ибо искусство для него — форма прежде всего, и «презирать форму, значит презирать самое искусство».

Реализм по его мнению связан с позитивизмом в философии и социализмом в общественных науках. Ему он противопоставляет «чистое искусство» — идеализм и индивидуализм. Вот почему Бенуа согласен видеть положительное значение реалистов лишь в том, что они покончили с Академией, в остальном же они для него — темная полоса в истории русского искусства.

Живопись Перова «тосклива и нудна»; Перов рисует «жалкие интересы мещанской среды»; «Крестный ход на пасху» — «чудовищная по своему цинизму и отчаянию страница»; всюду в 60—70-х годах Бенуа видит ужасающее падение художественности.

Отвергая таким образом социально-заостренное искусство реализма, Бенуа выдвигает в творчестве передвижников в более положительном плане только те стороны, которые говорили об отходе от идейного реализма в сторону идеализирующего показа действительности или исканий чисто живописной красоты.

Характерна в этом отношении оценка им двух произведений Мясоедова — «Земство обедает» и «Чтение Манифеста 19 февраля».

«Последняя из этих картин,— говорит Бенуа,—...и до сих пор сохранила некоторую прелесть, так как она рисует довольно правдиво и просто типичную сцену многозначительного и великого момента в русской истории... Зато «Земство обедает», появившаяся на выставке 1872 года, может прямо служить образчиком фальшивого «передвижниче-

ского стиля». Изображен перерыв в заседании земства: среди жаркого летнего дня «интеллигентные» и богатые члены собрания (их не видно, н о в с е м э т о д о л ж н о б ы т ь п о н я т н о) удобно расположились в просторной зале присутственных мест и там теперь обильно закусывают и выпивают; их же товарищи — серые мужички — вынуждены оставаться на пыльной улице, где они скромно и безропотно в приниженном молчании жуют привезенные с собой краюхи» (167).

Критерий этих оценок Бенуа выступает достаточно откровенно: «Чтение положения», вещь явно фальшивая, показывающая сентиментально и идеализированно «благодарное» крестьянство за чтением царского манифеста, вещь, в которой уже отражаются те «славословия» народников по поводу реформы, о которых говорит Ленин, приемлется Бенуа именно в силу ее «примиряющего» характера, в то время как «Земство обедает» отвергается им за тенденцию противопоставления крестьянства — «богатым» членам земства (т. е. помещикам в первую очередь).

Оценки Бенуа диаметрально противоположны тем оценкам народнической интеллигенции, которые в свое время сопровождали лучшие картины передвижников. «В «Крестном ходе» нас, разумеется, — пишет Бенуа, — не прельщало наивное сопоставление фанатических богомольцев и грубых жандармов, но исключительно только красота превосходно переданного знойного дня и великолепно выраженного движения живописной толпы. В «Не ждали» наш глаз скользил по ходульной драме, по довольно поверхностно созданным типам, но зато с наслаждением останавливался на превосходно написанном intérieur'е, на сильных, серых красках, на бодрой, простой живописи» (178).

Таким образом, безусловно осуждая идейный реализм 60-х годов и раннее передвижничество, Бенуа выдвигает в последнем как положительные лишь те моменты, которые говорят об отходе к «чистой живописности» и к идеализации действительности. Даже Сурикову Бенуа ставит в упрек то, что «он не чувствует и не любит а б с о л ю т н о й к р а с о т ы ф о р м и... в погоне за общим поэтическим впечатлением подчиняет чисто формальную сторону содержательной. Несомненно, это слабое место в его творчестве» (220).

Передвижничеству (точнее идейному реализму 60-х годов и раннему передвижничеству) Бенуа противопоставляет «Мир искусства» и тех художников 80—90-х годов, которые, по его мнению, в той или иной мере подготовляли «Мир искусства».

Он говорит о том «плодотворном индивидуализме», который развился в 80—90-х годах, о воскрешении «столь долгое время попранного идеализма», о «свободном искусстве», которое наконец восторжествовало и которому не было места, пока «царили сначала академизм, а затем антихудожественные социальные тенденции средины XIX века».

Он доказывает, что Суриков, Левитан, Серов — хотя и реалисты, но они ближе к Нестерову и Сомову, нежели к Репину, Крамскому и Перову, потому что «в обыденной жизни они ищут красоту, в видимом мире ищут ее невидимое, мистическое начало» (225).

Таковы основные идеи книги Бенуа.

Работа Бенуа является ярким примером классово заостренного, последовательного как в своих критериях, так и выводах, подхода к истории искусства. Классовый смысл тех и других становится ясным, как только мы попытаемся осознать всю систему построения его книги в целом.

Мы видели, что Бенуа борется, во-первых, против идейного реализма, т. е. против проявления в искусстве идеологии демократических групп, опиравшихся на крестьянство и радикальную интеллигенцию. Он борется против раннего буржуазного демократизма и просветительства, выразившегося в творчестве шестидесятников. Это основная линия его борьбы. Во-вторых, он борется против академизма, выражавшего идеологию реакционного крепостничества, борется против эпигонов этого академизма (Семирадский и др).

Значит — борьба как против идеологии раннего буржуазного демократизма и революционного народничества, так и против идеологии крепостничества. Во имя чего же идет та борьба? Она идет во имя блока буржуазного искусства, которое отказывается от радикализма идейных реалистов и ранних передвижников, идет к чистому искусству и индивидуалистическому гедонизму, с теми группами, которые выражают идеологию обуржуазившихся и обуржуазивающихся прослоек дворянского землевладения, и, давая, с

одной стороны, ретроспективизм, обращающийся в прошлое русского дворянства (Сомов, Бенуа, Бакст и др.), в то же время пытаются ассимилировать импрессионизм и вообще новейшие течения буржуазного искусства.

Отсюда стремление Бенуа доказать, что Серов и Левитан (типично буржуазные художники, идущие к импрессионизму) ближе к Сомову (художнику дворянского ретроспективизма, эклектику и стилизатору), нежели к Перову, Крамскому и Репину (в определенные периоды и в разной мере — выразителей радикальной интеллигенции, раннего буржуазного демократизма и народничества).

На какой же основе мог возникнуть этот блок? Он мог возникнуть и развиваться на основе утверждения ведущей роли обуржуазивающегося дворянства в процессе создания «ренессанса» русского искусства, что в свою очередь отражало аналогичную борьбу в области политики и экономики. Опираясь, с одной стороны, на традиции дворянского искусства периода абсолютизма XVIII в. («галантный век» — рококо, частично ампир) и, с другой, пытаясь привить «западничество» и ассимилировать импрессионизм — «мирискусссники» ставили своей задачей создание на основе этого соединения нового большого стиля. Известно, что эта попытка потерпела неудачу. Но именно отсюда идет вся тактика «Мира искусства» первого периода: привлечение под свою эгиду буржуазных художников, установка на их подчинение указанным традициям, на освобождение их от всяких остатков демократизма и радикализма, на блок с ними при господстве основного ядра объединения, отражавшего тенденции обуржуазивающегося дворянства.

Отсюда ясно, что идеология и тактика «блока» вытекали из борьбы за прусский путь развития капитализма в России.

При этом надо иметь в виду, что программа этой борьбы для «Мира искусства» была связана с своеобразием периода 90-х годов — периода промышленного подъема и оживления буржуазно-демократических тенденций. Именно этим объясняется далеко идущая «буржуазность» «Мира искусства» первого периода. В политическом отношении книга Бенуа, как и идеология «Мира искусства», соприкасается с кадетизмом. «Кадет, — говорит Ленин, — типичный буржуазный интеллигент и частью даже либеральный помещик. Сделка с монархией, прекращение революции — его основное стремление». В другом месте Ленин приводит программы кадетов и трудовиков как примеры выражения борьбы двух путей — прусского (кадеты) и американского (трудовики) (т. X, стр. 91—93; т. XV, стр. 98). Эти классово политические установки и определили содержание работы Бенуа, поскольку ему по самому существу занимаемой позиции приходилось бороться и против демократизма и радикализма (основная линия борьбы) и против идеологии чистого крепостничества в искусстве.

И конечно не случайно, что и более поздние проявления демократизма в русском искусстве вызывают отрицательную оценку Бенуа.

Так, например, картина С. Коровина «Мирская сходка» представляется ему «несимпатичной»; известно, что эта картина является одной из немногих, отразивших классовую диференциацию русской деревни в 90-х годах под углом зрения демократизма типа трудовиков. Известно также, что и впоследствии Бенуа пришлось бороться с тенденциями демократизма уже внутри самого «Мира искусства», включившего группу московских художников (Архипов, Иванов и др.), затем выделившихся в самостоятельную группу «36».

Здесь следует также иметь в виду, что, борясь против революционного демократизма в прошлом, в частности против Чернышевского, Перова и др., — «Мир искусства», и в данном случае Бенуа — имел всегда перед своими глазами грозный призрак «социализма, позитивизма и реализма» в настоящем, призрак социальной революции. Отсюда бешеная травля «Миром искусства» М. Горького как выразителя социальных низов, предвестника «босяцкого царства», которое грозило гибелью и культуре вырождающегося дворянства и культуре верхушки буржуазного общества.

Именно на основе борьбы против этого главного врага и блокируются художники и идеологи капитализирующегося дворянства и финансовой аристократии в «Мире искусства». Пролетарская идеология в живописи этого времени еще не нашла своего выражения, но, борясь против политически заостренного, идейного искусства шести-

десятников и против тенденций демократизма в 90-х годах, идеологи «Мира искусства» боролись в то же время и против возможности проникновения идеологии пролетариата в искусство.

Продолжая линию, намеченную Бенуа, значительная часть дореволюционных работ по истории русского искусства подходила к оценке того или иного художника в плане приспособления его творчества к лозунгам «чистого искусства» и чистой формы, к проповеди ухода в мистику и религию, в аполитичный гедонизм или в искания «национального духа», будто бы стоящего над действительностью [1].

Политика замалчивания радикального искусства 60—70-х годов стала всеобщей. Перов, ранний Крамской и вся вообще группа художников идейного реализма проникали на страницы таких журналов, как «Мир искусства» «Аполлон» или «Золотое руно», только в качестве синонимов антихудожественности и уж конечно не удостаивались обстоятельных монографических исследований. Эта часть наследия как наиболее «одиозная» с точки зрения новейших буржуазных течений, устремившихся в «миры иные» и к «чистой красоте», вообще отрицалась.

Другая тактика была предпринята в отношении художников, противоречивость творчества которых допускала их различное использование. Таков, например, Ге. Став в конце 80-х — начале 90-х годов выразителем толстовства в живописи, он в своих произведениях («Синедрион», «Распятие», «Голгофа» и др.) отразил все противоречия толстовского учения. С одной стороны, он выступает как «трезвый реалист», показывающий Христа как обычного страдающего смертного, снижающий его канонизированный облик и традиционную божественность; с другой — ставит своей конечной целью прославление истинного христианства в толстовском смысле, с его победой духа над плотью, высшей религиозности над земными, материальными условиями.

Трезвый реализм Ге, особенно выступавший в 90-х годах на фоне тенденций к усилению официального византийско-русского православия, вызвал резкую оценку и преследования его произведений со стороны самодержавия и его идеологов (известны письма Победоносцева к Александру III по поводу картин Ге) [2]. Подавляющая часть критики поспешила объявить картины Ге антихудожественными [3]. Л. Толстому приходилось в связи с этим доказывать Третьякову, что убеждение о нехудожественности картин Ге ложно, но даже доводы Толстого мало помогали [4]. В полном соответствии с этой тенденцией Бенуа в своей книге доказывает, что Ге — неважный мастер, что в толстовский период он отказался от красоты во имя безобразия, пренебрег формой из-за содержания, и в общем отрицательно оценил этот период развития Ге. Но после 1905 года, в период реакции, буржуазная критика изменила свое отношение к Ге. Из «неважного мастера» Ге превратился в гениального художника, опережающего эпоху, вместо пренебрежения формой из-за содержания у него оказались необычайно глубокие формальные искания, вместо дискредитации религии — христиански одухотворенная живопись [5].

Обе эти оценки, опирающиеся на противоречивые тенденции в творчестве Ге, вызывались обстановкой тех этапов, на которых они выдвигались. В 80—90-х годах Ге был опасен как художник, посягнувший на официальные устои христианства, — в 1900—1910 годах он стал ценен как проповедник истинного христианства. Буржуазная критика почувствовала, что именно эта сторона в Ге может стать орудием борьбы против революции: пусть он агитирует против официального клерикализма, зато он религиозен «по духу», «по существу». Это была именно та сторона толстовства, которую так четко вскрыл Ленин, — стремление поставить на место казенной религии и поповщины религию и поповщину по убеждению. Ленин подчеркивает, что это более опасная и замаскированная форма религии, и поэтому не случайно, что ее проповедь у Ге нашла в период после 1905 года благодарное признание со стороны буржуазной критики. И именно поэтому критики наперебой стали доказывать, что Ге был гением формы и мастерства.

Аналогичная «переоценка ценностей» была произведена в отношении Александра Иванова, Федотова и других художников.

Федотов, как известно, в конце своего творчества стал отходить от обличительных, социально заостренных произведений, критикующих крепостничество с точки зрения формирующегося буржуазного демократизма («Смерть Фидельки» и др.) к субъективно-психологическому лиризму, начинающему перерастать в мистику и пессимизм («Вдовушка», «Анкор! Еще, анкор»). Этот перелом в творчестве Федотова безусловно связан с усилением николаевской реакции в конце 40-х и начале 50-х годов, когда разгром революционных движений на Западе с помощью войск «жандарма Европы» Николая I — обусловил рост реакции и нажим на буржуазно-демократические тенденции и самой России. И только идейный реализм шестидесятников вновь поднял знамя обличительного буржуазно-демократического искусства, выпавшее из рук Федотова.

И вот, подходя к Федотову, русская буржуазная критика дореволюционной поры всячески старалась доказать, что наиболее высоким этапом в его творчестве является как раз последний период, переходящий к мистико-лирическим мотивам и отказавшийся от задач гражданского служения. Выпячивая этот переход и связывая его исключительно с условиями личной жизни Федотова, буржуазная критика доказывала, что надо брать и ценить не того Федотова «рассказчика» и «обличителя», которого взяли реалисты, а Федотова — лирика, Федотова — тянувшегося к уходу от действительности в область религии и мистицизма.

Конечно, и здесь мотивы такой переоценки аналогичны мотивам, раскрытым нами на примере Ге.

Таковы основные тенденции анализа и оценки нового русского искусства, сложившиеся и утверждавшиеся в дореволюционный период. Их классовый характер, как мы видели, не вызывает никаких сомнений и выражается вполне отчетливо.

II

Первая попытка противопоставить концепции Бенуа и оценкам буржуазной критики марксистский подход к истории русского искусства относится еще к дореволюционному времени. Я имею в виду работу В. М. Фриче «Русская живопись XIX века», написанную им для гранатовской «Русской истории». В противовес Бенуа В. М. Фриче стремится выдвинуть в истории русской живописи XIX века ее буржуазно-демократическую струю. Первым выступлением демократизма он считает школу Венецианова, вторым — творчество Федотова и далее реализм 60-х годов и передвижничество. Буржуазно-демократическое искусство реалистов В. М. Фриче противопоставляет как академизму эпохи крепостничества, так и модернизму и «чистому искусству» буржуазии конца XIX столетия. Примером буржуазного модернизма является для Фриче «Мир искусства», и вся его работа заострена против установок последнего. Вскрывая классовый характер этих установок, В. М. Фриче стремится восстановить объективное историческое значение реализма 60—70-х годов, считая его (в частности передвижничество) «искусством протестующей разночинной интеллигенции (народнического толка)» [6].

Говоря о «споре» передвижничества и «Мира искусства», В. М. Фриче следующим образом характеризует их различие: «Эстетика декадентов — прямая противоположность эстетике передвижников. Люди шестидесятых годов требовали, чтобы художник был прежде всего «критиком общественных явлений». Люди 90-х годов заявляют им наперекор, что художник обязан только доставлять удовольствие. Шестидесятые годы шли под знаменем разночинной интеллигенции народнического направления, девяностые годы вступили под знак буржуазной цивилизации» (164—165).

Таким образом основным моментом для В. М. Фриче является смена народнически-разночинного искусства чисто буржуазным. Определяющим для него является, с одной стороны, положительная в общем оценка первого и отрицательная второго. Это вполне понятно, если вспомнить о направленности его работы против концепции Бенуа. Но это же определило и ряд недостатков работы Фриче. Так, он не вскрывает противоречий передвижничества и закономерности его перерождения в связи с эволюцией народничества от представительства идеологии основных масс крестьянства к идеологии мещанства. Он просто замечает, что «передвижничество умерло, когда его носительница — раз-

ночинная интеллигенция — перестала существовать как самостоятельная социальная группа» (175). Он трактует «Мир искусства» сплошь как буржуазный модернизм, не видя его внутренней противоречивости и ведущего значения в нем дворянского ретроспективизма.

В обрисовке отдельных художников В. М. Фриче не вскрывает диалектики их развития. Например, Перов для него остается и в своих исторических произведениях (последний период его творчества) «верен себе, верен своей программе».

«Не казенную историю... переносил он на полотно, а социальный и религиозный мятеж народа: суд Пугачева и Никиту Пустосвята, повергающего в прах представителя официальной церкви» (120).

В данном случае В. М. Фриче остается в пределах внешнесюжетного признака, совершенно упуская то обстоятельство, что в трактовке этих тем (особенно Пугачева) Перов именно встал на точку зрения казенной истории и дошел до трактовки пугачевщины как бессмысленного бунта.

Подходя к Верещагину, В. М. Фриче безоговорочно и по отношению ко всему его творчеству считает возможным рассматривать его как последовательного обличителя войны и борца за мир, закрывая глаза на то, что если элементы такого протеста и есть у раннего Верещагина (начало 70-х годов), то в целом его творчество есть наиболее тонкая (поскольку он использует методы натуралистического «объективизма») агитация за войну. И наконец, борясь с оценками Бенуа, В. М. Фриче согласился в основном с ним в том отношении, что «все, даже наиболее крупные передвижники были плохими «живописцами», как Репин, равнодушный к поэзии красок и линий, как Перов, краски которого так сухи и бесцветны...» Между тем именно эта тенденция доказать, что реалисты по существу были антихудожественны, что они не дали ничего интересного и ценного в смысле формы, является безусловно неверной, так как в своей области и с точки зрения задач своего искусства они были безусловно мастерами-новаторами, противопоставившими условности формы и театрально-внешней ее трактовке в академизме принципы реалистичности самих приемов живописи (например, в противовес театрально-условной композиции — реально жизненная, обобщенность и скупость красочной гаммы, психологически углубленная характеристика персонажей и т. д.).

Разбирая работу В. М. Фриче дальше, мы нашли бы в ней еще целый ряд таких же моментов. Для настоящего периода она представляет в первую очередь исторический интерес и ценна тем, что наметила общую линию отталкивания от буржуазных концепций и оценок нового русского искусства. Но более глубокое и правильное понимание развития последнего требовало (и требует) рассмотрения ее на основе ленинской методологии и ленинского учения о развитии капитализма в России.

III

Однако к развернутому выполнению этой задачи советское искусствознание в силу отсталости от других участков идеологического фронта, малочисленности кадров марксистов и живучести старых традиций, которые необходимо было преодолеть в первую очередь, только еще приступает.

Основная масса работ по русскому искусству XIX в., вышедших за последние годы, имеет при всех своих положительных качествах тот основной недостаток, мешающий им подняться на более высокую ступень, что они не исходят из органически усвоенной и правильно примененной к истории русского искусства ленинской концепции русского исторического процесса. Само собою разумеется, что и общеметодологические недостатки играют здесь огромную роль.

Возьмем для примера одну из недавно вышедших монографий о Перове, изданную Третьяковской галлереей [7]. Художник Перов, зачинатель и вождь идейного реализма 60-х годов, является типичным представителем буржуазно-демократического просветительства. Он выступил еще в конце 50-х годов, и именно на конец 50-х и начало 60-х годов падает расцвет его творчества. Ленинская характеристика буржуазного просветительства в полной мере распространяется на Перова этого периода. В этой харак-

теристике для нас важно прежде всего то разграничение буржуазного просветительства 40—60-х годов и народничества, которое последовательно проводит Ленин. На примере Скалдина (который для него выступает по цензурным условиям как синоним Чернышевского) Ленин указывает три черты в просветительстве и народничестве, коренным образом их различающие. Просветительство означает: 1) горячую вражду к крепостничеству, 2) защиту просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни, 3) отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян.

Ленин подчеркивает, что ничего народнического в этом нет. Народничество, в свою очередь, означает: 1) признание капитализма в России регрессом, упадком, 2) признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности, 3) игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов. Просветительство есть выражение прогрессивной буржуазной идеологии, народники — мелкобуржуазной, в ряде пунктов реакционной (Ленин, т. II, стр. 331, 339). Перов — выступающий в своих произведениях рассматриваемого периода как трезвый реалист, разоблачающий клерикализм, полицейщину, борющийся против крепостничества во имя всего народа, часто обращающийся к крестьянству, отстаивающий его интересы против произвола власти, закабаления поповщиной, давший в «Крестном ходе», «Проповеди на селе» и «Чаепитии в Мытищах» единственные по своей заостренности и отрицательности характеристики во всем русском искусстве образы поповщины,— является талантливейшим выразителем этого буржуазного просветительства.

У нас однако очень часто боятся именно по отношению к этому художнику слова буржуазный, полагая, что в этом уже содержится что-то умаляющее его значение, и начинают говорить или о «левой интеллигенции» или о «раннем народничестве». Но в том же примере со Скалдиным Ленин прекрасно показал, насколько неосновательна такая боязнь. «Мы сказали выше,— пишет Ленин,— что Скалдин — буржуа... У нас зачастую крайне неправильно, узко, антиисторично понимают это слово, связывая с ним (без различия исторических эпох) своекорыстную защиту интересов меньшинства. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось. Напротив, и на Западе, и в России они совершенно искренне верили в общее благоденствие и искренне желали его, искренне не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостнического» (Ленин, т. II, стр. 332). В другом месте Ленин, сравнивая просветительство, народничество и марксизм, указывает: «Просветитель верит в данное общественное развитие, ибо не замечает свойственных ему противоречий. Народник боится данного общественного развития, ибо он заметил уже эти противоречия. «Ученик» (т. е. марксист.— *А. М.*) верит в данное общественное развитие, ибо он видит залоги лучшего будущего лишь в полном развитии этих противоречий. Поэтому первый и третий — ускоряют развитие и им свойственен исторический оптимизм, 2-й замедляет и ему свойственен исторический пессимизм» (Собр. соч., т. II, стр. 349).

Все эти моменты: искренняя вера в необходимость новых форм общественного развития, последовательная борьба за интересы народа, воодушевлявшие Перова в его творчестве, необычайно характерны для первого периода этого творчества. Его трезвый реализм, преобладание гражданского мужества над той жалостью, которая появится у передвижников, отсутствие пессимизма, призыв к борьбе с язвами крепостничества являются наиболее показательными чертами перовского творчества. Но в ходе дальнейшего развития, дающего кризис и распад буржуазного просветительства, Перов переживает резкий перелом в своем творчестве и переходит сначала к анекдотически-бытовому жанру («Охотники на привале», «Рыболовы», «Птицеловы»), затем к

историческим и религиозно-нравственным темам, в трактовке которых художник окончательно изживает элементы критического реализма, господствовавшие в первый период. Как же ставится вопрос о Перове в рассматриваемой монографии? Он ставится вне связи с ленинскими положениями и потому сбивчиво и неверно.

Прежде всего в основу социального истолкования творчества Перова положено наивное убеждение в том, что все развитие новой идеологии и искусства пошло от реформ. Эти реформы «шли гораздо дальше того, что могло дать и дало соотношение классовых сил» (стр. 4).

«Толчок — пишет далее автор — данный освобождением крестьян, породил известный разбег, отразившийся на психологии интеллигенции 60-х годов».

Это уже само по себе неправильно, ибо идеологическое движение, приведшее к идейному реализму и объясняющее ранний период творчества Перова, началось за несколько лет до «реформы», и, например, знаменитая диссертация Чернышевского появилась в 1855 г. «Суд станового» Перова появился еще в 1857 г., а в 1861 г. окончены «Проповедь на селе», «Крестный ход», задуманные еще до реформы.

Вот почему производить все это от реформ (делая их движущей причиной) явно неверно.

Далее автор говорит о пестроте тогдашней интеллигенции и о том, что в этой пестроте «эмоциональная сторона сыграла огромную роль в оценке и восприятии 60-х годов». И наконец интерес к личности О. Лясковская объясняет «индивидуализмом интеллигенции, присущим ей в силу характера умственного труда... поэтому была естественна переоценка эпохи, освободившей личность крестьянина» (4—5). Между тем совершенно не нужно было строить гипотезы о специфике умственного труда, порождающей «интерес к личности», ибо этот интерес (так ярко отразившийся в просветительском искусстве 60-х годов — см. кроме Перова «Неравный брак» Пукирева, «Гостиный двор» Прянишникова и др.) находит свое объяснение в самом процессе капитализации России. Вот что об этом говорит Ленин: «Прогрессивное значение капитализма состоит именно в том, что он разрушил прежние узкие условия жизни человека, порождавшие умственную тупость и не дававшие возможности производителям самим взять в руки свою судьбу. Громадное развитие торговых сношений и мирового обмена, постоянные передвижения громадных масс населения разорвали исконные узы рода, семьи, территориальной общины и создали то разнообразие развития, «разнообразие талантов, богатство общественных отношений», которое играет такую крупную роль в новейшей истории Запада. В России этот процесс сказался с полной силой в пореформенную эпоху, когда старинные формы труда рушились с громадной быстротой и первое место заняла купля-продажа рабочей силы, отрывавшая крестьянина от патриархальной полукрепостнической семьи, от отупляющей обстановки деревни и заменявшая полукрепостнические формы присвоения сверхстоимости формами чисто капиталистическими. Этот экономический процесс отразился в социальной области «общим подъемом чувства личности», вытеснением из «общества» помещичьего класса разночинцами, горячей войной литературы против бессмысленных средневековых стеснений личности и т. п. Именно система «стародворянского» хозяйства, привязывавшая население к месту, раздроблявшая его на кучки подданных отдельных вотчинников, и создавала придавленность личности. И далее,— именно капитализм, оторвавший личность от всех крепостных уз, поставив ее в самостоятельные отношения к рынку, сделав ее товаровладельцем (и в качестве такового равной всякому другому товаровладельцу) и создал подъем чувства личности» (т. I, стр. 300). Только исходя из этих положений и можно по-марксистски правильно объяснить подъем чувства личности и в области искусства, ибо через это молодое буржуазное искусство боролось за новые общественные отношения, за новое понимание ценности индивидуума. Автор же монографии, как мы видели, опирается на ничего не объясняющие, немарксистские положения о природном индивидуализме интеллигенции. Благодаря этому одна из важнейших сторон в творчестве Перова осталась необъясненной.

Интересно далее, как объясняет О. Лясковская обращение Перова к деревне. Отстаивание интересов народных масс — и главным образом крестьянства—есть основная

черта раннего Перова, подтверждающая ленинскую характеристику просветительства. «Допрос у станового», «Проповедь на селе», «Крестный ход на пасху»—все эти вещи посвящены деревне. Недаром впоследствии эстеты из «Мира искусства» ненавидели Перова за то, что он ввел презренные сермяги и лапти в «высокое художество». Тем более странно утверждение автора, что Перов в начале 60-х годов «был слишком далек от быта крестьян, чтобы понять Курбе и Милле, поэта крестьянского труда» (40).

Поэтому деревенские темы у Перова 70-х годов автор трактует как первое обращение к деревне, что явно неверно. Притом это обращение Лясковская пытается объяснить еще и тем, что «интеллигенции 60-х годов расцвет буржуазии под покровом сильной монархической власти не казался желанным будущим. Она становилась более консервативной, идеализируя старый дворянский быт, или отходила в сторону, может быть сочувствуя молодому народовольческому движению. Последнее отдавало все свое внимание крестьянству» (58).

Здесь не все понятно. Если речь идет о 60-х годах, то при чем здесь народовольчество, появившееся в конце 70-х и нашедшее свое отражение в искусстве в 80-х годах (Репин, Ярошенко)? Если речь идет о народовольчестве, то известно, что именно народовольчество создалось в результате неудачи хождения в народ и разочарования в близкой перспективе крестьянской революции, и народовольческие мотивы в живописи связаны не с деревней, а с показом типов и борьбы революционеров-интеллигентов. Да и кроме всего этого Перов никакого отношения к народовольчеству не имеет.

Между тем все дело в том, что Перов от трезво реалистического показа жизни деревни первого периода своего творчества переходит в 70-х годах к идиллическому показу деревни с точки зрения рядового буржуазного городского обывателя, отражая тем самым переход от активного просветительства на позиции «успокоенной» буржуазии.

И здесь следовательно путаница происходит от нечеткости понимания социально-политической эволюции, которая так глубоко вскрыта в ленинских работах. Идя по этому пути и не раскрыв подлинной сущности своеобразия творчества Перова (связанного с просветительством 60-х годов, о котором ни одного слова в работе нет), автор попадает под влиянием той концепции (связанной еще с Бенуа), которая утверждает, что в отношении формы идейный реализм не дал ничего нового. «В 60-х годах, — пишет автор,— объективно совершалась победа буржуазного искусства. Но так как (это «но так как» всего интереснее.— *А. М.*) оно рождалось в эпоху обостренной классовой борьбы, оно шло под знаменем идейного реализма, принимавшего иногда радикальную, социально-политическую окраску. Вместе с тем оно должно было пользоваться формой, выработанной дворянским искусством предыдущей эпохи (9—10). После этого непонятно, в чем же заключался и д е й н ы й р е а л и з м как стиль, если он не имел отношения к форме? И можно ли было бы создать действительно реалистическое искусство, пользуясь формой классицизма или романтизма? Конечно нет! Вспомним, что Брюллов отвергался и за нереальность приемов (театральные позы, нарочитая композиция, бравурные тона и т. д.).

Однако и сам автор далее вполне противоречит приведенному выводу, заявляя: «В этом стремлении к простоте и ясности формы, к суровой выразительности, отрицавшей «красивость» академической живописи, стремлении найти новые, простые и убедительные средства воздействия на зрителя — ценность Перова для нашего времени» (14). Значит Перов искал и находил н о в ы е формы, отвечающие трезво-реалистическому подходу к действительности. Значит его приемы отнюдь не приемы академизма! Другое дело, что после перелома, в последнем периоде своего творчества, Перов, отходя от идейного реализма, приближается к академизму (например «Никита Пустосвят»). Этот переход и требовал как раз объяснения.

Но отмеченная противоречивость сказывается и в вопросе об определении социальной основы творчества Перова и общей его оценки. С одной стороны, автор стремится связать творческую эволюцию Перова с эволюцией буржуазии, правда, непоследовательно и часто неубедительно, выбрасывая вопрос о просветительстве, привлекая «пестроту» интеллигенции и т. д., с другой стороны, заявляет, что Перов был близок к обедневшему дворянству и неожиданно отсюда делает вывод, что «н е с м о т р я на

все новое, внесенное им в русскую живопись, в конечном счете Перов как художник скорее завершал предыдущий период, чем начинал новый» (84—85).

Этот вывод совсем уже смазывает проблему идейного реализма и творчества Перова как проблему буржуазно-просветительского искусства периода борьбы буржуазии с феодализмом за новые общественные отношения, он полностью приходит опять-таки к концепции Бенуа и других, которые доказывали, что в художественном отношении идейный реализм бесплоден и не дал ничего нового. Так и автор подчеркивает, что Перов как художник (подразумевается, что Перов может быть рассматриваем еще как проповедник и публицист) лишь завершает старое.

Но этот вывод, выступающий из всей работы, стоит в вопиющем противоречии с действительностью, а отсюда и с ленинскими оценками просветительства и трезвого реализма шестидесятников. Именно потому, что эти оценки полностью игнорируются О. Лясковской, она и приходит в конце концов к повторению Бенуа и к путанным выводам об эволюции и сущности творчества Перова.

Мы взяли одну из самых последних работ по русскому искусству XIX в., и на примере этой работы оказалось, что проблема изучения и пересмотра истории русского искусства под углом зрения ленинской концепции развития капитализма в России не только не решена, но даже еще и не поставлена. А между тем именно в этом и заключается то основное звено, ухватившись за которое можно правильно подойти к наследию русского искусства. Вне этого всякая попытка построить какую-то особую (вне ленинского учения лежащую) концепцию развития русского искусства обречена на явную неудачу. Прекрасным доказательством этого явилась вышедшая в 1929 г. книга Федорова-Давыдова «Русское искусство промышленного капитализма». Эта работа тем более интересна, что она является единственной, пытающейся охватить весь ход развития русского искусства эпохи капитализма. Федоров-Давыдов начал строить свою историю русского искусства, исходя из лефовского понимания искусства как «производства», которое имеет свой базис и свою надстройку. Поэтому он остановился на «экономически-производственной основе» русского искусства промышленного капитализма, отбросив, как он пишет, вопросы «его идеологического истолкования». Это привело его к тому, что он исходит из «системы приемов» и «экономики» самого искусства, как из определяющих моментов, т. е. рассматривает искусство лишь как форму и ее производство. Второй особенностью его книги является отказ от исторического подхода во имя типологического, что означает в конечном счете показ самодвижения формальных приемов, следующих по раз намеченному пути, вне зависимости от исторических условий.

Установив три стадии развития искусства промышленного капитализма (в типологическом плане) — натуралистическую, аналитическую и технологическую, — Федоров-Давыдов «подгоняет» весь материал под эту схему. Вместо сложности развития, борьбы, переходов и т. д. у него получается единая эволюция всех групп, по одному формально-типологическому пути.

Тематика, содержание, развитие тех или иных идеологических категорий рассматриваются им лишь как мотивировки формально-типологическх изменений. Так, например, он опровергает ту точку зрения на «натюрмортизм» конца XIX — начала XX в., которая связывает его с товарно-вещным фетишизмом капитализма, заменяющим, как известно, человеческие отношения отношениями вещей (товаров). «Совершенно ошибочно,—говорит Федоров-Давыдов,—утверждение, будто бы в натюрморте XX века мы имеем «вещное восприятие». Это результат ложного метода внешних аналогий. На самом же деле натюрморт был логическим концом процесса уничтожения изобразительной объемной формы реального предмета... Натюрморт становится сюжетной мотивировкой второй, аналитической, стадии стиля, как пейзаж был сюжетной мотивировкой его стадии натуралистической» (60—61). Другими словами, объяснение лежит не в идеологии вещного фетишизма, не в природе капитализма, а в эволюции стиля, как определенной формы, которая и обусловила те, а не иные «сюжетные мотивировки».

Для понимания книги Федорова-Давыдова важно еще отметить, что он стоит в ней на позиции лефовско-конструктивистского отрицания искусства и замены его про-

изводством вещей. Поэтому весь ход развития искусства капитализма он рассматривает с точки зрения естественной эволюции от искусства-иллюзии (идеологии) к искусству-вещи (техническому искусству). Федоров-Давыдов считает, что иллюзорность (т. е. для изо-искусства передача и закрепление сознания в форме образов видимой действительности, дающих иллюзию последней) есть лишь качество буржуазного, станкового искусства. «Такая установка — чисто зрительного порядка — есть результат отрыва искусства от производства предметов повседневного материального и идеологического потребления. Эстетика зрительно-иллюзорного есть эстетика искусства, окончательно перешедшего от делания вещей к их отображению, от создания реальных предметов к созданию художественных иллюзий. Средством и методом этих иллюзий стала станковая живопись» (168).

В связи с этим Федоров-Давыдов критикует также и «эстетику содержания», которую называет «идеалистической». Другими словами, признание ведущей роли содержания в искусстве для него неприемлемо именно в силу того, что он искусство рассматривает как форму (систему приемов) и считает необходимым и неизбежным переход от искусства-идеологии к искусству-вещи.

Все эти предпосылки, ясное дело, не могли обусловить правильного понимания русского искусства. Являясь по существу противостоящими марксистско-ленинской методологии, они определили и то, что при наличии уже готовой типологии перед автором совершенно и не вставал вопрос о рассмотрении развития русского искусства под углом ленинского учения о развитии капитализма в России.

Вот почему его оценки стоят в противоречии с ленинскими оценками. Считая «идеалистической» эстетику содержания, т. е. эстетику идейного реализма и Чернышевского, Федоров-Давыдов объективно поддерживает (но уже с новых лефовских позиций) тот исторический «поход» против реализма, который был предпринят Бенуа и другими. Он соглашается с ним в том отношении, что реалисты, «всецело поглощенные идейно-сюжетной стороной живописи», пользовались старой академической формой (87).

В соответствии, далее, с «производственно-экономической» установкой он доказывает, что причины возникновения передвижничества были не идеологические, а экономические (необходимость новой формы сбыта продукции). Эта вульгарная установка закрыла перед автором правильный путь к пониманию передвижничества в его связи с идеологией мелкой буржуазии и народничества. Между тем роль и распространение этой идеологии объяснялась, как указывает Ленин, преобладанием класса мелких товаропроизводителей в пореформенной России. При этом Федоров-Давыдов не может даже провести грани между реализмом конца 50-х — начала 60-х годов как выражением буржуазного просветительства и передвиженчеством 70—80-х годов как выражением мелкобуржуазной, народнической идеологии.

Рассматривая, допустим, первую стадию стиля с точки зрения нарастания пейзажности, пространственности и других моментов, т. е. в чисто формальном плане, Федоров-Давыдов объединяет в этой эволюции и народников в живописи, и национальную школу, и «Мир искусства». А между тем все это совершенно разные вещи и по содержанию, и по форме. В содержании одни дают бытовой анекдот, бытовую психологическую драму, другие ищут выражения национально-религиозного духа русского народа, третьи — ретроспективисты, уходящие в «галантный век». В стиле одни дают живописный («художественный») реализм, другие — поиски монументальных форм, третьи — декоративно стилизующий эклектизм. Что между ними общего? Они различны, как различны породившие их социальные группы, их идеология, их интересы. И только благодаря абстрактно-формалистской точке зрения они вдруг оказались идущими по одному пути. Интересно, как эта точка зрения проявляется и в объяснении отдельных моментов: например, религиозная и сказочно-фантастическая тематика Васнецова и других объясняется, оказывается, не тем, что отвечает идеям реакционного национализма, опирающегося на русский патриархализм (отсюда обращение к русской истории, сказкам и т. д.), идеям «укрепления православия», а тем, что она есть «мотивировка» лишения изобразительной формы ее смыслового значения, через перенос

«жанровых событий в план иного бытия» (22—23). Такое объяснение совершенно замечательно, как впрочем не менее замечательно указание на то, что «русский стиль» в архитектуре, развившийся в эпоху Александра III, оказывается есть только мотивировка «пространственного разворота архитектуры» (126), т. е. не идеологические и социально-политические причины породили «русский стиль» (как и весь национализм), а самодвижение формы, искания пространства.

Ретроспективизм «Мира искусства», в свою очередь, по Федорову-Давыдову, не есть вполне понятное обращение дворянства к своему блестящему прошлому, а всего лишь «метод преодолении сюжетности в жанре» (23).

Не буду больше приводить примеров, поскольку сама практика достаточно уже показала, что путь, избранный автором, явился путем формалистического рецидива, грозившего увести советское искусствознание далеко в сторону от марксистского анализа русского искусства и от ленинской концепции русского капитализма[8]. Возможность такого рецидива в 1929 г. однако наглядно показывала, насколько велика отсталость на этом участке изучения наследия. Дело доходило даже до того, что еще в 1930 г. появлялись просто комичные по своему архаизму в наших условиях концепции. Так, в предисловии к «Воспоминаниям П. П. Соколова» Э. Голлербах выдвигает свою схему русского исторического развития. «Исторический процесс, — пишет Голлербах, — ритмичен, похож на волнообразную кривую: подъем — спуск, подъем — спуск. От одного перелома до другого примерно тридцатилетие. И по запискам Соколова можно проследить нарождение двух формаций, два этапа пути русской интеллигенции: 40-е годы и 70-е. Конец века принес новый сдвиг; несколько может быть «преждевременные» роды при недавнем переломе подводят к образованию новой формации — вновь на исходе тридцатилетия» (11). Читатель легко узнает за этой схемой теорию поколения, утверждающую, что основой развития является не классовая борьба, а смена поколений, что следовательно возрастной признак покрывает все социально-исторические различия. С этой точки зрения всякое новое поколение фатально приводит к перелому (через каждое тридцатилетие, по Голлербаху). Нечего следовательно заниматься прослеживанием всех «диалектических тонкостей», когда можно попросту раскладывать все по тридцатилеткам. Кстати здесь же найдет объяснение и Октябрьская революция, которая наступила, правда, не совсем точно по этой мудрой схеме («несколько преждевременно»), но в общем с натяжкой войдет в качестве очередной тридцатилетки! Удобно и просто[9].

Впрочем, мы не собираемся особенно подробно останавливаться на подобных «открытиях». Мы не будем также задерживаться на повторениях Бенуа или статей из «Аполлона» (в чем не было недостатка, особенно на первых порах изучения русского искусства советским искусствознанием), с их тенденцией к апологетике «Мира искусства» и национальной школы, с их идеалистическим подходом к объяснению творчества того или иного художника с помощью географического фактора, особого «душевного» склада и т. д., и т. п.[10]. Физиономия таких работ слишком ясна, да и особого принципиального значения они конечно не имеют. Важнее остановиться на тех работах, которые имеют своим фундаментом большую научно-исследовательскую проработку материала.

Такова, например, монография о Тропинине Н. Н. Коваленской (1931).

Тропинин, Венецианов и Федотов являются теми художниками первой половины XIX в., которые при всех различиях объединены тем что они противостоят Академии и предвещают своим творчеством победу жанра и реализма. Каждый из них пережил сложную эволюцию. Что касается Тропинина, то по характеру его творчества правильно называли его русским Грезом. Грез — французский художник эпохи рококо типичен как выразитель процесса становления буржуазного искусства, еще не разорвавшего окончательно связей с искусством дворянства. Сентиментализм, чувствительность, «благородство» и изысканность форм, манеры, позы и поведения «галантного века» довлеют еще над Грезом. Но в противоположность типично дворянским художникам с их пышной мифологией, изысканным эротизмом и прославлением дворянства (Ватто, Фрагонар и др.) Грез обращается к семейно-нравственным проблемам

третьего сословия. В той или иной мере он уже противопоставляет их образам дворянства, но еще не заостренно, не разоблачающе. И в методе он тоже не является еще последовательным реалистом и моменты сентиментализма и идеализма настолько сильны, что не дают окончательно восторжествовать задаче трезво-реалистического показа действительности. Это только «предистория» буржуазного реализма, не порвавшего еще окончательно со стилем и эстетикой дворянства.

Таков и Тропинин, протягивающий одну руку реализму 60-х годов, другой держащийся за фалды великолепного «Карла Великого» Брюллова.

Н. Н. Коваленская тщательным образом прослеживает стилевую эволюцию Тропинина и приходит к выводу, что в его творчестве имеют место три периода: первый, когда преобладают еще идеалы XVIII в. и элементы чувственности, второй, когда происходит оздоровление этой чувственности, и третий, когда выступают наиболее сильно элементы реализма. От живописного стиля Тропинин в процессе этой эволюции идет к линейно-пластическому.

Все идет как будто хорошо, пока мы остаемся в области этих стилевых наблюдений. Но как только дело доходит до социального истолкования, то оно коренным образом меняется. Все исследование ведется в общем по следующему принципу: сначала на основе формального анализа отыскиваются наиболее характерные черты стиля, затем ищется соответствие им в психологии той или иной группы. В первую очередь надо объяснить живописность и чувственность в творчестве Тропинина. Оказывается, что эти черты восходят к психологии дворянства, у которого внеэкономический способ отчуждения прибавочной стоимости обусловливает иррациональный сенсуализм (80—81). Но наряду с этим у Тропинина имеется и «классическая скульптурность». Откуда же взялась она? Оказывается классицизм связан с «централизацией государства, с элементами абстрактно-рационалистическими и конструктивно-волевыми хотя (в России. — *А. М.*) иная (дворянская) социальная база и ввела в него изменения в сторону декоративного гедонизма» (83).

Однако кроме этого имеется еще сентиментализм. И вот приходит на помощь третья группа — усадебное дворянство. Мы узнаем относительно него, что «идеал простоты, любовь к уединению, первенствующее значение частной жизни и интерес к человеческой личности с ее интимными переживаниями были результатом осознания тех качеств, которые составляли особенность новой классовой прослойки. Выдвигая эти идеалы в противовес чопорному придворному этикету, усадебное дворянство тем самым утверждало известную классовую самостоятельность по отношению к дворянской верхушке». Далее мы узнаем, что «дворянская праздность была превосходной базой для расцвета сентиментальной меланхолии; не находя разряда в волевом акте, чувства легко переходят в слезливую чувствительность» (86—87).

И наконец остается вопрос о базе тропининского реализма. Он относится, с одной стороны, за счет обуржуазивающегося «манчестерского» дворянства, а с другой — за счет т о й б у р ж у а з н о й п с и х о л о г и и, «которая присуща была самому художнику» (97). Таким образом, что же получается в итоге? Получается, что Тропинин отразил и выразил идеологию всех социальных прослоек, бывших тогда в России (дворянская знать, усадебное дворянство, обуржуазивающееся дворянство и буржуазия). Но почему это произошло? Потому что автор, найдя п р и е м и с т и л е в у ю о с о б е н н о с т ь непосредственно, изолируя его от других, соотносит его к «психоидеологии». Поэтому чувствительный сентиментализм, оказывается, годится только усадебному дворянству с его праздностью, иррациональный сенсуализм только тем, кто живет внеэкономическим отчуждением и т. д. и т. п. Как видим, психика соотносится прямо к «быту» и экономике. Куда же делась вся социально-политическая классовая борьба, которая была в России этой эпохи? В чем отразилась эта борьба (не мирное сосуществование, а именно борьба) на творчестве Тропинина? В чем противоречия этого творчества? Все эти вопросы однако выпали. Выпали потому, что метод работы был «формально-социологический». Сначала анализ формы «самой по себе», а затем ее социальное объяснение тоже «само по себе». Получается чисто механическое соотнесение формы—к психике социальной группы. А между тем ясно, что правильный метод

предполагает анализ идейного содержания как основы искусства, анализ всех его особенностей и противоречий в единстве, далее анализ тех средств и приемов, с помощью которых оно выражено и которые ему адэкватны, и наконец раскрытие субъекта данного стиля. Элементы сентиментализма, идеализации и др. прекрасно могут присутствовать и у буржуазного художника, идущего к реализму, и если они находятся в противоречии с последним, то именно это противоречие и является основой движения, отражая пути класса, его становление, разрывающее связь с дворянским искусством. И наоборот: дворянское искусство может использовать элементы и буржуазного реализма (например, у эпигонов академизма 70—80-х годов) или романтизма (у Брюллова и Бруни), сохраняя однако доминанту своего стиля и пытаясь лишь укрепить его этим заимствованием и переработкой.

В этом и заключается диалектика. Вот почему методологический путь, избранный автором монографии о Тропинине, кажется нам мало убедительным, а фигура самого Тропинина, поделенного по частям между всеми социальными группами, настолько решительно препарирована, что трудно охватить и понять ее в целом, трудно убедиться в истинности такой его оценки [11].

Проведенный нами разбор ряда работ по истории русского искусства, появившихся за последнее время, показывает, что основной их недостаток заключается в неумении подняться до марксистско-ленинской методологии изучения общественных явлений и в отказе от задачи поставить рассмотрение русского искусства в связь с ленинской концепцией русского исторического процесса. Оба эти момента сочетаются с тем, что нередко просто повторяются те оценки и характеристики, которые дал в свое время Бенуа и другие историки искусства. А между тем мы не можем с ними согласиться. Одной из наших задач является восстановление действительного исторического значения идейного реализма, раскрытие того, как в русском искусстве XIX в. отразилась борьба крестьянства и других демократических групп, борьба, замалчивавшаяся буржуазными историками искусства, вскрытие реставраторско-реакционной сути таких групп, как «национальная школа» или эклектического ретроспективизма «Мира искусства», пересмотр оценок таких художников, как Ге, Репин, Иванов, Верещагин, Федотов и мн. др. Одним словом, мы должны буржуазной истории русского искусства противопоставить историю марксистско-ленинскую. Однако в этом отношении мы только еще начинаем развертывать работу [12].

Но подчеркнем еще раз, что выполнение этой задачи мыслимо только тогда, когда мы действительно сумеем подойти к ней с позиций ленинского этапа в развитие марксизма, сумеем понять и применить ленинское учение о развитии капитализма в России к анализу художественного развития этой эпохи.

Само собою разумеется это требует длительной и большой работы над материалом [13]. Для того, чтобы дать представление о необходимых предпосылках такой работы, попробуем в заключение наметить схему развития русского искусства эпохи промышленного капитализма от 60-х годов до революции 1905 года, оговаривая предварительность и сжатость этой схемы.

Как известно, в России к 60-м годам XIX столетия в области живописи выдвигается широкое течение так называемого идейного реализма. Подготовленное реалистическим жанром школы Венецианова, который у Федотова переходит уже в обличительный жанр, однако ограничивающийся преимущественно областью быта,— это течение в лице Перова и других художников идет по пути демократизма и просветительства, заостренных против феодально-крепостнических отношений. Героем этого искусства является крестьянство, социальные низы города и радикальная интеллигенция, основным жанром — социально-бытовой, методом — реализм, призывающий к правдивому показу жизни и вместе с тем к «критике общественных явлений» и к «приговорам над явлениями действительности» (слова Чернышевского, в своей диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» впервые сформулировавшего в средине 50-х годов принципы идейного реализма).

Реалистическое течение порвало окончательно с Академией художеств (т. е. с центром дворянского искусства) в 1863 г., когда 13 конкурентов, представлявших это

течение вышли из Академии, не желая работать на конкурс по заданным академическим советом темам. Эти художники (во главе с Крамским) организовали так называемую артель художников, которая однако просуществовала недолго. После ее распада создалось в 1871 г. Товарищество передвижных выставок («Передвижники»), которое и явилось в дальнейшем основным течением, группировавшим силы буржуазного искусства в противовес Академии и академизму.

Передвижничество теснейшим образом было связано с народничеством, выражая его идеологию. В начале 80-х годов часть передвижничества (Репин, Ярошенко) отразила народовольческое движение. Но уже с самого начала мы видим в передвижничестве две струи: одну более демократическую, опирающуюся в первую очередь на крестьянство и радикальную интеллигенцию, вторую — либеральную, ориентирующуюся на буржуазию и мещанство.

В первый период становления идейного реализма демократические тенденции развиты довольно широко. Творчество раннего Перова («Крестный ход на пасху», «Чаепитие в Мытищах», «Проповедь на селе» и мн. др.) дает наиболее яркое выражение этого демократизма, последовательно выступающего против крепостничества, поповщины, полицейщины и т. д. Вместе с тем этот период в творчестве Перова дает и наиболее последовательное осуществление принципов идейного реализма как метода (акцент на идейность, реалистичность и скупость цветовой гаммы, господство человека над вещью и природой, психологичность и т. п.). Продолжением этой линии в передвижничестве являются в 70-е годы работы Савицкого, Прянишникова («Порожняки» и «Погорельцы»), Максимова, Мясоедова и др.

Но к концу 70-х и началу 80-х годов начинает возрастать обратная тенденция, оказавшаяся как в творчестве Перова (ранее чем у других), так и других выше перечисленных художников. В чем выражается эта тенденция? Прежде всего она выражается в отходе от тематики широкого социального охвата, показывающей жизнь крестьянских масс и городских низов, к тематике замкнутого буржуазно-мещанского быта. Изменение тематики соединяется с изменением ее трактовок. Обличительность (направленная на борьбу с крепостничеством в первую очередь) сменяется анекдотичностью, мелочной занимательностью, бытовым драматизмом и сентиментализмом. Реалистичность самих приемов уступает место приемам идеализирующего характера и исканиям внешнекрасочных эффектов.

Такой переход мы видим и у Перова (в его «Охотниках», «Птицеловах», «Весне» и др.) и у Мясоедова («Сеятель»), Прянишникова («Спасов день») и других художников. Одним из характерных представителей этого течения в передвижничестве является В. Е. Маковский с его анекдотическим жанром, посвященным в основном жизни и быту мелкой буржуазии и мещанства. Лишь в отдельных случаях В. Маковский поднимается до более глубокого показа социальной действительности (напр. «Крах банка», где показано разорение мелкой буржуазии в результате спекуляций крупного капитала, или «Вечеринка», навеянная народовольческим движением), в общем же он ограничивается аполитичным бытовизмом, которым насыщены его «Преферансисты», «За чайком», «Любители соловьев» и другие произведения, ограничивающиеся кругом повседневных мелких событий в жизни рядовых обывателей.

В показе деревни этот переход от идейного реализма к «художественному» влечет за собой идеализацию и замазывание классового расслоения и тяжести положения русской пореформенной деревни, отданной на произвол помещику и разграбление капиталу. (Сравнение картин Маковского «Проповедь в сельской церкви» и «Молебен на Пасху» 1889 года с картинами Перова «Сельский крестный ход на пасху» и «Проповедь на селе» убедительнее всего показывает различие идейного и художественного реализма. Маковский в этих картинах вместо реалистического показа деревни дает идеализированных пейзан, истово слушающих проповедь симпатичного «батюшки», так непохожего на отупевших пьяных попов и монахов Перова).

В противовес «критике общественных явлений» шестидесятников лозунгом здесь становится идеализация «положительных явлений».

Этот процесс перехода от идейного реализма к «художественному» особенно сильно развертывается в 80-е годы, в период реакции и после разгрома революционного народничества и народовольчества. Буржуазия, идущая на союз с самодержавием, пропагандирует «чистое искусство», выдвигает перед художниками задачи отхода от политических вопросов к субъективно психологическим проблемам, к драматизму «вообще», к трагедии «сильных личностей». Расцветает интерес к религиозно-нравственной тематике. Крамской пишет «Неутешное горе», где ставит перед собой задачу выразить общечеловеческое чувство материнства, Репин создает своего «Св. Николая» — вещь религиозно-нравственного характера.

Наряду с этим в 80-е годы создается течение так называемой национальной живописи (Васнецов, Нестеров), пытающееся в первую очередь обновить религиозную живопись и наиболее близко подошедшее к обслуживанию лозунга «православие — самодержавие — народность». Это была группа художников, выросших в передвижничестве, начавшая с обличительно-реалистических произведений и пришедшая в результате перерождения передвижничества к открытому союзу с реакцией.

Другое течение, ярче всего выразившееся в творчестве Левитана конца 80-х и начала 90-х годов, в противовес первому отражало идеологию ухода от действительности, замыкаясь в рамках «пейзажа с настроением», пропитанного лирической грустью. Пессимизм этой группы, предпочитавшей бегство от действительности обслуживанию реакции, являлся другой стороной перерождения передвижничества.

И наконец некоторые художники пытались сохранить традиции последовательного демократизма и идейного реализма, показывая обнищание и придавленность крестьянских масс, их восстания, борьбу революционной интеллигенции с самодержавием и т. д. Одним из наиболее ярких представителей этой группы является художник С. В. Иванов. Но эта линия развития в конце 80-х и начале 90-х годов представляет уже только незначительную струю внутри передвижничества. В эпоху реакции господство принадлежит тем буржуазным художникам, которые отошли от идейного реализма.

Таким образом мы имеем два крупных периода в развитии русского искусства с конца 50-х до начала 90-х годов.

Первый период совпадает с эпохой демократического подъема 60-х годов и продолжается до начала 80-х годов, т. е. включает второй демократический подъем конца 70-х годов и доходит до разгрома народовольчества. Здесь господствует в начале искусство идейного реализма, но уже в 70-е годы замечаются первые признаки его разложения. В свою очередь, внутри данного периода надо различать две стадии: первая — конец 50-х и начало 60-х годов — господство в искусстве идейного реализма и буржуазного просветительства и вторая (70-е годы) господство передвижнического мелкобуржуазного искусства в форме бытового реализма и натурализма.

Второй период совпадает с эпохой реакции и продолжается от начала 80-х годов до начала 90-х, т. е. до промышленного подъема и роста демократического движения. Господствует художественный реализм, т. е. форма перерождения идейного реализма, «национальная школа» и реставрируемый академизм (в лице Семирадского и др.).

Третий период начинается примерно с 90-х годов и продолжается до революции 1905 года. Содержанием этого периода является, во-первых, дальнейшая деградация той части передвижничества, которая упирается в застойность и тупик мещанского идеализирующего действительность искусства (так например, Богданова-Бельского); во-вторых — расцвет буржуазно-индивидуалистического искусства в форме «декадентства» и импрессионизма; в-третьих — упадок академизма и «национальной школы»; в-четвертых — развитие своеобразного течения «Мира искусства», которое играет большую роль в данный период. Своеобразие «Мира искусства» заключается в том, что, будучи в основном течением ретроспективным, обращающимся в прошлое французского и русского абсолютизма, к стилям рококо и ампир, оно в то же время стремится ассимилировать и как-то освоить новейшие течения буржуазного искусства Запада и в том числе импрессионизм. Но основная часть «Мира искусства» не пришла к импрессионизму в собственном смысле, оставшись на позициях стилизаторского пассеизма и эклектизма.

Характерным представителем этой основной части «Мира искусства» является Сомов, посвятивший все свое творчество ретроспективной стилизации «галантного века» (XVIII век — эпоха рококо).

А. Бенуа в статье о Сомове, оправдывая эти стилизации, доказывает, что Сомов понимает изображаемый им «галантный век» российского дворянства, сочувствует этой жизни всем своим существом, любит это старое и наивное, как любит свое детство зрелый человек. Он видит в нем «детство своего общества»[14].

Эта характеристика содержит много правильного в том смысле, что раскрывает мотивы дворянского ретроспективизма Сомова.

Однако наряду с художниками типа Сомова в «Мире искусства» выступают с начала его создания (конец 90-х годов) такие типично буржуазные художники как Серов, Головин, К. Коровин, Малявин и др. Для них дворянский ретроспективизм и увлечение «галантным веком» были в основном чужды и мало понятны. Многие из них в начале своей деятельности примыкали к передвижникам, но вскоре передвижничество оказалось для них узким и тесным. Народнические мотивы в их творчестве (деревенские темы Серова, например «Баба с лошадью», ранние вещи Архипова и др.) быстро уступают место импрессионистическим исканиям, и они выступают как последовательные выразители буржуазного индивидуалистического гедонизма.

После разрыва с передвижничеством они входят в «Мир искусства», где таким образом создается блок дворянского ретроспективизма, пытающегося ассимилировать импрессионизм, с чисто буржуазными художниками-импрессионистами.

Но этот блок просуществовал не долго. Уже в 1901 г. ряд московских художников, выставлявшихся на «Мире искусства», организовал свою выставку «36 художников», еще не порвавшую открыто с «Миром искусства», но вполне автономную. Дальнейшие противоречия этих двух групп привели к распаду в 1903 г. организации «Мира искусства» и к созданию объединения «36», впоследствии «Союза русских художников». Раскол этот произошел накануне революции 1905 года, что уже само по себе достаточно симптоматично.

В революции 1905 года ряд этих художников снова встретился на страницах оппозиционно-буржуазной печати, где они создали серию карикатур, посвященных борьбе за буржуазную свободу против самодержавия (Серов, Чехонин, Лансере, Анисфельд, С. Иванов, Добужинский и др.). Таким образом третий период, завершающийся революцией 1905 года, идет под знаком буржуазного импрессионизма, с одной стороны, и ретроспективизма «Мира искусства» — с другой, объединяющихся в начале в одном течении.

Ограничимся пока этими тремя периодами и попробуем схематично наметить линию их истолкования, исходя из ленинского учения о развитии капитализма в России. Как известно, Ленин видит своеобразие последнего в борьбе двух путей развития — прусского и американского. В предисловии ко второму изданию «Развития капитализма в России» (1907) Ленин дает сжатое изложение сущности этой борьбы: «На данной экономической основе русской революции объективно возможны две основные линии ее развития и исхода. Либо старое помещичье хозяйство, тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь м е д л е н н о в чисто капиталистическое «юнкерское» хозяйство. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является внутреннее преобразование крепостнического помещичьего хозяйства». Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические.

Либо старое помещичье хозяйство ломает революция, разрушая все остатки крепостничества, и крупное землевладение прежде всего. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является свободное развитие мелкого крестьянского хозяйства, получившего громадный импульс благодаря экспроприации помещичьих земель в пользу крестьянства. Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества.

Иными словами: либо — сохранение главной массы помещичьего землевладения и главных устоев русской «надстройки», отсюда преобладающая роль либерально-монархического буржуа и помещика, быстрый переход на их сторону зажиточного крестьянства, понижение крестьянской массы, не только экспроприируемой в громадных размерах, но закабаляемой к тому же теми или иными кадетскими выкупами, забиваемой и отупляемой посредством реакции; душеприказчиками такой буржуазной революции будут политики типа, близкого к октябристам. Либо — разрушение помещичьего землевладения и всех главных устоев соответствующей старой «надстройки»; преобладающая роль пролетариата и крестьянской массы при нейтрализации неустойчивой или контрреволюционной буржуазии, наиболее быстрое и свободное развитие производительных сил на капиталистической основе при наилучшем, какое только мыслимо вообще в обстановке товарного производства, положении рабочей и крестьянской массы; отсюда создание наиболее благоприятных условий для дальнейшего осуществления его настоящей и коренной задачи социалистического переустройства».

В другой работе Ленин указывает: «Оба эти пути развития вполне ясно обрисовались в России после 1861 года... Весь вопрос дальнейшего развития страны сводится к тому, какой же из этих путей развития возьмет окончательно верх над другим» (Ленин, т. XII, «Аграрный вопрос в России к концу XIX в.», стр. 269).

Таким образом борьба этих двух путей развития капитализма в России, развернувшаяся в пореформенный период, а следовательно и борьба тех классов и прослоек, которые представляли эти пути развития, — является ведущим звеном процесса. Соответственно его ходу, как замечает Ленин, оформляется та или иная «надстройка». Развитие искусства этой эпохи точно так же может быть правильно понято только в связи со спецификой развития русского капитализма и с ходом борьбы двух охарактеризованных тенденций. С точки зрения этой борьбы охарактеризованные нами периоды имеют, по нашему мнению, следующую обусловленность.

Первый период с 60-х по 80-е годы идет сначала под знаком буржуазного демократизма и просветительства, недостаточно еще внутри себя диференцированного. Социал-утопические тенденции, заботы о народе в целом (т. е. о всем третьем сословии), борьба с крепостничеством и азиатчиной методами трезвого реалистического показа — вот в чем суть этого периода. Однако в процессе дальнейшего развития и диференциации тех групп, которые боролись с феодализмом, в процессе изживания просветительства наступает кризис этого течения, который выражается и в распаде артели художников, в повороте в творчестве Перова и других фактах.

Поскольку в пореформенную эпоху преобладание получает класс мелких производителей (мелкая буржуазия), наряду с отражением этого факта в распространении народнической идеологии мы видим и огромную роль передвижничества, отражающего и выражающего идеологию мелкой буржуазии. Его демократическая часть опирается на крестьянство и борется за американский путь развития. Его другая часть идет к обслуживанию мещанства и крупной буржуазии, идет на соглашение с реакцией, объективно, поддерживая прусский путь развития.

В ходе дальнейшего развития передвижничество полностью перерождается и отрывается от крестьянского демократического движения, причем это перерождение особенно сильно идет в 80-е годы, но намечается еще и в 70-х годах.

Второй период, идущий в полосе промышленного и аграрного кризиса, с одной стороны, и тенденций к частичной реставрации крепостничества, с другой, дает сильное сжатие демократических тенденций. Протест обезземеливаемого и разоряемого крестьянства прорывается или в творчестве отдельных художников, пытающихся сохранить лучшие традиции народнической демократической струи (как С. Иванов), или в форме толстовства в живописи (Ге). Передвижничество в целом завершает путь перерождения. Оно выделяет так называемую национальную школу (Васнецов и др.), которая, стремясь создать новую религиозную живопись, выразить «дух нации» и т. д., идет к прямому обслуживанию самодержавия, опираясь на идеологию реакционно-патриархальных групп буржуазии (кулачество, не превратившееся еще в капиталиста, не разорвавшее связей с помещиком, купечество и т. д.).

Оформление идеологии промышленной буржуазии в условиях «прусской системы», частичной реставрации крепостничества далеко отстает от западного капитализма и только в конце 80-х — начале 90-х годов начинает осваивать стиль субъективистского гедонизма — импрессионизм. Идеология борьбы за американский путь развития получает здесь отражение в творчестве Репина начала 80-х годов (народовольческие мотивы) и С. Иванова. Остальные группы, идя на союз с реакцией, поддерживают идеологию прусского пути развития.

Третий период в условиях промышленного подъема дает рост искусства промышленной буржуазии в форме импрессионизма и модернизма. На примере анализа становления импрессионизма в русской живописи можно лучше всего проследить отражение в искусстве борьбы двух путей развития капитализма. Импрессионизм — «классический» стиль буржуазного искусства той эпохи, когда буржуазные отношения достигают своего высшего выражения, когда капитализм овладевает всеми областями жизни, когда безраздельно господствуют его законы: частной собственности, конкуренции, анархии производства. «Свободная» буржуазная личность завоевывает полную гегемонию и в искусстве, выдвигая стиль индивидуалистического гедонизма, ощущению и восприятию этой личности импрессионизм подчиняет всю объективную действительность: его задачей становится показ мира, как комплекса субъективных ощущений и восприятий.

Во Франции, где капиталистические отношения выступили в более чистой форме импрессионизм достигает господства уже в 70—80-х годах XIX в.

В России же, где чисто капиталистические отношения придавливались и сдерживались остатками крепостничества — импрессионизм не мог достичь такого яркого расцвета и его становление все время задерживается реставраторскими тенденциями. Первые предвестники импрессионизма в России появляются еще в 70-х годах — особенно сильно в творчестве рано умершего художника Васильева, который является настоящим русским «барбизонцем», стоявшим на прямом пути к импрессионизму. Но эта линия не получила своего завершения, ибо передвижничество вообще не смогло освоить импрессионизма; как народники не понимали и «не принимали» развития капитализма, так и передвижники не понимали, «не принимали» развития современного им буржуазного искусства Запада, т. е. импрессионизма. Крамской откровенно писал, что он их (импрессионистов) не понимает, а реакционные течения 80-х годов в лице «неоакадемизма» и «национальной школы» с их устремленностью к классике, византинизму и т. д. были еще более далеки от импрессионизма.

Следующая «вспышка» импрессионизма (уже в развитой форме) относится к концу 80-х — началу 90-х годов (творчество Серова, К. Коровина, Левитана, Репина и др.). Однако и на этот раз пассеистически-стилизаторские тенденции «Мира искусства» задержали, казалось бы, готовившийся расцвет импрессионизма. Серов, один из первых зачинателей русского импрессионизма, показывает интересный пример отхода от него под воздействием «Мира искусства».

В начале 900-х годов более передовые группы буржуазных художников снова поднимают знамя импрессионизма и только теперь он более широко входит в практику («36», «Союз русских художников» и др.).

Таким образом ход освоения западного импрессионизма в русском искустве находит свое объяснение в специфичности условий развития капитализма в России, в конкретном ходе борьбы двух путей развития. Одновременно группы капитализирующегося дворянства выдвигают такое течение, как «Мир искусства», которое, имея в основе эклектический стилизм и ретроспективизм, пытается ассимилировать импрессионизм и вовлечь в блок буржуазных художников на основе идеологического обоснования прусского пути развития капитализма. Но блок этот распадается перед революцией, так как интересы этих групп расходятся. Усиливается в частности буржуазно-демократическая струя, особенно несовместимая с идеологией «Мира искусства» (часть московского объединения «36»).

В первый период на ранней стадии идет борьба единого фронта реализма с академизмом, отражающая борьбу буржуазии с дворянством. Во второй период продолжается борьба передвижничества с академизмом и внутренняя борьба внутри перед-

вижничества, используемая реакцией. Борьба эта ослабевает с ходом перерождения передвижничества. В третий период — борьба искусства промышленной буржуазии с искусством капитализирующегося дворянства (Репин и «Мир искусства» «36» и «Мир искусства») с одной стороны, и с другой — их общая борьба против революционного демократического искусства в прошлом и опасности оформления пролетарской и революционно-демократической идеологии в искусстве — в 90-е и 900-е годы (блок «Мира искусства» и «36», вхождение в «Мир искусства» Серова и других художников).

Таковы с нашей точки зрения главнейшие этапы развития русского искусства от 60-х годов до революции 1905 года и связь их с ходом капиталистического развития России, сводящимся к борьбе за американский и прусский пути развития.

А. Михайлов

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., например, «Введение в историю русского искусства» в известной «Истории русского искусства» под редакцией И. Грабаря (1909), которое в основном повторяет оценки Бенуа. Как вершина творчества Федотова объявляется «тот великий скорбный дух, который вылился в картине, изображающей унылую офицерскую жизнь в провинциальной глуши, и который поднял острый реализм пустой сценки дрессирования собаки до степени чудовищной фантастики, о какой позже мечтал Достоевский (стр. 76. Речь идет о картине «Анкор! Еще, анкор!», которая противопоставляется сатирическим, заостренным произведениям Федотова, как «случайному» и «временному» в его искусстве). 60-е годы характеризуются и здесь в качестве эпохи «падения живописи» (стр. 78). В противовес общественно-активному, «гражданскому» искусству реализма на всем протяжении «Введения» выдвигаются те картины, в которых появляются упадочнические, пессимистические ноты, «щемящая грусть» в настоящем или тоска по прошлому. (Ср. оценки Перова—на стр. 78. Крамского—на стр. 79, Сомова—стр. 106 и др.).

[2] См. К. П. Победоносцев, Письма и записки, т. 1, 2-й полутом, стр. 934, 963.

[3] Типичный прием борьбы! Бенуа объявляет антихудожественным идейный реализм, а критики 90-х гг. доказывают «антихудожественность» Ге и т. д.

[4] Письмо Толстого Третьякову по этому поводу, см. в «Переписке Толстого и Ге», «Academia», 1930 г.

[5] Статья В. Дмитриева в «Аполлоне» 1913 г., № 10, статья в «Золотом Руне», 1909 г. и др.

Ср. оценки в статье Дмитриева и напр. в «Истории русского искусства» Грабаря.

У Грабаря читаем, что Ге обладал «неряшливым», «варварским» языком, что его ультрареалистические приемы оказались чуждыми религиозной живописи (стр. 86).

У Дмитриева, наоборот, основным утверждением является то, что «Ге с изумительной силой поборол низкий художественный уровень своего времени».

[6] В. М. Фриче. Очерки по искусству (стр. 75).

[7] А. Лясковская, В. Г. Перов. Редакция Федорова-Давыдова. Изд. Третьяковской галлереи, 1931 г.

Независимо от характера работы Лясковской, которая сама по себе может быть и не нуждалась бы в подобном разборе, мы считаем необходимым остановиться на некоторых вопросах, связанных с Перовым, более обстоятельно. Один из значительнейших реалистов в живописи XIX в. — Перов очень долгое время поносился сторонниками «чистого искусства» и эта тенденция не изжита еще по сегодняшний день. Исполнившееся в мае 1932 г. пятидесятилетие его смерти не вызвало никаких откликов в печати. В декабре 1933 г. исполняется столетие со дня его рождения. Надо надеяться, что советские художники и критики, ставящие перед собой задачу создания подлинно реалистического искусства эпохи построения социализма, выдвигающие идейную глубину, как главнейший признак этого искусства, вспомнят об одном из своих лучших предшественников, зачинателей идейного реализма — Перове, и поставят вопрос об освоении его творчества под углом зрения ленинских указаний о наследстве 60-х гг.

[8] Сам автор уже отказался от ряда этих установок. Тем более необходимо здесь отметить, что «Указатель литературы по русской живописи, скульптуре и графике XVIII—XX века», выпущенный Третьяковской галлереей в 1931 г., по поводу этой книги утверждает, будто автор исходит из основных понятий марксистского искусствознания (стр. 25). Если «основными понятиями марксистского искусствознания» считать отрицание идеологической природы искусства и призыв к вещеделанию, отказ от исторического подхода во имя формально-типологического, отказ от показа связи искусства с классовой борьбой во имя единой стилевой эволюции всех и вся, аттестацию эстетики Чернышевского как идеалистической и защиту в противовес ей эстетики Лефов, отказ от ленинской концепции русского капитализма, во имя вельфлинианской имманентной эволюции форм (а все это и есть исходные позиции Федорова-Давыдова), то я не знаю, что же не считать после всего этого марксизмом? Может быть состави-

тели «Указателя» думают, что марксизм в искусствознании заключается в отрицании метода, учения и основных установок марксизма-ленинизма?

[9] В других своих работах по русскому искусству Голлербах выступает просто как перелагатель и популяризатор разобранной нами «Истории русской живописи» Бенуа. В согласии с ним он «уничтожает» идейный реализм, превозносит искания «чистого искусства» 80—90-х годов, а «Мир искусства» вообще рассматривает как недосягаемую вершину. «Творчество «мироискусников», — пишет он, — может и должно быть принято современностью даже теперь, когда «Мир искусства» уже перестал быть «властителем дум». Исторические реставрации «мироискусников», которые наивные люди трактовали как трусливое бегство от современных тем, как эстетический «уход в прошлое», являются превосходными prolegomena к изучению минувших эпох и образов прошлого» (см. Голлербах «Пути новейшего искусства на Западе и у нас» в «Истории искусства всех времен», изд. Сойкина, 1929, стр. 299).

[10] См., например, книжки В. Лоланова: «Виктор Васнецов в Абрамцеве», 1928 г., объясняющего творчество Васнецова «своеобразной» природой абрамцевского пейзажа; монографию об Архипове, изд. ГАХН 1927 г., где тот же Лобанов объясняет творчество Архипова рязанским солнцем и рязанскими просторами; монографию А. Иванова о Врубеле (1928), где автор объясняет творчество Врубеля помощью «оцепенелости», вытекающей из неорганического аспекта восприятия природы. Можно далее упомянуть о статье Эфроса к «Венецианову» (изд. Academia, 1931), где все возникновение реализма венециановской школы сведено к чистой случайности: был, дескать, Венецианов человек незаметный, да вдруг случай вывез — и получился реализм. В другом месте, правда, говорится уже иное и венециановское искусство производится от мелкопоместного дворянства, погибающего от хозяйственной мелкоты, но держащегося за свое существование, но и это утверждение в высшей степени спорно и необосновано. Трагедия Венецианова и его школы не вскрыта в связи с обстановкой николаевской реакции, зажавшей всякое проявление демократизма и либерализма и толкнувшей в частности учеников Венецианова к брюлловщине, т. е. академизму.

[11] Что в данном случае виновен именно метод механического соотнесения изолированного приема к психике и экономике группы, показывает и другая работа Н. Коваленской «Русский жанр накануне передвижничества», в сборнике «Русская живопись XIX в.», изд. РАНИОН, 1929 г. Принципы исследования здесь те же. К чему они приводят, видно, например, из следующего утверждения: «Кроме социального обострения художники внесли (в стиль реализма. — *А. М.*) и некоторые другие черты, обусловленные свойствами интеллигенции как особой социально-экономической и профессиональной группы. Интеллигенция в целом, не связанная с физическим трудом, а, с другой стороны, далекая от потребительства и гурманского наслаждения жизнью, не имела никаких стимулов к исканию художественной формы, к культу живописного мастерства: исторические ценности были для нее важнее всего. Это и было одной из причин падения художественной формы» (стр. 74). Трудно придумать большее упрощение. Выходит ведь, что искания художественной формы могут быть или результатом физического труда или потребительского наслажденчества — все остальное приводит к падению формы. Конечно таким методом нельзя правильно проанализировать и объяснить историю искусства. Что касается объяснения всего стиля в целом, то и здесь он поделен между разными социальными группами, по такому же примерно принципу (ср., например, характеристику «буржуазных» элементов стиля на стр. 72).

[12] В связи с этим надо отметить положительность выхода монографии о С. Иванове, художнике, выразившем тенденцию демократизма в 80—90-х гг. XIX в. Однако, привлекая внимание к этому художнику, революционно-демократические стороны творчества которого замалчивались буржуазными историками искусства, авторы монографии (В. В. и Е. А. Журавлевы) не справились с двумя важными для понимания Иванова задачами, а именно: с раскрытием мелкобуржуазной ограниченности его демократизма, идущего в политическом плане не далее идеологии трудовиков и эсеров, и, во-вторых, с показом, как эта ограниченность неизбежно привела Иванова после революции 1905 г. к уходу в историческую живопись и к спаду революционно-демократических моментов в его творчестве. Бесспорно опять-таки, что сделать это можно было, только органически применив ленинские высказывания о демократической борьбе в ее отношении к пролетарской революции и о борьбе за американский и прусский путь развития (см. В. В. и Е. А. Журавлевы «Художник С. В. Иванов», Изогиз, 1931). Следовало бы также вспомнить о художнике Н. В. Орлове, тесно связанном с крестьянством и так любимом Л. Толстым.

[13] Эта работа ведется в Государственной Академии Искусствознания. В подготовленном к печати первом томе истории русского искусства XIX—XX вв. охвачен период от 30-х годов XIX столетия до «Мира искусства».

В настоящей статье использованы частично материалы, входившие в мой доклад: «Концепция развития русского искусства II половины XIX в.», сделанный в Академии в июне 1932 года, а также во вступительную статью к первому тому Истории русского искусства.

[14] «Мир искусства», 1899 г., № 20. А. Бенуа, К. Сомов.

ПОМЕТКИ ЛЕНИНА НА „КНИЖНОЙ ЛЕТОПИСИ“ 1917, 1918 и 1919 гг.

Нет нужды доказывать, какое громадное значение имеют все и всяческие материалы, позволяющие изучить круг чтения и литературных интересов В. И. Ленина. В этом отношении многое дают второе и третье издания Собрания сочинений Ленина, которые снабжены подробными списками всех сочинений и документов, на которые Ленин ссылается и которые цитирует. Но это конечно далеко не все. Совершенно очевидно, что многое из того, что он читал, не упомянуто в его произведениях, а стало быть и не включено в эти списки.

Так например, только в Институте Ленина в 1930 г. имелось 504 названия книг, журналов и газет с Ленинскими пометками, из них 214 книг, 60 журналов и 71 газета на русском языке; 82 книги, 42 журнала, 26 газет и одна железнодорожная карта на иностранных языках; заимствуем эти данные из издания «Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Отчет к XVI партийному съезду» (1930 г., стр. 20). Ныне, в 1933 г., общее количество печатных изданий с Ленинскими пометками в Институте Ленина несомненно больше. Опубликовано отсюда пока что очень немногое: пометки Ленина на брошюре Троцкого «Роль и задачи профессиональных союзов» (Ленинский сборник VI), на книге Е. Варга «Die Wirtschaftspolitischen problemen der proletarischen Diktatur»—«Проблемы экономической политики при диктатуре пролетариата» — (Ленинский сб. VII), на «Экономике переходного периода» Бухарина (Ленинский сб. XI), пометки на группе книг и журнальных статей, которые Ленин прорабатывал для своего реферата «Условия мира в связи с национальным вопросом» (Ленинский сборник XVII), пометки на брошюре А. Коллонтай «Рабочая оппозиция», пометки на брошюре «Положение нефтяной промышленности Бакинского района к концу 1920 г.» и на ряде докладов 1921 г. по вопросам о положении дел в нефтеносных районах республики (Ленинский сборник XX), пометки Ленина на статье В. Плетнева «На идеологическом фронте» в «Правде» от 27 сент. 1922 г. (факсимиле этих пометок дано в сборнике «Вопросы культуры при диктатуре пролетариата». ГИЗ, М., 1925), пометки Ленина на статье Э. Бернштейна «Vom geschichtlichen Recht der Kleinen» в журнале «Neue Zeit» 1915 г., № 24 от 10 сентября (факсимиле этих пометок дано в «Литературном Наследстве» № 3).

Указание на некоторые названия книг с до сих пор неопубликованными пометками Ленина дает Ш. Манучарьянц в статье «Что и как читал Ленин»—«Записки Института Ленина», т. III: «Книги с пометками Ленина касаются следующих вопросов: о русской революции, о профсоюзной дискуссии, по национальному вопросу, доклады с мест, о рабочей оппозиции, о работе Моссовета, о концессиях, по крестьянскому вопросу, по переписи, о Коминтерне, по партийным вопросам, о Центросоюзе, об анархизме, о Чернышевском, Короленко и Герцене, об образовании, по финансовым вопросам, антирелигиозным и т. д. На иностранных языках Ленин очень интересовался вопросами компартии других стран, главным образом произведениями Пауля Леви и де-Леона. Об Индии специально заказывались книги по просьбе В. И. Из зарубежной литературы много внимания Ленин уделял книгам Деникина, о Врангеле, политике Антанты, а также журналам и сборникам «Архив русской Революции», «Революционная Россия», «Социалистический Вестник», «Воля России», «Заря», «Современные записки».

Между тем естественно предположить, что самое количество книг, хранящих пометки Владимира Ильича, значительно превышает названные цифры. Он много работал над книгами в тюрьме и в ссылке, в эмиграции. Находил время для такой работы и после Октябрьской революции, являясь между прочим в эти годы постоянным абонентом библиотеки Румянцевского музея (ныне Библиотека им. Ленина). Совершенно необходимо было бы везде и всюду пройтись по следам Владимира Ильича. Проверить по сохранившимся библиотечным записям, что именно приковывало его внимание. Несомненно результаты такой работы могут оказаться очень эффективными. Между прочим несколько месяцев назад в городскую библиотеку г. Быгдощи в Польше поступило двенадцать книг из б. библиотеки Ленина в Кракове с его пометками (перечень этих книг см. в статье И. Зильберштейна «Зарубежная библиотека Ленина» в журнале «За рубежом» 1933 г., № 3, стр. 7).

Одну из таких попыток расширить наши знания о круге чтения Ленина мы делаем в печатаемом ниже библиографическом исследовании, представляющем собой обзор собственноручных отметок Владимира Ильича на номерах «Книжной летописи», — органа Книжной палаты, регистрировавшего всю вновь выходящую книжную и журнальную продукцию. В руках Владимира Ильича находились комплекты журнала за 1917, 1918 и 1919 гг. Пометки его начинаются с № 13—14 за 1917 г., с названия, зарегистрированного под номером 3545.

Разумеется материал этот имеет более узкое значение, чем Ленинские замечания на полях и в тексте читанных им книг, чем даже списки цитируемых им сочинений. Материалы, собранные ниже, дают представление только о книгах, намеченных Владимиром Ильичем к просмотру. Следовательно судить на основании их можно только об общих интересах Ленина-читателя, интересах, реализованных в сравнительно малой степени. Думаем однако, что при известной ограниченности этих материалов они все же сыграют свою положительную роль в деле расширения наших знаний о Ленине-читателе.

Подробный анализ Ленинских пометок дан в послесловии, где обрисована и та историческая и биографическая обстановка, в условиях которой Владимир Ильич просматривал «Книжную летопись». Считаем только необходимым отметить здесь ту политическую заостренность, которою пронизаны все сделанные Лениным отметки. Им отмечено сравнительно небольшое количество книг, не более одного процента всей зарегистрированной «Книжной летописью» продукции. Но все, что им отмечено, находится в непосредственной связи с задачами, стоявшими в те годы перед советской властью и перед партией. Поэтому-то все эти пометки представляют собою не просто «материалы для биографии» Ленина в узком смысле этого слова, но и материалы для изучения его деятельности как теоретика и вождя пролетарской революции.

Отдельные фрагменты настоящей работы публиковались и ранее (см. напр. «РАПП» 1931 г., № 3, стр. 61—170). Полностью она печатается здесь впервые.

Редакция

В № 13—14 от 18 апреля 1917 г. Владимир Ильич отметил синим карандашом №№ 3545, 3576, 3792.

№ 3545. Брагин, А. М. Крестьянское хозяйство Уфимской губ. (По данным подворной переписи 1915 г.). Уфа, 1916. Изд. Статист. Отд. Уфимск. Земства. Тип. «Печать». 66 + 153 стр. 300 экз.

Эта книжка отчеркнута круглой скобкой, название подчеркнуто, а на поле против номера поставлена крупная нотабене.

№ 3576. Дашкевич, Б. Н. Энергия и материя как введение в общую химию. Популярная лекция об основных принципах энергии и материи с естественно-научной точки зрения. Киев, 1917. Тип. А. И. Гросмана (Б.-Владимирская, 49). 35 стр. 500 экз.

Фамилия автора и название книжки подчеркнуты тонкой чертой и на правом поле отчеркнуты двумя чертами, за которыми поставлена нотабене.

№ 3792. Сборник I. (Статьи Н. Константинова, А. Михайловича, М. Ольминского, В. Павлова, И. Степанова, М. Фабричного). М., 1917. Изд. книгоиздательства «Прилив». Тип. В. Рихтер (Мамоновский пер., соб. д.). 128 стр. Ц. 1 р. 50 к. 3 000 экз.

Номер и слово «сборник» подчеркнуты. Вся книжка на поле против номера отчеркнута двумя косыми чертами; здесь же поставлена нотабене.

В № 15—16 от 25 апреля 1917 г. отмечены №№ 3957 и 4116.

№ 3957. Дроздов, И. Р. Судьбы дворянского землевладения в России и тенденция к его мобилизации. С предисловием П. П. Маслова. П., 1917. Тип. «Север» (Невский, 140—2). 71 стр. Ц. 1 р. 1 000 экз.

Резко подчеркнуты: номер, автор, название книги и особо «П. П. Маслов». На поле резкие две черты против всего названия и сильная нотабене.

№ 4116. Фалькнер, М. (Смит). Продовольственный вопрос в Англии. П., 1917. Тип. Андерсона и Лойцянского. 81 стр. Ц. 60 к. 100 экз.

Легко подчеркнуты номер, автор и название книжки. На поле маленькие две черточки и маленькая нотабеле.

В № 17 от 29 апреля 1917 г. отмечены №№ 4206 и 4235.

№ 4206. Винавер, М. М. Недавнее. (Воспоминания и характеристики.) П., 1917. Тип. «Якорь». 3 нен. + 300 стр. Ц. 3 р. 50 к. 3 100 экз.

Мимоходом подчеркнут автор и название книги, без всякой отметки на полях, что означало: «не важно и не к спеху».

№ 4235. Ишханян, Б. Развитие милитаризма и империализма в Германии (Историко-экономическое исследование). С предисловием проф. М. И. Туган-Барановского. П., 1917. Изд. «Книга». Тип. «Слово». XI + 352 стр. Ц. 3 р. 1 500 экз.

Автор и название книги подчеркнуты. На правом поле черта и нотабене.

В № 18 от 6 мая 1917 г. отметок нет.

В № 19 от 13 мая 1917 г. отметок нет.

Эти номера сейчас еще не отысканы в моем архиве. Но так как отмеченные номера мною были переписаны тогда же, к сожалению без описания характера отметок, то мы публикуем их здесь по нашей записи с полной ответственностью за точность. Мы полагаем, что и эти номера отыщутся, и тогда мы добавим описание характера отметок.

В №№ 20 и 21 от 20 и 27 мая 1917 г. были отмечены Владимиром Ильичем следующие номера: 4823, 4829, 4903, 4997, 4893, 5011, 5012, 5013, 5014.

№ 4823. Антоний, архиеп. О книге Ренана с новой точки зрения. Харьков, 1917.

№ 4829. Бобынин, И. Н. Бунин, И. И., Гринков, С. С., Панкратов, К. А., Семашко, В. Ф. и Яковлев, К. А. Организация заготовки хлебов в Тамбовской губернии. Материалы по вопросу организации продовольственного дела. Под общей редакцией А. Чаянова. Выпуск III. М., 1916.

№ 4893. Как совершилась великая русская революция. Подробное описание исторических событий за время с 23 февраля по 4 марта 1917 г. П., 1917.

№ 4903. Красин, П. Национальный вопрос (Очерки). Выпуск I. Национальное пробуждение русского общества и национальные идеи его истории. Харьков, 1917.

4997. Рейснер, М. проф. Война и демократия. Библиотека великой русской революции. П., 1917.

№ 5011. Стенографический отчет делегатов фронта. Заседание 24 апреля 1917 г. П., 1917.

№ 5013. Стенографический отчет делегатов фронта. Заседание 28 апреля 1917 г. П., 1917.

№ 5014. Стенографический отчет делегатов фронта. Заседание 30 апреля 1917 г. П., 1917.

№ 5012. Стенографический отчет делегатов фронта. Заседание 25 и 26 апреля 1917 г. П., 1917.

В № 22 от 3 июня 1917 г. отметок нет.

В № 23 от 10 июня 1917 г. отмечены №№ 5362 и 5420.

№ 5362. П. Г. (Полковник Г. Г. Перетц). В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца. 27 февраля — 23 марта. П., 1917. Тип. акц. о-ва «Просвещение». 112 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Подчеркнут номер, автор, название книги; на правом поле две черты и нотабене.

№ 5420. Финансы Северо-Американских Соединенных Штатов во время междуусобной войны 1861—1865 гг. Перев. Ф. Д. Гардт. М., 1917. Тип. т-ва Рябушинских. 140 стр.

Энергично подчеркнуто все название книги. Особо, тремя чертами, номер этой книги и на правом поле две черты и нотабене.

В № 24 от 17 июня 1917 г. отметок нет.

В № 25 от 24 июня 1917 г. отмечены №№ 5664 и 5712.

№ 5664. Безобразов, П. В. Раздел Турции, П., 1917. Тип. В. Ф. Куршбаума (Дворц. площ.). 77 стр. Ц. 1 р. 500 экз.

Подчеркнуто легкой чертой синим карандашом.

№ 5712. Засулич, Вера. Верность союзников. П., 1917. Изд. Центр. Воен.-Промыш. Ком. 7 стр. Ц. 6 к. 20 000 экз.

Подчеркнуто одной чертой без всяких других пометок.

В № 26 от 1 июля 1917 г. никаких пометок нет.

В № 27 от 8 июля 1917 г. отмечен № 6199.

№ 6199. Чернов, Виктор. Война и «третья сила». Сборник статей П., 1917. Изд. 2-е партии социалистов-революционеров. Тип. П. П. Сойкина (Стремянная, 12). 76 + 1 нен. стр. Ц. 50 к. 100 000 экз.

И номер, и автор, и название книги подчеркнуты, а на левом поле против номера две разкие черты.

В № 28 от 15 июля 1917 г. отмечены №№ 6262 и 6281.

№ 6262. Короленко, Владимир. Падение царской власти (№ 11). М., 1917. Изд. изд-ва «Народоправство» (Рождественский бульв., 10). Тип. т-ва «Кооперативный Мир». 39 стр. Ц. 25 к. 25 000 экз.

Подчеркнута фамилия автора, название книги и на левом поле три черты и нотабене.

№ 6281. Нужна ли война? (Статьи В. Короленко, П. Кропоткина, Г. Плеханова, Бернарда Шоу, № 1). М. Изд. изд-ва «Народоправство» (Рождественский бульв., 10). Тип. т-ва «Кооперативный Мир» (Тверская, 31—33). 24 стр. Ц. 20 к. 25 000 экз.

Номер, название книги и фамилии авторов подчеркнуты.

В № 29—30 от 5 августа 1917 г. отмечены №№ 6399 и 6402.

№ 6399. Короленко, Владимир. Падение царской власти. (Речь простым людям о событиях в России).

(«Свободный Народ», № 41). П., 1917. Изд. и тип. т-ва «Задруга», 2-е изд. (Гончарная, 24). 29 стр. Ц. 20 к. 20 000 экз.

Первая строчка подчеркнута одной чертой. На правом поле одна черта и нотабене.

№ 6402. Кто такие большевики и меньшевики. М., 1917. Изд. Д. М. Куманова. Тип. Синема (Тверская, 29). 16 стр. Ц. 30 к. 30 000 экз.

Подчеркнута одной чертой. На левом поле одна черта и нотабене.

В № 31 от 12 августа 1917 г. отмечены №№ 6607, 6661, 6708, 6712 и 6749.

№ 6607. Горев, Б. И. Кто такие ленинцы и чего они хотят? П., 1917. Изд. изд-ва «Рабочая библиотека». Тип. «Рабочая печать» (Кронверкский пр., 27). 16 стр. Ц. 10 к. 100 000 экз.

Все подчеркнуто одной чертой.

№ 6661. Каутский, К. Русская революция 1917 г. и немецкая социал-демократия. (Общедоступная библиотека). М., 1917. Изд. «Книговед». Тип. К. Муратова с бр-м. (Лубянская пл., 1/5). 15 стр. Ц. 15 к. 24 000 экз.

Сильно подчеркнуто. На левом поле зигзагообразная тройная вертикальная черта и нотабене.

№ 6708. Маркин, А. Большевики и меньшевики и какое между ними различие. (Общедоступная социально-политическая библиотека, № 4). М., 1917. Изд. изд-ва «Для народа». Тип. К. Муратова с бр-м (Лубянская пл., 1/5). 29+1 нен. стр. Ц. 20 к. 2 000 экз.

Все сильно подчеркнуто. На левом поле энергичная зигзагообразная вертикальная четверная черта и нотабене.

№ 6712. Материалы по вопросам организации продовольственного дела. Под общей редакцией А. В. Чаянова. Выпуск VI. Материалы по продовольственному делу, разосланные продовольственным отделением на места. М., 1917. Изд. Главного Комитета Всероссийского Земского Союза. Экономический отдел. М., 1916. Тип. А. И. Мамонтова (Арбатская пл., Филипповск. пер., 1). XIII + 147 стр. с картограм. 1 550 экз.

Подчеркнуты начальные слова (слева) трех строк. Весь номер отчеркнут по левому полю, около номера двойной косой скобкой и, чуть отступя, — нотабене.

№ 6749. Плеханов, Г. В. Война и мир. М., 1917. Изд. изд-ва «Единство» (Леонтьевский пер., 5). Тип. т-ва А. А. Левенсон. 30 стр. Ц. 30 к. 250 000 экз.

Все энергично подчеркнуто. На левом поле четверная двойная зигзагообразная наискось черта и нотабене. Помимо интереса к содержанию брошюры Владимир Ильич заинтересовался тиражом этой брошюры, который для того времени действительно был огромен. Брошюра эта отпечатана в 250 000 экземпляров. И эта строчка Владимиром Ильичем также подчеркнута.

В № 32 от 19 августа 1917 г. оказались подчеркнутыми следующие номера: 6891, 6914, 6915, 6923, 7092 и 7131.

№ 6891. Васильев, Н. В. д-р. «Правда» против Истины. Солдатам на фронт и в казармы, рабочим на заводы и фабрики. Тем и другим не в обиду, а на серьезное размышление. П., 1917. Изд. Издательского отдела (Невский, 112). Тип. Д. И. Шумахер (Тучков пер., 1). 16 стр. Ц. 25 к. 15 000 экз.

Подчеркнуты первые слова трех строчек. На левом поле очень энергичные три черты наискось и сильная нотабене.

№ 6914. Гомбарг, Ю. А. (Ю. Идарский). Предатели России или Большевики Николая Романова. Этюд из семейной жизни Романовых. В 4-х картинах, с интермедией, 27-ю иллюстрациями и нотами. П., 1917. Изд. типогр. Н. Ю. Резникова (Петрогр. стор., Больш. пр., 17). 32 стр. с рис. Ц. 75 к. 14 000 экз.

Номер, автор и все название подчеркнуты, а на правом поле отметка — три между собой связанные черты.

№ 6915. Горец, В. Изменники и предатели России. М., 1917. Народная библиотека «Свободное слово». Издание т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая ул., с. д.). 31 стр. Ц. 10 к. 50 000 экз.

Подчеркнуто слабой чертой.

№ 6923. Гурьев, А. Утопия большевиков. М., 1917. Изд. изд-ва «Воля» (Б. Дмитровка, 26). 24 стр. Ц. 25 к. 20 000 экз.

Подчеркнуто одной чертой.

№ 7092. Ртищев, И. А. Кто из нас буржуй? М., 1917. Изд. изд-ва «Воля» (Б. Дмитровка, 26). 32 стр. Ц. 30 к. 26 000 экз.

Все подчеркнуто одной чертой. На левом поле после номера четырехкратная двойная черта и нотабене.

№ 7131. Турати, Ф. Современная классовая борьба и социализм. М., 1917. 2-е изд. Кн-ство «Книга и жизнь».

Содержание: 1. Война объявлена. — 2. Что было в прошлом. — 3. Что существует теперь. — 4. Причина классовой борьбы. — 5. Значение классовой борьбы. — 6. Захват власти. — 7. Идеалы будущего. — 8. А как же другие общественные классы?.

Тип. «Русская Печатня» (Б. Садовая, 14). 14 стр. Ц. 12 к. 50 000 экз.

Все строки, в том числе и «содержание», подчеркнуты с левой стороны, кроме верхней строчки, которая подчеркнута вся. Номер подчеркнут дважды. На левом поле, против всех строк названия книги и содержания, две соединенные вертикальные черты и энергичная нотабене.

В № 33 от 26 августа 1917 г. отмечены №№ 7228, 7324, 7366, 7481, 7482.

№ 7228. Воронов, В. Н. Большевики. П., 1917. Изд. «Союза солдатских республиканцев». Тип. «Экономия» (Геслеровский, 15 а). 31 стр. Ц. 20 к. 50 000 экз.

И номер, и автор, и название брошюры — все подчеркнуто, при чем номер подчеркнут утолщенной чертой. На правом поле против всех строк энергичная, шестерная, зигзагообразная, соединенная, вертикально-волнистая черта, оканчивающаяся энергичной закругленной нотабене.

№ 7324. Маркин, А. Большевики и меньшевики. Политическая библиотека. П., 1917. Изд. изд-ва «Книговед» (Москва, Б. Гнездников. пер., 10). Тип. т-ва «Уникат» (Рузовская, 13). 31 стр. Ц. 25 к. 5 000 экз.

Подчеркнуто чертами все названия книги. На поле против номера две косые черты. Рядом небольшая нотабене.

№ 7366. Плеханов, Г. В. В свободной России. П., 1917. Изд. Марии Малых. Тип. газ. «Петроградер Тогблат» (Невский, 127). 31 стр. Ц. 25 к.

Все подчеркнуто. Сбоку две вертикальные соединенные черты, сбоку большая нотебене.

№ 7481. Чернов, Виктор. Империалистические мечты и действительность. Изд. партии социалистов-революционеров. П., 1917. Тип. И. П. Сойкина. 30 стр. Ц. 25 к. 100 000 экз.

Энергично подчеркнуты номер и название.

№ 7482. Чернов, Виктор. Сквозь туман грядущего. Изд. партии социалистов-революционеров, № 22. П., 1917. Тип. П. П. Сойкина (Стремянная, 12). 62 стр. Ц. 60 к. 100 000 экз.

Сильно подчеркнуты номер и название. Против обоих номеров две сильных вертикальных черты. Рядом с ними четкая нотабене.

В № 34—35 от 9 сентября 1917 г. отмечены №№ 7526, 7527, 7532, 7533, 7534, 7539, 7720, 7793.

№ 7526. Бердяев, Николай. Возможна ли социальная революция. М., 1917. Тип. т-ва Рябушинских. 16 стр. Ц. 30 к. 50 000 экз.

Первая строка названия энергично подчеркнута двойной чертой.

№ 7527. Бердяев, Н. А. Народ и классы в русской революции. М., 1917. Изд. Московской Просветительной Комиссии. Тип. т-ва Рябушинских (Путинковский, 3). 15 стр. Ц. 25 к. 50 000 экз.

Подчеркнуты все строки названия. Против обоих номеров двойная черта наискось и около нее нотабене.

№ 7532. Богданов, А. Задачи рабочих в революции. М., 1917. Тип. Я. Г. Сазонова (Никитские ворота, 31). 21 стр. + 1 нен. Ц. 20 к. 10 000 экз.

Подчеркнут номер и три четверти названия брошюры.

№ 7533. Богданов, А. Задачи рабочих в революции. М., 1917. 2-е изд. Тип. Я. Г. Сазонова (Никитские ворота, 31). 22 стр. Ц. 20 к. 25 500 экз.

Подчеркнут номер и три четверти названия книги.

№ 7534. Богданов, А. Задачи рабочих и революции. 3-е изд., исправленное. М., 1917. Тип. Я. Г. Сазонова (Никитские ворота, 31). 22 стр. Ц. 20 к. 30 000 экз.

Подчеркнуты номер и все название книги.

Все эти три номера (7532, 7533 и 7534) взяты в двойные сильные скобки, рядом с которыми большая сильная нотабене. Очевидно Владимир Ильич обратил совершенно особое внимание на выход — одно за одним — трех изданий одной и той же брошюры А. А. Богданова под столь заманчивым названием и при том во все повышавшемся тираже: 10 000—25 500—30 000 экз.

№ 7539. Брюсов, Валерий. Как прекратить войну. М., 1917. Изд. изд-ва «Свободная Россия» (Тверская, Пименовский пер., 8). Тип. журн. «Автомобилист». 31 стр. Ц. 30 к. 50 000 экз.

Подчеркнуто слабыми двумя чертами, а на поле около номера тройная зигзагообразная черта.

№ 7720. Плеханов, Г. В. О войне. Статьи. Вопросы войны и социализма. П., 1917. Изд. «Огни» (7-я рота, 26). Тип. Акц. о-ва Тип. «Дело». 96 стр. Ц. 85 к.

Подчеркнуты номер, автор и название книги вместе с ценой, числом страниц и весом брошюры.

№ 7793. Слетов, Ст. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. П., 1917. Изд. Петрогр. Издат. Комиссии Партии социалистов-революционеров (Партия социалистов-революционеров), № 21. П., 1917. Тип. П. П. Сойкина (Галерная, 27). 112 стр. Ц. 1 р. Вес 7 л. 100 000 экз.

Подчеркнут номер, автор и название книги, а также последняя строчка, где

напечатана цена, типография, формат, вес. На правом поле против всего названия книги энергичная шестерная зигзагообразная черта и сильная нотабене.

В № 36 от 16 сентября 1917 г. подчеркнуты №№ 7896, 8095 и 8096.

№ 7896. Алексинский, Г. Война и революция. П., 1917. Тип. т-ва «Грамотность» (5-я Рождественск., 44. 46 стр. Ц. 45 к. 40 000 экз.

Все подчеркнуто. На правом поле четверная зигзагообразная черта и нотабене.

№ 8095. Пешехонов, А. Программные вопросы. Выпуск 1. Основные положения. П. 1917. 2-е изд. Тип. «Задруга» (Гончарная, 24). 47 стр. Ц. 50 к. 20 000 экз.

Все подчеркнуто.

№ 8096. Пешехонов А. Народно-социалистическая (трудовая) партия. Для чего она учреждена и как устроена. П., 1917. Тип. «Задруга» (Гончарная, 24). 15 стр. Ц. 15 к. 20 000 экз.

Все подчеркнуто. Против обоих этих номеров (8095 и 8096) сильные две связанные вертикальные черты и нотабене.

В № 37 от 23 сентября 1917 г. подчеркнуты №№ 8230, 8232 и 8370.

№ 8230. Беркенгейм, А. М. Основы электронной химии органических соединений. Курс лекций, читанных слушательницам Московских Высших женских курсов в 1916 г. М., 1917. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 181 стр. 500 экз.

Все подчеркнуто слабыми чертами. На поле возле номера три вертикально-параллельных, между собой связанных черты, а возле них нотабене.

№ 8232. Богданов, А. Уроки первых шагов революции: 1. Рабочий класс и Временное Правительство. — 2. О боевых лозунгах. — 3. На пути к Интернационалу.—4. О провокации. М., 1917. Тип. Я. Г. Сазонова (Б. Никитская, 31). 23 стр. Ц. 35 к. 30 000 экз.

Вся подчернута. На поле четыре вертикально-параллельных, между собой связанных черты, а возле них нотабене.

№ 8370. Милюков. П. Н. Речь о Ленине и германской социал-демократии. П., 1917. Журнал-Библиотека «Трибуна». Тип. Екатеринг. Печатн. дело. 31 + 1 нен. стр. Ц. 30 к. 30 000 экз.

Подчеркнут номер, затем все относящееся к книге. На правом поле брошюры отчеркнута пятикратной связанной вертикальной чертой и возле нотабене.

В № 38 от 30 сентября 1917 г. выписаны №№ 8652, 8671, 8694, 8757, 8770, 8813 и 8997.

Все номера выписаны синим карандашом, а последний (8997) — чернильным: видимо синий притупился. Текст же номеров подчеркнут синим карандашом, кроме последнего № 8997, который подчеркнут также чернильным. Из чего ясно, что номера на первой странице Владимир Ильич выписывал одновременно с работой над текстом каждого номера.

№ 8652. Бердяев, Николай. Возможна ли социальная революция. Нижний-Новгород. 1917. (Московская Просветительная Комиссия при Временном Комитете Государственной Думы). Тип. Биржевого о-ва. 24 стр. Ц. 30 к.

Все названия подчеркнуты, также и издатель и все другие сведения. На левом поле три параллельных черты, связанных между собой, а сбоку нотабене.

№ 8671. Великая русская революция в очерках и картинах. Выпуск 2-й. М., 1917. Изд. т-ва Н. В. Васильева. Тип. М. И. Смирнова (Ваганьковский, 5). 40 стр. с портр. и рис. 12 000 экз.

Все подчеркнуто. На правом поле семикратная зигзагообразная, вертикально-параллельная черта.

№ 8694. Гельвеций, К. А. Об уме. (Перевод с французского.) Под ред. и с введ. Э. Л. Родлова. П., 1917. Труды Петроградского философского Об-ва. Вып. XV. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. Остр., 5-я линия, 28). XXXI + 436 стр. 1 500 экз.

Подчеркнуто короткими чертами: номер, автор, редактор и слово «с введением». Сбоку троекратная черта и нотабене.

№ 8757. Кадмин. Н. Что такое буржуй? (Популярный Общественно-Политический Отдел, № 4). М., 1917. Изд. и тип. кн-ства Кошнина (М. Головин пер., 3). 31 стр. Ц. 30 к. 15 000 экз.

Все подчеркнуто. На правом поле три вертикально-параллельных черты и две энергичных нотабене.

№ 8767. Кельтов. К. И. Кадетизм и большевизм. М., 1917. Изд. «Общественное Дело». Тип. «Заря» (Солянка, 8). 15 стр. Ц. 15 к. 10 000 экз.

Все подчеркнуто прерывающейся тройной, волнистой чертой. На левом поле, наискось стоящие три вертикально-параллельные черты, а несколько ниже — сильная нотабене.

№ 8770. Кливанский. С. (Максим). Роль и значение Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. П., 1917. Изд. изд-ва «Земля и Труд» (Знаменская, 15). Тип. «Север» (Невский пр., 140—2). 14 стр. Ц. 15 к. 40 000 экз.

Совершенно так же, как предыдущую, подчеркнул и отчеркнул на полях и эту брошюру Владимир Ильич, не сде-

Книжная Лѣтопись

Изданіе Книжной Палаты
Петроградъ, (Морская, 61).
Выходитъ еженедѣльно
(XI-й годъ изданія).
Подписная цѣна на годъ—8 рублей, на 1/2 года—4 р. За границу 14 р.
№ 34—35. 1917 г. 9 сентября.

N

Перечень въ алфавитномъ порядкѣ книгъ, поступившихъ съ 26-го августа по 9-е сентября 1917 г.

7513. Авіаціонные моторы Анзани. Описаніе 10-ти цилиндровыхъ и 6-ти цилиндровыхъ авіаціонныхъ моторовъ и инструкціи для ихъ сборки и разборки. ПГ. 1917. Тип. Викторія (Знаменская, 17). 16° (14×18). 28 стр.3+ листа чертежей. Вѣсъ 4 л. 1000 экз.

7514. Авіаціонный моторъ Клерже 9 z въ 100 лошад. силъ (съ англійскаго). ПГ. 1917. Тип. Викторія (Знаменская, 17). 16° (14×19) 22 стр+2 листа чертежей. Вѣсъ 3 л. 1000 экз.

7515. Аграрная комиссія. Сообщеніе I. Кіевъ 1917 года. (Кіевское общество сельскаго хозяйства и сельскохозяйственной промышленности). Кіевъ. 1917. Тип. Р. К. Лубковскаго (Фундуклеевская, 19). (16° (11×17) 16 стр. Вѣсъ л. 2000 экз.

7516. **Айналовъ, Д. В.** Византійская живопись XIV столѣтія. ПГ. 1917. Тип. Я. Башмаковъ и К° (Надеждинская, 43). 8° (20×29). 2 нен+174 стр. Вѣсъ. 1 ф. 100 экз.

7517. **Александровъ, А. І.** Пѣсенка безъ названія. Слова Я. М. **Галицкаго**. М. 1917. Изд. Детлафъ и К° (Петровка, 5). Тип. В. Гроссе. 4° (27×35). 5 стр, Ц. 90 к. Вѣсъ 2 л. 1000 экз.

7518. **Алмазовъ, В.** Какъ шпіонятъ нѣмцы. (Русской арміи, флоту, народу и чинамъ милиціи). ПГ. 1917. Тип. Газеты Призывъ. (Лиговская, 114). 8° (14×21) 43 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 3 л.

7519. **Андреевъ, Ник.** Земельный вопросъ. ПГ. 1917. Изд. Книга (Стремянная, 11). Тип. П. П. Сойкина. 8° (14×21). 14+1 нен стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 1 л. 120,000 экз.

7520. **Антоній, Іеросхим.** Аѳонское дѣло. ПГ. 1917. Изд. Исповѣдникъ Тип. Т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (15×26) 24 стр. Вѣсъ 2 л. 5000 экз.

7521. **Ануфріевъ, Н. П.** Два русскихъ Учредительныхъ Собранія. Историческія параллели (1613—1917 г.г) Московская просвѣтительная комиссія. М. 1917. Тип. Т-ва Рябушинскихъ 8° (15×22). 32 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 2 л. 30.000 экз.

7522. **Аркадьевъ, В. К.** Научно-техническія основы газовой борьбы. Лекціи, читанныя инструкторамъ по газовой оборонѣ. М. 1917. Изд. 4-е измѣн. и доп. Тип. Русск. Т-ва Печат. и издат. дѣла. 8° (16×23) 257 стр. Вѣсъ 21 л. 20.000 экз.

7523. **Аркманъ, И. Г.** Шоферъ (le Chauffeur). Устройство. Болѣзни. Ремонтъ. Уходъ. Снаряженіе. Совѣты. Управленіе. (Полный курсъ автомобилизма. М. 1917. Изд. Автомобильная Техника. VI-ое перераб. Тип. 1-й Моск. Труд. Артели (Покровка, Лялинъ пер., 6) 8° (18×27). 6 нен.+278 стр.+4 листа чертеж. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 6000 экз.

7524. **Арцыбашевъ М.** У послѣдней черты. Романъ Часть II. Собраніе сочиненій. Томъ 7-й. М. 1917. Изд. Московскаго Книгоиздательства (1-я мѣщан., 5) Тип. Земля (Мѣщанская, 5). 8° (13×17). 295 стр. Ц. 2 р. 50 Вѣсъ 25 л. 5000 экз.

1885—1

7526
7527
7532
7533
7534
7535
7720
7793

ПОМЕТКИ ЛЕНИНА НА № 34—35 «КНИЖНОЙ ЛЕТОПИСИ» 1917 г.
Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

лав лишь таких длинных черт под названием брошюры, как в предыдущей.

№ 8813. Нахимсон. М. Что такое империализм. (Общедоступная библиотека «Задачи свободной России». Серия II. Современный социализм и рабочее движение). П., 1917. Изд. Акц. о-ва «Муравей» (3-я Рождеств., 26). Тип. О. В. Эттингер (Б. Сампсониевский пр., 61). 32 стр. Ц. 35 к. 25 000 экз.

Подчеркнуты все четыре строчки с одной левой стороны. Отчеркнуто тремя чертами на поле возле номера и поставлена нотабене.

№ 8997. Фриче, В. М. Империализм. М., 1917. Изд. «Обновление», изд. 2-е. (Покровские вор., 19). Тип. «Земля» (1-я Мещанская, 5). 32 стр. Ц. 25 к. 49 000 экз.

Подчеркнуто фиолетовым чернильным карандашом в соответствии с надписью этого номера в конце столбика первой страницы. На поле против названия книги четверная зигзагообразная черта и за ней нотабене. Эта отметка показывает, что Владимир Ильич соблюдал соответствие в цвете карандаша, употребленного им в тексте и в надписи на первой странице, столбиком.

В № 39 от 7 октября 1917 г. отмечены №№ 9052, 9055, 9201, 9211, 9237, 9238, 9249 и 9417.

Все эти цифры, как и отметки в тексте, сделаны чернильным карандашом.

№ 9052. Баньковский, В. Аграрная эволюция и польское землевладение в Западном крае. К отмене ограничений польского землевладения и к аграрному вопросу. Петроград, 1917. Тип. Государственная. 8°. (17 × 25). 193 стр. Вес 14 л. 1 000 экз.

Слегка подчеркнуты двумя чертами номер, автор и название. На правом поле три связанных черты и нотабене.

№ 9055. Блюм. А. Об организации правительственной власти. П., 1917. Изд «Книга» (Невский, 74). Тип. П. П. Сойкина. 38 стр. Ц. 45 к. 50 000 экз.

Подчеркнуто одной прямой чертой по тексту. На правом поле четыре наклонные связанные черты и нотабене.

№ 9201. Кубиков. И. Армия, революция и защита страны П., 1917. Изд. Издат. отдел (Басков пер., 20). Тип. Екатерининская (Звенигородская, 30). 16 стр. Ц. 25 к. 15 000 экз.

Подчеркнута так же, как предыдущий номер, и на полях сделана такая же отметка.

№ 9211. Линдов, Г. Краткий очерк истории Российской социал-демократической партии. Общедоступная библиотека «Задачи свободной России». Серия II. «Современный социализм и рабочее движение», № 447. П., 1917. Изд. Акц. о-ва «Муравей» (3-я Рождеств., 26). Тип. О. В. Эттингер (Б. Самсоньевский пр., 61). 46 стр. Ц. 50 к. 25 000 экз.

Подчеркнуто еле заметно. Отчеркнуто около текста двумя небольшими чертами. Около номера еще большой прямой чертой и в левом поле нотабене.

№ 9237. Мякотин. В. А. Великий переворот и задачи момента. М., 1917. Изд. т-ва «Задруга» (Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., 9). 16 стр. Ц. 20 к. 20 000 экз.

Номер настойчиво подчеркнут тремя связанными горизонтальными чертами. Помимо этого номер, автор и название подчеркнуты одной длинной чертой. На правом поле отчеркнуто одной чертой.

№ 9238. Мякотин, В. А. Революция и ее ближайшие задачи. (Речь, произнесенная на митинге народно-социалистической партии в Москве 3 мая 1917 г.). (Московский Комитет народно-социалистической партии). М., 1917. Тип. т-ва Задруга (Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., 9). 15 стр. Ц 20 к. 50 000 экз.

Этот 9238 номер отчеркнут так же, как и предыдущие. Кроме того по правому полю, против обоих номеров, три вертикальные связанные между собой черты и нотабене.

№ 9249. Нахимсон, М. (Spectator) Империализм и социализм. (Общедоступная библиотека «Задачи свободной России». Серия II. «Современный социализм и рабочее движение», № 448). П., 1917. Изд. Акц. о-ва «Муравей» (3-я Рождественская, 26). Тип. О. В. Эттингер (Б. Сампсоньевский пр., 61). 81 стр. Ц. 35 к. 25 000 экз.

Слегка подчеркнуто одной чертой. На левом поле две перпендикулярные черты и нотабене.

№ 9417. Хейсин, М. Л. Рабочее движение в России (Краткий исторический очерк). Общедоступная библиотека «Задачи свободной России». Серия II. «Современный социализм и рабочее движение», № 449. П., 1917. Тип. Акц. о-ва «Муравей» (3-я Рожденств., 26). 56 стр. Ц. 70 к. 25 000 экз.

Подчеркнуто легкой чертой. На левом поле отчеркнуто тремя чертами, за которыми стоит нотабене.

В № 40 от 16 октября 1917 г. отмечены №№ 9459, 9462, 9470, 9477, 9504, 9505, 9559, 9581, 9583, 9618, 9663, 9675, 9699 и 9704.

№ 9459. Абрамович. Н. Революционное подполье и Охранное отделение. М., 1917. Изд. изд-ва «Набат». Тип. Акц. о-ва «Московское Изда-

тельство» (Петровка, 26). 32 стр. 5 000 экз.

Подчеркнуто легкой одной чертой. На правом поле четыре связанных, наискось поставленных черты и нотабене.

№ 94627. Алексеев, Н. Корнилов, Л. и Каледин, М. Исторические речи, произнесенные на Государственном Совещании 12—14 августа 1917 г. М., 1917. Изд. кн-ства «Народная Мысль». Тип. и т. д. «Мысль» (Петровка, 17). 31 стр. Ц. 25 к. 5 000 экз.

Подчеркнуто очень тонкими чертами. На правом поле три тонких черты.

№ 9470. Бердяев, Николай. Интернационализм, национализм и империализм (Библиотека «Свобода и Право», № 6). М., 1917. Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова (Маросейка, 11). Тип. т. д. «Мысль» (Петровка, 17). 30 стр. Ц. 30 к. 15 000 экз.

Подчеркнуто в левой части пятью тонкими еле заметными чертами, причем одна, верхняя, подчеркивает и номер. На левом поле три черты и нотабене.

№ 9477. Богданов. О социализме. М., 1917. Московский Совет рабочих депутатов. (Красный подарок солдату). Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 23 стр. 15 000 экз.

Подчеркнуто слегка. Две черты на левом поле. Нотабене.

№ 9504. Воронцов, В. (В. В.). Земля для всего народа. (Трудовая Группа). П., 1917. Изд. Центр. Комит. Труд. Группы (Шпалерная, 18). Ц. 60 к. 30 000 экз.

Подчеркнуто одной чертой. Три черты на правом поле и нотабене.

№ 9505. Воронцов, В. (В. В.). Социальное преобразование России. (Трудовая Группа). П., 1917. 2-е изд., испр. дополн. и Тип. изд. «Новая Россия» (Невский пр., 88). 95 + 1 нен. стр. Ц. 1 р. 30 000 экз.

Подчеркнуто одной чертой.

№ 9559. Изгоев, А. С. Социалисты во второй русской революции. П., 1917. Изд. Партии Народ. Своб. Тип. «Свобода» (Лештуков пер., 13). 82 стр. Ц. 1 р. 20 к. 50 000 экз.

Подчеркнуты три строчки с левой стороны строк до половины. На левом поле три черты и нотабене.

№ 9581. Кирьяков, В. Дедушка и бабушка русской революции (Н. В. Чайковский и Е. К. Брешко-Брешковская). П, 1917. Изд. изд-ва «Новая Россия» (Вас. Остр., Тучков пер., 1). 34 стр. Ц. 40 к. 25 000 экз.

Подчеркнуто все название брошюры. На полях четверная черта и нотабене.

№ 9583. Климков, В. И. Язвы России и революция. (Контрреволюция слева и справа). (Популярная библиотека на текущие темы). М., 1917. Изд. изд-ва «Просвет». Тип. т-ва А. А. Левенсон. 32 стр. Ц. 38 к. 15 000 экз.

Подчеркнуто одной чертой. Три черты на правом поле и нотабене.

№ 9618. Николаев. Личные воспоминания о пребывании Николая Гаврил. Чернышевского в каторге (в Александровском заводе), 1867 — 1872 гг. (Партия социалистов-революционеров). П., 1917. Тип. П. П. Сойкина. 47 стр. Ц. 50 к. 30 000 экз.

Первая строчка подчеркнута одной чертой. На правом поле четверная черта и нотабене.

№ 9663. Платонов, С. Ф., проф. Лекции по русской истории. П., 1917. Изд. Ив. Блинова, 10-е пересм. и испр. (Каменноостровский, 31, кв. 77). Тип. Сенатская 11 + 743 стр. Ц. 7 р. 25 к. 6 000 экз.

Номер, фамилия, автор и название книги подчеркнуты жирной чертой. Несколькими чертами подчеркнуто число страниц (11 + 743 стр.). На поле справа четверная наискось поставленная черта и нотабене.

№ 9675. Португалов. В. В. Идейные вожди социал-демократии. (Деятели революционных движений в России). П., (1917). Изд. «Новая Россия». (Вас. Остр., Тучков пер., 1). 30 стр. Ц. 40 к. 25 000 экз.

Подчеркнуто легкой чертой. На поле слева три черты и нотабене.

№ 9699. Пешехонов. А. Программные вопросы, вып. 2-й. Исторические предпосылки. М., 1917. Изд. и тип. «Задруга» (Воздвиженка, Крестовоздвиженский пер., 9). 47 стр. Ц. 50 к. 20 000 экз.

Все четыре строчки подчеркнуты легкими чертами. На правом поле четыре черты и нотабене.

№ 9704. Розанов, Влад. Организация верховной власти. Казань, 1917. Изд. Культ.-Просв. Отдела Сов. Р. и С. Д. Тип. Губ. Правления. 24 стр. 5 000 экз.

Слегка подчеркнуто одной чертой. На поле три черты и нотабене.

В тройном номере — 42—44 от 25 ноября 1917 г. — подчеркнуты следующие номера: 10220, 10232, 10258, 10292, 10305, 10331, 10361, 10372, 10383, 10387, 10500, 10568.

№ 10220. Афанасьев, Г. Е. Английская революция 1688 г. и русская революция 1917 г. Киев, 1917. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 22 стр. Ц. 20 к. 5 800 экз.

Подчеркнуты все строчки. На левом поле три черты и нотабене.

№ 10232. Берчкевич, М. В., проф. Национальный вопрос в славянских землях. Лекция, прочитанная 5 мая 1917 г. (Популярно-научная библиотека преподавателей Казанского университета). Казань, 1917. Изд. т-ва «Благо народа» (Воскресенская, д. Крупенникова). Тип. «Центральная». 24 стр. Ц. 40 к.

Подчеркнута одной легкой чертой. На полях три черты и нотабене.

№ 10258. Всероссийское совещание делегатов от Совета Рабочих и Солдатских Депутатов 28 марта — 4 апреля 1917 г. Доклад Казанскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов делегата Всероссийского Совещания прапорщика Г. Ф. Никитина. Казань, 1917. Тип. Губ. Правления. 108 стр. Ц. 60 к.

Подчеркнуто легкими чертами. На левом поле четыре черты и нотабене.

№ 10292. Ежов, В. (С. И. Цедербаум). Пути рабочей кооперации на Западе и у нас. (С приложением важнейших резолюций I Всероссийского съезда рабочих кооперативов). П., 1917. Изд. изд-ва «Книга» (Невский, 74). 45 + 3 нен. стр. Ц. 80 к. 3 000 экз.

Подчеркнуто легкой чертой. На левом поле две черты и нотабене.

№ 10305. Захаров, В. Солдаты (Мое воспоминание о службе в полку Бунякина и о Тверской революции). Тверь, 1917. Изд. автора. Тип. Губернская. 32 стр. Ц. 30 к.

№ 10331. Кондурушкин, С. С Половодье (Очерки первых дней переворота). П., 1917. Изд. газ. «Земля» (Жуковская, 24). Тип. «Слово» (Жуковская, 21—23, соб. д.). 84 стр. Ц. 2 р. 3 100 экз.

Подчеркнуты все три строчки. На левом поле три черты и нотабене.

№ 10361. Маслов, П. Что делать с землей. Казань, 1917. Изд. Культурно-Просвет. Отд. Р. и С. Деп. Тип. Губ. Правл. 23 стр. Ц. 6 к.

Подчеркнуты все строчки. На полях три черты и нотабене.

№ 10372. Мякотин, В. А. Великий переворот и задачи момента. М., 1917. Изд. и тип. т-ва «Задруга» (Воздвиженка, Крестовоздвиженский пер., 9). 16 стр. Ц. 20 к. 5 000 экз.

Слегка подчеркнуты все три строчки. На левом поле две черты и нотабене.

№ 10383. Нужна ли война? (Статьи В. Короленко, П. Кропоткина, Г. Плеханова, Бернара Шоу). 1917. Изд. изд-ва «Народоправство» (Рождественск. бульвар, 10). Тип Моск. Печ. Пр-во В. Венгерова (Мясницкая, 20). 16 стр. Ц. 20 к. 25 000 экз.

Очень энергично подчеркнуты все строчки. Номер подчеркнут много раз. На левом поле нотабене.

Мы видим, что эта вторая отметка той же самой брошюры (см. № 6281) Владимиром Ильичем сделана значительно энергичней. Несомненно он заметил, что эта оборонческая брошюра выходит второй раз в течение четырех месяцев. К тому же второе издание появляется накануне Октябрьской революции и каждый раз по 25 000 экз., что для того времени было большим тиражом.

№ 10387. Озеров, И. Х. Разгром нашей экономической жизни. (Библиотека «Гражданин»). 1) Разгром экономической жизни. 2) Троянов конь. 3) Покушение на убийство нашей промышленности. 4) Перегрузка налогового аппарата. 5) Надо быть выше толпы. 6) Что имеем, не храним. 7) Наши сберегательные кассы во время войны. 8) Великое преступление перед родиной. 1917. Изд. изд-ва «Свободный Народ». Тип. «Единение» (Невский, 136). 24 стр. Ц. 85 к. 10 000 экз.

Подчеркнуты почти все строчки и название книги и содержание. На правом поле три большие черты и нотабене.

№ 10500. Сталинский, Е. А. Война и французский социализм. (Библиотека «Гражданина»). П., 1917. Тип. кн-ва «Огни» (7-я рота, 26). 93 стр. Ц. 1 р. 10 000 экз.

Подчеркнуты обе строчки. На левом поле две черты и знак вопроса. На правом поле две черты и нотабене.

№ 10568. Церетелли, И. Г. Речь на Государственном Совещании в Москве (Извлечения). П., (1917). Изд. изд-ва «Демократическая Россия». Тип. т-ва А. С. Суворина — «Новое время» (Эртелев пер., 13). 1 нен. стр. 100 000 экз.

Подчеркнуты все строчки. На левом поле три черты и нотабене.

В № 45 от 2 декабря 1917 г., вышедшем фактически 2 августа 1918 г., отмечены следующие номера: 10706, 10748, 10782, 10798, 10799, 10816, 10869, 11063 и 11070.

№ 10706. Война кухарки с буржуем на Тверском бульваре. М., 1917. Тип. П. В. Бельцова (Чистые пруды, 14). 7 стр. Ц. 20 к. 5 000 экз.

Подчеркнуто легкими двумя чертами. На левом поле нотабене.

№ 10748. Дружинин, Н. П. Мещанское движение 1906—1917 гг. Содержание.—Мещане и крестьяне при старом и новом режиме.—Из истории мещанского самосознания. — Первый всероссийский мещанский съезд в Воронеже. — Первый всероссийский мещанский съезд в Москве. — Земельный вопрос среди мещан.—Организация граждан-мещан. — Новые всероссийские мещанские съезды. — Второй всероссийский мещанский съезд в Москве. — Забытые и при новом строе. — Ярос-

лавль, 1917. Тип. т-ва «Голос». 24 стр. Ц. 30 к. 3 000 экз.

Подчеркнуты номер, автор и название книги. По левому полю большие тонкие три черты как против названия, так и против содержания. За чертами нотабене.

№ 10782. Керенский, А. Ф. Речь (полная двухчасовая), произнесенная на историческом Московском совещании 12 августа 1917 г. Киев, 1917. Изд. изд-ва «Революционная мысль» (Овручская, 38). Тип. П. И. Бонадурер (Татарская, 35). 32 стр. Ц. 30 к. 5 000 экз.

Подчеркнуты все строчки. На левом поле две черты и нотабене.

№ 10798. Красильников, Н. За демократию против социализма. Выпуск восьмой. Война с Германией и социализм. П., 1917. Тип. т-ва А. С. Суворина. 16 стр. Ц. 40 к. 5 000 экз.

Все подчеркнуто.

№ 10799. Красильников, Н. За демократию против социализма. Выпуск 9-й. Однопалатная система управления. — Самоопределение народностей. П., 1917. Тип. т-ва А. С. Суворина. 16 стр. Ц. 40 к. 5 000 экз.

Все подчеркнуто. Кроме того на правом поле против обеих этих брошюр три большие черты и нотабене.

№ 10816. Левицкий, В. Кто такие меньшевики? К выборам в Учредительное Собрание. № 7. Российская Соц.-Демокр. Рабочая Партия. П., 1917. Изд. Центр. Комитет Р. С.-Д. П. (объедин.) (Баскаков, 36). Тип. «Рабочая Печать» (Кронверский, 27). 4 стр. Ц. 5 к. 50 000 экз.

Все подчеркнуто. На правом поле шестикратная связанная черта.

№ 10869. Огановский, Н. Революция наоборот. (Разрушение общины). («Земля—народу», № 6). П., 1917. Изд. и тип. «Задруга» (Гончарная, 24). 102 стр. Ц. 1 р. 20 к. 10 000 экз.

Все подчеркнуто. На левом поле две черты и нотабене.

№ 11063. Чулков, Григорий. Михаил Бакунин и бунтари 1917 г. (Московская Просветительная Комиссия). 1917. Тип. т-ва Рябушинских. 30 стр. Ц. 2 р. 50 к. 3 000 экз.

Вся подчеркнута. На правом поле три черты и нотабене.

№ 11070. Экономическое обозрение. Сборник статей по экономии, статистике и социальной политике. Под. редакцией П. П. Маслова. П., 1917. Изд. кн-ства «Дело». Тип. Государственная. 80 стр. Ц. 2 р. 59 к. 3 000 экз.

Подчеркнуто слегка. На правом поле две черты и нотабене.

В № 46 от 9 декабря 1917 г., который вышел в свет 10 августа 1918 г., отмечены следующие номера: 11127, 11143, 11264, 11276, 11290, 11331, 11361, 11376, 11435.

№ 11127. Воробьев, Клем. Аграрный вопрос в Симбирской губернии. Симбирск, 1917. Тип. «Работник» М. Иванова. 32 стр.+8 диаграмм. Ц. 50 к. 5 000 экз.

Подчеркнуто все. На правом поле три черты и нотабене.

№ 11143. Гершуни, Григорий. Из недавнего прошлого. (Партия социалистов революционеров, № 51). М., 1917. Изд. Московского изд-ва «Земля и Воля». Тип. т/д. «Мысль». 254 стр. Ц. 2 р. 25 000 экз.

Легко отчеркнуто все. На правом поле три черты и нотабене.

№ 11264. Мартов Л., Против войны! Сборник статей (1914—1916). М., 1917. Изд. изд-ва «Возрождение». Тип. «Московский Листок». М. И. Смирнова (Воздвиженка, Ваганьковский пер., 5). XVI + 20—76 + 1 нен. стр. Ц. 2 р. 5 000 экз.

Сильно подчеркнуты две строчки. На правом поле три черты и нотабене.

№ 11276. Милюков, П. Н. Россия в плену у Циммервальда. Две речи. (Партия Народной Свободы). М., 1917. Изд. «Народное право» (Моховая, 14). Изд. т-ва Рябушинских (Путинковский пер., соб. д.). 39 стр. Ц. 40 к. 10 000 экз.

Подчеркнуто почти все. На левом поле две черты и нотабене.

№ 11290. Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования. М., 1917. Изд. журн.. «Голос Минувшего». Тип. т-ва Рябушинских (Страстн. бульв., Путинковский пер., соб. д.). 255 стр. Ц. 4 р. 5 000 экз.

Подчеркнуты две строчки. На правом поле четыре черты и нотабене.

№ 11331. Петров, Г. П. Промысловая кооперация и кустарь. Части I и II. Организация и критика промысловых кооперативов в России. Предисловие написано проф. Моск. Унив. Н. А. Каблуковым (Совет Всероссийских кооперативн. съездов). М., 1917. Тип. т-ва С. П. Яковлева (Салтыковский пер., 9). XII + 462 + IX + 255+139+111 стр. 19 л. По 2 000 экз.

Подчеркнуты первые слова трех строк. На левом поле нотабене.

№ 11361. Продовольственная перепись 1916 г. в г. Симбирске. В связи с данными переписи 1912 г. Статистический сборник. (Оценочно-статистич. отд. Симбирской Городской Управы). Симбирск, 1917. Тип. Губ. Исполн. Комитета. II+I нен. + 149 стр. 150 экз.

Слегка подчеркнуто. На левом поле две черты и нотабене.

№ 11376. Резолюця 2-го Московского Совещания Общественных Деятелей 12—14 октября 1917 г. (Московское совещание общественных деятелей). М., (1917). Изд. Совета Моск Совещ. Общ. Деятелей (Мясницкая,

Фуркасовский пер., 12). Тип. Г. Ламберт. 8 стр. 5 000 экз.

Слегка подчеркнуты две строчки. На правом поле четыре черты и нотабене.

№ 11435. Третий съезд Всероссийского Крестьянского Союза в Москве 31 июля — 6 августа 1917 г. В изложении участника съезда П.Ф. Пономарева. (Временный Областной Комитет Крестьянского Союза в Кургане). Курган, 1917. Тип. «Народной Газеты». 36 стр. 5 000 экз.

Подчеркнуты две строчки. На правом поле три черты и нотабене.

В № 47—48 от 16 декабря 1917 г., вышедшем в свет 17 августа 1918 г., отмечены следующие номера: 11592, 11593, 11595, 11697, 11744, 11752, 11781, 11783, 11790, 11808, 11816, 11850, 11851, 11886.

№ 11592. Великая русская революция в очерках и картинах. Выпуск 3-й. М., 1917. Изд. т-ва П. В. Васильева. Тип. т./д. И. А. Мальков и К°. 39 стр. столб. с рис. 12 000 экз.

Сильно несколько раз подчеркнут номер и слегка первая строчка, а также на полях две черты.

№ 11593. Великая русская революция в очерках и картинах. Выпуск 6-й. М., 1917. Изд. т-ва Н. В. Васильева. Тип. М. И. Смирнова (Воздвиженка, Ваганьковск. пер., 5). 30 стр. с рис. и портрет. 12 000 экз.

Также сильно подчеркнут несколько раз номер книги.

№ 11595. Великая французская революция в очерках и картинах. Выпуск 5-й. М., 1917. Изд. т-ва Н. В. Васильева (Б. Дмитровка, 17). Тип. М. И. Смирнова п. ф. «Моск. Листок» (Воздвиженка, Ваганьковск. пер., 5). 30 стр. с рис. и портр. 12 000 экз.

Сильно несколько раз подчеркнут номер книги и слегка первая строчка названия книги.

№ 11697. Земля. Сборник двенадцатый. Винниченко В.—Записки курносого мефистофеля. Куприн, А.— Каждое желание. М., 1917. Изд. «Московское Книгоиздательство». Тип. «Земля» (1-я Мещанская, 5). 370 стр. Ц. 6 р. 20 000 экз.

Подчеркнута первая строчка. На правом поле три черты и нотабене.

№ 11744. Короленко, В. Г. Война, отечество и человечество. (Письмо о вопросах нашего времени). (Библиотека «Гражданина», № 10). М., 1917. Изд. Всерос. Центр. Союза Потреб. Об-в. Тип. т./д. И. Ефимов, Н. Желудкова и К° (Б. Якиманка, 32). 29 стр. Ц. 40 к. 100 000 экз.

Номер подчеркнут несколько раз. Подчеркнуто все название книги. На правом поле три черты и нотабене.

№ 11752. Кропоткин, П. А. Письма о текущих событиях. М., 1917. Изд. и тип. т-ва «Задруга» (Крестовоздвиж. пер., 9). 126+1 нен. стр. Ц. 2 р. 10 к. 10 000 экз.

Сильно подчеркнут номер. Также и притом несколькими чертами название брошюры, даже адрес издательства. Кроме того на левом поле отчеркнута тремя чертами и тут же нотабене.

№ 11781. Лукин, Н. М. Борьба за колонии (Историч. Комиссия О. Р. Т. З. Война и культура, № 13). М., 1917. 2-е изд. Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К° (Пименовская, соб. д.). 39 стр., 1 табл. граф. и 2 табл. карт. Ц. 70 к. 5 000 экз.

Номер подчеркнут дважды. Подчеркнуто название книжки. На правом поле тремя чертами отчеркнута вся книжка.

№ 11783. Львов-Рогачевский, В. Л. Социалисты о текущем моменте. Материалы великой революции 1917 г. М., 1917. Изд. изд-ва «Дело». Тип. т./д. И. Ефимов, Н. Желудкова и К° (Б. Якиманка, 32). XII + 280 стр. Ц. 4 р. 25 000 экз.

Подчеркнута одной чертой верхняя строчка. На правом поле три черты и нотабене.

№ 11790. Маевский, Евг. 1905 год. Очерк революционного движения. П., 1917. Изд. изд-ва Отд. Скобелевского Комитета. Тип. Г. Ламберт. 174+1 нен. стр. Ц. 3 р. 50 к. 10 000 экз.

Подчеркнуты все три строчки названия книги. На левом поле три черты и нотабене.

№ 11808. Михайловский, В. Г. Революция и война. М., 1917. Изд. и тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 49 стр. Ц. 60 к. 10 000 экз.

Слегка подчеркнуто все название книги. На правом поле три черты и нотабене.

№ 11816. Мякотин, В. А. Разброд в партии социалистов-революционеров. (Трудовая народно-социалистическая партия). М., 1917. Тип. т-ва «Задруга» (Крестовоздвиженский пер., 9). 8 стр. Ц. 20 к. 1 060 экз.

Номер резко подчеркнут несколько раз. Кроме того подчеркнуто все название книжки. На правом поле четверная черта и нотабене.

№ 11850. Огановский, Н. Аграрная эволюция в России после 1905 г. 1) Аграрный вопрос в России за полвека. 2) Сельскохозяйственный подъем в XX в. 3) Земельный вопрос и земельная реформа после 1905 г. 4) Страничка из русской аграрной истории. М., 1917. Изд. «Задруга». Тип. т-ва Рябушинских (Путинковск. пер., соб. д.). 100 стр. Ц. 1 р. 60 к. 10 000 экз.

Подчеркнуты номер, автор, название книжки. На левом поле под номером двойная соединенная, горизонтальная черта. На правом поле тройная зигзагообразная черта и нотабене.

№ 11851. Огановский, Н. П. Закономерность аграрной эволюции. (Выдержки из трехтомного исследования). («Земля—народу», № 6). М., 1917. Изд. и тип. т-ва «Задруга» (Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., 9). 172 стр. Ц. 2 р. 75 к. 5 000 экз.

Номер подчеркнут еще более энергично и несколько раз. Кроме того подчеркнуты автор и название. На правом поле три вертикальные черты и нотабене.

№ 11886. Попов, И. И. Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, бабушка русской революции («Революция и история», № 30). М., 1917. Изд. и тип. т-ва «Задруга» (Крестовоздвиж. пер., 9). 40 стр. Ц. 90 к. 5 000 экз.

Подчеркнуты номер, автор и название книжки. На правом поле три черты и нотабене.

В № 49 от 23 декабря 1917 г., вышедшем в свет 4 сентября 1918 г., отмечены следующие номера: 12105, 12166, 12167, 12230, 12239, 12367, 12368, 12415.

№ 1205. В. В (В. П. Воронцов). Национализация земли и общественная организация сельского хозяйства. (Серия брошюр «Кооперация и новый строй», № 2). П., 1917. Тип. инж. Г. А. Бернштейна (3-я Рождеств., 7а). 16 стр.

Подчеркнуты все строчки. На левом поле нотабене.

№ 12166. Иванов, Н. Русские партии и аграрный вопрос. (Партия социалистов-революционеров). П., 1917. Тип. ЦК Партии Соц.-Революц. (Лиговская, 34). 38 стр. Ц. 60 к.

Номер дважды подчеркнут, также и автор. Кроме того подчеркнута вся первая строчка. На правом поле одна черта и нотабене.

№ 12167. Иванов-Разумник. Испытания огнем. (Партия социалистов-революционеров, № 70). П., 1917. Изд. Петрогр. Изд-ской Комиссии Парт. Соц.-Революц. (Галерная, 27). Тип. П. П. Сойкина., 48 стр. Ц. 75 коп. 30 000 экз.

Номер и автор дважды подчеркнуты, а также первая строчка книжки. На правом поле одна черта и нотабене.

№ 12230. Луначарский, А. Италия и война. П., 1917. Изд. кн-ства М. А. Ясного (бывш. М. В. Попова). Тип. бывш. Град. (Измайл., пр., 8 р., 20-б). 134+1 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

Все три строчки подчеркнуты. На правом поле три косые черты и нотабене.

№ 12239. Мартов, Л. Пролетариат и национальная оборона. П., 1917. Изд. изд-ва «Книга» (Невский, 74). Тип. Синодальная. 19 стр. Ц. 30 к. 10 000 экз.

Все подчеркнуто. На правом поле три черты и нотабене.

№ 12367. Семевский, В. И. Из истории общественных идей в России в конце 40-х годов. П., 1917. Изд. и тип. «Задруга» (Гончарная, 24). 82 стр. Ц. 1 р. 50 к. 10 000 экз.

Крепко подчеркнуто. На левом поле три черты.

№ 12368. Семевский, В. И. Крепостное право и крестьянская реформа в произведениях М. Е. Салтыкова. П., 1917. Изд. и тип. «Задруга» (Гончарная, 24). 112 стр. Ц. 2 р.

Все подчеркнуто и между обеими этими книгами общая большая нотабене.

№ 12415. Тьерсо, Жильен. Празднества и песни Французской революции. Перевод К. Жихаревой, П., 1917. Изд. «Парус» (Невский, 64). Тип. «Парус» (Шпалерная, 26). 254 + 1 нен. стр. Ц. 4 р. 10 000 экз.

Все три строчки очень сильно, с особой настойчивостью подчеркнуты. Против номера нотабене.

В № 50 от 31 декабря 1917 г., который вышел в свет 30 сентября 1918 г., отмечены следующие номера: 12561, 12584, 12763, 12765, 12884, 13013.

№ 12561. Великая русская революция в очерках и картинах. Выпуск 4-й. М., 1917. Изд. т-ва Н. В Васильева, Тип. М. И. Смирнова (Ваганьковский пер., 5). 40 стр. столб. с рис.

Книжка вся подчеркнута. На правом поле три черты и нотабене.

№ 12584. Гессен, Сергей. Политические идеи жирондистов. К истории политических воззрений в эпоху революции. (Московск. Просветительн. Комиссия). М., 1917. Изд. Моск. Просв. Комис. (Б. Дмитровка, 13, кв. 18). Тип. т-ва Рябушинских (Страстн. бульвар, Путниковск. пер., 3). 48 стр. Ц. 1 р. 10 000 экз.

Подчеркнуты две строчки. На левом поле три больших черты и нотабене.

№ 12763. «Наша индийская империя».

Краткий очерк и некоторые наставления для английских войск, отправляющихся в Индию. С английского перевел и примечаниями снабдил подпоруч. Ригана. П., 1917. Изд. Главн. Управл. Генер. Штаба. Тип. Военная. 178 стр.+ 1 карта.

Подчеркнута вся книжка. На правом поле три больших черты и нотабене.

№ 12765. Наша трибуна. Сборник второй. Фрадкин, М. Унитарная или Федеративная республика. Избирательная платформа Московского Комитета Бунда. Рубин, И. Еврейская община. Нахимсон, М. (Спектатор). Империализм, Миндлин З. К осуществлению национально-культурной автономии. Декларация, прочитанная Бундовской фракцией на открытии еврейского общинного управления в Москве. Рубин И. К двадцати-

летию Бунда. Шейнис, Д. К перспективам Бунда. М., 1917. Изд. Моск. Ком. Бунда. Тип. «Графика» (Ершов пер., 6). 95 + 1 нен. стр. Ц. 1 р. 75 к. 15 000 экз.

Первая строчка и номер подчеркнуты, также слегка и все остальные строчки. На первом поле три большие черты и нотабене.

№ 12884. Ропшин, В. Во Франции во время войны. Сент. 1914 — июнь 1915. ч. I. М., 1917. 2-е изд. и Тип. т-ва «Задруга» (Воздвиженка, Крестовоздв. пер., 9). 192 стр. Ц. 3 р. 75 к. 5 000 экз.

Подчеркнута первая строчка. На левом поле три черты и нотабене.

№ 13013. Шамурин, Юрий. Два года в германском плену. М., 1917. Изд. т-ва «Образование». Тип. «Общественная Польза». 47 стр. + 8 табл. рис. 3 000 — экз.

Подчеркнута вся книжка. На левом поле три черты и нотабене.

В следующем № 13014 Владимир Ильич подчеркнул автора «Шапулин» и сейчас же остановился, очевидно смешав эту фамилию с весьма похожей предыдущей «Шамурин». Книжка Шапулина, Н. называется «Рассказы для детей». Ее подчеркивание Владимиром Ильичем надо отнести к случайности.

В №№ 1—4 журнала «Книжная летопись», январь 1918 г., Владимиром Ильичем отмечены №№ 9, 10, 57 и 72.

№ 9. Ачкасов, А. Христос и революция. М., (1918). Изд. кн-ства «Труд и Воля». Тип. К. Л. Меньшова (Арбат, Никольский пер., 21). 16 стр. Ц. 12 к. 40 000 экз.

Подчеркнута первая строчка одной чертой. На правом поле вертикальная черта и нотабене.

№ 10. Базельская программа Всемирно-Сионистской Организации. Программа национально-политических требований сионист. орган. в России. Организационный статут, принятый на VII Сион. Всерос. съезде. Инструкции Сионистской организации в Севастополе. Севастополь (1918). Изд. Севастопольского Городского Сионистского Комитета. Тип. «Прогресс» В. И. Крайзера. 16 стр.

Подчеркнута так же, как и предыдущая.

№ 57. Иванов-Разумник. Год революции. Статьи 1917 года. («Революционный Социализм»). Из дневника революции. Литература и Революция. Глеб Успенский и идея революции. Глеб Успенский и революционное народничество. О художнике и публицисте. Крестный путь. Победы и поражения. Социализм и революция. О прошлом и грядущем. Что впереди? Журналы в год революции. Творчество и революция. Искусство и демократия. Третий Рим. Дарданелльских дел мастера. С Антихристом за Христа. Поэты и революция. Разделение. Старый и новый мир. Великая могила. Благоразумные и безумные. П., 1918. Изд. изд-ва при Центр. К-те партии лев. соц.-рев-интернац. Тип. Никол. Воен. Акад. (Суворинск. пр., 32 б). 3 нен. + 204 стр. Ц. 4 р.

Все содержание этой книги отчеркнуто Владимиром Ильичем. Кроме того одной чертой подчеркнуты автор и название книги, а на поле за вертикальной чертой поставлена крупная нотабене.

№ 72. Ключников. Ю. В., прив.-доц. Интернационализм. (Основные вопросы международных отношений). 1) Экономическая сторона интернационализма. 2) Политическая проблема интернационализма. 3) Империализм. 4) Федерализм. М., 1918. Изд. т-ва «Грань». Тип. т-ва А. А. Левенсон (Трехпрудн. пер., соб. д.). XII + 405 + + 1 стр. Адрес склада: Изд-во «Школа» (Спиридоновка, 14). Ц. 6 р. 5 100 экз.

Номер и автор подчеркнуты. На левом поле вертикальная черта и большая нотабене.

В №№ 5—8 того же журнала от февраля 1918 г. Владимиром Ильичем отмечены №№ 364 (особенно 364), 391, 525, 463, при чем слова «особенно № 364» закружены им в несколько кружков, а самый номер и число написано крупно и твердо и также энергично подчеркнуто. Слово «особенно» написано крупно.

№ 364. Богданов, А. Вопросы социализма. 1. Коллективистический строй. 2. Завтра ли. 3. Программа культуры. 4. Военный коммунизм и государственный капитализм. 5. Государство-коммуна. 6. Идеал и путь. М., 1918. Изд. т-ва «Книгоизд. Писателей в Москве». Тип. А. А. Левенсон. 104 стр. Ц. 1 р. 50 к. 10 000 экз.

Эта книга, которой Владимир Ильич заинтересовался «особенно», в тексте перечня им отмечена не только нотабене (и в ней не только подчеркнута фамилия автора), но и отчеркнута двумя крупными вертикальными чертами на полях, рядом с которыми крупно написана большая нотабене.

№ 391. Жилинский, В. Б. Организация и жизнь Охранного отделения во времена царской власти. (Труды Комиссии по разработке политических архивов в Москве. Вып. II). (Оттиск из № 9—10 «Голос минувшего» за 1917 г.). М., 1918. Тип. т-ва Рябушинских (Путниковский пр., 3). 63 стр. Адрес склада: кн-ство «Задруга» (Крестовоздвиженский пер., 9). Ц. 1 р. 3 000 экз.

Номер и первая строчка подчеркнуты. На правом поле две энергичные большие черты и такая же нотабене.

№ 463. Пойминов, А. Английская

Книжная Летопись

Издание Книжной Палаты

Петроград (Фонтанка, 20).

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

(XII год издания).

Подписная цена на год—40 р., на 1/2 г.—20 р. Отдельный № 1 р. 10 к.

№№ 5—8. **1918 г.** **февраль.**

№ 364

особенно

√ 364

391

463

525

Перечень в алфавитном порядке книг, поступивших в Книжную Палату.

Отде[л] I.

353. **Абраменко, Ф. Х.** Пишите по [но]вому правописанию, утвержденному Академией Наук и принятому Министерством Народного Просвещения. (Цирк. Мин. Нар. Просвещ. от 17 мая 1917 г. № 5456). Кіевъ. 1918. Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°. 16°. (13×18). 7 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 1 л. 5.000 экз.

354. Аладдинъ или волшебная лампа. Народная сказка для дѣтей. Съ раскрашенными картинками. М. 1918. Изд. и тип. И. Д. Сытина (Пятницк., с. д.). 8°. (16×21). 19 стр. съ рис. Адресъ склада Маросейка с. д. 7-8. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

355. **Александровъ, П.** Зеркальное производство. Практическое руководство по производству зеркальнаго стекла и наводкѣ зеркалъ. Серебреніе и золоченіе стекла. Серебреніе стеклянныхъ шаровъ. ПГ. Изд. 10-е Кн-ва М. П. Петрова (Б. Подъяческая, 19). Тип. Обществ. Град. (Изм. п. 8 р., 20-б). 8°. (18×25). 62+1 нен. стр. съ рис. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсъ 6 л.

356. Альманахъ Стремнины. 2. **Брюсовъ, В.** Воспоминаніе. Симфонія первая патетическая, въ 4-хъ частяхъ, со вступленіемъ и заключеніемъ. [Стихи]. **Волошинъ, М.** Стихи. **Вехoвскій, А.** Стихи. **Язвицкій, В.** Стихи. **Бальмонтъ, К.** Почему идетъ снѣгъ. Разсказъ. **Окуловъ, А.** Наденька. Разсказъ. **Тамаринъ, А.** Ніара. Разсказъ. **Язвицкій, В.** Встрѣча. Разсказъ. **Сидоровъ, А.** прив.-доц. Современный танецъ. (I. Айседора Дунканъ. II. Новый танецъ). М. 1918. Изд. Кн-ва Л. А. Слонимскаго. Тип. Печатникъ (Хапиловская, 26). 8°. (17×23). 197 стр. Ц. 4 р. 75 к. Вѣсъ 16 л. 3.500 экз.

357. **Андреевъ, Леонидъ.** Памяти погибшихъ за свободу. Вятка. (1918). Изд. Вятск. Губ. Организац. Комитета Крестьян. Союза № 2. Тип. Губернская. 4°. (23×31). 2 нен. стр. столб. Ц. 1 к. Вѣсъ 1 л.

358. **Аронсонъ, Семенъ Евгеньевичъ.** Четыре и десять. [О равноправіи женщинъ]. М. (1918). Тип. Изд. Слово Истины (Моховая, 28). 16°. (11×17). Ц. 1 р. Вѣсъ 1 л.

359. **Бальтазаръ и Табрисъ,** братья. „Синархія",—солнце правды, вѣчный миръ и отысканное счастіе для человѣчества. ПГ. 1918. Тип. Свобода (Лештуковъ пер., 13). 8°. (15×22). 16 стр. Ц. 1 р. 80 к. Вѣсъ 2 л.

360. Баба-Яга. [Сказка]. М. 1918. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8°. (15×20). 19 стр. съ рис. Вѣсъ 4 л. 10.000 экз.

361. **Барабашъ, Ив.** Спасайте Родину! (Воззваніе). Безплатныя изданія для арміи и народа. М (1918). Изд. Секціи Журналистовъ. Тип. Т/д. И. А. Мальковъ и К°. 8°. (15×23). 8 нен. стр. Вѣсъ 1 л.

ПОМЕТКИ ЛЕНИНА НА № 5—8 «КНИЖНОЙ ЛЕТОПИСИ» 1918 г.
Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

революция XVII века. М., 1918. Изд. Моск. Просвет. Комиссии (Б. Дмитровка, 13). Тип. т-ва Рябушинских (Путинковск. п., 3) 78 + 1 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к. 5 000 экз.

Первая строчка подчеркнута. На правом поле две черты и нотабене.

№ 525. Чернышев, И. В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. (Вольное Экономическое Общество). П., 1918. Тип. М-ства Пут. Сообщ. (т-ва И. Н. Кушнерев и К°) (Фонтанка, 117). XVIII + 384 стр. Ц. 10 р.

Подчеркнута первая строчка. На правом поле черта и нотабене.

В №№ 9—15, март 1918 г., отмечены следующие номера: 742 (подчеркнут в столбике), 750 и 759.

№ 742. Лондон, Джек. Как я стал социалистом. Социологические очерки. Перевод с английского Р. В. Мусселиус. П., 1918. Изд. и тип. «Невской Типографии». 80 стр. Ц. 1 р. 80 к. 3 000 экз.

Номер, автор, название книги подчеркнуты. На полях эта книга отчеркнута тремя чертами, между которыми большая нотабене. Именно на эту книгу обратил внимание Владимир Ильич, подчеркнув ее номер в сделанной им выписке на первой странице.

№ 750. Мартов, Л. Национализм и социализм. (Идеология «Самозащиты»). П., 1918. Тип. «Сельского вестника» (Мойка, 32). 80 стр. Ц. 1 р. 50 к. 10 000 экз.

Первая строчка подчеркнута. Кроме того она отчеркнута на левом поле двумя чертами, против которых стоит нотабене.

№ 759. Народовластие. I. Сборник статей членов Учредительного Собрания фракции социалистов-революционеров. М., 1918. Тип. Г. Ламберт и К° (Серебряническая наб., 23-а). 28 стр. Ц. 1 р. 5 000 экз.

Содержание: Розенблюм, Д. С. В чем выход? Авксентьев, Н. Д. Национальная власть Вишняк. М. В. Судьбы Учред. Собрания. Тимофеев, Е. М. Война и мир. Сталинский, Е. А. Назад к союзникам! Огановский, Н. П. Старая и новая погудка. Минин, А. А. Национальное и социальное. Павлов, В. Е. Правительство большевиков.

Последняя статья этого сборника, статья В. Е. Павлова — «Правительство большевиков», Владимиром Ильичем подчеркнута особо.

В №№ 13—16, апрель 1918 г., отмечены номера: 942, 986 (особенно), 1041, 1082, при чем цифра «986» написана крупней других, подчеркнута двумя чертами. Против нее налево написано слово: «особенно», которое, в свою очередь, подчеркнуто трижды непрерывающейся чертой.

№ 942. Арну, Артур. Народная история Парижской коммуны. Полный перевод с французского В. Александрова. П., 1918. Изд. кн-ства «Луч» Тип. Государственная. 253 стр. Ц. 3 р. 50 к. 10 000 экз:

Первая строчка подчеркнута. На правом поле три наискось поставленные черты и нотабене.

№ 986. Год русской революции (1917—1918 гг.). Сборник статей. М., 1918. Изд. Моск. изд-ва «Земля и Воля» (Кузнецкий М., 16). 232 + 1 нен. стр. Ц. 8 р. 5 000 экз.

Содержание. От редакции А. Бах. Революция и социализм. Д. Розенблюм. Противоречия русской революции. А. А. Минин. Дух разрушения в русской революции. (Социально-психологический этюд). Георгий Покровский. Очерк истории Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов. Виктор Чернов. «Советы» в нашей революции. Марк Вишняк. Организация власти в ходе русской революции. (Политический обзор). Г. Сандомирский. Внешняя политика России в год революции. О. С. Минор. Национальный вопрос в 1917—1918 гг. Н. В. Святицкий. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное Собрание (Предисловие). В. Руднев. Земское и городское самоуправление в 1917 г. П. Фабричный. Печать. Б. Черненкова. Земельный вопрос в первый год революции. Ф. А. Данилов. Финансовые итоги года революции. Д. Розенблюм. Революция и рабочее движение. В. Сахаров. Продовольствие. Н. Д. Кондратьев. Год революции с экономической точки зрения. А. Николаев. Революция и кооперативное движение.

Первая строчка сообщения о книге вся подчеркнута. Кроме того двумя маленькими черточками подчеркнута цифра «232», определяющая число страниц. На правом поле, против названия книги и ее содержания, две большие перпендикулярно-параллельные соединяющие черты и за ними четкая нотабене.

№ 1014. Кропоткин, П. Собрание сочинений. Том II. Великая французская революция 1789—1793. Перевод с французского под редакцией автора. М., 1918. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). VII + 608 стр. Ц. 8 р. 5 000 экз.

Первая строчка подчеркнута. На правом поле две черты и нотабене. Историю Французской революции, написанную П. А. Кропоткиным, Владимир Ильич считал лучшей из всех однородных работ. Он неоднократно высказывал пожелание, чтобы она была напечатана по крайней мере в ста тысячах экземпляров и размещена во всех библиотеках нашего Союза, в сельских избах-читальнях, на фабрично-заводских предприятиях, в военных и морских библио-

теках, — одним словом, решительно везде и всюду.

№ 1041. Мякотин, В. А. и Пешехонов, А. В. Гибель и спасение России. М., 1918. Изд. и тип. т-ва «Задруга» (Крестовоздвиж. пер., 9). 27 стр. Ц. 75 к. 5 000 экз.

Подчеркнута первая страница и отчеркнута по левому полю тремя крупными чертами, за которыми стоит нотабене.

№ 1082. Спекторский. Е. В. Государство. Общий очерк. Круг знания. (Обществоведение). П., 1918. Изд. изд-ва «Огни». Тип. т-ва Р. Голике и А. Вильборг (Звенигор., 11). 98 + 1 нен. стр. Ц. 3 р. 5 000 экз.

Подчеркнута первая строчка. На правом поле две непрерывающиеся черты и нотабене.

В №№ 17—20, май 1918 г., отмечены номера 1242, 1254, 1286, 1327, 1376, 1444, 1478.

№ 1242. Атеизм и наука. (Библиотека по вопросам религии и морали. «Религия и жизнь» под ред. Ф. Н. Белявского, № 1). П., (1918). Изд. коопер. т-ва дух. писателей «Соб. Разум» (Лиговская, 55). Тип. «Худож. печатня» (Демидов, 4). 16 стр. Ц. 25 к. 10 000 экз.

Содержание: Проклятые вопросы. Обвинения христианства в косности и светобоязни. Отношение к религии ученых XVIII и XIX вв. Что говорят ученые о бытии бога? Причины безрелигиозности русских ученых.

Первая строчка подчеркнута. На левом поле две черты и нотабене.

№ 1254. Боярский, А. И., свящ. Церковь и демократия (Спутник христианина-демократа). П., 1918. Изд. Коопер. т-ва дух. писателей «Соб. Разум» (Лиговская, 56). Тип. «Худож. Печатня» (Демидов, 4). 32 стр. Ц. 50 к. 10 000 экз.

Так же подчеркнута и отмечена на поле, как и предыдущая.

№ 1286. Деэрм, Жорж. Живая демократия. С предисловием Ж. Клемансо. Перевод с французского Елены Томианц. М., 1918. Изд. и тип. т-ва «Коперат. Мир» (Чернышевский п., 31/33). 49 стр. Ц. 1 р. 50 к. 5 000 экз.

Отмечена так же, как предыдущая.

№ 1327. Каутский. К. Демократия и диктатура. Харьков. Изд. издательского Отдела Харьков. Рабоч. Конференции. Тип. «Кооперативная» (Чеботарская, 32). 1918. 15 стр. Ц. 15 к.

Сильно подчеркнута. На левом поле две черты и крупная нотабене.

№ 1376. Мысль. I. П., 1918. Изд. т-ва «Революционная Мысль» (Литейный пер., 21 и 23). Тип. Ю. Я. Римана (4-я Рождеств., 3). 293 стр. Ц. 8 р.

Содержание: 1) Есенин, Сергей. Пришествие. 2) Венгров, Натан. Земля в солнце. 3) Victor. Из Эмиля Верхарна. Утро. 4) Victor. Из Эмиля Верхарна. Море. 5) Самбор, Вячеслав. Петрограду. 6). Ахматова Анна ***. 7) Ремизов, Алексей. Странница. Повесть. 8) Замятин, Евг. Знамение. 9) Кузмин, Н. Человека надо. 10) Русаков, Н. Крестьяне в программах русских социалистов. 11) Лункевич, В. О наших днях. 12) Кудрин, Н. Февральская революция. 13) Чернов В. Охлос и Демос. 14) Гизетти, А. Стихия и творчество. 15) Чернов, В. Из политического дневника. 16) Александрович, А. О душе народной. 17) Головинская, Е. Солдатское слово об игре. 18) Платонов, Мих. Скифы ли?

Подчеркнут номер, город (П.) и год (1918), при чем год несколькими коротенькими чертами. Так же подчеркнута вторая строчка сообщения об этой книге и сразу от этой черты одним взмахом на правом поле отчеркнуто и название книги, и содержание двумя большими чертами, заканчивающимися нотабене. В содержании подчеркнут § 3, перевод из Эмиля Верхарна, сделанный Victor'ом.

№ 1444. Социализация женщин. П. (1918). Изд. изд-ва «Искры». Тип. «Герольд» (7-я рота, 26). Адрес склада: Кирочная, 43-в, кв. 15. Ц. 60 к. 20 000 экз.

Содержание: Декреты и проекты социализации женщин. Социализм и анархизм? Постороннего. Анархисты и женщина. Г. Сорокоумова. Женщина и любовь. К. О-на. Женщина будущего. А. Бебеля. Социализм или клубничка? Мистера Квач. Женщины. В. Г. Тана. Девушка. Ал. Блока. Письмо. Кнута Гамсуна. У моря. Из поэтов. С. Пшибышевского. Проклятие любви. Д. С. Мережковского. Поцелуй. Ю. Журавского. Блеск красоты. (Из Ш. Бодлера). Пер. П. Я.

Одной чертой подчеркнут номер, название книги, вся первая строчка, после которой одним взмахом спущены по правому полю две перпендикулярные, параллельно связанные между собой черты, а за ними нотабене и далее два вопроса. Весь текст содержания подчеркнут слабыми чертами. Кроме того двумя чертами подчеркнуты слова: «32 столб» и особо твердо адрес — «Кирочная».

№ 1478. Фишгендлер. А. Мир. (Большевистское перемирие и Германский мир). М., 1918. Изд. редакц. «Нашего Голоса». Тип. т./д. И. Ефимов, Н. Желудкова и К° (Б. Якиманка, 32). 31 стр. Адрес склада: Б. Никитская, д. 24. Ц. 75 к. 10 000 экз.

Содержание: I. Программа кайзера и всех буржуазных партий Германии. II. Германские социалисты, их отношение к программе мира и брестский итог. III. Военные вопросы в брестских переговорах. Итоги.

Подчеркнута первая строчка. Против название книги и содержания две большие черты и нотабене.

В №№ 21—23, июнь 1918 г., отмечены №№ 1712, 1716, 1747, 1773, 1812, 1814, 1862, 1877, 1886 и 1879. (Это единственное место, где Владимир Ильич ошибся в порядковом перечне номеров, поставив последующий раньше предыдущего.)

№ 1712. За родину. Апрель 1918 г. М., Тип. т-ва «Задруга» (Крестовоздвиж. пер., д. 9). 13 стр. Ц. 80 к. 6 000 экз.

Содержание: Брешковская, Е. К. Граждане ли мы или рабы? Сталинский, Е. Революция и народ. Аргунов, И. Национальная власть. Сталинский, Е. Мир—война. Огановский, Н. Между двух империализмов. Маслов, С. Л. Социал-экономические задачи рабочего класса и национальная оборона. Огановский, Н. Порабощение хозяина земли русской. Покровский Г. Советская власть.

Название и номер подчеркнуты двумя чертами. На правом поле две вертикальные большие черты, за которыми нотабене.

№ 1716. Ивановский, В. П. прив.-доц. О контрреволюции. Научно-политическая библиотека, № 13, М., 1918. Изд. Преподавателей Моск. Унив. Тип. т-ва Рябушинских (Страстн. бульв., Путинковск. пер., 3). 16 стр. Ц. 20 к. 5 000 экз.

Номер, фамилия автора и начало названия книги слабо подчеркнуты; на левом поле две черты и за ними нотабене.

№ 1747, Лафарг, П. Вера в бога. П., 1918. Изд. Петроград. Сов. Р. и С. Деп. Тип. 6-я Государственная (Мойка, 32). 47 стр. Ц. 75 к. 15 000 экз.

Книжка слабо подчеркнута На левом поле три черты, за которыми нотабене.

№ 1773. Наш Голос. Социал-демократический сборник. М., 1918. Тип. т./д. И. Ефимова, Н. Желудковой и К°. (Б. Якиманка, 32). 30 стр. Ц. 60 к. 7 000 экз.

Содержание: Н. Валентинович. Не можем молчать. Ек. Кускова. Две тактики. Влад. Малянтович. Учредит. Собрание. П. Маслов. Надвигающаяся беда. В. Епифанов. В стране сказок. А. Фишгендлер. На всех парах к социализму. В. Львов-Рогачевский. Буслаевщина.

На поле две крупные черты и нотабене.

№ 1812. Розов, Н. В. Результаты частичной разработки санитарно-статистич. карточек на лечившихся в лазаретах Петроградского Общественного Комитета Всероссийск. Союза Городов. Приложение к № 6 «Известий Петрогр. Областной Организации В. С. Г.». Май 1918. П., 1918. Изд. Петроградского Областного Комитета. Перв. Госуд. типография (Гатчинская, 26). 1 000 экз.

Подчеркнута первая строчка. На левом поле большие две черты и такая же нотабене. В тексте подчеркнут размер книги, т. е. «8°». «(18×27)».

№ 1814. Русов. Н. Н. Критики анархизма (Плеханов, В. Базаров, Штаммлер и др.). С приложением статьи «Андрей Белый и социал-демократия». М., 1918. Изд. автора. Тип. т./д. И. Ефимов, Н. Желудковой и К°. 56 стр. Адрес склада: М., Уланский пер., 30, кв. 15. Ц. 1 р. 50 к. 5 000 экз.

Владимир Ильич подчеркнул номер, автора, число страниц и цену, которая вероятно удивила его своей несообразностью с размером книжечки (56 стр.) и показалась очень дорогой. Кроме того на левом поле две черты и крупная нотабене.

№ 1862. Труды II Всероссийского Съезда Лиги аграрных реформ. Выпуск I. Основные идеи решения аграрного вопроса. Доклады: В. И. Анисимова, Б. Д. Бруцкуса, Н. Я. Быховского, А. Н. Минина, С. Д. Николаева, Н. А. Рожкова, Н. Н. Черненкова. Прения по докладам. (Лига аграрных реформ). М., 1918. Изд. Лиги аграрных реформ. Тип. т-ва А. А. Левенсон. 97 стр. Ц. 5 р. 3 000 экз.

Слегка подчеркнута первая строчка и номер. Усиленно подчеркнуты фамилии Н. А. Рожкова и Н. Н. Черненкова, а также слова: «Прения по докладам (Лиги аграрных реформ)», «город (М)» и «год (1918)». На правом поле две больших черты и нотабене.

№ 1877. Цокколи, Гекктор, проф. Анархизм в свете научного анализа. Часть I. Перевод с итальянского. Предисловие автора к русскому изданию. М. 1918. Тип. Т. Дортман (Газетный пер., 6). 175 стр. Ц. 4 р. 4 000 экз.

Содержание: Теоретики-анархисты. Штирнер. М. Метафизическая критика. Прудон, П. Экономическая критика. Бакунин, М. Политическая критика. Кропоткин, П. Социологическая критика. Тэкер, В. Индивидуалистическая критика.

Все название этой книги энергично подчеркнуто. Перечень ее содержания и самое название книги отчеркнуты Владимиром Ильичем три раза. На правом поле и тут же поставлена нотабене.

№ 1879. Черненков, Н. П. К характеристике крестьянского хозяйства. Выпуск I. (Лига аграрных реформ). М., 1918. 2-е изд. просмотр. и доп., Лиги аграрн. реформ. Тип. А.А. Левенсон. X + 169 стр. + 1 табл. Ц. 8 р. 1 000 экз.

№ 1886. Шишко, Л. Э. Собрание сочинений. Под редакцией П. Витязева. Т. IV. Статья по истории русской общественности. П., 1918. Изд. т-ва «Революционная Мысль». Тип. «Дом Печати» (В. О., 16-я лин., 5—7) 287 + 1 нен. стр. Ц. 8 р. 5 000 экз.

Содержание: I. Крестьянство и русская общественность. 1. Прошлое и настоящее. 2. Крестьянство и народническое движение. 3. По поводу сорокалетней годовщины освобождения крестьян. II. Интеллигенция и революция. 1. К вопросу о роли интеллигенции в революционном движении. 2. Роль интеллигенции в освободительном движении. III. Личные воспоминания. 1. Сергей Михайлович Кравчинский и кружок чайковцев. 2. Из воспоминаний прошлого. 3. К характеристике движения начала 70-х годов. 4. Михаил Рафаилович Гоц. IV. Письма. Из писем к И. Д. Смирнову. V. Приложения. 1. Похороны Л. Шишко. 2. Речи на могиле. 3. Письма и телеграммы. 4. Библиография.

Подчеркнуты номер, автор и несколькими чертами размер книги: «8°, (15 × 21). 287 + 1 нен. стр.». На левом поле против названия книги и содержания две большие черты и весьма большая нотабене.

В №№ 24—25, июнь 1918 г., отмечены №№ 2103, 2125, 2200, «особенно», 2212, 2218, 2278. Номер 2200 написан крупней всех остальных, закружен в кружок и очень сильно много-много раз подчеркнут полукруглыми чертами, при чем против цифры написано слово «особенно», которое входит в общую круговую черту вместе с цифрой номера.

№ 2103. Бальмонт, К. Революционер я или нет? М., 1918. Изд. «Верфь» (Мамоновский пер., 2). Тип. Рихтер (Мамоновский пер., 2). 48 стр. Ц. 1 р. 50 к. 10 000 экз.

Твердо подчеркнут и номер, и автор, и название книжки, и город, и год, и издательство. Сильными двумя короткими чертами подчеркнуто число страниц (48 стр.) — вероятно как совершенно не соответствующие высокой цене за книгу (Ц. 1 р. 50 к.).

На правом поле Владимир Ильич отчеркнул эту брошюру тремя чертами, за которыми стоит нотабене.

№ 2125. Гере, П. Характер современных пролетарских кооперативов. П. (1918). Тип. Акц. о-ва «Копейка» (Сайкин, 6). 32 стр.

Первая строчка подчеркнута. На правом поле четыре черты и нотабене.

№ 2200. Народ и армия. Сборник военно-политических статей. Выпуск первый. П., 1918. Тип. 5-я Госуд. (Стремянная, 12). 209 + 1 нен. стр. Ц. 7 р. 6 000 экз.

Содержание: Потресов, А. Н. От Нарвы к Полтаве. Розанов, В. Н. Наш враг. Гоц, А. Р. Демократия и оборона. Станкевич, Б. Б. Общество, война и армия. Болдырев, В. Г. Основы формирования нов. армии. Пораделов, Н. Н. Командный состав. Барановский, В. Л. К вопросу о способах комплектования нов. русск. армии. Верховский, А. И. Последствия Брестского мира. Хенриксон, Н. В. Был ли использован опыт японской войны. Сурин, В. Снабжение армий в современной войне.

Название и содержание этой книжки Владимир Ильич отчеркнул по левому и правому полю с двух сторон крупными слева кругловатыми и справа параллельными вертикальными большими чертами. Название книжки и кроме того название статей подчеркнул. Фамилии авторов — Потресова, Розанова, Гоца и Верховского — также подчеркнуты. Статья Верховского, А. И. «Последствия Брестского мира» им подчеркнута особо сильно. В названии книги также особо подчеркнут год (1918). На правом поле, за вертикальными чертами, нотабене. По всему видно, что Владимир Ильич особо заинтересовался этой книжкой.

№ 2212. «Пережитое». (В год революции). Книга первая. М. (1918). Изд. изд-ва «Верфь» (Мамоновский пер., 2). Тип. бывш. Рихтер (Мамоновский пер., 2). 172 стр. Ц. 7 р. 50 к. 10 000 экз.

Содержание: Бальмонт, К. Весенний клич. Мунштейн, Л. (Lolo). Освободителям. Новиков, Ив. Вешние воды. Осоргин, Мих. Первые дни. Арский, Н. Трагикомедия 3-го июля. Дингоф-Деренталь, А. Силуэты Октябрьского переворота. Чириков, Евгений. Враг народа. Жилкин, И. На государственном совещании. Раецкий, Сав. Демократическое совещание. Мандельштам, М. В совете Республики. Минор, Ф. С. Один день Учредительного Собрания. Толстой, Алексей. Рассказ проезжего человека. Каржанский, Н. Верховные главнокомандующие. Треплев, Георгий. Три полковника.

Статья Дингоф-Деренталя «Силуэты Октябрьского переворота» и Евгения Чирикова «Враг народа» подчеркнуты Владимиром Ильичем особо сильно, в то время как другие статьи, перечисленные в содержании, совсем не подчеркнуты.

На левом поле против *содержания* две большие связанные между собой вертикальные черты и в отдалении за ними крупная нотабене; такая же нотабене поставлена против названия сборника.

№ 2218. Радек, К. Анархисты и Советская Россия. (Научно-Социалисти-

ческая Библиотека, № 25). П., 1918. 2-е изд. изд-ва «Пролетарская Мысль». Тип. Акц. о-ва изд. дела «Копейка» (Сайкин, 6, соб. д.). 8 стр. Ц. 15 к.

Подчеркнута верхняя строчка. На левом поле две черты и нотабене.

№ 2278. Шингарев, А. И. Как это было? (Дневник). Петропавловская крепость. (27. XI. 17—5. I. 18). М., 1918 г. Изд. К-та во увек. памяти Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева. Тип. т-ва Кушнарев и К°. 2 нен. с портр.+68 стр. Адр. склада: К-во М. и С. Сабашниковых (Плющиха, 55). Ц. 5 р. 10 000 экз.

Номер подчеркнут несколько раз, также фамилия Шингарева и название книжки. Кроме того подчеркнута последняя строка, где помечено количество страниц, адрес склада, цена, вес и количество экземпляров. На левом поле четырьмя чертами отчеркнул эту книгу Владимир Ильич и еще поставил нотабене.

В №№ 26—29, июль 1918 г., отмечен лишь один, а именно № 2551.

№ 2551. Революционная техника. (Руководство для нелегальных организаций). Выпуск первый. Устройство нелегальных организаций. Правила и приемы конспирации. Постановка нелегальных типографий. (Партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов). М. (1918). Изд. изд-ва «Революционный Социализм». Тип. т./д. «Мысль» (Петровка, 17). 64 стр. Ц. 80 к. 6 000 экз.

Название всей этой книжки и все ее содержание подчеркнуты. Также подчеркнуто число страниц (64 стр.) и количество экземпляров (6 000 экз.). На левом поле три большие вертикальные черты и за ними нотабене.

В №№ 30—33, август 1918 г., отмечены №№ 2681, 2693, 2890.

№ 2681. Ардов, Т. (Тардов, В. Г.). Судьба России. Избранные очерки (1911—1917). М., 1918. Изд. Д. Я. Маковского (Филипповский пер., 11). Тип. т-ва Рябушинских (Путинковский, 3). VIII + 546 + IV стр. Адрес склада: М. Филипповский пер., 11. Ц. 12 р. 2 000 экз.

Все название подчеркнуто. Особо сильно «М.» (Москва) и год «1918», а также число страниц и число экземпляров. На левом поле четыре вертикальные черты и нотабене.

№ 2693. Богданов, А. Искусство и рабочий класс. 1. Что такое пролетарская поэзия. 2. О художественном наследстве. 3. Критика пролетарского творчества. М., 1918. Изд. журн. «Пролетарская Культура». Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 79 + 1 нен. стр. Ц. 1 р. 20 000 экз.

Книга отмечена тремя вертикальными чертами на поле, за которыми стоит нотабене. Название и содержание ее также подчеркнуты.

№ 2899. Слово о культуре. Сборник критических и философских статей. М., 1918. Изд. М. Гордон-Константиновой. Тип. т-ва «Кооперативное Изд-во» (Б. Дмитровка, 26). 90 + 1 нен. стр. Ц. 6 р. 3 000 экз.

Содержание: Айхенвальд, Ю. Поэзия Блока. Борщевский, С. Новое лицо в «Бесах» Достоевского. Гершензон, М. Дух и душа. Гордон, С. Приспособление в трагедии (О левом народничестве). Лаврецкий, Ал. Взыскующий благодати (Ф. И. Тютчев: поэт и поэзия).

Номер книги подчеркнут несколько раз, так же как и название ее. Содержание этой книги, как равно и название, отчеркнуто двумя вертикальными чертами на левом поле, за которыми стоит нотабене.

В №№ 34—37, сентябрь 1918 г., отмечен лишь один № 3389.

№ 3389. Статистический справочник по аграрному вопросу. Составлен Аграрным Отделением Экономического Отдела Всероссийского Союза под общей редакцией Я. С. Артюхова и А. В. Чаянова. Выпуск I. Землевладение и Землепользование. (Лига аграрных реформ. Редакционный Комитет: С. Л. Маслов, Н. П. Огановский и А. В. Чаянов. Серия А. № 4). М., 1918. 2-е изд. Тип. кн-ства «Универсальная Библиотека». 30 + 1 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к. 3 000 экз.

Номер и начало названия слегка подчеркнуты. Сбоку две вертикальные черты и маленькая нотабене.

В №№ 38—41, октябрь 1918 г., отмечены следующие номера: 3707, 3719, 3843.

№ 3707. Горький, М. Несвоевременые мысли. Заметки о революции и культуре. П., 1918. Изд. «Культура и Свобода» Просвет. о-ва в память 27 февраля 1917 г. (Лиговская, 3). Тип. «Печать» (Бронницкая ул., 15). 115 стр. Ц. 4 р. 50 к. 10 000 экз.

Название книги и номер сильно подчеркнуты, точно так же, как и число страниц. На правом поле четыре непрерывающихся вертикальные черты и большая нотабене.

№ 3719. Зак, С. Промышленный капитализм в России (издание второе, дополненное и переработанное). (Партия социалистов-революционеров). П., 1918. Тип. Центр. Ком. Партии Социалист.-Революц. (Лиговская, 34). 138 + 2. стр. Ц. 6 р. 10 000 экз.

Номер несколько раз сильно подчеркнут. Название книги и автор также подчеркнуты. В конце подчеркнуто число страниц, цена, вес и количество экземпляров.

Книжная Летопись

Издание Книжной Палаты

Петроград (Фонтанка, 20).

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

(XII год издания).

Подписная цена на год—40 р., на ½ г.—20 р.

№№ 42—45. 1918 г. **Ноябрь.**

Перечень в алфавитном порядке книг, поступивших в Книжную Палату.

Отдѣл I.

4071. А. М. Праздникъ 1-го Мая. (Россiйская Коммунистическая Партiя). Пенза 1918. Изд. Пенз. Комит.-Рос. Ком. Партiи (Большевиковъ). Тип. Совѣта Р., С. и К. Деп. 8°. (16×28). 9 стр. Вес 1 л.

4072. Ад—янцъ. Крестьянскiй вопросъ во Францiи. ПГ. 1918. Изд.—Петрогр. Совѣта. Тип. Акц. О-ва Копѣйка (Сайкинъ, 6). 8°. (15×21). 82 стр. Ц. 50 к. Вес 8 л.

4073. Айхенвальдъ, Ю. Наша революцiя, ея вожди и ведомые. (Библiотека „Революцiя и Культура“). М. 1918. Изд. Кн-ства Революцiя и Культура. Тип. Мысль (Петровка, 17). 8°. (18×26). 110 стр. съ 5 портр. Вес 19 л. 10.000 экз.

Содержание: Подъ знакомъ войны и революцiи. Репутацiя человѣчества. Крушенiе революцiи. О большевикахъ. Революцiя и евреи. Дуновенiе древности. Дворянское гнѣздо. Свобода слова. Рабочiе и работники. Дезертиры и добровольцы. Трагедiя Керенскаго. Слава и слезы. Духовные эмигранты. Психологiя побѣжденныхъ. Кесарево сѣченiе. Хлѣбъ и культура. Самоубiйство Россiи. Соцiальная вивисекцiя. Трагическая карикатура. Гогенцоллернъ и Бронштейнъ. Саботажъ. Памяти Духонина. „Государство—это я“. Оригиналъ и копiя. Новый Годъ. „Мнѣ холодно... мнѣ страшно“ (памяти Шингарева и Кокошкина). Учредители и разрушители. 8-часовой рабочiй день. О соцiализмѣ. Бунтъ и бытъ. Калибанъ. Революцiонеры-романтики и революцiонеры-ремесленники. Предтечи революцiи и ея теперешнiе специалисты. Образы Радищева, Рылѣева, Герцена, Петрашевскаго, Вѣры Фигнеръ въ свѣтѣ современности. Литературныя отраженiя революцiи. Свобода совѣсти. Толстой и революцiя. Конецъ революцiонной романтики.

4074. Академiя иностранныхъ языковъ. Англiйскiй языкъ. Курсъ составленъ группой преподавателей подъ редакцiей члена Королевской Академiи Наукъ Джона Томсона. Выпускъ 1-й. ПГ. (1918). Изд. и тип. Кн-ства Благо (Сайкинъ, 18). 8°. (17×26). 95 стр. Адрес издателя. ПГ. Глазовая ул., 18. Вес 12 л.

4075. Академiя иностранныхъ языковъ. Нѣмецкiй языкъ. Лекцiи составлены группой педагоговъ подъ редакцiей привагъ-доцента Петроградскаго Университета и Педагогической Академiи — Л. Е. Гавриловича. 4-й и 10-й выпуски. ПГ. (1918). Изд. и тип. Кн-ства Благо (Сайкинъ, 18, с. д.). 8°. (17×26). 80+41—56+62+145—183 стр. с рис. Адрес издателя. ПГ. Глазовая, 18. Вес 28 л.

ПОМЕТКИ ЛЕНИНА НА № 42-45 «КНИЖНОЙ ЛЕТОПИСИ» 1918 г.
Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

3843. Якобии. М. (Гендельман, М. Я.). Движущие силы сельского хозяйства. (К марксистскому основанию социализации земли). П., 1918. Тип. Центр. Ком. Партии Социал.-Революц. (Лиговская, 34). 132 стр. Ц. 4 р. 25 к. 5 000 экз.

Название книги, номер и автор все несколько раз подчеркнуто. На левом поле отчеркнута вся книга тремя чертами, за которыми стоит нотабене.

В №№ 28—45, ноябрь 1918 г., отмечены следующие номера: 4073, 4195, 4201, 4229, 4410 и 4424.

Кроме того внизу первой страницы №№ 42—45 «Книжной летописи» рукой Владимира Ильича написаны и отчеркнуты углом следующие слова: «стр. 64-ая «Накануне».

№ 4073. Айхенвальд, Ю. Наша революция, ее вожди и ведомые. (Библиотека «Революция и Культура»). М., 1918 г. Изд. кн-ства «Революция и Культура». Тип. «Мысль» (Петровка, 17). 110 стр. с 5 портр. 10 000 экз.

Содержание: Под знаком войны и революции. Репутация человечества. Крушение революции. О большевиках. Революция и евреи. Дуновение древности. Дворянское гнездо. Свобода слова. Рабочие и работники. Дезертиры и добровольцы. Трагедия Керенского. Слава и слезы. Духовные эмигранты. Психология побежденных. Кесарево сечение. Хлеб и культура. Самоубийство России. Социальная вивисекция. Трагическая карикатура. Гогенцоллерны и Бронштейн. Саботаж. Памяти Духонина. «Государство — это я». Оригинал и копия. Новый год. «Мне холодно... мне страшно». (Памяти Шингарева и Кокошкина). Учредители и разрушители. 8-часовой рабочий день. О социализме. Бунт и быт. Калибан. Революционеры - романтики и революционеры - ремесленники. Предтечи Герцена, Петрашевского, Веры Фигнер в свете современности. Литературные отражения революции. Свобода совести. Толстой и революция. Конец революционной романтики.

Название книги — первая строка и половина третьей — подчеркнуто. Кроме того название книги и перечень ее содержания Владимиром Ильичем отчеркнуты до половины на поле двумя чертами, а за ними стоит нотабене. Кроме того в перечне содержания им подчеркнуты следующие главы: «О большевиках». «Кесарево сечение». «Самоубийство России» (двумя чертами). «Гогенцоллерн и Бронштейн». «Саботаж». «Памяти Духонина». «Революционеры-ремесленники». «Литературные отражения революции». «Конец революционной романтики».

№ 4195. Кауфман, А. А. Аграрный вопрос в России. Курс Народного университета. М., 1913 г. 2-е изд. Моск. Науч. Изд. (дополнен.). Тип. т-ва И. Н. Кушнерева и К° (Пименовская ул., соб. д.) 267 стр. Ц. 10 руб. 15 000 экз.

Номер, первые две строчки названия книги подчеркнуты. Кроме того на поле четырехкратная параллельная связанная черта, начерченная за один взмах, а за ней нотабене.

№ 4201. Ключевский, В. О. Отзывы и ответы. Третий сборник статей. П., 1918. Изд. Литер-изд. отд. Комиссариата Народного Просвещения. 445 + XXIV стр. Ц. 4 р. 50 к.

Номер, название — первая и третья строки — книги подчеркнуты, а на поле помимо нотабене трехкратно отчеркнуто связной чертой.

Содержание: «Великие минеи-четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием». Отзыв об издании Археографической Комиссии. «Новые исследования по истории древнерусских монастырей». Разбор сочинений В. Иконникова. «Поправки к одной антикритике». Ответ В. Иконникову. «Рукописная библиотека В. М. Ундольского». Отзыв об издании Румянцевского музея. «Церковь по отношению к умственному развитию древней Руси». Разбор сочинения А. Щепова. Разбор сочинения А. Горчакова «О земельных владениях Всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода». «Аллилуиа и о. Пафнутий». Ответ на анонимную заметку в «Московских Епархиальных Ведомостях». Академический отзыв о сочинении А. Горчакова «Докторский диспут г. Субботина, в Московской духовной академии». Разбор книги Д. Солнцева «Очерк. истории русского народа до XVII ст.». Разбор сочинения Н. Суворова «О церковных наказаниях». «Крепостной вопрос накануне его законодательного возбуждения». Разбор II тома сочинений Ю. Ф. Самарина. Отзыв о книге С. Смирнова «История Московской духовной академии до ее преобразования». «Г. Рамбо — историк России». Разбор книги А. Рамбо «Histoire de la Russie» «Право и факт в истории крестьянского вопроса». Ответ Д. Самарину. «Объяснение по поводу одной рецензии». Ответ Владимирскому-Буданову. Академический отзыв об исследовании проф. Платонова. Древнерусские сказания и повести о смутном времени как исторический источник. Академический отзыв об исследовании г. Чечулина «Города Московского государства в XVI веке». Академический отзыв об исследовании Н. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке». Приложение. Перевод рецензии на книгу T-h v, Bernhardi — Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814—1837.

№ 4229. Латвия I. (Материалы и очерки). П., 1917. Изд. Фонда В. Я. Олава. Тип. «Строитель» (Фонтанка, 66). 39 + 1 нен. стр. Ц. 1 р.

Номер усиленно подчеркнут. Подчеркнуто название книги. Содержание отчеркнуто на поле тремя вертикальными связанными чертами, за которыми стоит нотабене.

Вот это содержание:

Содержание: О происхождении латышского народа. Статистические сведения о Латвии. Ложное представление о Прибалтийском Крае как о немецкой стране. Экономическое и политическое значение Курляндии. О Латвии во французской прессе. Речь члена IV Государственной Думы от Курляндии Ю. Я. Гольдмана. Балтийское море.

№ 4410. Фурье, Шарль. Преступления капитализма. Перевод К. Кондратьевой. С предисловием Бориса Фроммета «Миросозерцание Фурье и свобода торговли». П., 1918. Изд. изд-ского т-ва Кооперативн. Союзов Кооперации (Литейный пр., 49). Тип. т-ва «Виктория» (Литейный пр., 43). 73 + 1 нен. стр.

Номер, фамилия и имя автора подчеркнуты. Подчеркнуты две другие строчки. На поле тройная связанная черта, за которой нотабене.

№ 4424. Шиманский, С. Кошмары царизма и народовластие. С предисловием Н. Я. Абрамовича. (Библиотека «Революция и Культура»). М., 1918 г. Изд. кн-ства «Революция и Культура». Тип. Всерос. Центр. Сов. Профес. союзов. 108 стр. 10 000 экз.

Номер, автор и название книги подчеркнуты, а также город и год, а число страниц — двумя чертами.

Книжка очеркнута тремя вертикальными чертами на поле.

Содержание: Иван Грозный, Петр Великий, Анна Иоанновна и Петр I, Александр I и Николай I. Николай II. 1905 г. Начало 1917-го. Кошмары коллектива.

В содержании подчеркнуты главы: «Николай II». — «1905 г.» — «Начало 1917-го». — «Кошмары коллектива». Название книги и содержание отчеркнуты на полях четырьмя связанными между собой параллельными чертами, за которыми нотабене.

«Накануне». Еженедельник политики, литературы и общественной жизни. Москва. Еженед. 1-й г. изд. [7—IV (25)III]. Ред.-изд. М. К. Концевич. Адр. редакции: Москва, М. Дмитровка, д. 3, кв. 6. Ц. отд. номера 60 к.

Программа. Настала пора, когда должны быть в корне пересмотрены каноны традиционных верований русской интеллигенции. Нужен решительный разрыв с революционною романтикою всех форм и видов. Нужен определенный и радикальный поворот к...

Эта часть программы отчеркнута Владимиром Ильичем на поле двумя горизонтальными и тремя вертикальными взаимнопересекающимися чертами, за которыми стоит нотабене.

Далее в этой программе, безусловно заинтересовавшей Владимира Ильича, но напечатанной на следующей странице и повидимому лишь поэтому не отчеркнутой им, говорится: «...трезвому политическому реализму, свободному от всяких утопий, с одной стороны, и каких бы то ни было жупелов — с другой. Год революции выяснил с обидной беспощадностью всю бездну нашего национального несовершенства. Уровень правосознания народного и народной культуры оказался недостаточным для решения той великой задачи, которая была поставлена перед русским государством. Все классы страны проявили за этот год поразительное неумение, бессилие, а отчасти даже и нежелание выполнить долг, выпавший на их долю. Большевизм явился достойным венцом русской революции. Помазанный на царство великим отчаянием народным, он довершил разрушительное дело своих предшественников. Им замкнулся роковой круг злосчастной революции, им окончательно выявлен ее лик. Ныне нужен великий сдвиг в нашем сознании. Нашей интеллигенции нужно пережить то, что древние греки называли катарзисом, — самосознание и жертвенное самоочищение, некоторое покаяние и соответствующее исправление. Правда, государственность должна быть непререкаемо признана высшим принципом политического миросозерцания. Государственная власть должна сочетаться с патриотизмом и опираться на идею науки. На теперешней ступени развития человечества нация есть условие возможности культуры, а следовательно и прогресса. В силу этого должна быть категорически осуждена вся социалистическая миссия русской революции, как явление антинациональное, антипатриотичное, антикультурное и по существу реакционное. Если Россия переросла неограниченную монархию, то она еще далеко не созрела для неограниченного народоправства. В силу этого государственная правовая идеология русской революции должна быть в корне пересмотрена в духе отказа от иллюзии чрезмерного демократизма. («На переевале». См. № 1 «Накануне», 7—IV. 1918.)

Как видим, под многоречивым разглагольствованием скрывается откровенное обоснование позиций контрреволюционных групп старой интеллигенции. Живя накануне всех своих давнишних вожделений, ограничивавшихся

самой убогой конституцией, для которых даже «керенщина» была левой крайностью, эти слои интеллигенции, видя пришествие к власти диктатуры пролетариата, готовы были напрячь последние свои силенки, лишь бы как-либо нагадить, напортить, помешать деятельности большевиков. Необходимо отметить, что этот журнал явно контрреволюционного направления существовал далеко после Октябрьской революции, — первый номер его датирован 7 апреля 1918 г. Официальный правительственный журнал «Книжная Летопись», издававшийся на средства государства, еще позднее, в ноябре 1918 г., позволяет себе делать огромную цитату из программы реакционного журнала «Накануне», явно нарушая этим основные функции своей работы, заключавшейся лишь в регистрации выходящих книг. Редакция его проводит на своих страницах таким путем неприкрытую агитацию против советского правительства и партии пролетариата. Очень характерная черта для того времени. Эта цитата нам явно обнаруживает политические симпатии и антипатии редакции «Книжной Летописи» того времени.

В №№ 46—50, декабря 1918 г., отмечены следующие номера: 4794, 4806, 4847, стр. 53 «Утроба».

№ 4794. Привет Учредительному Собранию. 28 ноября 1917 г. (1918), 8 стр.

Содержание: Граждане, рабочие и солдаты. Гр. Шрейдер. В зимний вечер... Вера Фигнер. Кровавые зрачки. В. Гиппиус. России (стихотвор.). Рюрик Ивнев. Morituris. Ф. Зелинский. Гонители свободы. Л. Дейя. Мать Пресвятая. Алексей Ремизов. Национальная святыня. Федор Сологуб. Учредительное Собрание и диктатура. М. Петров. Девять месяц... Н. Кареев. Учредит. Собр... Теффи. Только та власть... В. Степанов. Новый Синай. С. Ан—ский. К народу. Д. Мережковский. Старые святыни. Д. Философов. Родине. Юрий Верховский. Два народа. А. Луначарский. Большевики прежде и теперь. Редакция.

Владимир Ильич не только отметил эту книжку подчеркиванием заглавия и номера и на полях тремя большими вертикальными чертами, за которыми стоит нотабене, но и подчеркнул в перечне содержание некоторых статей, а именно: «Учредит. Собр...» Теффи. «Только та власть...». В. Степанов. «Новый Синай». С. Ан—ский. «К народу». Д. Мережковский. «Два народа». А. Луначарский. «Большевики прежде и теперь» (подчеркнуто двумя чертами).

№ 4806. Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии. Том I. Сборник под редакцией: чл. Учр. Собр. П. Д. Климушкина, З. М. Славяновой - Смирновой, Б. Л. Краснослободского и С. М. Ленского. Самара (1918). Изд. Правления Союза Кооперат. Объединений. Тип. М. М. Азеринского. Дворянская. VII + 160 стр. Адрес склада. Кооператив-Банк, Заводская, 52. Ц. 5 р.

Содержание: Ленский, С. Год революции. Хрунин, Г. Первые дни революции в Самарском гарнизоне. Климушкин, П. Из Зерентуя до Самары. Глядков, К. Г. История Комит. Народн. Власти первого периода. Климушкин, П. Д. Ист. Комит. Нар. Власти второго периода. Тисленко, Я. Стихотворение «Русскому народу». Брушвит, Н. Воспоминания и размышления. Зилов, Л. Стихотв. «Товарищи, смелей». Тисленко, Я. Изгнание Хама. Меркулов, П. И. Митинг у памятника. Тисленко, Я. Момент. Стихотв. Север, А. Факелы. Рассказ. Климушкин, П. Д. История аграрного движения в Самарской губ. Неверов, А. В глухих местах. Бем, И. Самарский Губ. Продовольственный Комитет. Славянова, З. М. Лубочная литература 1917 года. Славянова, З. Театр, Музыка, Литература и Поэзия в Самаре в 1917—1918 гг. Славянова, З. Эсэры. Воспоминания. Краснослободский, Б. Пулемет. Рассказ. Вронский, В. Песня свободы. Стихотв. Зилов, Л. Журавли. Поезд. Собор. Стихотв. Гринштейн, И. Кооперация и революция. Зуды, С. Сахарная карточка. Рассказ. Зилов, Л. Бабы на берегу. Рассказ. Очерк революц. движ. в Бузулуке 1917—1918 гг. Словарь активных участников революции в Самарской губ. 1917—1918 гг.

Номер этой книги несколько раз подчеркнут. Содержание этого провинциального сборника Владимир Ильич отметил на левом поле тремя большими вертикальными чертами, за которыми следует нотабене.

№ 4847. Труд. (Литературно-политический сборник). Самара, 1918. Тип. Горисполкома, № 2. 44 стр. (2 столб.). Ц. 1 р. 20 к.

Содержание: Минор, О. С. Где выход? Лукашевич, Е. Советская власть и земля. Ларский, Л. Рабочая политика. Только за 30 дней. Смирный, А. В виде опыта. С. Р. Защита страны — защита революции. Две социализации. По селам и весям Самарской губернии.

Все название книги подчеркнуто. Перечень содержания ее отмечен по полю тремя параллельными, вертикальными, непрерывающимися чертами и нотабене.

Утроба. Беспартийный орган тощих, голодных масс. Направление — внутреннее. Девиз: «Не о хлебе едином жив человек». № 1 и, может быть,— последний. Ред.-изд. Исидор Гуревич. Отд. номер — 40 к.

Подчеркнуты все эти строчки. На поле четыре вертикальные, непрерывающиеся черты и нотабене. Эта отметка, помещающаяся на 53 стр. номера 46-50 «Книжной летописи», т. е. в его конце, показывает нам, что Владимир Ильич терпеливо и настойчиво просматривал все номера этого библиографического журнала до самой последней страницы. Последняя книга за № 5326 напечатана на стр. 34, а далее идет список журналов, газет и др. подобных изданий, продолжаясь до 57-й страницы. Как видим, на 53-й странице, т. е. почти в самом конце, Владимир Ильич вычитал заинтересовавший его сатирический журнал.

В № 1, январь 1919 г., он отметил №№ 18, 24 и 64.

№ 18. Грейцер, Дм. «Пролетарствующие». Повесть конца 1917 и начала 1918 г. П., 1918. Тип. «Спорт и Фавориты» (Ул. Марата, 66). 94 стр. Ц. 1 р. 50 к. 10 000 экз.

Тремя чертами подчеркнул он номер и фамилию автора, а на левом поле поставил маленькую нотабене.

№ 24. Естественные производительные силы России. Том IV. Полезные ископаемые. Составлен Геологическим Комитетом. Выпуски: 8, 10, 14, 22, 30, 32. (Комиссия по изучению естественных сил России, состоящая при Российской Академии Наук). П., 1918. Тип. 1-я Государственная (Гатчинская, 26). 425 стр. с карт. и черт. I том. 3 000 экз.

Содержание: Богданович, К. И. Серебро, свинец и цинк. Туркестан. Полевой, П. И. Серебро-свинцово-цинковые руды Дальнего Востока. Богданович, К. И. Золото. Полевой, П. И. Техника разработки золотоносных россыпей. Анерт, Э. Э. Относительное значение золотоносных районов России по данным статистики. Богданович, К. И. и Ненадкевич. Ванаций. Ненадкевич, К. А. Месторождение Тюя-Муюн. Голубятников, Д. В. Нефть и озокерит. Нефтяные месторождения Апшеронского полуострова. Губкин, И. М. Майкопский нефтеносный район. Прокопов, К. А. Калужский нефтеносный район. Черноцкий, С. И. Районы Ильский, Кудакинский, Суворо-Черкесский. Рябинин, А. Н. Тифлисская и Елисаветпольская губернии. Тихонович, Н. Н. Уральский нефтеносный район. Замятин, А. Н. Месторождение нефти в верховьях р. Джусы, в Тургайской области. Замятин, А. Н. Приволжский район. Самарское, Сюкеевское и Стерлитамакское месторождения. Замятин, А. Н. Ухтинская нефть (Печерская, Тиманская). Калицкий, К. П. Озокерит в Закаспийской области. Полевой, П. И. Нефть Сахалина. Еремина, Е. В. Барит и витерит. Фон Фохот, К. К. Боксит, алунит, криолит и другие руды алюминия. Литература.

Номер и название книжки крупно подчеркнуты синим карандашом.

№ 64. Чехов, Ант. П. Полное собрание сочинений. С критико-биографическим очерком и портретом А. П. Чехова. Том семнадцатый. П., 1918. Изд. Литер.-издат. Отдела Комисс. Нар. Просв. Тип. А. Ф. Маркса (Измайл. пр., 29). I нен.+294+I+ + 167+I нен. и 177 стр. Ц. 1 р. 50 к. 100 000 экз.

Содержание: Повести и рассказы. Ненужная победа. — Корреспондент. — Живой товар. — Цветы запоздалые. — Зеленая Коса (Маленький роман). — Барыня. — За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. — Папаша. — За яблочки. — Перед свадьбой. — Двадцать девятое июня (Шутка). — Сельские картинки. — Суд.— Пропащее дело (Водевильное происшествие).—Двадцать девятое июня (Рассказ охотника). — Который из трех. — Сельские эскулапы. — Он и она.

В «Книжной Летописи» эта книга входит в тройной № 64—66. Ленин явственно, сильным синим кружком отметил только № 64 (№ 65 и № 66—«Остров Сахалин»).

В № 2 от 11 января 1919 г. отметок нет.

В № 3 от 18 января 1919 г. отмечен № 403.

№ 403. Чехов, Ант. П. Полное собрание сочинений. С критико-биографическим очерком и портретом А. П. Чехова. Том восемнадцатый. Повести и рассказы. П., 1918. Изд. Литер.-изд. Отд. Комиссар. Народн. Просвещ. Тип. Т-ва А. Ф. Маркса (Измайловск., 29). 296 стр. Ц. 1 р. 50 к. 100 000 экз.

Содержание: Огни. — Ярмарка. — Два скандала. — Нарвался. — Барон.— Месть.—«Свидание хотя и состоялось, но...» — Неудачный визит. — Идиллия — увы и ах! — Добрый знакомый.— Забыл!!! — На волчьей садке. — Скверная история. — Исповедь, или Оля, Женя, Зоя. — Пережитое. — Ряженые. — Гадальщики и гадальщицы. — Мошенники поневоле. — Двое в одном.— Исповедь. — Единственное средство. — Два романа: I. Роман доктора. II. Роман репортера. — Темной ночью. —

Ушла. — На гвозде. — Благодарный. — Совет. — Баран и барышня. — Размазня. — В наш практический век, когда и т. д. — Рассказ, которому трудно подобрать название. — Братец. — Женщина без предрассудков. — Ревнитель. — На магнетическом сеансе. — Патриот своего отечества. — Хитрец. — Благодетели. — Рыцари без страха и упрека. — Ядовитый случай. — Верба. — Вор. — Слова, слова и слова. — Лист. — Закуска. — Двадцать шесть. — Теща. — Адвокат. — Дурак. — Филантроп. — Случай из судебной практики. — Кот. — Бенефис соловья. — Моя Нана. — Депутат. — Герой-барыня. — О том, как я в законный брак вступил. — Весь в дедушку. — В гостиной. — Сущая правда. — Козел или негодяй. — Добродетельный кабатчик. — Протекция. — Осенью. — Дура. — В ландо. — Die russiche Natur. — Признательный немец. — Раз в год. — Дочь коммерции советника. — Опекун. — Знамение времени. — Из дневника одной девицы. — Юристка. — Начальник станции. — В Рождественскую ночь. — Гордый человек. — Из дневника человека, подающего надежды. — Отставной раб. — Он понял.

Номер подчеркнут жирной синей чертой.

В № 4 от 25 января 1919 г. отметок нет.

В № 5 от 3 февраля 1919 г. отметок нет.

В № 6 от 10 февраля 1919 г. отмечены №№ 952 и 960.

№ 952. Альбом портретов активных деятелей Великой Русской Революции. Выпуск 3-й М. (1918). 2-е изд. Тип. т./д. «Мысль» (Петровка, 17). 97—144 стр. с 4 табл., портр. и рис. Адрес издателя: А. М. Ростиславский, Б. Дмитровка, 14, Ц. за 4 вып. 20 р. 5 000 экз.

Номер подчеркнут трижды. Также подчеркнуто жирной чертой начало названия альбома.

№ 960. Вокруг Учредительного Собрания. Сборник статей и документов. П., 1918. Изд. изд-ва «Революционный Социализм» при Центральном Комитете Партии Левых С.-Р. (Интернационалистов). Тип. Государственная. 50 + 1 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к. 30 000 экз.

Подчеркнуты несколькими чертами номер и название книги.

В № 7 от 17 февраля 1919 г. отметок нет.

В № 8 от 25 февраля 1919 г. отмечен № 1402.

№ 1402. Бондарский, Б. С. Библиографический указатель литературы по вопросам текущего момента с марта 1917 г. Вып. 1-й М., 1917. Изд. «Звезда» Н. Н. Орфенова. Тип. Г. Ламберт (Серебряническая наб., 23-а). 96 стр. Ц. 2 р. 10 000 экз.

Подчеркнуты несколькими чертами автор и название книги. На левом поле две вертикальные черты и нотабене.

В № 9 от 5 марта 1919 г. отмечено: «Чехов т. 22». И кроме того подчеркнут № 1761.

№ 1761. Чехов, Ант. П. Полное собрание сочинений. С критико-биографическим очерком и портретом А. П. Чехова. Том двадцать второй. П., 1918. Изд. Лит.-изд. Отд. Комис. Нар. Просвещ. Тип. Т-ва А. Ф. Маркс (Изм. пр., 29). 312 стр. Ц. 1 р. 50 к. 100 000 экз.

Содержание: Письмо донского помещика Степана Влад. к ученому соседу д-ру Фридриху. — Мои жены. — Праздничная повинность. — Извлечение из путевого журнала. — В вагоне. — Жизнь в вопросах и восклицаниях. — Сборник для детей. — Французский бал. — Летающие острова. — Тысяча одна страсть или страшная ночь. — Жены артистов. — Грешник из Толедо. — Письмо. — Путевой рассказ. Измайлов, А. А. Первые шаги «Антоши Чехонте». Измайлов, А. А. А. П. Чехов в воспоминаниях друзей.

Номер и фамилия автора подчеркнуты жирной чертой.

В № 10 от 10 марта 1919 г. отмечено на правом поле: «Чехов отсутствующие томы». Эти слова, написанные обыкновенным черным карандашом с левого бока, отчеркнуты зигзагообразными большими двумя, одна над другой стоящими чертами.

В этом номере «Книжной летописи» помещено описание XIX, XX и XXI тт. полного собрания сочинений А. П. Чехова под номерами 2061, 2062 и 2063. В самой книжке журнала против этих номеров нет никаких отметок Владимира Ильича.

В № 11 от 5 марта 1919 г. отметок нет.

В № 12 от 14 марта 1919 г. отмечены №№ 2417 и 2442, при чем № 2442 подчеркнут.

№ 2417. Короленко, В. Г. Война, отечество и человечество (Письма о вопросах нашего времени). (Совет Всероссийских Кооперативных съездов). М., 1917 г. Изд. доп. автором. Тип. т-ва Коопер. Изд. (Б. Дмитровка, 26). 48 стр. Ц. 50 к.

Заглавие книги и номер подчеркнуты и на поле отмечены двумя чертами и нотабене.

№ 2442. Партийное совещание Р. С.-Д. Р. П. 27 декабря 1918 г.—1 января 1919 г. (Резолюции). (Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия). М., 1919. Изд. Бюро Центр. Комит. Р. С.-Д. Р. П. Тип. т-ва Коопер. Изд. (Б. Дмитровка,

Книжная Летопись

Издание Книжной Палаты

Петроград (Фонтанка, 20).

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

(XIII год издания).

Подписная цена на год—40 р., на $1/2$ г.—20 р.

№ 9. 1919 г. 5 Марта.

Перечень в алфавитном порядке книг, поступивших в Книжную Палату.

ПОМЕТКИ ЛЕНИНА НА № 9 «КНИЖНОЙ ЛЕТОПИСИ» 1919 г.
Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

Книжная Летопись

Издание Книжной Палаты

Петроград (Фонтанка 20).

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЁЛЬНО

(XIII год издания).

Подписная цена на год—40 р., на $1/2$ г.—20 р.

№ 10. 1919 г. 10 Марта.

Перечень в алфавитном порядке книг, поступивших в Книжную Палату.

ПОМЕТКИ ЛЕНИНА НА № 10 «КНИЖНОЙ ЛЕТОПИСИ» 1919 г.
Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

26). 28 стр. Ц. 1 р. 50 к. 5 000 экз. Название и номер и подчеркнуты. На левом поле нотабене.

В № 13 от 17 марта 1919 г. отметок нет.

В № 14—16 от 30 апреля 1919 г. отмечены №№ 2902, 2914, 2922, 2960, 2944 и 2961.

№ 2902. Варейкис, Иосиф. Тактика революционного марксизма. (Об отношении к мелкой буржуазии в период социальной революции). Симбирск, 1919 г. Изд. Организац. Агитац. Отд. Симбирск. Губисполкома при Партии Коммунистов (большевиков). 59 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Номер и автор подчеркнуты несколько раз. На левом поле несколько горизонтальных черт и нотабене.

№ 2914. Ельницкий, А. История рабочего движения в России. Часть II. (XX век). П., 1919 г. Изд. Культурно-Просв. Библ. «Начатки Знаний». Тип. 3-я Госуд. 175+1 нен. стр. Ц. 9 р. 20 000 экз.

Номер подчеркнут дважды, а также автор и название книги. На поле одна вертикальная черта и нотабене.

№ 2922. Интеллигенция и Советская власть. Сборник статей. М., 1919. Изд. изд-ва «Советский Мир». Тип. т-ва «Задруга» (Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., 9). 63 + 1 нен. стр. Ц. 2 р. 50 к. 50 000 экз.

Содержание: Предисловие: Н. Ленин. Революция и мелкая буржуазная демократия.— М. Горький. Обращение к народу и трудовой интеллигенции. — Н. Ленин. Ценные признания Питирима Сорокина. — Г. Зиновьев. Трудящаяся интеллигенция и советская власть. — Карл Радек. Интеллигенция и советская власть. — В. Керженцев. Интеллигенция на переломе. — В. Керженцев. Еще об интеллигенции.

Номер и название подчеркнуты. Против названия и оглавления книжки отчеркнуто на правом поле двумя вертикальными чертами и нотабене.

№ 2960. Октябрьские дни и их подготовка в Западной области. (Штрихи и воспоминания). Минск, 1918. Изд. изд-ва «Звезда». Тип. Советская. 64 стр.

Содержание: А. Мясников. Воспоминания.—В. Кнорин. Подготовка Октября. — Ричард Пи — ль. Начало «Звезды». — В. Кнорин. «Звезда» и Минский Совет. — Георгий Фонвич. — Неугасимая «Звезда».—Альфа. К истории «Звезды».— М. Сторожевский. Провели. — Блестящий документ. — А. Мясников. Октябрьские дни в Западной области. — Калманович. Октябрьская революция и Революционный Комитет Западной области и фронта. — Селезнев. Солдаты и Октябрь 1917 г. в Западной области.—Деятельность фракции Фронтового Комитета. — Ко всем солдатам фронта. — М. Сторожевский. Мои воспоминания. — Участник. Октябрьский переворот в Смоленске.—И. Ренев (И. Гейнгольд). Год власти в Западной Сибири.

Номер и название книги подчеркнуты. Перечень содержания этой книги отмечен на поле одной чертой и нотабене.

№ 2961. Панекук, Антон. Коммунизм и демократизм. Перевод с немецкого. П., 1919. Изд. кн-ства «Антей». Тип. «Коллектив Рабочих» (Садовая, 61). 7 стр. Ц. 30 к. 10 000 экз.

Книжка подчеркнута. На правом поле одна черта и нотабене.

В № 17 от 7 мая 1919 г. отмечены №№ 3300, 3321, 3323, при чем два первые номера подчеркнуты резкой чертой. В левом углу первой страницы этого номера «Книжной летописи» около самого названия журнала поставлена крупная нотабене, подчеркнутая двумя сильно заметными длинными чертами наискось, как бы для того, чтобы на этот номер журнала и сделанные на нем отметки обратить особое внимание.

№ 3300. Статистический справочник по Петрограду. П., 1919. Тип. Комторхоза (Садовая, 55). 80 стр. Ц. 5 р. 1 000 экз.

Название книжки подчеркнуто и по полю отмечено двумя чертами. Также подчеркнут адрес типографии и размер книги.

№ 3321. 1918 год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев. Выпуск V. На срок 25 ноября нового стиля. А. Общие выводы: 1. Состояние озимых всходов в Северной области перед уходом их под снег. 2. Влияние урожая 1918 г. на благосостояние населения. 3. Условия окончания молотьбы хлебов. Б. Погубернские обзоры: 1. Петроградская. 2. Псковская. 3. Новгородская. 4. Череповецкая. 5. Олонецкая. 6. Вологодская и 7. Северо-Двинская. Число корреспондентов. Программа вопросов. П., 1919. Тип. 5-я Госуд. (Стремянная, 12). 31 стр. 3 000 экз.

Номер и начало названия книги подчеркнуты.

№ 3323. Указатель № 1 периодических Советских и Коммунистических изданий, выходящих в Росссийской Социалистической Федеративной Советской Республике. 1919 г. М. (1919). 7 + 1 нен. стр. 10 000 экз.

Номер и начало названия подчеркнуты.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В июне 1919 г. в поисках за списками литературы, вышедшей в 1917, 1918 и 1919 гг., которая была мне нужна для некоторых работ, я ознакомился с «Книжной летописью» в издании Книжной палаты, продолжавшею выходить соединенными номерами и в те тяжелые годы.

«Книжная Летопись» того времени конечно не была столь полна, как, скажем, в настоящее время. Обязательный порядок отсылки всех новых произведений печати в Книжную палату, как делали это ранее при доставке в цензурные комитеты, сильно ослабел после Февральской революции, контроля за этим установлено еще не было, и несомненно часть прокламаций, воззваний, книжечек и листовок вовсе не попадала ни в Книжную палату, ни в Публичную Библиотеку, ни в библиотеку Академии Наук, ни в б. Румянцевский музей. Именно от этого там образовались большие провалы литературы этого времени. Но все-таки то, что собрала Книжная палата, было весьма значительно, интересно, нужно и важно для каждого исследователя.

Я подумал, что и Владимиру Ильичу все эти сведения о новых книгах будут интересны, тотчас же приобрел для него номера этого журнала и передал ему. Владимир Ильич действительно заинтересовался журналом и занялся его просмотром. Он выразил удивление, что, несмотря на царившую всюду разруху, особенно тяжело отозвавшуюся на писчебумажной и полиграфической промышленности, издано так много разнообразных и хороших книг.

Просматривая номера «Книжной летописи», Владимир Ильич делал отметки на полях против тех книг, которыми заинтересовался, и здесь, как всегда, проявил свою склонность к систематизации и порядку. Помимо того что он чертой и нотабене карандашом отметил на полях все книжки, его заинтересовавшие, подчеркнув их названия, а в некоторых местах и содержание, он в правом углу первой страницы каждого номера журнала написал номер (№) и далее под этой надписью, столбиком в цифровом восходящем порядке, крупно и четко выписал все номера тех книг, которые пожелал прочесть. В некоторых местах он написал в столбике особо крупно те номера, которые его особенно заинтересовали, вынес их повторно в поле налево, несколько раз подчеркнул, иногда закружив в круги и написав слово «особенно».

В одном только месте, а именно в № 21-23, июнь 1918 г., выписывая номера, он сделал ошибку, написав сначала «1886», а потом «1879». И так все ясно, отчетливо, систематически, как всегда и все он делал от малого до великого. Те номера, которые занимали очевидно среднее место по интересу, он кроме того подчеркнул в тексте одной чертой. Интересовавшие его журналы он не только отметил на первой странице номера «Книжной летописи», на какой именно странице значится этот журнал, но и написал название его, например: «Накануне», «Утроба».

Пометки свои Владимир Ильич сначала делал синим карандашом, именно с № 13—14 (18 апреля) 1917 г. по № 38 (30 сентября) 1917 г., при чем последнюю отметку в этом номере — № 8997 — он сделал уже химическим карандашом и им продолжал их делать далее все номера 1917 г. и весь комплект номеров 1918 г. В номерах 1919 г. с самого начала опять стал делать пометки синим карандашом и потом перешел с № 10 (10 марта 1919 г.) на обыкновенный карандаш; эти пометки наименее хорошо сохранились.

Все номера он просмотрел в один день, очевидно сменяя карандаш за карандашом. Чтением этим он очень увлекся: его сильно заинтересовала литература того времени и он захотел с ней немедленно ознакомиться.

В «Книжной летописи» за 1917 г. Владимир Ильич отчеркнул всего 142 книги, при чем в 32 номерах (из 38), напечатанных в 24 тетрадках, — шесть из них двойных номеров и один тройной — он нашел для себя интересные книги, а в 6 номерах не отметил ни одной. Эти шесть номеров, совершенно не заинтересовавшие Владимира Ильича, следующие: № 18 (6 мая); № 19 (13 мая); № 22 (3 июня); № 24 (17 июня); № 26 (1 июля) и № 41 (23 октября 1917 г.). Мы видим, что отсутствие интересных для Владимира Ильича книг, брошюр и памфлетов как раз падает на самые «тихие» месяцы бурного 1917 г.—на май и июнь. Именно в июне Владимир Ильич даже решил поехать отдохнуть в Финляндию на ст. Мустомяки, Финляндской ж. д., ко мне на дачу, так как в это время политическая жизнь нашей столицы была наиболее спокойна. Интересно отметить, что номер «Книжной летописи», вышедший в свет как раз перед Октябрьской революцией (23 октября ст. ст.), тоже не дал ни одной заинтересовавшей Владимира Ильича книги: Февральская революция изживала себя, и ее писатели, поэты, публицисты и политические деятели были настолько встревожены так быстро наступившей эпохой их собственного упадка, что им некогда, да и нечего было писать для все более и более отходивших от них масс. Наша же большевистская пресса еще была во временном подполье, и мы как по этой причине, так и по причине крайней занятости делом подготовки вооруженного восстания в эти месяцы уделяли очень мало времени на писание книг и брошюр.

Попробуем разбить на группы все, что заинтересовало Владимира Ильича в «Книжной летописи» 1917 г., и таким образом посмотрим попристальней, каким именно книгам Владимир Ильич за этот период придавал особое значение из числа тех, которые он сам хотел читать.

Мы разделим все эти книги на следующие группы:

1) Публицистика, связанная с Февральской и Октябрьской революциями:

Разные	33
большевиков	3
меньшевиков	6
плехановцев	4
богдановцев	5
бундовцев	1
социалистов-революционеров	8
народных социалистов	9
кадетов	5
	74

2) Аграрный вопрос 13

3) Вопросы капитализма, а также милитаризм, империализм	9
4) История и деятельность партий	8
5) История революций в других странах	7
6) Вопросы социологии и истории	6
7) Документы царизма	3
8) Рабочий вопрос	2
9) Естествознание	2
10) Беллетристика	2
11) Анархизм	2
12) Вопросы философии	1
13) Национальный вопрос	1
14) Кооперация	1
15) Статистика	1
	132

Таким образом больше всего Владимир Ильич в это время обращал внимания на литературу наших ближайших политических врагов. Из 74 книг, относящихся к различным партиям, написанных по самым животрепещущим вопросам дня, он в семидесяти одном случае (три падают на большевиков) отметил произведения, принадлежащие перу авторов из различных враждебных нам партий и групп — от плехановцев и богдановцев до народных социалистов и кадетов включительно. Если к этому прибавить две брошюры, отмеченные им по анархизму, а также обратить внимание на вторую по численности группу, объединенную нами вокруг аграрного вопроса, где опять-таки более всего выступали народники (В. В.), социалисты-революционеры (Чернов, Огановский) и меньшевики (П. Маслов), то смело можем прибавить к первой группе (плюс анархисты) еще и книжки по аграрному вопросу, вышедшие из-под пера литераторов враждебных нам политических партий. Таким образом мы получим весьма солидное число: 71 + 2 + 13 = 86 книг и брошюр из 132 произведений, отмеченных Владимиром Ильичем в «Книжной летописи» 1917 г., т. е. 65½% из всех отмеченных им книг. Вслед за этими в высшей степени политически актуальными вопросами идет группа книг по вопросам капитализма и тесно с ним связанных вопросов милитаризма и империализма. Здесь Владимир Ильич отметил девять книг. Рядом с этой же группой стоят «История и деятельность партий» в России (в прежние времена) — восемь книг, а также история революций в других странах (семь книг). На переломе стоит отдел по вопросам социологии и истории (общей) — шесть книг.

Далее идут книги по нисходящей кривой. Очевидно они интересовали Владимира Ильича не в системе важнейшего изучения современности, а скорей случайно, в общей схеме теоретических и научных запросов. Поучительно также всмотреться в то, что Владимир Ильич не отметил за 1917 г. в «Книжной летописи». Там встречается много, казалось бы, весьма интересных книг по тем или иным вопросам, которыми Владимир Ильич постоянно серьезно и глубоко интересовался. Однако сейчас он не отметил этих книг, несмотря на тщательный просмотр библиографии изданий революционного года.

Отчего это так? Я думаю, что Владимир Ильич всегда прекрасно знал, что «никак нельзя объять необъятное». Крайне занятый все это время, он хотел прочесть и просмотреть только то самое острое и самое важное, что было решительно необходимо для него как для крупнейшего теоретика и практика нашей партии. Он хотел зорко следить за всеми нашими многочисленными политическими врагами, прекрасно зная, что и литература, несмотря на прихорашивания, недомолвки и демагогию, в значительной степени отражает их надежды, чаяния, намерения и ожидания. И он на них устремлял пристальный свой взор. Вождь пролетарской социалистической революции, организующей власть диктатуры пролетариата, Владимир Ильич лишь в этом разрезе в данное время смотрел на все литературные явления 1917 года.

Умение выбрать нужные книги для данного момента, умение подчинить свои собственные интересы интересам революционной классовой борьбы пролетариата, умение читать и изучать именно то, что нужно в интересах успешности этой борьбы, — вот те несомненные выводы, которые мы можем сделать, изучая этот небольшой уголок теоретической лаборатории Владимира Ильича.

Подсчитывая все то, чем заинтересовался Владимир Ильич в «Книжной летописи» 1918 г., мы видим, что из всех 5 326 зарегистрированных за этот период книг и брошюр он остановился на 55 книгах, т. е. на 1% всей массы изданных книг. В той же «Летописи» за 1919 г. (по май) помещен перечень 3 415 книг, из которых Владимир Ильич заинтересовался лишь 22 книгами, т. е. ¾% всего печатного книжного материала за это время. При этом конечно не надо забывать, что он получал довольно много книг непосредственно от авторов их, а также много книг из-за границы на иностранных языках, но все-таки эти абсолютные и процентные данные с очевидностью показывают, что Владимир Ильич, обладая огромными знаниями, читал книги с большим выбором и для определенной цели, им в данный момент намеченной.

Крайне знаменательно, что из всего вышедшего в свет в эти два года он заинтересовался почти вдвое меньшим числом книг, чем в 1917 г. Именно в эти годы значительно меньше, чем в 1917 г., выходило в Советской России политически враждебной литературы, а следить за этой литературой было, как мы видели, одной из существеннейших задач Владимира Ильича в первые годы после Октябрьской революции.

Только два журнала заинтересовали его: «Накануне» и «Утроба».

Если мы рассмотрим общее число книг, отмеченных им в 1918 и 1919 гг. по «Книжной летописи», которое всего составляет 80 книг (56 + 22 + 2 = 80), и распределим их по отделам, то увидим, что более всего в эти годы Владимира Ильича интересовали книги по следующим отделам:

1. Публицистика, связанная с Февральской и Октябрьской революциями . . . . 31 книга
2. Аграрный вопрос . . . . 7 »
3. Беллетристика . . . . 7 »
4. Вопросы социологии и истории . . . . 6 »
5. Вопросы религии . . . . . . 4 »
6. Деятельность партий . . . . 3 »
7. История революций в других странах . . . . 3 »
8. Анархизм . . . . 3 »
9. Вопросы капитализма . . . 3 книги
10. Документы царизма . . . 2 »
11. Рабочий вопрос . . . . 2 »
12. Библиография . . . . . 2 »
13. Журналы . . . . 2 »
14. Интернационал . . . . . . 1 »
15. Кооперация . . . . 1 »
16. Статистика . . . . 1 »
17. Вопросы искусства . . . . . 1 »
18. Жизнь окраин . . . . 1 »
19. Производительные силы России . . . . 1 »

Из этой краткой таблицы мы видим, что Владимир Ильич был в эти годы очень заинтересован революционной публицистикой, связанной с революциями 1917 и 1918 гг. Более чем одна треть (31) всех отмеченных им книг падает именно на этот отдел. Если же мы соединим публицистику, связанную с революциями 1917 и 1918 гг., с отделом, характеризующим деятельность партий, а также если мы к этому прибавим отделы «анархизм», «документы царизма», «журналы» (ибо Владимир Ильич интересовался здесь журналами тех общественных групп, которые находились в оппозиции к советской власти) и добавим еще книги по вопросам религии, то мы получим крайне интересные цифры. Оказывается, что из 80 книг, отмеченных Владимиром Ильичем в тетрадях «Книжной летописи» за полтора года, 45 книг, т. е. более чем половина, посвящены вопросам практической политики того времени, политики, связанной с деятельностью наших врагов, врагов советского строя, коммунистической партии и диктатуры пролетариата. Эту литературу Владимир Ильич изучал самым тщательным, самым подробным и пристальным образом. Владимир Ильич всегда во всей подробности хотел знать врага и как истинный стратег не жалел времени на изучение занятых врагом позиций.

Если мы присмотримся ко всем подчеркиваниям отдельных мест в перечнях «содержания» различных сборников и книг, им отмеченных, то здесь мы еще более убедимся, с какой остротой и разносторонностью изучал Владимир Ильич все большие и маленькие теоретические и практические позиции тех, кто в то время пошел против нас гражданской войной.

Вот например Владимир Ильич усиленно отметил № 986 «Год русской революции (1917—1918 гг)». В этом сборнике сосредоточивались все выдающиеся писатели и практические деятели социалистов-революционеров того времени, под флагом народовластия обрушившиеся на большевиков с критикой их теории и практики.

Вот отмечает он под № 1712 — «За родину», «журнал-сборник» правых эсеров, где ура-патриотически завывали Брешковская, Аргунов, Сталинский, Огановский и иже с ними: эти «спасители» любимого отечества, как известно, чрезвычайно быстро продались иностранной капиталистической интервенции, отдав Россию на растерзание Колчака и других ему подобных представителей белогвардейских продажных банд.

В социал-демократическом сборнике «Наш голос» он подчеркивает статьи Валентинова, уместившегося рядом с Кусковой; Львова-Рогачевского, приютившегося под одной обложкой с Малянтовичем и той же Кусковой. Особенно сильно привлек его внимание сборник «Народ и армия», где, как в Ноевом ковчеге, собралось «всякой твари по паре». Тут Потресов скрутился с Гоцом, Розанов с Верховским, Станкевич с Болдыревым и Параделовым.

Под № 2551 отмечена книга «Революционная техника — практическое руководство социалистов-революционеров по борьбе с большевиками». Она вся сплошь испещрена пометками Владимира Ильича, желавшего подчеркнуть этим, как обнаглевший враг-авантюрист выдает все то, что он знал по своей предыдущей деятельности: организацию тайных нелегальных типографий, правила и приемы конспирации и т. д. Эсеры здесь целиком и полностью работали на монархистов и на всех тех, кто в возврате старых николаевских «порядков» видел свое спасение.

Так же испещряет своими подчеркиваниями Владимир Ильич № 4073 — книгу Айхенвальда «Наша революция, ее вожди и ведомые», где такие главы, как «О большевиках», «О самоубийстве России», «Гогенцоллерн и Бронштейн» (Троцкий), «Революционеры-ремесленники», «Литературные отражения революции», «Конец революционной романтики», обращают на себя внимание.

В книжке «Привет Учредительному Собранию» (№ 4794) он особенно энергично, нервно подчеркивает фамилию «А. Луначарский», так как здесь помещена его статья «Большевики прежде и теперь». Здесь вместе с Анатолием Васильевичем поместили свои вещи и Сологуб, и Мережковский, и Гиппиус, и Философов, и Ремизов. Несомненно странно было видеть Владимиру Ильичу фамилию народного комиссара просвещения в сборнике, который «приветствовал» закрытое нашей властью Учредительное собрание. Больно ему было видеть это имя рядом с той теплой компанией, которая в скором времени перекочевала в Варшаву для того, чтобы еще раз демонстрировать свою преданную любовь к русскому народу через польских наймитов при посредстве французских пушек и пулеметов. Ведь именно все эти Мережковские, Гиппиусы и Философовы изо всех сил пытались натравить на Россию польских панов и русскую белогвардейщину, нашедшую себе там приют.

Потом нам стало известно, что статья эта напечатана с провокационной целью, без ведома и разрешения Анатолия Васильевича, который никогда в этот сборник ничего не давал печатать и никакого отношения ни к его редакции, ни к его сотрудникам не имел и даже не знал, что такой сборник существует.

Выбор книг всегда очень важен и очень характерен для самого читателя их. И мы видим, что Владимир Ильич, руководя в эту эпоху гражданской войной на всех фронтах, и на фронте литературном всесторонне изучал наших классовых врагов, отображенных в их произведениях, устремляя таким образом всю сосредоточенную свою волю к единой цели, к единому общему и главнейшему фронту этого времени. Здесь он не упускал ничего из виду, почему обращал большое внимание и на литературу наших врагов.

Если мы припомним также анализ отмеченных Владимиром Ильичем книг в «Книжной летописи» за 1917 г., то увидим, что он совершенно совпадает с тем, который мы только что сделали при рассмотрении всех его отметок в том же журнале за 1918 и 1919 гг.

Если сделаем теперь общую сводку обеих таблиц, то увидим, какими разделами литературы в то время особо сильно интересовался Владимир Ильич.

Вот эта сводная таблица, в которой я объединяю родственные отделы.

1. Публицистика (разных партий), связанная с Февральской и Октябрьской революциями, а также история и деятельность партии, анархизм и документы царизма	126 книг
2. Аграрный вопрос	20 »
3. Вопросы социологии и истории	13 »
4. Вопросы капитализма	12 »
5. История революций и философии в других странах	10 »
6. Беллетристика и вопросы искусства	10 »
7. Рабочий вопрос и производительные силы России	5 книг
8. Вопросы религии	4 »
9. Естествознание	2 »
10. Кооперация	2 »
11. Национальн. вопрос и жизнь окраин	2 »
12. Статистика	2 »
13. Библиография	2 »
14. Журналы	2 »
15. Интернационал	1 »
Итого	213 книг

Из этой сводной таблицы еще более разительно явствует, что главнейшая часть этих книг прямо относится к характеристике теорий, мыслей и образа действий наших политических врагов. Именно это особенно интересовало Владимира Ильича, и эта целеустремленность в высшей степени характерна для метода теоретической работы Владимира Ильича, который умел всегда собрать, ограничить себя, направить все свое внимание и гениальный анализ на важнейшее, что выявлялось в данное время.

Умение выбирать для своего чтения в каждое данное время из множества издающихся книг именно те, которые по существу действительно нужны все для одной и той же цели, добавляя к ним те книги, которые нужны для всегдашнего пополнения собственного образования, расширения кругозора и для необходимых художественных восприятий, — вот великое умение Владимира Ильича работать над книгой. И этому умению надо всем учиться, тщательно изучая лабораторию его могучего творчества.

Когда Владимир Ильич закончил чтение «Книжной летописи», он прислал мне записочку такого содержания:

Российская
Федеративная
Советская Республика
Председатель
Совета
Народных Комиссаров
Москва, Кремль
__________191__ г.
№ ______

Прошу Вас достать для Л. Б. Каменева 1 экз. «Книжной летописи».
А для меня по 2 экз. книг, номера коих отмечены.

16/8

Ваш Ленин

Л. Б. Каменев как раз пришел к Владимиру Ильичу, когда он, как роман, читал «Книжную летопись», очень заинтересовался журналом и тотчас же попросил Владимира Ильича и ему достать его. Я сейчас же озаботился приобретением книг для Владимира Ильича согласно его отметкам в «Книжной летописи».

Через несколько дней стали поступать книги для Владимира Ильича, которые я передавал ему лично. Тогда же Владимир Ильич выразил желание иметь под руками собрание сочинений классиков и Толковый словарь Даля. Из классиков были доставлены: Достоевский, Гоголь, Гончаров, Лермонтов, Некрасов, Л. Н. Толстой, Грибоедов, Тургенев, Пушкин, Тютчев. Кроме того Владимир Ильич захотел иметь собрание сочинений Мережковского, Короленко, Радищева, Пруткова, Майкова, Надсона. Лескова, Гл. Успенского, С. Т. Аксакова, Писарева, Салтыкова-Щедрина, Левитова, Кольцова, Григоровича, Добролюбова, Помяловского, Фета, Апухтина. А. К. Толстого, Чехова, Златовратского. Все эти книги были доставлены из центрального книжного склада Московского совета рабочих и крестьянских депутатов. В кабинете Владимира Ильича поставлен был шкаф, куда все эти книги (в переплетах) и были помещены.

Кроме того после сюда же были прибавлены собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского, Г. В. Плеханова, В. И. Засулич. Словарь Даля Владимир Ильич поместил в вертящейся шифоньерке и часто просматривал его.

Чрезвычайно аккуратный в деловых отношениях, В. И. не давал мне покоя, спрашивая, почему нет счета на книги. Мне пришлось по этому поводу вести официальную переписку через Управление делами Совнаркома. Наконец в отношении за № 7899 от 26 ноября 1919 г. заведующий отделом печати при Московском совете рабочих и крестьянских депутатов т. Ангарский писал «Председателю Совета Народных Комиссаров т. Ленину» следующее:

«Препровождая при сем счет за № 917 на сумму 1 830 р. 50 к. на книжки, своевременно Вам поставленные по фактуре № 74, Отдел Печати М. С. Р. и К. Д. извещает, что задержка в подаче счета произошла в связи с общей переоценкой книг и с выяснившейся необходимостью согласовать цены петроградских изданий с московскими».

Бухгалтер Управления делами Совнаркома принес мне на доклад это отношение Отдела печати и после моей распорядительной надписи оплатил приложенный к нему счет на 1 830 р. 50 к. Счет этот от 22 ноября 1919 г. за № 917 также был составлен на имя «Председателя Совета Народных Коммисаров т. В. И. Ленина». Вот его точная копия:

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ СКЛАД

Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов. Москва. Кузнецкий мост, д. № 1.

Ноября 22-го 1919 г.

Факт. № 74

СЧЕТ № 917

Председателю Совета Народных Комиссаров т. В. И. ЛЕНИНУ

Ко-лич.	Автор	Название книг	Цена Р.	Цена К.	Сумма Р.	Сумма К.
1	Достоевский . . .	Сочинения 23 тома . . .	200	—	200	—
1	Мережковский . .	» 24 » . .	90	—	90	—
1	Короленко	» 27 » . .	50	—	50	—
1	Гоголь	» 12 » . . .	40	—	40	—
1	Радищев	» 2 » . . .	9	—	9	—
1	Прутков	» 1 » . .	12	—	12	—
1	Гончаров	» 9 » . . .	90	—	90	—
1	Майков	» 3 » . . .	30	—	30	—
1	Надсон	» 1 » . . .	12	—	12	—
1	Лермонтов	» 2 » . . .	15	—	15	—
1	Некрасов . . .	» 2 » . . .	42	—	42	—
1	Лесков	» 12 » .	90	—	90	—
1	Толстой, Л. Н. . .	» 20 » . . .	150	—	150	—
1	Грибоедов . . .	» 3 » . .	22	50	22	50
1	Успенский, Г. . .	» 3 » . . .	22	50	22	50
1	Аксаков, С. Т. . .	» 2 » . . .	20	—	20	—
1	Писарев	» 7 » . . .	40	—	40	—
1	Салтыков-Щедрин	» 12 » . .	180	—	180	—
1	Левитов	» 4 » . . .	15	—	15	—
1	Кольцов	» 1 » . . .	7	50	7	50
1	Тютчев	» 1 » . . .	24	—	24	—
1	Григорович . . .	» 10 » . . .	60	—	60	—
1	Тургенев	» 10 » . .	150	—	150	—
1	Добролюбов . . .	» 4 » . . .	42	—	42	—
1	Пушкин	» 7 » . . .	70	—	70	—
1	Помяловский . . .	» 2 » . . .	18	—	18	—
1	Фет	» 3 » . . .	45	—	45	—
1	Апухтин	» 1 » . . .	27	—	27	—
1	Толстой, А. К. .	» 3 » . .	50	—	50	—
1	Чехов . . .	» 11 » . . .	99	—	99	—
1	Златовратский . .	» 8 » . . .	72	—	72	—
		ИТОГО	—	—	1 794	50
		Гербовый сбор	—	—	36	—
		ИТОГО	—	—	1 830	50

Гербовые марки на 36 рублей

Печать оплачен
По вход. № 3278
янв. 1920 г.
Подпись (не разобрана)

Заведующий складом И. Родионов

Круглая печать
Отдела печати

В это время поступил счет (фактура № 120) от 18 декабря 1919 г. на Толковый словарь Даля. На этот счет Владимир Ильич сделал свои распорядительные надписи и прислал его мне. Вот этот счет:

Московский Совет
Рабочих и Красноармейских
Депутатов
Отдел Издательства
и книжной торговли
Центральный книжный склад
Кузнецкий мост, д. № 1

Декабря 18 дня 1919 г.

№ 120

ФАКТУРА

Отпущено со склада т. ЛЕНИНУ, В. И.

К-во	Цена	Сумма
1		

Даль, Толковый словарь в
4-х переплетах

Надпись рукой
В. И. Ленина:

В. Д. Бонч-Бруевичу Счет № 1029

в архив 20/XII

оплачено
По вход. № 3277
13 янв. 1920 г.

Книги принял (подпись не разобрана)

Надпись рукою В. И. Ленина:

Помню, что 500 рублей.

Следуемые по счету
№ 1029 Р. К. 500.—
пятьсот получил

13 января 1920 г.

Заведующий складом
И. Родионов

СЧЕТ ЛЕНИНУ ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КНИЖНОГО СКЛАДА МОССОВЕТА НА «ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ» ДАЛЯ

На счете — надпись рукой Ленина
Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

Счет был вложен в конверт, на котором был напечатан заголовок: Председатель Совета Народных Комиссаров, а на конверте собственноручная надпись Владимира Ильича: «В. Д. Бонч-Бруевичу (от Ленина). Под расписку». Эти последние слова несколько раз закружены в кружки. Очень характерно отношение Владимира Ильича к документам. Он посылал этот счет с дежурным военным самокатчиком, посылал тут же в Кремле на расстояние пяти минут хода, посылал мне, ежедневно с ним общающемуся, — и все-таки он считал нужным отправить его мне под расписку. Такова всегда была его точность, четкость в работе, примерная аккуратность и предусмотрительность, которые проявлялись у него и в большом, и в малом деле.

Еще ранее в Управление делами Совнаркома поступил также счет от «Центропечати», которую возглавлял тогда Б. Ф. Малкин. Но он не был детализирован, почему и лежал долгое время неоплаченным, а на наши запросы прислать перечисление книг мы долго не получали никакого ответа. Поэтому пришлось это разделение книг между библиотеками Управления делами Совнаркома и личной библиотекой Владимира Ильича произвести нам самим, чтобы, разделив суммы, уплатить наконец по счету.

Р. С. Ф. С. Р.

Центральное Агентство
ВЦИК
„ЦЕНТРОПЕЧАТЬ"
Москва, Тверская, 38

Печать:
Управление Делами
Крест. и Раб. Правит.
Республики России
20/IX 1919 г.
Входящ. № 16055

Августа 1 дня 1919 г.

С. О.

Счет № 569

Сов. Народн. Комиссар.

Мес.	Число	Наименование	Руб.	К.
Мая	9	Послано В/литературы по накладной за № 16055	1 870	92
		Скидка 15%	280	63
		Итого . .	1 590	29

Кремль, здание ВЦИК

Вышеозначенную сумму потрудитесь внести немедленно в ближайшее казначейство в доход казны по смете доходов «Центропечати» за 1-е полугодие 1919 г. по литеру 13 сент. § 22 за счет Отдела советских организаций.

Бухгалтер Иногороднего

Отдела (подпись неразборчива).

Владимир Ильич сказал мне, чтобы я все это оплатил из его жалования, которое, кстати сказать, было крайне маленькое. Я стал доказывать Владимиру Ильичу, что если он будет настаивать, чтобы все книги были оплачены за его счет, то это будет неправильно, так как классики стоят в его кабинете как председателя Совнаркома, что эти книги являются инвентарем этого кабинета, почему и должны быть оплачены из общих средств. Я попытался доказать, что и книги из «Книжной летописи» тоже не должны быть оплачиваемы им лично. Но он об этом и слушать не хотел и стал шутя упрекать меня, что я хочу грабить казну в его пользу. Наконец мы нашли компромисс: за книги, полученные по отметкам «Книжной летописи», платит он, так же как за словарь Даля, а за классиков, которые по желанию Владимира Ильича «должны поступить тотчас же в общественное пользование всех народных комиссаров», он разрешил оплатить из средств Совнаркома, ассигнованных на создание библиотеки Совнаркома.

На счете словаря Даля Владимир Ильич сделал две пометки: «В. Д. Бонч-Бруевичу — в архив» (последнее слово подчеркнуто четыре раза). Это был условный знак, что этот документ должен быть сохранен у меня лично. Далее в большом кружке Владимир Ильич пометил «помню, что 500 руб.». Это он справлялся ранее о цене словаря Даля и ему сообщили эту цену, а так как на фактуре цену вовсе не обозначили, то Владимир Ильич тотчас же ее восстановил.

Позднее мною был составлен для Владимира Ильича счет, который назывался: «Список книг для библиотеки кабинета председателя Совнаркома» и в который мною были включены решительно все книги, полученные по это время для Владимира Ильича как председателя Совнаркома и оплата которых должна была совершиться из средств Управления делами Совнаркома за вычетом суммы около 600 рублей из списка № 3, которые, по его личному желанию, падали на долю Владимира Ильича.

Публикуем здесь полностью этот список как документ того времени, точно определяющий, какие именно книги были к новому 1920 г. безусловно доставлены для библиотеки кабинета председателя Совнаркома.

СПИСОК № 1

Названия	Экз.	Цена			
		Руб.	К.	Руб.	К.
Кошмар царизма	1	12	—	12	—
Айхенвальд. Наша революция	1	12	—	12	—
Статист. справ. по агр. вопр.	1	3	—	3	—
Ленин. Что требовать от Н. В.	1	—	20	—	20
Чехов. Полн. собр. сочинений	1	88	—	88	—
Короленко. Война, от. и чел.	1	—	50	—	50
Ельницкий. История раб. движ.	1	9	—	9	—
Спекторский. Государство	1	6	—	6	—
Год русской революции	1	16	—	16	—
Шингарев. Как это было	1	10	—	10	—
Ключевский. 3-й сбор ОТЗ	1	4	50	4	50
Богданов. Искусство и раб.	1	1	—	1	—
Шишко. Собрание соч., т. 4-й	1	8	—	8	—
Боднарский. Указатель	1	8	—	8	-
Пойманов. Английская револ.	1	3	50	3	50
Фурье. Преступн. капит.	1	4	50	4	50
Каутский. Демократ. и дикт.	1	1	—	1	—
Интеллигенц. и сов. власть	1	2	50	2	50
Партийное сов. РСФСР	1	1	50	1	50
Ив.-Разумник. Год революции	1	8		8	—
Ардов. Судьба России	1	24	—	24	—
Кропоткин. Велик. франц. рев.	1	35	-	35	—
Кауфман. Аграрный вопрос	1	10	—	10	—
Слово о культуре	1	16	—	16	—
Черненков. Карт. крест. хоз.	1	16	—	16	—
Год русской революции	1	16	—	16	—
Народ и армия	1	14	—	14	—
Народовластие т. I	1	2	—	2	—
» » II	1	2	—	2	—
» » III	1	2	—	2	-
Бальмонт. Революционер я или нет	1	3	—	3	—
Итого	—	338	70	338	70
А всего Руб.	—	—	—	338	70

СПИСОК № 2

Все книги этого списка в 1-м экземпляре поступили исключительно в Ваше распоряжение по особому списку, при сем прилагаему, на сумму 1 830 50

СПИСОК № 3

Будет представлен дополнительно, в виду неполучения детализированного счета. (Счет на сумму 1 590 р. 29 коп.) На долю библиотеки кабинета Председателя Совнаркома придется около . . . . 500 —

А всего 2 699 20

Таким образом по общему тщательному подсчету выяснилось, что на долю Владимира Ильича по его желанию падало:

1) За словарь Даля . . . . 500 р.
2) По письму от 30/XII 1919 г. . . . . 2 600 „
3) И из счета в 1 590 р. 20 к. на долю Владимира Ильича пришлось . . . . 600 „

Итого . . . . 3 700 р.

Наконец 4 января 1920 г. я получил от Владимира Ильича личную записку следующего содержания:

Российская
Федеративная
Советская Республика

Председатель Совета
Рабочей и Крестьянской
Обороны
Москва—Кремль

4 1 1920 г.
№

Дорогой В. Д.

Мою библиотеку оплачиваю я лично.
Прошу Вас, когда вы выздоровеете, заплатить все.
И т. о. 3 200
+500
3 700
и сохранить расписки.

Ваш Ленин
Прилагаю 400 рублей

Другое дело библ[иоте]ка управления дел. СНК.

Конечно я все сделал так, как хотел Владимир Ильич.

Пополнение библиотеки кабинета председателя Совета Народных Комиссаров при мне еще совершалось дважды. В мае 1920 г. в кабинет Владимира Ильича был доставлен по его желанию английско-русский словарь Александрова, что видно из счета, до сего времени у меня сохранившегося.

Вот этот счет:

Московский Совет Рабочих и Красноармейских Депутатов
Отдел Издательства и книжной торговли

ф. 652 17/V 1920 г.

СЧЕТ № 1287

Тов. ЛЕНИНУ

Управление Делами
Крест. и Рабоч. Правит.
Республики России
19/V 1920 г.
Входящ. № 4491

Отпущено по факт. № 652 из магазина № 20

1. Александров. Англ.-русск. сл. в перепл. . . . . 66 —

Итого . . Руб. 66 —

Заведующий складом (подпись не разобрана).

В конце июня 1920 г. в кабинет председателя Совнаркома был доставлен «Новый энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона, который Владимир Ильич нередко рассматривал, прочитывал и подробно знакомился со статьями, всегда выражая надежду, что наступит время, когда нам удастся выпустить такую же прекрасную энциклопедию, но написанную с марксистской точки зрения.

На этот словарь также был представлен счет, который мы здесь и печатаем:

Московский Совет Рабочих и Красноармейских Депутатов
Отдел Издательства и книжной торговли

СЧЕТ № 1375

ф. № 128) -го июня 1920 г.

Тов. ЛЕНИНУ

Кол.	Автор	Название книг	Цена	Сумма
1	Брокгауз и Эфрон	Новый энциклопедический словарь 1/29 томов по 75 руб. . . .	2 175 —	2 175 —
		Итого . . . Руб.	— —	2 175 —

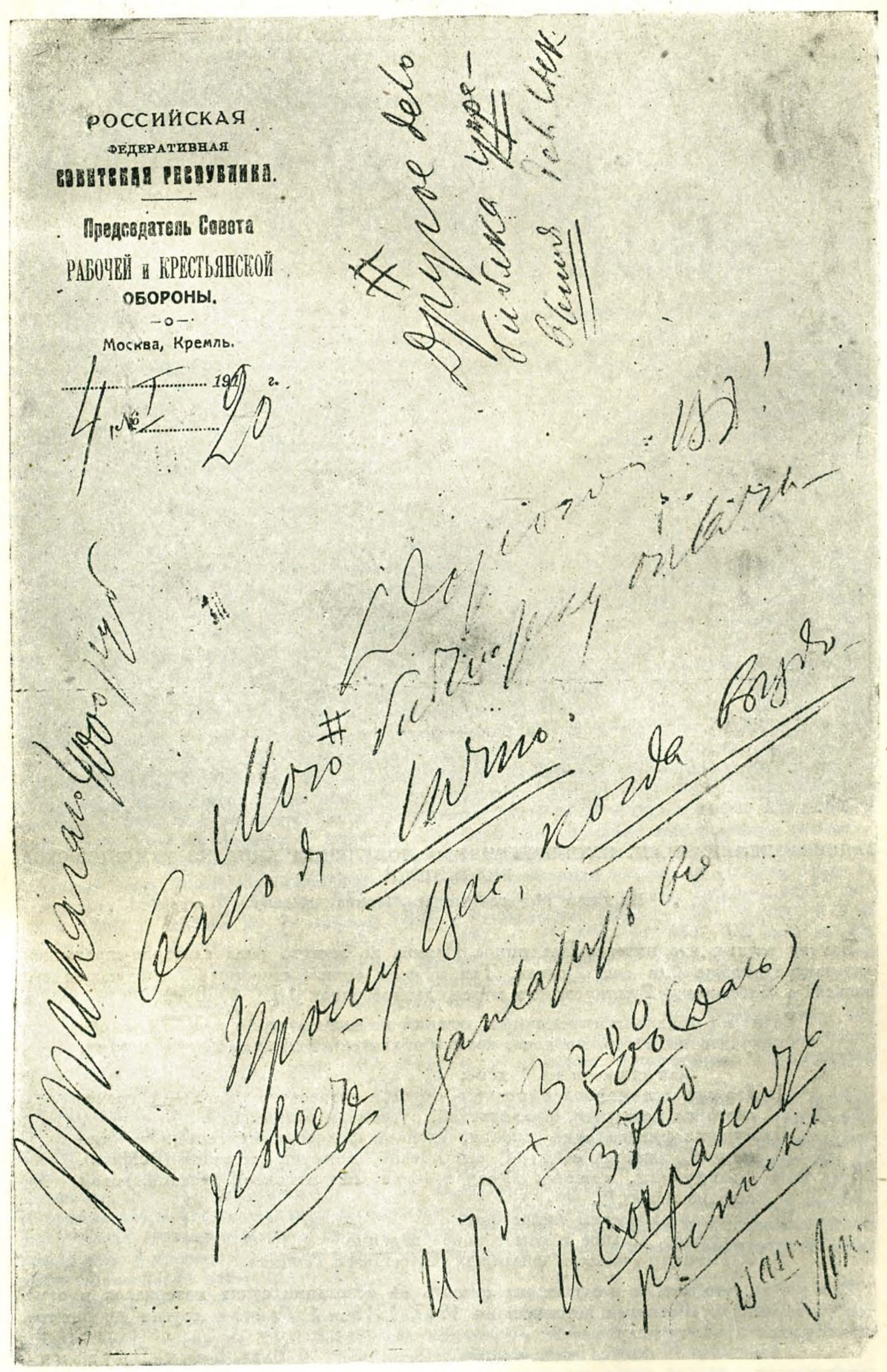
Печать:

Управление Делами
Совета
Народных Комиссаров
26/VI 1920 г.
Входящ. № 6859

Печать:

оплачено
по № 536

За/Кассир Д. Афансаьев


РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.
Председатель Совета
РАБОЧЕЙ и КРЕСТЬЯНСКОЙ
ОБОРОНЫ.
—о—
Москва, Кремль.
4 I 1920 г.
№

ЗАПИСКА ЛЕНИНА В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧУ ОБ ОПЛАТЕ КНИГ ЕГО БИБЛИОТЕКИ

Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

ЗАПИСКА ЛЕНИНА В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧУ О ПОЛУЧЕНИИ КНИГ ИЗ РУМЯНЦЕВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

Замечу кстати, что интерес Владимира Ильича ко всякого рода словарно-справочной литературе вообще был очень силен. Так в моем архиве сохранилась следующая его записка в библиотеку Румянцевского музея, датированная 1/IX 1920 г.:

Если по правилам справочные издания не выдаются на дом, то нельзя ли получить на вечер, на ночь, когда библиотека закрыта. Верну к утру.

Для справок на 1 день:

I. Два лучших наиболее полных словаря греческого языка — с греческого на немецкий, французский, русский и английский.

II. Лучшие философские словари, словари философских терминов:* немецкий, кажется Эйслера, английский, кажется Болдвина (Boldwin), французский, кажется Франка (если нет поновее), русский, какой есть из новых**.

III. История греческой философии.
1. Целлер. Полное и самое новое издание.
2. Гомперц (венский философ) «Griechische Denker».

Вот все то, что хотели и могли мы сказать на основании сухих материалов и отметок на страницах «Книжной летописи» за 1917, 1918 и 1919 гг. и других документов, относящихся к этому делу.

Влад. Бонч-Бруевич

---

* После этого слова рукою В. Д. Бонч-Бруевича: «Радлов и др».

** Наверху страницы приписка рукою В. Д. Бонч-Бруевича: «1/IX 1920 г. Вл. Ил. запросил Рум. муз.— *В. Б.-Б.*».

О РАЗРАБОТКЕ АРХИВА А. Н. ОСТРОВСКОГО

В 1921 г. личный архив А. Н. Островского был приобретен основателем Государственного Театрального музея им. Бахрушина — А. А. Бахрушиным. К сожалению архив этот дошел в музей уже в сильно потрепанном виде. Так, отсюда в прежние годы были изъяты письма к писателю его брата М. Н. Островского, письма драматурга Н. Я. Соловьева (они, правда, вместе с письмами Островского к Н. Я. Соловьеву были напечатаны в 1928 г. в костромском «Литературном Сборнике»). Не была передана в Театральный музей и переписка драматурга с женой; эта переписка хранилась у сына писателя — недавно умершего С. А. Островского, в последние годы своей жизни состоявшего научным сотрудником б. Пушкинского дома. Даты писем писателя к жене и краткое их содержание приведены в работе Г. Т. Синюхаева «Труды и дни Островского» (в сборнике «Островский. Новые материалы, письма, труды и дни, статьи». Труды Пушкинского дома при Российской Академии Наук. ГИЗ, 1924 г.).

Но и поступившие в Театральный музей части архива А. Н. Островского несомненно представляют крупный историко-литературный интерес. Первой публикацией материалов этого архива явились книга «А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма» (под ред. Н. Л. Бродского, Н. П. Кашина и при ближайшем участии А. А. Бахрушина. М., 1923 г.). Переписка эта охватывает тридцать лет и имеет большое значение для истории русского театра. Сюда вошли письма Островского к Ф. А. Бурдину, в свое время приобретенные А. А. Бахрушиным в подлинниках, и ответные письма Ф. А. Бурдина, находившиеся в архиве Островского. Но уже это издание свидетельствовало о том, что разработка архива Островского поставлена не на должную высоту. Так, переписка Островского с Бурдиным появилась без всяких комментариев; немалая часть писем приведена с ошибочными датировками, хотя факты, сообщаемые в письмах, почти всегда дают материал для установления точных дат; и наконец в этот том оказались не включенными три письма Островского к Бурдину, в свое время опубликованные в журнале «Артист», но случайно пропущенные редакторами издания потому, что среди оригиналов, приобретенных А. А. Бахрушиным, не оказалось этих писем. Это следующие письма Островского: письмо от ноября 1866 г. («Артист» 1891 г., № 18, стр. 81), являющееся ответом на письмо Бурдина от 11 ноября 1866 г., письмо от 11 апреля 1873 г. («Артист», 1892 г., № 19, стр. 21) и письмо от 23 августа [1873 г. («Артист» 1892 г., № 19, стр. 21). Но зато в это издание включено одно новонайденное письмо Островского к Бурдину от 18 июля [1870 г.], опубликованное И. С. Зильберштейном в сборнике «Островский» под ред. Б. В. Варнеке (Одесса, 1923 г.). Исправленные же даты писем Островского и Бурдина см. в дополнениях к хронологической канве «Труды и дни А. Н. Островского», составленных Б. В. Томашевским при участии И. С. Зильберштейна (в том же сборнике Пушкинского дома, стр. 409—442) и в историко-литературном временнике «Атеней» (1924 г., № 1—2, стр. 168—173).

Следующий том материалов из архива Островского появился лишь через десять лет («Неизданные письма Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, А. Ф. Писемского и др. из архива Островского». По материалам Гос. Театрального музея им. А. А. Бахрушина приготовили к печати М. Д. Прыгунов, Ю. А. Бахрушин и Н. Л. Бродский. «Академия», 1932 г., 741 стр.). К сожалению и эта публикация материалов из архива Островского оказалась в некоторых частях несовершенной. Крайняя недостаточность комментария, его политическая нечеткость, а главное — сплошь и рядом неточные и прямо неверные датировки затрудняют пользование этим томом.

Печатающееся ниже сообщение Н. П. Кашина посвящено лишь одной части дефектов этого издания — уточнению датировок и расшифровке собственных имен в материалах этого сборника. Это сообщение во многом поможет как историкам литературы, так и читателям в деле знакомства с материалами архива Островского.

Надеемся, что будущая, третья, публикация материалов этого архива — письма композиторов Серова, Чайковского и др. к Островскому — избегнет ошибок первых двух томов материалов архива Островского.

Редакция

Вряд ли нужно много говорить о том глубочайшем интересе, какой представляют неизданные письма из архива А. Н. Островского. Уже приведенный в оглавлении перечень нескольких лиц, чьи письма печатаются, говорит за него, а ведь помимо этих лиц есть такие, как Салтыков-Щедрин, Тургенев, Погодин, Григорович, Дрианский, Полонский и др.

Впрочем не следует гоняться в данном случае только за крупными именами. Подчас письма писателей и не первого ранга могут представлять тот или другой интерес. Так например, письма В. С. Курочкина дали пишущему эти строки, познакомившемуся с ними еще раньше благодаря любезности А. А. Бахрушина, личную собственность которого составлял архив Островского, возможность с большей или меньшей долей вероятности найти неизвестный до сих пор рассказ А. Н. Островского, напечатанный в «Искре». А ведь эта сторона деятельности нашего драматурга все еще остается не вполне разъясненной. В письмах к своему приятелю Бурдину, говоря о своем намерении отказаться от писания новых пьес и высчитывая свои доходы, на которые ему придется существовать, Островский упоминает о каких-то мелких статьях. Некоторый свет на эти «статьи», мне думается, проливают рассказы, подобные напечатанному в «Искре», который можно установить благодаря письмам Курочкина. Можно смело утверждать, что письма из архива А. Н. Островского дадут материал для многих исследований в области русской литературы и журналистики. Вполне справедливо замечено редактором в предисловии к настоящему изданию, что «данная переписка является исключительно ценным материалом, характеризующим отношение к А. Н. Островскому громадного круга литературных, журнальных и театральных деятелей». Не говорю уже о том, что настоящие письма дают много ценных подробностей о работе драматурга над его пьесами.

Как выяснилось, архив Островского не поступил к А. А. Бахрушину полностью. Кроме перечисленных выше изъятых материалов из архива драматурга, часть писем к нему была изъята С. В. Максимовым и П. О. Морозовым. Последним они были опубликованы в «Вестнике Европы» 1916 г., кн. X, в статье «А. Н. Островский в его переписке». К сожалению в этой статье им были допущены ошибки, до сих пор никем не отмеченные.

Затем настоящее издание свидетельствует о том, что до нас не дошли многие письма самого драматурга. Некоторые из них, равно как и письма к нему, могли в свое время не дойти по адресу и пропасть. Другие пропали по другой причине. Так П. И. Якушкин, сообщая А. Н. Островскому о трагической смерти его приятеля И. Е. Турчанинова, его компаньона по рыбной ловле, пишет: «Покойный Иван Егорович. Вы сами знаете, как Вас любил и уважал. В последние дни его жизни только и разговору было у него, что об Вас. Любя Вас, он бережно сохранял все Ваши, а также и Садовского к нему письма и записки, что мы узнали после его смерти. По смерти его Ваши письма к нему и Садовскому появились в руках совершенно посторонних людей. Не считая своевременным указать на лиц, у которых эти письма находятся, — я со временем укажу Вам как на этих лиц, так и содержание писем. Вероятно Вы пересмотрите Ваши письма у сестры Турчанинова и узнаете, все ли письма разысканы или которые еще здесь, в Самаре» («Неизданные письма», стр. 658). Вряд ли будет преувеличением предположить, что эти письма для нас утеряны навсегда.

Наконец в журнале «Вестник литературный, политический, научный, художественный с афишами» 1886 № 940 нам попалась такая заметка по поводу архива нашего драматурга:

«В бумагах А. Н. Островского найдены поправки и дополнения к Толковому словарю Даля (до 10 000 слов, не встречающихся у Даля); путешествие по Волге от истоков до Нижнего в 1856 г., отдельные записки о путешествии за границей в 1862 г. и на Кавказе в 1884 г.: записки о новой театральной школе и о Мейнингенской труппе; теория комедии и множество заметок, набросков, воспоминаний и т. п. В конце прошлого года А. Н. завел толстую тетрадь с надписью: «Московский театр: анекдоты, воспоминания, заметки и соображения». Материал этой тетради предназна-

чался для «Русской Старины». До сих пор ничего не известно о записке А. Н. о Мейнингенской труппе, а также о теории комедии и о всех упоминаемых далее «воспоминаниях, заметках и соображениях». Куда все это девалось?»

Обращаюсь теперь к вопросу о датировке писем, которая в иных случаях в настоящем издании возбуждает большие сомнения, и к примечаниям к письмам, также иногда вызывающим замечания. Возьмем для примера первое письмо Б. Н. Алмазова, в котором тот сообщает о своем разговоре с М. Н. Катковым и приводит следующие слова последнего: «Ежели ты еще не покончил дело свое насчет «Минина» с каким-нибудь журналом, то имей в виду «Рус[ский] Вестн[ик]» и доставь сколь можно скорее рукопись с обозначением условий». Письмо это с датой 29 декабря редактором датировано 1856 годом. Объяснение этой датировки дано в таком примечании к данному письму: «1 августа 1856 года Островский заявил, что бережет «Минина» для «Современника» (где эта хроника драматическая появилась в январской книжке 1862 г.) и что журнал «Русская Беседа» вместо обещанного «Минина» получил «Доходное место». Таким образом содержание письма Алмазова не позволяет отнести его к более позднему сроку, например к 1861 г.» К сожалению редактор не обратил должного внимания на содержание этого письма, где, как мы видели, Островского просят как можно скорее доставить рукопись. Такой просьбы в 1856 г. быть не могло: тогда пьеса была еще в замысле, самое большое, если она только была начата, о чем Алмазов в виду своих приятельских отношений с Островским не мог не знать. Еще 27 января 1858 г. А. Н. писал Некрасову: «Я постом окончу «Минина» непременно» (Архив села Карабихи. М., 1916, стр. 138). 27 июля того же 1858 года он писал между прочим И. Ф. Горбунову: «Вы можете сообщить графу по секрету, что пишется «Минин» и что он может попасть в «Русское Слово» («Ежегодн. имп. театр.» 1910 г., в. VI, стр. 30). 26 октября 1861 г. драматург писал П. С. Федорову: «На-днях я оканчиваю «Минина», который мне стоит многолетних трудов и которого я мечтал видеть нынешнею зимой на сцене» (там же, стр. 32). Вся эта работа над «Мининым» не могла конечно не быть известна Б. Н. Алмазову, и он мог просить выслать рукопись хроники, только зная об ее окончании, т. е. как раз в декабре 1861 г. (хроника была окончена 9/XII). Остальное содержание письма вполне согласуется с этим. Алмазов сообщает Каткову об отъезде Островского. А как раз во второй половине ноября 1861 г. А. Н. писал Бурдину, что он, как только «Минин» будет готов, будет в Петербурге, а в конце года в письме к Е. П. Ковалевскому просит разрешить сыграть спектакля три в пользу Литературного фонда любителям в Пассаже при участии А. Н. Островского (Синюхаев, Труды и дни Островского). Участвовать он мог только находясь в Петербурге. И действительно 15 января 1862 г. А. Н. выступает с публичным чтением, в пользу Литературного фонда, своей драматической хроники «Козьма Минин» в зале Бенардаки. Следовательно все содержание письма Б. Н. Алмазова говорит за то, что оно относится именно к 1861 г.

К 10-му письму Д. В. Григоровича: «Сегодня справлялся насчет пьесы; она в цензуре; если у Вас там есть знакомый, попросите, чтобы ее не задерживали и доставили непременно в Комитет» к последнему слову дано примечание: «Очевидно, в Цензурный комитет». Зачем же нужно отправлять пьесу в Цензурный комитет, когда она уже находится в цензуре? Ясно, что здесь речь идет не о Цензурном, а о Литературно-театральном комитете.

2-е письмо В. А. Крылова может быть датировано несколько более точно, а не просто 1880-м годом. Как видно из письма А. Н. Островского к Бурдину от 9 апреля, указанное 2-е письмо Крылова было получено накануне («вчера»), т. е. 8 апреля 1880 г. Неизвестно, по каким основаниям к этому письму сделано примечание № 114: «Письмо относится к маю 1880 г. (см. «Островский и Бурдин», 1923 г., № 490)». Как мы только что видели, письмо относится к апрелю, а не к маю, и ссылаться следовало на письмо Островского № 483, а не № 490. Письмо Островского было получено Бурдиным вероятно 10-го. Числа 10-го или 11-го Бурдин говорил с Крыловым, и вскоре после этого последний, быть может числа 11-го или 12-го, писал Островскому письмо, напечатанное под № 3, где между прочим упоминается о предстоящем собра-

нии петербургского отделения Общества драматических писателей, которое состоялось 17 апреля. Поэтому следующее, 4-е, письмо В. Крылова, начинающееся словами: «Вам, вероятно, уже сообщили о собрании», писано после 17 апреля, числа около 20-го.

Легко можно установить точную дату 6-го письма Крылова, начинающегося словами: «Сегодня в телеграммах «Голоса» напечатано: «Вчера в общ. собрании драмат. пис. разрешен вопрос...» и т. д. Эта телеграмма напечатана в № 103 «Голоса» от 15/IV 1881 г. Этим числом следовательно и датируется указанное письмо.

Письмо 5-е Крылова несомненно написано позднее, чем 6-е: оно говорит о том же предложении Крылова и Шпажинского («предоставить членам об-ва право запрещать представления их пьес на частн. театрах Петербурга и Москвы в течение полугода со дня первого представления их на имп. сценах, а вместе с тем разрешить авторам — членам об-ва — после первого публичного представления их пьес входить лично в особое соглашение с частными сценами о добавочном в их пользу гонораре, сверх принадлежащего об-ву»), но говорит с тою только разницей, что здесь Крылов защищает еще более упорно и настойчиво свое предложение. Очевидно Островский ответил Крылову на его письмо, о чем тот настоятельно его просил, но ответ повидимому содержал обвинения по адресу Крылова, так что тот был принужден защищаться, в результате чего и явилось настоящее письмо (№ 5), дату которого опять-таки можно установить точно. Тот фельетон в «Новом Времени», который упоминается в этом письме и в котором фельетонист, по словам Крылова, пошло описал собрание, так приступая к этому описанию, «словно облизывается, предвкушая жевать грязь», этот фельетон напечатан в № 1844 «Нового Времени» от 18/IV 1881 г. Следовательно ранее этого числа письмо 5-е написано быть не могло, а только позднее.

Письмо 2-е А. Майкова датировано редактором 1871 г. (?), но в примечании (№ 126) к этому письму говорится, что здесь вероятно имеется в виду напечатанная в «Беседе» 1872 г., № 7 комедия Дрианского «Бог не выдаст, свинья не съест». Такое предположение конечно вполне вероятно, но в таком случае, как можно датировать письмо 1871 годом, когда в нем говорится, что комедия Дрианского должна на-днях поступить в набор, а она была напечатана, как указано в примечании, в № 7 «Беседы» за 1872 г.? Всего вероятнее, что и письмо относится к тому же 1872 г. Кстати отмечу, что в примечании № 127 к тому же письму неправильно указан год смерти Дрианского: он умер не в 1873 г., а 29 декабря 1872 г.

В связи с письмом А. Майкова должно отметить еще ошибку редактора, который автором этого письма считает поэта Аполлона Николаевича Майкова, что безусловно неверно. Автором его является двоюродный брат поэта Аполлон Александрович Майков, alter ego Островского, как его назвал сам драматург в одном из своих писем к Бурдину, славист, бывший адъюнкт Московского университета по кафедре русской словесности, член-корреспондент Академии Наук и управляющий имп. театрами в Москве. Он вел славянское обозрение в журнале «Русская Мысль», когда редактором ее был С. А. Юрьев, и он же несомненно был его помощником по редакции журнала «Беседа» в 1871 и 1872 гг. А. Н. Майков никогда не принимал участия в редактировании этого журнала, издававшегося в Москве. Но раз данное письмо должно быть приписано А. А. Майкову, то возникает сомнение в принадлежности А. Н. Майкову и первого письма. Я вовсе не хочу этим сказать, что оно безусловно принадлежит А. А. Майкову. Я хочу лишь указать на то, что редактором не проделана та работа, которую в данном случае следовало проделать, а именно расследовать вопрос о почерке, каким написано данное письмо. Редактор ни в одном примечании не сказал, произведено ли им сличение почерков данного письма и письма, несомненно принадлежащего А. А. Майкову. Если возразить на это, что ведь рядом напечатано письмо А. А. Майкова и следовательно сличение почерков неизбежно было, то одного этого письма в данном случае недостаточно, так как оно подписано тоже просто А. Майков.

Редактор иногда отмечает ответы Островского на полученные им письма, но им не указано, что ответ А. Н. на письмо М. О. Микешина от 27 марта 1873 г. напечатан в 6-м выпуске «Ежегодника императорских театров» 1910 г. под № 26 без обозначения

года. Письмо 20-е М. О. Микешина является в свою очередь ответом на письмо Островского от 7/X 1882 г. («Ежег. имп. театр» 1910 г., вып. 6-й, стр. 48, № 29).

Письмо 3-е П. М. Невежина, в котором он пишет, что «Потехин наконец окончил свою миссию по части окладов» и в виду назначения оклада в 3 000 руб. О. О. Садовской заявляет: «Горько за так долго страдавшую и теперь еще страдающую Ольгу Осиповну», это письмо предположительно датировано редактором 1880 годом. Но в том же издании напечатано письмо А. А. Потехина (№ 9) от 3 августа 1882 г., в котором он как раз в ответ очевидно на распекательное письмо Островского, крайне его огорчившее, оправдывается по поводу назначения оклада О. О. Садовской. По его словам, «в прошедшем году она получала менее 1 500 руб., следовательно ее содержание,— говорит он,— более, чем удвоено». Очевидно имеются в виду те же 3 000 руб. Ясно таким образом, что и указанное письмо П. М. Невежина должно быть датировано 1882 годом.

Далее среди писем П. М. Невежина напечатано еще одно (№ 8), которое свидетельствует о какой-то редакторской небрежности. В этом письме с датой 29 июля, которое редактором датировано предположительно 1881-м годом, П. М. Невежин сообщает А. Н., что «Садовская принята... (800 жалованья и 15 р. разовых)». Каким же образом это письмо могло быть датировано более поздним годом, чем вышеупомянутое 3-е письмо того же Невежина, где уже говорится о новом назначении оклада Садовской в 3 000 р.? Ясно, что, если это письмо датируется 1881 г., а это правильно (Садовская принята в Малый театр 30 июня 1881 г.), то несомненно опять-таки, что 3-е письмо должно быть датировано 1882 годом.

В письме 3-м П. М. Невежина между прочим читаем: «Медведев грустит от безлюдья в «Семейном». К этому месту дано примечание № 170: «Где помещался «Семейный сад» в Москве, выяснить не удалось». В № 116 «Голоса» от 28/IV 1881 г. в фельетоне «Московские заметки» есть такое сведение: «Не говорю уже о г. Медведеве, вероятно единственно в расчете на выставку решившемся «снять» театр нашего ботанического (бывший «Семейный») сада». Этот Ботанический сад не следует смешивать с университетским: он помещался в б. Зоологическом саду, теперешнем Зоологическом парке, где, как известно, до революции постоянно был летний театр.

Письмо Некрасова (№ 30) от 19/X, где между прочим читаем: «Из комедии прочел только два акта и сдал в типографию... Уже была набрана повесть Глеба Успенского для № 11, отложил ее до № 12, чтобы пустить Вашу комедию»,— это письмо датировано редактором 1869 г., но с этой датировкой нельзя согласиться. Всего вероятнее, что здесь идет речь о комедии «На всякого мудреца довольно простоты», напечатанной в № 11 «Отечественных Записок» 1868 г. Следовательно этим годом и должно датировать данное письмо. Правда, могут возразить, что в № 12 «Отечественных Записок» 1868 г. не напечатано никакой повести Г. Успенского. Но возможно, что редакция не нашла для себя выгодным начать печатание повести Г. Успенского с № 12 и перенесла ее на 1869 г., а в этом году в «Отечественных Записках» со второй книжки действительно печаталась повесть Г. Успенского «Разоренье», при чем она помещена не в одной, а в трех книжках, и поэтому перенос ее на 1869 г. вполне вероятен.

Должно отметить, что к цитированным выше словам: «Из комедии...» и т. д. сделано примечание № 205: «Во 2 кн. «Отечественных Записок» 1870 г. была напечатана комедия «Бешеные деньги». При чем тут названная комедия, когда в письме идет речь о комедии, напечатанной в № 11 «Отечественных Записок», а не в № 2?

Точно так же нелепым является и примечание № 207 к письму Некрасова № 31 от 19 января 1870г.: «Комедия «Лес» в «Отечественных Записках» 1871 г.»; при чем опять-таки тут эта комедия, когда в письме выражена просьба поскорее выслать комедию и ясно сказано: «Если же почему-либо ко 2 номеру поспеть она не может, то скорее уведомьте». Если комедия не могла поспеть ко 2-й книжке, то несомненно, что не может быть и речи о комедии, напечатанной в № 1. Конечно здесь имеется в виду комедия «Бешеные деньги», напечатанная в № 2 «Отечественных Записок» 1870 г., о которой говорится в примечании № 205, так некстати пристегнутом в письме 30-м к вышецитированным словам: «Из комедии...» и т. д.

Соблазнительно поставить в связь с этим письмом (№ 30) Некрасова его коротенькое письмецо (№ 27), где он просит прислать скорее рукопись комедии. «№ 10-й,— пишет он,— окончен набором; надо набирать № 11-й, который начнем с Вашей пьесы». Но эта связь только кажущаяся, так как в письме № 27 Некрасов кроме того пишет: «посылаем записку на наши голоса в собр. драмат. писателей». Следовательно это письмо относится к 1870—1874 гг., когда возникло Собрание русских драматических писателей, впоследствии превратившееся в Общество русских драматических писателей. О какой же пьесе Островского может здесь итти речь? Это конечно о сценах «Трудовой хлеб», которые напечатаны в № 11 «Отечественных Записок» 1874 г. Но может быть следует наоборот письмо № 30 отнести к 1874 г.? Этого сделать нельзя, потому что ни в 1875, ни 1876, ни в 1877 гг. «Отечественных Записок» никакой повести Гл. Успенского не было напечатано.

Письмо Некрасова (№ 34), датированное 30 ноября, начинается словами: «Я узнал, что Вы приехали». Дальше идет приглашение к обеду и предложение пригласить кого угодно, если Островский захочет прочитать свою комедию. А 26 ноября 1871 г. драматург писал своему приятелю Бурдину: «В воскресенье 28 ноября я буду в Петербурге». 30 ноября приходится на вторник. Вполне естественно приглашение к обеду на четверг или пятницу. Какая новая пьеса была готова к тому времени у Островского? Комедия «Не было ни гроша, да вдруг алтын», которая была напечатана в 1-й книге «Отечественных Записок» 1872 г. В письме к тому же Бурдину от 9 января 1872 г. Островский пишет, что «на дороге в Москву простудил горло и все праздники и теперь сижу дома». Ясно, что пребывание в Петербурге в ноябре-декабре относится к 1871 г., а не к 1870 г., как датировано письмо редактором.

В письме Некрасова (№ 29) есть такое место: «В исполнение Вашего желания послана записка к Соловьеву на 500 руб.». Если вы, желая разъяснить себе, кто такой этот Соловьев, обратитесь к именному указателю, приложенному к изданию писем из архива Островского, то там найдете: «Соловьев, Н. Я., драматург» и «Соловьев, С. М., историк». О последнем здесь речи быть не может. Но если иметь в виду первого, то в таком случае письмо должно быть отнесено к концу 70-х годов, когда началось сотрудничество Островского с Соловьевым. Это конечно вздор, так как в названном письме Некрасова имеется в виду не драматург Н. Я. Соловьев, а кто-то другой. Кстати отметим, что в письмах из архива Островского неоднократно встречается фамилия Соловьев, и все лица с этой фамилией в именном указателе отнесены к Н. Я. Соловьеву, хотя в письме Салтыкова (№ 14) он назван А. П. Соловьевым, а в письме Семевского (№ 1)—П. Г. Соловьевым. Из всех 15 цифр, указывающих страницы издания, в именном указателе к Н. Я. Соловьеву относятся только три: 472, 558 и 609. На стр. 571 идет речь вероятно об актере Харьковского театра Соловьеве (письмо датировано редактором началом 1861 г.). Все же остальные 11 цифр указывают на какого-то другого или точнее третьего Соловьева. Это — Иван Григорьевич Соловьев, «дедка» московской книжной торговли, с которым вели дела все редакции и книжный магазин которого (б. Базунова) находился на Страстном бульваре в доме Загряжского. В 1881 г. он, уже будучи стариком, трагически покончил с собой—повесился у себя в лавке (о нем см. «Голос» 1881 г., 28/IV, № 116. «Московские Заметки»). Выходит так, что редактор «Неизданных писем», поручив кому-то составление именного указателя, не дал себе труда проверить работу этого составителя.

Письмо А. Н. Плещеева (№ 9) датировано редактором 1866 г. Это неправильно. Письмо Бурдина к Островскому (№ 29), где он просит прислать «Тяжелые дни» и «Чужую тайну», о которой пишет и Плещеев в указанном письме, имеет дату 9 октября 1863 г. Следовательно к этому году относится и ответ Островского (№ 74), и письмо его же (№ 75), в котором он исполняет просьбу Плещеева отсоветовать Бурдину ставить «Чужую тайну», так как она провалилась в Москве. Здесь же она была поставлена в первый раз 8 октября 1863 г. в бенефис Колосовой. Ошибка издания «Островский и Бурдин. Неизданные письма» в датировке указанных писем Островского своевременно была отмечена в рецензии Томашевского. Теперь ясно, что и пись-

мо Плещеева (№ 9), заключающее указанную его просьбу, должно быть датировано 1863 годом.

В письме Островского (№ 75), относящемся, как только что было показано, к 1863 г., драматург пишет, что он в среду (23) будет в Петербурге с Иваном Егоровичем и начнет хлопотать о «Минине». 23-го — конечно октября. Это дает возможность точнее датировать письмо М. П. Погодина (№ 25) с датой 11 ноября, в котором он

Ф. БУРДИН, А. ОСТРОВСКИЙ, А. НИЛЬСКИЙ, И. ГОРБУНОВ, Л. НИКУЛИНА-КОСИЦКАЯ И К. ПОЛТАВЦЕВ

Государственный Театральный Музей им. А. А. Бахрушина, Москва

спрашивает Островского: «Что нового в Петербурге?» и просит его прочитать пьесу на каком-то собрании. Редактор к этому письму дает такое примечание (№ 330): «Насколько нам известно, А. Н. Островский был в ноябре в СПБ только в 1859 г., так что публикуемое письмо быть может относится к 1859 г. Собрания, о которых упоминается в письме, вероятно, заседания Об-ва люб. рос. слов., членом которого был избран А. Н. О. в ноябре 1858 г.». Из сказанного выше ясно, что А. Н. Островский был в СПБ в ноябре также и в 1863 г. Новая пьеса его — это «Тяжелые дни», напечатанная в № 9 «Современника» 1863 г. Заседание Об-ва любителей российской словесности состоялось 17 ноября 1863 г. М. П. Погодин читал на нем «Вступительную речь о занятиях Общества и трудах его членов». Островский повидимому своей комедии не читал.

Письмо Погодина (№ 23), где он спрашивает: «Как пошла «Незестн»?», конечно писано раньше его письма (№ 13), где он пишет: «Я получил сейчас письмо из Петербурга. «Бедная невеста» шла превосходно, пишут». Ясно, что оба эти письма датируются 1852 г. К письму № 3 сделано такое примечание: «Бедная невеста» шла впервые в Александринском театре в СПБ 12 октября 1853 г., так что публикуемое письмо относится к сентябрю 1853 г.». Почему к сентябрю? Письмо № 23 почему-то датировано 1885 г., хотя в относящемся к этому письму примечании № 326 выяснено, что публикуемое письмо датируется октябрем 1853 г. Если объяснять это опечаткой, то почему письмо № 23 помещено после писем, датированных 1854 годом?

То же должно сказать и о записке № 22 и относящемуся к ней же примечанию № 325. Письмо датировано предположительно 1854 г. Но в указанном примечании читаем: «Не относится ли публикуемая записка к 1852 г., когда в ноябре месяце происходили переговоры молодой редакции с Погодиным о передаче ей «Москвитянина»?» Спрашивается, на каком же основании записка эта датирована 1854 г. и какую дату окончательно выбирает редактор?

Письмо Погодина № 24 датировано редактором: «Февраль 1856», тогда как в примечании № 327 правильно сказано, что «публикуемое письмо является ответом М. П. П — на на письмо А. Н. О. от 24 февраля 1851 г. с предложением сотрудничества за 50 руб. в мес... Следовательно можно датировать письмо концом февраля 1851 г.». Эта датировка подтверждается также примечанием № 329, что критическая статья А. Н. Островского о повести А. Ф. Писемского «Тюфяк», о которой говорится в письме, появилась в апрельской книжке «Москвитянина» за 1851 г. Но совершенно непонятным является примечание № 328 к тому же письму: «15 июля 1854 г. молодая редакция «Москвит.» почти разошлась с Погодиным». Если письмо относится к 1851 г., то при чем тут события 1854 г.? Удивительна датировка одного и того же письма тремя годами: 1851, 1854 и 1856.

Письмо № 27, имеющее дату 5 апреля, в котором Погодин просит не забыть рецензий, редактором предположительно датировано 1861 г., но в примечании № 332 читаем: «Принимая во внимание, что рецензии А. Н. О. появились в «Москв.» в апреле 1850 г. (Повесть Е. Тур «Ошибка») и в апреле 1851 г. («Тюфяк», повесть А. Писемского), мы склонны датировать публикуемое письмо 1850—1851 гг.» При чем же тут 1861 год?

Письма Погодина вообще возбуждают вопрос, чем руководился редактор в размещении писем в том порядке, в каком они напечатаны, а также, на каком основании выставлены те или другие даты под письмами, к которым не сделано никаких примечаний?

Письмо Погодина (№ 28), имеющее дату 6 января и датированное редактором 1854—1866 гг., может быть датировано более точно. Заседание Общ-ва любителей российской словесности 17 января происходило в 1865 г., на нем Погодин читал «Воспоминания о С. П. Шевыреве». Следовательно данное письмо датируется 1865 г. Островский на этом заседании повидимому ничего не читал.

Письмо 14-е гр. Е. Ростопчиной, имеющее дату 13 ноября и отнесенное редактором к 1854 г., начинается такими словами: «Вы недавно читали у Григорьева вашу новую комедию», и дальше она просит драматурга прочесть комедию также и у нее. К цитированному месту дано такое примечание № 358: «Предполагаем, что эта комедия была «Бедность не порок», которую в декабре 1853 г. Островский, как сообщал об этом Н. В. Берг Г. П. Данилевскому 22 декабря, читал чуть не каждый день». Опять примечание возбуждает недоуменный вопрос. Каким образом гр. Е. Ростопчина в ноябре 1854 г. могла говорить о чтении новой комедии, которое происходило в декабре 1853 г.? Очевидно, если согласиться с предположением о том, что здесь имеется в виду «Бедность не порок», данное письмо должно быть датировано не 1854, а 1853 годом. Комедия «Бедность не порок» была задумана автором 10 июля 1853 г., начата 22 августа и окончена к ноябрю того же года. 2 ноября 1853 г. драматург писал своему будущему другу Бурдину, что комедия окончена и переписывается, а 1 декабря он пишет, что «в чтении эта пьеса имела в Москве такой успех, какого не имела до сих пор ни одна моя комедия». Вполне возможно, что Григорьев, очевидно А. Григорьев, был одним из первых, у кого Островский читал свою новую комедию, и гр. Ростопчина к 13 ноября вполне естественно могла узнать об этом чтении и просить драматурга назначить вечер для чтения комедии у нее.

Письмо 12-е С. И. Турбина с датой 25 декабря редактором датировано 1867 г. В примечании № 386 эта датировка объясняется тем, что упомянутый в письме журнал «Досуг и дело» издавался с 1867 г. по 1870 г. и что в конце декабря 1867 г. А. Н. Островский собирался ехать в СПБ на репетиции и премьеру «Василисы Мелен-

тьевой». Прежде всего должно иметь в виду, что журнал «Досуг и дело» издавался не только по 1870 г., а продолжался, по данным Н. М. Лисовского, и после 1894 г. Но главное редактор не обратил внимания на то, что Бурдин 28 декабря 1867 г. писал Островскому: «пожалуйста, как поедешь из Москвы, не забудь захватить с собою 3 и 4 том своих сочинений... Завтра мы начинаем репетировать «Василису». А Турбин пишет: «При всем моем желании проводить Вас, я попал на чугунку, когда она испустила свист и шипение». Ясно, что оба письма к одному и тому же году относиться не могут: в одном случае речь идет о будущем приезде Островского, а в другом — об его отъезде из Петербурга. Затем Турбин пишет «... а я, будучи в Вильне, сам обращусь к Потапову». А. Л. Потапов, впоследствии шеф жандармов, был назначен в Вильну главным начальником Северозападного края и командующим войсками Виленского военного округа только 28 февраля 1868 г. и пробыл в этой должности до 22 июля 1874 г. Следовательно данное письмо Турбина может относиться только к периоду 1868—1873 гг.

К какому же году можно отнести это письмо? Следует обратить внимание на слова Турбина: «Ради бога, обратите внимание на прошение, посланное мною к Родиславскому от Мельниковой, а я, будучи в Вильне, сам обращусь к Потапову... Да кстати теперь в Вильне мой задушевный друг — Аркадий Столыпин, тоже товарищ Потапова, и, кажется, мне удастся выхлопотать соглашение в пользу нашего общества». Обращаться к Родиславскому можно было уже после того, как возникло Собрание драматических писателей, т. е. после 29 ноября 1870 г., но еще раньше того времени, когда был утвержден устав Общества русских драматических писателей, т. е. до 21 октября 1874 г.

Все это как будто обращает нас к письму А. Н. Островского к Бурдину от 26 ноября 1871 г., в котором он писал: «...в воскресенье 28 ноября я буду в Петербурге». В этот приезд в Петербург А. Н. Островский оставался там около месяца и к празднику, т. е. к 25 декабря, был в Москве. Но в декабре А. Н. Островский был в Петербурге еще и в 1873 г. и также к празднику был дома и 26 декабря писал Бурдину, что «... замотался с разными делами в Петербурге» (письмо № 289). Какой из этих двух годов — 1871-й или 1873-й — следует выбрать для датировки письма, пока решать не будем. Несомненно лишь одно, что 1867 годом датировать его, как это сделал редактор, никак нельзя. Есть однако еще одно обстоятельство, как будто свидетельствующее против обоих указанных годов. Это письмо Бурдина к Островскому от 10 декабря 1870 г., в котором он пишет: «Михаил Иванович Цейдлер просит у тебя разрешения поставить «Василису Мелентьеву» на виленской сцене, и обещает самую тщательную постановку. Черкни мне слова два для представления в Главном правлении по делам печати. Без твоего дозволения там не разрешают». Если бы можно было установить, что А. Н. Островский был в Петербурге в декабре 1870 г., то вопрос о датировке письма С. И. Турбина решался бы очень легко: письмо датировалось бы 1870 г. Но как раз весь декабрь 1870 г. Островский и Бурдин обмениваются письмами, а 6 января 1871 г. А. Н. пишет своему приятелю: «Я надеюсь скоро увидеться с тобой в Петербурге». Но побывать там ему удалось только в ноябре-декабре 1871 г.

В ответ на цитированное выше письмо Бурдина Островский (письмо № 187) пишет ему: «Михаил Иванович уж давно писал мне о «Василисе», и тогда же по его письму мною послано было дозволение; а теперь уж я дозволить не имею права. Если у них цело мое прежнее дозволение, пусть играют, а если нет, то им нужно обратиться за дозволением к уполномоченному от драматических писателей, Владимиру Ивановичу Родиславскому...» Турбин как раз в письме от 25 декабря и просит драматурга обратить внимание на прошение, посланное им к Родиславскому от Мельниковой. Следовательно он уже знал об этом установившемся порядке, и следовательно письмо его писано после 29 ноября 1870 г. Актриса Мельникова была в составе труппы Виленского театра как раз в сезон 1871/72 г., и 27 января 1872 г. в ее бенефис была дана не «Василиса Мелентьева», а «Каширская старина». Из пьес Островского в этом сезоне на виленской сцене была поставлена комедия «Бешеные деньги», в которой Мельникова исполняла роль Лидии Чебоксаровой. Что же касается «Василисы Мелентьевой»,

то повидимому за период 1868—1874 гг. она не была поставлена на сцене Виленского театра, так как в немногих театральных рецензиях, печатавшихся очень редко в «Виленском Вестнике», за эти годы никаких указаний на постановку названной пьесы Островского не встречается. Все вышесказанное заставляет нас притти к выводу, что 12-е письмо С. И. Турбина от 25 декабря должно быть датировано 1871 г. Кстати заметим, что в марте 1871 г. он был в Петербурге и 2 марта присутствовал у Бурдина, где обсуждали проект устава Общества драматических писателей («Островский и Бурдин. Неизданные письма», стр. 123, № 198). Возможно, что Турбин весь этот год пробыл в Петербурге.

Каким годом должно датировать 9-е письмо С. И. Турбина от 3 ноября, в котором он пишет: «Еще раз решаюсь повторить Вам мою покорнейшую просьбу относительно разрешения с Вашей стороны играть в Вильне «Василису Мелентьеву» для бенфиса г-жи Мельниковой». Конечно ни в коем случае не 1864 г., как это сделал редактор: «Василиса Мелентьева» увидела свет только в 1868 г. (2-я кн. «Вестника Европы»), а в провинции ее могли узнать лишь после того, как она была напечатана. Не имел ли в виду С. И. Турбин письмо к Родиславскому, в котором он послал прошение от Мельниковой и вероятно от себя просил также удовлетворить ее просьбу, когда писал: «Еще раз решаюсь повторить мою покорнейшую просьбу». В таком случае его письмо № 9 также должно быть датировано 1871 г. Но возможно, что его письмо, в котором он обращается с такой своей просьбой непосредственно к А. Н. Островскому, и не дошло до нас. В таком случае точно датировать его письмо № 9 невозможно.

Письмо № 10 С. И. Турбина, имеющее дату 9 января, редактором датировано 1865 г. В примечании № 384 читаем: «Путевые заметки по Сибири» Турбина начали печататься в «С.-Петербургских Ведомостях» 1863 г.—А. Н. Островский 15 декабря 1863 г. участвовал в спектакле Кружка любителей драматического искусства и исполнял роль Густомесова в комедии «Старый друг лучше новых двух». Итак, при датировке письма 1865 г. получается, что С. И. Турбин, прочитав о спектакле, в котором участвовал А. Н. Островский, прочитав объявление о новом издании «Русская Сцена», которое начало выходить в 1864 г., только через год после этого собрался написать об этом Островскому. Конечно, это нелепость, и ясно, что письмо должно быть датировано 1864 г. Это подтверждается еще следующим обстоятельством: «Дорожные заметки» Турбина «От Осы до Тюменя и Омска» помещены в «СПБ. Ведомостях» 1863 г., №№ 256, 258, 269—270. Следующие его очерки «От Омска до Томска», о которых очевидно он говорил: «...со временем там же помещу поездку в Киргизскую степь», напечатаны в «СПБ. Ведомостях» 1864 г., №№ 21 и 29. По поводу «Русской Сцены» С. И. Турбин прибавляет просьбу к А. Н. Островскому: «Если можно, отдайте туда мои драматические произведения». Как раз в «Русской Сцене» 1864 г. появились его: «Свекровь и теща» (кн. 3), «Бойкая барыня» (кн. 5 и 6), «Пансионерка на станции» (кн. 6), «Картинка с натуры» (кн. 9). Ясно, что письмо должно быть датировано 1864 годом.

К письму М. И. Цуханова от 3 декабря сделано примечание № 405: «Ответ А. Н. Островского на публикуемое письмо напечатан в 6-й книжке «Ежегодника императорских театров» за 1910 г., дата письма не указана». Несомненно, что ответ А. Н. Островского относится не к этому письму, а к предшествующему № 15 от 2 декабря. М. И. Цуханов в этом письме, писанном быть может прямо из Артистического кружка, где на заседании ему приходилось трудно без Островского, просил его приехать «сегодня в Кружок». А. Н. в ответ писал: «Быть не могу, нездоров и выезжать мне до середы не велено».

К примечанию № 394: «Ответ А. Н. О—го от 1 июля 1874 г. на публикуемое письмо (Цуханова, М. И., № 7) напечатан в выпуске 6-м «Ежегодника императорских театров» за 1910 г. следовало бы прибавить, что 8-е письмо М. И. Цуханова в свою очередь является ответом на этот ответ Островского. Кстати, почему письма 14-е и 17-е Цуханова, датированные редактором и, можно думать, вполне основательно 1874 г., напечатаны после его же писем 1876 года?

Первые пять писем П. К. Щебальского отнесены радактором к 1872 г. на том основании, что «известно только одно чтение А. Н. Островского в Об-ве любителей российской словесности в 1872 г., где им был прочитан «Комик XVII столетия». Н. В. Путята был временным председателем Об-ва с 1866 г. по 1873 г. (неправильно: по 3 января 1872 года. — *Н. К.)*. Щебальский был временным секретарем с 1866 г. по 1869 г. (точнее с января 1867 г. — *Н. К.)*, он мог писать Островскому как лично его знавший». Но редактор не обратил внимания на то, что чтение 1872 г. было 9 апреля, тогда как Щебальский в 3-м письме пишет, что «литературное утро назначено на 27 декабря». Затем речь идет о «литературном утре», а не об обычном заседании Об-ва, от которых остались протоколы. Потом в 1-м письме Щебальский пишет, что попечитель, к которому на цензуру была представлена пьеса, нашел там несколько щекотливой фразу (на 3 стр.): «Татарин... Боярин». Эта фраза — слова Юродивого из 1-й сцены «Дмитрия Самозванца и Василия Шуйского», который был окончен в 1866 г. и напечатан в 1-й книжке «Вестника Европы» за 1867 г. Следовательно об этой драматической хронике и может быть речь в письмах Щебальского, который читанную пьесу называет драмой, тогда как «Комик XVII столетия» — комедия. Ясно поэтому, что данные письма должны относиться к 1866 г.; это как раз подтверждается тем, что литературное утро было 27 декабря, которое приходится на вторник, а на другой день в среду, как датировано 4-е письмо, П. Щебальский писал А. Н. Островскому, что он «лишен чести быть органом всеобщего сочувствия вчерашних Ваших слушателей и к сочинению, ими прослушанному, и к его автору». Одно только обстоятельство вызывает замечание. Несомненно, что П. К. Щебальский писал А. Н. Островскому не как «лично его знавший», а как секретарь Общества. Он пишет ему: «...прилагаю при сем пять билетов, которыми прошу Вас как главное действующее лицо нашего маленького торжества распорядиться по Вашему усмотрению». Так писать мог только человек, имевший какое-то отношение к президиуму Общества, т. е. в данном случае исполнявший обязанности секретаря. А секретарем он был только с января 1867 г. Можно кажется предположить, что П. К. Щебальский мог исполнять обязанности секретаря, не будучи еще формально утвержден в этом звании. Итак, на основании данных писем Щебальского устанавливается еще одно чтение Островского в Об-ве любителей российской словесности на литературном утре 27 декабря 1866 г. Наконец все эти соображения и сделанный вывод подтверждаются следующим объявлением в «Московских Ведомостях» 1866 г. от 24 декабря, № 272: «Литературное утро с благотворительною целью: 27-го декабря в здании Университета А. Н. Островский прочтет неизданную и ненапечатанную свою драматическую хронику «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». Цена за вход 1 р. 50 к.».

Вот те замечания, которые мне казалось необходимым высказать по поводу издания писем из архива Островского и примечаний к ним.

Н. Кашин

АРХИВ В. И. СЕМЕВСКОГО

Несколько слов о самом Василии Ивановиче Семевском. Он родился в 1848 г. в Полоцке. Одно время Василий Иванович намеревался стать врачем и даже в 1856 г. поступил в Военно-Медицинскую Академию. Но через два года он отказался от этого намерения и перешел на историко-филологический факультет Петербугского университета, каковой окончил в 1872 г. Еще студентом Семевский стал увлекаться вопросами истории. Примкнув к умеренному крылу тогдашних народников, В. И. стал деятельно изучать историю русского крестьянства. В 1876 г. в «Русской Старине» появилась его первая работа «Крепостное крестьянство при Екатерине II». Через пять лет в печати появился его второй труд — «Крестьяне в царствование Екатерины II». Обе эти работы сразу выдвинули Семевского в первые ряды тогдашних прогрессивных историков. Но его попытка получить в Петербургском университете кафедру окончилась ничем в виду сопротивления реакционной профессуры и противодействия тогдашнего министра народного просвещения — прославленного мракобеса Делянова.

Изгнанный из университета Семевский целиком отдался изучению ряда проблем русской истории. С этой целью он производил обширные архивные изыскания, а также деятельно собирал документы, находившиеся в частных руках. Архив Семевского, хранящийся ныне в библиотеке Коммунистической Академии в Москве, и есть результат его многолетнего собирательства.

Но содержание архива Семевского ничуть не ограничивается только одной стороной его научной деятельности. Семевский был видной фигурой в среде радикально-демократической интеллигенции конца XIX и начала XX в. Он имел прямое отношение к литературе, издав несколько работ о общественных деятелях в свете их влияния на тогдашнюю общественную мысль. Сюда относятся его труды о декабристах, Фонвизине, Штейнгеле, Н. И. Тургеневе, а также о Дашковой, Ядринцеве, Якубовиче, Чернышевском, Пыпине. Но не только своими историко-литературными трудами Семевский был близок писательской среде. Его обширная общественная деятельность не раз ставила его во главе писательских организаций. Он побывал и председателем Литературного фонда. Кассы взаимопомощи литераторов, часто избирался арбитром при всевозможных литературных конфликтах. Все это приводило его в соприкосновение с обширным кругом писателей, публицистов. Эти связи отражены в архиве в виде многочисленных писем. Не приходится говорить о ценности этого материала. К этому надо прибавить, что Семевский не ограничился одним хранением писем писателей к нему. Со свойственной ему тщательностью он собирал переписку писателей, адресованную другим лицам или учреждениям. Таких писем в архиве очень много.

Свою собирательную работу Семевский особенно развил в 1913 г., став редактором журнала «Голос Минувшего». Упорно и настойчиво он складывал в конверты документы, письма, рукописи до своей неожиданной смерти 21 сентября 1916 г. Но на этой дате история архива не оборвалась.

Здесь надо прежде всего отметить, что хранящийся в Коммунистической Академии архив Семевского не представляет всего наследия В. И. Это только часть и, как видно, главная документальная часть. Большинство рукописей В. И. хранится в Ленинграде, в Академии Наук. После смерти Семевского эта документальная часть архива была Мельгуновым перевезена в Москву. Здесь она была слита как с личным архивом Мельгунова, так и с редакционным «Голоса Минувшего».

Мельгунов ныне обретается за границей в среде белой эмиграции. Перед своим отъездом он успел похитить и увезти часть материалов как из архива Семевского, так и из других организаций. Документы эти отчасти опубликованы уже им на стра-

ницах журнала «Голос Минувшего на чужой стороне», издаваемый в Париже. Среди этих увезенных документов оказались и копии с неизданных дневников Л. Н. Толстого. Эти дневники, вопреки ясно выраженной воле Льва Николаевича, были Мельгуновым изданы. Усилиями советской власти главнейшая часть архива была спасена от расхищения и ныне хранится в должном порядке. Теперь читателю будет ясно, что объединяется в термине «Архив Семевского».

Архив Семевского в момент передачи его в Коммунистическую Академию находился в состоянии полнейшего хаоса. Тов. Т. И. Райнов вместе с группой сотрудников библиотеки привел его в порядок. Ими же было составлено внешнее описание архива.

Содержание этого архива представляет собой огромную историко-литературную ценность. По содержанию архив делится на две части: копии с разных документов, снятые Семевским и другими лицами во всевозможных хранилищах, и подлинные документы. Последние относятся к более близкой нам эпохе, хотя имеются дела и документы в подлинниках более отдаленного времени. Происхождение отдельных подлинных докуметов (мы уж не говорим о копиях) бросает свет на некоторые черты в деятельности С. П. Мельгунова. После Февральской революции 1917 г. в Москве была создана «Комиссия по разбору архивов политических дел. С. П. Мельгунов был назначен председателем этой комиссии. В то же время он состоял от Временного правительства «уполномоченным по обследованию архивов». Как Мельгунов выполнял свои обязанности, видно из протокола заседания этой комиссии от 7 мая 1917 г. На этом заседании было сообщено, что некий «Вознесенский прочел лекцию, для которой взял без ведома комиссии документы, найденные у Шебеко и др. лиц». Потом выяснилось, что «документы эти в семи пакетах под расписку были получены Мельгуновым». В дальнейшем этот бесцеремонный «хранитель» архивов спокойно таскал из государственных фондов все, что могло иметь в его глазах историко-литературную ценность. Трудно конечно ныне установить, сколько документов было таким способом расхищено и куда они все девались. Но факт хищений налицо. Мы уж не говорим о многочисленных копиях, снятых сотрудниками по поручению и для своего начальства. И вот ныне этот-то Мельгунов имеет смелость в заграничной печати упрекать советскую общественность в варварском обращении с архивами!

Из фондов Охранного отделения Мельгунова больше всего интересовали документы о политически близких ему писателях-народниках: Пешехонове, Мякотине, Иванчин-Писареве и др. Документация о них довольно богата и дает живую картину для характеристики их политической деятельности. Вообще в архиве имеются копии обширных материалов из секретных дел Охранного отделения и Департамента полиции, освещающие те или иные политические выступления писателей, ученых и просто представителей интеллигенции. Наравне с этим в архиве хранится очень много нелегальных изданий, относящихся к общественной и революционной деятельности тех же групп. Многие из этих изданий представляют собой большую, а то и уникальную редкость. Сюда относятся всякие коллективные заявления писателей по поводу разных актов насилия царского правительства, изданные по цензурным условиям в подполье, протесты, резолюции, декларации. Но имеется в архиве, в небольших, правда, количествах, нелегальная литература, исходившая от революционных и социалистических партий, посвященная движению рабоче-крестьянских масс.

Очень много ценнейших документов связано со студенческим движением конца прошлого и начала нынешнего века. Все эти документы собирались самим В. И. Семевским, имевшим близкое отношение к университетским кругам. По той тщательности, с какой подбирался этот материал, видно, что В. И. Семевский придавал этому вопросу очень большое значение.

В делах, посвященных студенческому движению, имеется прежде всего много нелегальных изданий подпольных студенческих организаций, возникших главным образом в процессе забастовок в высших учебных заведениях. Многочисленные прокламации, памятные записки, обращения, целые литературные очерки, подлинные протоколы заседаний дают ясное представление о размерах и глубине движения молодежи. Там же находится много документов, рисующих повеление и образ действий профессуры во время этих беспорядков. Значительная часть, если не абсолютное большинство, этих

документов говорит о той пропасти, которая существовала между революционной молодежью и профессурой, даже ее либеральной частью.

В то время как первые свое недовольство выражали актами активного революционного действия, вторые либо метались между студенчеством и начальством, по существу связывая только энергию молодежи, либо прямо становились орудиями полицейско-жандармского государства. В этом отношении особо примечательно было поведение киевских профессоров во время беспорядков 1902 г. Эти «воспитатели» молодежи выступили против студенчества наравне с жандармами, городовыми и казаками. Скандальное поведение этих профессоров вызвало крик негодования даже в лучшей части европейской профессуры. Памятником этого служит хранящееся в архиве письмо известных Дюкло и Реклю, адресованное «гг. профессорам университета». В этом письме они писали: «Позвольте выразить вам чувство прискорбного изумления, вызванного в нас недавними киевскими событиями». Говоря о забастовке студентов, Дюкло и Реклю указывали, что «этот поступок ничего преступного не представлял и носил чисто университетский характер — весь мир признает это. Жандармы и казаки проникли в университет и заговорили там как хозяева. Профессора допустили это вмешательство, некоторые даже требовали его. Студенты не оказали сопротивления, а их называют бунтовщиками. Наказания, очень тяжелые и ничего общего не имеющие с университетскими, постигли 183 из них. Эти наказания провозглашены административным трибуналом, не стеснявшим себя никакими юридическими формальностями, даже в отсутствии обвиняемых, которые были совершенно лишены права защиты. Профессора восседали в этом трибунале рядом с полицейскими и солдатами. Нам кажется, что университеты всего мира должны заявить во всеуслышание, что они отказываются от всякой солидарности с такими коллегами».

Студенческое движение неизменно сопровождалось многочисленными арестами, высылками, избиениями. Это породило своеобразную нелегальную литературу. Мы говорим о журналах, издававшихся в тюрьмах. Все они являются настоящими уникам, ибо тираж их никогда не превышал двух экземпляров. Чаще всего эти журналы выходили всего в одном экземляре. По своему содержанию эти журналы могут быть названы литературно-художественными и политическими. Сохранилось даже чисто художественное приложение к одному из бутырских журналов, полное иллюстраций. Из сохранившихся экземпляров в архиве представлен ряд журналов, издававшихся студенчеством в московских Бутырках. Первый из них — «Гражданин» № 2, — судя по передовой, вышел в феврале 1902 г. В журнале имеется несколько очерков, оригинальных стихотворений и один перевод из Гейне: «Мы долго шли вместе дорогой одной». Авторских подписей под произведениями, как правило, не бывало. Лишь изредка попадается псевдоним, инициалы, а то просто кличка, возможно партийная. Так стихи «Мы не знаем счастья, мы не знаем света» подписаны «Балевич».

Другой журнал — «Бутырский Вестник» — был большего размера, содержательней и выходил чаще. Судя по титулу, в 1902 г. он издавался уже второй год. В архиве сохранилось восемь номеров журнала — 7-й, 8-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й — и одно приложение — «Художественный отдел Бутырского Вестника за 1902 г.».

Составлялся «Бутырский Вестник» по обычному плану тюремного журнала. Часть номера заполнялась передовой политической статьей. На остальных страницах «печатались» очерки, рассказы, стихи бутырских поэтов и писателей. В конце обыкновенно давалась тюремная хроника. Иногда содержание менялось. Появлялись сведения с воли, хроника студенческой жизни. А в № 10 «Бутырского Вестника» даже напечатана маленькая пьеса Бутыренко из студенческой жизни «Совершенно невероятное событие» (фантазия в одном действии), посвященная студенческим беспорядкам. Героями этой своеобразной пьесы являются суб-инспектор, околоточный, городовой, студент-антиобструкционист, педеля, сторожа, полиция. Из журнала не видно, была ли сделана в Бутырках попытка поставить эту пьесу.

Наиболее плодовитым поэтом «Бутырского Вестника» был Сладкопевцев, стихи которого имеются во всех сохранившихся номерах.

«Бутырские Ведомости — журнал политики, науки и литературы» издавался также в 1902 г. Сохранилось этого журнала четыре номера — 2-й, 3-й, 4-й и 6-й. Содержа-

ние «Бутырских Ведомостей» несколько беднее «Вестника». Особенно это относится к литературно-художественным произведениям.

Оба журнала по своему направлению были типично студенческими, лишенными какой бы то ни было политической идеологии. То была литература беспартийной революционной молодежи. В феврале 1902 г. в Бутырках группа студентов-марксистов приступила к изданию социал-демократического журнала «Свободное Слово». До нас дошел только один экземпляр второго номера. В статье «От редакции» прямо говорится, что «во главе революционного движения в России стоит с.-д.». В статье Бутырца «Об интернационализме и космополитизме» дана довольно правильная оценка позиций рабочего класса в борьбе за Интернационал. Заканчивается статья лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Довольно хорошо составлялся литературно-художественный отдел журнала. Обращает на себя внимание стихотворение Одинокого «Утес» и эскиз неизвестного автора «В лесной чаще».

НАРОДОВОЛЕЦ Н. Е. СУХАНОВ

Архив В. И. Семевского в Библиотеке Коммунистической Академии

В журнале имеется даже библиографический отдел. Из него мы узнаем о существовании в Бутырках «Вестника курсисток» (отзыв дан о №№ 3 и 5, но этих номеров в архиве не оказалось). Из имеющегося № 2 «Вестника курсисток» видно, что журнал этот возник вследствие несколько своеобразного отношения части студенчества к вопросу о женском равноправии.

Кроме журналов в архиве хранится много литературных произведений заключенных в Бутырках студентов, видимо ходившие по рукам в списках. Также имеется и часть

редакционных материалов этих журналов, главным образом авторских оригиналов. Имеются даже две пачки документов редактора и секретаря.

Издавались журналы в виде обычной тетради. Только «Гражданин» имеет совсем маленький формат. Нелегальное литературно-художественное издательство студенчества не ограничилось одними тюремными выпусками. В архиве хранятся образцы других подпольных литературных студенческих изданий. Среди них обращает на себя внимание брошюра М. Горького «Перед лицом жизни», «Разрушенный мол» Г. Гершуни (ошибочно это произведение издано под именем Горького), анонимный очерк «Реформа Ванновского», лишь частично сохранившийся сборник, в котором помещена поэма Мечтателя «Ночная сказка», очерк Антона Горемыки «Жизнь и искусство», стихи Мечтателя «Я помню, осень наступала» и его же этюд «Бессонною ночью».

Любопытен очерк без заглавия, изданный отдельной брошюрой на гектографе в Харькове группой «Непримиримых» в 1901 г., живо рисующий события в Харьковском университете 27 ноября 1901 г.

Все эти литературно-художественные произведения выходили максимум в нескольких десятках экземпляров. Само собой разумеется, что ныне они представляют собой исключительную библиографическую редкость.

Архив Семевского при всем своем богатстве еще не дает исчерпывающего списка нелегальных литературных изданий студенчества. Но без этого архива не обойдется ни один исследователь студенческого движения той эпохи. А писатель, который вздумал бы дать художественное произведение из тогдашней студенческой жизни, в этом разделе архива найдет для себя богатейший, а главное исторически точный материал.

Большое значение для истории литературы, литературной общественности и вообще общественного движения имеет богатейшее собрание писем, хранящихся в архиве. Письма эти лишь в одной части были адресованы лично В. И. Семевскому. Другая часть состоит из писем, адресованных другим общественным деятелям, писателям, ученым. Все они видимо были переданы В. И. Семевскому для использования. Наконец в архиве имеется много писем, принадлежащих редакциям газет «Русские Ведомости», «Русское Слово» и журналам «Русская Мысль», «Голос Минувшего», «Русская Старина». Вся эта обширная переписка лишь в незначительной части подверглась обработке. В настоящих условиях конечно трудно установить, какая именно часть известна в литературе.

По содержанию своему письма относятся главным образом к вопросам литературы, науки, общественного движения, но есть очень много писем частного, личного характера. Авторами последних являются лица неизвестные, или мало известные, хотя и здесь следует сделать исключение для таких собраний писем, как переписка Н. С. Тургенева со своей женой Анной Яковлевной за 1848—1856 гг. и обширное собрание писем семейства Белоголовых. Само собой разумеется, что для историка быта и нравов прошлого эти собрания представляют несомненную ценность.

Что касается до основного собрания писем, то оно положительно изобилует именами. Здесь мы встречаем письма Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко, М. Горького, Л. Андреева, Г. И. Успенского, Мамина-Сибиряка, Григоровича, Писемского, М. Н. Покровского, Н. Котляревского, Е. Колосова, В. Кранихфельда, Н. К. Михайловского, Лаппо-Данилевского, Бильбасова, М. Гершензона, М. Гессена, Иванчин-Писарева, А. Веселовского, М. Лемке, Е. Карпова, Н. Парамонова, В. Сторожева, П. Щеголева, Н. Стороженко, С. Венгерова, А. Пругавина, А. Н. Пыпина, Хвощинской, П. Н. Тургенева, Русанова, Рубакина, Пешехонова, Пантелеева, М. Ковалевского, Арсеньева, П. Якубовича, Л. Шишко, И. Репина, В. Богучарского, А. Горнфельда, Н. Каринского, М. Грушевского, А. Лугового, Вс. Миллера, Ф. Батюшкова, А. Коринфского, Д. Клеменца, Ядринцева, П. Кропоткина, Д. Овсянико-Куликовского, Шеллера-Михайлова, О. Португалова, К. Тиандера, М. Чернышевского, Е. Тарасова, П. Якоби, Кавелина, Розенгейма, В. Засодимского, П. Вейнберга, К. Станиславского, В. Качалова, О. Желиховской, Златовратского и очень многих других как покойных, так и здравствующих писателей, публицистов и ученых.

Во многих письмах можно найти какую-либо характерную деталь для данного автора. Вот письмо Леонида Андреева к одному из редакторов «Русского Слова» —

ЗАПИСКА Г. И. УСПЕНСКОГО К В. И. СЕМЕВСКОМУ
Архив В. И. Семевского в Библиотеке Коммунистической Академии

С. В. Яблоновскому, посланное в связи с его отзывом о рассказе Андреева «Красный смех», изданном в разгар русско-японской войны 11 марта 1905 г.:

«Многоуважаемый Сергей Викторович!

Простите, что так не скоро отвечаю. Я бросил курить, и по этой анафемской причине в голове у меня порядочный кавардак, и я весьма похож на одного из своих полуумных героев. Намерения я смешиваю часто с исполнением (хотя это свойство людей скорей нормальных) и был искренне убежден, что давным-давно ответил Вам, когда сегодня совсем неожиданно получил Ваше второе письмо.

Стихи Н. М. Вербова вместе с другими моими бумагами и рукописями находятся у жандармов, и когда я получу их из этой новой редакции — не знаю. Нехай он забудет об их существовании и действует от себя, как ему действовать вообще полагается.

За удовольствие, с каким я прочел Вашу статью о «Кр[асном] смехе», большое Вам спасибо. Вообще критики не особенно порадовали меня отношением своим к этой вещи: при обилии совсем ненужных и иногда даже обидных похвал они обнаружили очень мало вдумчивости, скромности и серьезности. И рассуждают, и хвалят, и бранят только по закону, скучно, холодно, вяло, неинтересно. Точно война их совсем не касается, точно они рассуждают о каком-то пустячном происшествии на планете Марсе. Помню, какой ураган страстей, бурю благородного негодования и смерч возмущенного чувства вызвало дело о подмене рысака — ах, как часто интересы лошадей оказываются людям ближе их собственных!

И особенно приятны и дороги такие редкие исключения, как Ваша статья — видно, что война не является для Вас делом отдаленной планеты. Долой войну, долой самодержавие!

Ваш Леонид Андреев».

А вот письмо И. Наживина Семевскому, рисующее методы творчества Л. Н. Толстого. «Л. Н. Толстой, — пишет Наживин, — поручил мне собрать для него некоторые сведения (которые ему необходимы для одной работы) о положении тех крестьян, которых Екатерина раздаривала своим фаворитам вообще, и гр. Бобринским в частности. «Мне надо знать, кто их сосал раньше, чем они попали в руки любовников Екатерины, и каково вообще было их положение» — так формулировал Л. Н. свое положение».

Многочисленные письма П. Якубовича Семевскому относятся главным образом к разного рода литературным изданиям, в которых Семевский участвовал в качестве редактора или автора. Сюда относятся такие работы, как «Галлерея шлиссельбургских узников».

ОБЛОЖКА ЖУРНАЛА «БУТЫРСКИЙ ВЕСТНИК», ОРГАН АРЕСТОВАННЫХ СТУДЕНТОВ (ЗА БЕСПОРЯДКИ 1901 г.)
Архив В. И. Семевского в Библиотеке Коммунистической Академии

Переписка Короленко с Семевским дает некоторое представление о попытках В. Г. в области исторической литературы.

Семевский особенно был близок с кружком «Русского Богатства». Помимо переписки с Короленко и Якубовичем это видно из писем Михайловского, Анненского, Мякотина, Пешехонова.

25 писем Н. К. Михайловского почти целиком посвящены вопросам печатания произведений разных авторов. Это же является доминирующей темой в 24 письмах Н. Ф. Анненского. Среди последней переписки находится неизвестное письмо Е. Сазонова от 29 августа 1909 г. из Зерентуя и одна телеграмма, несколько вскрывающая отношение «Русского Богатства» к событиям, связанным со смертью Е. Сазонова. Из дела Департамента полиции видно, что кружок «Русского Богатства» находился в те дни в конспиративных связях с Читой и с семьей Сазонова. Среди писем Анненского оказалась телеграмма из Читы на имя Евгении Станюкович следующего содержания: «Чите состояние если узнаю сообщу». Сообщая это Семевскому, Анненский писал, что сообщает эти сведения по просьбе брата Егора. Ясно, что речь идет о состоянии Е. Сазонова.

В письмах Анненского кроме литературно-издательских дел есть много сведений об общественной жизни писателей.

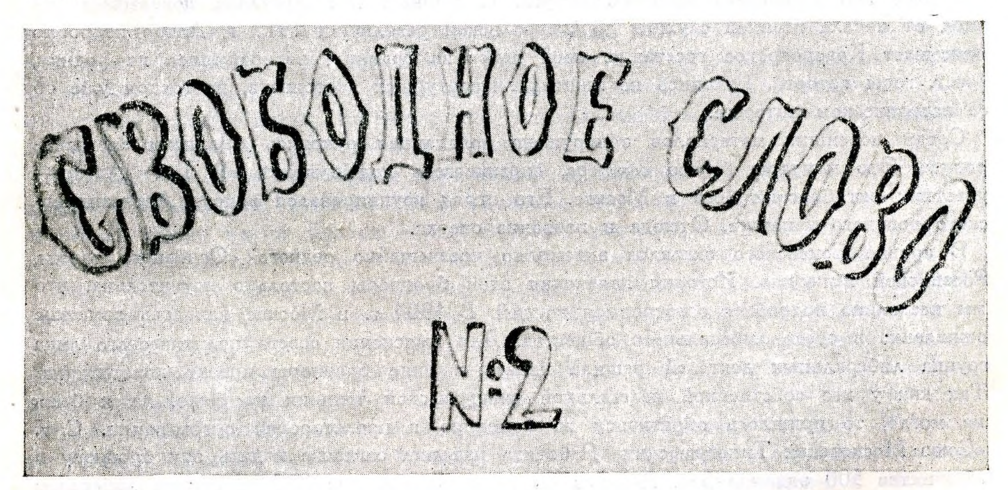
К этой же области литературно-редакторской деятельности относится также 17 писем Яковлева-Богучарского.

Вообще письма писателей Семевскому тесно связаны со всякого рода литературными предприятиями, печатанием новых произведений. По некоторым из них можно установить отдельные важные периоды в жизни того или иного писателя. Так, из письма Мамина-Сибиряка мы узнаем, как началось его литературное творчество: «Могу указать, — пишет он Семевскому, — на рассказ, который послужил для меня образцом первых опытов, — это «Грызуны» Салова. Взял я его потому, что именно эта личная форма — рассказ ведется от лица автора — всего больше подходила к моим уральским материалам».

Или вот К. С. Станиславский в письме к С. В. Яблоновскому излагает свой взгляд на театр: «Вся наша работа в театре не только с артистами, но и с простыми мастерами основана на волевых началах. Задача режиссера: увлечь артиста. Думаю, что это единственный способ всякой работы в области искусства, так как нельзя приказать чувствовать. Поднятая по приказу рука непременно вызовет смех, и поэтому мы больше всего боимся такого рода указаний».

Трудно, почти невозможно в небольшой заметке дать хотя бы приблизительное представление о содержании этого большого архива писем. Укажем лишь, что в большинстве своем они касаются вопросов изданий, сотрудничества в журналах, редакционной работы, взаимоотношений между разными писателями, их материального положения. В некоторых письмах обнаруживается нечто новое для характеристи автора. Возьмем например прославленного идеолога русского буржуазного либерализма К. Д. Кавелина. О нем принято говорить, что лишь в конце жизни он превратился в реакционера. Период этот относят к общей реакции эпохи Александра III. Все это можно прочесть в любой энциклопедии. Между тем это не так. В письме к Семевскому от 12 апреля 1885 г. Кавелин упрекает Чернышевского за то, что тот «без моего согласия и ведома напечатал в «Современнике» отрывки из записки об освобождении крестьян». Факт этот, по словам Кавелина, имел для него большие последствия. Он определил «мою жизнь и судьбу. Надо мной произведено Долгоруким следствие, и я удален от покойного наследника. Придворная гниль на меня рассвирепела и покойный государь выдал меня ей головой». Но, прибавляет Кавелин, «после со мной не раз заигрывали», но тот остался верен себе, «не поступившись ни на иоту». Это писалось незадолго до смерти Кавелина. Из этих слов можно бы понять, что Кавелин в действительности был тем, кем он себя изображает. Но вот вдруг оказывается, что Кавелин в 1864 г. подписал адрес знаменитому Муравьеву-Вешателю, палачу польского восстания 1863 г. Это открытие Бартенев сообщил только Семевскому, которого оно буквально ошеломило. Тот запросил историка Д. Корсакова, знатока Кавелина. Корсаков в своем обширном ответе также прежде всего выразил свое изумление: «Скажу откровенно, — писал он Семевскому, — Ваши вопросы меня просто ошеломили: так не соответствовали они сложившемуся у меня воззрению на «умоначертание» Кавелина. Только по получении Вашего письма я узнал об участии Кавелина в подписи адреса Муравьеву». И в дальнейшем Корсаков на основании фактов и предположений приходит к скорбному выводу «психологической возможности» этого факта. Ясно что реакционер жил рядышком с либералом в груди Кавелина не с конца, а с начала его общественной и литературной деятельности.

Историк революционного движения с большой пользой прочтет обширную переписку Марии Черномордик с Семевским. Черномордик, урожденная Гинсбург, яв-



ОБЛОЖКА СТУДЕНЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «СВОБОДНОЕ СЛОВО»
Архив В. И. Семевского в Библиотеке Коммунистической Академии

ляется сестрой известной революционерки Софьи Гинсбург, трагически погибшей в Шлиссельбурге. В этих письмах очень много ценных биографических данных и даже некоторые детали ее процесса. И опять в очень нехорошем свете выступает известный либеральный юрист, адвокат Андреевский.

Среди документов архива имеется несколько папок, относящихся ко всевозможным литературным конфликтам как между писателями, так и между последними и издателями.

Среди материалов личной биографии В. И. Семевского находятся многочисленные черновики протоколов заседания Кассы взаимопомощи литераторов и правления Литературного фонда. Здесь вся изнанка писательской общественности со всеми ее достоинствами и недостатками. Последними изобилуют документы, относящиеся к управлению Дома писателей.

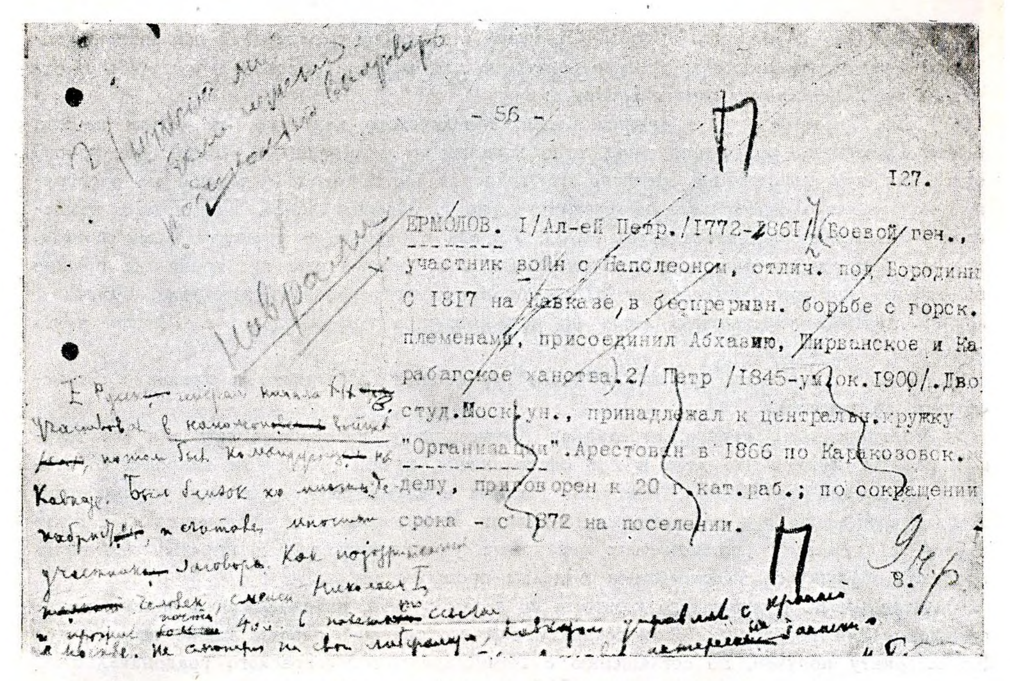
В архиве хранится несколько неизданных литературных произведений, представляющих несомненный интерес. Укажем прежде всего на «Очерки сахалинской жизни» Л. А. Волькенштейн. На титульном листе рукописи кем-то поставлен знак вопроса. Видимо авторство Людмилы Александровны взято под сомнение. Но из содержания очерков видна их принадлежность именно ей. Уже во вступлении автор говорит о себе как о человеке, попавшем на Сахалин «после долголетней изолированности в стенах крепости». Затем дата появления автора на Сахалине — «2 ноября 1827 г.» — точно совпадает с моментом высадки Волькенштейн на этом острове после Шлиссельбурга. И по языку «Очерки» напоминают другие произведения Волькенштейн — «После смертного приговора» и «13 лет в Шлиссельбургской крепости». «Очерки» остались незаконченными, так как Л. А. Волькенштейн была убита во Владивостоке 10 января 1906 г. при расстреле безоружной манифестации.

Другая рукопись бывшего полкового священника, а затем журналиста Петра Введенского представляет собой чрезвычайно интересные воспоминания о революционном движении конца 1905 г. и о восстании во Владивостоке в январе 1906 г. Как видно из писем автора к Семевскому, его рукопись в 1916 г. по совету Н. А. Морозова была переслана в «Голос Минувшего», но по цензурным соображениям до революции напечатана быть не могла. Об этом В. И. сообщил Введенскому в феврале 1916 г. По просьбе автора рукопись была оставлена в архиве Семевского «до лучших времен».

Третья рукопись принадлежит довольно известному участнику революции 1905 и 1917 гг. — офицеру А. И. Кузьмину. В 1905 г. в чине прапорщика он принял участие в декабрьском восстании железнодорожного батальона в Красноярске. Удачно бежав за границу, Кузьмин через несколько лет вернулся в Россию, был арестован и по делу о восстании сослан на каторгу. Освобожденный в феврале 1917 г., Кузьмин примкнул к эсерам и при Керенском в чине капитана одно время был командующим войсками Петроградского военного округа. Обширный том мемуаров показывает период от начала военной службы до Февральской революции 1917 г. Автор подробно описывает Красноярское восстание, свой побег за границу, возвращение на родину, арест, годы каторги. Рукопись не лишена литературных достоинств, не говоря уже об ее историческом интересе.

Среди новейших материалов обнаружена неизданная рукопись «Записки александровца». Это мемуары белого офицера, скрывшегося под буквами «В. Г.». Автор — участник октябрьских боев в Москве. Его отряд группировался вокруг Александровского военного училища. Отсюда и название очерка.

В архиве Семевского оказался экземпляр чрезвычайно редкого «Основного закона Российской империи». История появления этой брошюры настолько поучительна, что мы несколько подробнее остановимся на ней. В 1904 г. в Москве началось заметное оживление в среде либерального общества. Для выяснения своего политического лица группа либеральных деятелей решила издать в виде брошюры проект конституции. Так как у нее собственной нелегальной типографской техники не было, да и быть не могло, то пришлось обратиться за помощью к пролетарской организации. С.-д. «Союз Московских Типографских Рабочих» изъявил согласие издать эту брошюру в количестве 500 экземпляров. Расходы по изданию в сумме 350 р. группа либералов конечно приняла на себя. В условленный срок работа была выполнена. Но тут на-



\- 56 -

127.

ЕРМОЛОВ. 1/Ал-ей Петр./1772-1861/ Боевой ген., участник войн с Наполеоном, отлич. под Бородин. С 1817 на Кавказе, в беспрерывн. борьбе с горск. племенами, присоединил Абхазию, Ширванское и Карабагское ханства. 2/ Петр /1845-ум. ок. 1900/. Двор. студ. Моск. ун., принадлежал к центральн. кружку "Организации". Арестован в 1866 по Каракозовск. делу, приговорен к 20 г. кат. раб.; по сокращении срока - с 1872 на поселении.

РЕДАКТОРСКАЯ ПРАВКА М. Н. ПОКРОВСКОГО
Архив В. И. Семевского в Библиотеке Коммунистической Академии

чались необычайные приключения с «Проектом конституции». Мужественные либералы испугались собственной конспиративной затеи. Воспользовавшись тем, что в нелегальном издании оказалось несколько ничтожных опечаток, они, вместо того чтобы просто оговорить их в конце текста, вообще отказались принять весь заказ. Тогда «Союз Типографских Рабочих» оказался в нелепом положении. Взыскивать произведенные расходы судом по понятным причинам не приходилось. Но платить кому-либо надо было. Пришлось рабочей организации самой распространять эту брошюру, сопроводив ее следующим предисловием: «Настоящее издание «Союз Московских Типографских Рабочих» принужден распространять в силу совершенно непредвиденных нижеследующих обстоятельств. Группа московских конституционалистов около месяца тому назад дала «Союзу Типографских Рабочих» заказ — напечатать в нашей типографии настоящий проект конституции в размере 500 экземпляров без всяких с нашей стороны возражений и поправок; на предварительные расходы мы получили 150 р. и по напечатании должны были получить 200 р. При чем о качестве работы никаких условий не заключалось. Когда заказ своевременно был выполнен, либералы отказались принять его и уплатить деньги, мотивируя тем, что «Основной закон Российской империи» напечатан «устарелым шрифтом» и с опечатками.

Подобный поступок со стороны либеральной организации в связи с недостатком средств в организации (задаток 150 р. пришлось возвращать после того, как он был истрачен) ставит нас в печальную необходимость распространять издание, принципиальное содержание которого не может встретить с нашей стороны сочувствия.

Пусть послужат причины, побудившие нас распространять «Основной закон Российской империи», веским предостережением к его применению во всех подробностях».

Это было действительно веское предостережение для всех революционеров в их отношениях к либерально-буржуазной оппозиции. Жаль только, что не всегда подобные предостережения имели реальные последствия.

Среди документов последнего периода оказалось в подлинниках все дело «Комиссии по разбору архивов», созданной 1 марта 1917 г. Помимо протоколов заседания этой комиссии в папке оказалась интересная переписка между этой комиссией и «Комиссариатом по регистрации произведений печати в Москве». Комиссия по разбору архи-

вов обратилась 18 мая в Комиссариат печати с просьбой передать ей все архивы цензурного ведомства, имеющие большое значение для истории русской литературы. В ответ на это Комиссариат печати сообщил:

«1) Все дела, бумаги и архивы бывш. Московского комитета по делам печати, бывш. Инспекции по надзору над типографиями и литографиями, бывш. цензурного отделения при канцелярии Московского градоначальства были переданы по распоряжению комиссара Временного правительства по г. Москве Н. М. Кишкина и комиссара Московского градоначальства П. П. Лидова в ведение и хранение Комиссариата, под его ответственностью, при чем принимались от учреждений, где хранились прежде по описям, поэтому Комиссариат считает возможным передавать эти дела, бумаги и архивы другому учреждению лишь по распоряжению комиссара по г. Москве и по описям,

2) Особых секретных архивов в числе переданных в ведение и хранение Комиссариата не имеется.

3) Большая часть архива, переданная Комиссариату, необходима ему для его текущей работы, потому что дела в них расположены, и при различных запросах со стороны комиссара по Москве, Книжной Палаты в Петрограде, судебных установлений и др. учреждений как в период организации Комиссариата и увольнения за штат членов и служащих упраздняемых цензурных учреждений, так и впредь постоянно придется обращаться за справками к делам прошлых лет.

4) Дела бывш. Московского комитета по делам печати, находящиеся в архиве, в настоящее время необходимы Комиссариату для его текущей работы также потому, что Комассариату поручен, по соглашению с Комиссариатом Московского градоначальства, разбор конфискованных до 1 марта 1917 г. изданий для возвращения их владельцам или передачи (согласно с телеграммой за министра внутренних дел Д. М. Щепкина) в распоряжение Совета Рабочих Депутатов, для чего необходимы справки с делами прошлых лет, относительно изданий, судебное производство по которым еще не закончено (начиная с 1905 г.).

5) Что касается архивов бывш. Рижского и Варшавского комитетов по делам печати, то таковые в настоящее время сдаются Комиссариату по описи представителя названных учреждений и после сдачи могут быть немедленно переданы в Исторический Музей; архив же старых дел бывш. Инспекции по надзору за типографиями может быть передан в распоряжение Комиссии немедленно.

К сему Комиссариат считает долгом добавить, что комиссар Временного правительства по г. Москве Н. М. Кишкин при личных переговорах с ним 15 мая с. г. В. В. Калаша подтвердил:

1) Что он, Н. М. Кишкин, находит, что архивы тех учреждений, производство дел по которым не закончено, должны оставаться на местах, в ведении учреждений, их заменивших, с правом свободного доступа к архивам представителей Комиссии по разбору архивов.

2) Что архив бывш. Комитета по делам печати относится именно к учреждениям такого рода и потому должен остаться на месте.

Что касается желания Комиссии, выраженного ее представителями, получить для будущего Музея Революции по 1 экземпляру всех конфискованных изданий, то об этом Комиссариатом доведено до сведения Комиссариата Градоначальства, при котором конфискованные издания хранятся, с просьбой удерживать при выдаче изданий владельцам по 1 экземпляру для надобностей Комиссии». Под этим творчеством только что оперившихся бюрократов революционного происхождения стоят подписи: «Председатель Комиссариата Валерий Брюсов. Секретарь Комиссариата Вл. Калаш». Благодушие Комиссариата может навести на мысль о благополучном состоянии цензурных архивов. Действительность была очень далека от этого. В заседании Комиссии по разбору архивов 10 июня «В. В. Калаш официально заявил об ужасающем положении цензурных архивов 20-х и 30-х годов, где почти из миллиона томов совершенно уничтожено сто тысяч». Любопытно, какова же судьба этих архивов ныне? Из этих документов видно, что богатейшие архивы в те годы находились не только без при-

Многоуважаемый

Сергей Викторович!

Простите, что так нескоро отвечаю. [illegible]

[illegible]

Ваш [illegible]

ПИСЬМО ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА К ЖУРНАЛИСТУ С. В. ЯБЛОНОВСКОМУ ОТ 11 МАРТА 1905 г. С ВЫСКАЗЫВАНИЕМ О «КРАСНОМ СМЕХЕ»

Архив В. И. Семевского в Библиотеке Коммунистической Академии

смотра, но порой даже хранились в случайных местах, как это было с архивами цензурных комитетов Варшавы и Риги, хранившихся «в доме Франка, кв. 4».

В нашей заметке мы касались преимущественно материалов, относящихся главным образом к области литературы. Но помимо них в архиве хранится очень большое количество документов и материалов по вопросам истории России и русской общественности. Здесь следует отметить то огромное внимание, которое Семевский уделял декабристам и петрашевцам. Хотя в своих работах о декабристах Семевский многое использовал из собранного, но это конечно не все. Укажем хотя бы на подлинные письма Муравьева, Завалишина, Ивашева, Кюхельбекера, Штейнгеля, Бестужева и др. Часть материалов о декабристах (подлинники) ныне изъята из архива Семевского и находится в распоряжении Центрархива.

После долгих хлопот Семевскому было разрешено работать в царских архивах эпохи Александра I и Николая I. Многочисленные копии с дел декабристов и петрашевцев являются результатом его упорной работы.

В архиве имеется значительное количество дневников лиц мало известных, относящихся преимущественно к каким-либо крупным историческим эпохам. Несколько дневников посвящены войнам — русско-японской и империалистической. Среди этого материала следует остановиться на дневниках А. Шуберт, относящихся к 1914—1917 гг. Автор была близка и к правительственным сферам. К рукописи приложены многочисленные военные сувениры: фотографии, марки, открытки — все, чем столь энергично одурманивалась в те годы человеческая мысль. Вся эта коллекция очень характерна для изучения методов пропаганды милитаризма. Заканчивается дневник Февральской революцией.

В заключение отметим, что архивом Семевского уже пользовались многие писатели для своих работ. Г. И. Чулков использовал его для своей работы о петрашевцах. М. В. Нечкина использовала архив при своей работе о Ключевском (во II томе издания «Русская историческая литература»). Целиком на материале архива Семевского Б. П. Козьминым сделана книга «С. В. Зубатов и его корреспонденты». Семевский и Мельгунов тщательно собирали материал о деятельности Зубатова. Во время своего пребывания в Петербурге в 1906 г. и в последующие годы из-за границы В. Л. Бурцев находился в переписке с Зубатовым. Каким-то образом эта переписка целиком попала к Семевскому. Возможно, что она была передана ему обоими авторами, тем более, что помимо этой переписки в руках Семевского и Мельгунова оказались письма многих других деятелей охраны, адресованные Зубатову. Судя по тому, что здесь имеются письма Зволянского, Ратаева, Лопухина, Климовича, Медникова, Бакая к Зубатову, надо полагать, что в архив Семевского попала и часть архива Зубатова. Все эти весьма интересные документы собраны были владельцами архива в отдельную папку № А-222. Весь этот материал и вошел в книгу Б. П. Козьмина «С. В. Зубатов и его корреспонденты». Почему-то Б. П. Козьмин ни единым словом об этом не упоминает, как не упоминает он и о том, что документы ныне хранятся в Библиотеке Коммунистической Академии. Опубликованное в № 4 «Пролетарской Революции» за 1928 г. письмо Н. Е. Федосеева и В. И. Семевскому также взято из этого архива. Автор настоящей заметки пользовался архивом Семевского для своей книги «Духовенство и русская контрреволюция» (М., 1930 г.).

В нашей заметке мы не собираемся дать детального описания архива. Наша задача проще: указать на наиболее ценные документы, хранящиеся в нем. Архив Семевского стоит того, чтобы им заняться детальней и прежде всего приступить к публикации наиболее интересных его частей.

Н. Ростов

БЫЛ ЛИ АРХИВ У Г. А. ЛОПАТИНА

I

Какие могут быть, казалось бы, сомнения в том, был или не был архив у человека с таким огромным кругом деятельности и знакомства, как Г. А. Лопатин? В течение 70 лет своей жизни Г. А. вращался в самых разнообразных общественных кругах, состоял в переписке и в личном общении с крупнейшими людьми своего времени. Всюду, где бы он ни являлся, он привлекал к себе внимание и быстро делался центром как случайных собраний и сборищ людей, так и организованных объединений и, делаясь таким центром, вбирал в себя самые разнообразные наблюдения и впечатления и затем переносил их в свою переписку или в разговоры. Являясь деятельным участником самых разнообразных событий в самых разнообразных концах света, он знал все и всех, и его знали все круги общества — от самых низших до самых высших. И вот могло ли быть, чтобы у такого человека с его стихийным тяготением к людям не сохранилось никакого архива, то-есть собрания тех или других документов, хотя отчасти отражавших все им виденное и пережитое?

Однако сомнения в существовании архива у Г. А. Лопатина действительно высказывались, и притом людьми настолько серьезными и авторитетными, что пройти мимо них никак нельзя. Так например в «Воспоминаниях» М. П. Сажина есть такое место, посвященное архиву Г. А.: «Лопатин уже после Шлиссельбурга говорил моему приятелю, известному Гильому, что у него сохранился весь его архив и что там между прочим имеются документы, касающиеся Бакунина. Но когда Гильом попросил их осмотреть, то Лопатин отказался показать, потому что архив не нашелся» (подчеркнуто мною. — *М. Г.)*.

Как бы ни толковать это примечание, сделанное на ходу и бегло, впечатление получается такое, будто архива у Г. А. совсем не было, или во всяком случае, если и был раньше, то теперь «не нашелся». Если же такой крупный и хорошо осведомленный человек, как М. П. Сажин, почему-то сомневается в наличности архива у Лопатина, то не в праве ли мы в самом деле поставить вопрос: точно ли был у Г. А. такой архив?

По личным встречам с Г. А., по разговорам с ним, по разным наблюдениям над его жизнью, а также по некоторым его письмам я имею некоторые данные для более или менее обоснованного ответа на этот вопрос.

Установим сначала некоторые даты более важного характера. Я встретился впервые с Г. А. Лопатиным вскоре после его приезда за границу, в августе 1908 г., на одной из партийных конференций в Лондоне, где он, а также М. Ф. Фроленко, присутствовали как почетные гости. Здесь я с ним и познакомился. В это время сам Г. А. считал свой архив бесследно потерянным. Как это произошло, он рассказывал неоднократно. Из его рассказов такого рода прекрасно помню следующие детали.

Когда Г. А. в 1883 г. выехал в Россию для восстановления организации «Народной Воли», он взял с собой целый ряд бумаг, которые хотел сохранить. Конечно он не предполагал перевезти их с собою в Россию, а думал лишь поместить их на хранение где-нибудь ближе к границе. Местом для хранения своего архива он выбрал Швецию и все свои бумаги, имеющие общественное значение, оставил там у Брантинга, тогда еще молодого социалиста, впоследствии известного лидера шведских социал-демократов, не так давно умершего.

В октябре 1884 г. Г. А. был арестован, не успевши конечно дать Брантингу никаких распоряжений относительно своего архива. Затем началось для него 20-летнее

заключение (1884—1905) сначала в Петропавловской крепости, а потом в Шлиссельбурге. За все это время Г. А. разумеется ничего не знал о судьбе своих бумаг, оставленных у Брантинга. Он был однако вполне уверен, что они находятся в надежных руках и что им не грозят никакие случайности.

Так шло вплоть до освобождения его из Шлиссельбурга в октябре 1905 г. Но как только Г. А. вышел на волю, он тотчас же сделал попытку списаться с Брантингом и запросил его о судьбе своего архива. Брантинг ответил ему немедленно. Но ответ его оказался не особенно благоприятным. Брантинг после ареста Г. А. и осуждения его на бессрочное заключение не счел себя в праве оставлять на свою ответственность Лопатинский архив и вскоре после осуждения Г. А., не думая, что они когда-нибудь встретятся, отослал все бумаги, оставленные у него на хранение, в Париж П. Л. Лаврову, зная, в каких отношениях он находился с Лопатиным.

Получив такую справку от Брантинга, Г. А. предпринял, что вполне естественно, попытку выяснить, в чьих руках находится архив Лаврова после его смерти и нет ли в нем его бумаг. Я не знаю в точности, к кому он обращался с этими запросами, но в то время, когда он был еще в России, там находился такой близкий Лаврову человек, как Н. С. Русанов, а также, если не ошибаюсь, и дочь Петра Лавровича М. П. Негрескул. От них или от кого другого, но только Г. А. получил совершенно определенное заверение, что в архиве Лаврова никаких его бумаг и документов в свое время найдено не было. Это привело Г. А. к печальному для него убеждению, что архив его затерялся. С этой мыслью он и приехал за границу в 1908 г. незадолго до той конференции, на которой я с ним встретился.

После лондонской конференции Г. А. остался за границей.

Как-то раз, будучи в Париже, Г. А. зашел к известному народнику 70-х годов Л. Э. Шишко, который незадолго перед этим переехал из Женевы в Париж и занимался между прочим разборкой бумаг Лаврова. Там он обратил внимание на какие-то бумаги, писанные рукой Лаврова и оказавшиеся при ближайшем рассмотрении письмами самого Петра Лавровича к Г. А. Лопатину. Как они попали туда, Л. Э. Шишко не знал.

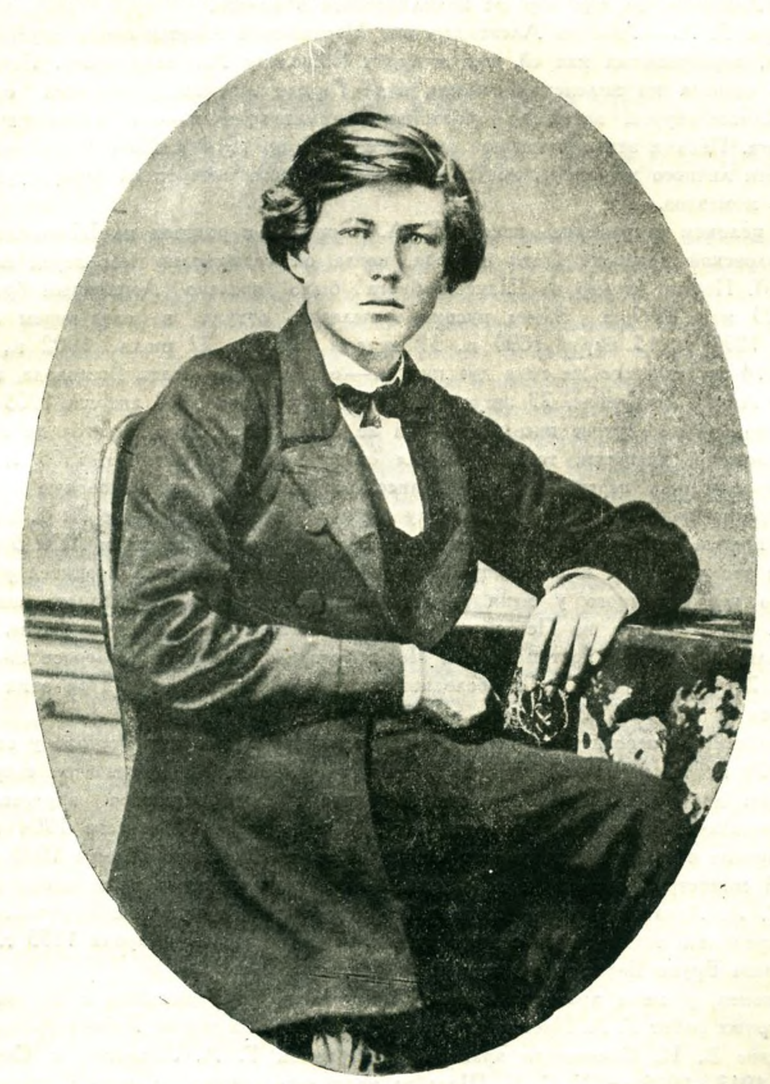
Эта находка и навела Г. А., как только он узнал о ней, на след его архива. Письма, найденные Л. Э. Шишко, были теми самыми, которые столько лет назад Г. А. лично передал среди других своих бумаг на сохранение Брантингу. Присутствие их в сундуках Лаврова давало основание предполагать, что и остальная часть его архива должна быть, или по крайней мере может быть где-то тут же. Это предположение оказалось вполне правильным. Когда Г. А., увидев, что он напал на след своего архива, стал тщательно пересматривать Лавровские сундуки, то вскоре же нашел на дне их большие пакеты, особо свернутые. Это и был его архив.

Некоторый свет на дальнейшую судьбу Лопатинского архива проливает еще одно мое свидание с Г. А., состоявшееся перед его возвращением в Россию в 1913 г. На этом свидании Г. А. объяснил, что он пересмотрел не только старый, а весь свой наличный архив. Он отобрал из этого архива все, что ему казалось имевшим чисто личное значение, и потом, запаковавши все им отобранное в два большие мешка, выехал на лодке с этим багажом на средину залива около Специи и все это утопил на дне морском.

Однако кроме уничтоженного таким образом осталась у него еще другая часть архива, имевшая не личное, а большое общественное значение. В этой части находились например документы о Бакунине и Нечаеве, о чем он говорил неоднократно. Я не мог разумеется не спросить его и об этой части: что думает он сделать с нею, хотя собственно предугадывал уже заранее, что он ответит.

Дело в том, что Г. А. с братом приехали к нам с двумя громоздкими чемоданами, до краев чем-то набитыми. Из дальнейшего разговора с ним мне стало ясно, что это и есть сохраненная им часть его архива. Из Италии Г. А. направлялся не прямо за границу, а сначала в Париж, а затем в Лондон. Повидимому он предполагал там сдать кому-нибудь на хранение свой багаж, как он сдавал его когда-то Брантингу, направляясь в ту же Россию, хотя совсем при других обстоятельствах.

Решает или нет все рассказанное мной сколько-нибудь определенно вопрос, был или не был архив Г. А. Лопатина? Я позволю себе сказать, что вопрос этот тем, что выше сказано, решается вполне определенно: архив у Г. А. был. Там между прочим должны находиться документы, относящиеся к знакомству Лопатина с Марксом и к конфликту Маркса с Бакуниным. Другое дело, где этот архив может быть теперь.



ГЕРМАН ЛОПАТИН В МОЛОДОСТИ
Фотография 1860-х гг.
Собрание Н. Ростова, Москва

Вскоре после того, как Г. А. возвратился в Россию, началась война, а потом грянула революция. Умер же Лопатин в 1918 г., в самый разгар блокады. Правда, после него остался брат его Всеволод Александрович, который более, чем кто другой, мог быть посвящен во все его интимные дела, по крайней мере «архивного характера. Но теперь, вот уже несколько лет, как скончался и он. Затем другое: мало ли у нас бывало случаев, когда терялись без следа целые хранилища документов, а потом вдруг находились? Именно в последние годы мы видели несколько таких примеров. Почему же не могло бы это случиться с архивом Г. А. Лопатина?

М. Горбунов.

II

Не касаясь по существу вопроса о гибели архива Г. А. Лопатина, я лишь вкратце сообщу о том, какие рукописные материалы сохранились после Германа Александровича по тем сведениям, которыми располагаю. Относятся они главным образом к письмам Лопатина, до сих пор не появлявшимся в печати.

У сестры Г. А. — Любови Александровны Мартыновой имеется около двухсот писем Лопатина, адресованных как ей, так и брату Всеволоду Александровичу. Письма эти писались сначала из виленской ссылки, куда Герман Александрович был отправлен после Шлиссельбурга, затем из заграничной эмиграции и — по возвращении — из Петербурга. Письма эти охватывают период с 1906 по 1918 г. По содержанию своему письма эти личного характера, но содержат очень много интересных литературно-общественных моментов.

Почти целиком сохранились письма Г. А. Лопатина к родным из Шлиссельбурга и Петропавловской крепости (того периода, когда он содержался там перед высылкой в Вильно). Первое письмо из Шлиссельбурга было послано Лопатиным брату Всеволоду 23 мая 1897 г. Затем письма посылались оттуда в следующем порядке: 9 марта 1898 г., 15 марта 1899 г., 31 января 1900 г., 22 июля 1902 г., 1 мая 1903 г., 14 августа того же года два письма — одно на имя брата Всеволода, а другое его жене Лидии Яковлевне, 23 августа 1904 г., 7 февраля и 18 августа 1905 г. Возможно, что были и другие письма, но они не сохранились. Что касается до писем из Петропавловской крепости, то они не все сохранились. В октябре 1905 г. Герман Александрович был переведен из Шлиссельбурга в Петропавловскую крепость. 29 октября он написал брату Всеволоду первое письмо, отметив его № 1. Второго и третьего письма не сохранилось. Имеется только № 4 от 5 ноября и №№ 5 и 6 без дат. При этом № 5 не имеет конца. Вся эта тюремная переписка хранится у меня.

Помимо перечисленного у меня имеется еще следующее: восемнадцать юношеских писем Г. А. Лопатина из Петербурга старшей сестре Ольге Александровне. Письма эти писались Г. А. по поступлении в Петербургский университет. Первое письмо датировано 27 февраля 1862 г., а последнее 6 декабря того же года. При этих письмах сохранился и портрет Г. А. того времени.

Из позднейшей переписки у меня имеется три письма к брату Всеволоду от 27 ноября 1906 г., 17 января 1915 г. и 26 августа 1918 г. Из документов сохранилось следующее: два заявления Всеволода Лопатина на имя министра внутренних дел кн. Святополк-Мирского о применении к Г. А. манифеста 11 августа 1904 г., такое же обращение в первый департамент Сената и ответ Сената от 20 мая 1905 г., адресованный министру внутренних дел; указ Сената лифляндскому губернатору о разрешении Г. А. Лопатину отбыть оставшийся срок ссылки в пределах Европейской России. Сохранилась также копия с заявления Г. А. Лопатина от февраля 1893 г. о судьбе его сына Бруно Барта и его матери Зинаиды Корали.

И, наконец, у меня хранится письмо Лопатина к Ф. Батюшкову (с перечнем всех литературных работ Г. А. Письмо это написано в ответ на запрос Литературного фонда.

В архиве В. И. Семевского хранится семь писем Г. А. Лопатина к Семевскому периода 1913—1915 гг. У С. Я. Штрайха хранились оригиналы восьми стихотворений Г. А. Лопатина и несколько писем, адресованных Штрайху. У А. В. Геккер, вдовы журналиста Н. Л. Геккера, в Одессе хранится довольно много писем Г. А. Лопатина, писанных в период с 1906 по 1918 г.

В архиве Департамента полиции хранится записка Г. А. Лопатина в редакцию «Русского Слова» с приложением его заметки о деле В. Л. Бурцева. Письмо это было послано из Петрограда 7 марта 1915 г. и тогда же задержано начальником Московского охранного отделения полковником Мартыновым.

В литературе не раз высказывалось мнение, будто Г. А. Лопатин никогда не писал свои воспоминания. Это не совсем точно. В письме на имя Ф. Батюшкова в 1912 г., в ответ на вопрос последнего — что Вы пишете в настоящее время — Г. А. отвечал: «В настоящее время работаю над своими мемуарами». Где эта рукопись ныне?

Н. Ростов.

РУКОПИСИ ИЗ АРХИВА Н. ФЛЕРОВСКОГО (В. В. БЕРВИ)

Собирая материалы для книги «По историческим памятникам и могилам», я давно уже задался целью разыскать могилу автора «Положения рабочего класса в России» Н. Флеровского и собрать материалы о последних годах жизни его у нас на юге. Путеводной нитью в моих розысках служило примечание редакции «Голоса Минувшего» к «Воспоминаниям» В. В. Берви, которые начали печататься в журнале в 1915 г.: конец примечания гласил, что автор «проживает в настоящее время в Юзовке, Екатеринославской губернии». В год смерти Флеровского-Берви (22 сентября 1918 г.) Юзовка (теперь Сталино) была отрезана от Днепропетровска (тогда Екатеринослава): ее занимали донские казаки, вешавшие рабочих массами. Но смутные слухи о смерти Флеровского в Екатеринослав проникли. Слышал я кое-что о сыне Флеровского, у которого он доживал свою долгую жизнь.

Отзывы Маркса о Флеровском, опубликованные за последние годы, столетний юбилей со дня рождения его ускорили мои намерения, и я использовал свой отпуск, чтобы 29 августа отправиться в Юзовку-Сталино. 30 утром я был в одном из центров Донбасса. Уже по дороге в город я узнал, что центральное городское кладбище за время гражданской войны подверглось разгрому и превратилось в место для уличной проституции. Сталинский комунхоз мудро рассудил, решив превратить кладбище в парк, и приступил уже к работе... Вместе с тем я узнал, что в Сталино и сейчас проживает сын Флеровского Ф. В. Берви, беспрерывно работающий среди рабочих как врач и необычайно популярный среди них.

Это навело меня на мысль об архиве. И вторым вопросом, который я задал Ф. В. Берви, к которому я в 7 час. утра направился (первый был о могиле), был вопрос об архиве Флеровского.

Данные, сообщенные мне сыном Флеровского, были самого невеселого свойства. Кладбище давным-давно сделалось объектом разгрома для хулиганов. Поставить памятник при таких условиях было бы бессмыслицей. Сейчас на кладбище идут работы по превращению его в парк. Значительное число могил срыто. О могиле Флеровского Ф. В. Берви возбуждено ходатайство о переносе тела на другое кладбище.

Что касается архива, в частности рукописей самого Флеровского, то он в известной мере пострадал. Переезжая из-за границы в Россию, Флеровский имел возможность привезти только часть своего архива. Сначала он поселился у сына в Юзовке и вел более или менее регулярную и спокойную жизнь. Получив от Литературного фонда пенсию (кажется в 1904 г.), он вместе с женой начал переезжать из города в город, перевозя с собой свой скарб, в том числе и рукописи. Это конечно отразилось на состоянии его архива.

В 1905 г. жене Флеровского удалось связаться с издательством Сытина и сговориться об издании нескольких работ мужа. Работы эти, вновь проредактированные, были отправлены в Москву. Здесь они хранились в том самом помещении типографии Сытина, которая была разгромлена в декабре Дубасовым. Погибли и работы Флеровского...

Флеровский с женой, поскитавшись по разным городам, главным образом Кавказа, вернулся опять к сыну в Юзовку-Сталино, где и умер в сентябре 1918 г.

Смерть Флеровского произвела сильное впечатление на его жену. Необычайно преданная ему всю жизнь, она перенесла свою преданность после его смерги на его рукописи. Но преданность эта приняла форму психоза. Она боялась, как бы ее не обокрали родные. Она часть рукописей отдавала знакомым женщинам на хранение тайно от сына.

В 1921 г. (или в начале 1922 г.) покойный В. О. Аптекман обратился с письмом к Ф. В. Берви, в котором сообщал, что пишет биографию Флеровского и просит прислать материалы, оставшиеся после него. Флеровская согласилась. Транспорт был тогда еще расстроен. Берви обратился к зав. Сталинским Наробразом с просьбой взять на себя пересылку архива Флеровского. Тот любезно согласился. Но позже выяснилось, что архив в Москву не был переотправлен. Из Наробраза его передали для пересылки в Чека (надеялись, что таким путем он вернее дойдет до Москвы). Тут в суматохе про него забыли, и сын Флеровского нашел его в одном из шкапов.

Мне приходится обо всем длинно писать, так как все эти обстоятельства отразились на состоянии архива.

Наибольшую ценность в коллекции имеет рукопись «Азбука социальных наук» на немецком языке (около тысячи страниц). Но сохранились более или менее только первые две части. Почти целым остался печатный экземпляр немецкого издания «Азбуки» (Лейпцигское издание 1898 г., 606 страниц) с редакционными поправками рукою Флеровского (он очевидно подготовлял книгу ко второму изданию). Затем имеется свыше 200 страниц, относящихся к той же «Азбуке» на русском языке, статья «Начало современной цивилизации» (последняя только частью написана рукою Флеровского, остальное — рукой его жены).

Среди остального материала (печатные статьи Н. Флеровского под псевдонимом «Васильева», «В.», записочки его, когда он ослеп, выписка его из духовного завещания, 80 писем (Короленко, Пругавина, Венгерова, Никифорова, Свешниковой, Стасовой, Л. Синегуб, Л. Пантелеева, О. Богомолец, Малиновского и пр.), проливающие свет на личную жизнь Флеровского. Много рукописей жены Флеровского (Жемчужиной-Берви), часть из которых помещена в дополнение к «Воспоминаниям» его в «Голосе Минувшего». Мемуары эти дают много материала для характеристики русской жизни 40—70-х годов и полной тревоги жизни самого Флеровского.

Я нашел также коллекцию фотографических карточек Флеровского и ленту, возложенную на гроб Флеровского сталинскими рабочими.

Мое сообщение страдает несомненно неточностями, так как я бывал в Сталино только наездами и не имел возможности изучить коллекцию, которая сдана мною, по соглашению с сыном Флеровского и органами Истпрофа, в Институт Маркса-Энгельса-Ленина

Г. Новополин

В ИНСТИТУТЕ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА

СОЧИНЕНИЯ ЛЕНИНА, т. XXIX

(Письма Ленина 1911—1922 гг.)

Институтом Маркса-Энгельса-Ленина выпущен в свет XXIX том сочинений Ленина, заключающий в себе письма, телеграммы и записки Ленина за время с 3 февраля 1911 г. по 6 октября 1922 г. Том этот охватывает вторую половину деятельности В. И. Ленина, начиная с нового подъема рабочего движения, наступившего после периода политической и общественной реакции 1907—1910 гг. и кончая эпохой строительства социалистического общества.

Весь собранный в этом томе материал расположен в хронологическом порядке и разбит на четыре основных раздела: 1) Период подъема рабочего движения (1911—1914 гг.); 2) Эпоха империалистической войны (1914—1917 гг.); 3) Период Февральско-мартовской революции и подготовки Октября и 4) Советский период. Даем обзор содержания этого тома на основе предисловий, предпосланных каждому разделу тома, и детального ознакомления с материалом, представляющим огромный интерес.

I

Первый раздел тома—период нового подъема рабочего движения в России — содержит 62 письма, охватывающих промежуток времени с 3 февраля 1911 г. по 31 июля 1914 г. и дающих богатый материал для характеристики этого периода. Будучи тесно связанными по своему содержанию с непрерывным ростом революционной активности рабочих масс, начавшимся в конце 1910 г. в условиях политической и общественной реакции и достигшим в 1912—1914 гг. наивысшего подъема, письма этого периода ярко отражают новый этап в развитии классовой борьбы в России и новый период деятельности партии, проведшей успешную борьбу за овладение и руководство широким массовым рабочим движением в обстановке развития и укрепления деятельности подпольных партийных организаций и использования наряду с этим легальных возможностей. Борьба за революционную партию против меньшевиков-ликвидаторов, составляющая в этот период одну из главных сторон деятельности Ленина, находит свое отражение и в содержании писем настоящего раздела. Ленин выступает с резкой критикой ликвидаторов, которые вели бешеную борьбу против деятельности подпольных организаций и, настаивая на их уничтожении, проповедывали мирный, эволюционный путь развития рабочего движения. Они ставили крест над нелегальной партией. Отказываясь от революционных методов борьбы, ликвидаторы стремились «использовать» условия «конституционного» режима — легализовать рабочее движение под флагом «открытой рабочей партии» и направить его по пути либерально-буржуазной рабочей политики. Ленин глубоко вскрыл социальные корни ликвидаторства и доказал, что «это не течение внутри партии», как полагали некоторые, «а отход от партии», «явное отречение от партии», и с исключительной энергией отстаивал необходимость решительной борьбы за сохранение революционных организаций рабочего класса, борющегося под руководством центральных органов партии, в **новых** условиях, в условиях, диктующих необходимость сочетания легальных и нелегальных методов борьбы. Ленин резко ставит перед редакцией вопрос о развертывании широкой принципиальной полемики с ликвидаторами «Правды».

И. В. Сталин, приехавший нелегально в Петербург после побега из ссылки, немедленно принялся за выпрямление позиции «Правды», которая после этого с большой решительностью, выдержкой и твердостью ведет борьбу против ликвидаторов, разъясняя рабочим массам сущность двух принципиальных позиций, двух тактик и становится боевым органом партии. «Правда». под руководством И. В. Сталина развернула широкую кампанию во время выборов в IV Государственную Думу по рабочей курии в Петербурге. На первых выборах 5 октября прошло большинство сторонников «Правды», но выборы эти немедленно были кассированы, и «Правде» пришлось начинать борьбу снова... На этот раз из пяти выбранных двое прошли по списку «Правды» и трое по списку ликвидаторов. В статье «Кто победил?», напечатанной в № 146 «Правды» от 18 октября 1912 года, И. В. Сталин, подводя итоги выборам, дал анализ ликвидаторской «победы» как «победы обывательщины над принципиальной позицией, стихийности над сознательностью». В письме в редакцию «Правды» от 2 ноября 1912 года Ленин, ознакомившись с итогами выборов по рабочей курии Петербурга по «Правде» и «Лучу», писал: «Не могу не выразить вам по поводу передовой № 146 приветствия: в момент поражения, нанесенного не социал-демократами (из анализа цифр ясно, что ликвидаторов провели не социал-демократы), редакция сразу взяла правильный, твердый, достойный тон указания на значение принципиальной позиции протеста против «принижения». Время было тяжелое. Борьба трудная. Сделано было почти все возможное, но распад сказался, и беспартийные отдали голоса оппортунистам. Тем настоятельнее сторого принципиальная, настойчивая и упорная работа сплоченного целого... чтобы противодействовать распаду» (Соч., т. XXIX, стр. 76). «Крайне важно,—пишет Ленин,—не обрывать работу изучения выборов, начатую «Правдой», и продолжать ее. Собрать и напечатать голоса всех кандидатов... Собрать и напечатать анкету о том, как голосовали беспартийные, как голосовали, путиловцы, семянниковцы и т. д. по заводам. Только «Правда» может успешно выполнить это важное дело».

В начале февраля 1913 г. В. И. Ленин снова отмечает «громадное улучшение в ведении газеты». 21 февраля (нов. ст.) он пишет редакции «Правды»: «Позвольте прежде всего поздравить вас с громадным улучшением во всем ведении газеты... Поздравить и пожелать дальнейших успехов на этом пути». В этом же письме В. И. Ленин напоминает редакции «Правды», что 1/14 марта исполняется 30 лет со дня смерти К. Маркса. «Надо бы, — пишет он, — издать приложение четыре страницы формата «Правды» с портретом Маркса, большим, с рядом статеек».

Письма В. И. Ленина, адресованные редакции газет «Звезда», «Правда» и журнала «Просвещение», характеризуют Ленина как редактора, руководившего большевистскими легальными изданиями из-за границы. Ленин внимательно следит за деятельностью «Звезды» и «Правды», отмечает их промахи и успехи, дает указания относительно исправления ошибок и улучшения содержания и техники рабочей газеты.

В этом отношении весьма любопытно письмо В. И. Ленина в редакцию «Правды», вызванное следующими обстоятельствами. 11(24) ноября 1912 г. в Базеле открылся Международный социалистический конгресс. Начало его работ не было отмечено «Правдой». Меньшевистский «Луч» посвятил конгрессу статью и кроме того напечатал приветствие, подписанное членами Государственной Думы Чхеидзе, Скобелевым, Чхенкели и Бадаевым. Ленин по этому поводу писал редакции «Правды»: «С крайней печалью увидели мы два промаха в воскресном номере «Правды»: во-первых, нет статейки о Базельском конгрессе; во-вторых, не напечатано приветствие конгрессу Бадаева и др. По первому пункту есть и наша вина, ибо мы статьи не послали. Мы были заняты крайне экстренно-важными делами. Написать такую статью было бы совсем не трудно, а что в воскресенье съезд, редакция «Правды» знала. Второе же упущение целиком лежит на Бадаеве. Совершенно непростительно, что он не заботится о своей газете; что он подписывает что бы то ни было, не неся этого тотчас в свою газету. Рабочая газета в Питере без сотрудничества рабочего депутата от Питера (да еще сторонника «Правды»)—вещь нелепая». В письме к Л. Г. Шкловскому, участнику Базельского конгресса от Р. С.-Д. Р. П., Ленин ставит вопрос об обслуживании «Правды» еще резче. «Неужели,—пи-

шет он,—не ясно было, что в «Правду» надо было писать ежедневно? Неужели трудно было распределить роли? Ни единого письма в «Правду» с мест, а у ликвидаторов несколько в «Луч». Не стыдно это? Конечно, поскольку мы будем спать, а ликвидаторы работать, у них будут дела лучше»... В другом письме, адресованном редакции «Правды», Ленин писал: «Посылаем вам петербургский наказ, который случайно, благодаря очень быстрой оказии из Питера, попал к нам в руки. Непременно поместите этот наказ петербургскому депутату на видном месте крупным шрифтом». Здесь речь идет о «Наказе петербургских рабочих своему рабочему депутату в Государственной Думе», написанном И. В. Сталиным и принятом рабочими на собраниях. «Совершенно недопустимо, — писал Ленин, — что «Луч», искажая наказ, уже говорит о нем и помещает заметки, а «Правда», сторонники которой наказ составили, провели, пустили в ход, молчат о нем... Что же это такое? Неужели рабочая газета может существовать, если она будет с таким пренебрежением относиться к тому, что интересует рабочих... Газета ведь не такая вещь, что читатель почитывает — писатель пописывает. Газета должна сама искать, сама во время находить и своевременно помещать известный материал. Газета должна искать и находить нужные ей связи. А тут вдруг наказ петербургскому депутату, от сторонников «Правды» исходящий, а в «Правде» нет».

Так учил В. И. Ленин делу ведения рабочей газеты.

Три письма Г. В. Плеханову, помещенные в первом разделе, являются отзвуком того периода, когда Плеханов, порвав с меньшевиками-ликвидаторами, тоже повел против них борьбу. На почве этой совместной борьбы с ликвидаторами стало возможным сближение большевиков с Г. В. Плехановым и его группой. Свидетельством такого сближения и служит третье письмо Ленина, приглашающее Плеханова принять участие в чтении лекций по вопросам марксизма и социал-демократического движения на курсах, которые ЦК РСДРП предполагал организовать за границей для членов социал-демократической фракции Государственной Думы.

Однако Ленин решительно подчеркивает наличие между ним и Плехановым существенных принципиальных разногласий по вопросам тактики и высказывается против «формального объединения» с ним. Особенно отрицательно отнесся Ленин к оценке Г. В. Плехановым работ Пражской конференции, объединившей все подпольные организации на ленинской позиции, исключившей ликвидаторов из партии и наметившей методы революционной классовой борьбы на новом этапе ее развития в России, целиком оправданные практикой рабочего движения этих лет. Г. В. Плеханов, отказавшийся от участия в Пражской конференции, совершенно не понял ее роли и значения в деле консолидации революционных марксистских сил и выступил с отрицательной критикой работ конференции и ее решений.

Вторую группу раздела составляют 17 писем А. М. Горькому. Большинство из них посвящено внутрипартийным делам, борьбе с ликвидаторами и участию А. М. Горького в легальных большевистских изданиях.

В одном из писем к А. М. Горькому от 27 мая 1911 г. Ленин решительно высказывается против попытки объединения с меньшевиками и плехановцами «вокруг какого-нибудь органа», предпринятой повиди-

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА ЛЕНИНА К МАКСИМУ ГОРЬКОМУ ОТ 30 СЕНТЯБРЯ 1913 г.

Из иллюстраций к XXIX т. Сочинений Ленина

мому при участии А. М. Горького. «Объединение наше с меньшевиками вроде Мартова, — пишет В. И. Ленин, — абсолютно безнадежно... Ежели мы станем учинять «съезд» для столь безнадежного плана, выйдет один срам (я лично даже на совещание с Мартовым не пойду)... Чтобы избежать разочарований и безнадежной склоки надо, по-моему, быть очень осторожным насчет «объединения». Ей же ей, не объединяться теперь, а размежевываться надо! Если найдется издатель для журнала или газеты, надо заключить с ним договор Вам единолично (или брать с него деньги без договора, ежели можно), а при устройстве «съезда» выйдет каша. Право же, выйдет каша». Ссылаясь на горький опыт 1908—1911 гг., Ленин подчеркивает еще раз, что «объединять теперь невозможно» и при этом приводит как пример участие Плеханова в журнале «Мысль», издававшемся большевиками в 1910—1911 гг. при участии плехановцев. «Плеханов, — пишет В. И. Ленин, — капризничал не раз — недоволен напр. моей статьей о стачках и о Потресове, говоря, что я-де «его» ругал! Уладить, мы уладили, и пока с Плехановым работать можно и должно, но формальные объединения и съезды преждевременны и могут все испортить. Не спешите со съездом!» В этом же письме Ленин отмечает, что «легальные возможности в ближайшем будущем видимо уменьшатся. Надо налечь на нелегальную работу».

Ленин придавал огромное значение участию А. М. Горького в легальной большевистской печати. Он неоднократно подчеркивает это в своих письмах. «Пока мы смогли только раздобыть последние деньжонки на возобновление «Звезды», — писал Ленин А. М. Горькому. — Рассчитываю на Вашу подмогу: пришлите статейку. Подмога особенно важна вначале, ибо налаживать прерванное издание будет нелегко». В другом письме читаем: «Очень и очень рад, что Вы помогаете «Звезде». Трудно нам с ней чортовски — и внутренние и внешние финансовые трудности необъятны, — а все же пока тянем». А. М. Горький поместил в «Звезде» серию очерков под общим заглавием «Сказки». Очерки эти имели крупный успех среди рабочих читателей. И Ленин отмечает этот факт в письме к А. М. Горькому: «Великолепными «Сказками» Вы очень и очень помогали «Звезде», и это меня радовало чрезвычайно». Когда возникла «Правда», естественно, стал вопрос о сотрудничестве в ней А. М. Горького. По этому поводу В. И. Ленин писал ему: «На-днях получил из редакции «Правды» в Питере письмо, в котором они просят меня написать Вам, что чрезвычайно рады бы были постоянному Вашему сотрудничеству. «Хотим-де предложить Горькому 25 коп. за строчку, да боимся, чтобы он не обиделся», — так они мне пишут. По-моему, тут совсем обижаться нечего. О том, чтобы Ваше сотрудничество изменилось под влиянием соображений о гонораре, никто и помышлять не может. Точно так же известно всем, что рабочая «Правда», платящая обычно по 2 коп. за строчку, а еще чаще ничего не платящая, гонорарами вообще привлекать не в состоянии. Но в том, чтобы сотрудники рабочей газеты получали хоть какое ни на есть, а регулярное вознаграждение, нет ничего худого «окроме хорошего»... Таражи теперь 20—25 тысяч. Пора начинать думать о прочной постановке с оплатой труда сотрудников. Что же тут дурного, ежели понемногу все работающие в рабочей газете начнут зарабатывать? И что может быть обидного в этом предложении? Я уверен, что опасения питерской редакции «Правды» совсем неосновательны и что ее предложение Вы иначе, как потоварищески, не встретите. Черкните или им прямо в редакцию пару слов или мне».

В начале мая 1913 г. Ленин, напоминая А. М. Горькому «насчет статейки или рассказа в майскую книжку «Просвещения», писал: «Да... могли бы пойти хорошо дела «Просвещения», а то нет, чорт побери, ни единого выдержанного журнала для рабочих, для социал-демократов, для революционной демократии, все кисляи пошли какие-то поганые».

Письмо это является отзвуком двух предыдущих писем А. М. Горькому (опубликованы в XVI томе Сочинений), свидетельствующих о том, что мысль о «толстом» выдержанном журнале для рабочих сильно занимала в этот период В. И. Ленина, пытавшегося с этой целью реорганизовать, расширить, оживить «Просвещение».

Еще в январе 1913 г. он писал А. М. Горькому: «Вы пишете: «Нам пора иметь свой журнал»... Пока нет денег, надо,

по-моему, не только мечтать, но и строить из наличного, сиречь из «Просвещения»... Ядро литературное есть. Правильность линии подтверждена опытом 12 лет (или даже 20), а опытом последних 6 лет сугубо». В. И. Ленин рекомендует начать собирать силы «вокруг этого ядра, тем самым определяя его детальнее, растя его и расширяя»... «А посему, раз Вы сказали, что «нам пора иметь свой журнал», то позвольпускать только демократическую, без нытья, без ренегатства» (Соч., т. XVI, стр. 327).

В письме, относящемся к началу 1912 г., Ленин пишет Горькому: «Не напишете ли майский листок? Или листовочку в таком же майском духе? Коротенькую «духоподъемную», а? Тряхните стариной — помните 1905 г. — и черкните пару слов, ежели явится охота написать».

ДОМ В ПОРОНИНЕ (ГАЛИЦИЯ), ГДЕ ЛЕНИН ЖИЛ С АВГУСТА 1913 ГОДА ПО АВГУСТ 1914 ГОДА

Из иллюстраций к XXIX т. Сочинений Ленина

те Вас за сии слова притянуть к ответу: либо наметить сейчас план поисков денег для толстого журнала такой-то программы, такой-то редакции, такого-то состава сотрудников, либо начать по сему же плану расширять «Просвещение». А вернее: не либо — либо, а и — и» (Соч., т. XVI. стр. 277). Во второй половине февраля 1913 г. Ленин снова возвращается к этому предмету и набрасывает несколькими штрихами «позицию» будущего «толстого» журнала. «Чрезвычайно меня и всех нас здесь обрадовало,— писал он А. М. Горькому,— что Вы беретесь за «Просвещение»... Вот действительно превосходно будет, если мы помаленьку присоединим беллетристов да двинем «Просвещение». Превосходно! Читатель новый, пролетарский,—сделаем журнал дешевым, беллетристику станете Вы

В этом же разделе помещены два письма, особенно ярко освещающие ту строго принципиальную позицию, которую В. И. Ленин занимал лично и отстаивал в отношении других в печати по вопросу об участии большевиков в небольшевистской прессе. Первое письмо, адресованное В. Б. Станкевичу, является ответом на приглашение редакции «Современника» (выходил в 1914—1915 гг.) принять участие в журнале в качестве его постоянного сотрудника. Ответ В. И. Ленина весьма краток: «Не разделяя в основном изложенной Вами программы Вашего журнала, я должен отказаться от сотрудничества». Второе письмо, адресованное редакции журнала «Заря Поволжья», было найдено в 1924 г. в архиве бывш. Самарского жандармского управления среди «совершенно секретных» документов. В этом

письме В. И. Ленин пишет: «Сотрудники рабочей печати ответственны перед организованными рабочими-марксистами не только за то, что и где они пишут, но и за то, с кем совместно они сотрудничают. В номере «Зари Поволжья» от 24 мая появилась статья Ф. Дана «О свободе коалиций». В виду того, что я нахожу невозможным сотрудничать в одном журнале с людьми, морально нечистыми, не пренебрегающими грязной клеветой в борьбе со своими политическими противниками, прошу не считать меня более сотрудником журнала, открывающего страницы свои для людей, наносящих прямой вред рабочему движению».

II

Большой интерес представляют письма эпохи империалистической войны. Они охватывают период с 4—6 августа 1914 г. по 12 февраля 1917 г., т. е. от первых дней империалистической войны до первых дней Февральско-мартовской революции. Все письма этого раздела разбиты на четыре группы: 1) Письма членам большевистских секций за границей. 2) Письма членам иностранных социалистических партий. 3) Письмо редакции «Нашего Слова» и 4) Письма разным адресатам.

Первая группа писем этого раздела, составляющая компактную часть переписки Ленина с членами заграничных секций большевиков, вместе с письмами второй группы служит ценным источником для изучения революционной деятельности Ленина в период войны, когда большевистскому центру, совершенно отрезанному от России, приходилось, преодолевая значительные препятствия, созданные войной, восстанавливать и укреплять связи с партийными организациями, подпольно работавшими в России, где наиболее крупные руководящие работники партии (И. В. Сталин, Я. М. Свердлов, Г. К. Орджоникидзе) были брошены в тюрьмы и далекую ссылку. Этой оторванностью объясняется и то обстоятельство, что переписка Ленина за этот период ограничивается лишь пределами заграницы и сравнительно узким кругом адресатов. Первое письмо этой группы, адресованное М. В. Кобецкому, относится еще к пребыванию Ленина в Поронине (Австрия). Написано оно в первые дни войны, повидимому между 4 и 6 августа 1914 г., до ареста Ленина австрийскими властями. Освобожденный из тюрьмы в результате вмешательства Виктора Адлера и других социалистических депутатов австрийского парламента Ленин переселился в Швейцарию, сначала в Берн, а затем в Цюрих. Письма швейцарского периода являются отражением кипучей революционной — литературной и политической—деятельности Ленина, боровшегося еще до войны с «центризмом» и оппортунизмом в международном социалистическом движении и теперь, с первых же дней войны, занявшего непримиримую позицию по отношению к вождям II Интернационала, перешедшим на сторону империалистической буржуазии, и противопоставившего их проповеди «гражданского мира» и «классового сотрудничества» во имя «обороны отечества» революционный лозунг гражданской войны рабочих против собственной буржуазии, лозунг пролетарской революции, лозунг борьбы за социализм. В статьях, партийных документах и письмах, относящихся к этому периоду, Ленин дает беспощадную оценку социал-шовинизму и центризму за границей и в России, разоблачает их идейно-политические и экономические основы.

Особенно резко выступает Ленин против К. Каутского — идеолога «центра». Рассматривая каутскианство как «социальный продукт противоречий II Интернационала», как «соединение верности марксизму на словах и подчинения оппортунизму на деле», Ленин писал, что «рабочий класс не может осуществить своей всемирно-революционной роли, не ведя беспощадной войны с этим ренегатством, бесхарактерностью, прислужничеством оппортунизму и беспринципным теоретическим опошлением марксизма». Попытку К. Каутского ложными ссылками на Маркса и Энгельса «научно обосновать» защиту «подлейшего шовинизма» Ленин расценивает как «бесстыдное искажение Маркса», как «подмену социалистической точки зрения буржуазной». «Права была Р. Люксембург, — пишет В. И. Ленин, — давно понявшая, что у Каутского «прислужничество теоретика» — лакейство, говоря проще, лакейство перед большинством партии, перед оппортунизмом. Нет на свете теперь ничего более вредного и опасного для идейной самостоятельности пролетариата, как это поганое самодовольство и мерзкое лицемерие Каутского, желающего все за-

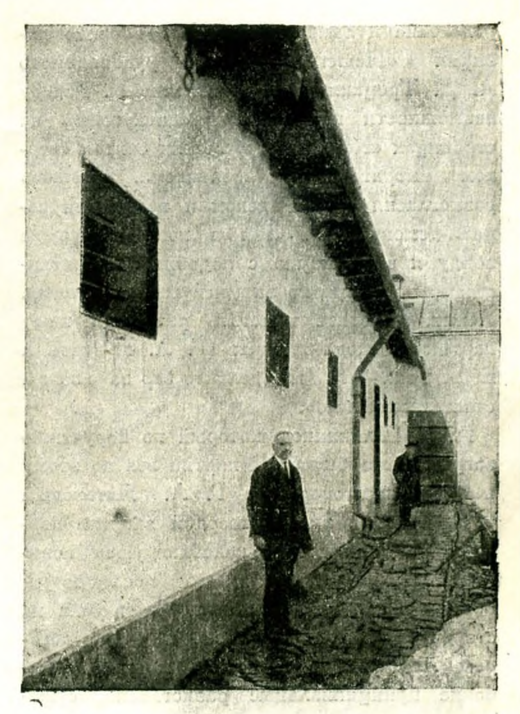
тушевать и замазать, успокоить софизмами и якобы ученым многоглаголанием разбуженную совесть рабочих. Если Каутскому это удастся, он станет главным представителем буржуазной гнили в рабочем движении».

Одновременно Ленин разоблачает фальшивую и лицемерную позицию Л. Троцкого как разновидность русского центризма, с присущим этому течению тяготением к замаскированной защите социал-оппортунизма и неустойчивую интернационалистскую, по существу оппортунистическую, позицию Л. Мартова и Н. Чхеидзе.

Под руководством Ленина и на основе выработанной им большевистской платформы происходит мобилизация революционных интернационалистских сил не только российской, но и западноевропейской социал-демократии и создаются первые ячейки будущего III Интернационала.

Целый ряд писем этой группы адресован В. А. Карпинскому, С. П. Равич, А. М. Коллонтай, К. Б. Радеку и др. Наряду с выяснением позиции, занятой большевиками по отношению к войне, Ленин уделяет в них много внимания вопросам пропаганды тактики революционной социал-демократии среди западноевропейских и американских рабочих. Много места в письмах уделяется также вопросам организации партийной работы в России, при чем часть писем этой группы бросает яркий свет на разногласия между Лениным и Г. Л. Пятаковым, Е. Б. Бош и Н. И. Бухариным по национальному вопросу, до сих пор мало освещенные в печати.

Разногласия эти особенно обострились в связи с организацией журнала «Коммунист», издававшегося редакцией «Социалдемократа» — центрального органа партии, совместно с П. и Н. Киевскими (Г. Л. Пятаковым и Е. Б. Бош.—*К. Н.*). В № 1—2 «Коммуниста», вышедшем в конце 1915 г., наряду со статьями В. И. Ленина и Г. Зиновьева напечатано начало статьи К. Радека «Четверть века развития империализма», в которой проводилась точка зрения, противоречившая партийной установке и совпадавшая с позицией, занятой группой Н. И. Бухарина—Г. Л. Пятакова. После выхода этого номера Ленин решительно высказался против помещения окончания статьи К. Радека на странницах «Коммуниста». В связи с этим между В. И. Лениным и



ТЮРЬМА В НОВОМ ТАРГЕ (ГАЛИЦИЯ), В КОТОРОЙ ЛЕНИН БЫЛ ЗАКЛЮЧЕН В АВГУСТЕ 1914 г.

Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

Г. Л. Пятаковым и Е. Б. Бош возник продолжительный спор, в продолжение которого и Г. Л. Пятаков и Е. Б. Бош, будучи фактическими издателями журнала, диктовали свои условия относительно состава редакции журнала и характера участия в нем отдельных сотрудников. (Предоставление К. Радеку права на дискуссию.) Соглашаясь на контроль со стороны ЦК партии «на общих основаниях с другими партийными предприятиями», Г. Л. Пятаков и Е. Б. Бош, поддерживаемые Н. И. Бухариным, фактически стремились сохранить за собой руководящее положение в журнале как учредители издательства; при дальнейших переговорах они отстаивали как последнее условие «обеспечения свободы мнения» организацию при журнале «дискуссионного отдела», который открывал «инакомыслящим» (Г. Л. Пятакову, Н. И. Бухарину, К. Радеку и др.) возможность не только отстаивать на страницах «Коммуниста» свои ошибки, но и вести борьбу с партийными решениями по национальному вопросу, начатую К. Радеком еще на страницах «Lichtstrahlen» и «Gazety Robotniczei», где даны были отличные от Ленинских установки по вопросу о праве наций на самооп-

ределение и замаскированное одобрение позиции «Нашего Слова», руководимого Л. Д. Троцким. Предоставление К. Радеку возможности продолжать «дискуссию» на страницах «Коммуниста» Ленин считал «верхом интриганства», желанием... разжечь разногласия с К. Радеком и польскими социал-демократами. «Ни в коем случае не пойду я в редакцию с подобным интриганством, прячущимся за дискуссии, — писал Ленин. — Хотите помогать разлагать нашу партию, господа японцы (Г. Л. Пятаков и Е. Б. Бош. — *К. Н.)*, делайте это за своей ответственностью».

А. Г. Шляпников, который по поручению заграничного бюро ЦК партии вел по этому поводу переговоры с Г. Л. Пятаковым и Е. Б. Бош, вместо твердой защиты партийной линии занял колеблющуюся позицию, характерную для его последующей борьбы с партией, склоняясь фактически на сторону издателей журнала, позицию которых Ленин подверг резкой критике. Глубокие принципиальные разногласия, существовавшие между партийным центром и группой Н. И. Бухарина—Г. Л. Пятакова по одному из кардинальных вопросов программы и тактики партии, А. Г. Шляпников, «лично стоявший за самую свободную дискуссию», иногда чисто по-меньшевистски пытался свести к спору, обусловленному якобы особенностями характера Ленина, заимствуя для этого из меньшевистского арсенала старую песню о Ленинской «неуступчивости» и «нетактичности».

Примиренческую позицию в этом споре занимал и Г. Е. Зиновьев. В письме к А. Г. Шляпникову от 17 мая 1916 г. он писал: «Теперь о проклятой истории с «Коммунистом». Все тянется потому, что по существу дела я расхожусь с Ильичем. Мы вполне солидарны в оценке «империалистического экономизма» как таково-го. Это тупоумие, — это не марксизм... Но я не согласен с Ильичем, что уже сейчас надо с ними рвать. В борьбе против каутскианства мы можем итти вместе... Вот почему я против разрыва с «империалистическими экономистами» и за продолжение «Коммуниста».

Переговоры А. Г. Шляпникова с Г. Л. Пятаковым и Е. Б. Бош однако ни к чему не привели, и издание журнала «Коммунист» было приостановлено по постановлению Центрального комитета партии. Бюро ЦК партии в России, рассматривавшее трения внутри редакции «Коммуниста», стало на сторону Центрального комитета и в своей резолюции «вполне солидаризировалось с основной линией ЦК, проводимой в ЦО «Социал-демократ», высказалось «против превращения изданий ЦК в дискуссионные».

К этому периоду относится и начало Ленинской критики в печати ошибок Н. И. Бухарина по вопросу о государстве, допущенных им в статье «Der imperialistische Raubstaat» («Jugend Internationale» № 6, I. Dezember 1916), побудившей Ленина ближе заняться марксистским освещением учения о государстве. Отметив ошибки Н. И. Бухарина в заметке «Интернационал молодежи», напечатанной в «Сборнике Социал-Демократа» № 2, декабрь 1916 г. (см. Соч., т. XIX, стр. 294), Ленин начал работать над темой «Марксизм о государстве», из которой затем выросла его знаменитая работа «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетарской революции». До этого Н. И. Бухарин написал для «Сборника Социал-Демократа» статью «К теории империалистического государства», отвергнутую Лениным как развивающую ошибочные, полуанархистские взгляды на государство. В 1925 г., публикуя сохранившуюся часть этой своей статьи в сб. «Революция права» (№ 1, стр. 5—32), Н. И. Бухарин снабдил ее подробным примечанием, в котором пытался доказать, что у него «не было ошибки», которая ему «приписывалась», и что В. И. Ленин сам «пришел к тем же выводам» и просил в 1917 году передать Н. И. Бухарину, что в «вопросе о государстве у него нет разногласий» с ним. Между тем в письме к А. М. Коллонтай от 17 февраля 1917 г. Ленин писал: «Я готовлю (почти приготовил материал) статью по вопросу об отношении марксизма к государству. Пришел к выводам еще резче против Каутского, чем против Бухарина... Вопрос архиважный; Бухарин гораздо лучше Каутского, но ошибки Бухарина могут погубить это «правое дело» в борьбе с каутскианством». И. В. Сталин на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) в 1929 г., как известно, подверг резкой критике эту попытку Н. И. Бухарина задним числом кого-то убедить, что «прав Бухарин, а не Ленин, что вдохнови-

17/30 ав. 1917. Дорогие друзья! С великим трудом, после долгих недель вынужденного перерыва, удается, кажется, восстановить переписку. Конечно, чтобы это удалось вполне, надо очень усиленно похлопотать и позаботиться над организацией ее с своей стороны.

Грязная кампания клеветы, поднятая буржуазией по поводу будто бы шпионства или прикосновенности к нему Ганецкого, Козловского и т. д., [illegible]

(1) [illegible] Надо, во-1-х, чтобы Радек написал в Петроград [illegible] суда [illegible] Об этом суде Луначарский [illegible] клеветников [illegible] в „Новой Жизни" [illegible]

(2) [illegible] Ганецкий [illegible] с Суменсон [illegible] с Козловским [illegible]

Кроме этой [illegible] клеветы надо [illegible]

(3) [illegible]

(4) [illegible]

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА ЛЕНИНА ЗАГРАНИЧНОМУ БЮРО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ОТ 17 (30) АВГУСТА 1917 г.

Из иллюстраций к XXIX т. Сочинений Ленина

телем марксистской теории о государстве является не Ленин, а Бухарин» (И. Сталин, Вопросы ленинизма. 1932 г., стр. 420—421).

Вторую группу настоящего раздела составляют письма к членам иностранных социалистических партий. Большинство из них адресовано К. Б. Радеку и связано с подготовкой и деятельностью Циммервальдской международной социалистической конференции и образованием «Циммервальдской левой», положившей начало оформлению под руководством Ленина зародышевой ячейки Коммунистического интернационала как самостоятельного объединения внутри международного рабочего движения.

Письмо к Г. Ролланд-Гольст, как и письма Ленина к А. Г. Шляпникову, проливает свет на «закулисную» борьбу, которая велась отдельными представителями польской с.-д. оппозиции во главе с К. Б. Радеком против Ленина и его сторонников в связи с организацией «Vorbote» и участием Ленина в редакционной коллегии этого журнала.

Большой интерес представляет письмо Ленина швейцарскому с.-д. Шмидту, в котором Ленин еще в декабре 1916 г. ставит конкретно вопрос о социалистическом преобразовании Швейцарии. По словам Ленина, это преобразование «экономически возможно уже теперь». Но для «политического проведения такого преобразования, — пишет Ленин, — Швейцария нуждается не в буржуазном, а в пролетарском правительстве, которое опиралось бы не на буржуазию, а на широкие массы наемных рабочих и беднейших слоев»...

«Мы заявлем, — писал Ленин, — что такое преобразование Швейцарии совершенно неизбежно вызовет подражание и самую решительную, воодушевленную поддержку рабочего класса и массы эксплоатируемых во всех цивилизованных странах, и что только в связи с таким преобразованием полное уничтожение милитаризма, к которому мы стремимся и которого теперь в особенности инстинктивно жаждут широкие массы в Европе, станет не пустой фразой, не добреньким пожеланием, а действительным, практически осуществимым, политически само собой разумеющимся мероприятием»... «Не полагаете ли Вы, что при такой постановке вопроса (как в практической агитации, так и в парламентских речах и в проектах инициативы и референдума) мы избежим той опасности, что буржуазные и «социалистические» пацифисты ложно поймут и перетолкуют наш антимилитаристический лозунг в том смысле, будто мы считаем возможным полное уничтожение милитаризма в буржуазной Швейцарии, с ее империалистическим окружением, без социалистической революции (что является конечно бессмыслицей, которую мы все единодушно отвергаем)?»

III

Несколько слабее представлены в томе письма периода Февральско-мартовской революции 1917 г. Значительная часть писем этого периода, имеющих крупное историческое значение, вошла в состав XX и XXI тт. Сочинений В. И. Ленина. Письма, вошедшие в XXIX том, разбиты на три неравные группы. В первую группу входит 12 писем разным адресатам—в большинстве случаев членам швейцарских большевистских секций. Из них 11 писем относится еще ко времени пребывания В. И. Ленина в Швейцарии (19 марта — 6 апреля 1917 г.) и касаются вопросов, связанных с организацией возвращения политических эмигрантов в Россию. Первое письмо этой группы, адресованное В. А. Карпинскому, заключает в себе неосуществившийся план нелегальной поездки В. И. Ленина в Россию, который он начал обдумывать при получении первых известий о русской революции. Целый ряд писем и телеграмм этого периода говорит о том, как страстно рвался Ленин из «швейцарской клетки» в революционную Россию и какие трудности пришлось ему преодолевать вместе с другими, чтобы стать во главе борющегося пролетариата.

19 марта 1917 г. на совещании представителей русских политических партий в Женеве Л. Мартов предложил план возвращения эмигрантов в Россию через Германию в обмен на интернированных немецких граждан. План этот живо обсуждался в эмигрантских кругах и в конце марта был принят ЦК РСДРП, но проведение его в жизнь натолкнулось на неожиданную задержку: меньшевики вдруг потребовали на проезд через Германию санкции Совета рабочих депутатов. Возникла но-

Т. Сталину
Копии Аванесову, Томскому, члену през. ВЦИКа Киселеву

На основании директив, данных Ц. К.-ом, следует, по-моему, переработать все 3 проекта в один.

Добавить, по-моему:

1) „Отдел" Р.-Кр. Инсп. при Госконтр. д. б. временным с задачей внедрить Р.Кр.И. во все отделы Госк-ля и т. д., как особый отдел, исчезнуть.

2) Цель: всю трудящуюся массу, и мужчин и женщин особенно, провести через участие в Р.Кр. Инсп.

3) Для сего на местах составлять списки (по конст-ции), исключая служащих, и т. д.,
— очередью по очереди всех проводить ч-з участие в Р-Кр. Инсп.

4) Участие это сделать разнообразным, смотря по степени развития участ-

ПИСЬМО ЛЕНИНА К И. В. СТАЛИНУ ОТ 24 ЯНВАРЯ 1920 г.

Из иллюстраций к XXIX т. Сочинений Ленина

вые планы проезда в Россию. Группа товарищей предлагала добиться для В. И. Ленина разрешения на проезд через Англию или Германию. Планы эти были решительно отвергнуты Лениным. «Берлинское разрешение, — писал он, — для меня неприемлемо... Англия меня не пропустит, скорее интернирует. Милюков надует. Единственная надежда — пошлите кого-нибудь в Петроград, добейтесь через Совет рабочих депутатов обмена на интернированных немцев». 31 марта 1917 г. В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, Н. К. Крупская телеграфировали национальному советнику Гримму: «Наша партия решила безоговорочно принять предложение о проезде русских эмигрантов через Германию и тотчас же организовать эту поездку. Мы насчитываем уже сейчас более чем десять путешественников. Мы абсолютно не можем отвечать за дальнейшее промедление, решительно протестуем против него и едем одни. Убедительно просим немедленно закончить переговоры и, если возможно, завтра же сообщить нам решение». В результате упорной борьбы группа политических эмигрантов (19 большевиков, 6 бундовцев и 3 сторонника интернационалистской газеты «Наше Слово») добилась разрешения на проезд через Германию и 8 апреля 1917 г. (нов. ст.) покинула Швейцарию. 12 апреля В. И. Ленин был уже в Петрограде. До своего отъезда из Швейцарии В. И. Ленин, развивая интенсивную литературную работу для «Правды», дает глубокий анализ революции и в то же время уделяет много внимания выработке среди политических эмигрантов-большевиков и иностранных социалистов правильного взгляда на характер русской революции, подробно развитый им в «Письмах издалека», в которых он, вскрыв «своеобразие» первого этапа революции, нашедшее свое выражение в «двоевластии», определяет стратегические и тактические позиции пролетариата для данной и ближайшей стадии развития революционного движения. В письмах, написанных еще в Швейцарии, Ленин кратко определяет отношение революционного пролетариата к Временному правительству, к буржуазным и соглашательским партиям: «никакой поддержки новому правительству»... «никакого сближения с другими партиями»... «Чхеидзе мы не доверяем»...

В первом письме, отправленном В. А. Карпинскому из Петрограда, Ленин сообщает о приезде в Россию и дает краткую характеристику революционной ситуации.

Вторая группа настоящего раздела состоит из двух писем, адресованных членам заграничного Бюро ЦК РСДРП. Оба письма заключают в себе оценку «архисложного» и «архиинтересного» положения в России, при чем второе письмо, написанное в четыре приема (30 и 31 августа, 2 и 7 сентября 1917 г.), трактует кроме того об отрицательном отношении большевиков к Стокгольмской социалистической конференции и выдвигает план созыва конгресса левых социалистов для основания III Интернационала.

Уже в первом письме от 12 апреля 1917 г. В. И. Ленин сообщает, что «Совет хочет о б щ е г о социалистического международного съезда. Мы только за съезд левых, против социал-шовинистов и против «центра». Во втором письме заграничному Бюро ЦК РСДРП, написанном в «Финляндском подпольи», Ленин ставит вопрос о Стокгольмской конференции более резко: «Против участия в Стокгольмской конференции я был и остаюсь безусловно»... «Я считаю участие в Стокгольмской конференции и во всякой иной вместе с министрами (и мерзавцами) Черновым, Церетелли, Скобелевым и их партиями прямой изменой, и в печати я выступлю с этим мнением против кого угодно»... В противовес созыву конференции соглашателей Ленин выдвигает лозунг созыва конференции левых. «Мы делаем величайшую, непростительную ошибку, — пишет он, — оттягивая или откладывая созыв конференции левых для основания III Интернационала. Именно теперь, именно когда Циммервальд так позорно колеблется или вынужденно бездействует, именно теперь, пока есть еще в России легальная (почти легальная) интернационалистская партия, более чем с 200 000 (240 000) членов (чего нет нигде в мире во время войны), именно теперь мы обязаны созвать конференцию левых, и мы будем прямо преступниками, если о п о з д а е м это сделать (партию большевиков в России со дня на день больше загоняют в подполье!!...)» (Соч. т. XXIX, стр. 358—361).

Однако созвать конференцию левых для организации III Интернационала удалось лишь в марте 1919 г., после того как рабочий класс России, под руководством боль-

шевиков овладев властью, установил диктатуру пролетариата.

IV

Советский период представлен в XXIX томе письмами, охватывающими период времени с 10 ноября 1917 г. по 6 октября 1922 г. По количеству писем настоящий раздел занимает второе место в томе (около 120 писем) и дает богатый и разнообразный по содержанию материал, характеризующий кипучую и многогранную деятельность В. И. Ленина в период диктатуры пролетариата. Отличительной особенностью материала, сгруппированного в этом разделе, является его документальный характер. Здесь собраны не только письма и записки, но и телеграммы и телефонограммы, написанные Лениным в связи с задачами обороны страны, хозяйственного и культурного строительства. Очень краткие, почти отрывистые по своему содержанию записки и телеграммы эти отражают всестороннюю деятельность Ленина как вождя мирового коммунистического движения, организатора и руководителя первого в мире пролетарского государства, приступившего к строительству социализма. Главной темой писем, телеграмм и записок Ленина служат вопросы организации государственной власти и рационализации управления, борьба с бюрократизмом в советских учреждениях и профсоюзных организациях, вопросы обороны страны и важнейшие проблемы хозяйственного и культурного строительства. Особенно много уделено внимания электрификации Советской России.

Весь материал этого раздела разбит на пять групп: а) Организация управления; б) Хозяйственное и культурное строительство; в) Оборона страны; г) Письма заграничным адресатам и д) Письма разным адресатам.

В первую группу входит 35 писем, телеграмм и записок, посвященных организации и рационализации управления. Большая часть писем остро ставит вопрос о борьбе с бюрократизмом, взяточничеством и волокитой. Как меру борьбы Ленин выдвигает наряду с необходимостью сурового наказания за взятку и подкуп широкое, систематическое участие рабочих и работниц в органах государственного контроля и летучих ревизиях для борьбы с волокитой и злоупотреблениями.

Значительный интерес представляют письма Ленина советскому послу в Швейцарии Я. А. Берзину, являющиеся откликом Ленина на первые выступления К. Каутского против диктатуры пролетариата и большевиков. Статью К. Каутского «Demokratie oder Diktatur», напечатанную в августе 1918 г. в «Sozialistische Auslandspolitik», № 34, Ленин расценивает как «позорный вздор, детский лепет и пошлейший оппортунизм». Указывая, что «Каутский абсолютно не понял и извратил чисто оппортунистически учение Маркса о государстве, диктатуре пролетариата, о буржуазной демократии, о парламентаризме, о роли и значении Коммуны и т. д.», Ленин ставит вопрос о необходимости борьбы с «теоретическим опошлением марксизма Каутским», советует левым «выступить в печати с принципиальным, теоретическим заявлением, что по вопросу о диктатуре Каутский дает пошлую бернштейниаду, а не марксизм». Для выяснения подлинных взглядов Маркса и Энгельса на государство Ленин предлагает издать поскорее по-немецки «Государство и революцию», где дана подробная критика взглядов К. Каутского и разоблачена его попытка оппортунистически извратить учение К. Маркса и Ф. Энгельса о государстве и диктатуре пролетариата.

Третью группу составляют письма, посвященные хозяйственному и культурному строительству. В XXIX томе на начальный период диктатуры пролетариата (1917 г.) и период гражданской войны (1918—1919 гг.) приходится всего лишь 3 письма по вопросам хозяйственного и культурного строительства, а на период 1920—1922 гг. приходится 31 письмо (1920 г.—9 писем, 1921 г.—13 и 1922 г.—9). Вопросы науки и культурного строительства составляют содержание писем, адресованных В. В. Адоратскому, К. А. Тимирязеву, Н. И. Бухарину, М. Н. Покровскому, М. П. Павловичу, И. И. Скворцову-Степанову и др.

Центральное место в настоящем разделе занимает третья группа писем, относящихся к периоду гражданской войны. Здесь собрано 28 писем, записок и телеграмм с 26 ноября 1917 г. по 9 мая 1920 г. Составляя лишь небольшую опубликованную часть военных материалов, принадлежащих Ленину, собранные здесь документы представляют ценный материал для истории гражданской войны, достаточно ярко отра-

жают роль и значение Ленина в организации обороны Советской республики. Стоя во главе обороны страны и руководя всеми важнейшими военными операциями, Ленин требует от революционно-военных советов фронта, армий и отдельных руководящих военных работников подробных донесений о всех деталях военных действий, рассылает десятки телеграмм, в которых дает указания военно-оперативного характера, требует переброски отдельных частей на определенные участки фронта, настаивает на активизации военных действий на южном фронте, назначает дни для взятия красными войсками Ростов-на-Дону и Вильно. В своих распоряжениях Ленин подчеркивает важность военных операций в Донбассе. Он требует ускорения в продвижении подкреплений к Луганску. Донбасс имеет решающее значение для исхода борьбы. Донбасс должен быть взят красными войсками, ибо «иначе, — пишет Ленин, — нет сомнения; что катастрофа будет громадная и едва ли поправимая»... «Мы несомненно погибнем, если не очистим полностью Донбасса в короткое время». В назначенный Лениным день Ростов-на-Дону был взят Красной армией.

Текст писем снабжен краткими примечаниями историко-объяснительного и библиографического характера. В конце тома даны следующие приложения: I. Указатель литературных произведений, упоминаемых В. И. Лениным в письмах XXIX тома. II. Указатель адресатов. III. Указатель писем, не вошедших в XXIX том, и IV. Указатель имен.

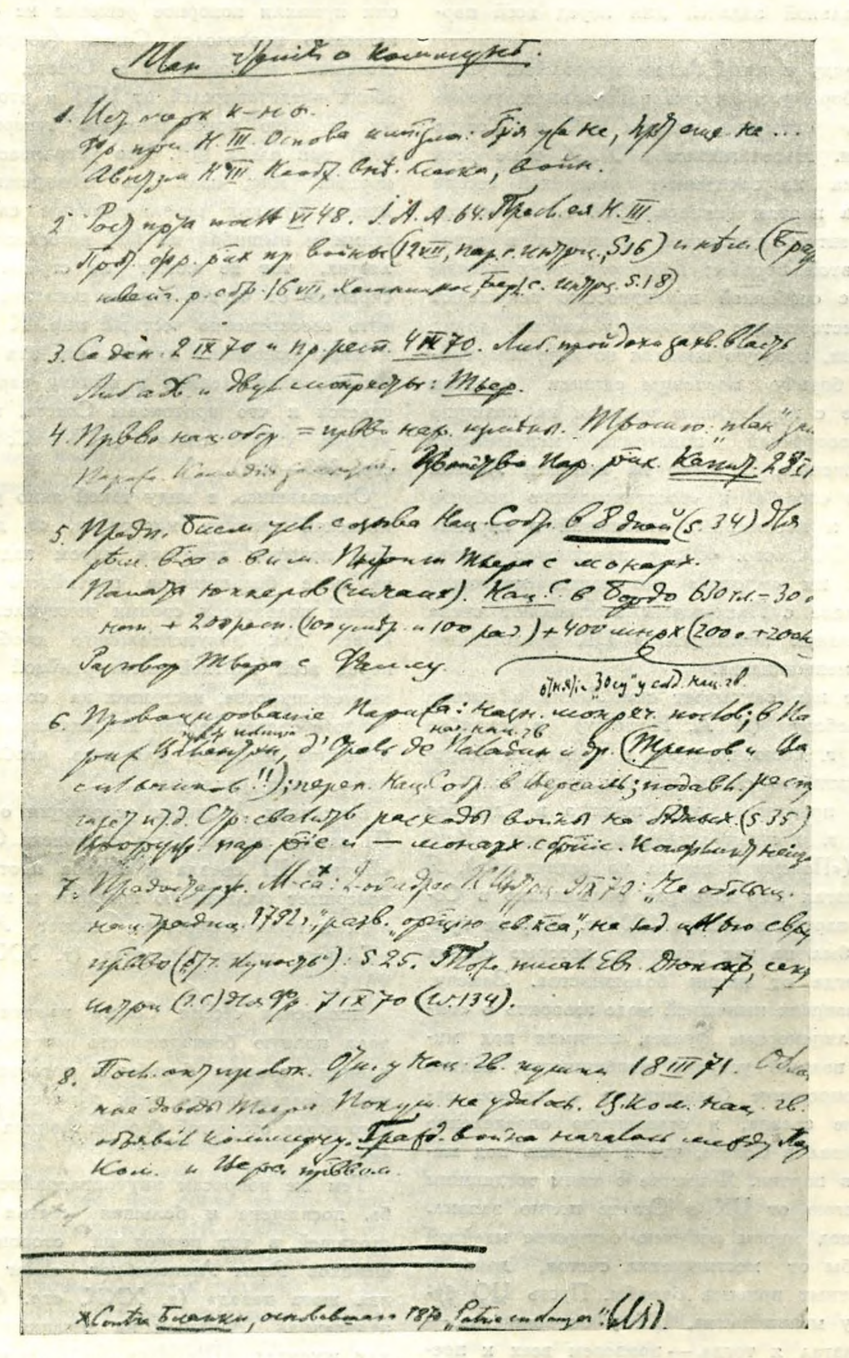
К. Новицкий

СОЧИНЕНИЯ ЛЕНИНА, т. XXX
(Дополнительный)

Вышел в свет последний XXX том сочинений Ленина. Являясь дополнительным ко всему изданию, он содержит в себе статьи, речи и документы, опубликованные уже после выхода тех томов, в которые они должны были бы войти соответственно времени их написания, и не вошедшие в силу этого ни в одно из предыдущих изданий. Этим объясняется то обстоятельство, что XXX том, в отличие от всех остальных томов, составляют произведения Ленина, которые относятся к разным периодам его жизни и деятельности, начиная с 1899 г. и кончая советским временем (1921 г.).

Основная группа вопросов, которым посвящены произведения Ленина, помещенные в XXX томе, — вопросы внутрипартийной борьбы. Публикуемые в этом томе новые документы эпохи раскола (1903—1904 гг.), напечатанные впервые в 1929 и 1930 гг. в «Ленинских сборниках» X и XV, представляют ценнейшее дополнение к документам той же эпохи, опубликованным в VI томе Сочинений, и дают яркий образец борьбы Ленина с оппортунизмом и с примиренчеством к нему.

По своему историческому значению период, нашедший свое отражение в этих документах, является решающим в развитии внутрипартийной борьбы эпохи раскола. Исчерпав все пути и средства «мирной» (т. е. остающейся в рамках центральных учреждений партии) борьбы с дезорганизаторами и антипартийным поведением Мартова и его единомышленников, Ленин переходит к открытой борьбе за партию. Не имея печатного органа, он проводит ее путем составления целого ряда обращений ко всем членам партии с призывами «к активному и сознательному участию во всем, что необходимо для возможно более быстрого и безболезненного выхода из кризиса» (т. XXX, стр. 69), путем посылки большого числа писем Центральному и местным комитетам, а также отдельным товарищам в Россию с детальной информацией и разъяснениями происходящей в центре борьбы (см. т. XXVIII Сочинений) и наконец выпуском брошюры «Шаг вперед, два шага назад», о которой еще в декабре 1903 г. в незаконченной «Заметке о позиции новой «Искры» Ленин писал: «Против незнания надо бороться разъяснением, и я ни в коем случае не откажусь от своего намерения разъяснить все дело архи-подробно (в случае надобности со всеми документами) в особой брошюре, за которую и возьмусь, как только выйдут протоколы съездов партии и Лиги, т. е. очень скоро» (т. XXX, стр. 34). Борьба за созыв экс-



ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСИ ЛЕНИНА «ПЛАН ЧТЕНИЯ О КОММУНЕ»

Из иллюстраций к XXX т. Сочинений Ленина

тренного съезда партии ставится Лениным центральной задачей дня перед всей партией.

Наряду с этим Ленин продолжает упорную борьбу и внутри центральных учреждений, оставаясь членом ЦК и Совета партии. Напечатанные в XXX томе речи Ленина на заседаниях январской сессии Совета партии (январь 1904 г.) являются документом громадной важности в истории этой борьбы; протоколы этих заседаний с особенной наглядностью вскрывают ту нестерпимую обстановку склоки, дрязг, фальши, которую вносили во внутрипартийную борьбу мартовцы единым фронтом вместе с перешедшим целиком на позицию безоговорочной поддержки меньшинства Плехановым. В ответ на попытки Ленина найти способы к «восстановлению доброго мира и нормальных отношений в партии» (т. XXX, стр. 43), в противовес выдвинутой им «мирной» резолюции мартовцы во главе с Плехановым выставляют снова требования кооптации в ЦК представителей меньшинства.

Вот как описывает сам Ленин в письме к Глебову (В. А. Носкову) в сентябре 1904 г. свою позицию в Совете и безрезультатность своих мирных попыток:

«Я предлагал мир печатно в декабре 1903 г. в своем письме в редакцию «Искра» («Почему я вышел из редакции?»). Я предлагал мир еще раз официально в Совете партии в январе 1904 г. Мир не принят был на тех условиях, которые ставил я тогда от имени большинства. Замечу, что вопреки нынешней моде говорить о «мире» лицемерные фразы, понимая под миром полную уступку меньшинству, полное игнорирование большинства и полное забвение съезда, я совершенно определенно указывал в Совете, что я разумею под миром в партии. Я вместе с моим тогдашним коллегою от ЦК в Совете прямо заявил, что под миром разумею очищение идейной борьбы от местнических счетов, дрязг и нечестных приемов борьбы. Пусть ЦО будет у меньшинства, ЦК у большинства, — предлагал я тогда, — призовем всех к прекращению всякого бойкота, всякой местнической, кооптационной дрязги и давайте спорить по-товарищески о наших разногласиях и о причинах нашего расхождения на съезде, давайте приучать партию к честному и достойному разбору ее внутренних споров. Мой призыв был осмеян Плехановым и Мартовым. Меня не удивляет, что они приняли позорное решение не опубликовывать протоколов Совета (вопреки настояниям меньшинства в Совете, именно обоих представителей от ЦК) и что к этому решению присоединились теперь (тайком) три члена ЦК. Кто устраивает лицемерный мир, пользуясь неизбежными в жизни русских революционеров случайностями и вышибая из ЦК несогласно мыслящих, тот не может не стремиться к скрытию от членов партии попытки заключить своевременно честный мир. К счастью я имею основания думать, что эта жалкая уловка, направленная к обману партии, не удастся и что протоколы Совета, в конце концов, увидят свет»[1] (т. VI Сочинений, стр. 363—364).

Отказавшись, в виду такой явно раскольнической тактики мартовцев, от дальнейших попыток добиться миром подчинения их воле большинства партийного съезда, Ленин пользуется своими выступлениями в Совет для документального изобличения перед всей партией антипартийной политики меньшинства, настаивая на созыве экстренного съезда партии как единственно правомочной коллегии для того, чтобы положить конец раздорам.

Внесенная Лениным резолюция о созыве III съезда партии была отклонена Советом. «Боязнь III съезда и борьба против него довершает фальшивую позицию и меньшинства и примиренчества», пишет Ленин в «Тезисах моего реферата» (т. XXX, стр. 98)[2].

Январская сессия Совета партии показала полную безнадежность мирных, «лойяльных» средств борьбы и послужила таким образом поворотным пунктом для нового этапа открытой борьбы Ленина за партию.

Тем же вопросам внутрипартийной борьбы посвящена и большая статья против стоявшей в тот период на стороне меньшевиков Розы Люксембург «Шаг вперед, два шага назад» (т. XXX, стр. 88—97), написанная Лениным на немецком языке для журнала «Die Neue Zeit» в ответ на помещенную в этом журнале полемическую статью Люксембург «Организационные вопросы русской социал-демократии» по по-

[1] Вопреки надеждам Ленина, протоколы январской сессии Совета партии «увидели свет» только 25 лет спустя — в 1929 г.

[2] Реферат о внутрипартийном положении был прочитан Лениным 2 декабря 1914 г. в Париже.

воду брошюры Ленина, посвященной анализу II съезда. Статья Р. Люксембург была написана ею по просьбе редакции мартовской «Искры» и напечатана меньшевиками в русском переводе в «Искре» № 69 от 23 (10) июля 1904 г. Поддерживавший меньшевиков К. Каутский отказался поместить ответ Ленина, вернув ему обратно рукопись с весьма «дипломатическим» письмом, и статья Ленина так и осталась неопубликованной.

1905 год в XXX томе характеризуется тем же преобладанием документов, посвященных вопросам борьбы с оппортунизмом и примиренчеством внутри РСДРП. Создание (в декабре 1904 г.) газеты «Вперед» дало Ленину новое могучее орудие для осуществления этой борьбы.

Большинство статей 1905 г. из газет «Вперед» и «Пролетарий» помещено в VII и VIII тт. Сочинений Ленина. В XXX томе напечатаны лишь те статьи этого периода, по отношению к которым авторство Ленина к моменту выхода VII и VIII тт. не было еще окончательно установлено.

Из статей XXX тома периода подготовки созыва III съезда партии наиболее значительными являются «Наши тартюфы», «Проделки бонапартистов», «Второй шаг». После образования Бюро комитетов большинства борьба за съезд приняла новые формы. Ленин в ряде статей предостерегает БКБ и всю партию от доверия «лживым фразам [примиренческого ЦК] о «соглашении» с Бюро» (т. XXX, стр. 122) в деле подготовки и организации съезда. Для более широкого распространения статья «Проделки бонапартистов» была издана отдельной листовкой в качестве оттиска из № 13 «Вперед». Однако вместо нее в этот номер газеты «Вперед» была включена статья «Второй шаг», изданная, также в спешном порядке, отдельной листовкой. Объясняется это тем, что после ареста части членов примиренческого ЦК оставшиеся на свободе цекисты Красин и Любимов сошли со своих примиренческих позиций и заключили действительное соглашение с БКБ, пойдя на разрыв с Советом партии и с меньшевистской «Искрой».

В статье «Второй шаг» Ленин пишет: «Итак, мы можем торжествовать полную моральную победу! Россия взяла верх над заграничниками. Партийность победила кружковщину. В последнюю минуту ЦК увидел, что созываемый БКБ съезд есть действительно партийный съезд, и примкнул к нему. Центральный комитет нашел в себе в последнюю минуту достаточно гражданского мужества, чтобы отказаться от антипартийной политики и восстать против заграничного Совета» (т. XXX, стр. 128).

Среди документов, посвященных организационной подготовке III съезда, особый интерес представляет «Общий план решений III съезда» (т. XXX, стр. 103—107), увязывающий в одно целое всю сумму резолюций, которые должны были быть предложены съезду. «В нем Ленин дает как бы «платформу» большевизма, целостную систему ответов большевизма на все оче-

стей народа, а только на то, что «обносившееся» населеніе не будетъ же ходить нагишомъ и такъ или иначе вынуждена будетъ прикрыть грѣшное тѣло.

«Русское Знамя» жалуется, что казенная «Россія» переняла у соціалъ-демократовъ ихъ боевой кличъ «въ единеніи сила» и, въ нарушеніе закона, стала возстанавливать «одинъ классъ противъ другого».

„Однако, той газетѣ,—удивляется дубровинскій органъ, — которая авторитетно пригласила квартирантовъ объединиться въ союзы, чтобы успѣшнѣе бороться съ домовладѣльцами, никакого взысканія не послѣдовало, не потому-ли, что газета эта именуется „Россія“ и является выразительницей бюрократическаго мнѣнія?“

Очевидно, «Русское Знамя» по казенной пенсіи приняло «Россію» за гоголевскую унтеръ-офицерскую вдову и хочетъ, чтобы она сама себя высѣкла.

Карьера.

Недавно умершій милліонеръ, издатель «Новаго Времени» А. С. Суворинъ, исторіей своей жизни отразилъ и выразилъ очень интересный періодъ въ исторіи всего русскаго буржуазнаго общества.

Бѣднякъ, либералъ и даже демократъ въ началѣ своего жизненнаго пути,—милліонеръ, самодовольный и безстыдный хвалитель буржуазіи, пресмыкающійся передъ всякимъ поворотомъ политики власть имущихъ въ концѣ этого пути. Развѣ это не типично для массы «образованныхъ» и «интеллигентныхъ» представителей, такъ называемаго, общества? Не всѣ, конечно, играютъ въ ренегатство съ такой бѣшеной удачей, чтобы становиться милліонерами, но девять десятыхъ, если не девяносто девять сотыхъ—играютъ именно такую же самую игру въ ренегатство, начиная радикальными студентами, кончая «доходными мѣстечками» той или иной службы, той или иной аферы.

Бѣдный студентъ, изъ-за недостатка средствъ не попадающій въ университетъ; учитель уѣзднаго училища, служащій кромѣ того секретаремъ предводителя дворянства или дающій частные уроки у знатныхъ и богатыхъ крѣпостниковъ; начинающій либеральный и даже демократическій журналистъ, съ симпатіями къ Бѣлинскому и Чернышевскому, съ враждой къ реакціи,—вотъ чѣмъ началъ Суворинъ въ 50—60-хъ годахъ прошлаго вѣка.

Либеральный, сочувствующій англійской буржуазіи и англійской конституціи помѣщикъ Катковъ во время перваго демократическаго подъема въ Россіи (начало 60-хъ годовъ 19 вѣка) повернулъ къ націонализму, шовинизму и бѣшеному черносотенству.

Либеральный журналистъ Суворинъ во время второго демократическаго подъема въ Россіи (конецъ 70-хъ годовъ 19 вѣка) повернулъ къ націонализму, къ шовинизму, къ безпардонному лакейству передъ власть имущими. Русско-турецкая война помогла этому карьеристу «найти себя» и найти свою дорожку лакея, награждаемаго громадными доходами его газеты «Чего Изволите?»

«Новое Время» Суворина на много десятилѣтій закрѣпило за собой это прозвище «Чего Изволите?» Эта газета стала въ Россіи образцомъ продажныхъ газетъ. «Нововременство» стало выраженіемъ однозначущимъ съ понятіями: отступничество, ренегатство, подхалимство. «Новое Время» Суворина—образецъ бойкой торговли «на вынос и распивочно». Здѣсь торгуютъ всѣмъ, начиная отъ политическихъ убѣжденій и кончая порнографическими объявленіями.

А теперь, послѣ третьяго демократическаго подъема въ Россіи (въ началѣ 20-го вѣка) сколько еще либераловъ повернуло по «вѣховской» дорожкѣ, къ націонализму, къ шовинизму, къ оплевыванію демократіи, къ подхалимству передъ реакціей!

Катковъ—Суворинъ—«вѣховцы», это все историческіе этапы поворота русской либеральной буржуазіи отъ демократіи къ защитѣ реакціи, къ шовинизму и антисемитизму.

Сознательные рабочіе закаляютъ свои убѣжденія, понимая неизбѣжность такого поворота буржуазіи,—какъ и поворота трудящихся массъ къ идеямъ рабочей демократіи.

И. В.

ЗА РУБЕЖОМЪ.

Выборы президента.

4 ноября (21 октября по русскимъ числамъ) произойдутъ выборы президента республики въ Соединенныхъ Штатахъ. Но борьба различныхъ партій, выставляющихъ своихъ кандидатовъ, идетъ уже давно и чѣмъ ближе къ выборамъ, тѣмъ характеръ этой борьбы становится все болѣе обостреннымъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что здѣсь происходитъ только борьба личностей: быть ли президентомъ республики Тафту или Рузвельту. На самомъ дѣлѣ корень вещей лежитъ гораздо глубже. Но изъ-за личностей возгорѣлась борьба, а за власть той партіи, вѣрнѣе говоря, той группы, или той клики капиталистовъ, которая поддерживаетъ даннаго депутата.

Рузвельта поддерживаетъ партія пр-

СТАТЬЯ ЛЕНИНА «КАРЬЕРА», НАПЕЧАТАННАЯ В «ПРАВДЕ» № 94 ОТ 31 (18) АВГ. 1912 г.

Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

редные (февраль 1905 г.) вопросы классовой борьбы и внутрипартийных отношений. Резолюции по отдельным вопросам входят лишь как части в эту общую систему» («Ленинский сборник» V, 2-е изд., стр. 193).

Из остальных документов 1905 г. следует отметить «План чтения о Коммуне» и статью «Новый революционный рабочий союз». Первый из них дает сжатое, чрезвычайно яркое, конспективное изложение исторических событий Парижской коммуны с анализом их, в основу которого Ленин берет, в первую очередь, «Гражданскую войну во Франции» К. Маркса.

Выводы своего анализа Ленин формулирует в этом плане следующим образом: «Уроки: буржуазия пойдет на все. Сегодня либералы, радикалы, республиканцы, завтра измена, расстрелы.

Самостоятельная организация пролетариата — классовая борьба — гражданская война.

На плечах Коммуны стоим мы все в теперешнем движении» (т. XXX, стр. 112).

К сожалению никакой записи этого «Чтения о Коммуне», представлявшего собой повидимому прочитанный Лениным реферат, посвященный памяти Парижской коммуны (18 марта), не сохранилось.

«План чтения о Коммуне» послужит прекрасным руководством для всех, изучающих историю и роль Парижской коммуны в революционном движении.

Статья «Новый революционный рабочий союз», напечатанная в № 4 «Пролетария» от 16 (3) июня 1905 г., дает, на основании разбора воззваний существовавшего в 1905 г. Российского Освободительного Союза (Р. О. С.), превосходный анализ природы «беспартийности» и тех опасностей, которые являют собой всякие «беспартийные организации» для рабочих. Вместе с тем статья дает ценнейшие директивы для правильного подхода к тем революционно настроенным рабочим, которые еще не вполне освободились от некоторых мелкобуржуазных предрассудков.

В XXX томе помещено 17 новых (по сравнению с предыдущими изданиями) статей Ленина из «Правды» за 1912 и 1913 гг., не вошедших в XVI том 2-го и 3-го издания Сочинений.

Статьи эти носят характер откликов на те или иные события того времени, выступления, статьи представителей различных партий и затрагивают самые разнообразные темы.

Некоторые из этих статей имеют большое значение для марксистско-ленинского литературоведения как образцы классового анализа литературной деятельности буржуазных публицистов, начинающих свою деятельность либерализмом и даже демократизмом и неизбежно вместе со всей буржуазией совершающих поворот к защите реакции, шовинизму и оплевыванию демократии.

В качестве одного из таких образцов приводим целиком небольшую заметку «Карьера».

«Недавно умерший миллионер, издатель «Нового Времени» А. С. Суворин, историей своей жизни отразил и выразил очень интересный период в истории всего русского буржуазного общества.

Бедняк, либерал и даже демократ в начале своего жизненного пути, — миллионер, самодовольный и бесстыдный хвалитель буржуазии, пресмыкающийся перед всяким поворотом политики власть имущих, — в конце этого пути. Разве это не типично для массы «образованных» и «интеллигентных» представителей так называемого общества? Не все, конечно, играют в ренегатство с такой бешеной удачей, чтобы становиться миллионерами, но девять десятых, если не девяносто девять сотых — играют именно такую же самую игру в ренегатство, начиная радикальными студентами, кончая доходными местечками» той или иной службы, той или иной аферы.

Бедный студент, из-за недостатка средств не попадающий в университет; учитель уездного училища, служащий, кроме того, секретарем предводителя дворянства или дающий частные уроки у знатных и богатых крепостников; начинающий либеральный и даже демократический журналист, с симпатиями к Белинскому и Чернышевскому, с враждой к реакции, — вот чем начал Суворин в 50—60 гг. прошлого века.

Либеральный, сочувствующий английской буржуазии и английской конституции помещик Катков во время первого демократического подъема в России (начало 60 гг. XIX века) повернул к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству.

Либеральный журналист Суворин во время второго демократического подъема в

1. Der gegenwärtige Welt-Krieg ist ein imperialistischer Krieg, der um die politische u. ök-sche Ausbeutung der Welt, um Absatzmärkte, Rohstoffsquellen, Kapitalanlagesphären, Unterjochung schwacher Völker usw. geführt wird.

Seitens beider kriegführenden Koalitionen sind die Phrasen von der „Landesverteidigung" nichts als bürgerlicher Betrug der Völker.

2. Die schweizerische Reg-g ist die Lakaiin der schweizerischen B-sie, die durch und durch vom internationalen Finanzkapital abhängig und auf das engste mit der imp-en B-sie der Großmächte verbunden ist.

Es ist darum kein Zufall, sondern das notwendige Resultat dieser ök-schen Tatsachen, daß die schweizerische Reg-g mit jedem Tag, u. das schon während Jahrzehnte, mehr u. mehr reaktionäre Politik und geheime Diplomatie treibt, demokratische Rechte u. Freiheiten des Volkes hintertreibt u. verletzt, vor einer Militärclique kriecht, die Interessen der großen Masse der Bevölkerung systematisch und schamlos den Interessen einer Handvoll Finanzoligarchen opfert.

Die Hineinziehung der Schweiz in den gegenwärtigen Krieg ist jetzt in jedem Moment möglich sowohl wegen dieser Gebundenheit der schweizerischen bürgerlichen Reg-g durch

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСИ ЛЕНИНА «ТЕЗИСЫ ОБ ОТНОШЕНИИ ШВЕЙЦАРСКОЙ С.-Д. ПАРТИИ К ВОПРОСУ О ВОЙНЕ» НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (1916 г.)

Из иллюстраций к XXX т. Сочинений Ленина

России (конец 70 гг. XIX века) повернул к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед власть имущими. Русско-турецкая война помогла этому карьеристу «найти себя» и найти свою дорожку лакея, награждаемого громадными доходами его газеты «Чего изволите?»

«Новое Время» Суворина на много десятилетий закрепило за собой это прозвище «Чего изволите?» Эта газета стала в России образцом продажных газет. «Нововременство» стало выражением, однозначащим с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство. «Новое Время» Суворина — образец бойкой торговли «на вынос и распивочно». Здесь торгуют всем, начиная от политических убеждений и кончая порнографическими объявлениями.

А теперь, после третьего демократического подъема в России (в начале XX века), сколько еще либералов повернуло по «веховской» дорожке к национализму, к шовинизму, к оплевыванию демократии, к подхалимству перед реакцией.

Катков — Суворин — «веховцы» — это все исторические этапы поворота русской либеральной буржуазии от демократии к защите реакции, к шовинизму и антисемитизму.

Сознательные рабочие закаляют свои убеждения, понимая неизбежность такого поворота буржуазии,—как и поворота трудящихся масс к идеям рабочей демократии» (т. XXX, стр. 192—193).

Если в первой половине XXX тома основной темой произведений Ленина была борьба за партию, за принципиальную чистоту революционной линии российской социал-демократии, размежевание и борьба в первую очередь со своими, «отечественными», оппортунистами, то такой же основной темой документов эпохи войны, составляющих значительную часть второй половины тома, является борьба за Интернационал, за революционную чистоту международного социализма, размежевание и борьба с оппортунизмом всех мастей и оттенков, в особенности с каутскианством и его русской разновидностью—троцкизмом — в масштабе международном.

Исключительный интерес представляют произведения Ленина, посвященные швейцарскому рабочему движению и отношению швейцарской социал-демократической партии к вопросу о войне. Ленин придавал громадное значение движению в этой «самой свободной и, по условиям места и времени, самой интернационально влиятельной стране Европы» («Открытое письмо к Шарлю Нэну», т. XIX, стр. 393).

После того как на Цюрихском партейтаге швейцарской социал-демократии 4—5 ноября 1916 г. была создана комиссия по выработке проекта резолюции по военному вопросу к чрезвычайному партийному съезду, созыв которого намечался на 11—12 февраля 1917 г.[1], Ленин принял (через секретаря партии, левого с.-д. Ф. Платтена, который поддерживал с ним тесную связь) активное участие в работах комиссии как критическим разбором проектов, составленных отдельными швейцарскими социал-демократами (центристом Гриммом, Ф. Платтеном и др.), так и предложением своего проекта тезисов. Эти тезисы, написанные Лениным в начале декабря 1916 г., ставят в качестве основной задачи швейцарской социал-демократической партии, в качестве цели революционной массовой борьбы социалистический переворот в Швейцарии. «Этот переворот экономически может быть осуществлен немедленно. Он представляет единственное действительное средство освобождения масс от ужасов дороговизны и голода. Он приближается как результат кризиса, переживаемого теперь всей Европой, он абсолютно необходим для полного устранения милитаризма и всех войн» («Тезисы», т. XXX, стр. 271).

В статьях «Несколько принципиальных положений к вопросу о войне» (т. XXX, стр. 275—282), «К постановке вопроса о защите отечества» (стр. 292—293), «Двенадцать кратких тезисов о защите г. Грейлихом защиты отечества» (стр. 304—308), «Мнимое или действительное болото?» (стр. 309—312), «Защита нейтралитета» (стр. 313—314) Ленин бьет по оппортунизму правых и центристских вождей швейцарской с.-д. партии, противопоставляя в каждой статье свое, революционное понимание задач этой партии. Из всех этих статей только одна — «Двенадцать кратких тезисов о защите г. Грейлихом защиты отечества» — была напечатана в центральном органе швейцарской с.-д. партии, газете «Volksrecht», остальные же совсем не увидели света в свое время.

---

[1] В январе 1917 г. Р. Гримм вместе с другими социал - националистами сорвали созыв этого съезда (см. «Открытое письмо к Шарлю Нэну», т. XIX, стр. 393—400).

Среди других статей эпохи империалистской войны необходимо особо указать на статьи против теории «империалистического экономизма»: «О рождающемся направлении империалистического экономизма» и «Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову)». Первая из этих статей, направленная против Н. Бухарина, написана Лениным после получения замечаний Бухарина на тезисы редакции «Социал-Демократа» — «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» (т. XIX Сочинений, стр. 37—48). Сравнивая «рождающееся направление империалистического экономизма» со старым экономизмом 1894—1902 гг., Ленин пишет в этой статье:

«Теперь рождается новый «экономизм», рассуждающий с аналогичными двумя «курбетами»: «вправо»—мы против «права самоопределения» (т. е. против освобождения угнетенных народов, против борьбы с аннексиями, — это еще не додумано или не договорено). «Влево» — мы против программы-минимум (т. е. против борьбы за реформы и за демократию), ибо это «противоречит» социалистической революции» (т. XXX, стр. 250).

И Ленин считает «безусловной необходимостью еще и еще раз предупредить соответствующих товарищей, что они залезли в болото, что их «идеи» ничего общего ни с марксизмом ни с революционной социал-демократией не имеют» (подчеркнуто Лениным; там же, стр. 251).

Статья «Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову)» является повидимому первоначальным наброском критики взглядов Пятакова, выраженных им в статье «Пролетариат и право наций на самоопределение». Позднее Ленин заменил этот набросок большой критической статьей «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме» (т. XIX Сочинений, стр. 191—235). Обе эти статьи (статья Ю. Пятакова с ответом Ленина на нее) должны были быть напечатаны в намечавшемся, но не вышедшем № 3 «Сборника Социал-Демократа».

Из документов периода Февральской революции и советского времени особенно выделяются запись лекции «Война и революция», прочитанной Лениным 27 (14) мая 1917 г. в одном из петроградских районов, «План доклада об апрельской конференции» и заметки «Из дневника публициста». В «Плане доклада об апрельской конференции» имеется такая запись, имеющая и теперь большое актуальное значение: «Быть твердым, как камень, в пролетарской линии против мелкобуржуазных колебаний... Влиять на массы убеждением, «разъяснением» (т. XXX, стр. 331). Говоря о колебаниях мелкой буржуазии, Ленин в качестве примера называет Троцкого, Мартова и др.

Заметки «Из дневника публициста» представляют собой намеченные Лениным в январе 1918 г. наиболее актуальные «темы для разработки». Таких тем Ленин наметил 44 (плюс 12 дополнительных). Заметки эти особенно интересны тем, что дают в сжатом виде всю сумму вопросов, стоявших на очереди дня в начале 1918 года.

В XXX томе даны исправленные тексты некоторых произведений Ленина, уже ранее помещенных в предыдущих томах 2-го и 3-го изданий. К таким произведениям относятся: листовка «Первое мая» (стр. 73—77), «Доклад о задачах РСДРП в русской революции» (стр. 315—319), «Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде РКСМ 2 октября 1920 года» (стр. 403—417).

М. Гляссер

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

Со времени нашего сообщения в № 3 «Литературного Наследства» об организации и поступлениях в Центральный Литературный Музей в Москве деятельность этого нового, большого, культурного учреждения очень сильно развернулась. Мы приобрели много новых архивных фондов, находившихся в частных руках как в СССР, так и за границей.

Подробное описание всех литературных и исторических материалов, поступивших в Центральный Литературный Музей, нами будет сделано в «Летописях Центрального Литературного Музея», которые в скором времени начнут выходить в свет и в которых мы будем публиковать не только сухие описания материалов, но давать фотографические снимки с документов и приводить самые документы. Точно так же в этих непериодических сборниках будут помещаться литературно-исследовательские статьи, построенные на материалах архива нашего музея. Мы полагаем, что все документы и материалы, которые мы собираем, не должны лежать под спудом целые десятилетия, как это обыкновенно делается во всех музеях и архивах всего света, а наоборот,— как можно скорей должны быть обследованы соответствующими научными силами и преданы гласности.

Одним из очень важных приобретений нашего музея является огромный архив Н. С. Лескова, который до последнего времени принадлежал его сыну Андрею Николаевичу Лескову и находится в прекрасной сохранности. В нем мы нашли много автографов самого покойного писателя, среди которых имеется значительное количество произведений, никогда не появлявшихся в печати и ранее запрещавшихся царской цензурой. Кроме того в этом архиве имеется 20 рукописей с полными законченными вариантами написанных произведений Н. С. Лескова, которые дают возможность дать исчерпывающий материал для будущего полного собрания сочинений этого автора.

В особом разделе мы имеем 21 произведение. Они были использованы Лесковым для его работ и таким образом разъясняют нам первоисточники его писаний.

В архиве находится также 30 заметок и начал произведений, многие из которых не опубликованы, но в то же время необходимы для изучения литературного наследства писателя.

В эпистолярном отделе мы находим 277 писем: А. Н. и И. С. Аксаковых, Н. Барсова, В. Л. Величко, Л. И. Веселицкой, И. С. Гагарина, Гайдебурова, В. А. Гольцева, В. В. Крестовского, Д. Мережковского, М. О. Меншикова, В. Модестова, Нотовича, Н. Набокова, Оболенского, А. Ф. Писемского, М. Протопопова, И. Е. Репина, А. С. Суворина, М. Стасюлевича, В. С. Соловьева, М. П. Цебриковой, И. И. Ясинского и мн. др.

В особой папке находятся материалы, касающиеся Толстого. Здесь мы находим письма: Л. Н. Толстого, С. А. Толстой, Л. Л. Толстого, Т. Л. Толстой, а также письма Бирюкова, Диллона, Ругина, А. и В. Чертковых, Хирьякова и других лиц. Всего 33 письма. В этом же отделе имеется конверт с надписью Лескова: «История о переводах статей о голоде Л. Н. Толстого». К этому отделу относится 13 документов.

Весьма значителен отдел материалов, которыми пользовался Лесков для своих произведений и статей. Это все больше рукописи старинных сказаний различных авторов, выписки из мемуарной и дневниковой литературы, пачка копий елизаветинских и екатерининских указов, материалы о монастырских беглецах, доклады сенаторов и большое количество ценного рукописного материала.

Особый отдел этого архива составляют чужие статьи и заметки с пометками Лес-

кова. Кроме того мы здесь же находим значительное количество рукописей XVIII и XIX вв., начиная с 1727 г., которые писаны или печатаны по преимуществу полууставом и которые несомненно служили материалами для различных произведений писателя.

Совершенно особым отделом этого богатого архива являются письма и бумаги Пеликана, архив которого очевидно перешел к Лескову. В нем около тысячи писем различных авторов, причастных к литературе, искусству и науке.

Помимо всего этого в архиве находится пять записных книжек Н. С. Лескова, в которых имеется 255 заполненных записями писателя страниц.

Вторым очень большим приобретением Центрального Литературного Музея является часть архива П. И. Бартенева, в котором мы находим более тысячи писем различных авторов, при чем эти письма за каждый год переплетены в отдельный том, а также и многочисленные записи в дневнике покойного историка, его автобиография и особая тетрадь с многочисленными записями по литературным вопросам и между прочим с весьма интересными подробностями о Пушкине и его современниках.

За это же время музеем приобретен большой архив Андрея Белого, в который вошло много рукописей этого писателя, еще не видевших света. К ним относятся: 1) Том собрания стихов под заглавием «Зовы времен». В него входит 193 стихотворения, среди которых 30 стихотворений с авторской правкой, 60 стихотворений настолько переработаны, что они совершенно отличаются от первоначального текста, а 54 стихотворения совершенно новые; 2) Том путевых заметок; 3) «Почему я стал символистом». — Рукопись автобиографического и дневникового характера; 4) Кризис сознания; 5) Лев Толстой и культура сознания; 6) «Москва» (драма); 7) Вторая половина трехтомного романа «Начало века»; 8) Основы моего миросозерцания; 9) О проблеме знания и познания; 10) Принцип ритма в диалектическом методе; 11) Конспект и наброски к отроческой мистерии-драме «Антихрист»; 12) Воспоминания о Жоресе; 13) Клочек из утраченной статьи о французских символистах; 14) Предисловие к предполагавшемуся переизданию романа «Котик Летаев»; 15) «Гибель сенатора» (драма). — В этом разделе всего зарегистрирована 2 551 страница.

В разделе материалов автобиографических и исследовательских мы имеем очень много разнообразных материалов, касающихся происхождения, личной жизни и семейных отношений писателя. Если к этому отделу прибавить еще исследовательский материал, который нередко тесно связан с автобиографическим, то в этом разделе мы имеем всего 954 страницы рукописей.

В отдельном разделе мы находим материалы, касающиеся лекционной деятельности поэта и писателя. В нем 332 рукописных страницы.

В этом же архиве имеется большой исследовательский материал по ритму, или, как пишет сам писатель, это «Остатки подготовлявшегося исследования о ритме, которого введение есть книга моя: «Диалектика ритма». В этом очень ценном материале мы имеем 444 страницы рукописи. Если прибавить к этому материалу ранее полученный нами огромный материал от сотрудников Андрея Белого по изучению ритма стиха, то этот отдел в нашем архиве представлен в настоящее время довольно полно.

В архиве Андрея Белого мы находим неиспользованный материал по истории движения коллекций эпохи Великой французской революции (всего 507 рукописных страниц).

Особый отдел представляет библиография по истории античной, новой и новейшей философии, а также и библиография по буддизму. Всего в этом отделе 170 рукописных страниц.

Тут же собраны рукописи, касающиеся исследовательского материала книги «Мастерство Гоголя»; в них 800 страниц.

Кроме того в этом же архиве имеется большое количество (6 261 стр.) черновиков всех других произведений поэта и писателя.

Очень интересный отдел составляют письма поэта к матери с детских лет до 1922 г., всего 150 писем. Эпистолярный материал помимо этих писем представлен довольно богато: в него входят черновики писем Белого, письма матери к сыну, письма художников, литераторов, профессоров, общественных деятелей, друзей, знакомых и пр. Всего 588 отдельных номеров.

В этом же архиве имеется большой иконографический материал (131 фотография), касающийся как самого поэта, так и его

семьи, и целый ряд фотографий различных писателей и общественных деятелей.

В архив вошли рисунки самого Андрея Белого, сделанные акварелью, карандашом и пером. Всего 48 рисунков.

Помимо всего этого приложено довольно значительное количество статей Андрея Белого, наклеенных в тетрадках и ранее напечатанных в различных газетах и журналах.

В дар нашему музею поступил большой архив от Е. А. Масальской, урожденной Шахматовой. Здесь мы находим очень много документов и изысканий по биографии Алексея Александровича Шахматова. Обращает на себя внимание перевод с французского писем Александры Андреевны Толстой 1859 г. (13 книжечек). Очень большие материалы, касающиеся работ Е. А. Масальской над сагами Скандинавии, и других, связанных с этими исследованиями переводных и оригинальных материалов.

В этом же архиве имеются большие материалы, собранные автором по поводу работы в голодные годы (1898—1899) в Саратовском уезде, а также в Аккерманском, Измаильском и Когульском уездах Бессарабии в голодные годы (1899—1900). Тут же мы находим громадный рукописный материал, послуживший для начала биографии А. А. Шахматова, где между прочим имеется много детских писем покойного историка.

Помимо перечисленного в этом богатом архиве мы находим очень много другого эпистолярного и исследовательского материала.

Особую группу составляют более 80 писем Ильи Ефимовича Репина, написанных им Е. Н. Званцевой, художнице рисовальной школы, где Репин состоял преподавателем. Письма охватывают период с 1888 по 1893 г.

Музеем приобретен у вдовы покойного академика П. Н. Сакулина весь его архив писем, в который вошло 1 016 писем различных литераторов, литературоведов, историков и деятелей искусства.

Большой интерес представляет приобретенный музеем архив писателя Л. Н. Трефолева. В нем мы находим автографы писателя, черновые и беловые рукописи его произведений, художественных и научно-исторических заметок, дневников, стихов и пр. Кроме того там же находятся материалы, связанные с творчеством и деятельностью Л. Н. Трефолева, и большая его переписка. В первой категории этих документов мы находим 66 отдельных номеров.

Эпистолярное наследство, сохранившееся в этом архиве, довольно значительно: в нем всего 809 писем 189 корреспондентов, среди которых мы находим письма А. П. Чехова, Н. А. Некрасова, Златовратского, Семеновского, Иванова-Классика, А. М. и Д. М. Достоевских, Гацисского, Плещеева, Полонского, Потехина, Ольхина, Энгельгардта, Головачевой-Панаевой, Жадовской и многих других.

Небольшой архив приобретен музеем у наследников близкого знакомого Л. Н. Толстого — М. Н. Чистякова. В нем всего 191 письмо. Среди них мы находим: 1) Беседу Л. Н. Толстого с крестьянином М. Петровым, записанную М. Н. Чистяковым и исправленную Л. Н. Толстым. Эта рукопись до сих пор не опубликована; 2) Письма А. И. Эртеля, начиная с 1877 по 1903 г., всего 85 писем; 3) Четыре письма Л. Н. Толстого; 4) Два письма М. Л. Толстой, при чем одно с припиской Л. В. Толстого; 5) Девять писем С. А. Толстой; 6) Семьдесят писем В. Г. Черткова; 7) Семь писем П. В. Засодимского; 8) Семь писем М. В. Эртеля; 9) Два письма А. В. Погожевой и другие.

У Н. О. Лернера приобретен ряд писем, рукописей и автографов, сделанных на книгах. Среди рукописей мы находим: 1) Н. М. Карамзина (отрывок); 2) Черновой отрывок из «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова; 3) Письма И. С. Тургенева; 4) Письма к А. П. Араповой, Н. А. Меренберг — дочери Пушкина; 5) Рукопись Валерия Брюсова «Баллада»; 6) Рукопись стихотворения С. Надсона: «И мир, все тот же мир...»; 7) Письма И. А. Гончарова к брату; 8) Стихотворения Ф. К. Сологуба; 9) Два письма композитора А. Н. Серова; 10) Отрывок из рассказа «Умер давно» К. С. Баранцевича; 11) Несколько писем и записок Александра Блока; 12) Письма П. А. Плетнева; 13) Автограф Н. А. Некрасова на книге «Божественная Комедия» Данте; 14) Автографы П. А. Вяземского, Булгарина и других.

Кроме всего вышеперечисленного нами получены из Парижа письма Герцена, Некрасова, Лескова, Плещеева, 14 писем Тургенева к Сологубу, а также в фотографических снимках из архива «Славянской библиотеки в Париже» письма Чаадаева, Гага-

рина и Бахметьевой, тексты стихотворений и писем Тютчева к Гагарину.

Из Пражского Национального Музея благодаря содействию нашего полпреда т. Аросева и его жены получено 50 снимков новых писем и записок Л. Н. Толстого.

В Польше отыскано в Bibljoteki Miejskiej u Bydgoszczy полпредом Антоновым-Овсеенко два письма М. А. Бакунина к Л. Лемпицкому (1848 г.) и его записка. Эти документы переданы нам в фотографиях.

От института Маркса-Энгельса-Ленина Центральный Литературный Музей получил в дар письмо Лескова и рукопись Куприна.

Музеем приобретено также 47 писем Тургенева к Рошет, до сего времени никогда не бывшие в печати.

Куплен небольшой архив поэта Долгорукого конца XVIII и начала XIX в., в котором имеются его неизвестные стихотворения, автобиографические сведения его и его семьи.

Приобретено 5 писем поэта Полонского и одно Добролюбова.

У жены умершего писателя Сергея Гарина приобретены все письма, которые остались от этого писателя.

Приобретен весь эпистолярный архив поэта Бориса Садовского.

Все здесь перечисленное, не считая очень многих покупок по мелочам, в настоящее время тщательным образом описывается архивистом музея Н. П. Чулковым, и как только Центральный Литературный Музей перейдет в новое, специально для него отстроенное помещение, все эти материалы будут развернуты для обозрения и показа интересующимся, а также для исследования всех тех, кто пожелает работать над ними.

Фондовая Комиссия, продолжая постоянно работать, неустанно приобретает все новые и новые архивные материалы и предлагает всем, кто только желает сохранить эти литературные ценности для будущих поколений и как можно скорей дать возможность работать над ними нашим литературоведам и историкам,— сделать заявки о таких материалах, направляя пока эти заявки по адресу: Москва, Большой Кисловский пер., д. 5, кв. 2, Зам. пред. Комиссии по устройству Центрального Литературного Музея В. Д. Бонч-Бруевичу.

Вл. Бонч-Бруевич

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ КЛАССИКОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «БЫЛОГО И ДУМ» А. И. ГЕРЦЕНА

(А. И. Герцен. «Былое и думы» в трех томах, под редакцией Л. Б. Каменева. «Academia», 1932).

В письме к М. К. Рейхель от 24 января 1857 г. Герцен пишет по поводу начатых изданием «Былого и дум»: «Очень уж хвалите. Да я, ведь, эдак и еще томов пять напишу, а потом «записки о записках», да уж мне кажется, что я жил-то для «записок»...»

Шутливое преувеличение, характеризующее форму этого высказывания, не должно скрыть от нас большую значимость его содержания. «Былое и думы» писались более 15 лет. Именно это произведение может быть названо делом жизни, по крайней мере литературной деятельности Герцена. Для автора «Былого и дум» взаимоотношения литературы и жизни, жизненной практики и художественного творчества рано стали острой проблемой. С юношеских лет Герцен стремился к жизни, достойной литературного оформления, и к «пережитой» литературе; еще в вятской ссылке он не хотел быть только писателем.

«Былое и думы» реализовали это давнее стремление. Героем «Былого и дум» стал Герцен-революционер, мыслитель, публицист. Этот роман о себе самом не был обращен лишь к прошлому. Недаром читаем мы в одном еще неопубликованном письме Герцена: «...чем кровнее, чем сильнее вживается художник в скорбь и вопросы современности, тем сильнее они выразятся под его кистью». «Скорбь и вопросы современности» насыщают собой «Былое и думы», и в этом корни силы, глубины, блеска, живости, темперамента, присущих этому произведению, для которого обозначение «мемуары» с сопутствующими ему традиционными представлениями кажется неверным, старческим, пыльным.

Воспоминания о былом служили здесь материалом для дум о настоящем и вдохновляли борьбу за будущее.

«Былое и думы» — самое полное, яркое и многостороннее свидетельство о жизни, деятельности, мировоззрении и творчестве Герцена. А ключ к верному пониманию этого свидетельства — ленинская статья «Памяти Герцена».

Сопоставление ленинской статьи и «Былого и дум», сопоставление, на котором мы сейчас и остановимся, покажет нам, в какой мере обобщающие социологические оценки и определения Ленина конкретны и историчны, как они учитывают и общие исторические закономерности, влиявшие на деятельность и мировоззрение Герцена, и индивидуальное своеобразие именно его идейного пути.

Герцен сумел историю своей жизни органически слить с историей его эпохи. Он в «Былом и думах» видел «отражение истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге». Но дав во многом верное и яркое отображение отдельных этапов современной ему истории, некоторых ее тенденций, Герцен не дошел до целостно-правильного ее разумения, до объективно верного понимания собственной роли, до точки зрения научного социализма. Поэтому в «Былом и думах» много черт, навеянных и романтической идеализацией, и индивидуалистическим скептицизмом, отражающими «остановку»

(Ленин) Герцена перед историческим материализмом. И только ленинская мысль выводит нас за пределы субъективных тенденций и замыслов Герцена, учит нас исторически оценить автора «Былого и дум», его деятельность и мировоззрение, а тем самым и правильно определить «роль разных классов в международной и русской революции». «Герцен принадлежал, — пишет Ленин, — к поколению дворянских помещичьих революционеров первой половины прошлого века». Далее Ленин цитирует Герцена, сказавшего, что декабристы пошли на собственную гибель для того, чтобы «разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия», и продолжает: «К числу таких детей принадлежал Герцен. Восстание декабристов разбудило и «очистило» его».

А в заключении своей статьи Ленин так характеризует первое из «трех поколений, трех классов, действовавших в русской революции»: «Сначала дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров, страшно далеки они от народа».

Эта лаконичная характеристика дает все необходимое для того, чтобы правильно понять первую и вторую части «Былого и дум». Эти главы рисуют детство и юношество Герцена, они содержат взволнованный и поэтический рассказ о светлой молодости, полной гордых надежд и смутных, но свободолюбивых мечтаний. «Девичья и передняя», быт прислуги в барском доме, люди, ожесточенные и сломленные рабством, тревожные разговоры и слухи, порожденные событием 14 декабря, учитель, приносящий с собою на урок тетрадки с запрещенными стихами Пушкина и Рылеева, наконец присяга Герцена и Огарева — подростков на Воробьевых горах, их обещанье «пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу» — таковы эпизоды, рисующие «нравственное пробуждение» Герцена, если использовать его собственное выражение.

Но эти эпизоды служат превосходной иллюстрацией к указанию Ленина на оторванность от народа той революционной струи, которую представляли собой московские друзья. Вдвоем с Огаревым Герцен уже не казался себе одиноким, уже ощущал себя силой! И исторически он был прав, потому что лет на десять позже действительно и буквально одинокий Печерин бежал из «шпионствующей России», даже не помышляя о борьбе, а зато страшно боясь собственной слабости, возможности стать покорным рабом николаевского режима.

Крестьянские массы как революционная сила не существовали для Герцена в 40-е и 50-е годы. В его саркастическом изображении крепостнических порядков и царской бюрократии ощущается заступничество за народ, но нет чувства непосредственного страдания, здесь мало той страстной ненависти революционера-демократа, которая воодушевляет письмо Белинского Гоголю. Поэтому в «русских» частях «Былого и дум» рядом со страшным и горьким так много забавного и анекдотического.

Ленин пишет о Герцене: «В крепостной России сороковых годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля... Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом...» Здесь в краткой формулировке дан сгусток той идейной эволюции Герцена, которая нашла свое отражение в IV ч. «Былого и дум». Читатель узнает, как крепнет, становится все более самостоятельной, закаляется в расколах, в отмежевании от славянофилов, откровенно ищущих компромисса с крепостничеством, от буржуазных либералов, от идеалистов теоретическая мысль Герцена. Так еще смутно, еще в интимно-домашних спорах с Грановским, еще вдалеке от острых политических вопросов, еще по преимуществу на философском материале обнаруживались тенденции того размежевания либерализма и демократизма, которое переросло в обнаженную политическую борьбу лишь в конце 50-х годов.

Но еще очень мало оформленные и осознанные демократические тенденции Герцена (не следует забывать, что Герцену и в 60-х годах присущи были, по выражению Ленина, «отступления от демократизма к либерализму») являлись передовыми только в классовой обстановке, создавшейся в крепостнической России. Иначе обстояло дело в Западной Европе, в условиях политической ситуации 1848 года, непосредственным свидетелем событий которого и оказался отправившийся за границу Герцен.

Герцен, как пишет Ленин, «был тогда демократом, революционером, социалистом.

Но его «социализм» принадлежал к числу тех бесчисленных в эпоху 1848 года форм и разновидностей буржуазного и мелкобуржуазного социализма, которые были окончательно убиты июньскими днями. В сущности, это был вовсе не социализм, а прекраснодушная фраза, доброе мечтание, в которое облекала свою тогдашнюю революционность буржуазная демократия, а равно и невысвободившийся из-под ее влияния пролетариат.

Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был крахом буржуазных иллюзий в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела».

Поразительна та разница, которая ощущается между последними главами IV и первыми V части «Былого и дум». Наболевшая горечь, душное отчаяние, озлобленность, настроения разрыва с прежними верованиями, тяжелая безысходная грусть сменяют улыбку, романтический порыв, веру в будущее. Правда, что и детство, и московский период своей жизни Герцен рисовал уже за границей, уже потерпев «духовный крах», но светлая атмосфера тех далеких лет не теряла своего обаяния над Герценом, видевшим июньские дни Парижа 1848 г. Наоборот, темному настоящему противостояли светлые тени прошлого. Конечно Герцен стремился вырваться из царской России, конечно на него давил грубый жандармский произвол, но тогда он жил надеждами на западноевропейскую революцию, уверенностью в ней и в себе, он уезжал за границу «с опрометчивой самонадеянностью, с надменным доверием к жизни...» («Друзьям на Руси»). В 1848 г. «все рухнуло» именно потому, что социализм Герцена был «прекраснодушной фразой, добрым мечтанием», потому что он не знал суровой правды классовой борьбы. «Духовный крах» Герцена не был в то время единичным. Такое крушение испытали в период 1848 г. многие мелкобуржуазные «социалисты». Некоторые из них уходили в религию и в открытую контрреволюцию, многие — в социально-политическую романтику, в пустословие и обреченность демократической эмиграции, в отстаивание «буржуазных иллюзий в социализме».

Но если слабые стороны мировоззрения Герцена обусловили его идейное крушение, то сильные стороны направили его скептицизм против этих иллюзий. Герцен разуверился в мелкобуржуазной революционной фразе, в исторической роли буржуазной демократии в Западной Европе в том, что Луи Блан, Маццини и им подобные могут совершить революционную переделку мира. И в этом смысле, несмотря на мрачный пафос скептицизма, отражение событий революции 1848 г. в «Былом и думах», созданная в этом произведении длинная и яркая галерея мелкобуржуазных революционеров (V и VI ч. «Былого и дум») поражают остроумным, трезвым, метким, реалистическим вскрытием ряда слабых сторон этих исторических деятелей.

А наряду с этим мы видим в «Былом и думах» и совершеннейшее непонимание Маркса, и соответствующая глава (правда, следует иметь в виду, что она самим Герценом никогда напечатана не была, хотя и была написана в 50-х годах, что в письмах Герцена в 60-х годах содержатся косвенные, но принципиально иные оценки Маркса) превращается в резкий и явно извращающий подлинные факты памфлет, подробно проанализированный Л. Каменевым в его вступительной статье к I тому «Былого и дум».

Но подмечая очень часто остроумно и верно черты фразерства, мистицизма, националистической ограниченности и в наиболее видных деятелях лондонской демократической эмиграции, Герцен, никогда не дошедший до Марксова учения о классовой борьбе, не мог понять классовых корней слабости и обреченности этих людей. А «не поняв буржуазно-демократической сущности всего движения 1848 года и всех форм домарксовского социализма, Герцен тем более не мог понять буржуазной природы русской революции. Герцен — основоположник «русского» социализма, «народничества». Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян с землей, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю» (Ленин).

Так Ленин, уже ранее подчеркивавший то, что «революционность буржуазной демократии умирала (в Европе)», фиксирует историческое своеобразие положения Герцена, разуверившегося в революционной роли буржуазной демократии в Западной Европе, но оказавшегося демократом-народником в отношении социальных вопросов России, где только в конце 50-х годов демократия, игравшая революционную роль, решительно отмежевалась от либерализма, где «в эпоху Чернышевского... демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое» («Что такое «друзья народа»). Но при этом демократизм Герцена, принадлежащего к поколению дворянских революционеров, был гораздо менее непримиримым и боевым, чем демократизм Чернышевского. Ленин писал: «Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму. Однако справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх».

Этот разрыв с либерализмом и вместе с тем эти колебания между либерализмом и демократизмом нашли свое наиболее отчетливое отражение в главах VII части «Былого и дум» («Русские тени»). Герцен здесь с болью говорит о своем «распадении» с «обществом», т. е. с либералами, которых он лишь постепенно учился презирать, а вместе с тем допускает полные барского пренебрежения и непонимания выпады против молодой эмиграции и сводит революционную непримиримость революционеров-разночинцев к «студенческой опрометчивости».

После 1848 года Герцен пытался замкнуться в себе, в гордом одиночестве, опирающемся на «отвагу знания», на трезвое познание мрачной действительности, на непреклонное решение освободить свое мировоззрение от всех и всяческих иллюзий.

Но по мере того как развивалось международное рабочее движение и все более и более наглядно обнаруживалась сила марксова учения, по мере того как ширилось и углублялось движение русской революционной демократии, Герцен, пусть внутренне сопротивляясь, но непреодолимо приходил к пессимистической переоценке своего мировоззрения и своей собственной роли, роли человека, слишком мало сделавшего для того, чтобы «изменить мир».

Эти новые тенденции наиболее резко сказываются в VIII части «Былого и дум», написанной в конце 60-х годов и отличающейся прерывистостью, лоскутностью и нервностью изложения. Здесь бегло, намеками отражены думы и образы, стоявшие перед Герценом в последние годы его жизни, и тяжелые настроения разочарования в самом себе и в своей исторической роли, настроения «самопрезрения», о котором Герцен говорит в одном из своих писем к Огареву. Здесь мы видим воочию, как терпит поражение созданная Герценом после 1848 года идея одинокого, индивидуалистического, якобы безусловно правильно понимающего действительность революционера, идея, которой Герцен пытался прикрыть свой «духовный крах»; здесь же слышится приветствие приближающегося к концу своей жизни Герцена молодому русскому революционному поколению. Восьмая часть «Былого и дум» показывает нам, что произведение это было подточено изнутри, что в нем самом были заложены элементы распада. Пессимистическая самооценка Герцена развенчивала героя «Былого и дум» и тем самым лишала этот роман его стержня.

В заключение же этой части настоящей статьи укажу на то, что менее всего отразились в «Былом и думах» народнические стороны мировоззрения Герцена. Объясняется это тем, что Герцен не знал русской деревни и не мог ее показать в художественных образах, подтверждающих его народническую концепцию, и тем, что «Былое и думы», за исключением первых частей, строились на материале эмигрантской жизни автора *.

---

* В этой же связи я должен отметить, что в моей книге «А. И. Герцен и «Былое и думы» (изд. «Федерация», 1930) — вообще исторически мало конкретной и социологически очень нечеткой — я, пытаясь на основе «Былого и дум» дать общую характеристику Герцена, допустил явную недооценку народнических элементов его миросозерцания. Поэтому в ряде мест моей работы допущено неправильное, вульгаризирующее и искажающее толкование ленинского анализа идейной эволюции Герцена.

Лежащие перед нами три тома «Былого и дум» являются первым марксистским, научно комментированным, текстологически проверенным и исправленным изданием этого замечательного произведения.

Перед таким изданием стояли не обычные трудности. Герцен писал это свое произведение более 15 лет, значительные части «Былого и дум» остались неопубликованными при жизни автора, а еще более значительные при его жизни появились только в виде отрывков в периодических изданиях; документа, который определял бы волю Герцена в отношении расположения всех частей и глав «Былого и дум», нет. Как показал Л. Каменев в статье «История создания, содержание и издание «Былого и дум», творческая история этого произведения сводится к постепенному перерастанию «мемуара» о пережитой Герценом семейной трагедии, — мемуара, который должен был стать обвинительным актом против Гервега, — в произведение большого общественно-политического размаха; и в итоге интимно-личные главы и после смерти Герцена еще долго оставались в рукописном фонде семейного архива.

Безусловно прав редактор, подчеркивая в своей вступительной статье, что то расположение многих глав, которое имело место в изданиях «Былого и дум», выходивших при жизни автора, было условным и временным, поскольку удалены были столь существенные для самого Герцена главы, рисовавшие его «частную» жизнь. Ввод же «частных» глав должен был отразиться на композиции всего произведения, делая излишним многие временные пристройки, случайные соединения и т. п.

Наконец следует помнить общий очерковый характер построения «Былого и дум», особенно во второй их половине, позволявший тасовать отдельные, до известной степени самостоятельные и условно связанные главы, давать их, как это и делал Герцен, в различных комбинациях, в зависимости от того, печатались ли они в отдельном издании, или в журнале.

В виду всего этого новое издание «Былого и дум» требовало от редактора уменья и решительности отказаться от традиционного текста «Былого и дум», аналитического выяснения и обоснования необходимых изменений, такта, чутья и смелости в операциях над живым художественным организмом. Следует признать, что в основном и главном новое издание всем этим требованиям удовлетворяет: внесенные в «чтение и расположение частей и глав крупные изменения», мотивированные анализом и творческой истории произведения, и идейной эволюции его автора, несомненно соответствуют внутренней логике «Былого и дум», распутывают многие неясности их композиции в том ее виде, какой явился результатом прежнего случайного и поверхностного подхода к изданию текста, содействуют лучшему пониманию замысла и намерений автора, устраняют многие бесформенности, облегчают чтение.

Так например, исходя из случайного журнального расположения отрывков, в прежних изданиях «Былого и дум» оторваны были друг от друга две части рассказа о Бартелами, при чем помещение между ними очерка о суде над Бернаром, замешанным в дело Орсини, превращало в героя всей этой главы не Бартелами, а английского судью, председательствовавшего на всех трех процессах. В настоящем издании разрушенное единство восстановлено.

Или другой пример: статья Герцена о книге Д.-С. Милля «On Liberty» печаталась до сих пор как конец главы о жизни эмиграции (главным образом французской) в Лондоне только потому, что в «Полярной Звезде» эта глава и эта статья, никак между собою не связанные, были напечатаны рядом...

Наибольшие изменения, и с полным основанием, внесены в V, VI и VII части «Былого и дум».

В V части текста достигнута теперь и несравненно большая последовательность изложения, и, что особенно важно, выпукло выступает параллельное и взаимозависимое развитие общественной и личной драмы Герцена, связь «частного» и «общего», столь характерная вообще для его творчества и обусловившая реконструированное сейчас раздвоение на отделы «Outside» («Внешнее») и «Inside» («Внутреннее»). Разделение же единой в старых изданиях VI части на две (VI—«Англия» и вновь «организован-

ная» VII — «Русские тени») также соответствует намерениям автора, изложенным в его письме к Вырубову 1867 года, и создает две цельные галереи политических персонажей.

Итак общие принципы и приемы восстановления текста, положенные в основу своей работы редактором настоящего издания, верны и целесообразны. Очень существенно следующее указание Л. Каменева: «Архитектурная стройность имеет не только самостоятельный интерес: она теснейшим образом связана с возможностью изучения подлинных идей Герцена и их эволюции. Дело в том, что Герцен в «Былом и думах» неоднократно возвращается к одним и тем же событиям, к одним и тем же лицам, при чем каждое подобное возвращение дает новую черту или новый вариант в оценке Герценом этих событий или лиц... Ясно значение этой эволюции взглядов Герцена для общей характеристики его позиции, ясно также, что установить эту эволюцию без приведения в определенный порядок записей «Былого и дум» невозможно».

И действительно данное издание значительно облегчает изучение идейной эволюции Герцена. Но именно поэтому невозможно согласиться с одним очень значительным изменением, точнее пропуском, сделанным в тексте «Былого и дум».

Мы говорим об исключении из «Былого и дум» очерка-статьи «Роберт Оуэн». Формальные основания, приводимые здесь Л. Каменевым, во всяком случае недостаточны. Что же касается аргументов по существу, то указание, что «VI часть «Былого и дум» посвящена лондонской эмиграции, Роберт Оуэн, однако, не был эмигрантом», — мало убедительно; ведь сам Герцен определил тему VI части так: «Лондон и эмигранты нерусские», да и названа эта часть — «Англия». Кроме того при таком узком понимании темы V части уже совсем не могла бы найти в ней место статья о Милле, все-таки помещенная Л. Каменевым. А «Роберт Оуэн» в конструкции «Былого и дум» ценен и важен именно потому, что представляет собой существенный этап в эволюции взглядов Герцена на действительность и ее движущие силы. Исключение «Роберта Оуэна» обусловливает выпадение звена этой эволюции, звена, промежуточного между статьей о Милле и мыслями VIII части.

Как раз в очерке об Оуэне, относящемся к 1861 году, Герцен до известной степени рвет с бездейственным скептическим созерцательством, характерным для него после «духовного краха» 1848 года.

Отметим еще некоторые частности текстологических изменений, внесенных редактором, которые нам представляются спорными.

Если общий принцип нового деления V части вполне оправдан, то оформление, а отчасти и расположение тех отрывков, которые ранее были собраны в «Западных арабесках», вызывают сомнения.

Недаром Герцен назвал эти отрывки «арабесками» и, выделив их из общего поглавного распределения, подчеркнул их специфическую композиционную роль, своеобразие их замысла и тона. В самом деле этим отрывкам присущи фрагментарность, интимность и напряженная лиричность, а вместе с тем и публицистичность, выделяющие их из общего состава данной части «Былого и дум».

Правильно и удачно в данном издании в н а ч а л е V части собраны все отрывки (о том, что «Тифоидной горячке» следовало бы, по нашему мнению, дать другое место, мы скажем ниже), касающиеся политических событий 1848 года, ранее разбросанные и разрозненные. Но думается, что неудачно их соединение в виде цельной главы с общим заголовком. Дело здесь и в том, что обычно длинный заголовок у Герцена является как бы остроумно-лаконичным предметным указателем к данной главе и в нем перечисляются персонажи, ситуации и эпизоды, в ней встречающиеся. Но в тех случаях, когда заголовок носит менее конкретный, более условный и эмоциональный характер, Герцен обычно избегает длинного заглавия, точно называет каждый отрывок, отделяя его заглавием от другого (см. например отрывки VIII ч. «Былого и дум»). Поэтому и такие отрывки, как «В грозу», «После грозы» и «Приметы», следовало озаглавить каждый отдельно, и тогда возможно было сохранение композиционной обособленности «Западных арабесок», наиболее непосредственно и жгуче отражающих «духовный крах» Герцена.

Что же касается «Тифоидной горячки», то этот кусок упоминанием встречи с Гервегом настолько тесно связан с «внутренним», «частным» отделением V части «Былого и дум», что именно с него и следовало начать это отделение; ведь и при данном расположении пришлось введение к «Inside» сопроводить ссылкой, отсылающей читателя к «Тифоидной горячке», а и без последней глава «1848» не потерпела бы серьезного ущерба.

В целом же следует признать, что текстологическая работа, проделанная в данном издании «Былого и дум», приобретает принципиальное значение, выходящее за пределы данного произведения. Методология текстологической работы у нас еще по большей части подчинена формалистским, псевдо-научным традициям. Игнорируя внутреннюю логику данного произведения и социальную обстановку его создания, у нас зачастую отдают «принципиальное» предпочтение первоначальному журнальному тексту или последнему, просмотренному автором издания, не подвергая текст анализу по существу и, в лучшем случае, загоняя все варианты, цензурные выброски и т. п. в комментарий. В этом отношении данное издание является едва ли не первым в нашей литературоведческой практике и удачным опытом большой марксистски обоснованной текстологической работы, исходной позицией которой был правильный социологический анализ «Былого и дум».

Основной задачей комментария и указателей к рассматриваемому изданию «Былого и дум», занимающих в общей сложности свыше тридцати листов, было воссоздание «той общественной и идейной атмосферы, в которой развивались мировоззрение и публицистическая деятельность Герцена», предоставление читателю сравнительно исторического материала для сопоставления тех или иных высказываний Герцена с высказываниями его современников, в частности Маркса и Энгельса. В обширном же указателе даны политические характеристики лиц, упоминаемых в «Былом и думах», при чем эти справки поставлены в тесную связь с тем, какую роль то или иное лицо играло в жизни или идейном развитии Герцена.

Бесспорно, что и комментарий, и указатель выполняют поставленные себе задачи, превращаясь в сущности в самостоятельный, своеобразный, ценный, а главное отсутствующий в нашей литературе справочник по истории международной и русской общественной мысли 30—60-х годов XIX века, давая сведения и о второстепенных деятелях, уточняя многие спорные факты и характеристики (так например, политическую роль Н. И. Сазонова).

Однако нельзя все же признать комментарий исчерпывающим, особенно если подойти к нему, как к своего рода «энциклопедии» по Герцену, на что невольно толкает широкий размах этой работы.

Относительно слишком мало дано сопоставлений с русскими современниками Герцена, особенно с Чернышевским, в частности с его оценками международных политических событий. Между тем именно в этой связи представлялось возможным уточнить взгляды Герцена и Чернышевского на взаимосвязь международного и русского революционного движения, подчеркнуть отличие народничества Герцена от народничества Чернышевского в разрезе оценки революционных перспектив, показать, что для последнего русская революция представлялась гораздо более зависимой от нового революционного подъема на Западе, чем для Герцена. Недостаточно также освещены в комментарии вообще очень мало выясненные расхождения Герцена с молодой эмиграцией.

Мало также сравнительного материала для оценки философских высказываний Герцена, а в порядке сопоставления — и Чернышевского. Здесь чрезвычайно существенен вопрос о том, насколько Герцен и Чернышевский преодолевали «созерцательный материализм» Фейербаха (выражение Маркса в тезисах о Фейербахе), насколько каждый из них в общефилософском разрезе подошел к пониманию революционной практики. Мало также в комментарии данных для сравнительной оценки философских взглядов Герцена и Прудона.

Больше сопоставлений следовало бы дать и в отношении первых частей «Былого и дум». Здесь любопытно было бы поставить рядом характеристики отдельных эпизодов жизни царской России, данные Герценом и Белинским (например Голохвастов в «Бы-

лом и думах» и Голохвастов в письмах Белинского), Герценом и Щедриным (Вятка в «Былом и думах» и «Губернские очерки»). Эти сопоставления могли бы сделать еще более рельефными черты Герцена как революционера, принадлежавшего к дворянской, барской среде.

Укажу в заключение на то, что в комментарии «Маццини, Гарибальди и Герцен» не подчеркнуты своеобразные отличия в отношении Герцена к этим двум деятелям итальянского национально-освободительного движения. Герцен относился к Гарибальди гораздо менее критически, чем к Маццини, потому что первый импонировал ему как практик национальной революции, добившийся в своей деятельности конкретных и осязательных результатов, как человек реального дела.

Ж. Эльсберг

ПОЛНОЕ ПЕРЕИЗДАНИЕ «КОЛОКОЛА» А. И. ГЕРЦЕНА

Академия Наук СССР совместно с Соцэкгизом предприняли переиздание «Колокола» Герцена (общая редакция — Л. Б. Каменева).

Нельзя не приветствовать это начинание. «Колокол» — библиографическая редкость, а между тем место, занимаемое им, столь значительно, он такими крепкими нитями связан с русской жизнью второй половины XIX в., что редкая работа по истории русской общественности или литературы этого периода может обойтись без обращения к его номерам, или «листам», как неизменно говорили Герцен и Огарев.

Еще до окончательного приезда Огарева в 1855 г. Герцен выпустил в Лондоне первую книжку «Полярной Звезды» — сборник, названный так в честь одноименного альманаха А. А. Бестужева (Марлинского) и К. Ф. Рылеева (1823—1825). «Полярная Звезда», с профилями пяти казненных декабристов на обложке, хотела продолжить традицию, прерванную казнями и каторгой после 14 декабря 1825 г. «Вопросы русского освобождения и распространения в России свободного образа мыслей»—вот к чему сводилась программа издания Герцена.

В 1856 г. окончательно приехал в Лондон Огарев, принял участие во второй книжке «Полярной Звезды» и, так как выяснилось, что эти сборники не могут выходить точно периодически, поднял вопрос об издании рядом с ним другого органа. Последний должен был более живо, часто, непосредственно, а главное периодически откликаться на русские злобы дня. Кроме того по своей внешности (тонкая бумага, формат в 4°, что допускало свертывание и упаковку в почтовые конверты) он должен был быть более удобен для нелегального ввоза в Россию, чем толстые, солидные книжки «Полярной Звезды».

Так возник «Колокол», сыгравший огромную роль в русском освободительном движении.

Вместе с другими изданиями лондонской «Вольной русской типографии» («Полярная Звезда», «Общее вече», «Под суд») «Колокол» открыл свои страницы для свободного, безбоязненного, властного обличения всех безобразий крепостного и царского режима. Успех «Колокола» был необычайно велик. Несмотря на все усилия царского правительства преградить «Колоколу» дорогу в Россию, несмотря на помощь, которую в этом деле оказывали министрам Александра III реакционные иностранные правительства, «Колокол» неуклонно проникал в Россию. Его читали всюду — от студенческой мансарды до царского кабинета. Перед его обличениями трепетали министры и бюрократическая мелочь. Герцена осыпали выражениями сочувствия, пожеланиями успеха. Количество его корреспондентов неуклонно росло.

Так продолжалось до 1863 г. С этого времени началась постепенная изоляция Герцена и падение значения «Колокола». Либералы не могли простить его социалистических убеждений, нападок на дворянское землевладение и сочувствия польскому восстанию. От молодой радикально настроенной разночинной интеллигенции его отделяло неверие в прямое революционное выступление масс. Пролетарский социализм, выкристаллизовывавшийся около Маркса, естественно не мог иметь ничего общего с упованием Герцена на «бытовой, непосредственный социализм» русской сельской общины.

Герцен чувствовал, что влияние «Колокола» падает. В 1864 г. он выдвигает ло-

зунг «Земля и воля» и в 1865 г., начиная с «листа» 197, прибавляет его к старому девизу «Колокола»: «Vivos voco» (живых призываю). Но влияния первых шести лет своего существования «Колокол» уже не вернул.

Первый лист «Колокола» вышел в Лондоне 1 июля 1857 г., и правильное издание журнала продолжалось ровно десять лет, по 1 июля 1867 г., когда вышел двойной 244—245 «лист». 196 «листов» напечатаны были в Лондоне, остальные в Женеве. Через полгода после прекращения русского «Колокола» Герцен стал выпускать «Kolokol (La Cloche)», revue du developpement sociale, politique et litteraire en Russie». Вышло 16 номеров на французском и 6 приложений на русском языке.

Мысль о необходимости переиздания «Колокола» не нова. Вскоре после революции 1905 г. такое переиздание предпринял Вакуловский. Но вышло только 27 номеров, имитировавших внешность Герценовского «Колокола». Какой бы то ни было комментарий отсутствовал.

Появление монументального собрания сочинений Герцена под редакцией М. К. Лемке должно было оживить мысль о переиздании «Колокола». В самом деле, М. К. Лемке включил в свое издание много анонимных статей и заметок из «Колокола», приписанных им Герцену на основании такого субъективного признака, как «стиль и тон». Решить, все ли несомненно или хотя бы предположительно принадлежащее Герцену учтено М. К. Лемке, а с другой стороны, — что из числа этих анонимных опусов приписано Герцену по ошибке, а на самом деле принадлежит Огареву, детально разобраться в совместной редакторской работе Герцена и Огарева — все это будет неизмеримо легче, когда в руках исследователей будет полный текст «Колокола» с детальными комментариями.

В настоящее время сдан в производство первый выпуск размером в 80 печатных листов, из которых сорок приходится на комментарий. По внешности новое издание — точная, за исключением орфографии, имитация герценовского «Колокола». Комментарий обильно иллюстрирован. План издания отводит последний том на библиографический указатель литературы о Герцене. Все издание предположено закончить в пять лет.

СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОЧИНЕНИЯ П. Л. ЛАВРОВА

Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев приступило к изданию «Собрания избранных социально-революционных сочинений П. Л. Лаврова». Издание рассчитано на шесть томов, ориентировочно по 25 печатных листов в каждом томе. Подготовляется оно к печати И. С. Книжником-Ветровым, снабжающим все томы обширными вступительными статьями и примечаниями, раскрывающими на основании новых материалов связи Лаврова с русским и западноевропейским революционным движением с начала 60-х годов. В каждом томе дается также относящаяся к охватываемому им периоду жизни Лаврова полная аннотированная библиография всех печатных его работ (публицистических, исторических, философских, антирелигиозных, социологических, естественно-научных и военно-технических, содержащих также скрытый социально-революционный элемент). В последнем томе предположено дать: 1) Вехи жизни Лаврова, 2) Алфавитный и систематический указатель статей и книг Лаврова по их заглавиям и 3) Список псевдонимов Лаврова с указанием периодических изданий и серий, в которых Лавров принимал участие под этими псевдонимами, под своей фамилией и анонимно.

В это издание войдет приблизительно лишь треть того, что напечатано Лавровым на социальные или революционные темы (печатание всего этого материала потребовало бы около 20 томов, что ясно видно из упомянутой аннотированной библиографии), войдет почти все, что писал Лавров в журнале и газете «Вперед» (1873—1876), в «Вестнике Народной Воли» (1883—1886), в нью-йоркской рабочей газете «Знамя» (1889—1890), в органе германской социал-демократии «Форвертс» (1891), в «Материалах для истории русского социально-революционного движения» с приложением «С родины и на родину» (1893—1896) и

в других изданиях, являющихся библиографической редкостью.

Хотя издание охватывает лишь печатные работы Лаврова, не касаясь вовсе его рукописей, оно содержит много материалов, которые скрыты до сих пор в архивах, куда они попали после обысков русских революционеров. Принадлежность многих статей и отдельных книг Лаврову установлена впервые при подготовке этого издания. Выявлено между прочим много ошибок различных научных библиотек и издательств, приписывающих Лаврову отдельные статьи и книги, вовсе ему не принадлежащие. Обследованы отдельные печатные работы Лаврова, имеющиеся в историко-революционных архивах и главнейших библиотеках Москвы и Ленинграда, в части архива Лаврова, оставшейся в Библиотеке Академии Наук СССР, и в части архива Лаврова, хранящейся в Берлине.

В настоящее время сданы в набор первые два тома. П е р в ы й том содержит «Биографию-исповедь» Лаврова 1885 г. с дополнениями 1889 г., большое «Письмо к издателю» (А. И. Герцену) 1857 г., статьи: «Вредные начала» (1858 г.), «Постепенно» (1862—1863 гг.), «О публицистах-популяризаторах и о естествознании» (1865 г.), «Исторические письма» (1868—1869 г. с поправками 1891 г.), «Формула прогресса г. Михайловского» (1870 г.), «По поводу критики на «Исторические письма» (1871 г.) и «Корреспонденции о Коммуне» (21 и 28 марта 1871 г.). В т о р о й том содержит листовку «Русским цюрихским студенткам» (июнь 1873 г.), главнейшие статьи Лаврова из I, II и III томов журнала «Вперед» и отдельные издания «Вперед» — «По поводу самарского голода» (1874 г.) и «Русской социально-революционной молодежи», «По поводу брошюры Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России» (1874 г.).

Из всех этих произведений Лаврова только «Исторические письма» и «Формула прогресса г. Михайловского» известны читателям, остальные же мало кому известны или совсем неизвестны даже историкам русской общественной мысли, тогда как эти статьи имеют огромное значение для точного выяснения того места, которое Лавров занимал в русской журналистике конца 50-х и в 60-е годы и в революционной эмигрантской литературе 1871—1874 гг. «Корреспонденции о Коммуне» извлечены из французской еженедельной газеты бельгийских членов Интернационала и напечатаны отдельно в «Каторге и ссылке» (1931 г., № 10). Благодаря этим статьям выясняется вопрос, был ли или не был Лавров 60-х годов далеким от общественности и революционного подполья «кабинетным ученым», а во время издания «Вперед» — «враждебным» признанию важности злободневной политики и борьбы с самодержавием.

Подготовлены почти полностью III и IV томы, содержащие главнейшее из написанного Лавровым в IV томе журнала «Вперед» и в газете «Вперед» 1875—1876 гг. и впервые открытую брошюру Лаврова «Славянский вопрос» (1876 г.), идея которой заслужила полное одобрение Карла Маркса. Сдача в редакцию двух томов задерживается вследствие большой сложности разысканий о связях Лаврова с русскими революционными кружками 70-х годов и о влиянии, которое Лавров на них оказывал (в противовес бакунистскому бунтарству) в духе политики Маркса в I Интернационале.

В дальнейшие томы войдет и все напечатанное Лавровым в немецких, французских, английских, итальянских и польских изданиях, в том числе и его речь на первом конгрессе Интернационала. В последнем томе будут даны его стихи социально-революционного содержания и письма к частным лицам (те из писем, которые обращены к целым организациям, отнесены к основному тексту сочинений Лаврова).

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ П. Н. ТКАЧЕВА

В издательстве Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев вышли четыре тома собрания избранных сочинений П. Н. Ткачева.

В этом издании собраны все основные его произведения на социально-политические и экономические темы, а также те из его литературно-критических статей, в которых Ткачев ставит вопросы об интеллигенции, о «народе» и о господствующих классах и которые в виду этого представляют интерес не только с точки зрения истории литературы, но и в политическом отношении. Редактирует издание Б. П.

Козьмин. Ему же принадлежат вступительная статья и примечания. В последнем томе редактором дан общий обзор литературного наследства Ткачева и подробная библиография его произведений.

Помимо произведений, бывших уже в печати, в это издание вошли некоторые статьи, до сих пор в печати не появлявшиеся, воспроизводимые по сохранившимся рукописям или корректурным гранкам. В архиве III Отделения имеется ряд неопубликованных до сих пор статей Ткачева. Это, во-первых, рукописи, отобранные у Ткачева во время обыска, произведенного у него в 1866 г. после выстрела Каракозова, и во-вторых, статьи, написанные им в 1870 г. в Петропавловской крепости, где он в то время содержался в ожидании суда по процессу нечаевцев, по которому привлекался в качестве одного из обвиняемых. Статьи эти через коменданта крепости поступили на просмотр в III Отделение, где и были задержаны. Из этих статей в выходящее ныне собрание сочинений Ткачева вошли следующие: «Утопическое государство буржуазии» (об известном французском журналисте и публицисте Эмиле Жирардене), «Закон общественного самосохранения» (критика социологии Герберта Спенсера), «Наука в поэзии и поэзия в науке» (о книге Эдг. Кине «La création») и «Что такое партия прогресса» (по поводу «Исторических писем» П. Л. Лаврова). Кроме того в статье «Спасенные и спасающиеся» восстановлена по корректурным гранкам, сохранившимся в цензурном архиве, глава, вычеркнутая цензурой из этой статьи.

Вышедшее ныне собрание сочинений Ткачева впервые сделало доступными для широкого круга читателей его произведения, появившиеся за границей. Кроме статей из «Набата» в него вошли брошюры Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России» и «Открытое письмо Фридриху Энгельсу», впервые появляющееся в переводе на русский язык, а также корреспонденция Ткачева из Великих Лук (где он в 1872—1873 гг. находился в ссылке), напечатанная в № 2 журнала Лаврова «Вперед», и статьи из французской бланкистской газеты «Ni dieu, ni maître».

Отв. редактор *Л. Авербах* Зав. редакцией *И. Зильберштейн*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЗОРЫ

СООБЩЕНИЯ

ХРОНИКА

В НОМЕРЕ 122 ИЛЛЮСТРАЦИИ

Адрес редакции: Москва, 6, Страстной бульвар 11, тел. 3-91-48.

Обложка работы И. РЕРБЕРГА.
Технический редактор Г. БЕЛИНСКИЙ.
Корректировала Н. СКАЛОВА.
Уполномоч. Главлита В—57 041

Сдано в набор 22/I, подписано к печати 15/IV 1933 г.
Форм. бум. 72×110 1/16
Печ. знаков в печ. л. 65.000
Тираж 5.000 экз.

Журнально-газетное объединение Заказ тип. 1166 Отпечатано в 7-й типогр. Мособлполиграфа.